

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Ежегодник

2016/17

Институт российской истории РАН

Научный совет РАН по проблемам российской
и мировой экономической истории

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Центр экономической истории при Историческом факультете

Российское общество исследователей экономической истории

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Ежегодник

2016/17

Москва
2017

УДК 94(47)+94(470+571)
ББК 63.3(2)52; 63.3(2)6-2
Э 40

Редакционная коллегия:

*Л.И. Бородкин, Ю.А. Петров (ответственные редакторы), Н.М. Арсентьев,
С.А. Афонцев, А.А. Бессолицын, А.С. Грузинов (ответственный секретарь), В.Н. Захаров,
В.В. Кондрашин, С.К. Лебедев, П.В. Лизунов, А.М. Маркевич, М.Ю. Мухин,
С.А. Саломатина, А.К. Сорокин*

Э 40 Экономическая история: Ежегодник. 2016/17. — М.: Институт
российской истории РАН, 2017. — 448 с.

ISBN 978-5-8055-0329-1

В очередном выпуске Ежегодника публикуются результаты новейших исследований по экономической истории. История средневековой Руси представлена статьей по социально-экономической истории Среднего Поднепровья в середине — второй половине XIII в. Экономическая история Российской империи отражена в статьях о противостоянии дворянства и купечества в вопросе о производстве «хлебного» вина в XVIII в., об Уфимском отделении Волжско-Камского коммерческого банка в середине 1870-х гг., о международном рынке перестрахования в контексте экономической политики С.Ю. Витте, о французских текстильных предпринимателях в России во второй половине XIX — начале XX вв., о женщинах-предпринимателях Российской империи в 1890-е гг., о влиянии отраслевых съездов предпринимателей на повышение качества человеческого капитала в России на рубеже XIX—XX вв. Столетнему юбилею Великой российской революции посвящены статьи о динамике валовых показателей российской экономики в годы Первой мировой войны, а также о рисунках художника И.А. Владимиrowa на тему национализации частных банков. История советской экономики отображена в статьях об истории освоения и серийного производства первого советского реактивного истребителя И-250, об общих итогах развития советской экономики, а также в источниковедческом анализе научно-технической документации советского периода. Постсоветскому периоду посвящена статья об экономическом взаимодействии России и Украины. В рубрике «Экономическая мысль» публикуется исследование по аграрному вопросу и аграрной политике Н.Д. Кондратьева. Завершает издание сообщение об итогах первого года деятельности Российского общества исследователей экономической истории.

Сборник рассчитан на историков и экономистов, а также всех, кого интересует экономическая история.

ISBN 978-5-8055-0329-1

© Коллектив авторов, 2017

© Институт российской истории РАН, 2017

Предисловие

Очередной, 17-й выпуск Ежегодника «Экономическая история» традиционно посвящен широкой проблематике, охватывающей все периоды отечественной истории. Сборник открывается статьей А.В. Кузьмина о социально-экономическом положении Среднего Поднепровья в середине — второй половине XIII в., в период установления ордынского владычества на Руси. Автор выявляет падение транзитной торговли для экономической жизни населения региона, сокращение числа жителей, деградацию ремесел и усиление роли натурального обмена.

Экономической истории Российской империи посвящен ряд статей, затрагивающих период XVIII — начала XX вв. Ю.П. Голицын проследил противостояние дворянства и купечества в XVIII в. за право производства хлебного вина и поставки его в казну в связи с введением дворянской монополии на винокурение. М.И. Роднов показал становление банковской системы в пореформенной России на материале первого филиала крупного столичного банка на Южном Урале — Уфимского отделения Волжско-Камского коммерческого банка, через который осуществлялось основное финансирование экономики региона. Роль России в международном рынке перестрахования в контексте экономической политики С.Ю. Витте 1890-х гг. проследил Ю.А. Петров, на материале Общества русского перестрахования установивший, что создание этого общества в качестве противовеса зарубежным перестраховочным компаниям и сокращения оттока капиталов за рубеж инициировал сам Витте.

Малоизвестной теме истории французских шелковых фабрик в Москве и Московской губернии во второй половине XIX — начало XX в. посвятила свою статью О.Б. Мельниченко, что позволило уточнить наши представления о деятельности иностранных предпринимателей в Российской империи. Автором привлечены материалы не только российских, но и французских государственных и частных архивов. Г.Н. Ульяновой, продолжающей цикл своих работ по истории отечественного предпринимательства, изучены экономическая деятельность, социобиографические данные женщин-предпринимателей Российской империи в 1890-е гг. Автором сделан принципиально важный вывод о постепенном разрушении патриархальной гендерной бизнес-модели и все более активном участии женщин в семейном бизнесе. А.А. Бессолицыным прослежено влияние отраслевых съездов предпринимателей на формирование системы профессионального образования в контексте изучения проблемы качества человеческого капитала в России на рубеже XIX—XX вв.

К 100-летию Великой российской революции А.С. Грузинов рассмотрел вопрос, насколько послефевральский экономический коллапс 1917 г. был порожден общими тенденциями развития российской экономики в годы Первой мировой войны. С этой целью автор проанализировал фигурирующие в историографии подсчеты основных валовых показателей российской экономики в 1913—1917 гг. М.Г. Николаевым предпринята попытка установить датировку рисунков художника И.А. Владимирова, сделанных с натуры в период национализации частных банков после Октябрьской революции. Рисунки Владими-

рова являются важным визуальным источником по истории революционных событий 1917 г.

Дискуссионным вопросам становления и функционирования советской экономики посвятил свое исследование профессор университета г. Билефельд Штефан Мерль (Германия), известный специалист в области экономической истории России советского периода. Автором дана оригинальная интерпретация причин сравнительной успешности советской экономической системы на протяжении десятилетий и ее итогового крушения.

М.Ю. Мухин раскрыл историю создания первого советского реактивного истребителя И-250, что позволило лучше оценить трудные условия освоения новой военной техники в СССР в период «холодной войны» второй половины 1940-х гг.

Источниковедческий аспект истории советской экономики рассмотрен О.Н. Солдатовой по материалам Российского государственного архива в г. Самаре, автором привлечена редко используемая в историографии научно-техническая документация.

В еще одной статье М.Ю. Мухина проанализированы основные формы экономического сотрудничества Российской Федерации и Украины в постсоветский период 1991—2008 гг. Автором рассмотрены такие базовые аспекты внешнеэкономических отношений двух стран, как тарифная политика, производственная кооперация, бизнес-инвестиции, «газовый спор». Статья продолжает исследование темы, начатое автором в опубликованном в предыдущем выпуске Ежегодника материале о российско-украинской торговле в постсоветский период.

Истории экономической мысли посвящена статья И.А. Кузнецова об эволюции экономических представлений Н.Д. Кондратьева. Автором намечен основной тренд этой эволюции от народнической аграрной утопии к рациональной экономической теории и либеральной программе экономической политики. В статье поставлен вопрос о возможностях реализации рыночной экспортно-ориентированной аграрной политики в условиях НЭПа как альтернативы сталинской коллективизации.

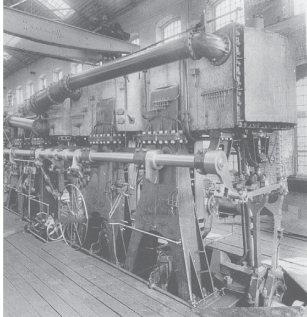
Завершает сборник подготовленный В.Н. Захаровым информационный материал о созданном в 2016 г. Российском обществе исследователей экономической истории (РОИЭИ), некоммерческой общественной организации, объединяющей исследователей экономической истории нашей страны.

* * *

В декабре 2017 г. ушел из жизни выдающийся российский ученый Авенир Павлович Корелин. От имени редколлегии издания присоединяемся к соболезнованиям по случаю этой невосполнимой утраты. Благодарную память об Авенире Павловиче, высоком профессионале-исследователе и замечательном человеке, сохранят его коллеги по цеху экономической истории России.

Ю.А. Петров, Л.И. Бородкин, А.С. Грузинов

Экономика Средневековой Руси

Кузьмин А.В.

Социально-экономическая история Среднего Поднепровья (1240—1299)*

Аннотация: Исследование посвящено социально-экономической истории Среднего Поднепровья (преимущественно его Правобережью) в 1240—1299 гг. В середине — второй половине XIII в. в период установления ордынского ига материальное положение его жителей в сравнении с другими регионами Южной Руси оказалось наименее выгодным. Вакуум политической власти, возникший из-за отсутствия в Киеве постоянных представителей княжеской власти и редко проживавшего здесь митрополита, негативно повлияли на экономику города и подчиненных ему волостей, на рынок товаров и услуг. Все это проходило на фоне общего кризиса в управлении сельским хозяйством, охватившего в XIII в. многие страны Европы. Этот кризис с Русью, несомненно, имел общие черты, а монгольское нашествие 1237—1242 гг. лишь усилило его. По указанным выше причинам падение значения транзитной торговли в экономической жизни населения Среднего Поднепровья, сокращение числа его жителей (особенно в городах), деградация ремесел и усиление роли натурального обмена отрицательно повлияло на развитие внутреннего рынка этого региона Руси.

Ключевые слова: Среднее Поднепровье, Южная Русь, Киевское княжество, Орда, ордынский ига, изменение торговых путей, работорговля, натуральный обмен, кризис ремесла, земледелие, хлеботорговля, металлургия, кузнечное дело.

Среднее Поднепровье («Русь», «Русская земля»), наряду с Новгородской землей, было одним из двух древнейших центров образования единого Древнерусского государства. Среднее Поднепровье занимало 25% площади средневековой Руси и включало в свой состав обширные по размерам и плотности населения территории. Прежде всего, речь может идти о Киевском, Переяславском и Черниговском княжествах¹. На их территории существовали уже постоянно сложившиеся или временные политические образования. В конце XI — начале XIII в. часть из них в силу своего поступательного политического и социально-экономического развития (главным образом, в городах и крупных открытых сельских специализированных поселениях) активно или изредка претендовала на более высокий статус. Антропологическое изучение населения этого времени, захороненного в многочисленных некрополях Витачева, Киева, Любеча, Переяславля Русского и Чернигова «свидетельствует про морфологічну близькість міського та сільського населення Середньої Наддніпрянщини. Пені відмінності між ними виявляються лише за двома ознаками: міські жителі більш високорослі, круглоголові та широколиці, ніж сільські»².

Региональную особенность Среднего Поднепровья в период окончательно сформировавшейся политической раздробленности средневековой Руси хорошо осознавали современники. Так, например, ал-Идриси, суммируя собствен-

* Кузьмин Андрей Валентинович — кандидат исторических наук, доцент Государственного академического университета гуманитарных наук (г. Москва). Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ за 2015—2016 гг. в рамках проведения научных исследований «"Свой" и "чужие": феномен пограничья в средние века и раннее новое время в Восточной Европе как фактор формирования социо- и этнокультурной идентичности населения регионов», проект № 15—21—01003 а(м).

ные впечатления и наблюдения с описаниями страны своих арабских путешественников, совершенно сознательно «по отдельности описывает города Юго-Западной Руси, города Поднепровья, город Новгород, северные русские земли...»³.

В середине XIII—XV вв. социально-экономические и тесно связанные с ними политические аспекты исторической судьбы Среднего Поднепровья и мобильность его населения, в связи с последствиями монгольского нашествия и наступившего вслед за ним ордынского ига, несомненно, заслуживают отдельного монографического исследования. В современной историографии до сих пор отсутствуют попытки комплексного сравнительно-исторического и экономического изучения отдельных регионов Среднего Поднепровья и его связи с другими областями Руси в период ордынского ига. В значительной степени это связано с недостатком сохранившихся письменных источников. Их отрывочные данные позволяли в решении отдельных проблем исследователям XIX—XX вв. иногда приходиться к совершенно противоположным выводам. Кроме того, долгое время оставались неизученными и памятники материальной культуры: «По субъективным и объективным причинам до рубежа 60—70-х годов этому времени не уделялось должного внимания. С политической точки зрения (на Украине) эта эпоха, связанная с национальным вопросом, была просто опасной, с научной — невыгодной. Материал не разработан, требует больших затрат времени, а появление эффективных или крупных памятников, как в Киевской Руси, под большим вопросом. Все это в комплексе препятствовало развертыванию археологических исследований памятников данного периода»⁴. Социально-экономическое положение Среднего Поднепровья в середине — второй половине XIII в. также не было предметом отдельного исследования. Решение этой задачи является целью настоящей работы.

Военный разгром и опустошение городов и земель Среднего Поднепровья войсками Монгольской империи в 1239—1240 гг. стали важнейшими факторами, которые привели этот регион Руси, наряду с другими пострадавшими от действий захватчиков, к сильному политическому, социально-экономическому, культурному и духовному кризису. Констатация этого факта давно стала общим местом в историографии⁵. «Все имеющиеся исторические источники, — как заметил известный археолог В.О. Довженок, — единодушны в том отношении, что Среднее Поднепровье пострадало от татарского нашествия очень сильно, может быть, в большей мере, чем другие области Руси. Летописи рассказывают об уничтожении татарами многих городов Поднепровья. Страшные руины наблюдал Плано Карпини, посетивший Поднепровье через шесть лет после татарского нашествия в 1246 г. И нет основания подозревать его в том, что он сгустил краски. Слои пожарищ составляют обычную картину погрома и разрушения, которую вскрывают археологи при раскопках Киева и многих других древнерусских городов Среднего Поднепровья»⁶. По предварительным наблюдениям А.В. Кузы, «Особенно тяжелой была участь городов Среднего Поднепровья — экономически наиболее развитой области Древней Руси. Здесь погибло шесть и пришло затем в упадок и запустение еще пять городов. Но не выдержали последствий вражеского нашествия в первую очередь экономически самые слабые, малонаселенные города — центры небольших волостей»⁷.

Кризис в производстве, товарообмене, потреблении и культуре и негативные демографические процессы были настолько серьезными, что деградация постепенно охватила почти все сферы деятельности населения городов, волостей, сел и погостов в Среднем Поднепровье. В течение нескольких лет после монгольского нашествия и наступления эпохи ордынского ига число больших и малых населенных пунктов, их жилых, ремесленных и хозяйственных построек здесь резко сокращается. Эти следствия военного разгрома городов и волостей Среднего Поднепровья нарушили не только привычный ход развития соседних с ним регионов Руси, но и даже тех из ее земель, которые напрямую не пострадали от Батыева нашествия. Они также повлияли на аналогичные процессы и международные экономические контакты соседних с Русью стран (например, Польши⁸).

Наряду с удобными для проживания кочевников природно-климатическими условиями в южных районах Среднего Поднепровья, эти негативные процессы стали основными причинами, из-за которых пережившее монгольское нашествие население ведущего региона Руси в области материального производства и духовной культуры было сравнительно быстро подчинено власти Джучидов из Монгольской империи.

Еще одной причиной падения социально-экономического значения Среднего Поднепровья (и Киева в частности) стало явное пренебрежение интересами его выжившего населения со стороны наиболее видных и могущественных представителей правившей на Руси династии. Мотивация для такого поведения Рюриковичей, носивших гордый титул великих князей, конечно, была разной. Так, например, во второй половине 1240 г. бывший киевский великий князь Михаил Всеволодович, вернувшись из Польши в Южную Русь, сначала согласился, но затем отказался от помощи великого князя Даниила Романовича. Верховный правитель Галицко-Волынской земли и его младший брат князь Василько Романович «обеща емоу Киевъ, Михаилови, а сынови его Ростиславоу вдасть Лоуческъ». Однако Михаил Всеволодович откровенно побоялся идти в Киев «за страхъ Татарьскыи», очевидно, уже зная о новом приближении к Среднему Поднепровью войск кочевников под командованием монгольского царевича Батыева († 1256)⁹.

1. Формирование фискальной администрации и проведение ордынцами первого «числа»

После завоевания главных политических и социально-экономических центров Среднего Поднепровья (1238—1240) и накануне похода на Юго-Западную Русь Батый оставил в Киеве (он пал 6 декабря 1240 г.¹⁰) своего наместника. Согласно версии Никоновской летописи (свод 20-х — начала 30-х гг. XVI в.) монгольский царевич «посади въ граде Киеве воеводу своего, а сам иде къ Володимерю въ Волынь»¹¹. Описываемые источником действия захватчиков понятны. Вряд ли после одержанной победы монголы могли оставить без присмотра город, который до произошедших трагических событий, по словам Адама Бременского, был «жемчужиной христианского Востока и соперником Константи-

нополя»¹². Для сравнения заметим, что лишь в XIV—XV вв. города Солунь и Мистра стали успешно конкурировать с экономической и политической метрополией столицы Византийской империи¹³.

Стремление монголов сразу же взять под свой непосредственный контроль бывший ведущий экономический и духовный центр покоренной ими страны было типичной чертой в стратегии Чингизидов. Именно так они стремились поступать и при завоевании других наиболее крупных и важных столиц покоренных государств, а также самых больших городов Евразии¹⁴.

Указанный выше вывод косвенно подтверждает Житие святого и благоверного великого князя Михаила Всеволодовича в составе Краткой редакции древнерусского Пролога. Именно оно стало одним из источников Новгородской I летописи младшего извода. Согласно версии этих источников, монголы еще до возвращения бывшего правителя Киева на Русь (т.е. до 1243 г.) население основной части Южной Руси (по-видимому, Среднего Поднепровья (в узком смысле), Поросья, Подесенья, Посемья и Посулья?) уже успели пересчитать и обложить данью¹⁵.

В начале 40-х гг. XIII в. для успешного проведения первого «числа» населения в Среднем Поднепровье и контроля над ним монголам был необходим свой административный и надзорный аппарат (позднее он развился в институт баскачества). Он позволял захватчикам контролировать все социальные страты и экономически активные группы населения покоренной ими страны и оценивать лояльность этого населения по отношению к властям Джучиева улуса. На Руси память об этом событии была жива еще на рубеже XV—XVI вв. Так, например, о баскаках вспоминал в Житии Пафнутия Боровского Вассиан (Санин). Ростовский архиепископ отмечал, что его духовный наставник происходил из баскаческого рода. Предки Пафнутия действовали в той части Верхнего Поочья, которая первоначально подчинялась власти правителей Черниговской земли. В Житии Пафнутия подчеркивалось, что Батый, захватив Русь, «къ симъ же поставляет и властеля по вѣмъ градомъ, отъ безбожныхъ агарянь, ихже баскаки нарицаеть половецкимъ языкомъ»¹⁶. Таким образом, можно полагать, что новая система управления и сбора налогов с населения в различных частях Среднего Поднепровья была установлена почти сразу после его завоевания монголами.

Осенью 1240 г. оборону Киевского княжения против войск монгольских царевичей возглавлял опытный воевода и наместник Дмитр, назначенный сюда великим князем Даниилом Романовичем. Для захватчиков война с правителем Галицко-Волынской земли не закончилась после военных действий на территории его владений в 1240—1241 гг. Уже в 1242 г. при возвращении монгольских войск из Болгарского и Венгерского Подунавья Батый для выполнения специального задания выделил отдельный отряд. Во главе его царевич поставил «Манъмана и Балаа». В Юго-Западной Руси в поисках великого князя Даниила Романовича эта изгонная рать внезапно появилась и вновь повоевала галицко-волынские земли вплоть «до Володавы, и по озерамъ много зла створше». Бывший правитель Киева, по-видимому, заранее пытался готовиться к новому вторжению завоевателей, не сумевших установить административный контроль над его землями в момент разорения городов и земель Юго-Западной Руси зимой 1240/41 г. Весть о возвращении сюда захватчиков

в последний момент великому князю Даниилу Романовичу успел сообщить служивший ему половец Актай. Оставив («затворивъ») отряд обороняться от кочевников в новопостроенном городе Холме, вместе со своим кандидатом на Киевскую митрополию Кириллом, правитель Галицко-Волынской земли бежал на соединение с владимиро-волыньским князем Васильком Романовичем. Никаких открытых полевых сражений против изгонной рати Манмана и Балаа братья так и не предприняли. По крайней мере, летописец Романовичей ничего об этом так и не написал¹⁷. Гарнизоны подчиненных этим русским князьям крепостей ограничились их пассивной защитой. В случае с городом Холмом она оказалась оправданной.

Итак, в 1242 г. один из таких сильнейших в военно-политическом и экономическом отношении правителей Юго-Западной Руси, как великий князь Даниил Романович, после серьезного разгрома своих владений в предшествующие годы, повторно оказался неспособным полностью защитить даже свои домениальные владения от одного, хотя и крупного монгольского отряда. Поэтому вполне понятно, что в этот момент и ближайшие годы он не мог всерьез помышлять о реставрации своей власти в Киевском княжении. Учитывая неудачный опыт борьбы с захватчиками рязанских, владимиро-суздальских и черниговских князей, а также страх перед ними, великий князь Даниил Романович старался избегать открытых полевых сражений против монгольских ратей. В связи с этим вряд ли случайной в 1243/44 г. представляется аналогичная 1241/42 г. запись его летописца о том, что «не быс(ть) ничто ж(е)»¹⁸.

О присутствии в эти годы монгольской администрации в Киеве — центре Среднего Поднепровья, возможно, косвенно указывает судьба клада бронзовой западноевропейской посуды XII—XIII вв. Она была найдена археологами в Киеве в районе «града Владимира» в 1998 г. Клад состоял из многочисленных фрагментов вещей. Сначала они были обнаружены одним или несколькими киевлянами при разборе завалов, образовавшихся после обрушения здания Десятинной церкви (начало декабря 1240 г.). «Клад состоял из водолея в форме петуха, чаши со схематически прочерченными изображениями ангелов и 376 разновеликих фрагментов большого сосуда на фигурных железных ножках. Все эти вещи были завернуты в стружку или лозу и поверх них положено два трубчатых замка, у одного из которых повреждено ушко. Во время засыпи в яму также случайно попали шаровидная стеклянная пуговица и скол прясла овруцкого шифера с прочерченным крестом». По мнению исследователей, «наличие замков, положенных поверх вещей, и обожженность ямы свидетельствуют, что при их сокрытии был выполнен обряд закрытия клада, при котором огонь должен был очистить место, а замки — “закрыть” клад и сделать его недоступным для случайного обнаружения»¹⁹.

Возможно, удачливыми поисковиками могли быть местные жители; только они могли догадываться или знать, что в Десятинной церкви во время осады Киева было спрятано много ценных предметов. По-видимому, эти собиратели и одновременно хранители клада могли быть ремесленниками и иметь какое-то отношение к металлургии (ювелиры?). Огромный размер сокрытого ими металла и языческий обряд свидетельствует о том, что его новые владельцы предполагали вернуться за найденными ими вещами в ближайшее время.

Однако их кто-то спугнул. Не исключено также, что этих кладоискателей могли забрать в неволю для работ в Орде или даже убить. В итоге этот клад металла остался нетронутым. После ухода в конце 1240 — начале 1241 г. основной части войск Батыея в поход на страны Восточной Европы спугнуть или взять в плен в Киеве людей производственных специальностей могли лишь представители монгольской администрации. Они охотились за оставшимися в живых ремесленниками, изделия которых были необходимы захватчикам для удовлетворения ими своих военных и хозяйственных потребностей.

Во владениях царевича Батыея действия по переписи подчиненного ему населения были предприняты в отношении не только Руси и ее южных земель, но и других подчиненных власти Орды стран. По наблюдениям А.Ю. Якубовского, в середине XIII в. Батый «создал аппарат для взимания разных феодальных повинностей и податей с земледельческого и кочевого населения, а также с ремесленников и купцов в городах Крыма, Булгара, Поволжья, Хорезма и Северного Кавказа»²⁰.

2. Установление ордынцами контроля над торговыми путями

Очевидно, уже в период завоевания южнорусских земель (1238—1242) может относиться появление на постоянной основе представителей монгольской администрации не только в Киеве, но и в других городах обеих частей Среднего Поднепровья. В 1245—1246 г. о функционировании военной стражи в Каневе, находившимся в 120 км от Киева, упоминал папский легат и францисканский монах Джованни Пано дель Карпини, а в ноябре 1246 г. в соседнем с ним Переяславле-Русском — Галицко-Волынская летопись²¹. В историографии неоднократно акцентировалось внимание на присутствие ордынцев в этих крупных по размерам для домонгольской Руси центрах княжений²². Находясь здесь, прежде в одних из самых важных торгово-ремесленных городах Среднего Поднепровья (и, кстати, одновременно епархиальных центрах), ордынцы получили возможность контролировать хорошо известные в Восточной Европе, Скандинавии и Малой Азии торговые пути. Из Среднего Поднепровья на юг через Половецкую степь они шли в Северное и Северо-Восточное Причерноморье²³. Так, например, начиная, по крайней мере, с середины 40-х гг. XIII в., монгольская стража в Каневе могла наблюдать за движением через брод по одной из древнейших торговых дорог на Руси — «Залозному пути». Он как раз пролегал рядом с этим городом²⁴.

Помимо «Залозного пути», через Канев также проходил старинный «Караванный шлях». Его ответвлением в сторону Юрьева (совр. г. Белая Церковь на Украине) являлся «Чумацкий шлях»²⁵. Передвигаясь по этой дороге, гости и купцы, минувя Поросье, могли выйти к границам Болоховской земли. Через нее, двигаясь далее известными путями на запад, они могли попасть в Галицкую или Волынскую земли, а оттуда — в страны Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы.

Связь между монгольской стражей, расположенной в Каневе и Переяславле Русском, могла осуществляться через стратегически важную переправу

на р. Днепр, находившуюся напротив устья р. Трубеж (левый приток р. Днепр). В XI—XIII вв. здесь на густозаселенном правом берегу р. Днепр существовали город Заруб и Зарубский Пречистенский монастырь (урочище Церковище). Военный гарнизон Заруба контролировал важные подходы к броду на реке²⁶. Осенью 1240 г. он навсегда утратил эти функции, а укрепления города были уничтожены.

На первом этапе одной из главных задач представителей власти Чингизидов в Среднем и Нижнем Поднепровье стало создание здесь не только эффективной административной структуры на местах, но и почтовой службы. В кратчайшие сроки это позволило провести набор воинов в Южной Руси, а также у ранее зависимых от Рюриковичей бродников и кочевников («своих поганых»). Они пополнили войска монголов для похода против стран Западной Европы²⁷. Подчинив половцев, Чингизиды установили контроль над их кочевьями и важнейшими сухопутными дорогами на юге Руси.

В южнорусских степях монголы также организовали ямскую службу и места перевозов через реки. Это помогло Батю, другим царевичам и нойонам, предводителям похода 1240—1242 гг., поддерживать связь между двигавшимися на страны Западной Европы войсками Монгольской империи и метрополией²⁸. Исследователи давно заметили, что «при сравнении описаний Юлиана и Рубрука видно, что после монгольского завоевания условия проезда через Крым и южные степи в Центральную Азию и на Дальний Восток изменились к лучшему»²⁹. Однако эта среда, благоприятная для торговли и социальной мобильности служилого населения, имела и другую сторону. Ее коварство сказалось позднее. — В конце 1340-х гг. по созданным монголами транзитным путям из Крыма в страны Западной и Южной Европы, Скандинавии и Исландии была завезена чёрная смерть — бубонная (лёгочная) чума³⁰.

3. Сокращение населения Киева и Киевщины

После возвращения в 1242/43 г. из похода против правителей стран Восточной и Центральной Европы Батый обосновался в Среднем и Нижнем Поволжье. В свою ставку по одиночке или группами правитель Орды стал вызывать русских князей. Уже в 1243 г., т.е. практически сразу после заключения в конце 1242 г. в Венгрии союза между королем Белой IV Арпадом и князем Ростиславом Михайловичем, Батый вызвал в Орду владимирского великого князя. Несомненно, царевич уже был в курсе того, что Ярослав (Феодор) Всеволодович оставался политическим противником великого князя Михаила Всеволодовича³¹. Личная вражда между этими правителями Руси не прервалась даже из-за тяжелых последствий монгольского нашествия. Поэтому не удивительно, что именно владимирский великий князь Ярослав Всеволодович получил в Орде ярлык на Киевское великое княжение — подтверждение своих прерванных нашествием прав на верховную власть в Среднем Поднепровье и желанных претензий на общерусское лидерство. По этому поводу летописец заметил: «Батый же почти Ярослава великого чествоу и мужи его, и отпусти и рече ему: Ярославе буди ты старей всемъ княземъ в Русскомъ языке»³². Отмечая политические основания для передачи ярлыка на Киевское княжение в руки вели-

кого князя Ярослава Всеволодовича, нельзя забывать, что на этот шаг Батыея также подталкивало желание «утвердить своей инвеститурой ту иерархию, которая установилась до него между русскими князьями»³³.

Учитывая плачевное материальное и экономическое состояние городов и волостей Среднего Поднепровья после их разгрома монголами (в 1238—1241 гг.), великий князь Ярослав Всеволодович не стал возвращаться в Киев. Подобно великому князю Даниилу Галицкому (в 1240 г.), он назначил наместником в город боярина, а не одного из своих младших братьев или сыновей. Наместником великого князя Ярослава Всеволодовича в Киеве стал Дмитрий Ейкович (1243—1246)³⁴. После этого назначения круг полномочий представителей ордынской администрации в Киеве мог быть несколько сужен. В начале 1246 г. находившийся в городе Плано Карпини, обратил внимание на то, что во время наместничества Дмитрия Ейковича здесь уже не было ордынцев, а главное — действовала децимальная система. Большую роль в Киеве, где сохранилось не менее 200 дворов, вновь играл тысяцкий. Подчиненные ему сотник (например, Монгрот) и «его товарищи» (десятские?) имели прямые контакты с темником Куремсой, чьи кочевки в это время еще располагались на левобережье Днепра. Кроме того, люди, служившие киевскому и владимирскому великому князю Ярославу Всеволодовичу, ездили в ставку верховного правителя Джучиева улуса, к царевичу Батью. Он обосновался на Нижней Волге³⁵. По-видимому, основной круг вопросов между ордынцами и людьми великого князя Ярослава Всеволодовича касались сбора «поминков» (деньгами и мехами) и исполнения других видов налогов и повинностей в пользу глав Орды и Монгольской империи. Все названные в 1246—1247 гг. лица из администрации Киева, как подчеркивает Плано Карпини, служили великому князю Ярославу Всеволодовичу³⁶. Предположение А.В. Поппэ о том, что в 1246—1249 гг., «вероятно», Киевским княжением владел великий князь Даниил Галицкий³⁷, не находит подтверждения в источниках.

В поздних ордынских ярлыках правителям Великого княжества Литовского (*далее* — ВКЛ) на Киевскую землю получили отражение местные объекты налогообложения. Они восходят к традициям середины — второй половины XIII в., когда правители Южной Руси начали выплачивать ордынский «выход». Согласно ярлыку крымского хана Менгли Гирея I, датированному 2 июля 1507 г., польский король Сигизмунд I Старый по примеру литовского великого князя Витовта Кейстутовича и польского короля Казимира IV (Андрея) Ягеллончика получал среди прочих земель Руси «Кіевьскую тму, со вьсими входы и данми, и з землями и з водами»³⁸.

Благодаря указанным выше сведениям Плано Карпини, можно сделать вывод, что в период 1243—1246 гг. оставшееся в живых население Среднего Поднепровья было связано данническими обязательствами с помощью лиц, представлявшими на местах и в Орде власть великого князя Ярослава Всеволодовича. Они касались не только русской, но и ордынской стороны. Ведь часть собранных в пользу захватчиков налогов отправлялась из Поволжья в Монголию в казну императора Гуюка и его родственников³⁹.

Оставшееся после Батыева нашествия и увода в рабство население правобережного Среднего Поднепровья, конечно, не имело политической воли и материальных ресурсов, чтобы восстановить в прежних размерах такой огром-

ный для эпохи Средневековья город как Киев. В настоящее время выяснено, что общая площадь бывшей столицы Руси в домонгольское время достигала значительных размеров. По подсчетам П.П. Толочко «Верхний Київ займав площу близько 80 га, Поділ — 180 га, Копирів кінець — 40 га, гори Киселівка, Шекавиця, Лиса — 30 га, окольні райони — 30—50 га. Вся площа стародавнього Києва в часи максимального розквіту міста дорівнювала близько 360—380 га»⁴⁰. Г.Н. Логвин приводил несколько иные данные о размерах столицы Руси. По мнению исследователя, речь может идти о территории города площадью в около 400 га («Верхний Киев — 60 га, Подол с Копыревым концом — 100 га, Печерск — около 240 га»)⁴¹. В любом случае для середины XIII в. это был один из самых крупных мегаполисов средневековой Европы.

Достаточно отметить, что во второй четверти XI в., опираясь на людскую и экономическую мощь нескольких областей Руси, великий князь Ярослав (Георгий) Владимирович только для создания новых укреплений Киева привлек большие ресурсы. Благодаря самоотверженной работе большого числа людей было собрано и насыпано «около 650 тыс. кубометров земли, а для устройства деревянных дубовых клетей необходимо было израсходовать свыше 50 тыс. кубометров древесины»⁴². Для этой работы «необходимо было мобилизовать более 1100 рабочих на срок не менее четырех лет»⁴³. При этом стоит учитывать, что при строительстве любого города и его укреплений «нужно было произвести огромные извозные, плотницкие, земляные и другие работы»⁴⁴.

В середине XIII в. гипотетическим строителям новых стен и башен Киева такую значительную передышку во времени ордынцы, запрещавшие долгое время восстанавливать укрепления столичных центров на юге Руси, вряд ли бы предоставили. Даже в случае их полного восстановления оставшимся в живых после событий 1240 г. немногочисленным горожанам и жителям окрестных селений физически было не под силу оборонять при нападении ордынцев укрепления Киева, длина которых ранее составляла 3,5 км. Скромные людские и материальные возможности и здравый рационализм требовал от властей города совсем иного подхода в выборе его дальнейшей судьбы.

При этом не следует забывать и о других важных городах Среднего Поднепровья. Население этого региона Руси, включая жителей других его городов и сельских округ, также нуждалось в защите. До середины XIII в. число городов одной лишь Киевщины достигало почти 80⁴⁵. Восстановить здесь все разгромленные монголами укрепления из-за резкого сокращения численности населения не представлялось возможным. По наблюдениям археолога П.А. Раппопорта, «на территории Среднего Поднепровья после монгольского вторжения строительство оборонительных сооружений надолго прекратилось»⁴⁶.

Аналогичным образом в первые годы после нашествия развивалась ситуация и в соседних регионах Руси, пострадавших от воинов Чингизидов. Так, например, в 1246 г. в Галицкой земле (после ее разорения в декабре (?) 1240 г.) не были восстановлены укрепления столичного Галича и ряда его пригородов. Их жители «быс(ть) в печали велицѣ», так как великий князь Даниил Романович «не оутвердилъ бѣ землѣ, еѣ города»⁴⁷.

Исследования археологов в пределах Киева показывают, что после трагедии 1240 г. далеко не всегда тела его погибших защитников и жителей были собраны

и погребены в братских могилах. Останки киевлян всех возрастов часто встречаются в местах, где их застала смерть. Причем это касается даже тех случаев, когда речь идет о культовых постройках (например, Десятинной церкви)⁴⁸. По-видимому, сил и средств местной власти, населения Киева и его окрестностей не хватало, чтобы следовать необходимым санитарным нормам. По христианскому обряду они смогли похоронить лишь часть павших в 1240 г. защитников города. В середине — второй половине XIII в. территории некоторых ранее традиционных киевских кладбищ были заброшены⁴⁹. Это свидетельствует не только о гибели и уводе в плен большого числа жителей города, но и об отсутствии заметного притока в Киев и его ближнюю сельскую округу нового населения.

Сложившаяся ситуация в Среднем Поднепровье и в Киеве в частности резко отличается от той, которая была в Северо-Восточной Руси. Здесь в 1238 г. владимирский великий князь Ярослав Всеволодович, «обнови землю Суздальскую и церкви очистив от трупия мертвых и кости их съхранив и пришелци утеши и люди многи събра»⁵⁰. Яркой иллюстрацией таких действий властей являются целенаправленные захоронения в конце весны 1238 г. в Ярославле⁵¹.

В первые месяцы 1238 г. аналогичные меры по сбору тел павших в Рязани (совр. с. Старая Рязань) от рук захватчиков и их захоронению по православному обряду⁵², по-видимому, предпринял и князь Олег Ингваревич⁵³. Осенью 1239 г. после ухода монгольской рати царевича Менгу в степь в центральной части детинца Путивля оставшиеся в живых смогли выкопать братскую могилу для 23 погибших его жителей, среди которых были дети (как и в случае с Ярославлем)⁵⁴.

О событиях в Среднем Поднепровье в период его подчинения верховной власти новгородского, а с 1252 г. — и владимирского великого князя Александра Ярославича — почти ничего неизвестно. Это дало основание некоторым исследователям прийти к совершенно противоположным выводам. Так, например, И.Б. Греков безосновательно утверждал, что «параллельно с владимирским столом некоторое время в середине XIII в. функционировал и киевский великокняжеский стол»⁵⁵. На самом деле, оба этих стола находились в руках одного правителя и его преемника. Они преимущественно проживали во Владимире на р. Клязьме и с 1243 г. не посещали ни Киев, ни Среднее Поднепровье. Таким образом, в политическом пространстве Руси конца второй — третьей четверти XIII в., в отличие от предыдущей эпохи, функционирование киевского стола для его обладателя скорее имело символическое значение, чем мощное материальное подспорье.

В середине — второй половине XIII в. сельское население и жители малых городов Среднего Поднепровья объективно не могли компенсировать демографические утраты столичного населения в 1240 г. Во-первых, в 1239—1241 гг. данные группы населения, как и в Киеве, также сильно пострадали из-за военных действий и долгого пребывания на Руси войск захватчиков. Во-вторых, в это беспокойное и опасное время наблюдается стремительный уход земледельцев и ремесленников из степных и лесостепных районов правобережного Поднепровья на север поближе к лесам, расположенным в течении р. Тетерев (правый приток р. Днепр), а то и выше — к верховьям притоков Припяти и Днестра.

Впрочем, даже к северу от Киева чувствовалось неустойчивое положение, в котором с 1240 г. оказались жители Среднего Поднепровья. Наиболее красноречиво об этом свидетельствуют зарытые здесь в землю многочисленные клады⁵⁶. Так, например, один из них, состоявший из серебряных украшений XII—XIII вв. был найден в Чернобыле — городе, удаленном к северу от Киева на правобережье Припяти⁵⁷. Чернобыль был одним из административных центров «Киевской волости»⁵⁸. В нем развивалось княжеское дворцовое хозяйство. В 1193 г. в окрестностях города на ловах был торческий князь Ростислав (Михаил) Рюрикович († 1218), старший сын киевского великого князя Рюрика Ростиславича и зять владимирского великого князя Всеволода III Юрьевича Великое Гнездо⁵⁹.

В начале 60-х гг. XIII в. после разрыва Ордой своих вассальных отношений с Монгольской империей и крушения на Руси института откупщиков дани, в качестве которых нередко выступали крупные мусульманские купцы, полного восстановления Киева и других важных городов Среднего Поднепровья (и Южной Руси в целом) не произошло. Согласно источникам, перед и после военного разгрома в 1240—1241 гг., заметная часть жителей этого региона Руси бежала не только в соседние княжения и земли, но и уезжала далее в страны Восточной и Центральной Европы. Это движение отдельных групп и масс населения было отмечено современниками⁶⁰. По-видимому, маршрут этих беженцев (прежде всего, квалифицированных ремесленников, купцов и отчасти духовенства) совпадал с известным торговым путем из Восточной в Центральную Европу. Он шел через Киев/Чернигов — Краков — Прагу — города Рейнской области и Баварии (Аугсбург/Кёльн/Майнц/Регенсбург)⁶¹.

При этом письменные источники не имеют свидетельств о стабильном возвращении населения в Киев и Киевщину после событий 1240 г. Об этом процессе можно судить лишь на основании анализа остатков материальной культуры жителей Киева, Чернигова, Белгорода, Вышгорода, Канева, Овруча, Житомя, Любеча и других южнорусских городов Среднего Поднепровья и их сельских округ в середине — второй половине XIII в.

4. Работорговля в Киеве в 1246 г.

Экономическая жизнь в Киевской земле в период установления ордынского ига до сих пор не ясна. Исследователи часто вынуждены констатировать, что «социально-экономическую историю и право отдельных русских земель в XIII—XIV вв. приходится подчас изучать по единичным, случайно дошедшим до нас памятникам»⁶². В связи с этим важную роль в изучении этой проблемы приобретают отчеты иностранных послов, миссии которых посещали Монгольскую империю. С данной целью в середине XIII в. европейские дипломаты проезжали через земли и города Южной Руси. В какой-то степени эти источники компенсируют недостаток сведений о Среднем Поднепровье, имеющих в древнерусских летописях и поучениях епископа Серапиона Владимирского.

В своем отчете Джованни дель Плано Карпини упоминает, что в 1246 г. он застал в Киеве иностранных купцов Акры, Константинополя, Венеции, Генуи,

Пизы и других городов Южной и Восточной Европы. Причины их пребывания в бывшей столице Руси папский посол не раскрывает⁶³. Чаще всего исследователи неконкретно отмечают, что в этом случае иностранные купцы из крупных торговых центров Средиземноморья заезжают в Киев «разве только по старой памяти от времени до времени»⁶⁴. Они также полагают, что в Киев данных купцов привели некие торговые интересы⁶⁵. При этом исследователи обращают внимание на то, что в Константинополе, столице Латинской империи (1204—1261), базой итальянцев была Пера, а также то, что на Русь они попали через земли Орды⁶⁶.

Русско-итальянские экономические и культурные контакты имели свою предысторию (X—XII вв.)⁶⁷. По-видимому, первоначально маршрут итальянских купцов в Киев и Среднее Поднепровье проходил через Болгарию и Нижнее Подунавье. Косвенно он отражал один из потоков миграции в эти регионы Южной Европы населения из Италии. Так, например, известно, что еще в домонгольское время в Венгрии «переселенцы из итальянских земель часто задействовались в торговле и др.»⁶⁸. О функционировании этого маршрута в середине XIII в. также указывают, появившиеся в это время в Великом Тырново колонии купцов из Дубровника, Венеции, Генуи и ее союзницы в это время — Пизы⁶⁹. В Добрудже колонии купцов из Генуи «размещались в Вичине (совр. Исакаче), Килие (Ликостомо)»⁷⁰. В первой половине XIII в. итальянские купцы сменили русских гостей в Нижнем Подунавье, которые здесь доминировали до нашествия царевича Батыея⁷¹.

По-видимому, одной из военно-политических опор русских гостей в Нижнем Подунавье были бродники, укрепившиеся в этом регионе еще во второй половине XII в.⁷² В этом регионе русские гости продавали разнообразные товары⁷³, включая рабов⁷⁴. В XIV—XV вв. развитие Дунайского пути получило новый импульс благодаря созданию Молдавского воеводства. Его правители, заинтересованные в развитии торговли в своих городах, установили связи с генуэзскими колониями в Северном Причерноморье и стремились сделать этот маршрут более удобным и безопасным⁷⁵.

Учитывая катастрофические последствия разгрома захватчиками в 1238—1241 гг. торговых и ремесленных центров Среднего Поднепровья, можно полагать, что в 1246 г. европейских купцов, в условиях отсутствия здесь высококачественных изделий и предметов роскоши, сделанных руками местных мастеров, интересовали другие предметы быта и потребления. Ими предположительно могли стать различные злаки, пушнина, кожа, мед, шерсть, ткани, воск и соленая рыба. По крайней мере, в XIII—XV вв. именно такой перечень товаров вывозился генуэзскими купцами из портов Западного Кавказа, а также из запрещенной для них к посещению до начала XIII в. Матреги⁷⁶. В это время на рынках за русскими мехами охотились и купцы из Венеции⁷⁷.

В 1253—1255 гг. посол французского короля Людовика Святого ко двору правителя Монгольской империи Менгу фламандец Гильом де Рубрук отмечал, что в Солдайю (древнерусский «Сураж», совр. г. Судак) «пристают все купцы, как едущие из Турции и желающие направиться в северные страны, так и едущие обратно из России и северных стран и желающие переправиться в Турцию». На внешние рынки русские гости «привозят горностаев, белок

и другие драгоценные меха», а купцы с Востока «привозят ткани из хлопчатой бумаги, бумазю, шелковые материи и душистые коренья». В Крым русские привозили свои меха для продажи в крытых повозках, о чем хорошо знали европейские купцы из Константинополя⁷⁸.

В середине — второй половине XIII в. в Киеве, возможно, какое-то значение могли сохранить лишь отдельные купцы-прасолы. Однако объемы их продаж соли для удовлетворения внутреннего потребления в период установления ордынского ига должны были существенно снизиться из-за сокращения и оттока населения из Среднего Поднепровья, в том числе связанного с рыболовством. Традиционные для более раннего времени поездки киевских купцов за солью в галицкие города⁷⁹, скорее всего, были прерваны или сильно ограничены из-за частой литовской военной угрозы. По крайней мере, с 1240 г. Галицко-Волынская летопись о киевских гостях и купцах больше не сообщает. Свободным для купцов-прасолов из Киевщины оставался лишь старинный путь через степь в Северный Крым, но его контролировали заставы ордынцев. В 1253—1255 гг. Гильом де Рубрук отмечал, что от местных солончаков «Бату и Сартах получают большие доходы, так как со всей Руси ездят туда за солью и со всякой нагруженной повозки дают два куска хлопчатой бумаги, стоящих пол-иперпера»⁸⁰. Купцы-прасолы из Руси продолжали платить пошлину за вывоз соли из Крыма и в более позднее время.

Помимо скупки разнообразных мехов, в XIII—XV вв. в Причерноморье одной из важных статей дохода североитальянских купцов была работорговля. В Восточной Европе и на Балканах, начиная с XIII в., этим доходным делом часто занимались купцы из Венеции, Пизы и особенно — Генуи⁸¹. Именно они, спасая свою торговлю, в 1236 г. выступили сообща как союзники Латинской империи⁸².

Согласно договорам, заключенным с Византией в 1169 и 1192 гг., генуэзцы получили определенные торговые привилегии для торговли на Чёрном море. Однако Керченский пролив в Азовское море для них был еще закрыт⁸³. Из Восточной Европы и Кавказа итальянские дельцы поставляли рабов в Египет, Сирию и Палестину, а с конца XIII в. — и в Западную Европу⁸⁴. До XV в. рабовладение также продолжало играть ограниченную роль в экономике и производстве в Византии⁸⁵. Однако здесь на пути торговцев стояли определенные ограничения. Они не могли свободно продавать византийцам православных. Этот закон перестал действовать в период существования Латинской империи. Так, например, весной 1253 г. в Константинополе перед отплытием в Крым Гильом де Рубрук свободно «купил» себе отрока Николая⁸⁶. В экономически неустойчивой Палеологовской Византии работорговля сохранялась вплоть до падения Константинополя в 1453 г. Ей способствовали тесные связи Византии с Османским государством⁸⁷.

В любом случае для нас важно отметить, что купцов именно из таких итальянских городов, как Венеция, Генуя и Пиза, встретил в 1246 г. в Киеве Плано Карпини, о чем позднее он упомянул в своем отчете. Ясно, что ордынское иго не ухудшило деятельность экономически мобильных дельцов — торговцев излишками живого товара Орды.

В Северном Причерноморье развитый рынок рабов существовал задолго до прихода монгольских завоевателей. В его деятельность были вовлечены куп-

цы важнейших городов Восточной Европы, Малой и Средней Азии⁸⁸. Так, например, в первой четверти XIII в., согласно летописям Ибн ал-Асира и Бадр-ад-Дина ал-Айни, иностранные купцы покупали в Солдае (совр. г. Судак в Крыму) у половцев («кипчаков») девушек, невольников, «буртасские меха», меха бобров и белок, а также «другие предметы, находящиеся в земле их»⁸⁹. После установления власти Орды ее чиновники обложили данью работорговцев. В XIII—XV вв., помимо Солдаи, итальянские купцы для продажи рабов также использовали рынки других причерноморских городов. Речь идет о Каффе (Феодосии), Азаке (Тане), Себастополисе (Цхуме) и Копе (Локопе, Копарио)⁹⁰. Именно здесь торговцы рабами из Генуи получали наибольшую прибыль⁹¹. Она была настолько существенной, что позволяла купцам из этой итальянской республики привлекать для продажи рабов, происходивших из близлежащих регионов Орды, Руси и Кавказа. Кроме них, генуэзцы продавали живой товар из стран Дальнего Востока (прежде всего, Монголии и Китая) и Индии⁹².

Существовавшие рынки славянских рабов в Боснии и Далмации (с центрами в Дубровнике и Дриене) конкурировать по объемам продаж с рабовладельческими рынками Северного Причерноморья не могли. Конкуренцию между рабовладельческими рынками Балкан и Северного Причерноморья ограничивали два важных фактора: во-первых, живой товар, реализуемый в Крыму, на Кавказе и в Орде, был дешевле; во-вторых, демографические возможности Боснии и Далмации в сравнении со странами Кавказа и Восточной Европы были более скромными; а, в-третьих, с 40-х гг. XIV в. сербские короли стали запрещать Дубровнику принимать на продажу рабов из собственных владений⁹³. Поэтому объективно балканские рынки не могли соперничать с людскими ресурсами, которые контролировали и мобильность которого существенно изменили правители южных улусов Орды.

По наблюдениям некоторых исследователей: «Сведения о контактах итальянского купечества с Северным Причерноморьем в документах первой половины XIII в. единичны. Это не позволяет говорить о наличии значительных торговых интересов у итальянцев на северо-западном берегу Черного моря до середины XIII в.

Лишь после 1261 г., когда Генуэзская республика согласно договору с Византией получила монопольное право на торговлю в бассейне Черного моря, у итальянских купцов начинают формироваться устойчивые торговые интересы в Северо-Западном Причерноморье, так что к концу XIII в. можно уже видеть определенные результаты их предпринимательской деятельности в этом районе»⁹⁴. Вслед за факториями и колониями купцов в этом регионе Восточной Европы при активной поддержке папства возникают миссии доминиканцев⁹⁵. Кроме того, развитию международной торговли в Черноморском регионе способствовало образование государства Ильханов в Иране и Азербайджане, дружба с которыми открыла купцам Трапезунда и североитальянских городов доступ к товарам из Индии и Китая⁹⁶.

Итак, появление в 1246 г. в Киеве группы европейских купцов, специализировавшихся на международной работорговле, по-видимому, было вызвано какой-то особой ситуацией, сложившейся в Среднем Поднепровье. На это косвенно указывал и сам Плано Карпини. Папский посол отмечал, что к мо-

менту его приезда в Киев, присланный «из партии Куйюк-хана и Бату», «сарацин» уже пересчитал население Южной Руси. Этот чиновник в ранге наместника (баскака) «у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного, как нам говорили впоследствии; вместе с тем он уводил всех мужчин, не имевших жен, и точно так же поступал с женщинами, не имевшими законных мужей, а равным образом выселял он и бедных, которые снискивали себе пропитание нищенством». При этом «сарацин», «согласно своему обычаю, пересчитал, приказывая, чтобы каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец, или бедный, или богатый, платил такую дань, именно чтобы он давал одну шкуру белого медведя, одного черного бобра, одного черного соболя, одну черную шкуру некоего животного, имеющего пристанище в той земле... “дохорь”, и одну черную лисью шкуру. И всякий, кто не даст этого, должен быть отведен к татарам и обращен в их раба»⁹⁷.

По мнению А.Н. Насонова, в этом «сарацине» следует видеть мусульманского купца⁹⁸. Оказавшиеся в 1246 г. в Киеве купцы из далекой Северной Италии также не были новичками в международной торговле. Местный рынок города был давно изучен как купцами Европы, так и христианского и мусульманского Востока. Несомненно, эти дельцы живым товаром хорошо знали, что ранее Южная Русь славилась в Восточной Европе как один из важных центров продажи и транзита рабов⁹⁹. Тем же промыслом в XIII в. нередко занимались правители Трапезундской империи, анатолийских султанатов¹⁰⁰ и великие князья Литвы¹⁰¹. Последние нередко при этом перекупали пленных у эстонских пиратов¹⁰². Все эти лица, обладавшие верховной властью на местах, насильственным путем принуждали к увеличению социальной мобильности различных групп зависимого и покоренного населения, усиливая его текучесть на пространствах Восточной Европы.

В связи со сведениями Плано Карпини не исключено, что одним из товаров, заинтересовавшим купцов, могла стать та часть населения Южной Руси, которая не смогла рассчитаться за ордынский «выход». На наш взгляд, только эта причина может объяснить появление многочисленных итальянских купцов в разоренном Киеве в 1246 г.

Основываясь на этих данных Плано Карпини, также можно сделать вывод, что в первые годы ордынского ига в ряде земель Южной Руси была, или, по крайней мере, преобладала форма сбора дани, прежде всего, с неземледельческих промыслов. Подобная налоговая политика монгольских завоевателей вполне объяснима. Такая система сбора дани с покоренного населения ими была отработана еще в Центральной Азии во время завоевания своих ближайших соседей, среди которых, за исключением многочисленных китайцев, почти не было земледельцев.

В связи с событиями 1246 г. стоит отметить, что продажа ордынцами в рабство за долги части населения Среднего Поднепровья вполне соответствовала нормам Пространной редакции Русской Правды¹⁰³. В середине XII в. на распространение этой практики на Руси указывал арабский путешественник Абу Хамид ал Гарнати ал-Андалуси¹⁰⁴. Согласно статьям Пространной редакции Русской Правды, за нарушение сроков возврата долга накладывался штраф на имущество нарушителя.

По наблюдениям ал-Гарнати: «В случае, если он ничего не имеет, то продают его сына, дочь или жену (взамен) за это преступление. Если он никакой семьи или детей не имеет, то продают его самого. Он не перестает служить тому, у кого он остается до самой смерти или пока не выплатит сумму, за которую он продан. Ни в коем случае не засчитывается в его стоимость то, что он сделал за время службы у своего господина... Если мусульманин с кем-нибудь из них имеет дело и славянин обанкротится [задолжает ему], то он продает своих детей или дом и купец получит свой долг»¹⁰⁵.

В 1246 г. целенаправленные действия «сарацина» по выводу населения отражали не только экономическое, но и политическое угнетение княжений Южной Руси. В этом были заинтересованы власти Монголии. Действия чиновников императора Гуюка уменьшали объем людских ресурсов как Руси, так и фактически улуса Джучи, во главе которого стоял царевич Батый, давний политический противник правителя Каракорума. Нельзя не учитывать тот факт, что «в кочевом государстве, улусе, люди в известном смысле были значимее территории, и поэтому вывод, уход, гибель людей означали развал, гибель улуса»¹⁰⁶. Это также хорошо понимали русские князья. В домонгольское время они сами нередко практиковали подобные акции, выводя из захваченных ими городов и окрестных земель большие группы людей. Поэтому неудивительно, что в третьей четверти XIII в. правители улуса Джучи (прежде всего, царевич Берке), в состав которого входила Русь, взяли курс на независимость от правителей Каракорума (сначала от монгольского хана Гуюка, а затем и его преемника Менгу). В данном случае сепаратистские устремления правителей Джучиева улуса и Руси по отношению к властям Монгольской империи, несомненно, совпадали.

Со временем процесс политического обособления улуса Джучи (Орды) от Монгольской империи привел к положительным изменениям. Социально-экономический гнет населения древнерусских земель был несколько ослаблен, а политический статус их правителей, возможно, несколько вырос. Однако, таким образом, ситуация сложилась далеко не во всех странах, завоеванных монголами. Так, например, в 1256 г. переход Грузинского царства из-под контроля монгольских ханов под власть персидских Ильханов, наоборот, привел к тому, что «ее положение еще более ухудшилось»¹⁰⁷.

5. Упадок денежного обращения и развитие натурального обмена

В связи с утверждением ордынского ига на Руси в большинстве ее земель в 1242—1243 гг. и возникновением в середине — второй половине 50-х гг. XIII в. Сарай-Берке и других ордынских городов усилилось значение поволжского пути и продолжалось снижение значения торгового пути по р. Днепр¹⁰⁸. Существовавшие ранее торгово-экономические связи городов Южной Руси и стран Европы были подорваны. «Число предметов импорта» в этой части страны «резко сокращается и продолжает оставаться незначительным вплоть до середины XV в.»¹⁰⁹. Поэтому в середине XIII в. купцы из Восточной Европы, специализировавшиеся на международной торговле, в лучшем случае могли рассма-

тривать Киев как всего лишь один из второстепенных перевалочных пунктов на пути их следования в подонские или поволжские города Джучиева улуса. В середине XIII в. постоянных или состоятельных покупателей предметов роскоши в Киеве практически не осталось. В городе высшие представители светской и духовной власти практически не появлялись, переложив управление своими владениями в Киевской земле на плечи своих наместников и тиунов.

Вывод о незначительности торговых операций в Киеве косвенно подтверждает состав клада, найденного в 1845 г. рядом с Кирилловским монастырем. Клад был обнаружен в глиняном сосуде. Он «состоял почти из 200 медных восточных монет, самые младшие по времени из которых чеканились в Бухаре Менгу-кааном в 1253—1254 гг.»¹¹⁰. При этом важно подчеркнуть, что золотых и серебряных монет, имевших в это время активное хождение в Черноморском регионе и улусах Орды (включая Крым), в этом кладе не было. Впрочем, отчасти надо иметь в виду то обстоятельство, что «в золотоордынском денежном деле, период наибольшей стабильности... приходится на 1310—1360 гг.»¹¹¹.

С одной стороны, ситуация с денежным кладом 1845 г., состоявшим исключительно из медных монет, объяснима. В Средней Азии и Центральной Восточной Европе выход из «серебряного кризиса» намечается лишь в конце XIII в.¹¹² С другой — золотые и серебряные монеты могли иметь обращение при покупке лишь дорогих товаров, а утверждать их востребованность и наличие в Киеве третьей четверти XIII в. пока весьма проблематично. Известно, что в Северном Причерноморье «непрерывное интенсивное проникновение европейского серебра через торговые фактории Венеции и Генуи» приводит к его появлению в городах Поволжья, Средней Азии и Руси¹¹³. Однако во второй половине XIII в. значительные суммы европейского и ордынского серебра в Киеве так и не появлялись. Если они и ввозились сюда, то надолго в городе не задерживались из-за отсутствия серьезного товарооборота. Социально-экономических мобильных корпораций купцов в Киеве теперь не было. В любом случае, судя по наблюдениям европейских дипломатов, в первые десятилетия после установления ордынского ига у русских гостей и купцов преобладал натуральный обмен¹¹⁴.

В середине — второй половине XIII в. византийские, трапезундские, малоазиатские и европейские монеты, чеканившиеся из благородных металлов, в Киеве не встречаются (по крайней мере, до сих пор они не обнаружены). Косвенно, это указывает на деградацию в Среднем Поднепровье развитого здесь ранее оборота денежных средств. Началось постепенное возвращение различных социальных слоев его населения к более примитивному натуральному обмену, который был характерен для степной периферии, о чем в своем отчете в середине 50-х гг. XIII в. неоднократно упоминал Гильом де Рубрук.

Неслучайно, что первыми симптомами этого кризиса стало «усиленное развитие одной из функций денег — функции накопления, что способствовало катастрофически быстрому изъятию из обращения старого запаса серебра». Во второй половине XIII в. в Среднем Поднепровье и соседних с ним регионах Руси из оборота постепенно исчезают серебряные киевские шестиугольные гривны-слитки весом ок. 160 гр. «Его пресекло татаро-монгольское на-

шество». На смену им приходит доминирование серебряных новгородских гривен весом около 200 гр. Теперь этому весу, но не форме соответствуют гривны, которые одновременно отливались «в нескольких центрах Южной Руси». По месту находок исследователи иногда условно называют их черниговскими, хотя более верно представляется предположение, что эти гривны-слитки были отлиты в экономически более благополучной Волынской земле¹¹⁵. Предположение И.Г. Спасского подтверждает находка клад в первой половине 2010-х гг. недалеко от Зимненского Святогорского Успенского монастыря, который состоял из 10 слитков-гривен. Исследование одной из монетных гривен этого клада подтверждает ее волынский тип. В XIII в. он находился в одной весовой группе с новгородскими рублями и черниговскими гривнами¹¹⁶.

6. Сокращение и деградация разных видов ремесел

В середине XIII в. снижению активности торговых функций Киева, Чернигова, Переяславля Русского и их пригородов в пределах Руси также способствовало уничтожение и деградация в Среднем Поднепровье и в соседних с ним землях основного числа технологически сложных ремесел¹¹⁷, хотя некоторые из них сохранялись и позднее¹¹⁸. Этот кризис в производстве привел не только к снижению объемов, но и качеству производимых вещей на Руси. Так, например, постепенно прекращают свою работу в окрестностях Вручия (Овруча) сельские мастерские по производству шиферных пряслиц¹¹⁹. Эти изделия перестают поступать в города и земли от пределов Белой Руси¹²⁰ до Мокши¹²¹, Мордвы¹²², Волжской Булгарии¹²³ и других регионов Восточной Европы. Поздние образцы пряслиц, созданные в основном до 1241 г., на Руси использовались почти до рубежа XIII—XIV вв.; в отдельных случаях и до середины XIV в. Однако ареал их распространения и общее количество значительно уменьшилось.

Не стоит сбрасывать со счетов и тот факт, что из-за монгольского нашествия в Поволжье, Средней Азии, на Северном Кавказе, Польше и Юго-Восточной Европе пострадало большинство торговых партнеров городов Среднего Поднепровья. Их экономические связи были нарушены, а некоторые никогда больше не восстанавливались. Красноречивый тому пример — трагическая судьба многоэтнического населения Золотаревского городища и его сельской округи (аскизов¹²⁴, болгаров, буртасов, кипчаков, мордвы и русских), контролировавшего в Мордовской земле важную переправу через р. Суру на пути в Булгар¹²⁵.

В середине XIII в. на Руси резко сокращаются предметы традиционного импорта. Ярким индикатором этого процесса становится прекращение поступлений через Среднее Поднепровье и сопредельные с ним регионы Руси дорогих изделий из стекла и амфор с вином и маслом из ремесленных центров Средиземноморья и Причерноморья¹²⁶. Правда, по мнению некоторых археологов, приостановка доставки этих товаров импорта носила временный характер. Отсутствие амфор свидетельствует не о полном прекращении экономических контактов между городами Руси и странами Средиземноморья, а всего лишь о смене в последних тары. В XIII в. в трюмах судов место керамических

амфор для вина и масла постепенно занимают внедренные итальянскими купцами менее хрупкие и более дешевые деревянные бочки. Эти «бочки с молодым вином» фигурируют в византийских источниках¹²⁷. В пользу вывода о смене тары для перевозки товаров на Русь косвенно свидетельствует не только сохранение византийцами производства различных сортов вин и масла, завоз к ним на реализацию и перепродажу вин из Италии, но и экспорт этого вина в соседние с Византией страны¹²⁸.

Помимо сокращения международных связей, Киев, его пригороды и другие торгово-ремесленные центры Среднего Поднепровья постепенно сокращают, а в ряде случаев и разрывают на длительный период свои старинные экономические отношения с соседними городами и землями Руси. Исследования Ф.Д. Гуревич свидетельствуют, что «активные и многосторонние связи Понеманья с южнорусскими землями были прерваны монгольским нашествием, и, как показывают археологические материалы, это отрицательно сказалось на культуре городов Неманской земли». В середине XIII в. в Чёрной Руси начинают исчезать как предметы импорта, традиционно ввозимые для состоятельных жителей Гродно, Новгородка, Волковыйска, Слонима, Турийска и других городов Понеманья по рекам Днепр, Припять и их притокам из ремесленных центров южных стран (таких например как Византия, Иран и Сирия), так и разнообразные изделия ремесленников городов Киевской земли и отчасти Волыни (например, стеклянные браслеты, шиферные пряслица, посуда, кресты-энколпионы и другие предметы из бронзы, посуда и др.)¹²⁹. Впрочем, в XIV в. эпизодически многие из этих предметов старого завоза еще продолжают бытовать в землях Белой и Чёрной Руси¹³⁰.

В середине XIII в. эпизодические связи Чёрной Руси и Византии по Днепро-вскому пути постепенно прекращают поддерживаться. Вместо него купцами был избран не менее традиционный, но более безопасный обходной маршрут по Дунаю¹³¹. Его обслуживали местные ремесленники. В 1260-е гг. прибрежная территория данного пути вошла в состав улуса темника Ногая. Она была хорошо освоена и заселена еще в домонгольское время¹³². Во второй половине XIII в. функционированию Дунайского пути способствовало восстановление таких крупных торгово-ремесленных центров как Галич (детинец 20 га, окольный город — 25 га), Перемышль (8 га) на р. Сан и Белз (детинец ок. 4 га, окольный город — 3 га) на р. Солокии, а также быстрое социально-экономическое развитие новых городов — Холма и Львова. Во второй четверти XIII в. эти два города были построены на предшествующих им древнерусских поселениях вблизи от западного порубежья Руси¹³³. Великий князь Даниил Галицкий и его преемники поддерживали и увеличивали состав купцов и ремесленников Холма и Львова за счет льгот и приглашения сюда выходцев из Восточной и Центральной Европы, а также мастеров, бежавших из Орды. Связь с Холмом и Львовом установили города соседних стран. Речь идет о Венгрии, Болгарии, а со второй половины XIV в. — Молдавском и Валашском воеводствах¹³⁴.

Во второй половине XIII — начале XIV в. другая часть городов Юго-Западной Руси, имевшая тесные экономические контакты со Средним Поднепровьем, также сильно пострадала в результате монгольского нашествия и последующих ордынских вторжений второй половины XIII в. Они были вынуждены

пережить сильнейший экономический кризис и упадок. Среди них можно выделить Звенигород (ок. 21 га), расположенный у р. Белка, а также менее значимые Плеснск (4 га), Сутейск (3 га) у слияния рек Пора и Вепша (Вепря), Тереволь (2 га) при слиянии рек Гнезна и Серет и многие другие¹³⁵.

На правом берегу Среднего Поднепровья проблеме замещения мастеров было решить сложно, так как здесь отсутствовала сильная княжеская власть в его важнейших политических центрах. Отсутствие покровителей, льгот и постоянных заказчиков приводило к уходу отсюда и прекращению в этом регионе Руси технологически наиболее сложных ремесел. Так, например, здесь в середине XIII в. затухает производство стеклянных изделий. На этот процесс отрицательно повлиял не только фактор ордынского ига, заставивший бежать из Киева и его пригородов выживших в 1240 г. русских и иностранных ремесленников. Важно подчеркнуть, что и в городах Византии XIII в., ранее неоднократно выступавших в качестве технологического донора, который поставлял на Русь необходимых ей ремесленников редких специальностей, также наметился кризис. Так, например, в Палеологовской Византии, страдавшей от частых турецких набегов, производство стекла стало большой проблемой. В 1261—1453 гг. из всех специальностей в ней известны лишь стекольщики. В.А. Сметанин отмечает бытование в Византии зеркал¹³⁶. Однако они могли быть привозными.

Во второй половине XIII в. поливные сосуды с тонкими стенками и продукция из стекла, производимая в ремесленных центрах Среднего Поднепровья, прекращают поступать не только на север Руси. Они исчезают как предметы покупки и обмена в важных транзитных центрах (таких например как Новгород и Москва¹³⁷). Новых стеклянных изделий, созданных в середине — второй половине XIII в., практически не было не только здесь, но и в более близких к Киеву городах (например, в Турове, Пинске, Давид-Городке, Минске и Друцке). Господствовавшая ранее в Минске и Друцке мода на браслеты из стекла синего цвета производства киевских мастеров¹³⁸, составлявших ранее соответственно около 75% и 99% от числа всех закупаемых браслетов жителями этих городов, из-за монгольского нашествия быстро угасает в течение середины — второй половины XIII в.¹³⁹

Такой же была судьба и более дорогих двухстворчатых браслетов, производившихся на Руси во второй половине XII — первой половине XIII в. Они встречаются преимущественно в составе кладов, зарытых в связи с монгольским нашествием на Русь¹⁴⁰.

Схожей с этими высокохудожественными изделиями ремесленников оказалась судьба также производимых ими бронзовых крестов-энколпионов с выемчатой эмалью. Они были весьма популярны в Восточной Европе. В Среднем Поднепровье качественное производство этих крестов-энколпионов постепенно заглохло после разгрома монголами его ремесленных центров в середине XIII в. Подобно шиферным пряслицам, двухстворчатым и стеклянным браслетам, сделанные до этого времени кресты-энколпионы, в основном бытовали среди православного населения вплоть до конца XIII в. Впрочем, отдельные экземпляры этих предметов встречаются в археологических комплексах и позднее¹⁴¹.

7. Причины изменения торгово-экономических путей

Деграция многих технически сложных ремесел, упадок производства, качества производимой продукции и усиление политической разобщенности в Среднем Поднепровье после военного разгрома, существовавших здесь княжеств, привели к практически полной автономии его рынков. Связь между ними из-за упадка ремесел значительно ослабла. Большинство внешне и внутриэкономических направлений торговли, в которых ранее участвовало население из Среднего Поднепровья, были утрачены и, видимо, больше не восстанавливались. Новые пути и экономические связи воссоздавались медленно, в том числе по причине отъезда в более благоприятные для проживания места наиболее мобильных слоев населения (прежде всего, представителей военно-служилой знати, купцов и ремесленников).

Одной из веских причин прерывания многих экономических связей на Руси была физическая гибель крупных гостей, ранее ведших внешнеторговые операции¹⁴². Экономическая жизнь рядового населения, испытывавшего ряд проблем, начиная с конца XII в.¹⁴³, теперь подстраивалась под материальные запросы и потребности победителей, нередко занимавшихся выводом ремесленников на работу в Орду. Во второй половине XIII в. ближайшие к Среднему Поднепровью ордынские улусы в основном сосредоточились в Среднем и Нижнем Поволжье, Подонье, Южном Поднепровье, Северном Кавказе и Крыму. Здесь встречаются многочисленные предметы быта людей, выведенных сюда из Руси¹⁴⁴.

По данным летописей и актов известно, что во второй половине XIII — начале XIV в. европейские купцы продолжают активно посещать Новгород, Псков, Ладогу, Корелу, Полоцк, Витебск и Смоленск. Между тем, Киев, бывший до 1240 г. важным торговым и посредническим центром, теперь в источниках на их пути практически не упоминается¹⁴⁵.

Письменные источники второй половины XIII в. молчат о пребывании в Среднем Поднепровье и новгородцев¹⁴⁶. По-видимому, прямые экономические и церковные связи между первым и вторым по значению и статусу городами, центрами политических образований домонгольской Руси¹⁴⁷, временно были сужены до таких масштабов, на которые летописцы не считали нужным обращать внимание.

До 1240 г. новгородцы вели активную торговлю с городами Среднего Поднепровья¹⁴⁸. В Киеве новгородское подворье находилось у церкви во имя Святого Михаила¹⁴⁹. Некоторые исследователи считают, что с ней можно было бы связать обнаруженные при раскопках в Киеве развалины одной из каменных церквей. Она располагалась «в непосредственной близости от рыночной площади Подола»¹⁵⁰. Как действующий двор купцов из Новгорода, в источниках XIII—XV вв. Михайловская церковь уже не упоминается¹⁵¹. Аналогичным образом в Киеве сложилась и судьба немецкого торгового подворья. О функционировании этих подворий в 1246 г. Плано Карпини уже не пишет.

В это время сужение всех видов контактов между городами Среднего Поднепровья и Новгородом вызвано не только по причине разгрома древней столицы Руси и ее пригородов в 1240 г. Были и другие причины. В это время про-

исходит изменение направления в историко-культурном развитии соседей Киева и Новгорода в Восточной Европе.

Кроме того, во второй половине XIII в. наблюдается ухудшение «внешне-политического положения Новгородского государства после установления золотоордынского ига, а также завершения немецко-датского завоевания Восточной Прибалтики и появления у Новгородской республики опасной границы с Ливонским орденом и датскими владениями»¹⁵². С этого времени Новгородское княжение имело частые военно-экономические проблемы со своими ближайшими западными соседями, к которым вскоре присоединился еще один такой агрессивный сосед, как ВКЛ¹⁵³. Новгород не был в состоянии одновременно поддерживать торговые отношения со всеми землями Руси. Обезлюдевшей северной столице Руси из-за серии эпидемий в XIII в., это было еще не под силу.

Тем не менее, делать вывод о том, что во второй половине XIII в. новгородские купцы окончательно покидают Среднее Поднепровье и Южную Русь, конечно, не стоит. В последней четверти XIII в. о некотором оживлении пути из Киева в Новгород и наоборот косвенно свидетельствуют не только находки серебряных новгородских гривен, но и редкая для этой эпохи поездка на северо-запад страны митрополита Максима. Согласно Софийской I летописи старшего извода, в 1285 г. архиепископ Климент и горожане, отмечая это событие, «створи честь велику» прибывшему к ним киевскому архиепископу¹⁵⁴. В Новгородской I летописи младшего извода и Новгородской IV летописи последняя фраза отсутствует¹⁵⁵. Княжеский летописец под 1288 г. отмечает, что во Владимире Волынском, наряду с «Немци, и Соурожье... и Жидове», смерть местного князя Владимира Васильковича оплакивали и новгородские гости¹⁵⁶.

Во второй половине XIII в. контакты между Киевом и Новгородом, очевидно, носили эпизодический характер. Скорее всего, они ограничивались неизбежными церковными связями, а торговые сделки между купцами Среднего Поднепровья и Новгородской земли вряд ли могли иметь заметные объемы, так как уничтоженные ремесленные центры Южной Руси почти не возрождались. На такой вывод наводит анализ предметов материальной культуры Новгорода этой эпохи. По наблюдениям археологов, «многочисленные данные определяют хронологические рамки пика в пределах конца 30-х — конца 60-х гг. XIII в., а резкое уменьшение количества стеклянных браслетов в дальнейшем связывается с монголо-татарским нашествием и сокращением южного импорта в Новгороде»¹⁵⁷.

Правда, северные регионы Восточной Европы какие-то контакты с Киевской землей, по-видимому, продолжали поддерживать и позднее. В XIII в. важным индикатором отражения торговых связей с соседними странами являются находки в городах шахматных фигур. Так, например, в Новгороде до недавнего времени были найдены фигуры преимущественно «в восточной манере». Они были «изготовлены из дерева». Однако шахматы, обнаруженные на Готском дворе, представляют иную традицию. По наблюдениям Е.А. Рыбиной: «Все они костяные и в основном представляют собой несколько конусовидных ярусов, поставленных на круглое основание. Две шахматные фигуры имеют цельное выточенное костяное кольцо, свободно вращающееся вокруг

стержня. Костяные шахматные фигуры, аналогичные находкам из Готского раскопа, обнаружены при раскопках Друцка, Смоленска, Киева, Торопца. Все они происходят, как и новгородские шахматы, из слоев XIII—XV вв. Несколько шахматных фигур подобного типа встречены в Тракайском городище. Распространение шахматных фигур указанного типа только в пунктах, непосредственно связанных с западной торговлей, может рассматриваться как аргумент в пользу их западноевропейского происхождения»¹⁵⁸.

Тем не менее, переход в середине — второй половине XIII в. купцов на маршруты, уходящие от Киева в сторону менее зависимых от ВКЛ и Орды городов и княжеств Юго-Западной и Северо-Восточной Руси, вряд ли можно ставить под сомнение. По-видимому, в период правления в Чёрной Руси великих князей Романа и Шварна Даниловичей, литовского великого князя Тройденя русские и иностранные купцы наиболее интенсивно используют торговые пути, шедшие в Среднее Поднепровье не с запада и юго-запада (через Владимир-Волынский, Пересопницу, Дорогобуж, Корец, Мычск, Здвиген и Белгород или через Галич, Болохов, Мунарев, Володарев и Василев¹⁵⁹), а по более востребованной в это время речной системе Западной Двины¹⁶⁰.

Наиболее эффективно Двинский речной путь функционировал в правление смоленского и ярославского великого князя Федора Ростиславича Чёрного (1279—1299). В это время происходит определенное ослабление военной экспансии литовских великих князей на земли и княжения Западной Руси. С именем великого князя Федора Чёрного связаны некоторые сохранившиеся источники. Под контролем верховного правителя Смоленской земли находился такой важный и экономически развитый транзитный центр как Витебск. Этот город не пострадал в результате монгольского нашествия и сохранил свой потенциал. Двинский путь, значение которого постепенно росло на протяжении XII—XIII вв., был удобно связан с Днестром и Волгой комплексом волоков. По мнению Ю.А. Зайца, в этот период «в Полоцкой земле сложились две экономические зоны — Подвинская и Поднепровская»¹⁶¹. Одна сеть волоков располагалась в Полоцкой земле, а другая на Смоленщине — в Оковском лесу¹⁶². В конце XII—XV вв. этими волоками продолжают пользоваться европейские купцы, занимавшиеся международной торговлей¹⁶³.

Начиная с XIII в. действовало право русских и зарубежных купцов на свободное судоходство от Готского берега до Смоленска и наоборот¹⁶⁴. Согласно статьям договора (Список А, Готландской редакции), заключенного еще в 1229 г. смоленским князем Мстиславом (Феодором) Давыдовичем († 1230), оно было равноправным к обеим сторонам: «Всакому латинескому ч(е)л(о)в(ѣ)коу свободѣнь путе из Гочкого берега до Смольнеска без мыта; таа правда есть Роуси изъ Смольнеска до Гочкого берега». Помимо этого, равноправие всех сторон договора действовало и на волоках: «Аже латинеский гость, смолнаны приедѣтъ на вълкъ, то ть мытати жеребѣи, кого на пьрьдѣ всти ко Смольньскоу». Оно также давало купцам договаривающихся сторон преимущество в передвижении перед их конкурентами из других земель (прежде всего, очевидно, Руси). Так, например, если на волоках «боудоуть людиѣ из иные земель, тьхъ послѣ вѣсти»¹⁶⁵.

Эти льготные права обеспечивали города и торгово-ремесленные поселения Подвинья значительными преимуществами, которыми теперь не обладал Дне-

провский путь. Он проходил через территорию нескольких княжеств, где правили представители разных ветвей династии Рюриковичей. Однако среди них не было ни одного, который в последней трети XIII в. обладал бы заметной властью в городах и землях на правом берегу Среднего Поднепровья.

В 80-е гг. XIII в., когда в Смоленске происходит выдача грамот от имени великого князя Федора Чёрного, купцы из городов, расположенных в Балтийском регионе, также добиваются у своих правителей привилегий, чтобы они могли развивать свою торговлю с Русью. Так, например, в 1286 г. по просьбе хелминских и торуньских купцов, являвшимися посредниками и отчасти конкурентами купцов из Фландрии и Любека, ленчицкий и брест-куявский князь Владислав I Казимирович Локетек выдал жалованную грамоту. Этот документ гарантировал польским купцам «право на свободный проезд с товарами через земли его княжества на Русь»¹⁶⁶. В этом случае, конечно, речь шла о налаженных экономических связях купцов Хелма и Торуня с городами Галицко-Волынской Руси¹⁶⁷.

На каждом из главных речных путей Руси в 80—90-е гг. XIII в. находились значительные по численности населения и размеру собираемой здесь дани города (Смоленск, Ярославль, Витебск, Брянск и др.). Все они были подчинены верховной власти великого князя Федора Чёрного. О функционировании таможен под Друцком и в Подесенье, подчиненных его верховной власти, известно благодаря находкам на их территории свинцовых пломб так называемого дрогичинского типа¹⁶⁸. При этом продолжали функционировать и некоторые незначительные пункты транзитной торговли. Так, например, последние археологические исследования показывают, что в XIII—XIV вв. некоторая экономическая жизнь теплилась даже на территории Центрального городища в Гнёздове. По мнению Т. А. Пушкиной, в это время оно функционировало как феодальная усадьба¹⁶⁹. Поздний керамический материал Гнёздово может датироваться вплоть до начала XIII в.¹⁷⁰

Судя по данным письменных источников, в XIII в. купцам от Фландрии до Ливонии были хорошо знакомы рынки Витебска и Смоленска¹⁷¹. В эти города немецкие и фландрские купцы могли проникать через земли, подчиненные властям Ливонского Ордена, а также территорию Новгородского княжения¹⁷². В города последнего они традиционно доставляли свинец, который в Антверпен и Брюгге привозился из Испании¹⁷³. С начала XII в. в источниках также есть сведения о продаже в Новгороде фландрского сукна¹⁷⁴. Очевидно, из Смоленска, где на Торгу был двор иноземных купцов (первоначально, как и в Новгороде, с Готского берега), а с последней трети XII в. — и «Немецкая божница» (церковь Пресвятой Богородицы)¹⁷⁵, путь зарубежных купцов шел на юг. До конца 30-х гг. XIII в. здесь они достигали пределы многолюдных городов: в радимичском Посожье — Гомей, в северянском и вятичском Подесенье — Чернигов, Сновск, Вщиж и Брянск, а в Левобережном Поднепровье — Любеч. До Батыева нашествия в этих городах были сосредоточены одни из самых богатых и щедрых покупателей на Руси.

Во второй половине XIII в. численность и покупательная активность населения городов Среднего Поднепровья резко сокращается. В это время одним из немногочисленных исключений из правил становится обновленный Брянск. Под властью правителей Подесенья постепенно сосредотачивается

основная масса сельского населения центральной Черниговщины, где во второй половине XIII в. забрасывается около 300 сельских поселений. Население решает остаться в Подесенье под защитой его лесов.

Двигаясь в XII—XIII вв. из Пскова, Ладоги, Новгорода и Торжка на юго-восток через Верхнее Поволжье, а из Смоленска на восток через Верхнее Поочье, иноземные купцы также попадали в богатые и многолюдные города Северо-Восточной Руси. Здесь они закупали меха, лен, воск, кожу, драгоценности, сделанные руками русских и восточных мастеров, оружие. Суммируя происходивший товарообмен, Ю.А. Лимонов отмечал следующее: «Гаремным красавицам багдадского калифа и знатным парижским дамам, придворным испанским шеголям и знаменитому английскому проповеднику Фоме Беке-ту нравились одежды, подбитые мехом куницы, добытой в муромских лесах; цветные витражи Кельнского собора отражали огни сотен свечей, сделанных из воска, собранного на пасеках Суздаля и Владимира; индийские раджи жаловали своим приближенным в качестве почетного дара одежды из драгоценной ткани — льна, возделанного в районе Торжка или Твери»¹⁷⁶.

Согласно свидетельству летописей, второй половине XIII в. купцы из Западной и Центральной Европы посещали и города Курского Посемья. Здесь действовали ордынские слободы. Владевшим ими баскакам не нравилась конкуренция со стороны местных русских князей. Они пытались взаимно политически и экономически ослабить друг друга. Иногда это приводило к острым военным конфликтам между Рюриковичами и ордынскими баскаками. Попадавшим при этом в плен и ограбленным немецким купцам старались покровительствовать не только русские и литовские князья, но и верховные правители Орды. Они понимали прибыльное значение для своей казны транзитной торговли и следовали заветам экономической политики Чингис-хана, а он призывал своих политических наследников брать всех купцов под защиту¹⁷⁷.

Укрепление на Руси такого серьезного экономического конкурента ордынских купцов, каким стал новый ханский родственник — смоленский великий князь Федор Ростиславич Чёрный, очевидно, было без восторга встречено в городах Орды. После того как на престоле таких слабых правителей, как Тула-Буга и Алгуй, сменил деятельный хан Тохта, началась подготовка к ликвидации сильной княжеской власти в Смоленской земле. Сыграв на амбициях сыновей умершего смоленского князя Глеба Ростиславича (до 1269/70—1277), Орда выдвинула на смену ранее лояльному ей великому князю Федору Ростиславичу Чёрному его племянника — князя Александра Глебовича (1297—1313).

В пользу важной роли хана Тохты в этих событиях наглядно свидетельствует один важный факт, который в историографии еще ни разу не был отмечен специалистами, занимавшимися отношениями русских князей с Чингизидами в конце XIII в.¹⁷⁸ Между тем, он красноречиво свидетельствует о прямом влиянии Орды на события 1297 г. в Смоленске. После захвата и укрепления здесь своей верховной власти новый смоленский великий князь Александр Глебович не побоялся в том же году оставить свою столицу. Вместе с женой он совершил поездку в Орду¹⁷⁹.

Для получения ярлыка и укрепления политических связей с двором хана Тохты, который нуждался в крупных финансовых средствах для борьбы про-

тив темника Ногая, князь Александр Глебович должен был обладать необходимыми для этого крупными суммами денег, драгоценностей и богатыми подарками. Часть из них новый правитель Смоленска мог собрать за счет сбора торговых пошлин с русских и иностранных купцов, двигавшихся по речным и сухопутным путям в пределах его владений. Другая часть могла быть получена за счет реализации витебской и смоленской пушнины или дачи ее в качестве подарков ханским родственникам и влиятельным ордынским нойонам. Слава о местных мехах была хорошо известна еще в начале XVI в. Согласно сведениям С. Герберштейна, Смоленск был «расположен в долине, вокруг которой находятся плодородные холмы». В первой трети XVI в. этот город все еще был «окружен обширнейшими лесами, где в большом количестве» добывались «различные меха»¹⁸⁰.

Великий князь Федор Чёрный и его союзники не смирились с таким выбором хана Тохты. Учитывая его военные затруднения в борьбе с темником Ногаем, в 1298 г. бывший правитель Смоленска попытался военным путем изменить сложившуюся ситуацию. Однако осада войсками великого князя Федора Чёрного такого большого города как Смоленск, территория которого без подола еще во второй половине XII в. составляла 90 га¹⁸¹, естественно, окончилась неудачей. Это положило начало длительной усобице в пределах Смоленского великого княжения. Осенью 1299 г. ее не прервала даже смерть в Ярославле великого князя Федора Чёрного¹⁸². Многолетняя усобица на рубеже XIII—XIV вв. закончилась сожжением ряда городов и разорением волостей Смоленской земли. В конечном счете, это ослабило военно-политические и экономические позиции ее правителей в Восточной Европе. В конце XIII — первой трети XIV в. на смену державе смоленских Ростиславичей приходит новый гегемон — держава Гедиминовичей.

Во второй половине XIII в. для Руси, связанной с Ордой тесными данническими, политическими и экономическими отношениями, первенствующее значение также приобретают Волго-Донской и Пруто-Днестровский пути¹⁸³, а не Днепровский¹⁸⁴, переживавший в XIII—XIV вв. явный упадок¹⁸⁵. Этому способствовал ряд факторов.

Прежде всего стоит отметить, что в XIII в. создание Монгольской империи, его Джучиева улуса и государства Ильханов в Иране способствовало развитию более тесных контактов между купцами Индии, Китая, Ирана, Средней Азии, Волжской Булгарии, Нижнего Поволжья со странами Восточной Европы и Средиземноморья, а также гибкому изменению веса монет¹⁸⁶.

Помимо этого, большое значение в международной торговле играли традиционные пути и сложившиеся взаимовыгодные экономические связи. Для купцов Поволжья, Средней Азии и Ближнего Востока первенствующую роль играли отношения с городами Северо-Восточной Руси, а не Среднего Поднепровья¹⁸⁷. Давно подмечено, что «авторы арабоязычных сочинений по истории и географии X—XIV вв. благодаря Волге и волжской торговле, возможно, лучше знали Болгарию и Северо-Восточную Русь, нежели Киевскую»¹⁸⁸. Разгром Киева привел к разрыву его связей с городами Волжской Булгарии, так как основное число местных купцов погибло во время монгольских вторжений в 1235—1242 гг.

Важную посредническую роль в международной торговле городов Северо-Восточной Руси и Рязанской земли играло древнерусское население Верхнего Поволжья и Верхнего Дона. Здесь оно сохранилось, несмотря на нашествие и установление ордынского ига¹⁸⁹. Подобно Среднему Поднепровью, с середины XIII в. податное население рязанских и пронских князей преимущественно покидает поселения на открытых участках и также старается перейти под защиту лесов¹⁹⁰.

В Среднем Подонье важным регионом совместного проживания оседлого русского и кочевого половецкого и аланского населения¹⁹¹ под непосредственной властью Орды становится Червлёный Яр¹⁹². Находки богатых кочевнических захоронений в междуречье Дона и Хопра свидетельствуют, что в качестве улуса бывшие владения Токсобичей и донских ясов (ясов)¹⁹³ могли быть пожалованы одной из знатных ордынских семей¹⁹⁴. Схожая ситуация с размещением славянского населения под властью ордынской администрации сохраняется в Нижнем Подонье, в Среднем и Нижнем Поволжье.

В середине XIII в. изменение условий торгово-экономической жизни на правом берегу Среднего Поднепровья стало реакцией на смену приоритетов в политике старших русских князей. Статус нового политического центра Руси окончательно был закреплён за Владимиром на р. Клязьме, для восстановления значения которого, в отличие от Киева и его пригородов, князья Северо-Восточной Руси вложили немало сил и средств.

Такая рациональная политика владимирских великих князей тесным образом была связана как с экономическими, так и политическими реалиями середины XIII в.; по сравнению с домонгольским временем они сильно изменились. Став правителями одного из самых больших улусов Орды, владимирские великие князья были вынуждены часто посещать ставку хана¹⁹⁵; как правило, она находилась на левобережье р. Волга. Неудобность речного и сухопутного пути сюда из Киева очевидна.

В 1243 г. политический выбор великого князя Ярослава Всеволодовича, оставшегося вместо Среднего Поднепровья в Северо-Восточной Руси, имел негативные тенденции для социально-политического и экономического восстановления Киева. Однако корни этого выбора следует искать ещё в домонгольском времени, когда недалёковидная политика правителей Южной Руси привела к тому, что часть ее важных городов — форпостов в степи — так и не были отстроены после своего разрушения.

Красноречивым примером этой тенденции стала судьба Олешья. Подобно Васильеву, Витичеву, Воиню, Каневу, Турову, основной хозяйственной спецификой этого города была торговля¹⁹⁶. Олешье функционировало на известном международном пути «из Варяг в Греки». «Его южный отрезок от Киева вниз по Днепру так и назывался “греческим путем”. Устье Днепра замыкал подвластный Киеву портовый город Олешье, откуда морской путь в Царьград шел вдоль болгарского побережья Чёрного моря с остановками торговых караванов в устье Дуная, в Констанции, Варне и в районе города-крепости Месемврии (ныне Несебыр). Из Месемврии русские ладьи-моноксилы с товарами отводились византийскими судами к предместью монастыря св. Маманта на северо-восточном берегу Золотого Рога — места пребывания русских в империи»¹⁹⁷.

Город Олешье, имевший площадь более 4 га, находился в местности «Городище» (или «Казацкие печища») на Великопотемкинском острове в устье р. Днепр. Он был расположен «в 12 км ниже г. Херсона». Археологи связали его уничтожение с действиями монгольских войск в 1223 г. По наблюдениям А.Л. Сокульского, «В юго-западной части «Городища» культурный слой содержит значительное количество пепла и обугленного дерева. При вспашке этого участка находили сотни человеческих скелетов. При зачистке обнажений осушительного «ерика»-канавы было собрано более 20 черепов и несколько сот человеческих костей, на некоторых обнаружены следы повреждений рубящим оружием»¹⁹⁸. Между 1223—1237 гг. никто из киевских великих князей так и не позаботился о восстановлении такого важного перевалочного пункта и южного форпоста Руси как Олешье. Этот факт косвенно свидетельствует о снижении значения Днепровского пути во второй четверти XIII в., хотя в его функционировании, помимо русских купцов, также были заинтересованы и кочевники (прежде всего, половцы и их новые партнеры — турки-сельджуки), ведь они получали свою долю прибыли от транзитной торговли¹⁹⁹.

Несколько городов в Поросье также были заброшены задолго до прихода монгольских войск на Южную Русь. Наличие дыр в оборонительной линии Правобережного Поднепровья привело к тому, что и половцы, и монголы без большого труда проникали через нее в 1230—1240 гг. Очевидно, эта ситуация способствовала тому, что в 1240 г. в Поросье не было единой организованной обороны. Вместо нее население и войска из ряда крепостей были отсюда отведены еще до прихода монгольских войск. Возможно, военные гарнизоны Поросья ушли под защиту стен Киева или ближайших к нему укрепленных центров. Впрочем, это не спасло их от разгрома. Населению других городов, наоборот, практически в одиночку пришлось биться с захватчиками.

Переменам в политике русских князей в отношении Киева, его политического и культурного наследия способствовало резкое ухудшение материальных условий жизни в Среднем Поднепровье. Это было связано не только с военным разгромом и опустошением, но и тем, что в этом регионе Руси монголы довольно рано сумели провести перепись оставшегося населения (1246 г.). В связи с этим в Киевской и Переяславской земле установилась жесткая система ордынского контроля (институт баскачества). Отстоять свою политическую автономию удалось лишь черниговским Ольговичам, да и то, как свидетельствуют источники на примере судьбы Курского княжения, далеко не во всех своих владениях. До 1257 г. институт баскаков и перепись («число») населения, вынужденного после этого платить дань в Орду, еще не были проведены в Северо-Восточной Руси, и потому казались ее правителям крайне одиозными²⁰⁰.

Это было время правления в Орде хана Берке. Младший брат Батыя сознательно шел на противостояние Джучиева улуса с центральными властями Монгольской империи и несколько ослабил свое политическое, но не фискальное внимание к Руси. Не случайно, что когда в 1266 г. в Орде умер хан Берке, владими́ро-суздальский и галицко-волынский летописцы откликнулись на это событие совершенно разными наблюдениями.

Первый из них, вкусивший к этому времени все «прелести» ордынского ига, отметил, что на Руси после смерти хана-мусульманина «бысть ослаба хри-

стьяном от насилия Бесермень»²⁰¹. Тем временем, второй летописец, живший в условиях более раннего действия ордынской переписи, но более льготного режима для Галицко-Волынской земли²⁰², обратил внимание на изменения во внутреннем положении не своей страны, а Орды: «Быс(ть) матежь великъ в самѣхъ Татарѣхъ», из-за чего они в 1266 г. «избишася сами промѣжи собою бесчисленное множество, акъ пѣсокъ морьскы»²⁰³.

В связи с этим, конечно, верно наблюдение Б.Д. Грекова о том, что «Новгородская республика и Галицкое королевство меньше других частей Руси пострадали от татарского погрома и подвергались гнёту татарского ига»²⁰⁴. Однако при этом следует учитывать и политико-географические реалии того времени. Степень близости Галицко-Волынской земли к ордынским кочевьям, несомненно, накладывала на нее большую степень политической и экономической зависимости, чем это было в регионах Северо-Западной Руси.

Так, например, новгородский летописец, чья земля с 1257 г. страдала лишь от постоев ордынских послов (в их пользу здесь собирали подати и дар — «туску» и почестье²⁰⁵) и непериодического сбора дани («тамгы и десятины»²⁰⁶) раз в 7—8 лет после проведения «числа» в 1259 г. (прежде всего, чёрного бора с Новоторжской земли²⁰⁷), смерть хана Берке и вовсе не отметил²⁰⁸. Вряд ли это его действие следует охарактеризовать как неосведомленность, учитывая высокую степень мобильности многочисленных новгородских гостей. Во второй половине XIII в. в связи с развитием поволжской торговли на всем протяжении речного пути новгородцы были частыми гостями в Орде. Несомненно, в это время они были хорошо информированы о ходе русско-ордынских отношений²⁰⁹.

8. Землепашество и хлеботорговля

В 1240—1250-е гг. политический сепаратизм в Галицком Понизье, расположенном в Среднем Поднестровье, старательно поддерживала ордынская администрация. Она также пыталась усилить свой контроль за Болоховской землей и ее городами в верховьях рек Случь и Южный Буг. Как и Среднее Поднепровье, на юге это сердце будущей Подольской земли граничило с Дешт-и-Кыпчак, а на востоке — с богатым хлебом древлянским Полесьем. Именно в этой части Полесья археологами обнаружено наибольшее скопление земледельческих орудий труда. Они ярко свидетельствуют об экономической специализации этого региона Южной Руси²¹⁰.

Приведенный выше пример наглядно свидетельствует о том, что далеко не всегда главной причиной, из-за которой хлеб «перестал поступать... из разоренного и опустевшего Поднепровья»²¹¹, было отсутствие его излишков на юге Руси и свободных рабочих рук. Военная нестабильность на внешних и внутренних границах страны и прерывание традиционных экономических связей, на восстановление которых было необходимо значительное время, а также, возможно, постепенная смена направлений и соответственно рынков сбыта имевшегося хлеба сыграли негативную роль в сокращении связей между землями севера и юга Руси.

Важно подчеркнуть, что хозяйственное развитие Полесья не прекратилось даже в период ордынского ига. Более того, анализ находок производства —

пахотных орудий труда — позволяет заключить, что «появление асимметрии фиксируется у лемехов из культурного слоя XII в., а *распространение асимметричных лемехов начинается еще в середине XIII в.* (курсив мой. — А.К.)». Итак, сложно не заметить, что улучшение использования лемеха в этом регионе Руси по времени совпадает с возникновением Орды, ее улусов и городов.

В XIV в. такие лемеха «уже хорошо известны по памятникам Южного Поднепровья»²¹². В связи с этим вряд ли представляется случайным тот факт, что в конце XIII—XIV вв. Орда становится одним важных экспортеров пшеницы, просо и ячменя на внешние рынки, осуществляя активный вывоз этих товаров в Причерноморье через Каффу и Монкастро²¹³. Для сравнения можно заметить, что на территории будущего Русского государства почти вплоть до конца XVI в. «хлеб... являлся исключительно предметом внутренней торговли»²¹⁴.

Таким образом, если на первом этапе подчинения русских земель правителям Орды хлеб был необходим, прежде всего, для ликвидации голода в своих владениях, о чем еще в 1253 г. писал посол французского короля Гильом де Рубрук, то на втором этапе, когда продовольственная проблема в основном была решена, хлеб из земель Южной Руси стал не только объектом внутреннего потребления, но и товаром для продажи на внешних рынках.

Пользуясь вакуумом власти в отдельных районах Юго-Западной Руси, с ведома темника Куремсы в Галицком Понизье и Болоховской земле были размещены «люди Татарьския»²¹⁵. К середине 50-х гг. XIII в. ордынцы также контролировали ряд стратегически важных городов в порубежье между Киевским, Галицким и Волынским княжениями. Такая политика улусного князя не была случайной. Именно через болоховские города проходили важные торговые пути из Галича и Владимиро-Волынского по направлению к Киеву. Через верховья рек Случь и Южный Буг лежала дорога в Турово-Пинское Полесье, а оттуда — в пределы ВКЛ. Речь идет о таких городах как Возвягль, Семоц, Деревич, Губин, Межибожье, Кудин, Божский, Городок, Городеск, Жидачев, Колодяжин и ряде других, находившихся «по Тетереви до Жедьчевьева»²¹⁶.

В число городов северо-западной части Киевщины, наряду с Искоростенем и Ушском, входил древлянский Малин (детинец — 0,3 га). Его укрепления мысового типа находились на левом берегу р. Ирша (левый приток р. Тетерев), вдоль которой располагалась позднейшая Малинская волость²¹⁷. В середине XIII в. без боя Малин был захвачен монголами²¹⁸. По мнению археологов, после этого события население в город не вернулось²¹⁹. Очевидно, речь могла бы идти о событиях первой половины декабря 1240 г., если бы не другие обстоятельства. На городище Малина за время исследовательских работ была найдена всего одна типичная для этого времени монгольская стрела-срезень. На его территории не выявлены следы разрушения или сожжения построек, останков горожан, умерших насильственной смертью. До середины XIII в. в Малине функционировал металлургический производственный комплекс. Он аналогичен тем, которые «відомі на городищах літописного Городеська на р. Тетерів у районі сучасного м. Коростишева»²²⁰.

Подобная синхронность в судьбе Малина и Городеска вряд ли случайна. Она косвенно свидетельствует в пользу того, что Малин действительно мог быть захвачен, а его население вместе с имуществом выведено по приказу, скорее всего, не ордынцев, а галицко-волынских князей.

Представляется, что аналогичным образом, по-видимому, сложилась и судьба знаменитого по событиям середины 940-х гг. города Искоростень, находившегося к северо-западу от Киева и Малина. Для эпохи Средневековья, прежде всего, важно так называемое Городище № 3. Оно занимало весь мыс на правом коренном берегу р. Уж. Этот город (детинец — ок. 1 га, посад — 5–6 га) и его округа, по-видимому, также пережили Батыев погром. Тем не менее, в XIII в. население практически в полном составе оставляет Искоростень, где ранее, как и в Овруче, существовало производство шиферных пряслиц. Более поздние сведения источников об Искоростене и предметы его материальной культуры относятся к XVI—XVIII вв.²²¹

В первой половине 1250-х гг. репрессивные действия великого князя Даниила Романовича Галицкого в отношении населения Болоховской земли были направлены против военной экспансии и установления непосредственного контроля со стороны администрации улуса Куремсы над стратегически важными волостями, соединявшими Среднее Поднепровье с Юго-Западной Русью. В это время материальные следы присутствия ордынских гарнизонов выявлены в некоторых городах Правобережного Поднепровья²²².

Кем же были эти «люди Татарьския», которые стали контролировать торговые пути из Среднего Поднепровья в Галицко-Волынскую землю и Понеманье? Письменные источники об этом молчат. Тайну об их этническом происхождении приоткрывают лишь исследования антропологов. Так, например, репрезентативная выборка черепов мужчин, проживавших в Межибожье, показывает, что в XIV—XV вв. они имели явные «степные» (болгарский и аланский) компоненты. Они были характерны для потомков носителей культуры сарматско-салтовского круга, которые в XII—XV вв. устойчиво проживали в Нижнем Поднепровье²²³.

Изъятие ордынской администрацией излишков хлеба у земледельческого населения Галицкого Понизья и Болоховской земли объективно мешало восстановлению Киева и его окрестностей. Население Среднего Поднепровья, ранее славившееся продажей хлеба на внутренние и внешние рынки²²⁴, в связи с установившимся ордынским игом утрачивало часть возможной прибыли за посредничество. Ответить на вопрос, насколько она была велика? — пока невозможно.

Относительно количества хлеба и цен на разные зерновые культуры на рынках Среднего и Нижнего Поднепровья для второй половины XIII в. говорить также сложно, как и возможном разбросе цен у разных производителей и продавцов в Орде. Сведения об этом в сохранившихся источниках весьма отрывочны. По мнению некоторых исследователей, «цифровой материал источников дореформенного времени о сборе хлебов весьма ненадежен»²²⁵. Правда, известно, что в Византии «излишки урожая могли быть проданы “по высокой цене”. Корабль стоил в Каффе в 1289—1290 гг. 1300 аспров, в Византии в начале XIV в. — 100 перперов...»²²⁶. Польский исследователь Е. Топольский полагал, что «общая структура цен в доиндустриальный период определялась структурой цен на зерновые, которая, в свою очередь, зависела от самой системы производительных сил и производственных отношений»²²⁷.

Учитывая резкое сокращение числа практиковавшихся ремесел, потеря значительной прибыли еще и от торговли хлебом становится неприятным

сюрпризом для купцов Киева, посредничество которых в этом деле во второй половине XIII в., очевидно, должно было пойти на спад. Становится понятно, что в силу сложившихся обстоятельств киевляне лишались одного из важных рычагов для восстановления экономического потенциала городов Среднего Поднепровья и их сельских округ.

При отсутствии в Южной Руси залежей золота, серебра, меди и олова большую роль в ее восстановлении могла сыграть пушнина. Однако правители и население даже Среднего Поднепровья «в силу природно-климатических условий не обладали пушным потенциалом и ассортиментом»²²⁸, в отличие, например, от жителей Новгородской и Полоцкой земель, Северо-Восточной Руси²²⁹, Смоленского²³⁰ и Рязанского великого княжения²³¹. Все это значительно затрудняло здесь, да и в Южной Руси в целом, сбор дани для выплаты в Орду. Местным князьям и боярам приходилось рассчитывать на доходы от торговли, суда, сборов налогов и плодородие почв Южной Руси, о чем неоднократно писали средневековые авторы²³².

В Европе на фоне постоянных войн сеньоров друг с другом, местные земледельцы, напрямую слабо связанные со своим политическим центром и феодалом, потеряли возможность опереться на их финансовую и налоговую поддержку в трудное для крестьянского мира время. Слабое развитие экономических связей и техники не могли компенсировать затрат и повысить урожай. Падение доходов вело к затяжному спаду в развитии, неурожаю и болезням²³³.

Южные земли Руси схожие проблемы испытывали, начиная еще с начала XIII в. Так, например, достаточно вспомнить слова Даниила Заточника, припоминавшего следующее: «Не лгаль бо ми Ростиславъ князь: “Лѣпше ми смерть, ниже Курское княжение”; Также и мужеви: “Лѣпше смерть, ниже продолженъ животь в нищети”»²³⁴. В этом князе, возможно, следует видеть Ростислава Игоревича, сына знаменитого благодаря «Слову о полку Игореве» новгород-северского, а затем и черниговского князя Игоря (Георгия) Святославича († 1202), в числе владений которого было Курское княжение. Ростислав Игоревич вместе со старшими братьями боролся за Галицкое наследство. В сентябре 1211 г. князья Роман, Святослав и Ростислав попали в плен к венграм, были выкуплены и повешены по решению галицких бояр²³⁵. Военный разгром и установление ордынского ига в Посемье лишь усугубил шедший в этом регионе Черниговщины социально-экономический кризис.

Среди западных пригородов Киева, перешедших под контроль ордынцев, большой интерес представляют не только его административные волостные центры, но и города, которые имели свою развитую ремесленную и земледельческую базу. Далекое не все из этих городов разделили судьбу Райковецкого городища (совр. Бердичевский р-он Житомирской обл. на Украине), возникшего у слияния рек Гнилопять и Рублянка. Трагедию этого небольшого провинциального центра земледелия (в нем обнаружены разнообразные виды злаков²³⁶) ярко фиксирует посмертная участь павших жителей, останки которых были обнаружены на месте их гибели, многочисленные стрелы-срезни кочевников и другие датирующие находки²³⁷. По-видимому, Райковецкое городище (детинец — 1,25 га) было уничтожено монголами в декабре 1240 г. уже после падения Киева. Однако некоторые другие города, расположенные по сосед-

ству с Райковецким городищем, захватчиками были пощажены. Прежде всего, речь идет о таком регионе как Древлянская земля, располагавшаяся между Болоховской землей и собственно киевскими волостями.

9. Metallurgy and smithing

Помимо Киева и его округа, являвшихся крупными и известными центрами производства предметов быта, ремесла и оружия, отправлявшихся до середины XIII в. на продажу за пределы Руси, в Правобережном Поднепровье были и другие регионы, производственная специфика которых была самым тесным образом связана с металлургией и кузнечным делом.

Так, например, находки археологов свидетельствуют, что еще в X–XII вв. в пойме р. Тетерев развивалось сезонное металлургическое производство. В основном оно находилось за пределами городов²³⁸. Данное наблюдение подтверждает, ранее высказанную точку зрения В.Н. Лешкова и Н.Я. Аристова, об артельном характере организации городских ремесленников на Руси. Это доказывает их тесную связь «с подвижным образом жизни», когда «мастера перемещались из города в город по мере получения подряда, что позволяет полагать, что их численность была значительно меньше формата, определяемого потребностями развивавшегося городского хозяйства и в целом государства»²³⁹.

Многолетнее изучение технологий производства и обработки железа, а также их картирование позволили археологам прийти к следующим выводам: «Кузнечное ремесло Южной Руси базировалось на производственных традициях предшествующего времени. Основу этих традиций составляют преимущественное использование цельнометаллических конструкций из железа и стали, цементация и термическая обработка в качестве упрочняющего приема. Для кузнечного ремесла Северной Руси характерно преобладание в производстве кузнечных изделий сварных технологических конструкций, основанных на сочетании стального лезвия и железной основы. В качестве примера, демонстрирующего различия в традициях Северной и Южной Руси, назовем два памятника, погибших в огне татаро-монгольского нашествия и как бы законсервировавших эти традиции. В Северной Руси это Суздаль (разрушен в 1238 г.), в Южной Руси — Изяславль (сожжен до основания в 1241 г.). В Суздале процентное соотношение сварных и цельнометаллических технологических конструкций составляет 59 к 41, в Изяславле — 16 к 84»²⁴⁰.

Среди специализированных центров Правобережного Поднепровья выделяются упоминаемый ранее Городеск и его округа. В отличие от черниговского сельского поселения открытого типа Автуничей, это был город. Городеск располагался на возвышенном левом берегу р. Тетерев. Археологи, характеризуя его, отмечают, что «прежде всего», Городеск был «крупным центром металлургии и металлообработки на юге Руси»²⁴¹. В нем также функционировали мастерские литейщика-ювелира и гончара²⁴². Городеск обладал мощным оборонительным комплексом, имевшим три укрепленные части (Большое и Малое городища, Красная гора).

Выбор ордынцами Городеска в качестве одного из лояльных им центров не был случайным. Ведь военные силы Джучидов и других улусов Монголь-

ской империи имели постоянную нужду не только в хлебе, но и в импортном оружии, и других изделиях из железа²⁴³. Эти потребности были актуальны для предшествовавших монголам кочевым государствам²⁴⁴. На опыт последних безусловно опирались и Чингизиды. Поэтому можно понять, почему зимой 1240/41 г. Городеск и его сельская округа были пощажены Батием во время движения войск кочевников на страны Восточной и Юго-Восточной Европы. Политика монголов в отношении этого древнерусского центра по производству изделий из металла в Южной Руси не была уникальным явлением. Точно такие же отношения кочевники выстраивали с подчиненными их власти народами Евразии (например, с кочевниками Саяно-Алтайского нагорья, городами исламской части Азии и др.)²⁴⁵.

Дефицит изделий из металла в первые годы формирования Орды в основном был временным явлением. В государствах Восточной и Юго-Восточной Европы для удовлетворения собственных потребностей Чингизиды практиковали сбор железа как одну из разновидностей дани. Так, например, в 1253 г. французский дипломат Гильом де Рубрук отмечал: «От устья Танаида к западу до Дуная все принадлежит им (монголам — А.К.); также и за Дунаем, в направлении Константинополю, Валахия, земля принадлежащая Ассану, и Малая Булгария до Славонии — все платят им дань; даже и сверх условленной дани они брали в недавно минувшие годы со всякого дома по одному топору и все железо, которое находили в слитке»²⁴⁶. В подчиненных ордынцам и возникших заново городах Джучиева улуса кузнечное и железоделательное производство сразу же получали поддержку властей. Работа осуществлялась не только за счет развития местных традиций²⁴⁷, но и использования мастерства пленных ремесленников²⁴⁸. Среди них должны были быть выходцы из Среднего Поднепровья. В X—XIII вв. его мастера ценились на внешних рынках за качественное и разнообразное производство оружия, например, ближнего боя (включая любимые кочевниками сабли²⁴⁹). Со временем это позволило не только решить проблему дефицита в железе и его изделиях в городах Орды, но и повлиять на вооружение подчиненных народов (например, мордвы²⁵⁰).

На левом берегу реки Тетерев вблизи от Городеска находился еще один древнерусский центр. Ныне он расположен в пределах современного города Коростышева. В XII—XIII вв. здесь также развивалась городская жизнь²⁵¹. По-видимому, ее уничтожение также было связано с карательной деятельностью галицко-волинских князей в 50-е гг. XIII в. в Болоховской земле.

Политико-экономическое влияние на Галицкое Понижье и Болоховскую землю темника Куремсы, а затем сменившего его в 1257 г. Бурундая объективно содействовало регрессу экономики Киевской земли и разрыву сохранившихся связей населения центра Правобережного Поднепровья со своими ближайшими соседями (прежде всего, западными и юго-западными княжениями на Руси).

Таким образом, во второй половине XIII в. многие городские центры на правобережье Среднего Поднепровья утрачивают свое прежнее значение и на время фактически превращаются из международных транзитных центров торговли в центры локальные, направленные на удовлетворение незначительного внутреннего спроса, на рынках которых преимущественно господствовал натуральный обмен.

* * *

В середине — второй половине XIII в. в период установления ордынского ига материальное положение жителей Среднего Поднепровья в сравнении с другими регионами Южной Руси оказалось наименее выгодным. Вакуум политической власти, возникший из-за отсутствия в Киеве постоянных представителей княжеской власти и редко проживавшего здесь митрополита, негативно влияли на экономику города и подчиненных ему волостей, на рынок существовавшего здесь спроса товаров и услуг. Все это проходило на фоне общего кризиса в управлении сельским хозяйством, охватившего в XIII в. многие страны Европы. Этот кризис с Русью, несомненно, имел общие черты, а монгольское нашествие 1237—1242 гг. лишь усилило его. По указанным выше причинам падение значения транзитной торговли в экономической жизни населения Среднего Поднепровья, сокращение числа его жителей (особенно в городах), деградация ремесел и усиление роли натурального обмена отрицательно повлияло на развитие внутреннего рынка этого региона Руси.

Библиография

- Abracham Wł.* Powstanie organizacji kościoła łacińskiego na Rusi. Lwów, 1904. T. 1.
Biskup M., Labuda G. Dzieje zakonu krzyżackiego w Prussach: Gospodarka — Społeczeństwo — Państwo — Ideologia. Gdańsk, 1986.
Dumerc B. Les Vénitiens a la Tana au XVe siècle // Le Moyen âge. 1988. T. 94. Nr. 3/4. P. 363—379.
Dzieje Chełmna. Zarys monograficzny. Wyd. 2, zmien. / Pod red. M. Biskupa. Warszawa; Poznań; Toruń, 1987.
Gołub St. Badania stanowisk z okresu wczesnego średniowiecza w Chełmie // Archeologia Polski Środkowoschodniej. 1996. T. 1. S. 127—131.
Górka O. Zagadnienie czarnomorskie w polityce polskiego średniowiecza. Cz. 1: 1359—1450 // PH. 1932—1933. T. 30. Nr. 2. S. 325—391.
Kaczmarezyk Zdz. Początki prawa miejskiego na Słowiańszczyźnie // Europa — Słowiańszczyzna — Polska: Studia ku uczczeniu profesora K. Tymienieckiego // Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Prace Wydziału Filozoficzno-Historycznego. Poznań, 1970. Seria Historia. Nr. 36.
Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 7 (1506—1539). Užrašymų knyga 7 / Par.: I. Ilarionė, L. Karalius, D. Antanavičius (tekstai lotynų kalba). Vilnius, 2011.
Makkai L. Réflexions sur le thème: Grand domaine et petites exploitations dans le féodalisme // Studia nad gospodarką, społeczeństwem i rodziną w Europie późnofeudalnej / Pod red. J. Topolskiego przy współudziale C. Kuklo. Lublin, 1987.
Oleńdzki K. Handel niewolnikami bośniackimi w XIII i XIV w. // KH. 1988. Roc. 95. Nr. 2. S. 57—82.
Pegolotti F.B. La pratica della mercatura. Cambridge; Massachusetts, 1936.
Pomian Krz. Niższe? Wyższe? Równe? Cywilizacja europejska wobec innych // PH. 2005. T. 96. Zesz. 3. S. 391—401.
Ruszkowska U. Wyniki badań ratowniczych w Chełmie, ul. Lubelska 14—20, stanowisko 19, w 1993 i 1994 r. // Archeologia Polski Środkowoschodniej. 1996. T. 1. S. 133—146.
Samsonowicz H. Tło gospodarcze wydarzeń 1308 r. na Pomorzu Gdańskim // PH. 1965. T. 56. Zesz. 2. S. 202—219.
Samsonowicz H. Historia polityczna a historia integralna w badaniach Polski średniowiecznej // NA-UKA. 2007. Nr. 1. S. 89—97.
Toruń dawny i dzisiejszy: Zarys dziejów / Pod red. M. Biskupa. Warszawa; Poznań; Toruń, 1983.
Tschizewskij D. Das Heilige Russland: russische Geistesgeschichte, I. 10—17 Jahrhundert. Hamburg, 1959.
Авдусин Д.А. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // ВИ. 1980. № 12. С. 24—42.

- Авдусин Д.А., Мельникова Е.А.* Смоленские грамоты на бересте (из раскопок 1952—1968 гг.) // Древнейшие государства на территории СССР (далее — ДГТ СССР), 1984 / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1985. С. 199—211.
- Авдусина Т.Д., Владимировская Н.С., Панова Т.Д.* Русская поливная керамика из раскопок Московского Кремля // Советская археология. 1984. № 2. С. 201—212.
- Аверьянов К.А.* Московское княжество Ивана Калиты: Присоединение Коломны. Приобретение Можайска. М., 1994.
- Агафонов П.Г., Праздников В.В., Спиридонова Е.В.* История Ярославской археологии. М., 2009.
- Алексеев Л.В.* «Оковский лес» Повести временных лет // Культура средневековой Руси. Посвящается 70-летию М.К. Каргера / Отв. ред.: А.Н. Кирпичников, П.А. Раппопорт. Л., 1974. С. 5—11.
- Алексеев Л.В.* Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980.
- Алихова А.Е.* Куликовский могильник // Советская археология. 1948. Т. 10. С. 271—290.
- Андрощук Ф.[А.]* Древлянская земля в межрегиональных контактах IX—X вв. // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради: Збірка наукових праць / Гол. ред. О.П. Моця. Коростень, 2008. Т. 1. С. 6—19.
- Анфимов А.М., Будовниц И.У., Кафенгауз Б.Б., Леценко Н.Н., Устюгов Н.В., Яцунский В.К.* Научные итоги Киевской сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы // Вопросы истории (далее — ВИ). 1961. № 7. С. 115—127.
- Артемьев А.Р.* Проблемы выделения монголо-татарского комплекса вооружения среди древнерусских материалов XIII в. // Восточная Европа в Средневековье. К 80-летию акад. В.В. Седова: [Сборник статей] / Редкол.: Н.А. Макаров, А.В. Чернецов, Н.В. Лопатин. М., 2004. С. 143—152.
- Базаров Б.В., Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Введение: Кочевники и проблема происхождения государства // Монгольская империя и кочевой мир (Материалы Международной научной конференции). Улан-Удэ, 2008. Кн. 3 / Отв. ред.: Б.Н. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. С. 4—13.
- Барабанов О.Н.* Судопроизводство по гражданским делам в генуэзских факториях XIV—XV вв. // Причерноморье в средние века / Под ред. С.П. Карпова. СПб., 2001. Вып. 5. С. 108—128.
- Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1954. Т. 2: Статьи по экономической, социальной и политической истории Русского централизованного государства XV—XVII вв.
- Белов Г.Д.* К изучению экономики и быта позднесредневекового Херсонеса // Советская археология. 1941. Т. 7. С. 231—244.
- Белорыбкин Г.Н.* Золотаревское поселение. СПб.; Пенза, 2001.
- Белорыбкин Г.Н.* Новые материалы Золотаревского поселения // Археология восточноевропейской лесостепи: Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию А.Е. Алиховой / Отв. ред.: Г.Н. Белорушкин, В.В. Ставицкий. Пенза, 2003. С. 410—432.
- Белорыбкин Г.Н.* 1237 г. Гибель города на Суре // Битва на Воже — предтеча возрождения средневековой Руси: Сборник научных статей / Отв. ред. Н.Н. Репнин. Рязань, 2004. С. 283—295.
- Беляев Л.А.* Археология русских монастырей и проблема их восстановления: тезисы доклада // ИВ. 2000. № 7(11). Ч. 2.
- Беляева С.А.* Южнорусские земли во второй половине XIII—XIV вв. (по материалам археологических исследований). Киев, 1982.
- Беляева С.А.* Из истории охоты в Древней Руси // На Юго-Востоке Древней Руси: Историко-археологические исследования: Сборник научных трудов / Науч. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж, 1996.
- Беляева С.А.* Проблемы истории земледелия Южной Руси X—XIII вв. в историографии // Історія Русі-України (Історико-археологічний збірник), [присвячений 60-річчю від дня народження акад. П.П. Толочко] / Відп. ред. О.П. Моця. Київ, 1998. С. 70—78.
- Бережков М.Н.* Блаженный Игорь Ольгович, князь новгород-северский и великий князь киевский: исторический очерк. Чернигов, 1893.
- Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. 376 с.
- Бибиков М.В.* Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб., 1999.
- Бобров Л.А.* Шлем «цзиньского типа» из Внутренней Монголии // Военная Археология: Сборник материалов семинара при ГИМе / Отв. ред. О.В. Двуреченский. М., 2008. Вып. 1. С. 106—115.
- Борисов Н.С.* Отечественная историография о влиянии татаро-монгольского нашествия на русскую культуру // Проблемы истории СССР / Отв. ред. С.С. Дмитриев. М., 1976. Сб. 5. С. 129—148.
- Боркевич Г.С.* О ряде сфрагистических находок периода Киевской Руси по данным сети Интернет // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики / Редкол.: Д.В. Гулецкий, Ю.В. Зайончковский и др. М., 2016. Вып. 2. С. 331—334.

- Боровський Я.Є., Мовчан І.І.* Південні (Софійські) ворота в оборонній системі Київського дитинця // *Історія Русі-України*. Київ, 1998. С. 84–92.
- Бортникова А.В.* Грамоты на Магдебургское право городу Луцку XV–XVI вв. // *Славяноведение*. 2010. № 2. С. 88–104.
- Брайчевский Е.А.* О содержании изображений на браслете из клада у с. Городище Хмельницкой области // *Советская археология*. 1988. № 2. С. 185–193.
- Браунинг Р.* Рабство в Византийской империи (600–1200 гг.) // *Византийский временник*. 1958. Т. 14. С. 38–55.
- Винничек В.А., Губанов А.А.* Могильник «Татарская Лака II» в системе средневековых памятников мордвы // *Археология восточноевропейской лесостепи*. Пенза, 2003. С. 339–352.
- Вихров В.Е., Колчин Б.А.* Из истории торговли древнего Новгорода // *Советская археология*. 1955. Т. 24. С. 93–97.
- Волощук М.М.* Русские йобагионы на службе венгерских Арпадов и Анжу в XIII–XIV вв. // *Ros-sica antiqua*. 2012. № 2 (6). С. 134–166.
- Воронин Н.Н.* Древнерусское искусство. М., 1962.
- Воронин Н.Н., Раппопорт П.А.* Древний Смоленск // *Советская археология*. 1979. № 1. С. 73–88.
- Воронин Н.Н., Раппопорт П.А.* Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л., 1979.
- Воронов Ю.Н.* Диоскуриада — Севастополис — Цхум. М., 1980.
- Гапоненко Л.С.* Положение крестьян Юго-Западной Руси по Вислицкому статуту // *Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: сборник статей к 70-летию М.Н. Тихомирова* / Отв. ред. В.И. Шунков. М., 1963. С. 128–137.
- Гельцер Г.* Очерк политической истории Византии // *Очерки по истории Византии* / Под ред. и с предисл. В. Н. Бенешевича. СПб., 1912. Вып. 1.
- Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малейна и А.В. Назаренко; вступ. ст. А.Л. Хорошкевич; под ред. В.Л. Янина. М., 1988.
- Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах* / Скл.: В.К. Шчарбакоў, К.І. Кернажыцкі і Д.І. Даўяла. Менск, 1936. Т. 1.
- Гончаров В.К.* Райковецкое городище. Киев, 1950.
- Гоняный М.И., Александровский А.Л., Гласко М.П.* Северная лесостепь бассейна Верхнего Дона времени Куликовской битвы. М., 2007.
- Горемыкина В.И.* Возникновение и развитие первой антагонистической формации в средневековой Европе (Опыт историко-теоретического исследования на материале варварских королевств Западной Европы и Древней Руси). Минск, 1982.
- Городенко А.П.* Развитие Северо-Западного Причерноморья в свете торговли итальянских городов (конец XIII–XIV вв.) // *Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века: Резюме докладов XI Международной научной конференции*. Ростов-на-Дону, 2003. С. 46–47.
- Горский А.А.* Политическая борьба на Руси в конце XIII в. и отношения с Ордой // *Отечественная история* (далее — ОИ). 1996. № 3. С. 75–89.
- Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008.
- Горский А.Д.* Некоторые итоги изучения землевладения древней Руси (IX–XV вв.) в советской историографии // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*, 1961 г. / Отв. ред. В.К. Яцунский. Рига, 1963. С. 65–77.
- Горский А.Д.* Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI в. М., 1974.
- Гошек И., Завьялов В.И.* Ножи со вставками дамасской стали на территории Чехии и в памятниках Древней Руси // *Российская археология* (далее — РА). 2014. № 1. С. 148–157.
- Греков Б.[Д.]* Опыт периодизации истории крестьян в СССР (С древнейших времен до оформления крепостнических отношений) // *ВИ*. 1946. № 8/9. С. 3–18.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М., 1998.
- Греков И.Б.* Куликовская битва — важная веха в политической жизни Восточной Европы второй половины XIV в. // *Советское славяноведение* (далее — СС). 1980. № 5. С. 3–22.
- Греков И.Б.* О характере ордыно-русских отношений второй половины XIII — начала XIV в. // *Древности славян и Руси: Сборник статей* / Отв. ред. Б.А. Тимошук. М., 1988. С. 125–132.
- Гулецкий Д.В.* Находки средневековых свинцовых пломб близ летописного Друцка // *Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики*. М., 2016. Вып. 2. С. 10–24.
- Гулецкий Д.В., Зайончковский Ю.В.* Монетная гривна из Владимиро-Вольнского района Волынской области Украины // *Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики*. М., 2016. Вып. 2. С. 46–49.

- Гуревич Ф.Д.* Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке // Краткие сообщения Института археологии (далее — КСИА). 1964. Вып. 99: Средневековая археология / Отв. ред. Т.С. Пассек. С. 97—102.
- Гуревич Ф.Д., Павлова К.В.* Древний Новогрудок // Археологические открытия (далее — АО) 1965 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1966. С. 163—165.
- Гуревич Ф.Д.* Древнерусские города Понеманья и южнорусские земли в конце X—XIII вв. // Средневековая Русь: [Сборник статей, посвященный памяти Н.Н. Воронина] / Редколл.: Г.К. Вагнер и др. М., 1976. С. 25—29.
- Гуревич Ф.Д.* Заснаванне Навагрудка (па пісьмовых і археалагічных крыніцах) // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. 1985. № 3. С. 71—75.
- Гуревич Ф.Д.* Западная Русь и Византия в XII—XIII вв. // Советская археология. 1988. № 3. С. 131—144.
- Даркевич В.П.* К истории торговых связей Древней Руси (по археологическим данным) // КСИА. 1974. Вып. 138: Торговля и обмен в древности / Отв. ред. И.Т. Кругликова. С. 93—103.
- Даркевич В.П.* Международные связи // Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. Б.А. Колчин; под общ. ред. Б.А. Рыбакова. М., 1985. С. 387—411.
- Джованни дель ПIANO Карпини.* История монгалов. Изд. 3-е; Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Изд. 3-е; Книга Марко Поло. Изд. 4-е / Вступ. ст. и коммент. М.Б. Горнунг. М., 1997.
- Диль Ш.* Основные проблемы византийской истории / Пер. с франц. и предисл. Б.Т. Горянова; под ред. С.Д. Сказкина. М., 1947.
- Довженко В.О.* Об уровне развития земледелия в Киевской Руси // История СССР (далее — ИСССР). 1960. № 5. С. 59—74.
- Довженко В.О.* Среднее Поднепровье после татаро-монгольского нашествия // Древняя Русь и славяне: Сборник статей / Отв. ред. Т.В. Николаева. М., 1978. С. 76—82.
- Долженко Ю.В.* Населення Чернігова і округи за доби Середньовіччя (антропологічний аспект) // Археологія. 2010. № 1. С. 42—49.
- Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Изд. подг.: Л.А. Ольшевская и С.Н. Травников; отв. ред. А.С. Демин. М., 1999.
- Дробинский А.И.* Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе // Исторические записки (далее — ИЗ). 1948. Т. 26. С. 95—127.
- Дубынин А.Ф.* Археологические исследования в Зарядье (Москва) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры (далее — КСИИМК). 1956. Вып. 65 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. С. 119—130.
- Егоров В.Г.* Городское ремесленное производство Древней Руси в освещении отечественной исторической науки. М., 2008.
- Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985.
- Егоров В.Л.* Послесловие. Русь противостоит Орде // Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12-ти тт. М., 1992. Т. 4. С. 378—409.
- Егоров В.Л.* Русь и ее южные соседи в X—XIII вв. // ОИ. 1994. № 6. С. 184—202.
- Еманов А.Г.* Развитие торговых связей Кафы в XIII—XV вв. // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI вв. / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Ростов-на-Дону, 1989. С. 17—24.
- Еремеев Д.Е.* Этногенез турок (Происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971.
- Ефимов К.Ю.* К вопросу о взаимоотношениях оседлого и неоседлого населения Червленого Яра во второй половине XIII — начале XIV вв. (в свете новых археологических открытий) // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий: Тезисы докладов научной конференции / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк, 1999. С. 171—174.
- Ефимов К.Ю.* Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // Донская Археология. 1999. № 3/4. С. 93—108.
- Жарын Д.В.* Лагістычны аспект ганзейскага гандлю па Заходняй Дзвіне ў XIII—XV стст. // Книжное наследие А.П. Сапунова: Материалы республиканской научно-практической конференции к юбилеям издания А.П. Сапуновым книг «Витебская старина» (т. 1, 1883) и «Река Западная Двина» (1893) / Гл. ред. А.И. Семкин. Минск, 2014. С. 108—113.
- Завьялов В.И., Розанов Л.С., Терехова Н.Н.* Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М., 2007.

- Загоскин Н.П.* Русские водные пути и судовое дело в до-Петровской России: Историко-географическое исследование. Казань, 1910.
- Зайцев А.К.* Черниговское княжество X—XIII вв.: Избранные труды. М., 2009.
- Зайдов О.Н.* К вопросу о заселении района Куликова поля в XII—XIII вв. // Куликово поле. Вопросы историко-культурного наследия: Труды научно-практической конференции / Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула, 2000. С. 139—143.
- Заяц Ю.А.* Менская зямля: этапы фарміравання // Беларускі гістарычны часопіс (далее — БГЧ). 1993. № 4. С. 8—15.
- Звіздецкий Б.А.* О времени существования летописного Городеска // Советская археология. 1990. № 1. С. 42—56.
- Звіздецкий Б.А.* Малинське городище древлян // Старожитності Русі-України: Збірник наукових праць / Відп. ред. П.П. Толочко. Київ, 1994. С. 119—125.
- Звіздецкий Б.А., Пальгуй В.І.* Історична топографія стародавнього Іскоростеня (за матеріалами розвідки 1994 р.) // Історія Русі-України. Київ, 1998. С. 111—119.
- Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // ИЗ. 1938. Т. 3. С. 72—129.
- Зимин А.А.* Холопы на Руси (С древнейших времен до конца XV в.). М., 1973.
- Зоценко В.М.* Экспорт зброї Києва в Південно-Східну Прибалтику // Археологія. 1983. Т. 44. С. 47—61.
- Ивакин В.[Г.]* Топография христианских погребальных памятников древнерусского Киева // Acta Archaeologica Albaruthenica. 2008. Мінск, Vol. 4. С. 134—152.
- Ивакин Г.Ю.* Киев в XIII—XV вв. Киев, 1982.
- Ивакин Г.Ю.* Київ у другій половині XIII ст. // Старожитності Русі-України. Київ, 1994. С. 237—242.
- Ивакин Г.Ю.* Исторический розвиток Києва XIII — середини XVI ст. (Історико-топографічні нарис). Київ, 1996.
- Ивакин Г.Ю.* Историческое развитие Южной Руси и Батыево нашествие // Русь в XIII в.: Древности тёмного времени / Сост.: В.Ю. Коваль, И.Н. Кузина; отв. ред.: Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М., 2003. С. 59—65.
- Льюцик А.У.* Гарадзішча Янава // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. 1985. № 3. С. 76—81.
- Кадлубовский А.П.* Житие преподобного Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным // Сборник историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине. Нежин, 1899. Т. 2. С. 99—149.
- Каждан А.П.* Новые работы о средневековом Константинополе // ВИ. 1976. № 8. С. 179—187.
- Казакоев Е.П., Руденко К.А., Беговатов Е.А.* Мурзихинское селище // Древние памятники Приуралья Закамья: Материалы Новостроенной экспедиции Министерства культуры Республ. Татарстан. Казань, 1993. Вып. 1. С. 42—64.
- Каменецкая Е.В.* О верхней дате Гнёздовского поселения под Смоленском (по керамическому материалу) // Проблемы истории СССР: [Сборник статей] / Отв. ред. С.С. Дмитриев. М., 1977. Вып. 6. С. 3—13.
- Кананадзе Д.Г.* Грузинская нумизматика. М., 1955.
- Каргер М.К.* Основные итоги археологического изучения Великого Новгорода // Советская археология. 1947. Т. 9. С. 137—168.
- Каргер М.К.* Киев и монгольское завоевание // Советская археология. 1949. Т. 11. С. 55—102.
- Каргер М.К.* Развалины Зарубского монастыря и летописный город Заруб // Советская археология. 1950. Т. 13. С. 33—62.
- Каргер М.К.* Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1.
- Каргер М.К.* Древний Киев. М.; Л., 1961. Т. 2.
- Карпов С.П.* Работорговля в Южном Причерноморье в первой половине XV в. (преимущественно по данным массарий Каффы) // Византийский временник. 1986. Т. 46. С. 139—145.
- Карпов С.П.* Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. // Причерноморье в средние века: К XVIII Международному конгрессу византинистов / Под ред. С.П. Карпова. М., 1991. [Вып. 1.] С. 191—216.
- Карпов С.П.* Путиями средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской республики в XIII—XV вв. М., 1994.
- Карпов С.П.* Причерноморье в XV в. по материалам собрания Diversorum, Filze секретного архива Генуи // Причерноморье в средние века / Под ред. С.П. Карпова. М., 1995. Вып. 2. С. 9—19.
- Карпов С.П.* Венецианская Тана по актам канцлера Бенедетто Бьянко (1359—60 гг.) // Причерноморье в средние века. СПб., 2001. Вып. 5. С. 9—26.

- Каишанов С.М.* История холопства на Руси в трудах А.А. Зимина // Историк в России между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова. М., 2012. С. 38—41.
- Каишанов С.М.* Московское царство и Запад: Историографические очерки. М., 2015.
- Кизилов Ю.А.* Земли и народы России в XIII—XV вв. М., 1984.
- Килиевич С.Р.* Детинец Киева IX — первой половины XIII вв. (по материалам археологических исследований). Киев, 1982.
- Кирпичников А.Н.* Вооружение Руси в IX—XIII вв. // ВИ. 1970. № 1. С. 42—55.
- Кирьянов А.В.* Земледелие Древней Руси в период феодальной раздробленности (XII—XIII вв.) // Возникновение и развитие земледелия / Отв. ред.: В.Д. Блаватский и А.В. Никитин. М., 1967.
- Климовский С.И.* Водолей из Киевского клада // Проблемы истории и археологии Украины: Тезисы докладов научной конференции. Харьков, 1999. С. 52—53.
- Ключевский В.О.* Сочинения: В 9-ти тт. М., 1988. Т. 2: Курс русской истории. Ч. 2.
- Коваль В.Ю.* Амфоры византийского круга в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. История и Археология. Новгород, 1999. Вып. 13 / Отв. ред. В.Л. Янин. С. 246—260.
- Коган А.И.* Кашмир и его соседи в XII—XIII вв. // Восток. 2014. № 4. С. 37—47.
- Комаров К.И.* О нашествии Батые на Северо-Восточную Русь в 1237—1238 гг. // ВИ. 2012. № 10. С. 87—96.
- Коновалова И.Г.* Итальянские купцы в Северо-Западном Причерноморье в XIII в. // ДГТ СССР, 1987 / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1989. С. 301—309.
- Коновалова И.Г., Перхавко В.Б.* Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М., 2000.
- Коновалова И.Г.* Средневековое страноведение: Русь в географическом сочинении ал-Идриси // Universitas historiae: сборник статей в честь П. Ю. Уварова / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2016. С. 542—548.
- Конявская Е.Л.* «Южнорусские» статьи первой половины XIII в. в новгородских летописях // Новгородский исторический сборник (далее — НИС). 2008. Т. 11 (21). С. 98—109.
- Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX—XIII вв. М.; Л., 1954.
- Корзухина Г.Ф.* О памятниках «корсунского дела» на Руси (по материалам медного литья) // Византийский временник. 1958. Т. 14. С. 129—137.
- Корзухина Г.Ф., Пескова А.А.* Древнерусские энколпионы: Нагрудные кресты-реликварии X—XIII вв. СПб., 2003.
- Костакэл В.А.* Русско-украинско-молдавские исторические связи в XIV—XV вв. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сборник статей, посвященный Л.В. Черепнину / Отв. ред. В.Т. Пашуто. М., 1972. С. 276—281.
- Котляр Н.Ф.* Комментарий // Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование / Сост.: Н.Ф. Котляр, В.Ю. Франчук, А.Г. Плахонин; под ред. Н.Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 177—368.
- Котышев Д.М.* Институт великого княжения и эволюция междукняжеских отношений (XII—XIV вв.) // Вестник Челябинского университета (далее — ВЧУ). Сер. 1: История. 1994. № 1 (7). С. 62—72.
- Котышев Д.М.* Ордынское иго как фактор политического развития Русского государства в XIV—XVI вв. // Проблемы социально-политической и этнической истории России XIV—XX вв.: сборник студенческих исследований / Отв. ред. Н.Н. Алеврас. Челябинск, 1995. С. 6—14.
- Крадин Н.Н.* Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы // ВИ. 2001. № 4. С. 21—32.
- Крадин Н.Н.* Империя Чингисхана в новых западных исследованиях // ВИ. 2010. № 5. С. 9—24.
- Крекий Б.* Дубровник и Левант (1280—1460). Београд, 1956.
- Куза А.В.* Древнерусские города // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 51—66.
- Куза А.В.* Малые города Древней Руси. М., 1989.
- Куза А.В.* Древнерусские городища X—XIII вв.: Свод археологических памятников. М., 1996.
- Кузина И.Н.* Импортные стеклянные сосуды из раскопок во Владимире в 2007 г. // РА. 2015. № 4. С. 149—157.
- Кузнецов В.А.* Энколпионы Северного Кавказа // Славяне и Русь. К 60-летию акад. Б.А. Рыбакова / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М., 1968. С. 80—86.
- Кузьмин А.В.* Генеалогия рязанских и муромских князей XIII — первой половины XIV в. // Записки Отдела рукописей (далее — ЗОР) [РГБ]. М., 2008. Вып. 53. С. 35—60.
- Курбатов Г.Л.* История Византии. М., 1984.
- Кучкин В.А.* Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в. // Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М.Н. Тихомирова / Редкол.: В.А. Александров, М.Т. Белявский, Ю.О. Бем и др. М., 1967. С. 54—64.

- Кучкин В.А. Первый московский князь Даниил Александрович // ОИ. 1995. № 1. С. 93—107.
- Кызласов Л.Р. Борьба народов Южной Сибири против иноземных завоевателей в XIII в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины (Материалы юбилейной научной конференции) / Под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1983. С. 89—98.
- Кычанов Е.И. Монголия в первой половине XII в. // История Востока: В 6 т. / Гл. редкол.: Р.Б. Рыбаков и др. М., 2002. Т. 2 / Отв. ред.: Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян. С. 364—369.
- Лаушкин А.В. К истории возникновения ранних проложных сказаний о Михаиле Черниговском // Вестник МГУ. Сер. 8: История. 1999. № 6. С. 3—25.
- Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с франц.; общ. ред. Ю.Л. Бессмертного; послесл. А.Я. Гуревича. М., 1992.
- Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги: Очерк исторической антропологии / Пер. с франц. М.Ю. Некрасова; науч. ред. А.Ю. Карачинский. СПб., 2010.
- Лимонов Ю.А. Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVII вв. Л., 1978.
- Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1987.
- Лимонов Ю.А. Сочинения Серапиона Владимирского как источник по общественной мысли Руси второй половины XIII в. // Восточная Европа в древности и средневековье (далее — ВЕДС). Проблемы источниковедения: Чтения памяти член-корр. АН СССР В.Т. Пашуто: Тезисы докладов / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1990. С. 70—72.
- Липищ Е.Э. Об основных спорных вопросах истории ранневизантийского феодализма // ВИ. 1961. № 6. С. 96—110.
- Литаврин Г.Г. Русь и Византия в XII в. // ВИ. 1972. № 7. С. 36—52.
- Литаврин Г.Г. Киево-Печерский патерик о работаровцах-иудеях в Херсоне и о мученичестве Евстратия Постника // Славяне и их соседи / Отв. ред. серии Г.Г. Литаврин. М., 1994. Вып. 5: Еврейское население в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. Средние века — новое время / Отв. ред. выпуска Л.В. Заборовский. С. 66—82.
- Литаврин Г.Г. Византия и славяне (Сборник статей). СПб., 1999.
- Лихачев Н.П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики // Труды Музея палеографии. Л., 1928. Вып. 1.
- Логвин Г.[Н.] Киев. Изд. 3-е, доп. М., 1982.
- Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV в. М., 2009.
- Луцицкий И.[В.] Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV и XV вв. Киев, 1886.
- Лысенко С.Д. Киево-Фастовский участок северной ветки трансевропейского лесостепного пути // Проблемы археології Середнього Подніпров'я: До 15-річчя заснування Фастівського державного краєзнавчого музею. Київ; Фастів, 2005. С. 114—119.
- Мавродин В.В. Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949.
- Мавродин В.В. Советская историография социально-экономического строя Киевской Руси // ИСССР. 1962. № 1. С. 52—73.
- Мавродин В.В. О роли охоты и рыбной ловли в хозяйстве восточных славян // Проблемы отечественной и всеобщей истории: Сборник статей / Отв. ред. В.А. Ежов. Л., 1976. Вып. 3. С. 79—86.
- Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины (С древнейших времен до второй половины XIV в.). СПб., 2002.
- Максимов М.М. Очерк о серебре. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 1981.
- Мананчикова Н.П. Дубровник XIII — первой половины XV в.: Проблемы торговли. Воронеж, 1999.
- Матузова В.И. Английские средневековые источники IX—XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1979.
- Монгайт А.Л. Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие // ИСССР. 1959. № 1. С. 169—181.
- Мордасова И.В. Натуральная и денежная рента в новгородском феодальном хозяйстве XIII—XV вв. (по материалам берестяных грамот) // Проблемы истории феодальной России: Сборник статей к 60-летию проф. В.В. Мавродина / Отв. ред. А.Л. Шапиро. Л., 1971. С. 98—102.
- Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар — Киев: Пути, связи, судьбы. Киев, 1997.
- Моця О.П. Шляхи часів Київської Русі: темпи руху на «путях» // Археологія. 2010. № 2. С. 30—42.
- Мугуревич Э.С. Значение Днепро-Даугавского пути на территории Латвии // Історія Русі-України. Київ, 1998.
- Муравская Е.[И.] Торговые связи Риги с Полоцком, Витебском и Смоленском в XIII—XIV вв. // Известия АН ЛССР. Рига, 1961. № 2 (163). С. 31—42.

- Назаренко А.В.* Русь и Руги в Раффельштеттенском таможенном уставе? (Об одном мнимом конфликте между археологией и историей) // ВЕДС. Проблемы источниковедения: Чтения памяти член-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 1990. С. 87—92.
- Наркевич Н.І.* Ювелірнае мастацтва Беларусі XI—XIII стст. // Весці НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук. Мінск, 2010. № 3. С. 76—81.
- Насонов А.Н.* Монголы и Русь (История татарской политики на Руси). М.; Л., 1940.
- Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: историко-географическое исследование. М., 1951.
- Недашковский Л.Ф.* Хозяйство населения Золотой Орды // РА. 2009. № 1. С. 91—98.
- Недашковский Л.Ф.* Структура и внутренние связи округа золотоордынских городов Нижнего Поволжья // РА. 2014. № 2. С. 48—61.
- Нікольскі Н.М.* Раскопки на месцы старажытнага Мінска // Весці АН БССР. Адзяленне грамадскіх навук. Сер. гістарычная. Мінск, 1947. № 1. С. 43—52.
- Носов Н.Е.* Русский город феодальной эпохи: проблемы и пути изучения // Проблемы социально-экономической истории России. К 100-летию со дня рождения Б.А. Романова / Отв. ред. А.А. Фурсенко. Л., 1991. С. 63—71.
- Осипов Д.О., Фараджева Н.Н., Рузаева Е.И., Яганов А.В.* Архитектурно-археологические исследования на месте воссоздания Успенского кафедрального собора в Ярославле // АО 2005 г. / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М., 2007. С. 202—203.
- Осипов Д.О., Фараджева Н.Н., Энгватова А.В., Яганов А.В.* Археологические исследования в историческом центре Ярославле // АО 2006 г. / Сост. и отв. ред. Н.В. Лопатин. М., 2009. С. 247—250.
- Павулан В.В.* Хозяйственное и политическое значение даугавского торгового пути в XIII—XVII вв. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968. С. 75—95.
- Пашуто В.Т.* Хозяйство и техника средневековой Литвы // ВИ. 1947. № 8. С. 74—81.
- Пашуто В.[Т.], Черепнин Л.[В.]* О периодизации истории России эпохи феодализма // ВИ. 1951. № 2. С. 52—80.
- Пашуто В.Т.* Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956.
- Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. М., 1959.
- Пашуто В.Т.* Борьба народов Руси и Восточной Прибалтики с агрессией немецких, шведских и датских феодалов в XIII—XV вв. // ВИ. 1969. № 6. С. 112—129.
- Пемяк П.С.* До питання про соціальну організацію давньоруського ремесла X—XIII ст. // Археологія. Київ, 1985. Вип. 52. С. 1—10.
- Перхавко В.Б.* Находки энколпионов на территории Югославии // Советская археология. 1987. № 4. С. 206—219.
- Перхавко В.Б.* Гости-сурожане // ВИ. 1993. № 6. С. 149—153.
- Перхавко В.Б.* Хлеботорговля в Древней Руси // ОИ. 1996. № 4. С. 16—28.
- Перхавко В.Б.* Торговый мир средневековой Руси. М., 2006.
- Перхавко В.Б.* Русско-итальянские пересечения и соприкосновения в X—XII вв. // Rossica antiqua. 2012. № 1 (5). С. 3—32.
- Петрашенко В.О.* Дослідження слов'яно-руських старожитностей Канівського Подніпров'я у 70—90 рр. // Археологічні дослідження на Черкащині / Відп. ред. П.П. Соса; наук. ред. Т.М. Нараденко. Черкаси, 1995. Вип. 1. С. 108—114.
- Петров П.Н.* Еще раз о монетной реформе Мас'уд-бека 670/1271—1272 г. в государстве Чагатаидов // Вестник СПбУ. Сер. 2: История. 2008. Вып. 1. С. 201—213.
- Петрухин В.Я.* Югра: начало взаимодействия славянского и финно-угорского миров // Славянский альманах, 2006 / Отв. ред. М.А. Робинсон. М., 2007. С. 36—42.
- Плетнева С.А.* Половецкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв.: Сборник статей / Отв. ред. Л.Г. Бескровный. М., 1975. С. 260—300.
- Плетнева С.А.* Половцы. М., 1990.
- Полегайлов А.Г., Осадчий Е.И.* Свинцовая гирька из Изяславля на р. Горыни // Советская археология. 1988. № 3. С. 253—254.
- Полубояринова М.Д.* Стеклянная посуда древнего Турова // Советская археология. 1963. № 4. С. 233—238.
- Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.
- Пономарёв А.Л.* Население и территория Каффы по данным массарии — бухгалтерской книги казначейства за 1381—1382 гг.: АКИН. М., 1999.
- Пономарёв А.Л.* Денежная политика Трапезундской империи // Вестник МГУ. Сер. 8: История. 2010. № 2. С. 21—41.

- Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 1. Вып. 1: Повесть временных лет; Вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку; Вып. 3: Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. М., 1997. 745 с.
- ПСРЛ. Т. 2: Летопись по Ипатьевскому списку. М., 1998. 14, XVI, 939, 92, L с.
- ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. 706 с., 10 ил.
- ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000. 728 с.
- ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. 320 с.
- ПСРЛ. Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью / С прил. извлечений из монографии Б.М. Клосса «Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв.». М., 2000. 288 с., 2 ил.
- ПСРЛ. Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Продолжение) / С прил. извлечений из монографии Б.М. Клосса «Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв.». М., 2000. 248 с.
- ПСРЛ. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. М., 2004. 488 с., разд. паг.
- ПСРЛ. Т. 39: Софийская первая летопись по списку И.Н. Царского. М., 1994. 205 с.
- Поппэ А.[В.]* Митрополиты и князья Киевской Руси // *Подкальски Г.* Христианство и богословская лит-ра в Киевской Руси (988—1237 гг.) / Пер. А.В. Назаренко; под ред. К.К. Актентьева. Изд. 2-е, испр. и доп для рус. пер. СПб., 1996. С. 443—498.
- Присёлков М.Д.* Троицкая летопись: реконструкция текста. М.; Л., 1950; 2-е изд. СПб., 2002.
- Пушкина Т.А.* Гнёздовское поселение в истории Смоленского Поднепровья: АКИН. М., 1974.
- Пушкина Т.А.* Гнёздово: итоги и задачи исследования // Труды Государственного исторического музея (далее — Труды ГИМ). М., 2001. Вып. 124: Археологический сборник: Гнёздово: 125 лет исследования памятника / Отв. ред. В.В. Мурашёва. С. 4—11.
- Пушкина Т.А.* Откуда есть пошёл Смоленск // Родина. 2013. № 9. С. 8—11.
- Раппопорт П.А.* Оборонительные сооружения Древней Руси // ВИ. 1970. № 11. С. 56—64.
- Расовский Д.А., Храпачевский Р.П.* От чёрных клобуков и печенегов до кунов. М., 2013.
- Рогов А.И.* Культура Руси в VI—XV вв. // История Европы: В 8-ми т. С древнейших времен до наших дней. М., 1992. Т. 2: Средневековая Европа / Отв. ред.: Е.В. Гутнова, З.В. Удальцова. С. 712—741.
- Рудаков В.Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII—XV вв. М., 2009.
- Рудич Т.О., Толкачев Ю.И.* Антропологічні матеріали з Меджибожа // Археологічні дослідження в Україні, 2004—2005 рр. Київ; Запоріжжя, 2006. С. 446—448.
- Рудич Т.О.* Про антропологічний склад населення Середнього Подніпров'я доби пізнього середньовіччя // Археологія. 2009. № 1. С. 16—25.
- Русь в XIII в.: континуитет или разрыв традиций? (Тезисы докладов международной научной конференции). М., 2000.
- Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.
- Рыбаков Б.А.* Куликовская битва (Речь в Колонном зале Дома Союзов) // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 5—15.
- Рыбина Е.А.* Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. М., 1978.
- Рыбина Е.А.* Сведения о торговле в берестяных грамотах // История и культура древнерусского города: [Сборник статей] / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М., 1989. С. 74—81.
- Рябцевич В.Н.* Нумизматика Беларуси. Минск, 1995.
- Рязановский В.А.* К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право (Вступ. ст. Г.В. Мелихова) // ВИ. 1993. № 7. С. 152—163.
- Сайпанов Б.С.* Проблема «серебряного кризиса» денежного обращения на Востоке в нумизматической литературе // Вестник МГУ. Сер. 9: История. 1976. № 1. С. 53—65.
- Сахаров А.М.* Церковь в период феодальной раздробленности // Христианство и Русь: Сборник статей / Под общ. ред. А. Белова. М., 1988. С. 47—67.
- Сб. РИО. Т. 35. Памятники дипломатических отношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 1: 1487—1533 гг. / Под ред. Г. Ф. Карпова. Изд. 2-е. СПб., 1892.
- Селзнёв Ю.В.* Червлёный Яр — улус Золотой Орды // Население и территория Центрально-Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем: Материалы VII региональной конференции по исторической демографии и исторической географии, посвященной 75-летию В.П. Загоровского / Отв. ред. А.Н. Акиншин. Воронеж, 2000. С. 98—100.
- Селзнёв Ю.В.* «А перемѣнить Богъ Орду...» (Русско-ордынские отношения в конце XIV — первой трети XV в.). Воронеж, 2006.

- Селезнёв Ю.В.* Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII—XV вв. Воронеж, 2013.
- Синех В.К.* Очерк истории изучения древнерусской металлургии и металлообработки // Вестник МГУ. Сер. 8: История. 2008. № 3. С. 87—96.
- Скржинская Е.Ч.* Русь, Италия и Византия в Средневековье. СПб., 2001.
- Скрипченко Т.С.* О производстве двухслойных и филигранных стеклянных браслетов // Древнерусское государство и славяне: Материалы симпозиума, посвященного 1500-летию Киева / Редкол.: Л.Д. Поболь, М.М. Чернявский, Г.В. Штыхов. Минск, 1983. С. 96—98.
- Слово Даниила Заточника (Подг. текста, пер. и коммент.: Л.В. Соколовой) // Библиотека литературы Древней Руси (далее — БЛДР). 1997. Т. 4: XII в. / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева и др. С. 268—283.
- Сметанин В.А.* Византийское общество XIII—XV вв. Свердловск, 1987.
- Смирнов В.Н.* Экономические связи Древней Руси с Византией и Северным Причерноморьем в VIII—XV вв.: АКИН. Л., 1980.
- Смирнов И.И.* Новые материалы о вывозе хлеба из России (конец XVI в.) // ВИ. 1961. № 4. С. 210—214.
- Смирнов П.[П.]* Образование Русского централизованного государства в XIV—XVI вв. // ВИ. 1946. № 2/3. С. 55—90.
- Смоленские грамоты XIII—XIV вв. / Подг. к печати Т. А. Сумникова, В. В. Лопатин; под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963.
- Соболь В.Е.* О хронологии культурного слоя Минска позднефеодального периода // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983. С. 75—76.
- Сокульский А.Л.* К локализации летописного Олешья // Советская археология. 1980. № 1. С. 64—72.
- Спаский И.Г.* Русская монетная система: Историко-нумизматический очерк. Изд. 4-е, доп. Л., 1970.
- Ставиский В.И.* О двух датах штурма Киева в 1240 г. по русским летописям // Труды Отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ). 1990. Т. 43. С. 282—290.
- Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: тексты и комментарии: в 3 т. / Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М., 2007. Т. 1.
- Стрикалов И.Ю.* Рязанские ополчения: динамика и характер колонизации в XII—XV вв. // РА. 2015. № 4. С. 158—171.
- Строде Х.П.* Феодалная Рига в послевоенной зарубежной историографии // История и историки: Историографический ежегодник, 1980 / Отв. ред. акад. М.В. Нечкина. М., 1984. С. 140—162.
- Сухобоклов О.В.* Древнерусский Путивль и его округа (по материалам археологических исследований). Путивль, 1990.
- Талызина А.А.* Завещания нотариуса Кристофоро Риццо, составленные в Тане (1411—1413) // Причерноморье в средние века. СПб., 2001. Вып. 5. С. 27—39.
- Тарасенко В.Р.* К истории города Минска (На основе археологических раскопок минского Замчища 1945—1948 гг.) // Известия АН БССР. 1948. № 6. С. 34—44.
- Тихомиров М.[Н.]* Исторические связи русского народа с южными славянами в XIV—XVI вв. // ВИ. 1941. № 12. С. 71—78.
- Тихомиров М.Н.* Великий Новгород в истории мировой культуры // Новгород. К 1100-летию города: Сборник статей / Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1964. С. 23—38.
- Тихомиров М.Н.* Русская культура X—XVIII вв.: Избранные труды. М., 1968.
- Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.
- Толочко П.П.* Исторична топографія стродавнього Києва. Київ, 1970.
- Толочко П.П.* Древний Киев. Киев, 1983.
- Толочко П.П.* Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. Киев, 1987.
- Толочко П.П.* Древнерусский феодальный город. Киев, 1989.
- Толочко П.П.* Пути-дороги Киевской Руси // Славяне и их соседи. М., 2008. Вып. 12: Анфологион. Власть, общество, культура в славянском мире в средние века. К 70-летию Б.Н. Флорин / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. С. 334—348.
- Томсинский С.В.* Юрьев-Польской: ближайшие перспективы археологического изучения // Археология Владимиро-Суздальской Руси: Материалы научного семинара. М., 2007. Вып. 1 / Сост. С.В. Шполянский.
- Тропин Н.А.* Сельские поселения XII—XV вв. южных территорий Рязанской земли. Воронеж, 2004.

- Удальцова З.В., Шапов Я.Н., Гутнова Е.В., Новосельцев А.П. Древняя Русь — зона встречи цивилизаций // ВИ. 1980. № 7. С. 41—60.
- Усачев Н.Н. К оценке западных внешнеторговых связей Смоленска в XII—XIV вв. // Международные связи России до XVII в.: Сборник статей / Редкол.: А.А. Зимин, В.Т. Пашуто. М., 1961. С. 203—224.
- Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв. М., 1963.
- Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов (Археологические памятники). М., 1966.
- Фёдоров-Давыдов Г.А. Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья // Советская археология. 1984. № 3. С. 83—95.
- Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды // Нумизматический альманах. 2000. № 3. С. 4—7: ил.
- Флоровский А.[В.] Чехи и восточные славяне в X—XVIII вв. // ВИ. 1947. № 8. С. 66—73.
- Флоря Б.Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII—XV вв. (К вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // Славяноведение. 1993. № 2. С. 42—66.
- Фоменко В.Г. Южные пути Киевской Руси на Запорожье // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1963 г. М., 1964. С. 23—31.
- Фомичев Н.М. Некоторые данные о культовых сооружениях и религиозной жизни средневекового города Азака-Таны в XIV—XV вв. // Очерки истории Азова / Науч. ред. В.Я. Кияшко. Азов, 1994. Вып. 2. С. 5—18.
- Хан Н.А. Локализация Югры и ареалы обитания соболя // ВИ. 2006. № 11. С. 124—130.
- Холл Дж.А. Государства и общества: «европейское чудо» в сравнительной перспективе // Цивилизации. М., 1992. Вып. 1. С. 128—144.
- Хорошев А.С. Новые материалы по археологии Неревского конца // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода / Под общ. ред. Б.А. Колчина, В.Л. Янина. М., 1982. С. 239—268.
- Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв. М., 1963.
- Хорошкевич А.Л. Монголы и Новгород в 50-е гг. XIII в. (по данным берестяных грамот № 215 и 218) // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 69—73.
- Циркин А.В. Древковое оружие мордвы и его хронология // Советская археология. 1984. № 1. С. 123—133.
- Цыбин М.В. Археологическое изучение Червленого Яра // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции: Труды Юбилейной научной конференции / Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула, 2001. С. 17—23.
- Черепнин Л.В. К вопросу о периодизации истории СССР периода феодализма // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1952. Т. 9. № 2. С. 115—132.
- Черепнин Л.В. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII в.) // ВИ. 1953. № 4. С. 38—63.
- Чернышевский Д.В. «Придоша бесчисленны, яко пружи» // ВИ. 1989. № 2. С. 127—132.
- Шаскольский И.П. Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии. Конец XIII — начало XIV в. Петрозаводск, 1987.
- Шебанин Г.А. Окско-Донской путь XII — начала XIII в. в свете новых археологических данных // Куликово поле. Вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 118—122.
- Шенников А.А. Червленый Яр: Исследование по истории и географии Подонья в XIV—XVI вв. Л., 1987.
- Штыхаў Г.В. Археалагі дапаўняюць летапісаў. Мінск, 2009.
- Штэтылло Я.Ф. Деревянная скульптура XIV—XV вв. из Штральзунда // Советская археология. 1965. № 1. С. 306—314.
- Шукуров Р.М. Тюрки на православном Понте в XIII—XV вв.: начальный этап тюркизации? // Причерноморье в средние века. СПб., 1995. Вып. 2. С. 68—103.
- Шапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси (X—XIII вв.). М., 1989.
- Шапова Ю.Л. Стекланные браслеты Полоцкой земли // КСИА. 1965. Вып. 104: Средневековые памятники Восточной Европы / Отв. ред. Т.С. Пассек. С. 47—49.
- Энговатова А.В., Осипов Д.О., Фараджева Н.Н., Бужилова А.П., Гончарова Н.Н. Массовые средневековые захоронения в Ярославле: анализ археологических и антропологических материалов // РА. 2009. № 2. С. 68—78.

- Энговатова А.В., Осипов Д.О., Гончарова Н.Н., Бужилова А.П. Массовое средневековое захоронение в Ярославле (предварительные результаты) // КСИА. М., 2010. Вып. 224. С. 106—114.
- Юрченко А.Г. Почему Джанибек изображен на Каталанском атласе 1375 г.? // Донские древности. Азов, 2009. Вып. 10. С. 492—498.
- Якобсон А.Л. Крым в средние века. М., 1973.
- Яковенко Н.[М.] Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. Київ, 2005.
- Янин В.Л. «Чёрный бор» в Новгороде XIV—XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 98—107.

Примечания

- ¹ Довженок В.О. Среднее Поднепровье после татаро-монгольского нашествия // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 76.
- ² Долженко Ю.В. Населення Чернігова і округи за доби Середньовіччя // Археологія. 2010. № 1. С. 46—49.
- ³ Коновалова И.Г. Средневековое страноведение: Русь в географическом сочинении ал-Идриси // Universitas historiae. М., 2016. С. 544.
- ⁴ Ивакин Г.Ю. Историческое развитие Южной Руси и Батыево нашествие // Русь в XIII в.: Древности тёмного времени. М., 2003. С. 59—60.
- ⁵ Подробнее об этом, например, см.: Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948; Он же. Куликовская битва // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 9; Каргер М.К. Киев и монгольское завоевание // Советская археология. 1949. Т. 11. С. 55—102; Пашуто В.[Т.], Черепнин Л.[В.] О периодизации истории России эпохи феодализма // ВИ. 1951. № 2. С. 60—61, 78; Черепнин Л.В. К вопросу о периодизации истории СССР периода феодализма // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1952. Т. 9. № 2. С. 121; Он же. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII в.) // ВИ. 1953. № 4. С. 53; Воронин Н.Н. Древнерусское искусство. М., 1962. С. 26; Тихомиров М.Н. Русская культура X—XVIII вв. М., 1968. С. 173—183; Раппопорт П.А. Оборонительные сооружения Древней Руси // ВИ. 1970. № 11. С. 60; Горский А.Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI в. М., 1974. С. 38—39; Борисов Н.С. Отечественная историография о влиянии татаро-монгольского нашествия на русскую культуру // Проблемы истории СССР. М., 1976. Сб. 5. С. 129—148; Удальцова З.В., Шапов Я.Н., Гутнова Е.В., Новосельцев А.П. Древняя Русь — зона встречи цивилизаций // ВИ. 1980. № 7. С. 55, 57; Толочко П.П. Древняя Русь. Киев, 1987. С. 172—179; Сахаров А.М. Церковь в период феодальной раздробленности // Христианство и Русь. М., 1988. С. 54; Лимонов Ю.А. Сочинения Серапиона Владимирского как источник по общественной мысли Руси второй половины XIII в. // ВЕДС. Проблемы источниковедения: Чтения памяти член-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 1990. С. 71—72; Носов Н.Е. Русский город феодальной эпохи: проблемы и пути изучения // Проблемы социально-экономической истории России. Л., 1991. С. 67; Рогов А.И. Культура Руси в VI—XV вв. // История Европы. М., 1992. Т. 2. С. 730; Флоря Б.Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII—XV вв. // Славяноведение. 1993. № 2. С. 47; Лаушкин А.В. К истории возникновения ранних проложных сказаний о Михаиле Черниговском // Вестник МГУ. Сер. 8: История. 1999. № 6. С. 3—25; Беллев Л.А. Археология русских монастырей и проблема их восстановления: тезисы доклада // ИВ. 2000. № 7 (11). Ч. 2. С. 164; Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII—XV вв. М., 2009. С. 45—113; и др.; ср.: Tschizewskij D. Das Heilige Russland: russische Geistesgeschichte, I. 10—17 Jahrhundert. Hamburg, 1959. S. 70; Яковенко Н.[М.] Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. Київ, 2005. С. 96; и др.
- ⁶ Довженок В.О. Среднее Поднепровье после татаро-монгольского нашествия. С. 78.
- ⁷ Куза А.В. Древнерусские города // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 60—61.
- ⁸ Samsonowicz H. Historia polityczna a historia integralna w badaniach Polski średniowiecznej // NA-UKA. 2007. Nr. 1. S. 91, 92.
- ⁹ ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 783. Л. 264 об.

- ¹⁰ *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 110–111; *Ставиский В.И.* О двух датах штурма Киева в 1240 г. по русским летописям // ТОДРЛ. 1990. Т. 43. С. 282–290; *Ивакин Г.Ю.* Київ у другій половині XIII ст. // Старожитності Русі-України. Київ, 1994. С. 238; ср.: *Каргер М.К.* Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 509–510; *Котляр Н.Ф.* Комментарий // Галицко-Волынская летопись. СПб., 2005. С. 253–254; *Конявская Е.Л.* «Южнорусские» статьи первой половины XIII в. в новгородских летописях // НИС. 2008. Т. 11 (21). С. 108–109; и др.
- ¹¹ ПСРЛ. Т. 10. М., 2000. С. 117.
- ¹² *Пацуро В.Т.* Борьба народов Руси и Восточной Прибалтики с агрессией немецких, шведских и датских феодалов в XIII–XV вв. // ВИ. 1969. № 6. С. 113; *Удальцова З.В., Щанов Я.Н., и др.* Древняя Русь — зона встречи цивилизаций. С. 43.
- ¹³ *Каждан А.П.* Новые работы о средневековом Константинополе // ВИ. 1976. № 8. С. 185.
- ¹⁴ *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М., 1998. С. 47–48.
- ¹⁵ Ср.: *Лосева О.В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV в. М., 2009. С. 299; ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 298. Л. 168; и др.
- ¹⁶ *Кадлубовский А.П.* Житие преподобного Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным // Сборник Историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине. Нежин, 1899. Т. 2. Отд. 2. С. 118.
- ¹⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 794. Л. 267 об.
- ¹⁸ Ср.: Там же. Т. 2. Стб. 794. Л. 267 об. (известия за 6750 и 6752 гг.).
- ¹⁹ *Климовский С.И.* Водолей из Киевского клада // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 1999. С. 52–53.
- ²⁰ *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. С. 60.
- ²¹ *Джованни дель Плано Карпини.* История монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны; Книга Марко Поло. М., 1997. С. 70; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 806. Л. 271. О хронологии и маршруте движения из Киева Плано Карпини и великого князя Даниила Романовича подробнее, например, см.: *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 37–39. Некоторые исследователи, не учитывая особенность хронологии известий Галицко-Волынской летописи, по-прежнему, ошибочно датируют поездку галицкого князя в Орду осенью 1250, а не 1246 г. (Например, см.: Там же. С. 38; *Щанов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 140; и др.).
- ²² *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 24; *Мавродин В.В.* Очерки истории Левобережной Украины. СПб., 2002. С. 370, 372, 394–396; *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. С. 37–39; *Зайцев А.К.* Черниговское княжество X–XIII вв. М., 2009. С. 209; и др.
- ²³ Об этом, например, у арабских географов см.: *Коновалова И.Г.* Средневековое страноведение. С. 543–546.
- ²⁴ *Фоменко В.Г.* Южные пути Киевской Руси на Запорожье // АЕ за 1963 г. М., 1964. С. 26; *Куза А.В.* Малые города Древней Руси. М., 1989. С. 73.
- ²⁵ Подробнее об этом пути см.: *Лысенко С.Д.* Киево-Фастовский участок северной ветки трансевропейского лесостепного пути // Проблеми археології Середнього Подніпров'я. Київ; Фастів, 2005. С. 114–119.
- ²⁶ *Каргер М.К.* Развалины Зарубского монастыря и летописный город Заруб // Советская археология. 1950. Т. 13. С. 60–62; *Куза А.В.* Малые города Древней Руси. С. 73; *Петрашенко В.О.* Дослідження слов'яно-руських старожитностей Канівського Подніпров'я у 70–90 рр. // Археологічні дослідження на Черкащині. Черкаси, 1995. Вип. 1. С. 108–110; и др.
- ²⁷ *Мавродин В.В.* Очерки истории Левобережной Украины. С. 350. Для Батыев набор воинов для похода на страны Восточной и Центральной Европы был жизненно необходим, так как численность его войск перед захватом Киева вряд ли могла превышать 40 тысяч человек (*Чернышевский Д.В.* «Приидоша бесчисленны, яко пружи» // ВИ. 1989. № 2. С. 132).
- ²⁸ Данные условия были необходимым элементом для создания государственных начал будущей «кочевой империи», организованной по традиционному военно-иерархическому принципу (*Джованни дель Плано Карпини.* История монгалов... С. 53–67). Об этих принципах подробнее см.: *Крадин Н.Н.* Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы // ВИ. 2001. № 4. С. 25.
- ²⁹ *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // ИЗ. 1938. Т. 3. С. 89.

- ³⁰ *Ле Гофф Ж.* Рождение Европы. СПб., 2007. С. 241—243; *Юрченко А.Г.* Почему Джанибек изображен на Каталанском атласе 1375 г.? // *Донские древности.* Азов, 2009. Вып. 10. С. 495—498; *Крадин Н.Н.* Империя Чингисхана в новых западных исследованиях // *ВИ.* 2010. № 5. С. 19; и др.
- ³¹ *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. С. 26, 27—28; *Ивакин Г.Ю.* Киев в XIII—XV вв. Киев, 1982. С. 19; и др.
- ³² *Присёлков М.Д.* Троицкая летопись. М.; Л., 1950; СПб., 2002. С. 321; ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 470. Л. 165.
- ³³ *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1954. Т. 2. С. 168; см. также об этом: *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. С. 29; *Греков И.Б.* Куликовская битва — важная веха в политической жизни Восточной Европы второй половины XIV в. // *СС.* 1980. № 5. С. 11; *Котышев Д.М.* Институт великого княжения и эволюция междукняжеских отношений (XII—XIV вв.) // *Вестник Челябинского университета.* Сер. 1: История. 1994. № 1. С. 67—68; *Он же.* Ордынское иго как фактор политического развития Русского государства в XIV—XVI вв. // *Проблемы социально-политической и этнической истории России XIV—XX вв.* Челябинск, 1995. С. 10.
- ³⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 806. Л. 270 об.; *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. С. 27.
- ³⁵ *Джованни дель Плано Карпини.* История монгалов... С. 69, 83. О происхождении и функциях института сотских и десятских на Руси подробнее см.: *Кучкин В.А.* Десятские и сотские Древней Руси // *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 270—425.
- ³⁶ *Джованни дель Плано Карпини.* История монгалов... С. 69, 83—84.
- ³⁷ *Поппэ А.[В.]* Митрополиты и князья Киевской Руси // *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). СПб., 1996. С. 474.
- ³⁸ *Lietuvos Metrika.* Knyga Nr. 7 (1506—1539). Užrašymų knyga 7. Vilnius, 2011. № 28. С. 90.
- ³⁹ *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. С. 11.
- ⁴⁰ *Толочко П.П.* Исторична топографія стараданнього Києва. Київ, 1970. С. 173.
- ⁴¹ *Логвин Г.[Н.]* Киев. М., 1982. С. 32; см. также: *Куза А.В.* Важнейшие города Руси // *Древняя Русь. Город, замок, село.* С. 66; и др.
- ⁴² *Логвин Г.[Н.]* Киев. С. 32.
- ⁴³ *Раппопорт П.А.* Оборонительные сооружения Древней Руси. С. 59; см. также: *Пеняк П.С.* До питання про соціальну організацію давньоруського ремесла X—XIII ст. // *Археологія.* Київ, 1985. Вип. 52. С. 3; и др.
- ⁴⁴ *Авдусин Д.А.* Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // *ВИ.* 1980. № 12. С. 38.
- ⁴⁵ *Толочко П.П.* Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С. 192.
- ⁴⁶ *Раппопорт П.А.* Оборонительные сооружения Древней Руси. С. 60.
- ⁴⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 805—806. Л. 270 об.
- ⁴⁸ *Килиевич С.Р.* Детинец Киева IX — первой половины XIII вв. Киев, 1982. С. 17, 20, 124, 126—128, 135, 137; *Боровский Я.Е., Мовчан І.І.* Південні (Софійські) ворота в оборонній системі Київського дитинця // *Історія Русі-України.* Київ, 1998. С. 90; *Ивакин В.[Г.]* Топография христианских погребальных памятников древнерусского Киева // *Acta Archaeologica Albaruthenica.* 2008. Мінск, Vol. 4. С. 145—146; и др.
- ⁴⁹ *Ивакин В.[Г.]* Топография христианских погребальных памятников древнерусского Киева. С. 134—152.
- ⁵⁰ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 130. Л. 161 об.
- ⁵¹ *Агафонов П.Г., Праздников В.В., Спиридонова Е.В.* История Ярославской археологии. М., 2009. С. 242—247; *Осипов Д.О., Фараджева Н.Н., Рузаева Е.И., Яганов А.В.* Архитектурно-археологические исследования на месте воссоздания Успенского кафедрального собора в Ярославле // *АО* 2005 г. М., 2007. С. 202—203; *Осипов Д.О., Фараджева Н.Н., Энгватова А.В., Яганов А.В.* Археологические исследования в историческом центре Ярославле // *АО* 2006 г. М., 2009. С. 247—250; *Энгватова А.В., Осипов Д.О., Фараджева Н.Н., Бужилова А.П., Гончарова Н.Н.* Массовые средневековые захоронения в Ярославле: анализ археологических и антропологических материалов // *РА.* 2009. № 2. С. 68—78; *Энгватова А.В., Осипов Д.О., Гончарова Н.Н., Бужилова А.П.* Массовое средневековое захоронение в Ярославле // *КСИА.* 2010. Вып. 224. С. 106—114; *Комаров К.И.* О нашествии Батые на Северо-Восточную Русь в 1237—1238 гг. // *ВИ.* 2012. № 10. С. 90; и др.

- ⁵² Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995. С. 372–380.
- ⁵³ Кузьмин А.В. Генеалогия рязанских и муромских князей XIII — первой половины XIV в. // ЗОР [РГБ]. М., 2008. Вып. 53. С. 41–42, 52. Примеч. 78.
- ⁵⁴ Ср.: Сухобоков О.В. Древнерусский Путивль и его округа. Путивль, 1990. С. 127.
- ⁵⁵ Греков И.Б. Куликовская битва — важная веха в политической жизни Восточной Европы второй половины XIV в. С. 11.
- ⁵⁶ Подробнее об этом, например, см.: Корзухина Г.Ф. Русские клады IX—XIII вв. М.; Л., 1954.
- ⁵⁷ Куза А.В. Древнерусские городища X—XIII вв. М., 1996. № 351. С. 98.
- ⁵⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 476. Л. 23; Сб. РИО. СПб., 1892. Т. 35. № 2/III. С. 9; и др.
- ⁵⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 677. Л. 234.
- ⁶⁰ Матузова В.И. Английские средневековые источники IX—XIII вв. М., 1979. № 50. С. 158.
- ⁶¹ Удальцова З.В., Шапов Я.Н., и др. Древняя Русь — зона встречи цивилизаций. С. 44; Назаренко А.В. Русь и Руги в Раффельштеттенском таможенном уставе? // ВЕДС. Проблемы источниковедения. С. 87–92; Моця О.П. Шляхи часів Київської Русі: темпи руху на «путях» // Археологія. 2010. № 2. С. 38.
- ⁶² Гапоненко Л.С. Положение крестьян Юго-Западной Руси по Вислицкому статуту // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 128.
- ⁶³ Джованни дель Плано Карпини. История монгалов... С. 84.
- ⁶⁴ Загоскин Н.П. Русские водные пути и судовое дело в до-Петровской России. Казань, 1910. С. 204.
- ⁶⁵ Смирнов В.Н. Экономические связи Древней Руси с Византией и Северным Причерноморьем в VIII—XV вв.: АКИН. Л., 1980. С. 11; Беляева С.А. Южнорусские земли во второй половине XIII—XIV вв. Киев, 1982. С. 21–22; Ивакин Г.Ю. Киев в XIII—XV вв. С. 18–19; Он же. Историчний розвиток Києва XIII — середини XVI ст. Київ, 1996. С. 15, 200–201; Рябцевич В.Н. Нумизматика Беларуси. Минск, 1995. С. 131; и др.
- ⁶⁶ Коновалова И.Г. Итальянские купцы в Северо-Западном Причерноморье в XIII в. // ДГТ СССР, 1987. М., 1989. С. 302–303.
- ⁶⁷ Об этом, например, см.: Перхавко В.Б. Русско-итальянские пересечения и соприкосновения в X—XII вв. // *Rossica antiqua*. 2012. № 1 (5). С. 3–32.
- ⁶⁸ Волощук М.М. Русские йобационы на службе венгерских Арпадов и Анжу в XIII—XIV вв. // *Rossica antiqua*. 2012. № 2 (6). С. 135.
- ⁶⁹ *Kaczmarczyk Zdz.* Początki prawa miejskiego na Słowiańszczyźnie // *Europa — Słowiańszczyzna — Polska: Studia ku uczczeniu profesora K. Tymienieckiego* // Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Prace Wydziału Filozoficzno-Historycznego. Poznań, 1970. Seria Historia. Nr. 36. S. 276–277; Мананчикова Н.П. Дубровник XIII — первой половины XV в. Воронеж, 1999. С. 70. Согласно «Практике торговли» Франческо Бальдуччи Пеголотти, наряду с купцами из Флоренции, в первой половине XIV в. граждане именно этих североитальянских республик занимали значительную нишу в торговых операциях, проводившихся в Константинополе и Пере. Подробнее об этом, например, см.: *Pegolotti F.B.* La pratica della mercatura. Cambridge; Massachusetts, 1936. P. 40–41, 48–52.
- ⁷⁰ Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М., 2000. С. 183.
- ⁷¹ Подробнее об этом, например, см.: Там же. С. 175–195.
- ⁷² Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 1999. С. 371–372.
- ⁷³ Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. С. 175–195.
- ⁷⁴ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. М., 1997. Стб. 67. Л. 20 об.
- ⁷⁵ *Górka O.* Zagadnienie czarnomorskie w polityce polskiego średniowiecza. Cz. 1: 1359–1450 // *РН*. 1932–1933. Т. 30. Nr. 2. S. 360–363; *Костакэл В.А.* Русско-украинско-молдавские исторические связи в XIV—XV вв. // *Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе*. М., 1972. С. 276–281.
- ⁷⁶ Джованни дель Плано Карпини. История монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны... С. 89–90, 97; Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе... С. 79–80; Якобсон А.Л. Крым в средние века. М., 1973. С. 112; Воронов Ю.Н. Диоскуриада — Севастополь — Цхум. М., 1980. С. 108; и др. Согласно византийско-генуэзским договорам 1169 и 1192 гг., император Мануил I Комнин разрешил купцам Генуи «входить в любой город Причерноморья», запретив последним «доступ лишь в города

- Тмутаракань и Россию», находившуюся вблизи от Керчи (*Литаврин Г.Г.* Русь и Византия в XII в. // *ВИ.* 1972. № 7. С. 40).
- ⁷⁷ *Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв. М., 1963. С. 119.
- ⁷⁸ *Джованни дель Плано Карпини.* История монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны... С. 89—90.
- ⁷⁹ Об этом, например, см.: *Паушто В.Т.* Борьба народов Руси и Восточной Прибалтики с агрессией немецких, шведских и датских феодалов в XIII—XV вв. С. 113; и др.
- ⁸⁰ *Джованни дель Плано Карпини.* История монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны... С. 91.
- ⁸¹ *Крекић Б.* Дубровник и Левант (1280—1460). Београд, 1956. С. 96—100; *Воронов Ю.Н.* Диоскуриада — Себастополис — Цхум. С. 108—109; *Ле Гофф Ж.* Средневековье и деньги. СПб., 2010. С. 27; *Каштанов С.М.* Московское царство и Запад. М., 2015. С. 337; и др. Впрочем, А.Л. Пономарёв считал, что в XIII в. для Генуэзской республики работоторговля изначально не входила в число приоритетов. В это время на рынках Причерноморья она уступала реализации предметов роскоши и дорогих товаров (*Пономарёв А.Л.* Население и территория Каффы по данным массарии — бухгалтерской книги казначейства за 1381—1382 гг.: АКИН. М., 1999. С. 2—3).
- ⁸² *Гельцер Г.* Очерк политической истории Византии // *Очерки по истории Византии.* СПб., 1912. Вып. 1. С. 166.
- ⁸³ *Литаврин Г.Г.* Русь и Византия в XII в. С. 40, 42—43; *Курбатов Г.Л.* История Византии. М., 1984. С. 149; *Бибиков М.В.* Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб., 1999. С. 147—148; и др.
- ⁸⁴ *Луцицкий И.[В.]* Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV и XV вв. Киев, 1886. С. 12—15, 21—22, 24, 47, 48; *Плетнева С.А.* Половцы. М., 1990. С. 182—183.
- ⁸⁵ *Липищ Е.Э.* Об основных спорных вопросах истории ранневизантийского феодализма // *ВИ.* 1961. № 6. С. 97, 103, 105, 107, 109—110.
- ⁸⁶ *Джованни дель Плано Карпини.* История монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны... С. 90—91.
- ⁸⁷ *Еремеев Д.Е.* Этногенез турок. М., 1971. С. 145—147.
- ⁸⁸ Подробнее об этом, например, см.: Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999. С. 24—26; *Браунинг Р.* Рабство в Византийской империи (600—1200 гг.) // *Византийский временник.* 1958. Т. 14. С. 50, 52; *Зимин А.А.* Холопы на Руси. М., 1973. С. 9—72; *Литаврин Г.Г.* Киево-Печерский патерик о работоторговцах-иудеях в Херсонне и о мученичестве Евстратия Постника // *Славяне и их соседи.* М., 1994. Вып. 5. С. 66—82; *Он же.* Византия и славяне. С. 478—495; *Каштанов С.М.* История холопства на Руси в трудах А.А. Зимина // *Историк в России между прошлым и будущим.* М., 2012. С. 40; и др.
- ⁸⁹ *Расовский Д.А., Храпачевский Р.П.* От чёрных клобуков и печенегов до кунов. М., 2013. С. 350; см. также: *Яacobson А.Л.* Крым в средние века. С. 80; и др.
- ⁹⁰ *Луцицкий И.[В.]* Рабство и русские рабы во Флоренции... С. 12, 14; *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе... С. 76—77, 82, 91—93; *Яacobson А.Л.* Крым в средние века. С. 112—113, 128; *Воронов Ю.Н.* Диоскуриада — Себастополис — Цхум. С. 108—109; *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. С. 89, 90, 92; *Карпов С.П.* Работоторговля в Южном Причерноморье в первой половине XV в. // *Византийский временник.* 1986. Т. 46. С. 139—145; *Он же.* Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. // *Причерноморье в средние века.* М., 1991. [Вып. 1.] С. 191—201; *Он же.* Причерноморье в XV в. по материалам собрания Diversorum, Filze секретного архива Генуи // Там же. М., 1995. Вып. 2. С. 19; *Он же.* Венецианская Тана по актам канцлера Бенедетто Бьянко (1359—60 гг.) // Там же. СПб., 2001. Вып. 5. С. 20—23; *Сметанин В.А.* Византийское общество XIII—XV вв. Свердловск, 1987. С. 110—111; *Талызина А.А.* Завещания нотариуса Кристофоро Риццо, составленные в Тане (1411—1413) // *Причерноморье в средние века.* Вып. 5. С. 32—34. № 1, С. 37—39. № 4; *Барабанов О.Н.* Судопроизводство по гражданским делам в генуэзских факториях XIV—XV вв. // Там же. Вып. 5. С. 111, 117—118; *Diters В.* Les Vénitiens a la Tana au XVe siècle // *Le Moyen âge.* 1988. Т. 94. Nr. 3/4. P. 363—379; *Фомичев Н.М.* Некоторые данные о культовых сооружениях и религиозной жизни

- ни средневекового города Азака-Таны в XIV—XV вв. // Очерки истории Азова. Азов, 1994. Вып. 2. С. 12—13; и др.
- ⁹¹ *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. С. 112—113; *Воронов Ю.Н.* Диоскуриада — Севастополis — Цхум. С. 108—109; и др.
- ⁹² *Еманов А.Г.* Развитие торговых связей Кафы в XIII—XV вв. // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989. С. 20; *Егоров В.Л.* Послесловие. Русь противостоит Орде // *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1992. Т. 4. С. 390—391; *Карпов С.П.* Венецианская Тана по актам канцлера Бенедетто Бьянко (1359—60 гг.). С. 20—22; и др. Во второй трети XIII в. после покорения Северного Китая монголы при помощи дардов захватили и подчинили своей власти Кашмирское царство, горные области Гиндукуша и Каракорума и некоторые соседние с ними горные районы (*Козан А.И.* Кашмир и его соседи в XII—XIII вв. // Восток. 2014. № 4. С. 45—46).
- ⁹³ *Oleńdzki K.* Handel niewolnikami bośniackimi w XIII i XIV w. // КН. 1988. Roc. 95. Nr. 2. S. 57—82; *Мананчикова Н.П.* Дубровник XIII — первой половины XV в. С. 60—61, 69; и др.
- ⁹⁴ *Коновалова И.Г.* Итальянские купцы в Северо-Западном Причерноморье в XIII в. С. 303; см. также: *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе... С. 72—98; *Городенко А.П.* Развитие Северо-Западного Причерноморья в свете торговли итальянских городов (конец XIII—XIV вв.) // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 2003. С. 46—47; *Pomian Krz.* Niższe? Wyższe? Równie? Cywilizacja europejska wobec innych // РН. 2005. Т. 96. Zesz. 3. S. 394.
- ⁹⁵ *Abracham Wł.* Powstanie organizacji kościoła łacińskiego na Rusi. Lwów, 1904. Т. 1. S. 176—178.
- ⁹⁶ *Карпов С.П.* Пути средневековых мореходов. М., 1994. С. 8, 40; *Пономарёв А.Л.* Денежная политика Трапезундской империи // Вестник МГУ. Сер. 8: История. 2010. № 2. С. 22, 26; и др.
- ⁹⁷ *Джованни дель Плано Карпини.* История монгалов... С. 58—59.
- ⁹⁸ *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. С. 11—12.
- ⁹⁹ *Диль Ш.* Основные проблемы византийской истории. М., 1947. С. 23; *Дробинский А.И.* Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе // ИЗ. 1948. Т. 26. С. 106—107; *Монгайт А.Л.* Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие // ИСССР. 1959. № 1. С. 176—177.
- ¹⁰⁰ *Шукуров Р.М.* Тюрки на православном Понте в XIII—XV вв.: начальный этап тюркизации? // Причерноморье в средние века. Вып. 2. С. 98—99, 101—102.
- ¹⁰¹ *Пашуто В.Т.* Хозяйство и техника средневековой Литвы // ВИ. 1947. № 8. С. 80.
- ¹⁰² *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 131.
- ¹⁰³ Подробнее об этом, например, см.: *Горемыкина В.И.* Возникновение и развитие первой антагонистической формации в средневековой Европе. Минск, 1982. С. 175—188.
- ¹⁰⁴ *Монгайт А.Л.* Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли 1150—1153 гг. С. 179—180; *Мавродин В.В.* Советская историография социально-экономического строя Киевской Руси // ИСССР. 1962. № 1. С. 72; и др.
- ¹⁰⁵ Цит. по ст.: *Монгайт А.Л.* Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие. С. 179.
- ¹⁰⁶ *Кычанов Е.И.* Монголия в первой половине XII в. // История Востока. М., 2002. Т. 2. С. 368—369.
- ¹⁰⁷ *Капанадзе Д.Г.* Грузинская нумизматика. М., 1955. С. 73.
- ¹⁰⁸ *Рязановский В.А.* К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право // ВИ. 1993. № 7. С. 156.
- ¹⁰⁹ *Даркевич В.П.* К истории торговых связей Древней Руси // КСИА. 1974. Вып. 138. С. 95, 101.
- ¹¹⁰ *Ивакин Г.Ю.* Киев в XIII—XV вв. С. 19; *Он же.* Историческое развитие Южной Руси и Батьево нашествие. С. 62; и др.
- ¹¹¹ *Федоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело Золотой Орды // Нумизматический альманах. 2000. № 3. С. 4.
- ¹¹² *Сайпанов Б.С.* Проблема «серебряного кризиса» денежного обращения на Востоке в нумизматической литературе // Вестник МГУ. Сер. 9: История. 1976. № 1. С. 62; *Максимов М.М.* Очерк о серебре. М., 1981. С. 56—66; и др.
- ¹¹³ *Сайпанов Б.С.* Проблема «серебряного кризиса» денежного обращения на Востоке в нумизматической литературе. С. 64.
- ¹¹⁴ Например, см.: *Джованни дель Плано Карпини.* История монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны... С. 89—91.

- ¹¹⁵ *Спасский И.Г.* Русская монетная система. Л., 1970. С. 61—65.
- ¹¹⁶ *Гулецкий Д.В., Зайончковский Ю.В.* Монетная гривна из Владимиро-Волынского района Волынской области Украины // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. М., 2016. Вып. 2. С. 46—49.
- ¹¹⁷ *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. С. 534.
- ¹¹⁸ Ср.: Русь в XIII в.: континуитет или разрыв традиций? М., 2000; *Ивакин Г.Ю.* Историческое развитие Южной Руси и Батыево нашествие. С. 62—63; *Завьялов В.И., Розанов Л.С., Терехова Н.Н.* Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М., 2007. С. 8, 156; и др.
- ¹¹⁹ *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. С. 188—202.
- ¹²⁰ *Тарасенко В.Р.* К истории города Минска // Известия АН БССР. 1948. № 6. С. 40; *Мугуревич Э.С.* Значение Днепро-Даугавского пути на территории Латвии // Історія Русі-України. С. 190; *Штыкхў Г.В.* Археалагі дапаўняюць летапісцаў. Мінск, 2009. С. 109; и др.
- ¹²¹ *Алихова А.Е.* Куликовский могильник // Советская археология. 1948. Т. 10. С. 286.
- ¹²² *Казакон Е.П., Руденко К.А., Беговатов Е.А.* Мурзихинское селище // Древние памятники Приустьевого Закамья. Казань, 1993. Вып. 1. С. 51; *Винничек В.А., Губанов А.А.* Могильник «Татарская Лака II» в системе средневековых памятников мордвы // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003. С. 343.
- ¹²³ *Моця А.П., Халиков А.Х.* Булгар — Киев: Пути, связи, судьбы. Киев, 1997.
- ¹²⁴ Отдельные аскизские вещи получают распространение далеко на север от Золотаревского поселения, затрагивая даже территорию Северо-Восточной Руси. Так, например, «железную поясную накладку с серебряной насечкой, близкую аскизским древностям» недавно обнаружена археологами в исторической части средневекового Юрьева-Польского (*Томсинский С.В.* Юрьев-Польской: ближайшие перспективы археологического изучения // Археология Владимиро-Суздальской Руси. М., 2007. Вып. 1. С. 103).
- ¹²⁵ *Белорыбкин Г.Н.* Золотаревское поселение. СПб.; Пенза, 2001; *Он же.* Новые материалы Золотаревского поселения // Археология восточноевропейской лесостепи. С. 410—432; *Он же.* 1237 г. Гибель города на Суре // Битва на Воже — предтеча возрождения средневековой Руси. Рязань, 2004. С. 283—295; и др.
- ¹²⁶ *Полубояринова М.Д.* Стеклопосуда древнего Турова // Советская археология. 1963. № 4. С. 235—238; *Коваль В.Ю.* Амфоры византийского круга в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. История и Археология. Новгород, 1999. Вып. 13. С. 246—260; *Кузина И.Н.* Импортные стеклянные сосуды из раскопок во Владимире в 2007 г. // РА. 2015. № 4. С. 149—157; и др.
- ¹²⁷ *Сметанин В.А.* Византийское общество XIII—XV вв. С. 91, 106.
- ¹²⁸ Там же. С. 88—90, 109.
- ¹²⁹ Подробнее об этом, например, см.: *Гуревич Ф.Д.* Дом боярина XII в. в древнерусском Новгороде // КСИА. 1964. Вып. 99. С. 97—102; *Она же.* Древнерусские города Понеманья и южнорусские земли в конце X—XIII вв. // Средневековая Русь. М., 1976. С. 25—29; *Она же.* Заснаванне Навагрудка // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. 1985. № 3. С. 71—75; *Она же.* Западная Русь и Византия в XII—XIII вв. // Советская археология. 1988. № 3. С. 131—144; *Льбюцкі А.У.* Гарадзішча Янава // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. 1985. № 3. С. 80—81; и др.
- ¹³⁰ *Наркевіч Н.І.* Ювелірнае мастацтва Беларусі XI—XIII стст. // Весці НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук. Мінск, 2010. № 3. С. 80; и др.
- ¹³¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 831. Л. 278. Стб. 858—859. Л. 286.
- ¹³² *Мавродин В.В.* Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949. С. 99—104; *Коновалова И.Г., Перхавко В.Б.* Древняя Русь и Нижнее Подунавье; и др.
- ¹³³ *Gołub St.* Badania stanowisk z okresu wczesnego średniowiecza w Chełmie // Archeologia Polski Środkowoschodniej. 1996. Т. 1. S. 127—131; *Ruszkowska U.* Wyniki badań ratowniczych w Chełmie, ul. Lubelska 14—20, stanowisko 19, w 1993 i 1994 г. // Ibid. S. 133—146; и др.
- ¹³⁴ *Тихомиров М.[Н.]* Исторические связи русского народа с южными славянами в XIV—XVI вв. // ВИ. 1941. № 12. С. 71—72; *Гуревич Ф.Д.* Западная Русь и Византия в XII—XIII вв. С. 131—132, 142; *Коновалова И.Г.* Итальянские купцы в Северо-Западном Причерноморье в XIII в. С. 305—309.

- ¹³⁵ Куза А.В. Малые города Древней Руси. С. 74–77, 85–88.
- ¹³⁶ Сметанин В.А. Византийское общество XIII–XV вв. С. 86.
- ¹³⁷ Каргер М.К. Основные итоги археологического изучения Великого Новгорода // Советская археология. 1947. Т. 9. С. 144, 147; Дубынин А.Ф. Археологические исследования в Зарядье (Москва) // КСИИМК. 1956. Вып. 65. С. 119–120, 127, 129; Авдусина Т.Д., Владимирская Н.С., Панова Т.Д. Русская поливная керамика из раскопок Московского Кремля // Советская археология. 1984. № 2. С. 201–203; и др.
- ¹³⁸ Нікольскі Н.М. Раскопки на месцы старажытнага Мінска // Весці АН БССР. АДДзяленне грамадскіх навук. Сер. гістарычная. Мінск, 1947. № 1. С. 48; Тарасенко В.Р. К истории города Минска. С. 40; и др.
- ¹³⁹ Соболь В.Е. О хронологии культурного слоя Минска позднефеодального периода // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983. С. 75. В вопросе покупки стеклянных браслетов население таких домонгольских городов, как Вишинское городище, Друцк, Копысь, Минск, Мозырь, городище в Масковичах, Рогачев, Свислочь и др., преимущественно ориентировалось на продукцию производства киевских, а не полоцких мастерских (Щанова Ю.Л. Стеклянные браслеты Полоцкой земли // КСИА. 1965. Вып. 104. С. 47–49; Скрипченко Т.С. О производстве двухслойных и филигранных стеклянных браслетов // Древнерусское государство и славяне. С. 96–98; и др.). В целом следует признать, что экономика средневековых городов Восточной Белоруссии (прежде всего, Витебска, Минска и Друцка) в значительной мере зависела от ситуации в Среднем Поднепровье. Об этом, например, свидетельствует ареал распространения свинцовых гирек, характерных в XIII–XIV вв. для населения Волжской Булгарии, Киевщины и Северо-Восточной Белоруссии (Полегайлов А.Г., Осадчий Е.И. Свинцовая гирька из Изяславля на р. Горыни // Советская археология. 1988. № 3. С. 253–254).
- ¹⁴⁰ Брайчевский Е.А. О содержании изображений на браслете из клада у с. Городище Хмельницкой области // Советская археология. 1988. № 2. С. 185–193.
- ¹⁴¹ Историографию о них подробнее, например, см.: Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. С. 527–531; Корзухина Г.Ф. О памятниках «корсунского дела» на Руси // Византийский временник. 1958. Т. 14. С. 129–137; Кузнецов В.А. Энкалпионы Северного Кавказа // Славяне и Русь. М., 1968. С. 80–86; Перхавко В.Б. Находки энколпионов на территории Югославии // Советская археология. 1987. № 4. С. 206–219; Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы: Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. СПб., 2003; и др.
- ¹⁴² Например, в Киеве, Новоградке, Трапезунде (Гуревич Ф.Д., Павлова К.В. Древний Новоградок // АО 1965 г. М., 1966. С. 163–165).
- ¹⁴³ Флоровский А.[В.] Чехи и восточные славяне в X–XVIII вв. // ВИ. 1947. № 8. С. 67.
- ¹⁴⁴ Подробнее об этом, например, см.: Полубоярнинова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.
- ¹⁴⁵ Стродс Х.П. Феодальная Рига в послевоенной зарубежной историографии // История и историки, 1980. М., 1984. С. 153–154; Рябцевич В.Н. Нумизматика Беларуси. С. 127, 129–130, 133, 135–136; и др.
- ¹⁴⁶ Под ними следует понимать не только гостей и купцов, но и торговых агентов новгородских бояр, также занимавшихся внешней и внутренней торговлей (Мордасова И.В. Натуральная и денежная рента в новгородском феодальном хозяйстве XIII–XV вв. // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 101).
- ¹⁴⁷ Горский А.А. Земли и волости // Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь. С. 9–32.
- ¹⁴⁸ Рыбина Е.А. Сведения о торговле в берестяных грамотах // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 76–78; и др.
- ¹⁴⁹ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 318. Л. 106; Присёлков М.Д. Троицкая летопись. С. 224; Тихомиров М.Н. Великий Новгород в истории мировой культуры // Новгород. К 1100-летию города. М., 1964. С. 29–30. 19 сентября 1147 г., после жестокого убийства, издевательств и глумления киевлян над телом князя-инока Игоря (Георгия) Ольговича, для отпевания оно было положено в церкви святого Михаила (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 354. Л. 129 об.; Бережков М.Н. Блаженный Игорь Ольгович, князь новгород-северский и великий князь киевский: исторический очерк. Чернигов, 1893. С. 29–30, 39. Примеч. 29).

- ¹⁵⁰ Предполагаемые остатки Новгородской божницы В.А. Богусевич обнаружил в Киеве вблизи современного дома по адресу — ул. Волошская, 20. Однако эта локализация была принята далеко не всеми археологами (*Толочко П.П.* Древний Киев. Киев, 1983. С. 84—86).
- ¹⁵¹ Память о новгородском храме в Киеве сохранилась лишь в памятниках московской агиографии как место, где свой покой обрело тело князя-инока Игоря Ольговича (ПСРЛ. Т. 9. М., 2000. С. 176; Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2007. Т. 1. С. 432; ОР РГБ. Ф. 304/1. № 694. Л. 150 об.; и др.).
- ¹⁵² *Шаскольский И.П.* Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии. Конец XIII — начало XIV в. Петрозаводск, 1987. С. 21.
- ¹⁵³ *Ключевский В.О.* Сочинения. М., 1988. Т. 2. С. 95.
- ¹⁵⁴ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 360. Л. 311; см. также: Там же. Т. 25. С. 156. Л. 200; и др.
- ¹⁵⁵ Там же. Т. 3. С. 326. Л. 188; Т. 4. Ч. 1. С. 246. Л. 160.
- ¹⁵⁶ Там же. Т. 2. Стб. 920. Л. 303 об.; см. также: *Перхавко В.Б.* Гости-сурожане // ВИ. 1993. № 6. С. 150.
- ¹⁵⁷ *Хорошев А.С.* Новые материалы по археологии Неревского конца // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 242.
- ¹⁵⁸ *Рыбина Е.А.* Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. М., 1978. С. 152.
- ¹⁵⁹ Об этом пути из Владимиро-Волынской земли в Киев подробнее, например, см.: *Толочко П.П.* Пути-дороги Киевской Руси // Славяне и их соседи. М., 2008. Вып. 12. С. 339—342.
- ¹⁶⁰ *Перхавко В.Б.* Торговый мир средневековой Руси. М., 2006. С. 398, 410, 412.
- ¹⁶¹ *Заяц Ю.А.* Менская зямля: этапы фарміравання // БГЧ. 1993. № 4. С. 8—15.
- ¹⁶² *Алексеев Л.В.* «Оковский лес» Повести временных лет // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 5—11; *Он же.* Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980. С. 64—66; *Мугуревич Э.С.* Значение Днепро-Даугавского пути на территории Латвии. С. 189; и др.
- ¹⁶³ *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. С. 131—132, 140, 155, 157—158; *Усаичев Н.Н.* К оценке западных внешнеторговых связей Смоленска в XII—XIV вв. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 209—210, 216—217; *Муравская Е.[И.]* Торговые связи Риги с Полоцком, Витебском и Смоленском в XIII—XIV вв. // Известия АН ЛССР. Рига, 1961. № 2 (163). С. 31—42; *Павулан В.В.* Хозяйственное и политическое значение даугавского торгового пути в XIII—XVII вв. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968. С. 75—95; *Авдусин Д.А., Мельникова Е.А.* Смоленские грамоты на бересте (из раскопок 1952—1968 гг.) // ДГТ СССР, 1984. М., 1985. С. 208—211; и др.
- ¹⁶⁴ Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963. С. 23—24. Подробнее об этом, например, см.: *Жарын Д.В.* Лагістычны аспект ганзейскага гандлю па Заходняй Дзвіне ў XIII—XV стст. // Книжное наследие А.П. Сапунова. Минск, 2014. С. 108—110.
- ¹⁶⁵ Смоленские грамоты XIII—XIV вв. С. 23—24.
- ¹⁶⁶ *Biskup M., Labuda G.* Dzieje zakonu krzyżackiego w Prussach. Gdańsk, 1986. S. 200. Об этом подробнее, например, см.: *Czacharowski A.* Toruń średniowieczny (do roku 1454) // Toruń dawny i dzisiejszy. Warszawa; Poznań; Toruń, 1983. S. 51; *Nowak Z.H.* Dzieje Chełmna do końca XVIII w. // Dzieje Chełmna. Warszawa; Poznań; Toruń, 1987. S. 71. Сохранились также сведения источников XV в. о том, что купцы из Луцка «отправлялись с товарами в Люблин и Гданьск» (*Бортникова А.В.* Грамоты на Магдебургское право городу Луцку XV—XVI вв. // Славяноведение. 2010. № 2. С. 89). Очевидно, что торговые связи между русскими, польскими и прусскими городами имели место и в более раннее время. По крайней мере, уже в XIII в. купцы из Торуня приезжали на Русь и в Венгрию, а немецкие купцы в XIII—XIV вв. активно прибывали и даже оседали в таких городах Юго-Западной Руси как Владимир-Волынский и Львов (*Abracham Wł.* Powstanie organizacji kościoła łacińskiego na Rusi. T. 1. S. 170—171; *Czacharowski A.* Toruń średniowieczny. S. 50, 54, 55, 58, 61).
- ¹⁶⁷ *Abracham Wł.* Powstanie organizacji kościoła łacińskiego na Rusi. T. 1. S. 170—171.
- ¹⁶⁸ *Гулецкий Д.В.* Находки средневековых свинцовых пломб близ летописного Друцка // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Вып. 2. С. 10—24; *Боркевич Г.С.* О ряде сфрагистических находок периода Киевской Руси по данным сети Интернет // Там же. С. 331—334.
- ¹⁶⁹ *Пушкина Т.А.* Гнёздовское поселение в истории Смоленского Поднепровья: АКИН. М., 1974; *Она же.* Гнёздово: итоги и задачи исследования // Труды ГИМ. М., 2001. Вып. 124. С. 7, 9; *Она же.* Откуда есть пошёл Смоленск // Родина. 2013. № 9. С. 9; и др.

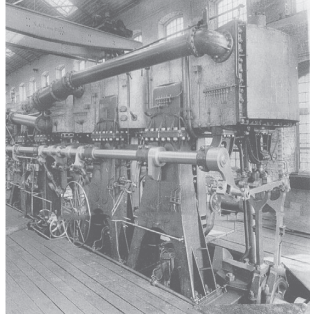
- ¹⁷⁰ *Каменецкая Е.В.* О верхней дате Гнёздовского поселения под Смоленском // Проблемы истории СССР. М., 1977. Вып. 6. С. 3—13; и др.
- ¹⁷¹ *Лихачев Н.П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики // Труды Музея палеографии. Л., 1928. Вып. 1. С. 20—31; *Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах.* Менск, 1936. Т. 1. Разд. I. № 11. С. 30—33, № 14. С. 34—36; Смоленские грамоты XIII—XIV вв. С. 10—69; и др.
- ¹⁷² *Samsonowicz H.* Tyto gospodarcze wydarzeń 1308 r. na Pomorzu Gdańskim // PH. 1965. T. 56. Zesz. 2. S. 205—207.
- ¹⁷³ *Лихачев Н.П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1. С. 6.
- ¹⁷⁴ *Удальцова З.В., Шапов Я.Н., и др.* Древняя Русь — зона встречи цивилизаций. С. 44.
- ¹⁷⁵ Эта церковь возникла в Смоленске в 70—80-е гг. XII в. (*Воронин Н.Н., Раппопорт П.А.* Древний Смоленск // Советская археология. 1979. № 1. С. 87; *Они же.* Зодчество Смоленска XII—XIII вв. Л., 1979. С. 140—150; *Удальцова З.В., Шапов Я.Н., и др.* Древняя Русь — зона встречи цивилизаций. С. 44; и др.).
- ¹⁷⁶ *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь. Л., 1987. С. 140—141, 174, 177—178, 179.
- ¹⁷⁷ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 481. Л. 170; *Присёлков М.Д.* Троицкая летопись. С. 340—343.
- ¹⁷⁸ Например, см.: *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. С. 9—79; *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение; *Кучкин В.А.* Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 54—64; *Он же.* Первый московский князь Даниил Александрович // ОИ. 1995. № 1. С. 93—107; *Греков И.Б.* О характере ордыно-русских отношений второй половины XIII — начала XIV в. // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 125—132; *Егоров В.Л.* Послесловие. Русь противостоит Орде. С. 378—396; *Аверьянов К.А.* Московское княжество Ивана Калиты: Присоединение Коломны. Приобретение Можайска. М., 1994. С. 35; *Горский А.А.* Политическая борьба на Руси в конце XIII в. и отношения с Ордой // ОИ. 1996. № 3. С. 75—89; *Селенёв Ю.В.* Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII—XV вв. Воронеж, 2013. С. 155—206; и др.
- ¹⁷⁹ ПСРЛ. Т. 39. М., 1994. С. 96. Л. 161 об.
- ¹⁸⁰ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 142.
- ¹⁸¹ *Воронин Н.Н., Раппопорт П.А.* Древний Смоленск. С. 85.
- ¹⁸² ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 484—485. Л. 171 об.; Вып. 3. Стб. 528. Л. 250 об.
- ¹⁸³ Подробнее об этом см.: *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды. С. 76, 79—84, 90, 91—120; *Скрябинская Е.Ч.* Русь, Италия и Византия в Средневековье. СПб., 2001. С. 114—116. О функционировании Донского пути в домонгольское время и его значении для Руси подробнее, например, см.: *Плетнева С.А.* Половцы. С. 167—168; *Шебанин Г.А.* Окско-Донской путь XII — начала XIII в. в свете новых археологических данных // Куликово поле. Вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 118—122; *Заидов О.Н.* К вопросу о заселении района Куликова поля в XII—XIII вв. // Там же. С. 142; и др.
- ¹⁸⁴ *Мавродин В.В.* Очерки истории Левобережной Украины. С. 322—328; *Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 15—77; *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. С. 43—48; *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. С. 25—32, 53—58. В связи с этим стоит отметить, что в XIII—XIV вв. постепенно замирает активная внешнеторговая жизнь в Херсонесе — важном партнере Константинополя, Закавказья и Южной Руси (*Белов Г.Д.* К изучению экономики и быта позднесредневекового Херсонеса // Советская археология. 1941. Т. 7. С. 231—244). По мнению некоторых исследователей, движение на продажу кавказского самшита осуществлялось «Днепровским, а иногда и Волжским» путем. Подробнее об этом см.: *Вихров В.Е., Колчин Б.А.* Из истории торговли древнего Новгорода // Советская археология. 1955. Т. 24. С. 93—97. Не исключая полностью первый путь, отметим, что источники упоминают о присутствии купцов из Венеции, Генуи и Великого Новгорода, прежде всего и чаще всего, не в Среднем Поднепровье, а на Нижней Волге и Юго-Западной Руси, чьи торговые пути в XIII—XIV вв. играли не вспомогательную, а основную роль.
- ¹⁸⁵ *Ивакин Г.Ю.* Историческое развитие Южной Руси и Батыево нашествие. С. 62.
- ¹⁸⁶ *Петров П.Н.* Еще раз о монетной реформе Мас'уд-бека 670/1271—1272 гг. в государстве Чагатайдов // Вестник СПбУ. Сер. 2: История. 2008. Вып. 1. С. 201—213; *Недашковский Л.Ф.* Хозяйство населения Золотой Орды // РА. 2009. № 1. С. 96—98; *Пономарёв А.Л.* Денежная поли-

- тика Трапезундской империи. С. 21—41; *Крадин Н.Н.* Империя Чингисхана в новых западных исследованиях. С. 17, 19; и др.
- ¹⁸⁷ *Удальцова З.В., Шапов Я.Н., и др.* Древняя Русь — зона встречи цивилизаций. С. 57—59.
- ¹⁸⁸ *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь. С. 180.
- ¹⁸⁹ Подробнее об этом, например, см.: *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 212—215; *Тропин Н.А.* Сельские поселения XII—XV вв. южных территорий Рязанской земли. Воронеж, 2004; *Гоняный М.И., Александровский А.Л., Гласко М.П.* Северная лесостепь бассейна Верхнего Дона времени Куликовской битвы. М., 2007. С. 49—193; и др.
- ¹⁹⁰ *Стрикалов И.Ю.* Рязанские ополчения // РА. 2015. № 4. С. 164.
- ¹⁹¹ *Фёдоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 202—203; *Ефимов К.Ю.* К вопросу о взаимоотношениях оседлого и неоседлого населения Червленого Яра во второй половине XIII — начале XIV вв. // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк, 1999. С. 171—174; и др.
- ¹⁹² Историографию по данному вопросу подробнее, например, см.: *Шенников А.А.* Червленый Яр. Л., 1987; *Цыбин М.В.* Археологическое изучение Червленого Яра // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. Тула, 2001. С. 17—23; *Селезнёв Ю.В.* Червленый Яр — улус Золотой Орды // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем. Воронеж, 2000. С. 98—100; *Он же.* «А перемѣнить Богъ Орду...». Воронеж, 2006. С. 55—62; и др.
- ¹⁹³ *Плетнева С.А.* Половецкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 296. Рис. 7, С. 299; *Она же.* Половцы. С. 169—171, 178—179.
- ¹⁹⁴ *Ефимов К.Ю.* Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // Донская Археология. 1999. № 3/4. С. 93—108.
- ¹⁹⁵ *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 2. С. 41.
- ¹⁹⁶ *Толочко П.П.* Древнерусский феодальный город. С. 165.
- ¹⁹⁷ *Даркевич В.П.* Международные связи // Древняя Русь. Город, замок, село. С. 394—395.
- ¹⁹⁸ Подробнее об этом см.: *Сокульский А.Л.* К локализации летописного Олешья // Советская археология. 1980. № 1. С. 64—72.
- ¹⁹⁹ *Егоров В.Л.* Русь и ее южные соседи в X—XIII вв. // ОИ. 1994. № 6. С. 198.
- ²⁰⁰ Подробнее об этом см.: *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. С. 7, 11—14.
- ²⁰¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 146. Л. 183 об.—184.
- ²⁰² *Пашуто В.Т.* Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956. С. 204; *Samsonowicz H.* Historia polityczna a historia integralna w badaniach Polski średniowiecznej. S. 92; и др.
- ²⁰³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 863. Л. 287 об.
- ²⁰⁴ *Греков Б.[Д.]* Опыт периодизации истории крестьян в СССР // ВИ. 1946. № 8/9. С. 12.
- ²⁰⁵ *Хорошкевич А.Л.* Монголы и Новгород в 50-е гг. XIII в. // История и культура древнерусского города. С. 69—73.
- ²⁰⁶ ПСРЛ. Т. 3. С. 82. Л. 135 об.—136. Подробнее об этом, например, см.: *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. С. 15—16. Примеч. 5.
- ²⁰⁷ *Янин В.Л.* «Чёрный бор» в Новгороде XIV—XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. С. 98—107.
- ²⁰⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 85. Л. 142—142 об., С. 314—315. Л. 179 об.—180.
- ²⁰⁹ См., например, известия в статьях за 6765, 6766, 6767, 6770, 6771, 6777, 6778, 6780 гг. (Там же. Т. 3. С. 82. Л. 135 об.—136, 136 об.—137, С. 83. Л. 139 об., С. 88—89. Л. 147 об., 148 об.—149, С. 89. Л. 150 об. и др.).
- ²¹⁰ *Довженко В.О.* Об уровне развития земледелия в Киевской Руси // ИСССР. 1960. № 5. С. 60—61.
- ²¹¹ *Смирнов П.[П.]* Образование Русского централизованного государства в XIV—XVI вв. // ВИ. 1946. № 2/3. С. 71.
- ²¹² *Беляева С.А.* Проблемы истории земледелия Южной Руси X—XIII вв. в историографии // Історія Русі-України. С. 74. Данные наблюдения археологов важны в связи с ранее состоявшейся в историографии дискуссии против утверждения П.П. Смирнова о распространении лемеха в Северо-Восточной Руси, начиная лишь с правления владимирского, москов-

- ского и новгородского великого князя Ивана I Калиты. Подробнее об этом, например, см.: *Горский А.Д.* Некоторые итоги изучения землевладения древней Руси (IX–XV вв.) в советской историографии // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1961 г. Рига, 1963. С. 68–69.
- ²¹³ Подробнее об этом см.: *Недашковский Л.Ф.* Хозяйство населения Золотой Орды. С. 91–93.
- ²¹⁴ *Смирнов И.И.* Новые материалы о вывозе хлеба из России (конец XVI в.) // ВИ. 1961. № 4. С. 210. В последнее время к аналогичному выводу на основе новых сведений источников приходит и В.Б. Перхавко. Правда, при этом более ранняя статья И.И. Смирнова исследователем не была учтена (Ср.: *Перхавко В.Б.* Хлеботорговля в Древней Руси // ОИ. 1996. № 4. С. 16–28).
- ²¹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 838. Л. 280.
- ²¹⁶ Там же. Т. 2. Стб. 838. Л. 280; *Мавродин В.В.* Очерки истории Левобережной Украины. С. 357–363.
- ²¹⁷ *Андросчук Ф.[А.]* Дрeвлянская земля в межрегиональных контактах IX–X вв. // Стародавній Іскоростень і словянські гради. Коростень, 2008. Т. 1. С. 10, 14.
- ²¹⁸ *Звіздецький Б.А.* Малинське городище дрeвлян // Старожитності Русі-України. С. 119–125.
- ²¹⁹ *Куза А.В.* Дрeвнерусские городища X–XIII вв. № 947. С. 169.
- ²²⁰ *Звіздецький Б.А.* Малинське городище дрeвлян. С. 120, 121.
- ²²¹ *Куза А.В.* Дрeвнерусские городища X–XIII вв. № 932. С. 168; *Звіздецький Б.А., Пальчуй В.І.* Історична топографія стародавнього Іскоростеня // Історія Русі-України. С. 111–119; *Андросчук Ф.[А.]* Дрeвлянская земля в межрегиональных контактах IX–X вв. С. 7–8, 9–10. Рис. 1, 14; и др.
- ²²² *Звіздецький Б.А.* О времени существования летописного Городеска // Советская археология. 1990. № 1. С. 51; *Он же.* Малинське городище дрeвлян. С. 120; и др.
- ²²³ *Рудич Т.О., Толкачев Ю.І.* Антропологічні матеріали з Меджибожа // Археологічні дослідження в Україні, 2004–2005 рр. Київ; Запоріжжя, 2006. С. 446–448; *Рудич Т.О.* Про антропологічний склад населення Середнього Подніпров'я доби пізнього середньовіччя // Археологія. 2009. № 1. С. 18, 20, 21, 22–24; и др.
- ²²⁴ Об этом, например, см.: ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 309. Л. 102 об.; *Диль Ш.* Основные проблемы византийской истории. С. 23, 121; *Довженко В.О.* Об уровне развития земледелия в Киевской Руси. С. 73; *Рыбина Е.А.* Сведения о торговле в берестяных грамотах. С. 75–76; и др.
- ²²⁵ *Анфимов А.М., Будовниц И.У., Кафенгауз Б.Б., Лещенко Н.Н., Устюгов Н.В., Яцунский В.К.* Научные итоги Киевской сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы // ВИ. 1961. № 7. С. 117.
- ²²⁶ *Сметанин В.А.* Византийское общество XIII–XV вв. С. 110.
- ²²⁷ *Кашианов С.М.* Московское царство и Запад. С. 336.
- ²²⁸ *Беляева С.А.* Из истории охоты в Древней Руси // На Юго-Востоке Древней Руси. Воронеж, 1996. С. 95.
- ²²⁹ Ср.: *Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв. С. 45–121; *Штэтылло Я.Ф.* Деревянная скульптура XIV–XV вв. из Штральзунда // Советская археология. 1965. № 1. С. 306–314; *Кизилов Ю.А.* Земли и народы России в XIII–XV вв. М., 1984. С. 114–116; *Хан Н.А.* Локализация Югры и ареалы обитания соболя // ВИ. 2006. № 11. С. 124–130; *Петрухин В.Я.* Югра: начало взаимодействия славянского и финно-угорского миров // Славянский альманах, 2006. М., 2007. С. 36–42; и др.
- ²³⁰ *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 142.
- ²³¹ *Мавродин В.В.* О роли охоты и рыбной ловли в хозяйстве восточных славян // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1976. Вып. 3. С. 81–82.
- ²³² *Лимонов Ю.А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1978. С. 13.
- ²³³ *Makkai L.* Réflexions sur le thème: Grand domaine et petites exploitations dans le féodalisme // Studia nad gospodarką, społeczeństwem i rodziną w Europie późnofeudalnej / Pod red. J. Topolskiego przy współudziale C. Kuklo. Lublin, 1987. P. 72–73.
- ²³⁴ Слово Даниила Заточника // БЛДР. 1997. Т. 4: XII в. С. 270.
- ²³⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 727. Л. 248.
- ²³⁶ *Кирьянов А.В.* Земледелие Древней Руси в период феодальной раздробленности (XII–XIII вв.) // Возникновение и развитие земледелия. М., 1967. С. 205–206; и др.

- ²³⁷ Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. С. 196, 206—207, 208, 210, 212, 223, 240; Гончаров В.К. Райковецкое городище. Киев, 1950; Куза А.В. Древнерусские городища X—XIII вв. № 936. С. 168—169; Сингх В.К. Очерк истории изучения древнерусской металлургии и металлообработки // Вестник МГУ. Сер. 8: История. 2008. № 3. С. 89—90; и др.
- ²³⁸ Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. С. 212; Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. С. 103, 165; Куза А.В. Древнерусские городища X—XIII вв. № 936—955. С. 168—170; и др.
- ²³⁹ Егоров В.Г. Городское ремесленное производство Древней Руси в освещении отечественной исторической науки. М., 2008. С. 10.
- ²⁴⁰ Завьялов В.И., Розанов Л.С., Терехова Н.Н. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. С. 6.
- ²⁴¹ Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. С. 103, 165.
- ²⁴² Куза А.В. Древнерусские городища X—XIII вв. № 941. С. 169.
- ²⁴³ Джованни дель ПIANO Карпини. История монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны; Книга Марко Поло. С. 42, 181; также см.: Кирпичников А.Н. Вооружение Руси в IX—XIII вв. // ВИ. 1970. № 1. С. 48; Артемьев А.Р. Проблемы выделения монголо-татарского комплекса вооружения среди древнерусских материалов XIII в. // Восточная Европа в Средневековье. М., 2004. С. 150; Бобров Л.А. Шлем «цзиньского типа» из Внутренней Монголии // Военная Археология. М., 2008. Вып. 1. С. 106—115; и др.
- ²⁴⁴ Об этом, например, см.: Базаров Б.В., Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Введение: Кочевники и проблема происхождения государства // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2008. Кн. 3. С. 6.
- ²⁴⁵ Кызласов Л.Р. Борьба народов Южной Сибири против иноземных завоевателей в XIII в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. С. 96, 97; Холл Дж.А. Государства и общества: «европейское чудо» в сравнительной перспективе // Цивилизации. М., 1992. Вып. 1. С. 137; и др.
- ²⁴⁶ Джованни дель ПIANO Карпини. История монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны... С. 89.
- ²⁴⁷ Недашковский Л.Ф. Хозяйство населения Золотой Орды. С. 95.
- ²⁴⁸ Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде; Кирпичников А.Н. Вооружение Руси в IX—XIII вв. С. 49; Фёдоров-Давыдов Г.А. Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья // Советская археология. 1984. № 3. С. 92—93; Недашковский Л.Ф. Структура и внутренние связи округа золотоордынских городов Нижнего Поволжья // РА. 2014. № 2. С. 57; и др. Между тем, на русских землях, в отличие от Польши и Чехии, несмотря на ряд образцов конца XII — начала XIII в., найденных в городах, расположенных западнее линии Новгород — Киев, так и не возникла культура производства ножей с дамаскированными вставками (Гошек И., Завьялов В.И. Ножи со вставками дамасской стали на территории Чехии и в памятниках Древней Руси // РА. 2014. № 1. С. 153—157).
- ²⁴⁹ Подробнее об этом, например, см.: Зоценко В.М. Экспорт зброї Києва в Південно-Східну Прибалтику // Археологія. 1983. Т. 44. С. 47—61.
- ²⁵⁰ Циркин А.В. Древковое оружие мордвы и его хронология // Советская археология. 1984. № 1. С. 124.
- ²⁵¹ Куза А.В. Древнерусские городища X—XIII вв. № 940. С. 169.

Экономическая история Российской империи

Противостояние дворянства и купечества в вопросе о производстве «хлебного» вина в XVIII в.

Аннотация: В России производство «хлебного» вина или винокурение на протяжении нескольких веков было одной из самых популярных отраслей по переработке сельскохозяйственной продукции и оказало несомненное влияние на развитие сельского хозяйства и мануфактурной промышленности. Неслучайно борьба за право винокурения особенно обострилась в период развития дворянского предпринимательства.

В 1754—1755 гг. указами императрицы Елизаветы Петровны было предписано сломать купеческие винокуренные заводы, привилегию на производство и поставку «хлебного» вина предоставить дворянам. Наибольшие выгоды от установления дворянской монополии на винокурение получили крупнейшие сановники — сенаторы П.И. Шувалов, А.Л. Нарышкин, И.Ю. Трубецкой, А.Д. Голицын, И.В. Одоевский и другие «знатные персоны».

Недовольство дворян некоторыми статьями Устава о винокурении 1765 г. вылилось в многочисленные просьбы об их изменении или отмене в наказах депутатам Уложенной комиссии 1767 г. В свою очередь, купечество в наказах своим депутатам просило вернуть право на производство вина. Эти и другие пожелания не были реализованы. Дворянская монополия на винокурение просуществовала до реформ Александра II и была отменена лишь в 1863 г.

Ключевые слова: «хлебное» вино, винокурение, предпринимательство, правительственная политика, дворянство, купечество, Екатерина II, Сенат, дворянская монополия.

Одной из самых популярных отраслей по переработке сельскохозяйственной продукции в России было производство «хлебного» вина¹ или винокурение. Неслучайно в XVIII в. в период развития дворянского предпринимательства борьба за право производства и продажи вина особенно обострилась.

Хотя винокуренной отрасли посвящено достаточно большое количество работ, до сих пор некоторые вопросы недоизучены. В частности, это касается, например, противостояния дворянства и купечества за право производства хлебного вина и поставки его в казну, а также времени введения в России дворянской монополии на винокурение. Дореволюционные исследователи называли две даты получения дворянами привилегии — 1716 г., когда в соответствии с указом Петра I к производству вина стали допускаться помещики и поставщики², и 1765 г., с появлением Устава о винокурении 1765 г.³ В советской исторической литературе путаница с датировкой установления дворянской монополии на винокурение сохранялась. С одной стороны, продолжается традиция считать отправной точкой 1716⁴ или 1765 годы⁵. С другой стороны, появилась и закрепилась в научных работах новая дата — 1754—1755 гг., когда были изданы указы об уничтожении купеческих винокуренных заводов⁶. Известные исследователи П.Г. Любомиров, Н.И. Павленко, С.М. Троицкий и М.Я. Волков убедительно обосновали эту датировку, как начало исключительной привилегии дворянства. Многие современные иссле-

* Голицын Юрий Петрович — кандидат исторических наук, Московская биржа, golitsyn57@mail.ru.

дователи придерживаются такого же мнения⁷. Однако и в последние годы в исторической литературе продолжается определенная путаница, встречаются другие даты — 1758, 1767, 1775 и 1781 годы⁸. Таким образом, можно сказать, что некоторые аспекты взаимоотношений купечества и дворянства в сфере винокурения в XVIII в., в том числе время установления дворянской привилегии на производство хлебного вина, в полной мере не решены⁹.

В 1554 г. Иван IV Грозный запретил в Москве свободную продажу хлебного вина, употреблять которое разрешалось только в царском кабаке¹⁰. Фактически это было установление государственной питейной регалии, т.е. монопольного права государства на производство «питий» и на получение доходов от их продажи. Запрещение свободной продажи вина потребителям и осуществление мер, направленных на увеличение доходов государства, привели к очень заметному росту спроса казны на вино. В свою очередь, это способствовало созданию условий для относительно быстрого развития винокуренного производства.

Отдельные дворяне в подрядных операциях на поставку вина в казну стали участвовать еще в конце XVII в. А 28 января 1716 г. был издан указ, предоставивший помещикам право изготавливать вино «про свой обиход», но одновременно иметь заводы могли и подрядчики, «которые то вино ставят на питейные двory» и абсолютное большинство которых в тот период составляли купцы¹¹. 21 октября 1728 г. с целью исправить эту путаницу издается новый Сенатский указ, уточняющий перечень субъектов, которые могли производить вино. Это право было предоставлено помещикам, вотчинникам и подрядчикам, которые поставляют алкоголь на питейные двory.

В 1728 г. правительство, стараясь помочь помещикам утвердиться на рынке, обязало местную администрацию и «верных сборщиков» принимать в первую очередь вино, объявленное «от господских домов и ...оставшаго за домовыми расходами»¹², и только потом от подрядчиков, т.е. дворянин, произведя вино в своей домашней винокурне и не использовав его, мог теперь сдать его казне. Таким образом, дворяне, имевшие привилегированное право курить вино для собственного потребления, получили практически легальную возможность производить вино не только для себя, но и для поставки в казну, избегая при этом всех трудностей заключения договора с казной, ответственности за несвоевременную поставку, очередей при сдаче вина, конкуренции и т.д., то есть всего того, что приходилось испытывать купцам-подрядчикам.

Неслучайно это нововведение привело к быстрому росту дворянского винокурения. При этом правом поставки вина «за домовым расходом» быстрее и активнее всех воспользовались помещики, владевшие крупным винокуреным производством. В 1730-е годы среди них были такие заметные сановники, как М.Г. Головкин, И.В. Одоевский, С.А. Салтыков, И.Ю. Трубецкой, А.И. Ушаков, В.П. Хованский, М.Д. Кантемир и др. Каждый из них поставлял несколько тысяч ведер вина, а некоторые и до 20 тысяч¹³. Фактически это были подрядные поставки, но юридически они считались сдачей вина «за домовым расходом». Все это привело к тому, что иногда подрядчики-купцы просто не имели возможности сдать в казну обязательное количество вина. Поэтому в 1742 г. обострившаяся в сфере сбыта конкурентная борьба между купцами и помещиками привела к отмене этого преимущества дворян.

В этот же период дворянство начало выражать свое недовольство купеческой конкуренцией. В Сенат стали поступать многочисленные проекты, авторы которых не только требовали запретить купцам заниматься винокурением и поставками вина, но предлагали отменить пошлины при продаже вина государству по подряду и без подряда¹⁴. Недовольство помещиков проявлялось и в требованиях предоставить им, как и купечеству, право брать на откуп питейные сборы. Они хотели, чтобы в тех случаях, когда сборы производились в их вотчинах, откупщиками должны быть владельцы этих имений. Но Сенат лишь в 1753 г. удовлетворил требования дворян, позволив им брать питейные сборы в откупное содержание¹⁵.

Поддержка правительства и повышение спроса на вино к середине XVIII в. привели к значительному увеличению количества винокуренных заводов, в том числе и помещичьих. Если в начале 20-х годов XVIII в. доля дворянских заведений составляла около 16% от всех винокуренных предприятий, то в 1753 г. вино в казну поставлялось с 264 помещичьих заводов и 277 купеческих, но при этом производственные же мощности последних по объему кубов и казанов превосходили дворянские в 1,7 раза¹⁶. Такая ситуация не могла не сказаться на отношении государственной власти к этой области предпринимательства. Правительство получило возможность, не затрагивая интересов казны, поддержать господствующее сословие.

Указом 19 июля 1754 г. Сенат объявил, что «винное курение как про себя и на подряд ...следует для пользы одного дворянства», купцы же должны «вступать в торги и распространять коммерцию», а заводы свои продать или сломать. Юридическим обоснованием для установления дворянской монополии послужил уже упоминавшийся указ 1716 г. Сенат посчитал, что если в указе не упоминается термин «купеческие заводы», то это является основанием для отрицания законности существования купеческих винокуренных предприятий. Он заключил, что закон «ясно гласит, то винное курение как про себя, так и на подряд, на одних помещиков, и тако в силе того указа, подряд и поставка на кабаки вина следует для пользы одного дворянства, а не купечества». Исходя из такого толкования указа 1716 г., Сенат без доклада императрице определил для поставки вина в казну «подрядать и к подрядам допускать одних помещиков и вотчинников». При этом Сенат не забыл и об интересах государства, напомнив дворянам, чтобы они «в размножении своих винокуренных заводов к поставке на кабаки вина крайнее старание прилагали, дабы полное число, что на продажу из казны будет потребно, было всегда без недостатку»¹⁷.

При принятии решения Сенат опирался на сведения, содержащиеся в предоставленной ему ведомости Камер-коллегии. В соответствии с ними государству для продажи населению требовалось до 2 млн ведер вина в год. На купеческих заводах в это время выкуривалось более 1,7 млн ведер, на дворянских — 1,03 млн, на казенных — 0,5 млн, т.е. общая производительность была более чем на 60% выше потребности. Имея такой большой запас для обеспечения казенных интересов, правительство получило возможность выбора. С одной стороны, оно могло не вмешиваться во взаимоотношения поставщиков и тогда, борясь с конкурентами, они стали бы снижать подрядные цены, что, безусловно, было бы выгодно казне. С другой стороны, появилась возмож-

ность создать льготные условия развития только одной группе предприятий, закрыв другую¹⁸.

Сенат, многие члены которого были и винными поставщиками (П.И. Шувалов, А.Л. Нарышкин, И.Ю. Трубецкой, А.Д. Голицын, И.В. Одоевский, А.И. Головин, П.С. Салтыков и др.), пошел по второму пути. Был сделан вывод, что помещичьи и казенные заводы вместе способны обеспечить поставку необходимого количества вина, несколько увеличив свое производство. Но так как в первое время могло не хватать около 400 тыс ведер, Сенат разрешил допускать к подрядам в некоторых отдаленных уездах Архангелогородской, Оренбургской, Казанской, Воронежской губерний и купцов, пока «помещики и вотчинники винокуренные свои заводы размножат»¹⁹.

Более подробно новый порядок производства и поставки вина был разработан в указе от 19 сентября 1755 г. Указ подтвердил, что исключительное право поставки вина в казну принадлежит помещикам. Кроме того, изменились нормы выкурки «на домовый обиход». С этого момента они стали зависеть от положения, занимаемого винокуром в Табели о рангах. Чины 1-го класса получили право на изготовление 1000 ведер вина, минимум 30 ведер разрешался чиновникам 14-го класса. В указе Сенат подробно объяснял и мотивы своего распоряжения. Главных целей называлось несколько: 1) «конечное пресечение корчемства»; 2) увеличение государственного дохода; 3) обращение выгод от винных подрядов на пользу дворянства, «которому оно и принадлежит»; 4) развитие торговли, так как купцы будут лишены возможности вкладывать свои капиталы «в те дела, которые в пользу дворянства принадлежат»; 5) уменьшение расхода «...многого числа излишнего хлеба»²⁰.

Предполагая, что решение о лишении купцов права винокурения будет воспринято ими болезненно, Сенат решил привлечь для «описи винокуренных заводов» армейских офицеров. Эта деятельность для них, видимо, была достаточно привычной, так как многие из офицеров постоянно занимались «искоренением и выемкой корчемств»²¹.

Сенат пытался проконтролировать выполнение своих решений. 31 июля 1756 г. последовал его указ Камер-коллегии о присылке ведомостей купеческих винокуренных заводов, «проданы ли оные и кому имянно»²². Камер-коллегия в свою очередь переадресовала предписание губернским и провинциальным канцеляриям²³, но местные чиновники не спешили с его выполнением. Многие канцелярии лишь уведомили Камер-коллегию о получении указа, так и не прислав требуемые сведения.

В нашем распоряжении имеется несколько документов, по которым можно проследить судьбу купеческих предприятий. Ведомость Переяславль-Залесской провинциальной канцелярии свидетельствует об уничтожении всех 5 купеческих винокурен из-за отсутствия покупателей²⁴. В Калужской провинции из 10 заводов продано дворянам 5; отдано помещикам, на земле которых они находились, — 2; описано — 2; переделан под хрустальную и стеклянную фабрику — 1²⁵. Можно было бы предположить, что среди покупателей окажутся винные подрядчики, приобретающие заводы для расширения своих поставок. Но из покупателей только князь Я.П. Шаховский упоминается среди поставщиков в ведомости Камер-коллегии 1765 г., остальные, видимо,

приобретали купеческие заведения для домашнего винокурения или перепрофилировали. Несмотря на то, что ведомость 1765 г. составлялась через 9 лет, ее сведения вполне сопоставимы с документами 1756 г., так как в этот период действовали договоры на одиннадцатилетнюю поставку, в течение которой подрядчики должны были поставлять ежегодно одинаковое количество вина, и поэтому закрывать или продавать завод владельцы не могли.

При продаже стоимость винокуренных предприятий зависела от многих условий (размеров строений, количества и качества оборудования, стоимости земли и т.д.), но в договорах о продаже купеческих заводов дворянам иногда фигурируют совершенно несопоставимые цифры. Так, крупнейший подрядчик граф П.И. Шувалов в январе 1756 г. купил завод в Пензенском уезде у московского купца 1-й гильдии Л. Симонова, заплатив за строения и заготовленные припасы, кроме медной посуды, 900 руб., да за землю, на которой стоял завод, ему пришлось уплатить поручику А.П. Трофимову еще 1000 руб.²⁶ В то же время граф Р.Л. Воронцов приобрел у сызранского купца С. Ушакова в Симбирском уезде винокуренный завод «со всеми принадлежностями» и 2 мельницами всего за 50 руб. А ведь это было крупное предприятие, с которого без особой модернизации через несколько лет отправлялось в казну более 43 тыс. ведер вина²⁷. Возможно, такая низкая цена служит подтверждением отмеченной современниками практики, когда купеческие предприятия продавались дворянам фиктивно.

И такие сделки, видимо, не были единичными. Неслучайно, Сенат откликнулся на это еще в марте 1755 г., выпустив указ «О воспрещении людям, не имеющим права учреждать винокуренные заводы, владеть таковыми под чужими именами», где подтверждалось требование скорейшей ликвидации купеческих винокурен. При обнаружении противозаконной сделки приказывалось конфисковать завод в казну, а тех, кто «такие купеческие заводы, под каким бы видом то ни было, иметь будут», штрафовать на сумму равную стоимости предприятий. Конкретных фактов нарушений указ не содержал, ограничившись неопределенной формулировкой «как Правительствующему Сенату не безызвестно»²⁸.

Но подобные случаи продолжались и в дальнейшем. В 1758 г. один из крупнейших винных откупщиков С. Яковлев заявил, что вологодский купец Желвунков «подложно» продал свой завод в дворцовом селе Фрязинове Вологодского уезда капитану Порошину. Камер-коллегия была очень заинтересована в раскрытии этой сделки, но, несмотря на ее неоднократные требования, С. Яковлев каких-либо конкретных доказательств или более подробных сведений не представил²⁹. В 1774 г. вяземский купец Барышников купил имение графа И. Салтыкова в Дорогобужском уезде на имя графа И.Г. Орлова. Из 1200 крестьян 200 человек должны были работать на винокуренном заводе, построенном Барышниковым в другом селе, и перевозить подрядное вино в г. Зубцов³⁰. Личная финансовая выгода заставляла дворян иногда забывать о словесных противоречиях и возможных наказаниях, толкая на совершение противоправных действий.

При этом купцы некоторых отдаленных уездов, где до введения дворянской монополии действовали их заводы, надеялись сохранить свои позиции

с помощью местной администрации. Так, в декабре 1755 г. после того, как на торги на 10-летнюю поставку вина в Вятскую провинцию никто из дворян не явился, провинциальная канцелярия обратилась в Камер-коллегию с просьбой разрешить заключение контрактов с купцами, которые соглашались ставить вино по 32,5 коп. за ведро вместо 34, определенных для закупки казной, но с сохраненных собственных заводов. Камер-коллегия ответила категорическим отказом, отвергнув выгодные для казны условия, и потребовала немедленного уничтожения купеческих предприятий. Вятской канцелярии было объявлено, что в 1756 г. вино для продажи в провинции будет поставлено из Нижнего Новгорода, а на следующий год она обязана уже сама обеспечить поставку вина от помещиков³¹. Весной и летом 1756 г. некоторые оренбургские купцы-откупщики угрожали отказаться от выполнения уже заключенных контрактов, если их будут заставлять ломать свои заводы. Губернская канцелярия сообщила об этом в Камер-коллегию, но разрешения на уступки не получила³².

Процесс закрытия купеческих предприятий растянулся на долгие годы. Некоторые купцы, надеясь на возвращение прежнего порядка, пытались сохранить свои заводы под любым предлогом. В таких случаях местная администрация конфисковывала предприятия, «описывая» их до дальнейшего решения вопроса. Решение иногда затягивалось на несколько лет. Так, только в 1759 г. гороховецкий купец М. Ширяев добился возвращения ему завода, отобранного в казну «за непродажу его в срок», и открыл в нем кожевенное производство³³. 14 марта 1759 г. графине Е.И. Головкиной вернули винокуренный завод арендовавшие его крестьяне С. Иванов и Д. Петров. С 1739 г. они управляли заводом, мельницами и кабаком в Пензенской вотчине М.Г. Головкина. За это время они установили на винокуренном заводе 9 новых медных котлов и производили в год несколько тысяч ведер вина³⁴. Торги по продаже в Кунгурском уезде Пермской губ. «описного» винокуренного завода купца Т. Шевкунова прошли только в 1761 г.³⁵ В том же году елатомский купец А. Пушкин просил Камер-коллегию вернуть ему винокуренный завод, который самовольно захватил отставной капитан И.И. Башкин, выгнав оттуда людей Пушкина, находившихся при винокурне «для караула и сохранения». Более того, дворянин начал распродавать заводские инструменты. При прошении был приложен реестр денежной оценки различных припасов и инструментов на общую сумму 3140 руб. Решение по этому делу так и не было вынесено³⁶.

Государство также было не против осуществить выгодную покупку. Так, в 1777 г. по рекомендации сенатора А.П. Мельгунова для увеличения поставки вина в Сибирь за 5 тыс. руб. был приобретен винокуренный завод бывшего купца Походяшина, находившийся в Оренбургской губернии. Правда, на ремонт было истрчено еще более 17 тыс. руб. при смете 10 тыс., но уже в октябре следующего года предприятие было готово для производства 72 тыс. ведер вина³⁷.

Но не все высокопоставленные чиновники считали, что дворянское винокурение идет на пользу государству. Конференц-секретарь Д.В. Волков в 1760 г., рассуждая о развитии русской торговли, отмечал, что Россия должна активизировать поставки хлеба за границу, а не весь «свой хлеб на одном вине пропивать». Он писал, что не может радоваться вместе с теми, «кои кричать станут: «Слава Богу, у нас в Пензе хлеб по 4 алтына за четверть». У них, может быть,

великие винокуренные заводы, и так им прибыль»³⁸. Кроме того, Волков обращал внимание на то, что из-за деятельности винных, стеклянных и железных заводов в некоторых местностях, «где непроходимые леса были, степь стала», что «где нет лесам цены, там мачтовые деревья употребляются на курение вина»³⁹.

Наибольшие выгоды из установления дворянской монополии на винокурение извлек граф П.И. Шувалов. Именно его обвинил в 1760 г. генерал-прокурор князь Я.П. Шаховской в том, что от него вино «откупщики со многим, перед прочими в браке и мере, преимуществом принимают, а на приуготовление того вина всегда, по требованиям..., наперед на... винокуренные заводы деньги свои дают»⁴⁰. То есть, граф не только сдавал плохое по качеству вино, но и заранее получал деньги на его производство, в нарушение законов того времени. С другой стороны, какой купец-откупщик рискнул бы отказать дворянину, занимавшему в середине XVIII в. руководящее положение в правительстве, имевшему личную монополию на винные откупа, производство табака, моржовые, китобойные, звериные и сальные промыслы по берегам Ледовитого океана, владевшему многочисленными предприятиями в различных отраслях промышленности и десятками тысяч крепостных. П.И. Шувалов был наиболее ярким выразителем интересов той части дворянства, которая связывала увеличение своих доходов с торгово-промышленной деятельностью и предпринимательством. По его мнению, «не те прямые и государству полезные экононы, которые деньги свои в сундуки прячут» или «проживают сходно природе и званию своему», а лишь те, кто вкладывает деньги в коммерцию⁴¹.

Именно под руководством Шувалова к началу 1760-х годов в Комиссии для разработки нового Уложения, приступившей к работе еще 1754 г., была составлена вторая редакция этого важнейшего документа. Работа над частью 3 «О состоянии подданных вообще» проекта Уложения велась достаточно медленно из-за отвлечения внимания руководителей Комиссии военными и международными делами, а главное, из-за той борьбы, которая развернулась между П.И. Шуваловым и его сторонниками А.И. Глебовым, Д.В. Волковым, с одной стороны, Р.И. Воронцовым и Я.П. Шаховским — с другой⁴². Однако, несмотря ни на что, часть 3 появилась. В главе 22 «О дворянах и их преимуществах» лишь дворяне получили право владеть мануфактурами с крепостными, только им разрешалось иметь стекольные и «всяких металлов и минералов заводы», подтверждалось монопольное право помещиков содержать винокуренные заводы. Дворяне призывались к «размножению своих заводов прилагать крайнее старание, дабы в поставке полного числа (вина. — Ю.Г.), из казны требуемого на продажу, никогда не было недостатка». На «домашние нужды» вино предполагалось изготавливать «не по чинам, но сколько кто может и хочет». Купцам же дозволялось лишь «приводить... в лучшее состояние» торговлю, а в главе 23 «Право купеческое» прямо говорилось, что они могут «заводить и содержать мануфактуру и фабрики, кроме винных, стеклянных и других всяких материалов заводов, кои все дворянам принадлежат»⁴³.

Такой проект, конечно, не устраивал купцов и в конце 1762 или в начале 1763 г., уже после прихода к власти Екатерины II, ей была подана записка «В комиссию новосочиняемого Уложения от депутатов российского купечества

нижайшее представление». В этом прошении особенно выделялось желание получить ничем не ограниченные экономические права и свободы. Прежде всего, это касалось полного и исключительного права купцов на заведение фабрик и заводов, включая винокуренные. Кроме того, купечество просило запретить любые монополии, «дабы никому в одни руки или в компанию того не отдавать, от которого многие получают пользу»⁴⁴. Но ответа не последовало, так как молодая императрица была занята укреплением своей власти и с февраля 1763 г. постепенно сворачивала работу Уложенной комиссии, прекратившей свое существование в 1766 г.

Стремление части купечества к сосредоточению промышленного предпринимательства в своих руках, к запрещению дворянам владеть фабриками и заводами нашло отражение и в ряде купеческих записок начала 1760-х годов. Так, неизвестный автор в записке 1761 г. жаловался на несправедливость наделения дворянства, помимо чинов, денежного и земельного пожалования, еще и монополией на винокурение, в то время как бедное купечество, несмотря на полезность и обширность его служб и большие доходы казны от его торгов лишается последнего. В итоге, забывая об им же отстаиваемой идее купеческой торгово-промышленной монополии («в России, кроме купцов, чтоб никому другим чинам ничем не торговать и фабрик, и заводов не заводить и в подряды, и откупы в казенные не вступать»), аноним добивался разрешения, ссылаясь на указ 1716 г., всем курить вино и вступать в подряды, «не исключая никого»⁴⁵.

Пытаясь разобраться с финансовым положением государства, в том числе с налогами на продажу вина и обеспечение им казны, Екатерина II весной 1764 г. учредила «Комиссию для рассмотрения о государственных соляных и винных сборах». Председателем ее стал граф В.В. Фермор, а членами — действительные статские советники И.П. Елагин, Д.В. Волков, И.И. Козлов. В специальной инструкции, данной членам комиссии, Екатерина II предписывала собрать необходимые сведения и представить «каким бы образом ...как для прибыли казенной, так и для народного облегчения, возможно было сделать о винных сборах полезнейшее учреждение»⁴⁶. В своих действиях комиссия несколько вышла за предложенные ей рамки, сделав предметом анализа не только питейные сборы и продажу, но и производство вина. Для принятия правильных решений необходимо было опираться на точные сведения о состоянии винокурения в стране, но Камер-коллегия, отвечавшая за это, предоставить такие данные сразу не могла. Неслучайно в августе 1764 г. президент Камер-коллегии князь Б.А. Куракин писал императрице, что о числе винной поставки «точного известия не имеет»⁴⁷.

Но через полгода, в октябре 1764 г., комиссия подготовила для Екатерины II доклад, в котором изображалась общая картина состояния винокуренной промышленности и содержалась характеристика законодательных актов, действовавших в этой области. Основные положения доклада сводились к следующему. Десятилетняя поставка, которая была отдана без торгов в 1755 г. на целые губернии, послужила «к пользе токмо малого числа» дворян, являвшихся владельцами крупных заводов. Мелкопоместные же дворяне «от винокурения весьма начали удалятца», так как прием вина, оставшегося «за домовым расходом», ограничивался нормами изготовления, соответствовавшими Табе-

ли о рангах. Подъем закупочных цен на вино, уменьшивший прибыль казны, прямо связан с уничтожением купеческих заводов, поскольку «низкая, но для казны весьма выгодная... цена купечеством сохранялась». Отдача питейных сборов на откуп винным поставщикам привела к разорению многих купцов, не занимавшихся ранее торговой деятельностью. Дворяне же, не имея «ни времени, ни способов» заниматься откупами, «перепустили (уступили. — Ю.Г.) оные ...за некоторый платеж купечеству».

Для исправления ситуации комиссия предложила императрице издать несколько указов, которые содержали бы ряд важных положений. Во-первых, к торгам на поставку допускать только дворян, но при этом подряд «на одну персону ...отлично большим числом и весьма во многие места не отдавать». Во-вторых, всем дворянам разрешить изготавливать вино не по чинам, а «сколько кто хочет и может», лишь бы рядом не было других фабрик или заводов. В-третьих, вино «излишнее за своим расходом» принимать в казну свободно, но по цене меньше на 1 коп. за ведро, чем подрядная цена в том городе, где оно сдается. В-четвертых, в великорусские провинции и города, где нет дворянских заводов, вино поставлять тем помещикам, чьи предприятия расположены ближе к таким регионам⁴⁸.

Доклад был представлен Екатерине II 2 ноября того же года и подписан всеми членами комиссии, кроме И.П. Елагина, оставшегося «при своем мнении». Елагин предложил для «уравнения» прибыли всех дворян установить «круговую очередь» на винную поставку. Тех, кто участвовал в 10-летней поставке не допускать до торгов, пока не пройдут все новые желающие. Только при отсутствии новых поставщиков подряд могли получить те, кто получал подряд ранее. На торгах преимущество должно отдаваться тем, кто «за равную с прочими цену берут свою провинцию», то есть местным подрядчикам. Елагин опасался возникновения ситуации, когда «жадный большой боярин» раздавал бы свои многочисленные подряды «под разными мелких и бедных дворян именами» и предусматривал возможность опроса подрядчиков с целью «узнать истину». В то же время он считал возможным допускать совместную поставку нескольких небогатых помещиков «по их общей возможности». Купцы, по его мнению, не должны допускаться к поставке, так как бедные дворяне, сдавая им в наем землю под заводы, могут постепенно превратиться в их управителей, «ибо купецкие капиталы, всегда и везде превосходнее дворянских». Дворяне же не должны вступать в винные откупа, которые «принадлежат купечеству», чтобы не создавалось условий для злоупотреблений при совмещении поставки и продажи в одних руках. По сведениям Елагина, почти все сенаторы ежегодно получали от дворян-откупщиков взятки в размере 2000 руб. за выделение в Петербурге места под строительство новых кабаков, а самые хорошие места получают «большие бояре»⁴⁹.

Еще один доклад Комиссия представила Екатерине II 7 января 1765 г. К нему прилагался проект указа, содержавший несколько новых предложений по усовершенствованию порядка производства и продажи вина. Самым крупным нововведением могла стать предполагаемая возможность вывоза вина за границу. Основанием для этого, по мнению членов комиссии, служило «нео-проверяемо доказанное» положение, что чем больше отпускается «за море»

хлеба, тем больше «государственное обогащение быть может». Но прибыль казны может увеличиться, если вместо «сырого продукта» отправлять уже переработанный, «ибо тогда и заработная цена оставалась бы в государстве». Так же и вывоз «горячего вина» или спирта выгоднее простого «хлебного выпуска». Заниматься этим смогут только откупщики (то есть купцы. — Ю.Г.), и «никто другой сей привилегии иметь не может». Но не это было в проекте главным. Большую прибыль будет получать и дворянство, так как чем больше и выгоднее продаст откупщик вина за границу, тем более высокую цену он станет платить и за покупку помещичьего вина. Видимо, это предложение было связано с пониманием узости рынка сбыта, тем более, что поставка вина внутри страны была жестко регламентирована и строго контролировалась. В докладе также предлагалось разрешить заключение прямых контрактов между откупщиками и поставщиками, минуя государственную администрацию. При этом за нарушение подобного рода договоров со стороны дворян предусматривалась такая же ответственность, как и «при казенных подрядах было», вплоть до конфискации имения⁵⁰.

Доклад вызвал неоднозначную реакцию. Сенат, обсуждавший его в конце января, заявил, что не видит в вывозе вина за границу «никакой пользы», так как это приведет лишь к увеличению употребления хлеба и леса на изготовление вина. Отметим, что и в дальнейшем, по таможенным тарифам 1766 и 1782 гг. хлебное вино «к вывозу запрещалось»⁵¹. Лишь в начале XIX в. таможенное законодательство изменилось и через порты Балтийского моря было вывезено хлебного вина на 1 млн руб.⁵² Сенат единодушно выступил и против возможности откупщикам самим заключать договоры на покупку вина, поскольку «поставка вина прямо в партикулярные руки государственному положению вредна». Отрицались и строгие меры ответственности поставщиков за невыполнение своих обязательств⁵³.

В начале 1765 г. комиссия В.В. Фермора подготовила два законопроекта — Манифест об отдаче питейной продажи на откуп с 1767 г. и Устав о винокурении. Оба проекта подверглись тщательному обсуждению, причем Сенат составил свой проект Манифеста. Чтобы выяснить отношение купечества к двум представленным вариантам, по приказанию Екатерины II на заседание комиссии были вызваны крупнейшие петербургские и московские откупщики С. Яковлев, С. Роговиков, К. Матвеев и М. Гусятников. Они отказались от предложения заключать договоры о поставке вина непосредственно с производителями, ведь получать вино из казны для них было гораздо удобнее и выгоднее, так как казна до передачи вина в руки откупщиков была обязана содержать его «на своем коште», а при отсутствии вина возмещать откупщикам убытки за «простойные дни». Воспользовавшись случаем, купцы вновь напомнили о желании своего сословия вернуть право винокурения, а также о стремлении откупщиков ставить вино в питейные дома со своих заводов. Комиссия в докладе императрице о результатах беседы отметила, что ей эти предложения кажутся «весьма самокорыстливы»⁵⁴. Определенное совпадение интересов поставщиков и откупщиков, боязнь обеими сторонами коммерческого риска, стремление получить гарантии со стороны государства привели к появлению в опубликованном 1 августа 1765 г. Манифесте заявления, что «вино будет подряжаемо казною, и откупщики будут продавать казенное, как и прежде было»⁵⁵.

Второй документ — проект Устава о винокурении комиссия представила на рассмотрение Екатерине II. Императрица ограничилась тем, что предложила сократить введение и пункт 1 главы 1, записав просто — «вино курить дозволяется всем дворянам и их фамилиям, а прочим никому». Кроме того, она вычеркнула из текста упоминания о телесных наказаниях, что характерно для ее увлечения в то время идеями Просвещения.

Сенат, куда в дальнейшем поступил проект Устава, в свою очередь сделал два замечания. Первое из них касалось заключения контрактов с поставщиками. Сенаторы предложили установить минимальный объем поставки в 500 ведер вина, а в места, где требовалось меньше этой нормы, поставлять все необходимое количество. Второе замечание относилось к правилам провоза подрядного вина от завода до казенного магазина. Сенат не согласился с предложением комиссии о том, что при отсутствии «выписи» (документа, удостоверявшего законность провоза вина. — Ю.Г.) вино должно быть конфисковано, и посчитал необходимым установить более мягкий режим, допуская возможность представления сопроводительных документов уже после завершения транспортировки⁵⁶.

Генерал-прокурор А.А. Вяземский на первое возражение Сената заметил, что «препорция для поставки по местам не ниже 500 ведер столь велика, что отъемот случаи пользоваться малопоместным дворянам сим промыслом». Он предложил гораздо более низкую границу 50 ведер, «ибо на таковое число скорее всяко поступить может», а главное «число подрядчиков умножится»⁵⁷. Фактически Вяземский изложил точку зрения императрицы, которая в различных записках неоднократно об этом упоминала.

К лету 1765 г. комиссия подготовила окончательный проект Устава о винокурении, который 13 июля еще раз обсуждался в Сенате, а 9 августа был подписан Екатериной II и стал законом. Устав о винокурении начинался с категорического заявления, предложенного императрицей: «Вино курить дозволяется всем дворянам и их фамилиям, а прочим никому». Изготовление вина для поставки в казну по контрактам могло производиться только в собственных имениях и не более определенного договором количества, причем минимальное количество не оговаривалось. Для собственного потребления позволялось выкуривать вино только тем, кто жил в своих деревнях и уже пользовался этим правом на основании прежних указов. Были определены и правила провоза вина из поместий в города, причем «выписи» на доставку давались только подрядчикам. При отсутствии документов корчемной команде разрешалось довести «арестованное» вино до пункта назначения и оттуда навести необходимые справки о производстве вина. Только при выяснении, что провозные документы не выдавались, вино конфисковалось и отдавалось для продажи в питейные дома. В случае перевозки вина «на свой обиход» из одного имения в другое при въезде в город емкости с вином должны были опечатываться, при выезде — распечатываться представителем местной администрации. Проверку проезжающих могли осуществлять и купцы-откупщики⁵⁸.

Подробная регламентация, содержащаяся в Уставе о винокурении 1765 г., безусловно, ограничивала деятельность дворян, занимавшихся поставками вина. Поэтому, когда вслед за ликвидацией старой комиссии, Екатерина

II объявила о созыве в 1767 г. новой Уложенной комиссии и населению была предоставлена возможность составлять указы депутатам, помещики многих уездов включили в них пожелания об изменении некоторых статей Устава.

Наибольшее число просьб было связано с отменой запрета на изготовление вина в отсутствие помещика. Основания для отмены выдвигались самые разнообразные — от убытков дворян, находящихся на государственной службе, и отсутствия помещичьих домов в тех деревнях, где находились винокуренные заводы, до необходимости постоянного употребления вина при лечении многочисленных ран, полученных в боях за Отечество. Так, составители темниковского наказа выразили желание «курить» вино в городах по месту жительства или службы. Дворяне Симбирского и некоторых других уездов пошли еще дальше и просили о предоставлении права неограниченной выработки вина.

Практически во всех наказах, где затрагивались проблемы винокурения, содержались просьбы отменить или, по крайней мере, коренным образом изменить в Уставе главу IV, в которой говорилось о порядке провоза вина. Так, помещики Обонежской и Бежецкой пятин Новгородской губернии, указав на строгость откупщиков и их поверенных, подчеркнули, что она «нестерпима есть всем дворянам» и одновременно возбуждает «у откупщиков против дворян гордость». В пензенском наказе обращалось внимание на то, что при въезде в город помещики вынуждены подчиняться проверяющим, а «от тех осмотрщиков, яко подлых людей, и не без предобидности бывает». Множество жалоб было связано с длительными задержками из-за необходимости опечатывания емкостей с вином и частым отсутствием на местах ответственных за эту процедуру должностных лиц. Наилучшим выходом, по мнению авторов наказа, было бы возвращение к прежнему порядку свободного провоза вина⁵⁹.

В некоторых наказах помещики выразили желание получить в свои руки право продажи вина. Так как по действующему законодательству таким правом обладали только казна и купцы-откупщики, дворяне считали себя обделенными. Дворяне Валуйского уезда предлагали реформировать всю систему производства и продажи вина в государстве. По мнению авторов, необходимо всю денежную сумму питейного сбора разложить на «число крепостных душ, состоящих в окладе за помещиками», а дворянам разрешить неограниченное изготовление вина в своем уезде. Составители считали, что крестьянам «отягощения быть не может», так как платить за эту «вольность» будут не они, а помещики. В то же время такая система позволит избежать корчемства, потому что у помещиков не станет причин «курить» вино в незаклейменные кубы и казаны и позволит избежать уплаты разорительных штрафов⁶⁰. Близкими по содержанию были указы белгородского и обоянского дворянства. В частности, в этих указах питейный сбор предлагалось собирать «единовременно» со всех категорий податного населения, а помещики получали бы право продавать вино «по вольной цене всем, кто пожелает купить» не только в своем, но и в любом другом уезде⁶¹. Ярославские помещики хотели взять на откуп кабаки в своих деревнях⁶². Курский наказ ходатайствовал не только о праве дворян ввоза вина в города, но и о праве продажи его на кружечных дворах. О продаже вина везде, кроме городов, где оно должно продаваться из казны, просили составители валуйского наказа⁶³.

Всего о проблемах винокурения упоминалось в 37 дворянских наказах, в том числе, о разрешении курить вино в имении в отсутствие помещика — в 34, о разрешении ввозить собственное вино в города — в 31, о винной торговле — в 3, о разрешении курить вино как для «собственных нужд», так и для продажи, заплатив при этом откупную сумму, — в 2. Таким образом, можно говорить о том, что тема производства, перевозки и продажи вина для дворянства была очень актуальной, уступая в популярности лишь проблемам, связанным с крестьянским и земельным вопросами, реорганизацией судопроизводства и сословного управления, а также правами наследования⁶⁴.

Вопрос о винокурении рассматривался и в ряде купеческих наказов. Купцы Нижнего Новгорода, Нерехты, Бахмута, Орла просили «дозволить иметь винокуренные заводы так, как и наперед сего было». В наказе купцов г. Алатырь Нижегородской губернии это мотивировалось тем, что от такого разрешения выиграет не только купечество, но и «крестьянство и всяких чинов люди, которые будут на тех заводах работать и ставить за полную цену хлеб, дрова, хмель и прочее». Орловские купцы предлагали провести преобразования, близкие по смыслу проектам белгородского и обоянского дворянства с той лишь разницей, что правом свободного производства и продажи вина наряду с помещиками должны наделяться и купцы. За такой допуск купцы обещали уплачивать более высокие налоги. Но дальше всех пошло рязское купечество, просившее запретить дворянам вступать в любые подряды⁶⁵.

Казалось бы, на заседаниях Уложенной комиссии, начавшихся 31 июля 1767 г., депутаты наряду с другими актуальными проблемами должны обсудить и вопрос о винокурении. Тем более, что 15 депутатов были винными поставщиками. В их число входили сенаторы граф Р.Л. Воронцов, граф М.К. Скавронский, князь А.С. Козловский, адмирал князь Б.В. Голицын, бывший генерал-прокурор А.И. Глебов, президент Вотчинной коллегии М.К. Лунин и другие. Некоторые депутаты были крупными подрядчиками. Так, по сведениям Камер-коллегии в 1766 г. на заводах А.И. Глебова вырабатывалось 179421 ведро вина, Р.Л. Воронцова — 43057 ведер, генерал-поручика И.Г. Чернышева — 14611 ведер, статского советника Н.Ф. Каковинского — 13250 ведер, М.К. Скавронского — 11852 ведра⁶⁶. Более того, в наказах некоторым из них содержались требования добиться изменений в Уставе о винокурении.

Но непосредственно на заседаниях Уложенной комиссии жаркие дискуссии развернулись вокруг совсем других проблем. Лишь однажды обоянский депутат дворянин М. Глазов, выполняя волю своих выборщиков, попытался привлечь внимание комиссии к неудобствам провоза вина через города⁶⁷. Но тема винокурения не получила развития не только в дворянских, но и в купеческих выступлениях.

В итоговых документах, подготовленных Уложенной комиссией в 1768 г., не оказалось прямого подтверждения монопольного права дворян на винокурение и каких-либо изменений Устава 1765 г. В ст. 22 «Правам благородным» говорилось только, что «на основании законов благородным дозволяется на своих землях и в своих деревнях заводить фабрики и заводы». Причину этого следует, видимо, искать в острых разногласиях, возникших при обсуждении даже такой расплывчатой формулировки, против которой выступило большое

число купеческих депутатов. Общие требования были выражены депутатом от г. Яранска И.М. Антоновым, который предлагал ограничить дворянское предпринимательство исключительно переработкой того, что выращивают или добывают на помещичьих землях, и запретить использование в производстве покупного сырья. В результате обмена мнениями между депутатами Н. Дурасовым и Я.И. Урсинусом появилось компромиссное решение о том, что необходимо «рассмотреть, какие в деревнях надлежит заводить фабрики и сей закон не должен быть предосуждением (порицанием. — Ю.Г.) тем законам, кои для общей пользы установятся»⁶⁸.

Молчание в таком важном вопросе свидетельствует и о желании правительства сохранить *status quo*. Позиция Сената видна из его доклада императрице еще накануне открытия заседаний Уложенной комиссии. Рассуждая о допуске к владению винокурными заводами купцов и разночинцев, сенаторы считали, что от этого придет в упадок торговля, особенно если купцы станут одновременно и откупщиками, и подрядчиками⁶⁹.

При проведении в жизнь Устава о винокурении правительство столкнулось с определенными трудностями. Главная проблема, которую пришлось решать правительству — это резкое повышение цены на хлеб в 1765—1767 гг. и в связи с этим ухудшение положения подрядчиков. Так как некоторые поставщики вина использовали для его производства не только свое, но и покупное зерно, а казна расплачивалась по фиксированным ценам, их положение сильно осложнилось.

Напомним, что 1765 г. был последним в поставке, начавшейся еще в царствование Елизаветы. За эти годы многое изменилось, но правительство не хотело этого замечать. Еще до принятия Устава о винокурении в марте 1765 г., был принят именной указ о продлении контрактов с подрядчиками на один год «без малейшей отмены», т.е. об обязательной поставке вина в 1766 г. в том же количестве и по тем же закупочным ценам, что и раньше. Таким образом, владельцы винокурных заводов, выполняя обязательства перед казной, не только не получали какой-либо прибыли, но и были вынуждены возмещать все убытки за свой счет. Помещикам стало невыгодно поставлять вино в казну по заключенным ранее договорам.

На протяжении года правительство пыталось найти выход из сложившейся ситуации. Камер-коллегии было поручено представить в Сенат и разослать губернаторам сведения о количестве вина, необходимого в разных городах и губерниях. Должны были быть проведены торги на поставку по прежним ценам, но с обещанием будущих льгот. Такие предложения винокуров явно не могли соблазнить, в чем, вероятно, не сомневалось и правительство, заранее возлагая ответственность за снабжение вином тех губерний, где «к поставке вина охотников мало найдется», на Камер-коллегию⁷⁰.

Камер-коллегия, изучив состояние дел на местах, в своем донесении Сенату обратила его внимание на высокие хлебные цены и высказала опасение «могущему последовать на продажу в будущем году в вине недостатка». В связи с этим Сенат «на всякий случай» приказал губернаторам секретно обследовать находившиеся на территории их губерний винокурные заводы и определить возможности и желание владельцев на изготовление необходимого

казне количества вина. Сенат же в свою очередь брал на себя обязанность проведения переговоров о дополнительной поставке с наиболее крупными подрядчиками. Императрица утвердила распоряжения Сената⁷¹.

Несмотря на все старания чиновников, уговорить подрядчиков не удалось. Даже крупнейшие поставщики, подписавшие контракты в соответствии с мартовским указом, в конце года стали отказываться от их выполнения. Но правительство не пошло им на какие-либо уступки, так как «через сие подастся повод прочим поставщикам к равномерному отказу». Поэтому было приказано подрядчикам, чтобы они «...всю законтрактованную с ними сумму вина действительно выставить старались»⁷².

Тем не менее, поскольку уже не было сомнений в том, что поставщики «покупают хлеб превосходною пред прежними (годами. — Ю.Г.) ценою», и «чтобы никто от того убытка понести не мог», 23 декабря 1765 г. Екатерина II разрешила Сенату в 1766 г. прибавить к старой цене по 5 копеек за ведро вина⁷³. Но это не могло принципиально изменить ситуацию.

Многие подрядчики продолжали отказываться от поставки, даже, несмотря на угрожавшую им в связи с этим «опись» имений. Лишь некоторые из них с убытками для себя отправляли вино в казну. Графиня Е.М. Румянцева, вместе с мужем активно участвовавшая в винных поставках, позднее оценивала сложившуюся ситуацию следующим образом: «Об вине ...никакой надежды нет, ...на ком недоимка, у тех уже деревни описаны, полагая за душу по 20 (рублей. — Ю.Г.). У Петра Семеныча (видимо, Салтыкова. — Ю.Г.) — 600 душ, у Петра Григорича Чернышова — 160, у князя Василия Михалыча (видимо, Долгорукова. — Ю.Г.) то же енерально, у всех кои в недоимке, на нас недоимки нет, так по счету мы 2000 рублей с лишком своих прибавили в 1767 году»⁷⁴.

Сложившаяся ситуация не могла не беспокоить правительство, так как грозила государству большими финансовыми потерями. В 1767 г. правительство решило выйти из затруднительного положения с обеспечением казны вином, построив казенные винокуренные заводы, но они не могли сразу оправдать возлагавшихся на них надежд.

Императрица также не осталась в стороне от проблем. Екатерина II представила в Сенат собственноручный проект о создании в некоторых городах винокуренных компаний. Но императрица укрылась под вымышленным именем Елизава Иванова, честно объяснив, что пойти на это ее заставило «опасение ненависти от многих, кои своего счета не найдут в сем проекте, ибо сколько не старался умирить онаго содержание, однако существо его не допустило, чтоб содержание могло приятно быть всем вообще». Заметим, что Екатерина на протяжении своего царствования неоднократно использовала этот прием — написание и обсуждение анонимных записок — для проверки восприятия новых идей ближайшим окружением или даже обществом.

Главным изменением существовавшего порядка в представленном проекте было допущение к производству вина в нескольких городах «вольной компании, в которую класть акции всякому того города жителю и дворянам, кто пожелает», т.е. дворяне лишались одной из основных своих монополий, а право винокурения возвращалось не только купцам, но оно предоставлялось и мещанам. Неслучайно, в проекте много места отведено оправданию такого

решения. «Есть ли бы кто сказал, что сие есть противно дворянской привилегии о винокурении, на то отвечаю, что Государь властен пожаловать привилегию кому соизволит, и, что для данной дворянству привилегии в случае, где они оною или мало, или вовсе не пользуются, народу не быть без вина и пяти-миллионного государственного дохода не лишиться, который на государственные нужды употребляется». Но так как дворянство не может поставить такое количество вина, продажа которого принесет казне 5 млн руб., то что лучше, задает вопрос Екатерина II, «чтоб народ чувствовал неудовольствие от недостатка в вине и наложен был пятимиллионный налог взамен питейного сбора, или чтоб четырем городам была дана привилегия, чрез кою недостаток был бы награжден, привилегия дворянская сохранена, и сами дворяне избавятся от нового налога, взамен винного, на часть имения их, и еще сами могут брать участие в новом сем положении». Отметим, как всесторонне обрабатывает Екатерина своих возможных противников, с одной стороны, угрожая введением дополнительного налога (притом, что выгоды от винных поставок имели всего около 200 дворян, а налог были бы вынуждены платить все), а с другой, соблазняя получением высокой прибыли. В то же время главная задача — это «государственного дохода не лишиться». Ради нее императрица была готова в определенной степени ограничить даже дворянские привилегии⁷⁵.

Но, видимо, воспоминания о судьбе собственного мужа, который освободил дворян от обязательной службы и не собирался покушаться на их экономическую свободу, но, тем не менее, лишился престола, были еще свежи. Поэтому Екатерина не стала настаивать, когда Сенат 21 сентября 1767 г. постановил, что все необходимые меры по преодолению кризиса, включая решение завести казенные винокурные заводы, уже приняты. Тем не менее, Сенат, «почитая сей проект знаком усердия сочинителя его к государственной пользе», выразил анонимному автору свою похвалу, а затем, по предложению императрицы, объявил, что «сочинитель» может явиться в Сенат для получения вознаграждения⁷⁶.

В конце 1767 г. Екатерина II решила использовать чрезвычайные меры. Она подписала указ об учреждении «особой» комиссии для закупки и продажи вина. Возглавить комиссию поручалось генерал-поручику графу Я.А. Брюсу, который должен был находиться «под единственным ее императорского величества ведением»⁷⁷. Кроме того, 25 декабря Екатерина II подготовила собственноручную секретную инструкцию, составленную для председателя комиссии. Императрица разрешала ему закупать вино в любом месте и по свободной рыночной цене (в черновом варианте — не дороже 1 руб. 20 коп. за ведро⁷⁸), привлекать не только новых поставщиков, но и «обязавшихся уже», завести «винный коронный магазейн» или винокурный завод. Особого внимания заслуживает указание на возможность «по усмотрению способности» предоставить право винокурения некоторым городам и купцам, у которых еще сохранились заводы⁷⁹.

Но и комиссии Я.А. Брюса не потребовалась помощь купечества в наполнении вином казенных магазинов. Предложения императрицы остались на бумаге. Больше того, своеобразное противостояние купечества и дворянства в вопросе о производстве и поставке вина в казну на этом закончилось. Даже

когда после Крестьянской войны Е. Пугачева или после неурожая в начале 1780-х гг. у помещиков вновь возникли проблемы с изготовлением вина, правительство уже не обсуждало возможность привлечения купцов.

В дальнейшем в сфере винокурения установился более или менее постоянный порядок, предусматривавший дворянскую монополию на производство и государственную регалию на продажу «хлебного» вина. Такая ситуация сохранялась на протяжении нескольких десятилетий. Лишь в период реформ 1860—1970-х годов одна из самых доходных дворянских монополий была отменена. С 1 января 1863 г. была введена новая акцизная система взимания питейных сборов, составной частью которой являлось свободное производство и продажа спиртных напитков. Таким образом, более чем через сто лет купечество вновь получило возможность производить крепкие спиртные напитки.

Библиография

- Арсеньева К.И.* Начертание статистики Российского государства. Ч. 1. СПб., 1818.
Архив князя Воронцова. Кн. 24. М., 1880.
Вернадский Г.В. История права. СПб., 1999.
Волков М.Я. Таможенная реформа 1753—1757 гг. // Исторические записки. № 71. М., 1962.
Волков М.Я. Очерки истории промыслов России. Вторая половина XVII — первая половина XVIII вв. Винокуренное производство. М., 1979.
Гавлин М.Л. Вопрос о винных откупах в истории законодательства Российской империи. XVIII—XIX вв. // Экономическая история. Обзорение. Вып. 13. М., 2007.
Голицын Ю.П. Установление дворянской монополии на винокурение в XVIII веке (историографический обзор) // Алкоголь в России: материалы седьмой науч.-практ. конф., Иваново, 25—26 ноября 2016 г. Иваново, 2016. С. 7—12.
Григорьева В.З. Водка известная и неизвестная. XIV—XX века. М., 2007.
Заварюхин Н.В. Очерки по истории Мордовского края периода феодализма. Саранск, 1993.
Записки князя Якова Петровича Шаховского. СПб., 1872.
История Правительствующего Сената за двести лет, 1711—1911. Т. II. СПб., 1911.
Калинин В.Д. Из истории питейного дела в России (XV — начало XX вв.). М., 1993.
Каменский А.Б. Российское дворянство в 1767 году (К проблеме консолидации) // История СССР. 1990. № 1.
Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е — начало 60-х годов. М., 1999.
Корякина Е.П. Идеология абсолютизма и политические взгляды П.И. Шувалова // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1991. № 5.
Кузьмичев А.Д., Шапкин И.Н. Отечественное предпринимательство: Очерки истории. М., 1995.
Курукин И.В., Никулина Е.А. «Государево кабацкое дело». Очерки питейной политики и традиций в России. М., 2005.
Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. Историко-юридическое исследование. Т. 1. СПб., 1887.
Лодыженский К. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886.
Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX в. М., 1947.
Никонова В.М. Контент-анализ при изучении дворянских наказов в Уложенную комиссию 1767—1768 гг. // Вестник Московского университета: Серия 8. История. 1991. № 2.
Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII в.: Заводы и заводовладельцы. М., 1962.
Письма графини Е.М. Румянцева к ее мужу фельдмаршалу графу П.А. Румянцеву-Задунайскому. 1762—1779 гг. СПб., 1888.
Порай-Кошиц И.А. Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII века. 862—1796. СПб., 1874.
Похлебкин В.В. История водки. М., 1991.

- Прыжов И.Г.* История кабаков в России в связи с историей русского народа. М., 1991.
- Родионов Б.* Полугар. Водка, которую мы потеряли. М., 2009.
- Романов С.* История русской водки. М., 1998.
- Романович-Славянский А.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870.
- Саблина А.В.* Виноторговля в Ярославской губернии в конце XVIII — первой половине XIX вв. Автореф. ...дис. к. и. н. Ярославль, 2000.
- Семевский В.И.* Крестьяне в царствование Екатерины II. Т.1. СПб., 1881.
- Сенатский Архив. Т. IX. СПб., 1901.
- Сметанин С.И., Конотопов М.В.* Развитие промышленности в крепостной России. М., 2000.
- Советская историческая энциклопедия. Т. 3. М., 1963.
- Такала И.Р.* «Веселие Руси»: История алкогольной проблемы в России. СПб., 2002.
- Толстой Д.* О винной регалии в России до времен Петра-Великого // Отечественные записки. СПб., 1842. Т. 23. № 8.
- Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966.
- Фирсов Н.Н.* Русское законодательство о хлебном вине в XVIII ст. (Страница из истории права XVIII ст.). Казань, 1892.
- Хорькова Е.П.* История предпринимательства и меценатства в России. М., 1998.
- Терехов Н.В.* Российское правительство и дворянское винокурение в 1785—1863 гг. Автореф. ...дис. к. и. н. СПб., 2007.
- Шмидт С.О.* Внутренняя политика России середины XVIII века // Вопросы истории. 1987. № 3.

Примечания

- ¹ «Хлебное вино» («полугар») — питьевая спиртосодержащая жидкость, произведенная методом дистилляции продуктов брожения злаковых культур, прежде всего ржи (См.: *Родионов Б.* Полугар. Водка, которую мы потеряли. М., 2009. С. 14).
- ² *Романович-Славянский А.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 260; *Порай-Кошиц И.А.* Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII века. 862—1796. СПб., 1874. С. 176; *Прыжов И.Г.* История кабаков в России в связи с историей русского народа. М., 1991. С. 212; *Фирсов Н.Н.* Русское законодательство о хлебном вине в XVIII ст. (Страница из истории права XVIII ст.). Казань, 1892.
- ³ *Латкин В.Н.* Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. Историко-юридическое исследование. Т. 1. СПб., 1887. С. 286; *Вернадский Г.В.* История права. СПб., 1999. С. 81.
- ⁴ *Романов С.* История русской водки. М., 1998. С. 161.
- ⁵ Советская историческая энциклопедия. Т. 3. М., 1963. С. 493; Похлебкин В.В. История водки. М., 1991. С. 243; *Калинин В.Д.* Из истории питейного дела в России (XV — начало XX вв.). М., 1993. С. 9; *Саблина А.В.* Виноторговля в Ярославской губернии в конце XVIII — первой половине XIX вв. Автореф.т ...дис. к. и. н. Ярославль, 2000. С. 14; *Родионов Б.* Полугар. Водка, которую мы потеряли. С. 69.
- ⁶ *Любомиров П.Г.* Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX в. М., 1947. С. 233; *Павленко Н.И.* История металлургии в России XVIII в.: Заводы и заводладельцы. М., 1962. С. 437; *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С. 154; *Волков М.Я.* Очерки истории промыслов России. Вторая половина XVII — первая половина XVIII вв. Винокуренное производство. М., 1979. С. 86.
- ⁷ *Такала И.Р.* «Веселие Руси»: История алкогольной проблемы в России. СПб., 2002. С. 50; *Курочкин И.В., Никулина Е.А.* «Государево кабацкое дело». Очерки питейной политики и традиций в России. М., 2005. С. 96; *Гавлин М.Л.* Вопрос о винных откупах в истории законодательства Российской империи. XVIII—XIX вв. // Экономическая история. Обзорение. Вып. 13. М., 2007. С. 130; *Григорьева В.З.* Водка известная и неизвестная. XIV—XX века. М., 2007. С. 33.
- ⁸ *Кузьмичев А.Д., Шапкин И.Н.* Отечественное предпринимательство: Очерки истории. М., 1995. С. 80; *Хорькова Е.П.* История предпринимательства и меценатства в России. М., 1998. С. 156, 159, 161, 214; *Сметанин С.И., Конотопов М.В.* Развитие промышленности в крепостной России. М., 2000. С. 173; *Терехов Н.В.* Российское правительство и дворянское винокурение в 1785—1863 гг. Автореф. ...дис. к. и. н. СПб., 2007. С. 19.

- ⁹ Подробный историографический обзор см.: *Голицын Ю.П.* Установление дворянской монополии на винокурение в XVIII веке (историографический обзор) // Алкоголь в России: материалы седьмой науч.-практ. конф., Иваново, 25—26 ноября 2016 г. Иваново, 2016. С. 7—12.
- ¹⁰ См.: *Толстой Д.* О винной реляции в России до времен Петра-Великого // Отечественные записки. СПб., 1842. Т. 23. № 8. С. 53.
- ¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. (Далее — ПСЗ РИ-1). СПб., 1830. Т. 5. № 2990.
- ¹² Там же. Т. 8. № 5342.
- ¹³ *Волков М.Я.* Очерки истории промыслов... С. 69.
- ¹⁴ *Волков М.Я.* Таможенная реформа 1753—1757 гг. // Исторические записки. № 71. М., 1962. С. 135.
- ¹⁵ *Волков М.Я.* Очерки истории промыслов... С. 86.
- ¹⁶ *Павленко Н.И.* История металлургии... С. 438.
- ¹⁷ История Правительствующего Сената за двести лет, 1711—1911. Т. II. СПб., 1911. С. 286—287.
- ¹⁸ *Павленко Н.И.* История металлургии... С. 442.
- ¹⁹ ПСЗ РИ-1. Т. XIV. № 10261.
- ²⁰ Там же. Т. XIV. № 10466.
- ²¹ Сенатский Архив. Т. IX. СПб., 1901. С. 548—549, 559.
- ²² Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 248. Оп. 40. Ч. 1. Д. 2981. Л. 966.
- ²³ Там же. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1736.
- ²⁴ Там же. Д. 2000. Л. 3—6.
- ²⁵ Там же. Д. 2063. Л. 2—4.
- ²⁶ Там же. Д. 1414. Л. 4—7.
- ²⁷ Там же. Ф. 1261. Оп. 2. Д. 41. Л. 1. Ф. 273. Оп. 1 Ч. 9. Д. 31712. Л. 6.
- ²⁸ ПСЗ РИ-1. Т. XIV. № 10384.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 1. Д. 3470. Л. 1—40.
- ³⁰ *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование Екатерины II. Т. 1. СПб., 1881.
- ³¹ РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1336. Л. 32—33.
- ³² Там же. Д. 1772. Л. 1—3об.
- ³³ Там же. Д. 3987. Л. 2.
- ³⁴ *Заварюхин Н.В.* Очерки по истории Мордовского края периода феодализма. Саранск, 1993. С. 114.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 1. Д. 5730. Л. 1—1об.
- ³⁶ Там же. Д. 5734. Л. 1—2.
- ³⁷ Там же. Ф. 275. Оп. 1 Ч. 2. Д. 2017. Л. 1—34.
- ³⁸ Архив князя Воронцова. Кн. 24. М., 1880. С. 118.
- ³⁹ Там же. С. 119, 124.
- ⁴⁰ Записки князя Якова Петровича Шаховского. СПб., 1872. С. 142.
- ⁴¹ *Корякина Е.П.* Идеология абсолютизма и политические взгляды П.И. Шувалова // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1991. № 5. С. 21.
- ⁴² *Шмидт С.О.* Внутренняя политика России середины XVIII века // Вопросы истории. 1987. № 3. С. 55.
- ⁴³ Проект нового Уложения, составленного законодательной комиссией 1754—1766 гг. (часть III «О состоянии подданных вообще»). СПб., 1893. С. 185—186, 191; *Латкин В.Н.* Законодательные комиссии... С. 290.
- ⁴⁴ История русской экономической мысли. Т. 1. М., 1955. С. 396.
- ⁴⁵ *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е — начало 60-х годов. М., 1999. С. 330.
- ⁴⁶ ПСЗ РИ-1. Т. XVI. № 12105.
- ⁴⁷ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 7. Л. 740.
- ⁴⁸ Там же. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 68. Л. 1—10.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 10. Оп. 3. Д. 162. Л. 3—5.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 68. Л. 40—44 об.
- ⁵¹ См.: *Лодыженский К.* История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С. 115, 139.
- ⁵² *Арсеньев К.И.* Начертание статистики Российского государства. Ч. 1. СПб., 1818. С. 157.
- ⁵³ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 216. Л. 320—334.
- ⁵⁴ Там же. Д. 87. Л. 1—12.

- ⁵⁵ ПСЗ РИ-1. Т. XVII. № 12444.
- ⁵⁶ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 16. Л. 117—125.
- ⁵⁷ Там же. Л. 129—134.
- ⁵⁸ ПСЗ РИ-1. Т. XVII. № 12448.
- ⁵⁹ Сборник Императорского Русского Исторического Общества (далее — ИРИО). Т. 14. СПб., 1875. С. 336, 360; Т. 68. СПб., 1889. С. 20.
- ⁶⁰ Там же. Т. 68. С. 566—567.
- ⁶¹ Там же. С. 597, 645.
- ⁶² Там же. Т. 32. С. 582.
- ⁶³ *Латкин В.Н.* Законодательные комиссии... С. 287—288.
- ⁶⁴ *Никонова В.М.* Контент-анализ при изучении дворянских наказов в Уложенную комиссию 1767—1768 гг. // Вестник Московского университета: Серия 8. История. 1991. № 2. С. 57, 61.
- ⁶⁵ Сборник ИРИО. Т. 93. СПб., 1894. С. 515; Т. 134. СПб., 1911. С. 10, 19, 450—451; Т. 144. СПб., 1914. С. 238—239, 250, 279.
- ⁶⁶ РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 9. Д. 31712. Л. 5 об., 6 об., 10—15, 28.
- ⁶⁷ Сборник ИРИО. Т. 36. СПб., 1882. С. 332.
- ⁶⁸ Цит. по: *Каменский А.Б.* Российское дворянство в 1767 году (К проблеме консолидации) // История СССР. 1990. № 1. С. 65.
- ⁶⁹ ПСЗ РИ-1. Т. XVIII. № 12882.
- ⁷⁰ Сенатский архив. Т. XV. СПб., 1913. С. 485—486, 497—498.
- ⁷¹ Там же. Т. XIII. СПб., 1909. С. 135—139.
- ⁷² Там же. С. 144.
- ⁷³ Сенатский архив. Т. XV. СПб., 1913. С. 995—996.
- ⁷⁴ Письма графини Е.М. Румянцевой к ее мужу фельдмаршалу графу П.А. Румянцеву-Задунайскому. 1762—1779 гг. СПб., 1888. С. 87.
- ⁷⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 43. Д. 3750. Л. 141—142; Ф. 10. Оп. 1. Д. 173. Л. 24—27; см. также: Сборник ИРИО. Т. 10. СПб., 1872. С. 263—265.
- ⁷⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 43. Д. 3750. Л. 143—144.
- ⁷⁷ Там же. Ф. 275. Оп. 1. Ч. 2. Д. 698. Л. 3.
- ⁷⁸ Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 173. Л. 19.
- ⁷⁹ Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 218. Л. 5—5об.

Уфимское отделение Волжско-Камского коммерческого банка: начало истории (1873—1875 гг.)

Аннотация: Показано возникновение и начальный этап деятельности Уфимского отделения Волжско-Камского коммерческого банка (1873—1875 гг.), первого филиала крупного столичного банка на Южном Урале, через который осуществлялось основное финансирование экономики края.

Уже в первый полный год работы отделения (1874) обороты превысили 25 млн руб. Проанализирована депозитная политика отделения, вклады срочные, до востребования и вклады на текущие счета. Выявлено преобладание коммерческих вкладов, показаны крупнейшие вкладчики, на текущие счета которых ежегодно поступало не менее 50 тыс. руб.

Ключевые слова: банки Российской империи, Волжско-Камский банк, депозиты, торговля, Уфа, Южный Урал.

Одной из малоизученных страниц истории экономики Российской империи является возникновение и развитие провинциальных отделений крупных столичных банков. Начальный этап истории банковского дела в Уфе также остаётся совершенно не исследованным. Особое значение имеет анализ депозитной операции, главного инструмента в привлечении самого широкого круга вкладчиков в провинции, которая в самых широких масштабах практиковалась в одном из крупнейших Волжско-Камском коммерческом банке (далее ВККБ), учреждённом в 1870 г. в Петербурге.

Основатель банка — Василий Андреевич Кокорев (1817—1889), сын мещанина из Костромской губернии, старообрядец поморского согласия, выдвинулся в ряды крупнейших предпринимателей России. Он прошёл путь от управляющего солеваренным заводом до крупнейшего винного откупщика, его состояние к 1862 г. оценивалось в 8 млн руб. По отзыву К.А. Скальковского «наше купеческое сословие мало выставило людей, которые могли бы равняться с Кокоревым игрой ума, талантами и характером, да и немного по всей России за полстолетия сыщется людей такого калибра».

В пореформенные годы В.А. Кокорев сначала участвовал в организации Московского Купеческого банка, но важнейшим событием в его деловой карьере стало открытие именно ВККБ¹.

Выходец из народа, прекрасно знавший российскую глубинку, «Русь мужицкую», близкий к славянофилам В.А. Кокорев видел, что в провинции находятся огромные капиталы, которые можно вовлечь в деловой оборот через широкую сеть филиалов, аккумулировав лежащие без движения средства, хотел «создать банк с опорой на провинциальные капиталы».

Это был принципиально отличный подход от спекулятивных банков и банкирских контор, выкачивавших из провинции деньги через операции с

* Роднов Михаил Игоревич — доктор исторических наук, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, mrodnov@ufanet.ru.

выигрышными займами, или просто занимавшихся финансовыми аферами (Скопинский банк).

Волжско-Камский банк оценивается специалистами как «уникальное учреждение среди акционерных коммерческих банков столицы. Абсолютное их большинство сразу же стали деловыми или спекулятивными, с малым числом филиалов (или вовсе без них), с оборотным капиталом, который формировали главным образом корреспонденты. Эти банки направляли свои активы в спекуляцию ценными бумагами и учредительство. Волжско-Камский банк сформировался как исключительно депозитный банк наподобие Креди Лионнэ [...]. Основу пассива банков такого типа составляют вклады»².

По уставу ВККБ (§ 3) правление могло в течение уже первого года открыть отделения в Казани, Нижнем Новгороде, Самаре, Саратове, Астрахани, а в последствии и в других городах³. Руководство ВККБ — председатель правления В.А. Кокорев, председатель совета, директор Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов А.И. Бутовский — развернуло активную деятельность, охватив отделениями и агентствами значительную часть Европейской России, с акцентом на поволжские губернии, что отражало само название банка.

К 1872 г. банк оперировал от Екатеринбурга и Поволжья до Киева и Харькова, вексельный портфель филиалов почти вдвое превысил учёт векселей в Санкт-Петербурге, а сумма вкладов в провинции (17,9 млн руб.) также обошла столицу (13,6 млн). Как отмечал К.А. Скальковский: «до того у нас были в провинции, кроме ростовщиков, только погрязшие в чиновничьей рутине отделения Государственного банка»⁴.

Среди регионов, на которые сразу же было обращено внимание, оказалась Уфимская губерния. Нельзя не отметить прозорливость руководства ВККБ. В Уфу лишь недавно стали ходить пароходы, даже регулярного сообщения ещё не существовало, едва разворачивалось переселенческое движение, о железной дороге вообще только мечтали, но в правлении ВККБ оценили потенциал южноуральского края.

Плодородные земли, бескрайние уральские лесные массивы, мощные металлургические предприятия и речная система Белой, притока Камы и Волги, обеспечивавшая в общем стабильную транспортировку грузов, открывали широкие возможности для успешного экономического развития.

При этом Уфа и губерния не могли похвастаться обилием финансовых учреждений. С 1865 г. в Уфе действовало отделение Государственного банка⁵, с конца 1860-х гг. предпринимаются первые попытки учреждения городских общественных банков (в Бирске, Мензелинске, Стерлитамаке)⁶. Но эти маленькие провинциальные банки (к ним добавились с 1876 г. Уфимский городской общественный банк и с 1879 г. в Уфе Общество взаимного кредита) не обладали значительными ресурсами и играли небольшую роль на местном финансовом рынке. Вплоть до начала XX в., более 30 лет Уфимское отделение ВККБ было единственным крупным частным банком в крае, занимая лидирующие позиции.

В 1890 г. доля Уфимского отделения ВККБ в общем обороте операций составляла 58,1 млн руб. (59%), Уфимского отделения Госбанка — 27,6 млн

руб. (28%), Уфимского городского общественного банка — 8,5 млн руб. (9%), Уфимского общества взаимного кредита — 2,8 млн руб., Бирского, Мензелинского и Белебеевского городских общественных банков (Стерлитамакский обанкротился) всех вместе — 0,9 млн руб.⁷ Именно Уфимское отделение ВККБ десятилетиями во многом регулировало финансовую ситуацию в крае, оказывало сильнейшее воздействие на экономическое развитие региона.

Узнали о появлении нового банка жители Уфимской губернии почти сразу. Уже в 1871 г. в местных «ведомостях» появились рекламные извещения Казанского и Екатеринбургского отделений ВККБ (№ 35, 36, 37, др.), а в конце года П. Кайгородов от имени ВККБ извещал, что на ярмарках в Ишиме (Никольской) с 1 по 10 декабря и в Мензелинске с 31 декабря по 12 января 1872 г. «будут открыты временные конторы для производства всех операций и перевода денег во все места, где открыты его отделения и Агентства»⁸.

Масштаб операций был немалый. На Мензелинской ярмарке в 1872 г. временное отделение ВККБ приняло различных вкладов на сумму в 52 500 руб., перевело из Мензелинска по телеграммам и трансфертам от предпринимателей 493 641 руб., собрав проценты и комиссии за свои услуги на 11 971 руб. 52 коп. Кроме того, банк получил платежи по векселям и иным обязательствам на 52 428 руб. 54 коп. Приход составил 610 541 руб. 06 коп.

Одновременно, временное ярмарочное отделение ВККБ учитывало (покупало) торговые векселя на 247 442 руб. 65 коп., а также оплатило переводы торговцев (из других отделений ВККБ и банков в Мензелинск) на 200 300 руб. Общий оборот за две недели ярмарки превысил 1 млн руб.⁹

Руководство ВККБ сначала, видимо, изучало потенциал экономики регионов, открывая временные отделения на крупнейших ярмарках, через которые в провинции велась львиная доля оптовой торговли. Здесь устанавливались контакты с местным купечеством, которое узнавало о пользе и выгоде совершения финансовых операций через ВККБ. Деятельность временных ярмарочных отделений также позволяла найти или подготовить кадры.

Мензелинская ярмарка на западе Уфимской губернии, вблизи от Камской речной системы, играла важнейшую роль в экономике края и входила в общероссийскую систему ярмарок. Здесь совершались оптовые сделки на торговлю хлебом и фрахтовые контракты на поставку зерна с речных пристаней в порты Рыбинска, Нижнего Новгорода и др. На Мензелинскую ярмарку пригоняли огромные табуны лошадей для коноводных речных судов (предшественников кабестанов и пароходов).

Так что деятельность ВККБ на территории Уфимской губернии началась в декабре 1871 г., затем продолжилась в декабре 1872 г. (см. № 30 «Уфимских губернских ведомостей»). Опыт оказался удачным, потенциал региона был очевиден и в 1873 г. банк разворачивает активную деятельность.

Уже в первом новогоднем номере единственной местной газеты за подписью «член Кайгородов» выходит объявление, что ВККБ «имеет честь довести до всеобщего сведения, что в ярмарках: Мензелинской, с 1-го по 10-е Января, и Симбирской-Сборной, 19-го по 28 Февраля 1873 года, будут открыты временные Отделения Волжско-Камского Банка, для производства всех банковых операций и денежных переводов»¹⁰.

Наверняка, финансовый успех на двух новогодних ярмарках в Мензелинске подтолкнул руководство ВККБ к учреждению постоянного отделения в губернском центре — Уфе. В течение года шла подготовительная работа, к осени всё было готово и от имени ВККБ управляющий П. Кайгородов извещал уфимцев, что банк:

«В наступающем Ноябре сего 1873 года открывает Отделение в Уфе и будет производить следующие операции:

1) Учёт товарных векселей.

2) Ссуды под процентные бумаги и товары в складах и пути.

3) Приём процентных вкладов как на определённые сроки, так и до востребования.

4) Текущие счета.

5) Перевод денег посредством квитанций и телеграммы во все главнейшие города России и заграничней.

6) Оплату переводов Правления Волжско-Камского Банка в Петербурге, шести его Отделений и 24-х частных Банковых учреждений, находящихся в разных городах России, с коими установлены сношения для взаимного исполнения поручений.

7) Покупку и продажу билетов 1-го и 2-го внутренних с выигрышами займов, 5% билетов Государственного Банка, серий и других ценных бумаг.

8) Приём векселей на Коммиссию для получения по оным платежей в других городах, где есть отделение Волжско-Камского Банка, или Банковые учреждения, исполняющие его поручения.

и 9) исполнение других, поименованных в Уставе Банка, комиссий.

О дне открытия Отделения в Уфе и размере процентов будет опубликовано особо»¹¹.

Среди широкого набора финансовых услуг, ВККБ привлекал клиентов обширной сетью филиалов и банков-партнёров, через которые быстро можно было перевести деньги из одного региона в другой, а пути сообщения тогда оставались ещё плохими. Работа с векселями, выдача ссуд, операции с ценными бумагами, исполнение требований клиентов за небольшую плату (комиссию) и среди всего этого особое место занимали депозиты, приём вкладов от рядового населения и предпринимателей, на чём ВККБ делал акцент.

В канун открытия Уфимского отделения ВККБ в прессе публикуется информация о процентных ставках банка, самому широкому кругу читателей заранее сообщали, каковы условия открытия депозитных счетов. График работы был установлен следующий: «Уфимское Отделение открыто для публики ежедневно с 9-ти часов утра до 4-х по полудни, кроме воскресных и табельных [официальных праздников] дней».

С 5 ноября 1873 г. Уфимское отделение и «впредь до изменения» обязывалось платить вкладчикам по текущим счетам 4% годовых, кто положит деньги до востребования — 4,5%¹², на срок в 6 месяцев — 5%, на один год — 5,5% годовых, «свыше года — по соглашению с вкладчиком»¹³. Процентные ставки соответствовали платежам по государственным ценным бумагам.

Уфимское отделение предлагало клиентам максимально удобные условия для открытия вкладов. Можно было открыть вклад по почте «при объявлении

или письме без всякой формы, с означением лишь того: на какое время, или до востребования, и на чье имя, или на предъявителя, делается вклад, а также на какую Почтовую Станцию и по какому адресу следует выслать вкладной билет. Вклады менее 100 рублей не принимаются». Минимальная сумма вклада была достаточно велика, малоимущие слои сразу отсекались.

Учёт товарных векселей на три месяца производился из 7% годовых, на шесть месяцев — под 8% и на девять месяцев — под 9% годовых. Более высокий процент гарантировал банку риски из-за возможных отказов от уплаты долга¹⁴.

Уфимское отделение ВККБ выдавало ссуды под гарантированные правительством процентные бумаги под 8% годовых. Если в залог передавались негарантированные бумаги, выдавалась ссуда уже под 9% годовых¹⁵. Также можно было получить ссуду в банке под товары, хранившиеся в складах или находившиеся в пути, под 8 и 9% годовых¹⁶.

Это объявление вышло в воскресенье, за день до официального открытия отделения. Сам редактор «ведомостей», статистик и краевед Н.А. Гурвич посвятил важнейшему событию заметку. В Уфе открылся первый частный банк! «Уфа 4-го Ноября

Сегодня последовало у нас торжественное открытие Волжско-Камского Банка. — К торжеству этому, которое удостоил своим посещением Г. Начальник Губернии¹⁷, были приглашены многие из Уфимского общества — дворян, служащих и купечества. — Торжество началось молебствием с провозглашением многолетия ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и ВСЕМУ АВГУСТЕЙШЕМУ ДОМУ. — Затем Управляющим Банком П.Г. Кайгородовым был предложен гостям роскошный завтрак, на котором хозяином торжества были предложены тосты за ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и ВСЕГО АВГУСТЕЙШЕГО ДОМА.

Нет сомнения, что общество наше отнесётся сочувственно к этому новому у нас частному кредитному учреждению. — Развитие и расширение кредита есть знамение поднятия уровня благосостояния страны; это мы видим ясно и в целом нашем отечестве в эпоху его преуспевания. — Наконец и наша губерния доросла до расширения кредита: в час добрый! Известно, что тот не беден ещё, у кого хоть и нет денег, но есть что закладывать и чем обеспечивать кредит, а у нашей губернии хоть лежачих денег, может быть, и немного, но для обеспечения кредита — сила: наши заводы, наша земля, наши леса, наш хлеб..., одним словом, за нами долг никак пропасть не [м]ожет, а между тем новый наплыв денег в нашу губернию может много помочь и развить нашу торговлю и промышленность, особенно при довольно широкой программе операций, заявленных Волжско-Камским Банком.

Итак нельзя не пожелать успеха и широкой деятельности этому новому у нас частному кредитному учреждению, так как его успехи будут лучшим доказательством благосостояния и развития нашей местной торговли и промышленности.

Во время завтрака составила подписка в пользу потерпевших от неурожая в Самарской губ. и в южных волостях Стерлитамакского уезда Уфимской губ., всего на 615. руб. из них: для Стерлитамакских крестьян 155 р., а для Самарских 460 р.»¹⁸.

На следующий день после банкета, 5 ноября 1873 г. Уфимское отделение Волжско-Камского банка открыло свою деятельность. Кстати, завтрак в день

открытия обошёлся в 436 руб. 33 коп. Редактор Н.А. Гурвич не зря назвал его «роскошным», сумма вышла очень даже... «приличная».

В течение 1873 г. подготовительные работы к открытию отделения в Уфе происходили под руководством первого управляющего, белебеевского купца Павла Григорьевича Кайгородова.

Это был опытный предприниматель, хорошо известный в Оренбургской (Уфимской с 1865 г.) губернии. Он долгое время служил управляющим Благовещенского медеплавильного завода недалеко (к северу) от Уфы. В 1850 г. в Благовещенском медеплавильном заводе побывал уфимский писатель и редактор местных «ведомостей» И.П. Сосфенов, лично встречавшийся с Кайгородовым.

«Слишком десятилетнее управление Благовещенским заводом П.Г. Кайгородовым довело это имение принадлежащее Действительной Тайной Советнице Елисавете Васильевне Дашковой, до стройного порядка во всех частях. Куда ни взгляните: везде видите опрятность, приличие, чистоту без излишней пышности и с полною экономией. Что же касается до субординации, то я подобного подчинения в жизни своей редко встречал, хотя тихость характера Г. Кайгородова и весьма простое обращение с заводскими крестьянами, по видимому не давали к тому повода; и это тем замечательнее, что до него управляющие этим заводом весьма нередко менялись»¹⁹.

Приблизительно, в конце 1850-х гг. П.Г. Кайгородов меняет место работы. Великую реформу отмены крепостного права он встретил в должности управляющего имениями и медеплавильными заводами одного из крупнейших предпринимателей и откупщиков России Д.Е. Бенардаки (1800—1870)²⁰ в Белебеевском уезде Оренбургской губернии.

Бирский 3-й гильдии купец Павел Кайгородов управлял одновременно Нижне и Верхне-Троицкими и Усень-Ивановским заводами, огромными предприятиями с сотнями рабочих, а также сельскими поместьями Бенардаки (деревни Анновка, Александровка, Дмитриевка, Екатериновка, Константиновка, Леонидовка, Большая Николаевка и село Елизаветино) с тысячами душ крепостного населения²¹.

Карьера шла по восходящей. После успешной деятельности в Благовещенске, Кайгородова, вероятно, переманил крупный петербургский предприниматель — грек Д.Е. Бенардаки. Он умирает в 1870 г., а Кайгородов оказывается в системе Волжско-Камского банка. Наверняка, глава последнего — В.А. Кокорев — был наслышан о деятельности Кайгородова, для организации филиала требовался опытный сотрудник.

Кайгородов был знаком с Кокоревым. Так, в 1873 г. по его распоряжению уфимский управляющий получил 1 тыс. руб. в счёт жалованья и ещё 349 руб. 50 коп. были израсходованы Кайгородовым «на перемещение из Казани в Уфу, по поданному Г. Василию Александровичу счёту»²². Вероятно, Кайгородов сначала служил в уже открытом Казанском отделении ВККБ. В 1870-е гг. Павел Григорьевич Кайгородов проживал в Уфе, скорее всего, скончался между 1879 и 1883 гг.

Именно П.Г. Кайгородов подобрал кадры Уфимского отделения ВККБ, которые бессленно служили с ним в 1870-е гг., а также помещение для банка. В первые годы работы Уфимского отделения ВККБ, видимо, помещение для банка арендовалось у разных лиц. Но в том же квартале, где проживал сам

П.Г. Кайгородов. Впоследствии Уфимское отделение ВККБ долгие десятилетия располагалось в одноэтажном здании по улице Большой Казанской, которое арендовалось у купцов Чижовых²³.

Таким образом, после двух лет работы временного отделения ВККБ на зимней ярмарке в Мензелинске, что на западе Уфимской губернии, в ноябре 1873 г. в Уфе открылось постоянное отделение первого частного (из Санкт-Петербурга) банка — Волжско-Камского коммерческого. Первый управляющий отделением Павел Григорьевич Кайгородов, опытный и известный в крае предприниматель, оперативно сформировал стабильный коллектив сотрудников, арендовал помещение и быстро развернул активную деятельность. Уже в первый полный год работы (1874) обороты Уфимского отделения ВККБ составили 25 178 507 руб. 38 коп.²⁴

В Уфимской губернии обосновался один из крупнейших акционерных банков Российской империи, через который во многом, если не в решающей степени, осуществлялось финансирование (обслуживание) как коммерческой деятельности, так и функционирование государственных и общественных структур края. Скромное одноэтажное здание на улице Большой Казанской стало хорошо известно тысячам жителей Уфимской губернии, от крупного купечества до рядовых вкладчиков.

Уфимское отделение ВККБ предлагало клиентам широкую программу всевозможных банковских услуг — учёт векселей, ссуды под залог, покупку и продажу ценных бумаг по запросам клиентов, многое другое. Но одной из важнейших сторон деятельности Уфимского отделения ВККБ, как и всего банка, являлась работа с вкладами. Не случайно историк С.А. Саломатина определила Волжско-Камский банк как «российский депозитный гигант»²⁵.

«Депозитный гигант»: начало работы в Уфе

Вклады — это был «относительно стабильный, т. е. примерно годовой по срочности ресурс, обходящийся банку в 3—4% годовых», которые он выплачивал вкладчикам, разместившим свои капиталы. В пассивах ВККБ доля вкладов составляла 25%, а собственных средств — только 12%, что позволяло ему «почистой прибыли на единицу среднегодового актива» в 2,82% приближаться к деловым банкам России²⁶.

В богатой историографии банков и финансов Российской империи анализ вкладной операции (более дорогих для банков срочных вкладов и дешёвых, краткосрочных текущих счетов) на уровне общепанковских итогов показан в монографии С.А. Саломатиной²⁷, хотя в целом внимание исследователей к изучению депозитной политики банков не очень велико.

Обращает внимание выявленное С.А. Саломатиной соотношение кредитов и депозитов, что позволило определить избыток или нехватку собственных ресурсов в регионе. По всей стране в коммерческих банках депозиты покрывали 72% кредитов, «Россия в целом являлась страной притока капиталов, что в общем-то известно» (особенно Петербург — 43%). Но при этом в ряде регионов наблюдалось равновесие (Средне-Волжский, Западная Сибирь, Предкавказье).

казский), а четыре региона показывают преобладание депозитов над кредитами — избыток ресурсов, «где средства не находили применения». В их числе Приуральский (167%), Северо-Западный (143%) и Северный (103%) регионы, а также Закавказье (123%)²⁸. Поэтому особенно интересно выяснить ситуацию с депозитами в Уфимской губернии.

Согласно уставу Волжско-Камского банка, ему позволялся в числе прочих: «Приём сумм во вклады бессрочные, на определённые сроки, а равно на текущий счёт, с тем, чтобы билеты в удостоверение приёма денег во вклады были выдаваемы на суммы не менее 100 рублей каждая». А «размер процентов [...] по вкладам и текущим счетам, определяется правлением банка»²⁹, о чём требовалось сообщать в прессе. То есть, не провинциальное отделение, а центральное правление в Санкт-Петербурге устанавливало, изменяло величину процентов по вкладам.

Конкретные правила о денежных вкладах в ВККБ излагались в особой инструкции. Вклады принимались «звонкой монетой или государственными кредитными билетами» от всех желающих (§ 2). Вкладчик подавал объявление (§ 3), где указывал сумму вклада, срок (или до востребования), билет на своё имя или на предъявителя. Заявление об открытии вклада могло подаваться по почте (§ 3). После чего банк выдавал вкладной билет (§ 4), минимальная сумма вклада — 100 руб. (§ 5).

Вкладной билет на предъявителя свободно мог передаваться в другие руки, именной же билет — «только по бланковой или передаточной надписи» с точным указанием всех персональных данных и засвидетельствованной в банке, у нотариуса, судьи или в полиции (§ 6).

Деньги и проценты по вкладам выдавались владельцам именных билетов (или их доверенным), а также предъявителям (если билет оформлен на предъявителя) (§ 9).

Проценты по вкладам определяет правление ВККБ, оно же изменяет величину процентов и в каждом случае обязано публиковать извещение об этом в печати (§ 11). Но процент по вкладам изменяется со дня постановления правления банка (§ 14).

Если срочный вклад вовремя не истребован, он обращается в бессрочный с соответствующим начислением процентов (§ 12). Вкладные билеты ВККБ можно было отдавать в качестве залога в свой же банк (§ 13).

Деньги вкладчик мог истребовать и из других контор ВККБ, заявив об этом заранее за 10 дней. При этом с него бралась комиссия за перевод средств из одного отделения в другое. По желанию вкладчика билеты (вклады) можно было соединять, раздроблять, обменять именной билет на билет на предъявителя. За каждый новый вкладной билет банк берёт 25 коп. (§ 17). Возможны были особые условия вкладчика (§ 18), в случае смерти наследование вклада происходило по закону (§ 19)³⁰.

Таким образом, с открытия в ноябре 1873 г. Уфимского отделения ВККБ клиентам предлагались три вида вкладов:

- 1) срочные;
- 2) до востребования;
- 3) текущие.

Рассмотрим эти виды вкладов в Уфимское отделение ВККБ за 1873—1875 гг., на начальном этапе деятельности регионального филиала банка.

Срочные вклады

Уже в первые два месяца работы Уфимского отделения ВККБ в ноябре и декабре 1873 г. были приняты 8 вкладов на срок до 6 месяцев включительно на сумму в 9600 руб., на срок в один год поступил 31 вклад (34 604 руб.), а также один вклад в размере 400 руб. был принят на срок от 1 года до 3 лет. Итого за два месяца Уфимское отделение приняло 40 срочных вкладов на сумму в 44 604 руб. Выплаты по срочным вкладам за столь короткий срок, естественно, ещё не производились.

Поступление вкладов нарастало — в ноябре отделение приняло 17 срочных вкладов на 32 350 руб., в декабре — уже 23 вклада, но на сумму лишь в 12 254 руб. Сначала в Уфимское отделение свои деньги понесли состоятельные клиенты, средний размер срочного вклада в ноябре 1873 г. составил 1903 руб. А в декабре пошёл «средний» класс, вклад был уже в 533 руб.

Практически ежедневно в ноябре и декабре 1873 г. в Уфимском отделении ВККБ кто-то открывал срочный вклад. Банк сначала предлагал два варианта размещения средств. Абсолютное большинство вкладчиков (78,5%) поместили свои деньги под 5,5% годовых — 32 вклада на 35 004 руб. (на срок в один год и более). Всего 8 вкладов на сумму в 9600 руб. открыли под 5% годовых (на полгода). За пользование всеми срочными вкладами в эти два последних месяца 1873 г. банк начислил процентов 252 руб. 47 коп.

Успех вкладной операции был несомненный. За 43 первых дня работы Уфимского отделения ВККБ ежедневно в среднем клиенты вносили 1037 руб. 30 коп. на срочные вклады и 549 руб. 54 коп. на вклады до востребования³¹. Ежедневно кассир отделения Н.П. Голубев принимал около 1600 руб. наличности от вкладчиков. Деньги у уфимцев водились. Более состоятельная публика предпочитала срочные вклады.

Летом 1874 г. Уфимское отделение известило вкладчиков о небольшом изменении процентов по срочным вкладам с 10 июля. Как и прежде вклад на 6 месяцев принимался под 5% годовых, вклад на один год — под 5,5%, зато для длительных сроков — на 1,5 или 2 года — вклады принимались уже под 6% годовых³². Эта же ставка была сохранена и на 1875 г.³³ Политика заключалась в привлечении клиентов, которые открывали счета на длительные сроки.

К сожалению, за 1874 г. нет сведений по срочным вкладам. Сохранились итоги по вкладам обыкновенным, срочным и до востребования вместе.

На 1 января 1874 г. в Уфимском отделении ВККБ таковых хранилось на 63 744 руб. (2/3 это срочные вклады). В течение 1874 г. отделением было принято ещё 479 480 руб. 90 коп., а возвращено (заканчивалось время вкладов) 280 010 руб. К 1 января 1875 г. на счетах Уфимского отделения ВККБ оставалось всех вкладов на 263 214 руб. 90 коп.³⁴

Масштабы вкладной операции в первый полный год работы Уфимского отделения подтвердили политику правления — население охотно открывало

счета. Стабильные финансовые условия — 5% (годовых) на полгода, 5,5% на год и 6% свыше одного года — также способствовали притоку клиентов.

К 1 января 1875 г. в отделении находилось 188 срочных вклада на сумму в 199 626 руб. В течение года было открыто ещё 303 срочных вклада на 278 209 руб. 50 коп., а возвращено 126 срочных вкладов (выплачено 116 866 руб.). К 1 января 1876 г. в отделении оставалось 365 срочных вкладов на 360 969 руб. 50 коп. Число срочных вкладов за 1875 г. почти удвоилось, а средняя сумма срочного вклада составляла 918 руб. 18 коп. Уфимское отделение за год начислило по этим вкладам процентов на 17 234 руб. 87 коп.³⁵

Не сохранились именные счета вкладчиков, почему возникает вопрос — кто, какие слои населения Уфы и Уфимской губернии вносили средства на срочные вклады? Подробные материалы за 1875 г. позволяют попытаться выяснить это. В следующей таблице объединена информация двух ведомостей из годового отчёта Уфимского отделения ВККБ за 1875 г.

Кропотливая работа Уфимского отделения во главе с П.Г. Кайгородовым постепенно приносила свои плоды. Население начинало доверять первому частному банку и за первым трёхлетним вкладом в 400 руб. последовали другие. К 1876 г. уже 21 вкладчик положили в ВККБ свои деньги на длительные сроки, а самое главное достижение, 258 вкладов из 365 уже были внесены на срок более одного года.

Таблица 1

Срочные вклады в Уфимском отделении ВККБ в 1875 г.

Срок и процентная ставка (годовых)	Оставалось к 1.01.1875	Принято в 1875 г.	Возвращено в 1875 г.	Осталось к 1.01.1876
От 3 до 6 месяцев, 5%	23 (16 760)*	54 (58 883)	44 (40 240)	33 (35 403)
От 6 месяцев до 1 года, 5,5%	49 (31 626)	51 (20 334)	47 (30 836)	53 (21 124)
От 1 до 2 лет, 6%	114 (150 540)	179 (177 987,50)	35 (45 790)	258 (282 737,50)
От 2 до 3 лет, 6%	1 (400)	5 (10 890)	—	6 (11 290)
От 3 до 5 лет, 6%	1 (300)	4 (3 066)	—	5 (3 366)
От 5 до 10 лет, 6%	—	10 (7 049)	—	10 (7 049)
Всего	188 (199 626)	303 (278 209,50)	126 (116 866)	365 (360 969,50)

Примечание: * — здесь и далее: количество вкладов (величина вкладов в рублях).

Источник: РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1178. Л. 35 и об.

Если к 1 января 1875 г. краткосрочные вклады (до 1 года) составляли 38% от общего количества, то через год их удельный вес упал до 24%. Уфимское отделение ВККБ отвоёвывало клиентуру у Госбанка, состоятельные слои провинции несли свои сбережения в частный банк.

В среде краткосрочных вкладчиков, открывавших счета на несколько месяцев, вполне возможно присутствовало немало средних торговцев, чиновников, рантье, домовладельцев и т. д., пытавшихся что-то заработать на имевшихся, но лежавших без движения накоплениях. Так, срочный вклад в 1 тыс. руб. на полгода приносил доход в 25 руб. (½ от 5%). Конечно, 25 рублей — это

тоже деньги. Но абсолютное преобладание в конце 1873 г. срочных вкладов на срок менее одного года — свидетельство ещё низкого уровня доверия провинциального «среднего класса» к новому финансовому учреждению.

Лишь постепенно владельцы накоплений прониклись доверием к Волжско-Камскому банку, увидели устойчивость и солидность учреждения, и именно в 1875 г. резко возрастает число вкладов на срок более одного года (при том, что количество открытых и закрытых краткосрочных вкладов было почти одинаковым). Привлечённые самым высоким процентом (6% годовых) вкладчики приносили в банк «длинные» деньги, обеспечивая ему ещё большую устойчивость.

Состоятельные слои общества проявляли осторожность, избирая ограниченные во времени вклады, планируя свою стратегию только на краткосрочную перспективу. Хотя с самого начала Уфимское отделение ВККБ предлагало возможность открытия бессрочных вкладов до востребования.

Вклады до востребования

В отличие от сегодняшнего дня, когда вклады до востребования обычная и массовая практика рядового населения, в конце XIX в. ситуация была иной. Уфимское отделение ВККБ принимало вклады до востребования под низкий процент — 4,5% годовых. Казалось бы, это бессрочные вложения, тоже «длинные деньги», выгодные для банка. Но, с другой стороны, вкладчик мог в любой момент забрать свои капиталы.

При изучении вкладов до востребования, с моей точки зрения, нельзя смешивать два принципиально разных понятия. Во второй половине XIX в. широко был распространён онкольный кредит, «онкольный счёт являлся ссудой на неопределённый срок, которая могла полностью или частично выплачиваться или возобновляться», или специальный текущий счёт, открывавшийся банками под обеспечение ценных бумаг³⁶. Своеобразный аналог современной кредитной карты, где снятие денег означает получение кредита.

С другой стороны, как и сегодня, в ВККБ существовали обычные вклады до востребования, вложение наличных денег клиентом на бессрочный счёт, с которого можно в любое время снять средства. Обычный вклад до востребования не является кредитом, это депозит, и не имеет ничего общего с онкольным кредитом (как и с современной кредитной картой).

Первый, онкольный кредит, известный в банковской и биржевой практике России того времени под термином «онколь» («on call»), активно использовался в спекулятивной биржевой игре. А лиц, которым кредитные учреждения открывали подобные текущие счета под обеспечение ценных бумаг, называли онколитами³⁷.

По всей видимости, и обычные вклады до востребования использовались предпринимателями для оперативного ведения бизнеса, хотя в Уфе не известно о спекуляции с ценными бумагами. Уже в первые месяцы работы Уфимского отделения ВККБ средняя сумма вклада до востребования была ниже, чем срочного: 611 руб. 84 коп. против 1115 руб. 10 коп. Вклады до востребования делали лица с более скромными накоплениями. И проценты отделение начислило онколителям крайне малые — всего 73 руб. 37 коп. (за ноябрь и декабрь 1873 г.).

Очевидно, что открывались вклады до востребования не для того, чтобы наживаться на процентах. Уже в ноябре 1873 г. в Уфимском отделении было открыто 14 вкладов до востребования на сумму 15 080 руб., а в декабре — 24 вклада на 8550 руб. (средний декабрьский вклад составлял лишь 356 руб.). А всего за два месяца 1873 г. было открыто 38 вкладов до востребования на общую сумму в 23 630 руб. Но при этом, в течение первых 43 дней работы отделения в Уфе по 14 вкладам до востребования уже были возвращены деньги (4490 руб.)³⁸.

В среднем снималось по 320 руб. Вероятно, вклады до востребования в провинции использовал мелкий бизнес, дома не хотели хранить такие (видимо, существенные для них суммы), но ситуация постоянно менялась и требовалась «наличка».

Сведения за 1874 г. по вкладам до востребования есть только общие (см. выше). Данные же за 1875 г. подтверждают более низкие размеры подобных вкладов. Средний вклад до востребования вносился в Уфимское отделение ВККБ в размере 547 руб. 78 коп., а срочный — 918 руб. 18 коп.

Но при этом наблюдался рост, хотя и более медленный. Так, к 1 января 1875 г. в Уфимском отделении хранилось 107 вкладов до востребования на сумму 63 588 руб. 90 коп. В течение года было открыто 437 новых вкладов до востребования на сумму 239 411 руб. 20 коп., а возвращено по 418 вкладам 259 287 руб. 20 коп. К 1 января 1876 г. в отделении оставалось 126 вкладов до востребования с суммой в 43 712 руб. 90 коп.

То есть, сколько внесли денег, столько и забрали. Для рядового обывателя это совершенно бессмысленная практика, пустые хлопоты из-за мизерных процентов, всё тех же 4,5% годовых. Без сомнения, счета до востребования использовал мелкий провинциальный бизнес. Только Уфимское отделение ВККБ не предоставляло никаких услуг. Предприниматели сами бегали на улицу Большую Казанскую, стояли в очереди у кассы, вносили и снимали наличность, раздражая солидную публику.

Для банка расходы на выплату процентов по вкладам до востребования были необременительными — 3921 руб. 99 коп. за 1875 г.³⁹, но обороты всё же существенные (до 0,5 млн руб.), мелкие уфимские торговцы своими рублёвками приносили прибыль. Видимо, вклады до востребования приоткрывают абсолютно неизвестный мир мелкого и мельчайшего провинциального бизнеса, чьи лавочки не учитывались в редких справочных изданиях, который не публиковал рекламу в газетах и не попадал на страницы мемуаров.

Хаотичное «броуновское движение» мелкого уфимского бизнеса показывает ведомость о движении вкладов до востребования в 1875 г.⁴⁰

В октябре 1875 г. 42 вклада открыли и 42 вклада закрыли (внесли и забрали деньги). В конце года наблюдалось усиленное изъятие средств (такая же картина по срочным вкладам). Максимальный рост вкладов до востребования был в летние месяцы и начале осени, когда торговая жизнь в Уфе замирала. Весенняя сплавная навигация закончилась (реки летом сильно мелели), крестьянство трудилось в поле, нового урожая ещё не было. А в конце года в город везли сельскохозяйственную продукцию, устанавливался санный путь, оживали ярмарки и базары.

Таблица 2

Вклады до востребования в Уфимском отделении ВККБ

Месяц 1875 года	Принято в 1875 г.	Возвращено в 1875 г.	Оставалось
количество вкладов (величина вкладов в рублях, копейках)			
Остаток к 1 января 1875 г. — 107 (63 588,90)			
Январь	54 (28 630)	34 (14 105)	127 (78 113,90)
Февраль	22 (11 721,67)	19 912 665)	130 (79 170,57)
Март	41 (29 075)	21 (17 965)	150 (88 280,57)
Апрель	25 (11 185)	23 (11 081)	152 (88 384,57)
Май	38 (21 624,75)	24 (10 340)	166 (99 669,32)
Июнь	33 (14 780)	27 (17 190)	172 (97 259,32)
Июль	51 (25 266)	43 (29 779)	180 (92 746,32)
Август	30 (40 280)	51 (27 702)	159 (105 324,32)
Сентябрь	50 (26 003,78)	32 (21 449,70)	177 (109 878,40)
Октябрь	42 (12 995)	42 (48 961)	177 (73 912,40)
Ноябрь	26 (7995)	60 (31 317,50)	143 (50 589,90)
Декабрь	25 (9855)	42 (16 732)	126 (43 712,90)
Итого	437 (239 411,20)	418 (259 287,20)	

Отметим присутствие копеек, мелкие торговцы считали даже мелочь. В отдельные месяцы величина вкладов до востребования опускалась до 300 руб. в среднем на один счёт (ноябрь). Но, видимо, хранить дома суммы в сотни рублей для проживавших в скромном и густонаселённом жилье было неразумно и небезопасно, поэтому, предположу, деньги несли на улицу Большую Казанскую, чтобы вскоре эти же средства снова забрать.

Анализ сезонного движения депозитов в Уфимском отделении ВККБ в начале 1870-х гг. свидетельствует, что значительная часть вкладов носила не накопительный, а коммерческий характер. Волжско-Камский банк предлагал услуги не столько для обычного, потребительского сбережения капиталов (для этого был надёжный Государственный банк), сколько для провинциального бизнеса. Особенно наглядно это видно при изучении текущих счетов.

Вклады на текущие счета

Третий вид вкладов, который предлагало Уфимское отделение ВККБ, назывался текущий, а открывались вклады на текущие счета под самый низкий процент — 4% годовых. Этот вид вкладов регулировался особыми правилами и был предназначен в первую очередь для предпринимателей и юридических лиц. Смысл этого вклада и самый низкий процент по нему заключался в том, что банк брал на себя услуги по обслуживанию счёта, исполнял разнообразные поручения клиента.

Если владелец вклада до востребования сам бегал в отделение, стоял в очереди, производил все переводы, расчёты и пр., то «открывая текущий счёт, Банк становится как бы кассиром вкладчика: принимает от него, или за его счёт от других лиц, всякие суммы, и производит за счёт вкладчика выдачи сумм по его чекам» (§ 5 правил). Были два вида текущих счетов.

Самые распространённые простые текущие счета открывались обычным образом (суммы от любых лиц, заявление с образцом подписи, не менее 100 руб., «которые и должны оставаться на этом счёте во всё время до окончательного закрытия счёта» (§ 4) (на практике не всегда соблюдалось⁴¹).

Вкладчик простого текущего счёта получал от банка две книжки: 1) расчётную и 2) книжку приказов или чеков (§ 6). Все поступления на счёт записывал кассир банка «в расчётной книжке на странице прихода (кредит)» (§ 7), а все платежи вкладчика с текущего счёта отмечаются в расчётной книжке на странице расхода (дебет) также в банке с точным указанием всех сумм (§ 8). То есть, служащие Уфимского отделения ВККБ выполняли функции своеобразных приказчиков / служащих вкладчика, за что банк и назначал самый низкий процент по вкладу (снял комиссию за свою работу).

Вкладчики, имевшие текущие счета, могли «сами непосредственно получать суммы из Банка или предоставлять получение их другим посредством выдачи чеков на Банк» (чек должен быть не менее в 50 руб.) (§ 12, 13). Деньги уплачивались немедленно по предъявлении чека без всякого удостоверения личности получателя (§ 15). Получатель по чеку может перевести деньги на свой текущий счёт в банке, чек становился переводным (§ 16). Чек действителен в течение семи дней (§ 17).

При этом, суммы, записываемые на текущий счёт, могли состоять из наличности, поступлений денег по векселям и другим торговым документам, перевода денег с одного текущего счёта на другой, «из условных чеков на разные Банки» в том же городе с их штемпелем (§ 18). Вкладчик мог с текущего счёта платить по векселям и иным торговым обязательствам, при этом банк не брал вознаграждения (§ 20). Также вкладчик мог с текущего счёта переводить деньги в другие города (§ 21).

Таким образом, банк предлагал услуги по безналичному расчёту, что было особенно удобно для крупного бизнеса, чтобы не снимать огромные суммы наличности. Владелец текущего счёта оплачивал все сделки в Уфе и других местах, работал с векселями, для чего просто выписывались чеки, а Уфимское отделение ВККБ оперативно переводило деньги, снимало и зачисляло на счёт суммы. Банк обслуживал клиента, избавлял его от многочисленных бухгалтерских и юридических хлопот.

Текущий счёт закрывался по желанию вкладчика, или если был выдан чек на большую сумму, чем есть на счету вкладчика, или если на его счёте остаётся менее 100 руб. (§ 26).

Кроме простого вкладчик имел право открыть условный текущий счёт, по которому платился более высокий процент. Все правила были аналогичные, за одним исключением. Выдача денег по условным текущим счетам производилась не сразу, а «чрез два дня по предъявлении Банку чека» (§ 32)⁴². Крупные предприниматели оперировали очень большими суммами, поэтому банку

было выгодно не сразу выдавать деньги, которых в таком размере могло просто не оказаться, а с задержкой на два дня. Это было также приемлемо для государственных и общественных организаций, которые заранее заказывали наличность.

И уже в ноябре — декабре 1873 г. уфимский бизнес стал активно открывать текущие счета в новом отделении ВККБ под 4% годовых. Всего за два месяца было открыто 40 текущих счетов на сумму 223 307 руб. 18 коп.

Если средняя сумма вклада до востребования составляла в 1873 г. 611 руб. 84 коп., срочного — 1115 руб. 10 коп., то текущего — 5582 руб. 68 коп.

При этом, с первых же дней текущие счета «работали». За два месяца с них выдали 190 622 руб. 50 коп. За 43 рабочих дня ежедневно в среднем на текущие счета поступало 5193 руб. 19 коп., а снимали с них 4433 руб. 08 коп. Два счёта были закрыты и к 1 января 1874 г. в Уфимском отделении ВККБ оставалось 38 текущих счетов, на которых хранилось 32 684 руб. 68 коп.⁴³

Остаток небольшой, для сравнения на счетах до востребования и срочных находилось свыше 68 тыс. руб. Но обороты текущих счетов были несопоставимо значительнее. Так, в течение 1874 г. Уфимское отделение ВККБ приняло на текущие счета уже 1 757 330 руб. 07 коп., а выдало 1 657 444 руб. 95 коп. (остаток к 1 января 1875 г. составил 132 569 руб. 80 коп.)⁴⁴. Оборот превысил 3,4 млн руб., по всем остальным вкладам — всего 760 тыс. руб. В 1875 г. на текущие счета Уфимского отделения ВККБ поступило 2 283 287 руб. 38 коп., выдано — 2 279 971 руб. 82 коп. (оборот — 4,6 млн руб.)⁴⁵.

Именно текущие счета играли главную роль в депозитной политике ВККБ (на примере Уфимского отделения)⁴⁶. Сохранившиеся пофамильные ведомости владельцев текущих счетов показывают состав уфимского бизнеса начала 1870-х гг., а также свидетельствуют о достаточно высоком уровне организации дела. В удалённом небольшом губернском центре, куда даже регулярное пароходное сообщение в летние месяцы только устанавливалось, десятки предпринимателей использовали безналичный расчёт, осуществляли разнообразные сделки через ВККБ на миллионы рублей.

Текущий счёт использовался в первую очередь не для накоплений, а для торговых расчётов. В начале года обычно на текущем счёте оставалась небольшая сумма (по правилам не менее 100 руб.). В декабре тоже сохранялись маленькие остатки. Зато в течение года на текущий счёт поступали и снимались с него большие суммы денег. Через Уфимское отделение ВККБ проводили коммерческие операции местные купцы и заводчики.

Например, к 1 января 1874 г. на текущем счёте (видимо, вообще первого в Уфимском отделении банка) вкладчика Облецова хранилось всего 104 руб. 97 коп., а остаток к 1 января 1875 г. составлял лишь 100 руб. Но в течение 1874 г. на его текущий счёт поступило 9475 руб. 03 коп., а было снято 9480 руб. Банк заплатил Облецову процентов (из 4% годовых) за хранение денег 8 руб. 98 коп.⁴⁷ Михаил Николаевич Облецов вёл торговлю крупчатной мукой в Гостином дворе Уфы.

В банковских ведомостях о текущих счетах указывалось 5 граф: остаток, получено, выдано, остаток, проценты. Но основное значение имеют сведения о поступивших на текущий счёт суммах и снятых с него, показывающие мас-

штаб коммерческой деятельности. Очень немногие сохраняли к концу года сколько-нибудь значительные суммы на текущих счетах.

Всего же к 1 января 1874 г. в Уфимском отделении ВККБ числилось 39 текущих счетов (выше говорилось о 38). Из первых вкладчиков в течение 1874 г. семь человек внесли на свои счета от 50 тыс. руб. и выше (максимум — на текущий счёт И.А. Кондратьева поступило 188 243 руб. 80 коп.). А всего первая семёрка уфимского бизнеса в 1874 г. вложила в ВККБ 578 890 руб. 46 коп., 1/3 всего прихода.

Ещё у семерых вкладчиков в 1874 г. поступления составили от 25 до 50 тыс. руб., у 11 лиц — от 10 до 25 тыс. руб., у пятерых — от 5 до 10 тыс. руб. Для провинции это были серьёзные капиталы. Первыми открыли текущие счета «солидные» предприниматели. «Маломощных» вкладчиков (менее 5 тыс. руб., столько составлял годовой оклад губернатора⁴⁸) насчитывалось всего 9 лиц⁴⁹, хотя и с ними не всё так очевидно.

Далеко не все уфимские предприниматели бросились сотрудничать с отделением ВККБ. Например, обращают внимание малые вклады купцов Блохиных. Первый из братьев, Алексей Кондратьевич Блохин (1856—1916) вообще в 1874 г. закрыл свой текущий счёт, второй — Николай Кондратьевич Блохин (1843 — около 1918) держал мизерные суммы, нарушая инструкцию банка, лишь в 1876 г. он положил на свой текущий счёт 20 030 руб. При этом Уфимское отделение ВККБ принимало на комиссию векселя Н.К. Блохина, как выписанный им 20 января 1876 г. в Нижнем Новгороде на имя И.И. Короткова в 1 тыс. руб.⁵⁰

В начале 1870-х гг. бизнес семьи Блохиных был весьма успешным⁵¹. После кончины основателя дела Кондратия Игнатьевича Блохина († после 1866 г.), делами заправляла вдова — Мария Степановна. Помимо городской недвижимости, лавок в Гостином дворе, питейных домов, основу семейного бизнеса составляло производство горячительных напитков.

Уфимская купчиха Марья Степановна Блохина в начале 1870-х гг. являлась владелицей «Пробного № 48» винокуренного завода в Уфе (в 1870 г. выработали лишь 268 вёдер спирта), она также арендовала в Стерлитамакском уезде Петровский № 12 винокуренный завод Тимашевой (15 228 вёдер на сумму 8299 руб. 26 коп.), в Уфе купчиха Блохина держала крупнейший водочный завод (в 1870 г. выпустили 5000 вёдер водки на сумму в 20 тыс. руб.), ей же принадлежал пивоваренный завод в Уфимском уезде (2350 вёдер пива на 2420 руб.)⁵².

То есть, далеко не все крупные уфимские предприниматели обратились к услугам ВККБ. Видимо, политика банка не во всём устраивала местный бизнес, почему в 1876 г. в Уфе учреждается особый Уфимский городской общественный банк, директорами которого как раз являлись Н.К. Блохин, а затем А.К. Блохин⁵³. Часть уфимских предпринимателей пыталась создавать собственные финансовые структуры.

Всего же в 1874 г. в Уфимском отделении ВККБ были открыты 73 новых текущих счёта, из которых крупных вкладчиков, положивших от 10 тыс. руб. и выше, насчитывалось уже 22, или 30%. А среди первых вкладчиков таковых было 25 из 39, или 64%. В первый же полный год работы Уфимского отделения

выявилась тенденция притока средних и, относительно, мелких вкладов на текущие счета, которые стали численно преобладать.

Но основной объём средств давали крупные вкладчики. В следующей таблице приведены самые большие суммы, положенные на текущие счета (от 50 тыс. руб. в год и выше), учтены лица, которые хотя бы один раз вносили подобные капиталы⁵⁴.

Кроме того, некоторые дополнительно открывали условные текущие счета. В 1875 г. их имели князь Кугушев (поступило 15 326 руб.), Соловьёв (15 225 руб.), Кондратьев (53 573 руб. 50 коп.), в 1876 г. на сохранявшиеся условные счета Соловьёва и Кондратьева поступлений не было.

Таблица 3

Крупнейшие вклады на текущие счета в Уфимском отделении ВККБ

Вкладчик	в течение 1874 г.	в течение 1875 г.	в течение 1876 г.
рубли — копейки			
Кондратьев И.А.	188 243,80	145 057,43	104 287,25
Чижов	74 465	81 787,75	46 495,85
Мамин	77 900	135 600	82 800
Паршин М.И.	50 789	43 488	41 680,50
Эверсман Н.Э. ⁵⁵	55 282,40	51 805,08	14 455
Гудков	57 155,26	53 359,05	95 555
Ольховский	75 055	24 142	311,63
Першин Н.А.	71 900	121 070,20	111 547,82
Кугушев А.И.	55 635	3950,56	26 989,22
Калмацкий	37 100	95 094,93	65 193
Софронов Ф.С.	44 664	52 062,05	64 151,40
Дашков	18 591	70 025	31 783,40
Першин Ф.А.	45 000	87 600 + 35 000 (два счёта)	27 500 + 73 500 (два счёта)
Соловьёв	22 836,80	31 704,27	55 194,86
Софронов С.С.	нет	19 000	58 700
Ненюков	нет	нет	69 000
Уфимская уездная земская управа	нет	3900	92 850
Уфимская губернская земская управа	нет	нет	105 241,05

С Уфимским отделением ВККБ работали предприниматели в основном из Уфы. Анализ источников показывает слабое присутствие торговцев и промышленников из уездов. Так, в Уфимской губернии действовали многочисленные металлургические и медеплавильные заводы⁵⁶, из владельцев которых хозяин Благовещенского медеплавильного завода Дашков держал текущий

счёт. Видимо, имеется в виду Андрей Дмитриевич Дашков (1833—1904), проживавший в заводе и управлявший предприятием от имени матушки Елизаветы Васильевны Дашковой (урождённой Пашковой, 1809—1890).

Услугами Уфимского отделения ВККБ ещё пользовались на Архангельском медеплавильном заводе, расположенном тоже относительно недалеко от Уфы. В 1874 г. управляющий заводом Л.В. Сулистровский открыл текущий счёт, внося 1300 руб. (далее счёт не пополнялся), а владелец Архангельского завода граф Коссаковский⁵⁷ положил на свой текущий счёт 5100 руб. (в 1875 г. — 8500 руб., а в 1876 г. — 45 900 руб.). Оба предприятия использовали Уфимское отделение ВККБ в деловых операциях.

Почти все южноуральские горные заводы принадлежали столичной аристократии, финансовые расчёты производились в основном через петербургские и московские банки.

Многочисленное уфимское дворянство тоже обращалось к услугам отделения ВККБ, но крупные счета держали единицы. Князь Александр Иовович Кугушев (1825—1906) как раз в 1870-е гг. покупает к югу от Уфы несколько огромных поместий (12,5 тыс. дес.)⁵⁸ и одновременно проводит через Уфимское отделение ВККБ платежи на большие суммы.

Уже среди первых вкладчиков в конце 1873 г. было несколько дворян, но большинство затем открывали счета на сравнительно небольшие суммы (до 10 тыс. руб.), лишь несколько дворян (Листовский, Заварицкий, Ляхов, Шахурина, др.), которые серьёзно занимались бизнесом, проводили через отделение ВККБ значительные средства.

К ним примыкал Николай Эдуардович Эверсман (1823—1901), сын известного естествоиспытателя, врач, в 1861 г. переехавший на жительство в Уфу, занимавший затем должности губернского предводителя дворянства и городского головы, имел поместье под Оренбургом⁵⁹. В 1870-е гг. он принимал участие в операциях с покупкой башкирских земель⁶⁰. На 1876 г. Н.Э. Эверсман являлся агентом в Уфе Московского страхового от огня общества, возможно, с этим связаны столь крупные переводы денег⁶¹. По крайней мере потомкам о каких-либо больших капиталах Эверсмана ничего не известно.

Среди крупнейших вкладчиков в Уфимском отделении ВККБ явным лидером выступал И.А. Кондратьев, за три года на его текущие счета (включая условный в 1875 г.) поступило 492 тыс. руб. В начале 1870-х гг. был известен купец Арсентий Кондратьевич Кондратьев, державший в Уфе мыловаренный (выработка на 4 тыс. руб.), салотопенный (10 тыс. руб.) и свечной (11 200 руб.) заводы.

Его сын, уфимский купец 2-й гильдии Иван Арсентьевич Кондратьев являлся агентом страхового общества «Якорь», которое страховало товары, грузы и речные суда. Можно предположить, что столь крупные суммы, поступавшие на его текущие счета, были тоже страховыми платежами, которые он перечислял в центральное правление. В 1876 г. открывается и отдельный счёт на страховое общество «Якорь» (вклад 4600 руб.).

В таблице присутствует ещё один уфимский агент, но уже Симбирско-Саратовского земельного банка, статский советник, полковник Евгений Иванович Ольховский (гласный городской думы). Возможно, и его текущий счёт

использовался для операций по залогу недвижимости (или это всё же личный счёт Ольховского).

Вероятно, часть персональных текущих счетов представляла не личные доходы и расходы предпринимателей, а своеобразную кассу уфимского филиала страховой компании или банка, которую обслуживала бухгалтерия местного отделения ВККБ. Дешевле было платить банку проценты за бухгалтерское обслуживание, чем содержать собственный штат. Хотя требовалось ведение бухгалтерских книг в каждой фирме, но конкретные истории местных предпринимателей показывают, что иногда бизнес вели по-старинке, на основании собственных записей. Профессиональная бухгалтерия только проникала в общество провинциальных торговцев.

В лидерах по объёму поступивших на личный текущий счёт денег (296 тыс. руб.) находился также Мамин. Это, скорее всего, уфимский купец 1-й гильдии Александр Фёдорович Мамин, как особо доверенное лицо, входивший в состав учётного комитета Уфимского отделения Госбанка, гласный городской думы и, вдобавок, староста городской купеческой управы.

Клан купцов Маминых владел в Уфе несколькими заведениями. Самому Александру Мамину принадлежали мыловаренный (производство на 24 тыс. руб. в 1870 г.), салотопенный (25 тыс. руб.) и свечной (28 тыс. руб.) заводы. В Гостином дворе на 1876 г. А.Ф. Мамин торговал чаем и сахаром, а также бакалейным товаром.

Оборот денег у А.Ф. Мамина был действительно связан с его предпринимательской деятельностью, важное значение в которой играла хлебная торговля. В 1868 г. Мамин сдал купцу Уткину партию зерна на вывоз, видимо, в Рыбинск. В апреле 1872 г. кабестан купца Блинова «Помощник» привёл баржи под хлеб Мамина, в 1877 г. в Уфе грузилась хлебом баржа купца Александра Мамина.

С Маминым соперничал пароходчик, ковровский купец 1-й гильдии, как раз в это время обосновавшийся в Уфе Николай Андреевич Першин (1831—1904) с вкладом средств на текущий счёт в 305 тыс. руб. Ему принадлежало Бельское пароходство (грузовое). В 1871 г. два парохода (буксиры) Першина ходили до Рыбинска, ещё купили третий. Семейство Першиных являлось известными пароходчиками и домовладельцами. Так, по переписи судов в 1900 г. Н.А. Першину принадлежали буксиры «Александр», «Восток» и «Трудоносец», ходившие до Рыбинска и Перми, а также 17 баржей, десять из которых перевозили хлеб⁶².

Не отставал по притоку средств (269 тыс. руб.) Фёдор Андреевич Першин, племянник пароходчика Н.А. Першина. В 1877 г. из Уфы ушли пять баржей Фёдора Першина. Ф.А. Першин даже открыл дополнительный текущий счёт в ВККБ.

Менее известен бизнес уфимского купца 2-й гильдии Ивана Антоновича Гудкова (вклады на текущий счёт — 206 тыс. руб.), гласного городской думы. На 1876 г. это был крупный торговец мануфактурой в Гостином дворе.

Совсем немного ему уступал один из наиболее известных персонажей уфимского бизнеса той эпохи — Фёдор Егорович Чижов (вклады — 203 тыс. руб.). Владелец одного из самых эффектных в городе особняков, Ф.Е. Чижов

был крупнейшим лесоторговцем, имевший к концу жизни (умер в 1900 г.) несколько поместий и лесных дач общей площадью 41,5 тыс. дес. (входил в ряды самых крупных землевладельцев Уфимской губернии), а также различные лесоперерабатывающие предприятия⁶³.

Именитый клан Калмацких (в честь них даже называлась улица) представлял, видимо, уфимский купец 2-й гильдии Павел Степанович Калмацкий, гласный городской думы и член совета уфимского ссудо-сберегательного товарищества (на его текущий вклад за три года поступило 197 тыс. руб.).

Павлу Калмацкому принадлежал в Уфе небольшой кожевенный завод (выработка на 4200 руб.), а в Гостином дворе на 1876 г. Павел Степанович Калмацкий вёл крупную торговлю железом, скобяным и медным товаром.

Уфимский купец 2-й гильдии Митрофан Иванович Паршин⁶⁴ (вклады на 136 тыс. руб.) также избирался гласным городской думы. Паршины инвестировали средства в городскую недвижимость.

Имя на карте Уфы оставил клан купцов Софроновых (Сафроновых). Лесоторговцы, владельцы крупной городской мельницы, большая пристань на Белой носила их имя. Среди крупнейших вкладчиков Уфимского отделения ВККБ был купец Фёдор Семёнович Софронов (161 тыс. руб.), гласный Уфимского уездного земского собрания (около 1822 г. р.).

Софроновым принадлежали поташные заводы в Белебеевском уезде Уфимской губернии, лесные дачи, а сам Ф.С. Софронов в 1876 г. в своём доме на Успенской улице торговал крупчатной мукой. Софроновы одними из первых ещё в начале 1860-х гг. завели свой пароход (буксир «Надежда»), на котором вывозили поташ с заводов. На своих же баржах Софроновы отправляли хлеб. На 1876 г. у Ф.С. Софронова в Белебеевском уезде работали 4 поташеваренных завода общей производительностью в 25 225 руб., а в Уфе мельница (28 700 руб.). В число крупнейших вкладчиков вошёл и С.С. Софронов (78 тыс. руб.), брат Семён Семёнович⁶⁵, владелец Ивановского поташеваренного завода в Белебеевском уезде (производительностью в 7560 руб.).

Наконец, в числе лиц, имевших крупнейшие вклады на текущих счетах, значились Соловьёв (125 тыс. руб.) и Ненюков (69 тыс. руб.). Первый это, видимо, Григорий Семёнович Соловьёв, торговавший в 1876 г. в Гостином дворе железным, скобяным и медным товаром. В составе вкладчиков встречаются малоизвестные фамилии, возможно, представлявшие иногородний бизнес, для которого услуги ВККБ были особенно ценными. Напомним, что вкладчик мог и не проживать в Уфе.

Текущие счета уже в 1874 г. открыли несколько крупных неуфимских компаний и страховых обществ, а затем к услугам ВККБ стали обращаться различные местные структуры. Проведение безналичных расчётов было удобно для государственных и общественных организаций и в 1874 г. первым текущий счёт в Уфимском отделении ВККБ открыло Уфимское епархиальное женское училище, за ним последовали благотворительные организации: Общество вспомоществования воспитанникам Уфимской гимназии, дворянский (Новиковский) пансион (Приют воспитанниц Мариинской женской гимназии благородного происхождения, открыт в 1872 г.), а также знаменитый в крае Уфимский Попечительный о бедных комитет.

В 1875 г. открывает текущий счёт Уфимское городское полицейское управление, и в этом же году в Уфимской губернии вводится земство⁶⁶, сначала Уфимская уездная, а затем и губернская земские управы именно через отделение ВККБ осуществляют свою финансовую деятельность. К 1876 г. через текущие счета местных организаций и благотворительных обществ проводятся крупные суммы денег. А когда в Уфе открывается собственный городской общественный банк, он тоже заводит свой текущий счёт в отделении ВККБ (на 10 890 руб.).

Итоговые сведения за 1876 г. показывает следующая таблица (вклады одного лица не объединяются, простые и условные счета вместе):

Таблица 4

Поступление на текущие счета в 1876 г.

Размер вклада	Число вкладов	Сумма (руб., коп., %)
от 50 тыс. руб. и более	12	978 020,38 (41,6%)
от 25 до 50 тыс. руб.	14	501 301,97 (21,3%)
от 10 до 25 тыс. руб.	31	526 202,25 (22,4%)
от 5 до 10 тыс. руб.	26	183 508,99 (7,8%)
от 1 до 5 тыс. руб.	60	144 071,67 (6,1%)
от 500 до 1 тыс. руб.	21	13 075,06 (0,8% на всех:)
от 100 до 500 руб.	22	6215,19
менее 100 руб.	2	50
ничего не поступило	28	0
Итого	216	2 352 445,51

После трёх лет работы Уфимского отделения ВККБ наиболее крупной группой вкладчиков (60 из 216) стали представители «среднего класса», чиновники, домовладельцы, мелкие предприниматели, на счета которых в 1876 г. поступило от одной до пяти тысяч рублей. Управляющий П.Г. Кайгородов тоже держал текущий счёт (в 1876 г. прибыло 2510 руб.), ряд сотрудников отделения имели счета. Уфимский губернатор Ипполит Фёдорович Щербатский открыл текущий счёт (поступления: в 1874 г. — 2229 руб. 25 коп., в 1875 г. — 3850 руб., в 1876 г. — 590 руб.), в июле 1876 г. губернатора перевели из Уфы⁶⁷.

Много насчитывалось в Уфимском отделении совсем мелких счетов, включая «мёртвые», на которые в 1876 г. владельцы не положили ни одной копейки. Всего вкладов, на которые в 1876 г. поступило менее 5 тыс. руб. насчитывалось 133 из 216, больше половины. Но удельный вес их был ничтожен — менее 7% из общей суммы в 2,35 млн руб..

По-прежнему главная роль была за вкладами предпринимательского сообщества. На 12 самых крупных вкладов в 1876 г. перевели около 1 млн руб., или 42% от всех поступлений на текущие счета Уфимского отделения ВККБ. Многочисленные средние и мелкие торговцы и промышленники Уфы также широко пользовались услугами Волжско-Камского банка.

Статистик и редактор местных «ведомостей» Н.А. Гурвич при открытии Уфимского отделения обмолвился, что в «нашей губернии [...] лежащих денег [...] немного». Современник ошибся и оговорка была символична. Ведомости оборотов по текущим счетам приоткрывают закрытый мир коммерческой тайны. Скупые сведения справочных изданий в лучшем случае сообщают лишь имена и род занятий местных предпринимателей. Банковские же документы показывают реальные масштабы провинциального бизнеса.

Оказывается, в первой половине 1870-х гг. операции уфимских торговцев хлебом и лесом, мануфактурой и железным товаром, пароходчиков и страховых агентов исчислялись в миллионы рублей. При этом Уфимское отделение ВККБ обслуживало лишь два наиболее близких к городу медеплавильных завода. Огромная металлургическая индустрия Южного Урала не прибегала к услугам Волжско-Камского банка (в Уфе).

На улицу Большую Казанскую ходили в первую очередь многочисленные местные предприниматели. Основные суммы на текущих счетах и счетах до востребования принадлежали мелким, средним, крупным уфимским купцам и мещанам, торговцам и промышленникам. Материалы Уфимского отделения ВККБ за 1873—1875 гг. показывают достаточно высокий уровень развития экономики глубинки. В.А. Кокорев увидел потенциал региональных рынков, которым требовались действенные финансовые инструменты. Помимо учёта векселей и иных операций, даже депозитная политика Волжско-Камского коммерческого банка (на примере Уфимского отделения) была ориентирована не столько на простое привлечение вкладов на хранение, но в первую очередь на обслуживание интересов провинциальных предпринимателей.

Библиография

- Абсаямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф.* Уфимские поме-
щики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013.
- Азаматова Г.Б.* Уфимское земство (1874—1917): Социальный состав, бюджет, деятельность в об-
ласти народного образования. Уфа, 2005.
- Ананьич Б.В., Беляев С.Г., Дмитриева З.В., Лебедев С.К., Лизунов П.В., Морозан В.В.* Петербург.
История банков. СПб., 2001.
- Ананьич Б.В., Арефьева М.И., Беляев С.Г., Бугров А.В., Дадыкина М.М., Драган О.В., Дмитриева
З.В., Лебедев С.К., Лизунов П.В., Морозан В.В., Петров Ю.А., Саломатина С.А.* Кредит и банки в
России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва. СПб., 2005.
- Бугров А.В.* Государственный банк и российская провинция (1860—1917 гг.) // Экономическая
история: Ежегодник. 2004. М., 2004. С. 433—458.
- Гудков Г.Ф., Гудкова З.И.* Из истории южноуральских горных заводов XVIII—XIX веков. Ч. I.
Уфа, 1985.
- Гудкова З.И.* Предприниматели Южного Урала. Уфа, 2003.
- Егоров Павел.* Чижовский квартал // Уфа: страницы истории. Книга первая. Изд. испр. и доп. /
Сост. М.В. Агеева. Уфа, 2015. С. 166—167.
- История Башкортостана во второй половине XIX — начале XX века. Т. I / Отв. ред. И.М. Гвозди-
кова, М.И. Роднов.* Уфа, 2006.
- Кантимирова Р.И.* Деятельность уфимского губернатора И.Ф. Щербатского в социальной сфере
// Региональная история: методология, источники, историография: сборник научных трудов
третьих международных усмановских чтений / Науч. ред. Д.П. Самородов; М.Н. Фархшатов.
Стерлитамак, 2016. С. 226—229.

- Кириллов А.К.* Городские банки Западной Сибири (вторая четверть XIX — начало XX в.). Новосибирск, 2003.
- Кириллов А.К.* Городские общественные банки Российской империи // Экономическая история: Ежегодник. 2007. М., 2008. С. 194–237.
- Лизунов П.В.* Санкт-Петербургская биржа и рынок ценных бумаг в России (1703–1917 гг.). СПб., 2004.
- Лизунов П.В.* Онкольный кредит // Экономической истории России до 1917 г. Энциклопедия. В 2 т. Т. 2. Н—Я. М., 2009. С. 157–158.
- Наследники «Греческого проекта» / Сост. и отв. ред. Е.А. Круглов-Мавридидис, М.И. Роднов. Уфа, 2014. Река времени. 2015 / Отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2015.
- Ремезов Н.В.* Очерки из жизни дикой Башкирии. Быль в сказочной стране. М., 1889.
- Роднов М.И., Дегтярёв А.Н.* Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX — начале XX века. Уфа, 2008.
- Роднов М.И.* Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX — начале XX вв.). Уфа, 2012.
- Садовников С.Д.* Дворянство Оренбургского края в родословной Садовниковых. Уфа, 2015.
- Саломатина С.А.* Российские коммерческие банки и их клиентура по учёту векселей: статистика корпоративных связей (1864–1917 гг.) // Экономическая история. Ежегодник. 2000. М., 2001. С. 526 — 556.
- Саломатина С.А.* Коммерческие банки в России: динамика и структура операций, 1864–1917 гг. М., 2004.
- Саломатина С.А.* Реконструкции данных в исторической статистике: отделения коммерческих банков Российской империи в 1897 г. // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2014. Т. 26, № 3. С. 87–98.
- Саломатина С.А.* Труды Ефима Эпштейна и развитие концепций в изучении истории банков Российской империи // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2015. № 2. С. 79–84.
- Саломатина С.А., Френкель О.И.* Региональное развитие российских акционерных коммерческих банков во второй половине XIX в.: статистика и геоинформационные технологии // Электронный научно-образовательный журнал История. 2016. Т. 7. № 7 (51). Уфимский некрополь / Сост. и отв. ред. М.И. Роднов. СПб., 2015.

Примечания

- ¹ *Ананьич Б.В., Беляев С.Г., Дмитриева З.В., Лебедев С.К., Лизунов П.В., Морозан В.В.* Петербург. История банков. СПб., 2001. С. 144–145 (авторы С.Г. Беляев, С.К. Лебедев).
- ² Там же. С. 144.
- ³ Устав Волжско-Камского коммерческого банка. СПб., 1870. С. 5.
- ⁴ *Ананьич Б.В., Беляев С.Г.* и др. Указ. соч. С. 145.
- ⁵ См. также: *Бугров А.В.* Государственный банк и российская провинция (1860–1917 гг.) // Экономическая история: Ежегодник. 2004. М., 2004.
- ⁶ См. также: *Кириллов А.К.* Городские общественные банки Российской империи // Экономическая история: Ежегодник. 2007. М., 2008; Он же. Городские банки Западной Сибири (вторая четверть XIX — начало XX в.). Новосибирск, 2003.
- ⁷ Обзор Уфимской губернии за 1900 год. Уфа, 1890. С. 189–191.
- ⁸ Уфимские губернские ведомости. 1871. 27 ноября (то же: 4, 18 декабря).
- ⁹ *Гурвич Н.* Мензелинская ярмарка 1872 года и её статистическое исследование // Памятная книжка Уфимской губернии / Под ред. Н.А. Гурвича. Ч. I. Уфа, 1873. С. 20 (отд. паг.).
- ¹⁰ Уфимские губернские ведомости. 1873. 6 января.
- ¹¹ Там же. 20 октября.
- ¹² «Если вклад до востребования пробудет в распоряжении Отделения Банка менее одного месяца, то проценты неплательца, в противном же случае проценты выдаются за всё время с принятия вклада по день возвращения его».
- ¹³ Анализ процентных ставок по депозитам ВККБ см.: *Саломатина С.А.* Труды Ефима Эпштейна и развитие концепций в изучении истории банков Российской империи // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2015. № 2. С. 90–92.

- ¹⁴ См. также: *Саломатина С.А.* Российские коммерческие банки и их клиентура по учёту векселей: статистика корпоративных связей (1864—1917 гг.) // *Экономическая история*. Ежегодник. 2000. М., 2001. С. 526—556.
- ¹⁵ С 1 января 1874 г. ссуды под процентные бумаги стали взимать уже под 7,5% годовых (Уфимские губернские ведомости. 1873. 29 декабря). Руководство понизило процент, смягчило условия.
- ¹⁶ Уфимские губернские ведомости. 1873. 3 ноября.
- ¹⁷ Уфимский губернатор Ипполит Фёдорович Щербатский прибыл в Уфу в начале 1873 г.
- ¹⁸ Уфимские губернские ведомости. 1873. 10 ноября. Управляющий Уфимским отделением П. Кайгородов затем отчитался, что сумма пожертвований в 460 руб. серебром «ныне собрана мною сполна и переведена чрез Самарское отделение Волжско-Камского банка, г-ну управляющему должность самарского губернатора, Василию Викторовичу Лукошкину» (Там же. 24 ноября). На что последний ответил, что 1 декабря деньги получил «и об употреблении их по назначению жертвователей распоряжение сделал» (Там же. 15 декабря).
- ¹⁹ Оренбургские губернские ведомости. 1850. 25 февраля.
- ²⁰ О деятельности Д.Е. Бенардаки на Южном Урале см.: *Наследники «Греческого проекта»* / Сост. и отв. ред. Е.А. Круглов-Мавридидис, М.И. Роднов. Уфа, 2014.
- ²¹ См.: *Абсаламов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф.* Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013. С. 31—37, 46—52.
- ²² Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 595. Оп. 3. Д. 1176. Л. 23 об.
- ²³ См.: *Егоров Павел.* Чижовский квартал // Уфа: страницы истории. Книга первая. Изд. испр. и доп. / Сост. М.В. Агеева. Уфа, 2015. С. 166—167.
- ²⁴ РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1177. Л. 1.
- ²⁵ *Ананьич Б.В., Арефьева М.И., Беляев С.Г., Бугров А.В., Дадыкина М.М., Драган О.В., Дмитриева З.В., Лебедев С.К., Лизунов П.В., Морозан В.В., Петров Ю.А., Саломатина С.А.* Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва. СПб., 2005. С. 335.
- ²⁶ Там же. С. 338.
- ²⁷ *Саломатина С.А.* Коммерческие банки в России: динамика и структура операций, 1864—1917 гг. М., 2004. С. 165—170; см. также: *Саломатина С.А., Френкель О.И.* Региональное развитие российских акционерных коммерческих банков во второй половине XIX в.: статистика и геоинформационные технологии // *Электронный научно-образовательный журнал История*. 2016. Т. 7. № 7 (51).
- ²⁸ *Саломатина С.А.* Реконструкции данных в исторической статистике: отделения коммерческих банков Российской империи в 1897 г. // *Вестник Пермского университета. Серия «История»*. 2014. Т. 26. № 3. С. 94—95.
- ²⁹ Устав Волжско-Камского коммерческого банка. С. 14.
- ³⁰ Волжско-Камский коммерческий банк. Правила о денежных вкладах срочных, безсрочных и условных. СПб., 1870. С. 1—3, 5, 7—8.
- ³¹ РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1176. Л. 10 и об., 11.
- ³² Уфимские губернские ведомости. 1874. 13 июля.
- ³³ Там же. 28 декабря.
- ³⁴ РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1177. Л. 2 об. — 3.
- ³⁵ Там же. Д. 1178. Л. 33 об.
- ³⁶ См.: *Лизунов П.В.* Онкольный кредит // *Экономической истории России до 1917 г.* Энциклопедия. В 2 т. Т. 2. Н—Я. М., 2009. С. 157—158.
- ³⁷ *Лизунов П.В.* Санкт-Петербургская биржа и рынок ценных бумаг в России (1703—1917 гг.). СПб., 2004. С. 262—263, 294.
- ³⁸ РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1176. Л. 10 и об., 11.
- ³⁹ Там же. Д. 1178. Л. 33 об., 35 об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 34 об.
- ⁴¹ Видимо, когда к концу года оставалось менее 100 руб. на счетах у «солидных» клиентов, отделение «закрывало на это глаза». Так, в 1875 г. счёт Н.К. Блохина в 23 руб. 61 коп. вообще не пополнялся и его требовалось закрыть, но счёт сохранили. Или ожидая поступления на счёт крупных сумм, отделение давало рассрочку по времени, или вкладчики быстро пополняли счета уже в первые дни нового года. Нарушения этого параграфа были неизбежными, так как большинство вкладчиков к концу года снимали основную часть денег со счёта. На счетах самих служащих Уфимского отделения это правило не исполнялось.
- ⁴² Волжско-Камский коммерческий банк. Правила о текущих счетах. СПб., 1870. С. 1—11.

- ⁴³ РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1176. Л. 11 об.
- ⁴⁴ Там же. Д. 1177. Л. 2 об. — 3.
- ⁴⁵ Там же. Д. 1178. Л. 2 об. — 3.
- ⁴⁶ Хотя утверждается, что «срочные вклады превышали в России текущие счета всю вторую половину XIX в. (а не наоборот, как в развитой финансовой системе)» (*Саломатина С.А.* Труды Ефима Эпштейна и развитие концепций в изучении истории банков Российской империи. С. 89), материалы Уфимского отделения ВККБ показывают обратную картину.
- ⁴⁷ РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1177. Л. 12 об.
- ⁴⁸ Даже в начале XX в. годовое жалование новгородского (затем уфимского) губернатора П.П. Башилова, высшего должностного лица региона, составляло 5 тыс. руб., ещё полагалось 5 тыс. руб. столовых (Там же. Ф. 1284. Оп. 47. 1911 г. Д. 336. Л. 3).
- ⁴⁹ Там же. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1177. Л. 12 об. — 13.
- ⁵⁰ Там же. Д. 1179. Л. 5, 7 об.
- ⁵¹ Подробнее о семье см.: *Гудкова З.И.* Предприниматели Южного Урала. Уфа, 2003. Торговый дом Блохиных. С. 126—131. Биографические сведения взяты из этой работы.
- ⁵² Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картой губернии / Под ред. Н.А. Гурвича. Ч. I. Уфа, 1873. С. 159—162. Отд. паг.
- ⁵³ Некролог на А.К. Блохина: Река времени. 2015 / Отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2015. С. 148.
- ⁵⁴ РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1177. Л. 12 об. — 14; Д. 1178. Л. 83—88 об.; Д. 1179. Л. 7—10. Далее ссылки на эти три ведомости не указываются.
- ⁵⁵ Был открыт ещё счёт на имя Н.Н. Эверсман, на который поступило в 1874 г. 10 000 руб., в 1875 г. — 4562 руб., в 1876 г. — 894 руб. У Н.Э. Эверсмана супругу звали Надежда Григорьевна, была дочь — Надежда Николаевна (в замужестве Хасабова) (1849—1936).
- ⁵⁶ См.: История Башкортостана во второй половине XIX — начале XX века. Т. I / Отв. ред. И.М. Гвоздикова, М.И. Роднов. Уфа, 2006. С. 203—213.
- ⁵⁷ Имеется в виду Станислав Станиславович Коссаковский, сын хозяйки Архангельского завода Александры Ивановны Коссаковской (1811—1886), урождённой Лаваль (см.: *Гудков Г.Ф., Гудкова З.И.* Из истории южноуральских горных заводов XVIII—XIX веков. Ч. I. Уфа, 1985. С. 241—254).
- ⁵⁸ См.: *Ремезов Н.В.* Очерки из жизни дикой Башкирии. Быль в сказочной стране. М., 1889. С. 42; Уфимский некрополь / Сост. и отв. ред. М.И. Роднов. СПб., 2015. С. 40.
- ⁵⁹ См.: *Садовников С.Д.* Дворянство Оренбургского края в родословной Садовниковых. Уфа, 2015. Биографические сведения выше отсюда.
- ⁶⁰ *Ремезов Н.В.* Указ. соч. С. 126—133.
- ⁶¹ Здесь и далее персональные данные по: Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картой губернии / Под ред. Н.А. Гурвича. Ч. I. Уфа, 1873. С. 161—165, 211. Отд. паг.; Уфимский календарь на 1876 год. Вып. 1. Уфа, б. г. С. 46, 51, 54, 65, 68, 71; Вып. 2. Уфа, б. г. С. 52, 56, 72, 73, 109; *Роднов М.И.* Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX — начале XX вв.). Уфа, 2012. С. 16, 18, 126, 152—155.
- ⁶² См.: *Роднов М.И., Дегтярёв А.Н.* Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX — начале XX века. Уфа, 2008. С. 123, 239; подробнее: *Гудкова З.И.* Указ. соч. Пароходчики и судовладельцы Першины. С. 96—102.
- ⁶³ См.: *Гудкова З.И.* Указ. соч. Уфимские лесопромышленники Чижовы. С. 112—117; некролог: Река времени. 2015. С. 139; мн. др.
- ⁶⁴ М.И. Паршин происходил из (временнообязанных) крестьян, жена — Евдокия Антоновна. Известны дети: Александра, Алексей (род. 12 февраля 1869 г.). Александра Митрофановна Паршина затем вышла замуж за личного дворянина Петра Гавриловича Ростовцева (сын Евгений, 1882 г. р.). Скончался уфимский купец Митрофанович Паршин 27 ноября 1883 г. в возрасте 55 лет (См.: Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-294. Оп. 2. Д. 10, 23, 24). Сведения любезно предоставлены П.В. Егоровым.
- ⁶⁵ См.: *Гудкова З.И.* Указ. соч. Поташные заводы купцов Софроновых. С. 83—88.
- ⁶⁶ См.: *Азаматова Г.Б.* Уфимское земство (1874—1917): Социальный состав, бюджет, деятельность в области народного образования. Уфа, 2005.
- ⁶⁷ См. также: *Кантимирова Р.И.* Деятельность уфимского губернатора И.Ф. Щербатского в социальной сфере // Региональная история: методология, источники, историография: сборник научных трудов третьих международных усмановских чтений / Науч. ред. Д.П. Самородов; М.Н. Фархшатов. Стерлитамак, 2016. Годовое жалование И.Ф. Щербатского было 4600 руб. (Там же. С. 226).

Петров Ю.А.*

Международный рынок перестрахования и экономическая политика С.Ю. Витте

Аннотация: Статья посвящена истории связей российского страхового бизнеса с международным рынком в контексте экономической политики министра финансов С.Ю. Витте. В 1895 г. Витте инициировал создание Акционерного общества русского перестрахования в качестве противовеса зарубежным перестраховочным компаниям и сокращения оттока капиталов за рубеж. Однако экономический кризис начала XX в., наряду с патриархальностью российской модели страхового бизнеса, в рамках которой российские компании предпочитали высокорисковому риску — малый, но надежный барьер, при сохранении прямых связей с крупнейшими агентами международного страхового рынка — не способствовали существенному сокращению доли иностранных компаний на российском рынке перестрахования.

Ключевые слова: перестрахование, С.Ю. Витте, Министерство финансов, золотой стандарт, платежный баланс.

В ноябре 1894 г. министр финансов России С.Ю. Витте обратился к министру внутренних дел И.Н. Дурново с предложением поддержать создание особой компании взаимного перестрахования, снизив тем самым зависимость российского страхового рынка от международного. «Отечественные страховые общества, — говорилось в послании, — уже давно перестраховывают большую часть принимаемых ими застрахований в других того же рода учреждениях, но, к сожалению, избрали последних почти исключительно из числа иностранных компаний. Такое ненормальное положение, вредное для всего страхового дела, отражается вместе с тем еще более неблагоприятно на общеэкономических интересах страны». «Озабочиваясь учреждением национального перестрахования», Витте сообщал, что провел совещание с представителями 13-ти российских ведущих страховых от огня обществ, которые согласились с его идеей. Министр финансов предлагал «войти по настоящему предмету с представлением в Комитет министров в самом непродолжительном времени»¹.

Письмо Витте положило начало интересному проекту, позволяющему точнее наметить общие контуры экономической политики России конца XIX в. В ходе обсуждения инициативы министра финансов были собраны оригинальные данные, которые существенно дополняют имеющуюся в литературе картину взаимоотношений российского и международного страхового рынка на рубеже XIX—XX вв.² Документы обнаружены автором в Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург), директору которого С.В. Чернявскому выражаю искреннюю признательность за содействие в работе.

Чем объяснялся столь пристальный интерес Сергея Витте, ставшего министром финансов в 1892 г., к проблеме перестрахования? Прежде всего необходимо принять во внимание общее направление его экономической политики. Убежденный сторонник форсированного промышленного развития страны под контролем государства и при активном участии иностранного капитала,

* Петров Юрий Александрович — доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН.

Витте, как известно, провел целую серию кардинальных преобразований, содействовавших скорейшей индустриализации России.

Квинтэссенцией его экономических воззрений и министерской практики являлась идея создания национальной промышленности, защищенной от иностранной конкуренции таможенно-протекционистскими мерами. Для этого, по убеждению министра финансов, нужны были «капиталы, знания и предприимчивость», но прежде всего капиталы, как отечественные, так и в особенности иностранные. Привлечение иностранного капитала с помощью золотой валюты в различных его формах, займовых, а главным образом инвестиционных, Витте считал основой своей финансовой системы. «Приток иностранных капиталов, — докладывал он императору Николаю II в 1899 г., — является, по глубокому убеждению министра финансов, единственным способом ускоренного доведения нашей промышленности до такого положения, при котором она будет в состоянии снабжать нашу страну изобильными и дешевыми продуктами»³.

Система С.Ю. Витте предусматривала ускоренное развитие национальной промышленности не только за счет привлечения иностранных инвестиций, но также за счет мобилизации внутренних ресурсов, повышения косвенных налогов, введения винной монополии, увеличения торгово-промышленного обложения. Протекционистский тариф 1891 г. должен был обеспечить защиту отечественной промышленности от западных конкурентов. Правительство готово было способствовать поощрению вывоза товаров из России⁴.

В основе экономической программы Витте лежала идея почти неограниченного государственного участия в экономической жизни страны. Он был убежден, что в условиях самодержавного образа правления ускоренное развитие национальной промышленности возможно только за счет интенсивного использования государственного хозяйства и государственного вмешательства в экономику. «В России, — писал Витте Николаю II в 1895 г., — по условиям жизни нашей страны потребовалось государственное вмешательство в самые разнообразные стороны общественной жизни, что коренным образом отличает ее от Англии, например, где все предоставлено частному почину и личной предприимчивости и где государство только регулирует частную деятельность...»⁵. Одним из важных рычагов проведения этатистской политики стал Государственный банк. 6 июня 1894 г. был принят его новый устав. Банк подчинялся непосредственно министру финансов, который фактически направлял его деятельность как главного кредитного учреждения страны⁶.

Витте связывал экономическое развитие России с активной борьбой за рынки сбыта восточных сопредельных стран. Он надеялся, что в течение нескольких лет русская промышленность достигнет достаточно высокого уровня развития, русские товары станут конкурентоспособными на рынках Среднего и Дальнего Востока, причем платежи по западным займам удастся покрывать за счет выручки от сбыта товаров на восточных рынках.

В связи с провозглашенной Витте политикой так называемого «мирного» проникновения на рынки Среднего и Дальнего Востока в России было учреждено несколько банков, ставших проводниками этой политики. Несмотря на постоянную нехватку свободных капиталов в стране, Россия начала выступать в качестве кре-

дителя по отношению к некоторым странам Востока и Балканского полуострова. Вывоз капиталов осуществлялся или непосредственно Государственным банком, или с его помощью через банки, находившиеся под контролем Министерства финансов. Особая роль в проведении этой политики принадлежала Русско-Китайскому банку и Учетно-ссудному банку Персии. Первый из них был учрежден в 1895 г. на капиталы русской казны и при значительном участии французских капиталов, а второй — в 1894 г. исключительно на средства русского государства⁷.

Экономический рост для министра финансов означал прежде всего сохранение России статуса великой державы и расширение сферы имперского влияния. «Международное соперничество не ждет, — предупреждал он Николай II в 1900 г. — Если ныне же не будет принято энергичных и решительных мер к тому, чтобы в течение ближайших десятилетий наша промышленность оказалась в состоянии своими продуктами покрывать потребности России и Азиатских стран, которые находятся или должны находиться под нашим влиянием, то быстро растущая иноземная промышленность сумеет прорваться через наши таможенные преграды..., а, укоренившись в глубинах народного потребления, она сможет постепенно расчистить пути и для более тревожных иноземных политических влияний»⁸. Однако, как показали события русско-японской войны 1904—1905 гг., России не суждено было в ближайшем времени утвердиться на дальневосточных рынках.

Одним из основных направлений политики Витте было стремление к нометаллическому денежному обращению. Денежная система на основе серебра, введенная в России на рубеже 1830—1840-х гг., была упразднена в связи с громадными расходами на Крымскую войну 1853—1856 гг. На протяжении последующих 40 лет действовала инфляционная бумажноденежная система с резко колеблющимся валютным курсом. На смену ей пришел «золотой стандарт» Витте, введенный в ходе денежной реформы 1895—1897 гг.⁹

Витте имел в виду прежде всего внешнеэкономический аспект, возможность привлечь инвестиции из экономически развитых держав, для чего требовалась прочная национальная денежная единица. «Огромное значение золотой валюты, — излагал министр свою позицию императору Николаю II, — заключается прежде всего в том, что она представляет золотой мост, перекинутый из богатых стран в бедные; при ней ускоряется выход из бедности, тогда как при бумажной валюте он замедляется». Реформа должна была также создать условия для усиления российского экспорта и затруднить импорт товаров в страну, т.е. активизировать международный расчетный баланс страны.

Для накопления золотого запаса, необходимого в качестве основы нометаллического денежного обращения, имелось два внутренних источника — добыча золота и усиление экспорта. Добыча золота в России конца XIX в. держалась на одном примерно уровне, принося в год от 32,2 млн руб. (1880 г.) до 37,4 млн (1895 г.). Торговый же баланс усилиями министра финансов в 1886—1891 гг. И.А. Вышнеградского удалось значительно активизировать. Из отрицательного он превратился в положительный благодаря форсированному экспорту зерна и сжатию импорта. К середине 1890-х гг. золотой фонд вырос до 873 млн руб., в том числе за счет конверсии прежних государственных займов и заключения новых на европейском денежном рынке. Правительству в итоге

удалось накопить значительный золотой запас, на 87% покрывавший находившиеся в обращении бумажные деньги.

Стабилизация курса рубля по золотому содержанию превратила его в одну из самых «твердых» мировых валют. Со времени реформы 1895—1897 гг. и до начала Первой мировой войны золотой русский рубль в среднем стоил 2,16 германских марки и 0,50 доллара США. Стабильное денежно-валютное устройство способствовало достаточно высоким темпам экономического роста, индустриализации страны, расширению внешнеэкономических связей. За время существования золотого обращения экономический потенциал России практически удвоился. «Золотой стандарт» в России, как и в других странах Западной Европы, был ликвидирован с началом Первой мировой войны.

К моменту начала преобразований русского рубля состояние золотого запаса позволяло С.Ю. Витте осуществить реформу. Однако оставалось опасение оттока золота за границу, что и стало предметом озабоченности министра финансов и его инициативы по созданию российского общества перестрахования. По закону Государственный банк имел право эмиссии не обеспеченных золотом кредитных билетов на сумму не более 300 млн руб. Снижение золотого запаса Госбанка грозило неудачей всей денежной реформе.

Следует учесть, что международный расчетный баланс империи в эпоху до «золотого стандарта» постоянно складывался с отрицательным сальдо, а суммарный его дефицит за 1881—1897 гг., как показало исследование американского экономиста Пола Грегори, составил около 1 млрд. руб.

Таблица 1

Международный расчетный баланс России, 1881—1897 гг. (млн руб.)

Сальдо торгового баланса	+ 2517
Платежи и погашения по государственным займам	- 2267
Дивиденды и прибыли иностранных компаний, переводимые за границу	- 415
Расходы русских туристов за границей	- 716
Прочие расходы	- 129
САЛЬДО	- 1010

Источник: Gregory P. Russian National Income, 1885—1913. Cambridge, 1982. P. 97—98.

Известно, что Витте всячески противился росту дефицитных статей платежного баланса, особенно расходам русских туристов за границей. Министерство финансов официально призывало российских подданных воздерживаться от длительных путешествий в страны Западной Европы, особенно во Францию на Всемирную выставку в Париже, где россияне оставляли десятки миллионов рублей. Внимание Витте привлекала и статья «прочие расходы», где скрывались в том числе переводимые за границу прибыли по операции огневого перестрахования.

Вот почему намечая реформу, первые шаги которой относятся к 1895 г., Витте заранее предусмотрел меры контроля за деятельностью российских страховых компаний и сокращению перевода ими золота за границу. В 1894 г. был установлен государственный страховой надзор за деятельностью страхо-

вых обществ с помощью правительственных инспекторов, устанавливалась обязательная публичная их отчетность. Государством был определен размер акционерного капитала, необходимый для ведения одной страховой операции (500 тыс. руб.) и предельная норма дивиденда, которую компании имели право выплачивать до погашения организационных расходов (6% от основного капитала). Контроль за всеми страховыми учреждениями возлагался на Министерство внутренних дел (вот почему упомянутое выше письмо в ноябре 1894 г. Витте направил главе этого ведомства).

На российском рынке к тому моменту действовали, помимо российских, три иностранные акционерные компании страхования жизни: «Нью-Йорк» (New-York Life, 1885, США), «Урбэн» (L'Urbaine, Франция, 1889) и «Эквитебл» (Equitable Life, США, 1889). Они открыли собственные отделения в форме дочерних фирм и вели операции страхования на внутреннем рынке страны. Все три компании специализировались только на заключении договоров личного страхования с населением¹⁰. Создание дочерних компаний за рубежом являлось общемировой тенденцией страхового дела в тот период, поскольку «натурализованным» компаниям удавалось преодолеть барьеры государственного протекционизма (дискриминационное регулирование деятельности), расширить клиентскую базу и тем самым повысить массу прибыли, а также избежать излишнего налогообложения в стране пребывания¹¹. Проникновение иностранных страховых обществ на национальный рынок втягивало Россию в систему международных экономических связей, что выразилось в бурном развитии перестраховочного рынка. Вместе с тем, три названные страховые компании, переведившие часть полученных в России прибылей за границу, не являлись предметом будущего общества перестрахования, поскольку не занимались страхованием от огня.

Параллельно с упорядочением страхового дела шла подготовка «золотого стандарта». 4 февраля 1895 г. министр финансов представил императору Николаю II доклад о необходимости введения золотого обращения. Началом реформы можно считать внедрение золота в денежное обращение. Законом 8 мая 1895 г. разрешено было заключать сделки на золото, 24 мая 1895 г. всем конторам и отделениям Государственного банка предоставлено право покупать золотую монету, а ряду отделений также производить платежи этой монетой.

Практически одновременно, 30 мая 1895 г., на обсуждение Комитета министров, т.е. на высший правительственный уровень, был вынесен проект создания Общества Русского перестрахования. В представлении министров финансов и внутренних дел подчеркивалось, что невозможность обойтись без услуг иностранного перестрахования была вполне очевидной, вследствие чего в 1866 г. русским обществам было предоставлено право принятые ими на страх имущества беспрепятственно перестраховывать в иностранных страховых компаниях. «Но в настоящее время, — говорилось в документе, — когда число одних акционерных страховых компаний возросло до 13, а застрахованная в оных сумма равняется нескольким миллиардам рублей, передача большей части рисков иностранным компаниям представляется весьма вредной и желательно было бы учреждение отечественного перестрахования»¹².

«Озабочиваясь изысканием мер к организации национального перестрахования, без непосредственного, однако, вмешательства в оное правительства»,

министр финансов предложил российским страховым обществам войти в это дело. Государственная инициатива была, таким образом, закамуфлирована созданием пула частных страховых обществ. Последние предложили учредить новую компанию с передачей ей доли своих рисков, исходя из того, что деятельность новой компании «если не совсем прекратит, то значительно уменьшит ежегодно возрастающий отлив денежных средства русских обществ за границу».

Чтобы оценить этот проект, следует кратко остановиться на истории участия России в международном рынке перестрахования огневых рисков. В 1851 г. российским страховым компаниям впервые было позволено выйти на международный страховой рынок и заключить договоры перестрахования за рубежом, оставляя часть рисков на собственном счету, а в 1866 г. с этой операции были сняты все формальные ограничения.

Перестраховочные операции велись в двух основных организационных формах: перестрахование рисков страховыми обществами друг у друга, на началах взаимности (старейшая форма) и перестрахование рисков в специальных компаниях, появившихся во второй половине XIX в. Эти компании, крупнейшими из которых являлись германская Munich-Re и швейцарская Swiss-Re, стали играть ведущую роль на мировом перестраховочном рынке. Начало перестраховочных операций российскими компаниями фактически совпало с бурным развитием этого сегмента международного страхового рынка¹³.

Первыми обществами, принимавшими перестрахования от русских обществ, были английские компании (наиболее активна была лондонская страховая компания «Феникс»). Ввиду постепенного роста конкуренции между страховыми учреждениями перестрахование начало давать убытки¹⁴. Место английских компаний, которые постепенно ушли с российского рынка перестрахования в связи с высокими рисками и понесенными крупными убытками, заняли преимущественно германские общества. К концу XIX в. Германия являлась мировым лидером перестрахования, тогда как по объемам прямого страхования занимала третье место после Великобритании и США. До 1880-х гг. с Россией работало лишь одно Магдебургское общество, в 1890-х гг. на российский рынок перестрахования наблюдается усиленный прилив германских обществ. В огневом перестраховании к концу XIX в. участвовало около 70 иностранных компаний. Лидирующими перестраховщиками для России выступали Мюнхенское (Munich-Re), Кельнское, Швейцарское (Swiss-Re, Цюрих) перестраховочные общества.

Все российские компании, занимавшиеся страхованием в значительных масштабах, практиковали и взаимное перестрахование, однако масштабы его были несравнимо скромнее, чем международное перестрахование. Предпринимались попытки наладить внутреннее перестрахование с тем, чтобы избавиться от платежей иностранным перестраховщикам. В 1889 г. было даже объявлено о создании Всероссийского общества перестрахования, но из-за опасений страховых обществ верить свои страхования новому учреждению проект остался на бумаге¹⁵. В 1892 г. было объявлено о создании нового общества под тем же названием, но и эта компания к действиям так и не приступила. Инициатива Витте стала таким образом третьей попыткой устроить наконец взаимное перестрахование в стране и снизить платежи за границу в виде перестраховочной премии.

В обоснование проекта Общества русского перестрахования Витте были приведены содержательные данные о динамике операции огневого перестрахования в России.

Таблица 2

Операция огневого страхования российских акционерных страховых обществ за 1827—1890 гг., тыс. руб.

Год	Страховые суммы	Сбор премий			Пожарные убытки		
		Валовой	Из валовой премии		Всего	Получено по перестрахованию	Уплачено за собств. счет
			передано на перестрахование	оставлено за собой			
1827—1850	3 084 471,5	19558,0	0	19558,0	8742,7	0	8742,7
1860	741 116,7	4510,9	1072,7	3438,2	3569,4	666,1	2903,3
1870	1 302 924,0	8446,9	4802,2	3644,7	4497,0	2803,5	1693,5
1880	3 983 857,1	25 759,1	16929,9	8829,3	18 816,2	13 201,4	5614,7
1890	4 823 585,2	31 204,6	18567,8	12 636,8	22 919,9	13 459, 1	9460,7

Источник: Об учреждении Общества Русского перестрахования. Слушано в Комитете министров 30 мая 1895 г. // РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5128, Л. 482—505 об.

Из данных таблицы 2 следует, что операция огневого перестрахования начала стремительно развиваться в 1860-е гг. (очевидно, в связи с разрешением русским обществам с 1866 г. перестраховывать свои риски за границей в неограниченном объеме). Уже к 1870 г. большая часть валовой премии стала передаваться на перестрахование по сравнению с оставленной на собственном счете, а к 1890 г. этот разрыв (соответственно 31,2 и 18,6 млн руб.) стал почти двукратным. При этом по счету пожарных убытков картина была несколько иная: достигнув пика к 1880 г. (13,2 млн руб.), погашение по перестрахованию осталось по существу на том же уровне и к 1890 г. (13,5 млн), тогда как платежи страховых компаний за свой счет поднялись почти вдвое (с 5,6 до 9,5 млн руб.).

По сведениям финансового ведомства, за 30-летие 1851—1882 гг. русскими страховыми обществами было собрано премии на сумму 332,4 млн руб., из них передано иностранным компаниям 185,1 млн, оставлено на собственном счете 147,3 млн. Интересно, что иностранные перестрахователи за этот период потеряли в целом 2,2 млн, а русские общества получили прибыль в 13,5 млн руб. Рубежом стал катастрофический 1882 г., когда волна пожаров прошла по всей стране. Иностранным компаниям пришлось на пожарные убытки вернуть всю премию в 21 млн руб. и еще более 7 млн из собственных средств, тогда как русские общества потеряли около 1,5 млн. С 1883 г. русские компании подняли тарифы, под давлением иностранных перестраховщиков стали более разборчивы в рисках, и огневого страхования вновь стало доходным. За 1883—1893 гг. было получено премии всего 359 млн, в т.ч. русскими компани-

ями 134 млн и иностранными 225 млн, из чистой прибыли в 48 млн на долю русских страховых обществ пришлось 13 млн руб., а иностранных — 35 млн.

При этом по сложившейся традиции крупные, ценою в несколько миллионов рублей объекты (заводы, склады и т.п.), которые в силу слишком большого риска не под силу оказывалось застраховать одной компании, передавались заграничным обществам. По экспертным оценкам 80—90% страховой стоимости таких рисков ежегодно принималось иностранными перестраховщиками, и эта операция не была для них убыточна: за 1883-1893 гг. средняя прибыль заграничных перестраховщиков (остаток чистой премии к нетто-премии) составила 15,5%, а русских обществ, которые работали с менее ценной недвижимостью, — около 10%.

По сведениям Витте, за 1891—1893 гг. из валовой прибыли в 99 млн руб. за границу было передано 53,2 млн или 54%, что было чревато серьезным ущербом для русского платежного баланса. При этом на внутреннее перестрахование из собранных премий русскими обществами было передано только 6—7%. «С 1880-х гг., точнее с 1883 года и далее, — подчеркивал Витте, — эта операция наносит ощутимый вред нашему международному платежному балансу путем безвозвратного перевода за границу значительных сумм».

«Операция русских страховых обществ по перестрахованию принимаемых на свою ответственность рисков, — как позднее отмечалось в правительственных кругах, — была развита крайне односторонне и заключалась по преимуществу в передаче иностранным предприятиям собственных рисков без соответственного получения от них перестрахований и без достаточного между самими русскими обществами обмена страхованиями». Ситуация не изменилась и к моменту создания Общества Русского перестрахования. В 1895 г. из валового сбора полученных русскими обществами премий по страхованию от огня в 39,3 млн руб. поступило в качестве премий по принятым перестрахованиям 2,5 руб. или около 6,5%, а уплачено за отданные в заграничное перестрахование риски 24,1 млн руб. премии, т.е. 65%¹⁶.

Кроме того, иностранное перестрахование, подчеркивал Витте, помимо безвозвратных потерь в виде чистой прибыли иностранных компаний, «ведет к временному, но громадному по размерам отливу денег из государства в виде передаваемых за границу премий, достигающих, по данным за 1891—1893 гг., до 15 млн руб. в год. Платеж премий приходится на зимние месяцы, т.е. на время затишья в нашем экспорте и наибольшего отлива денег за границу».

В итоге, заключал министр финансов в докладе Комитету министров, «русские общества, не имея твердой опоры внутри империи, ставят себя в полную зависимость от иностранных компаний, которые не стесняются диктовать русским обществам свои условия, как то имело место в 1882 г., угрожая в противном случае полным разрывом. Отказ иностранных компаний от уплаты пожарных убытков в случае усиления пожарности имел место уже не раз, и русские общества не застрахованы от его повторения и в будущем»¹⁷.

Замысел Витте заключался в том, чтобы соучредители будущей компании русского перестрахования приняли на себя обязательство перестраховывать за границей лишь определенную долю своих эксцедентов (25%), т.е. той части рисков, которую они не оставляют на своем страхе, остальное же передавать новому обществу (25%) и перестраховывать между собою (50%). В итоге, по подсчетам Витте, иностранные компании получили бы 21% валовой прибыли

вместо 54%, которые они реально имели за 1891-1893 гг., что «позволит русским обществам увеличить долю собственного участия в принятых рисках и вместе с тем уменьшить объем передаваемых за границу сумм»¹⁸.

Обращаясь к зарубежному опыту, Витте напоминал, что взаимное перестрахование весьма развито в Западной Европе, в частности, германские страховые компании около трети прибыли получают за счет принятых друг от друга перестрахований, тогда как в России эта доля составляет едва 6% валового сбора премий. «Если не развивать взаимное перестрахование, — настаивал инициатор проекта, — а уповать на увеличение иностранного, то есть риск русским обществам превратиться в простого комиссионера западных компаний. В этом заключается опасность установившейся у нас практики передачи своих рисков заграничным страховым компаниям без приема перестрахования чужих рисков»¹⁹.

Заграничное перестрахование не только не вредное, но полезное дело, пояснял Витте, если установлен взаимный обмен рисков с иностранными компаниями, и такая система давно существует в Западной Европе. В Российской империи также намечается подобная тенденция, в частности, страховая компания «Россия» с начала 1890-х гг. приступила к организации филиалов за границей для приема огневого перестрахования от иностранных компаний. Однако эта операция, справедливо констатировал Витте, «находится у нас в зародышевом состоянии». Действительно, масштабный выход российских компаний на заграничный страховой рынок произошел позднее, уже в начале XX в.²⁰

Витте настолько торопил дело с организацией Общества Русского перестрахования, что не стал дожидаться формальных решений собраний акционеров страховых компаний, а напрямую договорился с правлениями 12 страховых обществ-соучредителей об участии в капитале новой компании (в размере 3 млн руб. из 6 млн руб. основного капитала) и об образовании особого Совета общества, в состав директоров которого вошли по одному представителю от каждого соучредителя. Министр был убежден, что «служба залогом к уничтожению зависимости русского страхового дела от иностранных страховых компаний и к прекращению перевода народных сбережений за границу, внутреннее перестрахование послужит вместе с тем толчком к понижению размера страховых премий и к возникновению новых страховых предприятий»²¹.

9 июня 1895 г., т.е. всего через неделю после обсуждения в Комитете министров, устав компании был утвержден императором. В нем была четко сформулирована основная задача: «Обществу предоставляется как принимать всякого рода перестрахования от русских и иностранных страховых Обществ и учреждений, так и перестраховывать в свою очередь принятые в перестрахование риски в других страховых обществах, русских и иностранных»²².

Однако начинание Витте сразу же столкнулось с оппозицией со стороны иностранных перестраховщиков. Попытки русских компаний заключить договоры на новых условиях встретили отказ с их стороны, поскольку сокращенный объем перестрахования не обещал достаточной выгоды. Не желая порывать отношения с заграничными партнерами, особенно в условиях стремления русских обществ открывать свои филиалы за границей, российские компании увеличили долю эксцедента для иностранных компаний с заранее оговоренных 25% до 45%, о чем самому Витте стало известно «случайным образом»²³.

Доля иностранных перестраховщиков в итоге утвердилась на уровне 40% рисков, 36% общество оставляло у себя, а остальные 24% переуступало русским компаниям (по 2% каждой из 12 компаний-учредителей). Таким образом, предусматривалась система внутреннего перестрахования наряду с внешним, иностранным. Интересы страхователей при этом не затрагивались, так как размер страховых премий оставался прежним.

Однако Обществу Русского перестрахования не удалось снизить долю иностранного перестрахования в российском страховом бизнесе. Поначалу его дела шли неплохо, по количеству валового сбора премий оно заняло одно из первых мест среди европейских перестраховочных обществ. Общество собрало премий в 1896 г. на сумму 7,2 млн руб., в 1897 г. — 8,1 млн руб., тогда как за исключением Мюнхенского общества, имевшего в 1897 г. валовой сбор премий в 45,2 млн марок (около 20 млн руб.), ни одно из перестраховочных предприятий Германии и Австро-Венгрии не могло похвастаться подобными результатами. Поставленная Витте задача сократить отлив золота из страны по операциям заграничного перестрахования не была выполнена, однако в условиях успешно завершённой в 1897 г. денежной реформы эти переводы серьезно не угрожали состоянию русского золотого запаса. Министр финансов утратил интерес к страховому делу, поскольку не смог повлиять на уровень страховых выплат российских компаний заграничным партнерам.

Между тем ситуация изменилась под влиянием экономической конъюнктуры. Экономический кризис конца XIX — начала XX в., принеший снижение доходности русских страховых от огня обществ, побудил российские страховые компании развивать операции по приему заграничных перестрахований за свой счет. Ведущие компании стали самостоятельно открывать отделения за границей для операций по приему страхований и перестрахований, что снизило их интерес к корпоративной организации. В перестрахование русские страховые от огня общества стали передавать рисков к валовой сумме премий существенно меньше (51,5% в 1898 г.), чем в 1895 г. (65%). Одновременно заметно усилился прямой взаимный обмен перестрахований русскими обществами, доля которого с 6,5% в 1895 г. выросла в 1898 г. до 21,5%. В итоге в Обществе Русского перестрахования сбор премий в 1898 г. сократился всего до 5,8 млн руб.²⁴

Ссылаясь на крупные пожарные потери 1896—1897 гг., соучредители компании уменьшили долю своего эксцедента с первоначальных 50% до 20%²⁵, а в 1900 г. понизили основной капитал с 6 до 3 млн руб. «Уменьшение капитала до 3 млн руб., — подчеркивали лидеры российского страхового рынка, — не должно отразиться на том видном положении, каковое Общество русского перестрахования занимает как среди русских, так и в особенности среди иностранных страховых обществ по размерам основного капитала». В России капиталами свыше 3 млн. руб. обладали лишь Первое Российское страховое общество и компания «Россия» (по 4 млн. руб.). В Германии у Мюнхенского перестраховочного общества капитал составлял всего 2,5 млн герм. марок, т.е. около 1 млн руб.²⁶ Однако то была лишь хорошая мина при плохой игре.

Экономический кризис принес серьезные потери. Если в 1899 г. компания закончила с небольшой прибылью в 134 тыс. руб., то в 1900 г. был завершён с убытком в 280 тыс. руб.²⁷ В 1903 г. общество получило 465 тыс. руб. прибыли

и в дальнейшем работало без убытков. Однако на рынке перестрахования эта компания, вопреки ожиданиям ее инициаторов, не играла заметной роли.

В 1906 г., по примеру других российских компаний, активно работавших на страховом рынке США, правление общества внесло залог в размере 500 тыс. \$ (1 млн руб.) для операции перестрахования в этой стране, рассчитывая вскоре покрыть этот вывод капитала из России за счет прибылей²⁸. Впрочем, в дальнейшем свои средства Общество Русского перестрахования почти целиком инвестировало в высоколиквидные активы: за 1913 г. из прибыли компании в общем размере 526,1 тыс. руб. доход от процентных бумаг составил 307 тыс. руб., в том числе 202 тыс. руб. принесли бумаги русские (облигации госзаймов и гарантированные государством бумаги железных дорог и земельных банков) и 105 тыс. руб. — иностранные, главным образом бонды г. Нью-Йорка и округа Колумбия. Таким образом, доход компании на 3/5 обеспечивали рантье-ские вложения в ценные бумаги. Собственно страхование и перестрахование оказались по доходности операциями второго плана.

Задумывая в середине 1890-х гг. компанию по взаимному страхованию, Витте упрекал тогдашние российские страховые компании в «чрезмерной боязливости», поскольку они «активной деятельности на рынке страхований предпочитают верный, пусть и небольшой доход из помещения своих громадных, накопленных за прежние годы капиталов в процентные бумаги»²⁹. Надо признать, что его детище не смогло выйти за рамки патриархальной российской модели, в рамках которой компании предпочитали малый, но надежный барыш высокодоходному риску, а внутренней корпоративной организации взаимного страхования — прямой контакт с агентами международного рынка.

Библиография

- Borscheid P.* Introduction // *World Insurance. The Evolution of a Global Risk Network* / Ed. by P. Borscheid & N. Hauter. London, 2012. P. 5—15.
- Dickson P. G.M.* *The Sun Insurance Office, 1760—1960.* London, 1960.
- Gregory P.* *Russian National Income, 1885—1913.* Cambridge, 1982.
- Pearson R.* United Kingdom: Pioneering insurance internationally // *World Insurance. The Evolution of a Global Risk Network* / Ed. by P. Borscheid & N. Hauter. London, 2012. P. 69—76.
- Petrov Y.* Russia: Early expansion, state involvement, and re-emergence of the insurance industry // *World Insurance. The Evolution of a Global Risk Network* / Ed. by P. Borscheid & N. Hauter. London, 2012. P. 213—238.
- Ананьич Б.В.* Денежная реформа 1895—1897 гг. и введение золотого стандарта // *История Банка России. 1860—2010.* Т. 1. С. 272—286.
- Ананьич Б.В.* Россия и международный капитал. 1897—1914. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970.
- Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999.
- Власть и реформы. От самодержавной к советской России* / Отв. ред. Б.В. Ананьич. СПб., 1996.
- Ефимов С.Л., Акимов В.В., Борзых В.Н.* Страховое дело в России: веки истории. М., 1997.
- История Банка России. 1860—2010: в 2 т.* / Отв. ред. Ю.А. Петров, С.В. Татаринцев. М., 2010.
- Корелин А.П., Степанов С.А.* С.Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. М., 1998.
- Петров Ю.А.* Экономическое положение империи в начале XX в. // *Россия в начале XX века.* М., 2002.
- Фейгин Я.А.* Перестрахование, его история и современное положение // *Страховое обозрение.* 1915. № 10.

Примечания

- ¹ С.Ю. Витте — министру внутренних дел И.Н. Дурново, 12 ноября 1894 г. // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 23. Оп. 24. Д. 234. Л. 1—3.
- ² См.: *Ефимов С.Л., Акимов В.В., Борзых В.Н.* Страховое дело в России: веки истории. М., 1997; *Petrov Y.* Russia: Early expansion, state involvement, and re-emergence of the insurance industry // *World Insurance. The Evolution of a Global Risk Network* / Ed. by P. Borscheid & N. Hauter. London, 2012. P. 213—238.
- ³ Всеподданнейший доклад министра финансов С.Ю.Витте о необходимости установить и затем непреложно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи. 1899 г. // *Материалы по истории СССР*. Т. VI. М., 1959. С. 173—174, 177—178, 184.
- ⁴ Об экономической доктрине Витте подробнее см.: *Ананьич Б.В., Ганелин П.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999; *Корелин А.П., Степанов С.А.* С.Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. М., 1998; *Петров Ю.А.* Экономическое положение империи в начале XX в. // *Россия в начале XX века*. М., 2002.
- ⁵ Цит. по: *Власть и реформы. От самодержавной к советской России* / Отв. ред. Б.В. Ананьич. СПб., 1996. С. 416.
- ⁶ См: *История Банка России. 1860—2010: в 2 т.* / Отв. ред. Ю.А. Петров, С.В. Татаринов. М., 2010.
- ⁷ См.: *Ананьич Б.В.* Россия и международный капитал. 1897—1914. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970.
- ⁸ Цит. по: *Корелин А.П., Степанов С.А.* Указ. соч. С. 66.
- ⁹ См.: Ананьич Б.В. Денежная реформа 1895—1897 гг. и введение золотого стандарта // *История Банка России. 1860—2010*. Т. 1. С. 272—286.
- ¹⁰ *Ефимов С.Л., Акимов В.В., Борзых В.Н.* Страховое дело в России. С. 58; *Assekuranz Jahrbuch*. Wien, 1913. S. 396—399.
- ¹¹ *Borscheid P.* Introduction // *World Insurance. The Evolution of a Global Risk Network* / Ed. by P. Borscheid & N. Hauter. London, 2012. P. 5—15.
- ¹² РГИА, Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5128, Л. 482—486.
- ¹³ *Dickson P. G.M.* The Sun Insurance Office, 1760—1960. London, 1960. P. 183—185; *Pearson R.* United Kingdom: Pioneering insurance internationally // *World Insurance. The Evolution of a Global Risk Network* / Ed. by P. Borscheid & N. Hauter. London, 2012. P. 69—76.
- ¹⁴ *Фейгин Я.А.* Перестрахование, его история и современное положение // *Страховое обозрение*. 1915. № 10. С. 696—697.
- ¹⁵ Пояснительная записка к проекту учреждения в России общества перестрахования. СПб., 1887; Устав Всероссийского общества перестрахования, учрежденного в 1889 г. СПб., 1889.
- ¹⁶ Там же. Ф. 23. Оп. 24. Д. 234. Л. 96—100.
- ¹⁷ Там же. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5128. Л. 491—492.
- ¹⁸ Там же. Л. 493.
- ¹⁹ По вопросу об учреждении Общества Русского перестрахования. Слушано в Комитете министров 30 мая 1895 г. Подписал Министр финансов Витте. 20 мая 1895 г. // Там же. Л. 528—539.
- ²⁰ *Petrov Y.* Russia: Early expansion, state involvement, and re-emergence of the insurance industry. P. 217—225.
- ²¹ РГИА, Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5128. Л. 539.
- ²² Устав Общества Русского перестрахования. СПб., 1895. С.1.
- ²³ РГИА, Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5128. Л. 528.
- ²⁴ Там же. Ф. 23. Оп. 24. Д. 234. Л. 96—100.
- ²⁵ Там же. Л. 69—70.
- ²⁶ Там же. Л. 96—100.
- ²⁷ Отчет Общества Русского перестрахования за 1899 год. СПб., 1900; То же за 1900 год. СПб., 1901.
- ²⁸ РГИА. Ф. 23. Оп. 24. Д. 234. Л. 170—171.
- ²⁹ Там же. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5128. Л. 535.

Мельниченко О.Б.*

Французские текстильные предприниматели: становление и развитие производства в России и причины отъезда из Франции (вторая половина XIX — начало XX вв.)

Аннотация: Данная статья посвящена истории возникновения французских шелковых фабрик в Москве и Московской губернии во второй половине XIX в. и их деятельности до 1914 г. В статье выявлены причины приезда французских предпринимателей в Россию; представлен краткий обзор состояния шелковой промышленности Франции и России; сделан анализ функционирования трех фабрик «К. Жиро Сыновья», «Товарищество Шелковой Мануфактуры в Москве», «Симоно и Ко», а также деятельности их основателей в качестве руководителей производства и общественных деятелей. В работе использованы материалы Центрального Государственного Архива Москвы (ЦГАМ), Государственного Архива Российской Федерации (ГА РФ), Дипломатического Архива Министерства Иностранных Дел Франции (ADMAE), Национального Архива Франции (ANF), Архива Банка «Креди Агриколь», частные архивы, а также российские и французские библиографические источники.

Ключевые слова: французские предприниматели в России, шелковая промышленность XIX века, индустриализация в текстильной промышленности.

История возникновения и развития шелкового производства во Франции тщательно изучена и освещена французскими исследователями. Что касается российской историографии на тему отечественной шелкообрабатывающей промышленности, большинство работ было опубликовано еще до революции (М.И. Туган-Барановский¹, В.П. Литвинов-Фалинский², Г.М. Эфрос³). Советский историк К.А. Пажитнов в своих «Очерках текстильной промышленности дореволюционной России»⁴ отмечает недостаток в исследованиях различных секторов текстильной промышленности до 1917 г. Современные работы посвящены, в основном, российским династиям текстильных фабрикантов: Морозовым⁵, Коншиным⁶, Рябушинским⁷, в то время как становление и развитие франко-российских текстильных предприятий остается недостаточно изученным как российскими, так и зарубежными историками. В данной статье выявлены причины отъезда в середине XIX в. некоторых специалистов шелкового производства из Франции и выбора ими России в качестве места своей основной деятельности. Анализ функционирования текстильных предприятий на базе французских технологий и капитала позволил показать трудности организации производства, процесс адаптации к российским техническим и санитарным требованиям к устройству промышленных предприятий, а также динамику их развития в конце XIX — начале XX вв. Работа написана с привлечением как российских, так и французских библиографических и архивных источников.

* Мельниченко Ольга Борисовна — аспирант университета Париж-Сорбонна, olga.melnichenko.sorb@gmail.com.

1. Шелковая промышленность Франции: взлеты и падения (вторая половина XIX в.)

Начиная с тридцатых годов девятнадцатого столетия, несмотря на бурное развитие, шелковая промышленность Франции, локализованная в Лионе и его окрестностях, периодически испытывает трудности. Основной проблемой становятся перебои со снабжением сырьем шелкового производства, когда эпидемии пембрины — болезни шелковичного червя — приводят к деградации гусеницы, лишая ее возможности продуцировать качественный кокон. Согласно заключению торговой палаты Лиона, к концу пятидесятих годов XIX столетия город утрачивает свой статус самого крупного рынка сырья для европейского шелкового производства, и перестает быть самым большим местом его складирования⁸. Единственным возможным способом восстановления шелкового производства в Лионе представлялась организация поставок сырья из стран Востока. Необходимо было, чтобы Франция, во-первых, наладила морское сообщение с Востоком, во-вторых, нашла средства для отправки туда своих миссий, и, наконец, разместила на месте своих представителей. В 1860 г. Броссет, президент торговой палаты Лиона, объявил о создании трех организаций: службы навигации, Индо-Китайского банка и главного склада шелкового сырья. Тем не менее, поставки шелка осуществлялись при помощи английского флота и английских же капиталов⁹. Начало прямых закупок сырья французами на Востоке датируется 1854 г., когда первый французский торговый агент Буссонет открыл в Шанхае закупочную контору для прядильной фабрики «Шартрон, Бриссон и Ко» из Сен-Валье¹⁰. Согласно другому источнику, это Поль Дегран, лионский торговец шелком, организовал первые поставки азиатского сырья, минуя доки Темзы. В компании с Арлес-Дюфуром¹¹ они превратили французскую столицу производства шикарных шелковых тканей в мировой центр торговли грежей¹² и, благодаря их деятельности, к 1870 г. сырье для производителей шелка во Франции перестало быть дефицитом.

Еще одной не менее важной проблемой, приводящей к деградации отрасли, стало резкое снижение спроса на шелковые ткани на внутреннем и внешнем рынках после франко-прусской войны. К этому времени в ряде стран: Швейцарии, Германии, России окрепли собственные производители шелковых тканей. К тому же Российское правительство, защищая внутренний рынок, проводило протекционистскую политику, постоянно повышая пошлину на ввоз готовой продукции из Франции.

Внутренние проблемы отрасли во многом были связаны с отсталым характером ремесленного производства шелковых тканей, характерным для Лиона. Журнал «L'Illustration» пишет в 1882 г.: «До настоящего времени производство дорогих тканей, которым славилась Лионская промышленность, усиленно сопротивлялось изменениям. В то время как во всем мире росли огромные заводы, оснащенные усовершенствованными механическими станками и производящие в невероятных количествах ткани прекрасного качества, лионский ткач прозябал у станка, изобретенного Жаккардом век назад»¹³. К началу восьмидесятих годов XIX в. положение производителей ткани стало настолько тяжелым, что профессию ткача отнесли к «исчезающим»¹⁴ (см. рис. 1—2 Приложения).

Совет конфликтно-трудовой комиссии, собравшейся 5 мая 1883 г., констатировал катастрофическое положение шелковой промышленности Лиона и обозначил основные причины кризиса: развитие производства шелковых тканей в других странах, все большее внедрение механических станков, капризы моды и, наконец, низкий спрос на те дорогие ткани, которые производятся только на ручных станках¹⁵. Всевозрастающая безработица и уменьшение заработной платы вынудили высококвалифицированных мастеров покидать страну и отправляться за границу¹⁶.

Почему же именно Россия была выбрана уезжающими из Франции специалистами? Во-первых, вновь прибывшим французам не обязательно было знать русский язык: большинство образованного населения России владело французским. Во-вторых, предпринимателей привлекали впечатляющие масштабы российского рынка и растущий спрос на мануфактурную продукцию. И, наконец, относительная близость России к Европе (по сравнению с Америкой), что позволяло французским текстильщикам не терять связи с родиной и в достаточно короткие сроки наладить снабжение своих фабрик сырьем и оборудованием. Ниже мы рассмотрим более детально, как же воспринималась Россия и ее экономика французскими наблюдателями XIX в.

2. Шелковое производство в России: французский взгляд

Французские предприниматели еще в первой половине XIX в. изучали функционирование российских шелковых фабрик, но не рассматривали Россию как потенциального конкурента. Арлес-Дюфур в своем анализе иностранных фабрик, в частности, отмечает:

«Россия, которой не хватает рабочих рук для возделывания своей огромной территории, Россия, сельское хозяйство которой преобладает над промышленностью, Россия не смогла освободиться от континентальных идей и, не отдавая себе отчета в своем истинном предназначении развития обработки земли, пытается искусственными и дорогостоящими методами развить мануфактурную промышленность. Непомерными таможенными тарифами, запретами, ограничениями еще более странными, чем запретами, она пытается добиться независимости, как говорится, избавиться от дани, которую она платит иностранным фабрикам. Она не понимает, и как бы она поняла, если даже еще мы не можем понять, что запреты на ввоз, ограничения и тарифы отражаются в конечном итоге на потребителе, и, как следствие, на государстве... Россия еще верит, что можно продавать, не покупая. И что получается? — все эти усилия, все жертвы не приносят особых результатов, и русские фабрики тихо влачат свое существование... Уже в XVII веке в Москве имелись шелковые фабрики, производящие бархат, плюш, дамас, дрогет, мебельную ткань, тафту, носовые платки и чулки, но вся эта продукция страдала посредственностью. То, что говорили о российской мануфактурной промышленности в XVII в., мы можем сказать и сейчас»¹⁷.

Описанное в 1834 г. французским предпринимателем общее состояние мануфактурной промышленности России во многом отражало реальное поло-

жение вещей. Недостаток квалифицированных специалистов, оборудования, протекционистская политика государства. Но именно последняя способствовала развитию местного производства, благодаря ей были привлечены английские, немецкие и французские мастера, некоторым из которых удалось не только организовать свое дело, но и успешно его развивать. Качество же российской продукции, о котором упоминал Арлес-Дюфур, действительно уступало французскому, однако изделия русских шелковых мастерских пользовались значительным спросом в кругах духовенства, аристократии и купечества. Российский рынок, по наблюдению французского консула в Москве, сохраняет свои особенности и к концу XIX в.:

«Бархатные ткани отличаются не качеством выработки, а количеством использованного золота. Эта промышленность до сих пор остается вне индустриализации и, без сомнения, всегда останется в этом состоянии. Она — убежище ручных станков, логовище рутины, рутина процессов, рутина выработки. Цена этих полотен определяется количеством дорогих материалов, подобранных согласно рисунку, не всегда элегантному. Несмотря на их блеск, эти изделия сохраняют прото-индустриальные черты, но, тем не менее, русские ими очень гордятся»¹⁸.

В то же время, критикуя кустарный характер шелкового производства в России, французский консул признает и наличие крупных фабрик, развитие которых, с одной стороны, может свести на нет экспорт в Россию французского шелка, с другой — поможет трудоустроить французских мастеров, оставшихся без работы.

Что же происходит на рынке сбыта шелковой продукции во время кризиса во Франции? Россия показывает противоположные результаты. Московская губерния, как самая богатая и развитая в промышленном отношении, достигает впечатляющих объемов продаж. Французский консул объясняет этот подъем, во-первых, понижением обменного курса¹⁹, во-вторых, высокими таможенными тарифами, в-третьих, богатым урожаем в российских провинциях и, наконец, развитием торговых связей с Персией и Востоком²⁰. Та же ситуация наблюдается на Нижегородской ярмарке, второй по величине после Москвы. Ярмарка 1878 г. была «самой оживленной за последние пятнадцать лет; спрос на мануфактурные товары был настолько высок, что торговцы не успевали заключить на месте все сделки»²¹.

Кто же обеспечивает продукцией этот развивающийся рынок? В 80-х годах в России работает 154 фабрики, производящие продукции на 7,875 миллиона рублей и использующие труд около 11 тысяч рабочих. Почти треть этих предприятий основаны русскими, большая же часть принадлежит иностранцам, для которых последние достижения техники являются более доступными и которые используют более качественное привозное сырье²². Наиболее успешные из шелковых фабрик основаны французами (см. таблицу 1).

Данные этой таблицы показывают обороты предприятий, к 1890 г. уже занявших прочные позиции на российском рынке. Вопрос о том, с какими сложностями сталкивались иностранные предприниматели, решившие основать свое производство в России, будет рассмотрен ниже.

Таблица 1

Российские шелковые фабрики, 1890 г.

Локализация основного производства	Наименование предприятия	Национальная принадлежность основателя	Годовой оборот, тыс.руб.
Москва	К. О. Жиро	Французы	3 500
	Товарищество Шелковой Мануфактуры в Москве (Гужон, Мусси)		2 000
	Г. Симоно и Ко		1 250
	Братья Сапожниковы		900
Богородск	Н.С. Брашнин	Русские	900
	Л.С. Брашнин		800
	Г. Пацуков		200
	Зубков		150
Владимир	Братья Арсентьевы		400

Источник: ADMAE. 38NCOM. Tome 6. Correspondance commerciale Moscou. 1890-1896. 27 février 1895. L. 277-280.

3. Французские фабрики: трудности основания

Чтобы открыть свое дело в России, иностранный предприниматель должен был пройти долгую бюрократическую процедуру. Первым этапом была регистрация в купеческой палате и получение звания купца второй гильдии. Затем проситель обращался к генерал-губернатору с заявлением и проектом открытия фабрики или завода. Канцелярия губернатора запускала процедуру проверки благонадежности предпринимателя и степени готовности объекта к процессу производства. Наконец, после получения заключений Министерства финансов, полицмейстера, санитарного врача, архитектора, принималось положительное или отрицательное решение и, в первом случае, после оплаты взноса в казну выдавалось свидетельство о разрешении на начало работы.

Прошения французских текстильных предпринимателей в большинстве случаев удовлетворялись, но иногда следовал отказ. В частности, обращение, датированное 5 сентября 1887 г. и поступившее от А. Кока, представлявшего «Лионское анонимное общество прядения шелка», не было удовлетворено по причине отсутствия одобрения со стороны Министерства финансов²³.

Типичным примером процесса выдачи свидетельства является случай Жан-Пьера Мусси, который 3 сентября 1871 г. обратился к московскому генерал-губернатору графу Владимиру Андреевичу Долгорукому за разрешением открыть производство в Лефортовской части Москвы и выдать «узаконенное свидетельство»²⁴. 9 сентября прошение было препровождено к Московскому обер-полицеймейстеру для «доставления по оному сведений и заключения»²⁵ и в тот же день архитектору Финисову отправлен запрос следующего содержания:

«Московский Купец Жан Мусси ходатайствует о дозволении ему открыть в Лефортовской части, 2 квартала, в доме Калашникова, фабрику шелковых изделий. Поручаю Вам, освидетельствовав дом Калашникова, донести, удобен ли он для помещения означенной фабрики, какое количество рабочих и машин будет находится там и какое количество дров потребуется для отопления и действия фабрики»²⁶.

24 сентября обер-полицеймейстер генерал-майор Аряпов доносит, что «к дозволению ему [Мусси] открыть фабрику шелковых изделий ... препятствий со стороны полиции нет»²⁷. 20 декабря архитектор Финисов, освидетельствовав «при доме Калашникова каменный корпус, в котором Московский купец Жан Мусси ходатайствует открыть фабрику шелковых изделий», выдает заключение, «что корпус этот удобен для помещения означенной фабрики, на которой будут находится: 100 станков жаккардовых и 3 сновальных, рабочих: 100 мужчин и 30 женщин. Для ежегодного отопления потребуется дров $\frac{3}{4}$ меры до 80 сажень»²⁸. 7 января 1872 г. запрос отправляется министру финансов, который присылает положительный ответ только через полтора месяца, ссылаясь на п. 2 приложения к статье 46 Устава Промышленности. В итоге, 3 марта 1872 г. принимается решение позволить Мусси открыть фабрику, «взыскав в Губернскую казну один рубль 60 копеек серебром»²⁹. Таким образом, процесс длился полгода и завершился благоприятно для просителя.

В противоположность предыдущему случаю, обращение французского подданного Гектора Симоно о разрешении открытия фабрики шелковых изделий в Москве, на Шаболовке, было удовлетворено по истечении двух месяцев (8 декабря 1880г. — 7 февраля 1881г.)³⁰. Процесс выдачи разрешения на открытие второй фабрики Симоно в деревне Беседы Богородского уезда Московской губернии длился всего лишь месяц (с сентября по октябрь 1888 г.)³¹. Вполне вероятно, что в столь быстром решении вопроса сыграл тот факт, что Симоно приобрел уже полностью оборудованную функционирующую фабрику.

Получить разрешение на открытие красильного цеха на текстильной фабрике представлялось делом более сложным. С течением времени требования правительства к размещению подобного рода производств становились более жесткими. Если в начале шестидесятых годов процесс занимал несколько месяцев, то к концу восьмидесятых он затягивался на несколько лет. Примером первого процесса является случай Пьера Гужона, который 9 января 1861 г. подал прошение на имя генерал-губернатора Москвы Павла Тучкова о разрешении открытия красильного цеха «для крашения шелковых тканей собственного производства». При этом, описывая проектируемый процесс, фабрикант отмечает, что для этого «потребуется: два чана: один для варки шелка, другой для приготовления красильной смеси. Для разогрева чанов имеется паровая машина, выходящая на улицу... и шестеро рабочих будут промывать крашенные материи в реке Москве на Титовском переулке у Калужской улицы»³².

Через три месяца после отправки запроса генерал-губернатор Москвы получает ответ обер-полицеймейстера, что последний не будет иметь возражений против открытия вышеозначенного заведения при условии строительства колодца для сброса отходов производства. 14 марта обер-полицеймейстер рапортует, что колодец построен и при этом он достаточно глубок, чтобы вместить

все отходы из красильни. Уже через неделю академик Сафаров заключает, что здание вполне пригодно для обустройства красильного цеха и при нем имеется колодец для жидких отходов. К 29 мая канцелярия генерал-губернатора отправляет обер-полицмейстеру приказ о разрешении открытия красильни при условии, что хозяин проложит под землей трубу для стекания отходов из цеха в колодец³³.

Таким образом, процесс получения разрешения на открытие красильного производства длился почти полгода. Единственным требованием со стороны властей было обустройство колодца для жидких отходов красильного цеха. Вопрос же промывки пропитанных химическими реагентами тканей в Москве-реке не встретил препятствий.

Об ужесточении требований к установке подобного рода производства свидетельствует процесс, развернувшийся три десятилетия позднее. 14 июня 1889 г. Клод Жиро через своего поверенного Феликса Дарго обращается к генерал-губернатору князю Долгорукому с просьбой разрешить открытие красильного цеха при фабрике Жиро. В своем прошении он объясняет, что отходы, проходя через фильтры, будут сброшены в Москву-реку через трубу, которую Дарго проложил в 1887 г. По заявлению последнего, отработанные продукты не представляют никакой опасности для санитарного состояния вод реки. Комиссия, состоящая из шести человек, в числе которых были инженер, архитектор и врач, заключила, что механические фильтры, предложенные Жиро, не способны обезвредить отходы, содержащие серную, уксусную, азотную кислоты и ализариновый краситель. 15 июля Дарго предлагает фильтры, конструкция которых по-прежнему не устроила комиссию. 30 октября, теперь уже сам Клод Жиро, представляет новый фильтр системы профессора Морковникова. Эта модель также отвергается комиссией. В своем четвертом прошении Жиро предлагает очистительную систему академика Мелгрена, использующуюся, по словам фабриканта, по всей Европе. К 24 августа следующего года академик рапортует о завершении работ и, наконец, 31 октября медицинский департамент выдает положительное заключение, но с ремаркой: при условии сделать анализ воды, выходящей из фильтров и сбрасываемой в Москву-реку. Результаты анализов проб воды вместе с положительным заключением представлены медицинской комиссией 15 января 1891 г. К сожалению, этот документ был последним в архивном деле, но, скорее всего, для фабрики дело закончилось благоприятно, и красильный цех, имеющий огромное значение в процессе отделке шелковых тканей, заработал³⁴.

Этот процесс получения разрешения на открытие производства показывает, во-первых, появление новых требований правительства к соблюдению промышленниками санитарных норм, во-вторых, более жесткое отношение чиновников к надзору за соблюдением этих норм, и, наконец, более сознательное отношение предпринимателей к необходимости вкладывать средства в строительство очистных сооружений.

Несмотря на трудности первых лет становления производства (1870-е — 1890-е гг.), французским предпринимателям удалось не только догнать местных производителей, но и опередить их, заняв прочные позиции на российском рынке.

4. «Гордость Франции» — фабрики Жиро, Симоно, Гужона и Мусси³⁵

К концу XIX в. крупнейшей шелковой мануфактурой становится фабрика Клода Жиро³⁶. Основанная в 1875 г. в арендуемом помещении и оснащенная 250 ручными станками, она каждый год постепенно расширялась. В 1880 г. на выкупленной в Хамовниках территории Жиро построил два новых корпуса в пять и шесть этажей, что позволило разместить там дополнительные станки, отделочный цех, спальни и кухни для рабочих, число которых выросло до 840³⁷. Сделав ставку на недорогую продукцию и ее широкое распространение среди различных слоев российского общества, в 1883 г. фабрикант предпринял попытку механического ткачества и установил первые пятьдесят станков. Это было рискованным предприятием, так как, с одной стороны, рабочие в то время с опаской относились к усовершенствованиям и рассматривали машины как конкурентов ручному труду, с другой — новый ассортимент был недоброжелательно принят покупателями. Предпринимателю нужно было обладать упорством и неутомимой энергией, чтобы преодолеть эти препятствия. Постепенно Жиро удалось не только сохранить старую клиентуру, но и приобрести новую в лице среднего класса. В 1886 г. Жиро за полгода возводит еще одно здание, в котором устанавливает новые станки, паровые генераторы, двигатели и динамо-машину для электрического освещения. Следует отметить, что это был первый в Москве опыт применения электроэнергии в промышленном масштабе. Два генератора мощностью 60 000 ватт питали тысячу ламп накаливания³⁸ (см. рис. 3—4 Приложения).

К 1895 г. на фабрике работали уже 1300 механических, 80 ручных станков и все оборудование, необходимое для замкнутого цикла производства: размотки, снования, сучения, крашения и аппретуры. 11 котлов и 4 паровых машины общей мощностью 500 л. с. снабжали фабрику энергией. 15 французских мастеров и начальников цехов управляли производством и 2200 рабочих обслуживали станки и получали кров и пищу. Начав в первом операционном году со 135 тыс. аршин³⁹, через двадцать пять лет производство тканей достигло 15 млн. аршин. Ассортимент продукции был достаточно широк: крашеный штучный товар, сатин, сура, дамаст, подкладочная и модные фасонные ткани. В 1897 г. Клод Жиро был представлен к награждению орденом Почетного Легиона, и эта награда ему была вручена президентом Французской Республики Феликсом Фором во время его официального визита в Россию⁴⁰. После смерти Клода Жиро в 1904 г. его сыновья Поль, Виктор и Андрей продолжили дело отца. Капитал предприятия к тому времени составлял полтора миллиона рублей. В октябре 1911 фабрика преобразуется в акционерное общество с капиталом в 8 млн. руб.⁴¹ Основными акционерами выступают братья Жиро — по 10 000 акций стоимостью 200 руб., затем следуют зятья основателя фабрики — Поль Пети, Анри Пирэ (по 2 500 акций), Александр Брокер с супругой (по 750 акций); вдове Клода Жиро принадлежало 1 100 акций. Список замыкают несколько близких семье лиц, и только один банк («Union Parisien» — «Парижский Союз») принял скромное участие приобретением 500 акций⁴². В 1914 г. общество увеличивает свой капитал выпуском привилегированных акций, и они сразу же выставляются на биржу по первому курсу в 275 руб. за

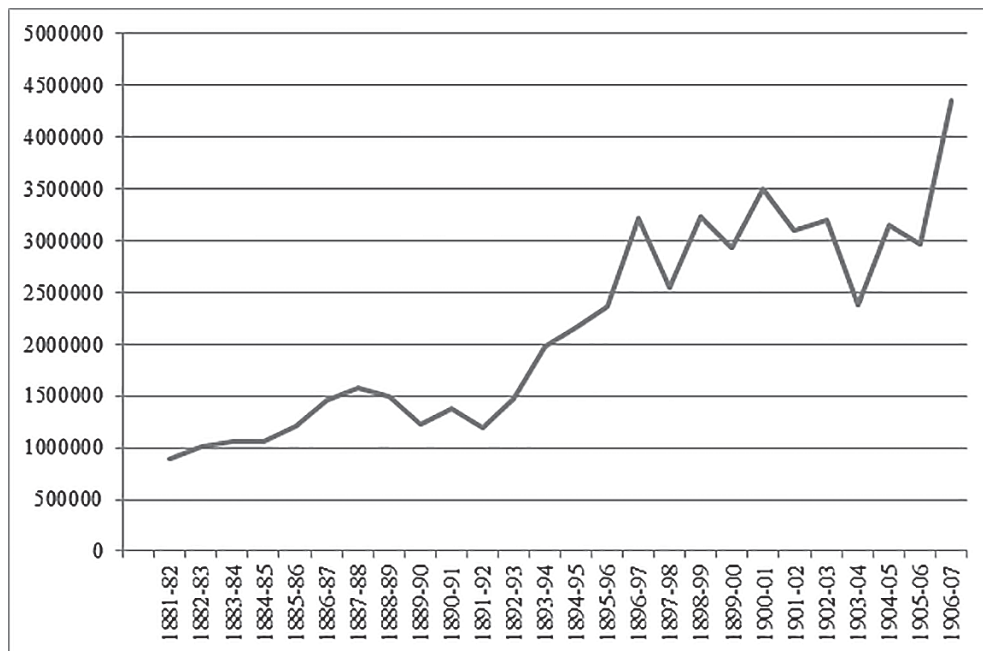
единицу⁴³. Накануне революции ежегодный оборот предприятия составил 15 млн. руб. с прибылью около 3 млн. руб.⁴⁴.

Вторая по значимости фабрика, «Товарищество Шелковой Мануфактуры в Москве», образована с уставным капиталом в 800 тыс. руб. в 1881 г.⁴⁵ от слияния двух предприятий — фабрики Пьера Гужона (основанной до 1842 г.)⁴⁶ и мануфактуры Жан-Пьера Мусси (основанной в 1871 г.)⁴⁷. В 1895 г. на фабрике работают 600 ручных станков и 80 механических для изготовления бархата; имеется также красильный, аппретурный, сучильный и сновальный цеха; 1200 рабочих заняты на производстве. Ассортимент продукции включает бархат однотонный и фасонный, узорчатые ткани и модные новинки⁴⁸. В 1906 г. товарищество открывает свой филиал в г. Киржач Владимирской губернии. К этому времени на основном производстве трудятся уже 3 тыс. рабочих, филиал обслуживает 250 чел. За 1910—1911 операционный год оборот фабрики достигает 6 млн. руб. с чистой прибылью в 1 млн.⁴⁹ Накануне Первой мировой войны базовый капитал товарищества составляет 3,25 млн. руб. (13 000 акций по 250 руб.), рабочих на фабрике 3250 чел. В совет директоров входят: Ю. Гужон, А. Мусси, А. Мейер⁵⁰. Начиная с года основания, фабрика получает право изображать на своей продукции государственный герб.

Исходя из имеющихся архивных данных возможно изобразить в графической форме обороты предприятия за 1882—1907 гг.:

График 1

Обороты Товарищества Шелковой Мануфактуры в Москве, руб.

Источник: ЦГАМ. Ф. 349. Оп. 1. Д. 385. Л. 13.

В начале деятельности предприятия наблюдается медленный, но стабильный прогресс (1882—1887 гг.); колебания 1889—1892 гг. связаны с неурожаем этих лет и голодом 1890—1891 гг., затронувшим 29 губерний России⁵¹. Скачок 1893—1897 гг. свидетельствует о нормализации экономической ситуации в стране и повышении спроса; новые колебания в 1897—1903 гг. связаны с экономическим кризисом⁵²; военные действия на Дальнем Востоке отразились на объемах продаж в 1903—1904 гг. и, безусловно, всплеск рабочего движения и первая русская революция 1905—1906 гг. негативно повлияли на оборот предприятия⁵³. Наконец, со стабилизацией политической ситуации в стране продажи подскочили в 1906—1907 гг. Таким образом, за 25 лет деятельности обороты товарищества увеличились в 5 раз. К сожалению, архива товарищества найти пока не удалось, поэтому все сведения о его деятельности извлечены из различных источников.

История основания фабрик Жиро, Гужона и Мусси имеет много общих черт. Клод Жиро прибывает в Россию в 1860 г. по приглашению российского фабриканта Истомина, на которого лионский ткач трудится около десяти лет перед тем, как начать самостоятельную деятельность в начале 1870-х гг.⁵⁴. Жан-Пьер Мусси приезжает примерно в то же время и, скорее всего, работает на того же хозяина⁵⁵. Пьер Гужон покидает родину гораздо раньше двух предыдущих ткачей, в 1833 г.⁵⁶. Не известно, работает ли он вначале на одной из русских фабрик, но тот факт, что уже в 1842 г. он имеет свою фабрику и использует труд наемных рабочих, подтверждается архивными материалами⁵⁷.

Что касается товарищества «Симоно и Ко», история его основания кардинально отличается от двух предыдущих. Гектор Симоно привез в Россию не только свой опыт, но и капиталы, при помощи которых он покупает в 1880 г. фабрику у наследников П. Гужона. В историографии встречаются только короткие упоминания о существовании этой фабрики. Тем не менее, ее фонд под номером 349, хранящийся в ЦГА г. Москвы, достаточно богат. Он содержит подробные бухгалтерские книги с клиентской базой, что позволяет выявить географическое расположение потребителей, их национальную принадлежность, объемы продаж; обширную переписку с поставщиками сырья, оборудования, услуг; протоколы собраний и списки акционеров и сотрудников предприятия. К сожалению, в фонде хранятся документы начиная с 1888 г., поэтому сложно сказать, каким образом происходило становление и развитие предприятия в первое десятилетие после основания. Вполне вероятно, что в имеющемся в фонде списке акционеров, датированном 1913 годом, не произошло особых изменений, и возможно предположить, что и в момент основания основными пайщиками товарищества являлись Гектор Симоно и его партнер из Лиона Альфред Л'Эплаттенъ⁵⁸. В 1913 г. состав акционеров (товарищество преобразовано в акционерное общество в 1907 г.) был следующим: восемь граждан Франции, пятеро российских подданных, один бельгийский и один австрийский. Основатель фабрики, Гектор Симоно, является держателем 927 акций стоимостью 927 000 руб., у его лионского партнера Л'Эплаттенъ 690 акций. Российские же вкладчики имеют всего 114 акций⁵⁹. Таким образом, предприятие Симоно вполне можно назвать мультинациональной компанией с преобладанием французского капитала. Свои финансовые операции товарищество производит при помощи банков «Сосьетэ Женераль» и «Креди Лионэ»

и имеет дела с их агентствами в Лионе, Париже, Марселе, Москве, Санкт-Петербурге и Одессе. Поскольку мануфактура не имеет своей красильни, она прибегает к услугам фабрики «Ватреме и Ко» из подмосковной Ивантеевки. В 1888 г. Симоно открывает вторую фабрику в д. Беседы Аксеновской волости Богородского уезда, широко известными традициями обработки шелка. Для реализации своей продукции общество создает торговый дом с основным складом в Теплых рядах⁶⁰. Кроме того, товарищество имеет собственные оптово-розничные магазины в Санкт-Петербурге (основан в 1907 г.), Одессе (1912) и Варшаве (1915). К 1911 г. объемы продаж достигают трех млн. руб. В июле 1914 г. газета «Голос Москвы» публикует выдержку из протокола собрания акционеров, в котором отмечается, что прибыль предприятия за 1913—1914 операционный год составила почти 500 тыс. руб.⁶¹

В 1908 г., во время кризиса, руководство трех изучаемых фабрик предприняло попытку объединения с целью «изыскания способов выхода из неблагоприятной ситуации, в которой оказались их предприятия в связи со все нарастающей конкуренцией»⁶². Фабриканты планировали унифицировать продажи, объединив производственные мощности и склады готовой продукции. Процессом объединения должен был управлять квалифицированный персонал, назначенный советом директоров всех фабрик. При этом собственники оставляли за собой право контроля над производством своих предприятий. Однако предпринимателям так и не удалось прийти к единому мнению в вопросе распределения прибыли, и переговоры прекратились в 1909 г. с оживлением экономической ситуации в стране.

Почему возникла идея соединения именно этих трех шелковых фабрик? Чтобы ответить на этот вопрос, было необходимо произвести генеалогические исследования. Как выяснилось, помимо французского происхождения, члены этой ассоциации были объединены еще и родственными связями. Так, Жан-Пьер Мусси был женат на Анне Гужон; дочь Виктора Жиро вышла замуж за сына Андрея Мусси. Что касается Гектора Симоно, на данный момент не удалось выявить его родственных связей с семьями Жиро, Гужон и Мусси. Вполне вероятно, что он был принят в этот «клуб» на правах нового собственника бывшей фабрики Гужона.

Помимо своей профессиональной деятельности, французские предприниматели активно участвовали в общественной жизни, не ограничиваясь при этом рамками французской колонии. Их финансовое участие в поддержке деятельности прихода французской церкви Святого Людовика, двух приходских школ и приюта Святой Дарьи подтверждается архивными данными, а Ю. Гужон и В. Жиро входили в попечительский совет церкви⁶³. Поль Жиро являлся членом совета Объединенного Банка⁶⁴, президентом общества «Богатырь», директором торгового дома «Либерж», директором общества жилищного строительства и телефонных сооружений, президентом московского благотворительного общества. Юлий Гужон был выборным представителем биржевого общества (1885), членом общества промышленников и фабрикантов Московского промышленного района и его президентом (1907—1917), выборным от общества московских купцов, председателем железнодорожного комитета биржевого общества⁶⁵. Андрей Мусси⁶⁶ и Гектор Симоно представляли совет шко-

лы Святого Филиппа Нерийского⁶⁷. Кроме того, Симоно являлся основателем и председателем общества по надзору за паровыми котлами⁶⁸.

В 1918 г. все текстильные фабрики были национализированы. Не всем их собственникам удалось избежать преследования новых властей. Сыновья Клода Жиро — Поль и Андрей — были заключены сначала в Бутырскую тюрьму⁶⁹, затем в декабре 1919 г. перемещены в Андрониевский концентрационный лагерь и содержались там в качестве заложников вплоть до октября 1920 г.⁷⁰ Юлий Гужон был убит на своей даче в Крыму, под Ялтой, в 1918 г.⁷¹ Гектор Симоно с семьей покинул Россию еще в 1912 г., доверив управление фабрикой Альфреду Л'Эплаттенье (его возвращение на родину через Сибирь, Китай и Америку заняло несколько месяцев⁷²) и Николаю Москвитину⁷³ (он некоторое время до закрытия фабрики работал в её дирекции, а в 1928 г. обследовал фабрики «Шелкотреста» в составе ревизионной комиссии⁷⁴). Семье Мусси также удалось вернуться во Францию⁷⁵ в 1920 г. В 1918 г. они еще оставались в Москве, присутствуя 27 мая на бракосочетании лейтенанта Французской Военной Миссии в России Жан-Пьера, сына Андрея Мусси, с Луизой-Лаурой, дочерью Виктора Жиро⁷⁶.

Таким образом, несмотря на бюрократические, организационные и финансовые препятствия, французским ткачам удалось не только основать в России свои фабрики, но и развить их, успешно конкурируя с отечественными производителями шелковых тканей. Российская Империя, богатая человеческими ресурсами и обладающая огромным спросом на мануфактурную продукцию, позволила этим предпринимателям занять выгодную позицию на российском рынке в обмен на опыт, мастерство, технологии и вложенные капиталы.

Библиография

- Cayez P.* Crises et croissance de l'industrie lyonnaise, 1850—1900. Paris, 1980.
- Dartevelle R.* «Paysages et risques industrielles en Russie en 1906», dans Charon Annie, Delmas Bruno, Le Goff Armelle // La France et les Français en Russie. Nouvelles sources et approches (1815—1917). Paris, 2011.
- Klein J.-F.* «Natalis Rondot (1844—1860). Un «technologue» libéral de la laine au service des soyeux» // Tisser l'histoire. L'industrie et ses patrons. XVIe—XXe siècle. Mélanges offerts à Serge Chassagne. Textes rassemblés par René Favier, Gérard Gayot, Jean-François Klein, Didier Terrier, Denis Woronoff. Valenciennes, 2009.
- Morin J.* Souvenirs d'un banquier français. Paris, 1983.
- Барышников М.Н.* Деловой мир России: историко-библиографический справочник. СПб., 1998.
- Бородкин Л.И., Валетов Т.Я., Смирнова Ю.Б., Шильникова И.В.* «Не рублем единым»: трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России. М., 2010.
- Васильчикова Л.Л.* Исчезнувшая Россия. Воспоминания княгини Лидии Леонидовны Васильчиковой, 1886—1919. СПб., 1995.
- Литвинов-Фалинский В.П.* Шелковая промышленность в России. СПб., 1902.
- Пажитнов К.А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льно-пеньковая и шелковая промышленность. М., 1958.
- Петров Ю.А.* Династия Рябушинских. М., 1997.
- Поткина И.В.* На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых. 1797—1917, М., 2004.
- Туган-Барановский М.И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПб., 1898.
- Эфрос Г.М.* Шелковая промышленность России и наша таможенная политика. М., 1918.

Приложения

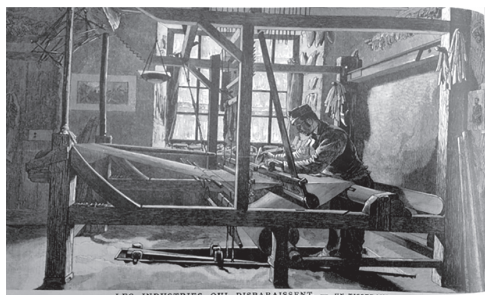

Рисунок 1. «Исчезающие профессии». Источник: L'Illustration. 1882. 17 июня.

Рисунок 2. «Без работы». Источник: L'Illustration. 25 октября 1884. 25 октября.

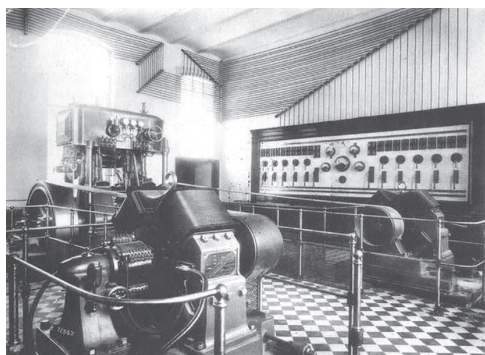

Рисунок 3. Электростанция на 90 000 Ватт. Источник: Industrie de la soie en Russie. Usines Claude Giraud à Moscou, 1875—1900, (Шелковая промышленность в России. Заводы Клода Жиро в Москве, 1875—1900). Paris, 1900.

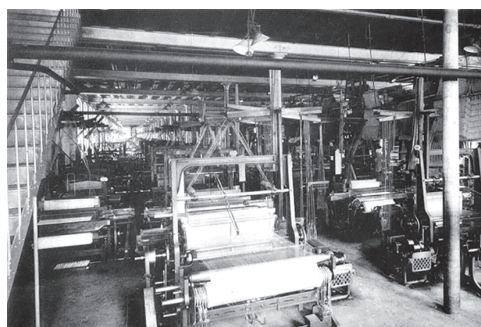

Рисунок 4. Цех механического ткачества. Источник: тот же.

Примечания

- ¹ Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПб., 1898.
- ² Литвинов-Фалинский В.П. Шелковая промышленность в России. СПб., 1902.
- ³ Эфрос Г.М. Шелковая промышленность России и наша таможенная политика. М., 1918.
- ⁴ Пажитнов К.А. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льно-пеньковая и шелковая промышленность. М., 1958.
- ⁵ Поткина И.В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797—1917. М., 2004.
- ⁶ Бородин Л.И., Валетов Т.Я., Смирнова Ю.Б., Шильникова И.В. «Не рублем единым»: трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России. М., 2010.
- ⁷ Петров Ю.А. Династия Рябушинских. М., 1997.
- ⁸ Sayez P. Crises et croissance de l'industrie lyonnaise, 1850—1900. Paris, 1980. P. 31.
- ⁹ Там же. С. 31.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Франсуа Бартеlemi Арлес-Дюфур (1797—1872), французский предприниматель, общественный деятель, торговец шелком, один из основателей банка «Лионский Кредит».
- ¹² Klein J.-F. «Natalis Rondot (1844—1860). Un «technologue» libéral de la laine au service des soyeux» // Tisser l'histoire. L'industrie et ses patrons. XVIe—XXe siècle. Mélanges offerts à Serge Chassagne.

Textes rassemblés par René Favier, Gérard Gayot, Jean-François Klein, Didier Terrier, Denis Woronoff. Valenciennes, 2009. P. 222. Трежа — размотанная из коконов шелковая нить, основное сырье для шелковой промышленности.

¹³ *L'Illustration*. 1882. 17 июня.

¹⁴ 17 июня 1882 года журнал *L'Illustration* пишет: «Раньше эта профессия была широко распространена в сельской местности. Трудно было найти деревню, в которой бы не работал один или несколько ткачей. Сегодня количество их можно пересчитать по пальцам. Поспешим посетить одну из ткацких мастерских, иначе мы рискуем не успеть этого сделать». (*L'Illustration*. 1882. 17 июня.). В 1884 году ситуация обостряется: «...какими бы преувеличенными не были первые публикации на этот сюжет, но, к несчастью, кризис настолько реален, и дело не только в общих проблемах экономики, что может иметь, как следствие, трансформацию всей шелковой промышленности... К сожалению, массовое производство диктует законы рынка. Отсюда — медленный декаданс профессии, ускоряющийся с настоящим кризисом». (*L'Illustration*. 1884. 18 октября.). Здесь и далее — перевод с французского автора статьи.

¹⁵ *Compte rendu des travaux du Conseil de prud'hommes de la soierie pendant l'année 1882, présenté par M. Chepié, Président du Conseil*. (Сводный отчет о работах конфликтно-трудовой комиссии шелкового производства за 1882 год, представленный г-ном Шепье, председателем этой комиссии). Lyon, 1883.

¹⁶ Журнал *L'Illustration* от 17 июля 1882 г. пишет по этому поводу: «Это плачевное состояние, которое продлится еще неизвестно сколько времени, незаметно приведет наши ткацкие мастерские к исчезновению, а самых умных и трудолюбивых рабочих — к крайней бедности. Периодическая безработица и понижение заработной платы до уровня, при котором невозможно удовлетворить самые необходимые потребности, приводит их в глубокое уныние и толкает на необходимость покидать, к их глубокому сожалению, родные края ... и увозить за границу профессиональные секреты, которые являлись на протяжении нескольких веков предметом гордости нашего города и способствовали приумножению национального достоинства».

¹⁷ *Un mot sur les fabriques étrangères de soierie, à propos de l'exposition de leurs produits, faite par la chambre de commerce de Lyon; par M. A.-D..., Négociant, Membre de la Chambre de Commerce* (Несколько слов об иностранной шелковой промышленности, по поводу выставки их продукции, организованной торговой палатой Лиона; г-н А.-Д..., Член торговой палаты). Lyon, 1834.

¹⁸ Дипломатический архив Министерства Иностранных Дел Франции, далее — ADMAE. 38NCOM. Tome 5. Correspondance commerciale... L. 110.

¹⁹ В 1877 г. 100 франков равнялось 31—32 руб., а в 1878 уже 52 руб.

²⁰ «Гостиный двор, торговый центр города, огромный базар, где ведутся разного рода дела, был буквально наводнен торговцами, прибывшими из юго-западных провинций, казаками с Дона, Урала и берегов Черного моря, армянами, персами и сибиряками» (ADMAE. 6718 Moscou, Rapport du Consul de France à Moscou sur la foire de Nijni Novgorod, le 22 août 1878. Л. 14—26).

²¹ ADMAE. 38NCOM. Tome 5. Correspondance commerciale... Л. 110.

²² Там же.

²³ Центральный Государственный Архив Москвы, далее — ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 28. Д. 200. Л. 2.

²⁴ Там же. Оп. 24. Д. 2673. Л. 1.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Ф.16. Оп. 24. Д. 2673. Л. 2.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 4.

²⁹ Там же. Л.7.

³⁰ Там же. Оп. 26. Д. 245.

³¹ Там же. Оп. 28. Д. 901.

³² ЦГАМ. Ф.16. Оп. 23. Д. 1476. Л. 1.

³³ Там же. Ф.16. Оп. 23. Д. 1476. Л. 4.

³⁴ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 27. Д. 834.

³⁵ *Morin J. Souvenirs d'un banquier français*. Paris, 1983. P. 327.

³⁶ На русский манер основателя фабрики звали Клавдием Осиповичем.

³⁷ *Industrie de la soie en Russie. Usines Claude Giraud à Moscou, 1875—1900*, (Шелковая промышленность в России. Заводы Клода Жиро в Москве, 1875—1900). Paris, 1900.

³⁸ Там же.

³⁹ 1 аршин = 0.711 метров

- ⁴⁰ Национальный Архив Франции. 11/48/8 (fonds de la Légion d'honneur). Dossier «Claude Marie Giraud» (1836—1904), dans Dartevelle, Raymond, «Paysages et risques industrielles en Russie en 1906 », dans Charon Annie, Delmas Bruno, Le Goff Armelle, La France et les Français en Russie. Nouvelles sources et approches (1815—1917). Paris, 2011.
- ⁴¹ Dartevelle Raymond. Указ. соч. С. 439.
- ⁴² «Répartition des actions de la société «Claude Giraud Fils» (Распределение акций общества «Клод Жиро Сыновья»). Частный архив семьи Жиро, Франция.
- ⁴³ «Внеочередная ассамблея от 10 (23) апреля 1914 г. одобрила увеличение капитала на четыре млн. руб. выпуском 16 тыс. привилегированных шестипроцентных акций стоимостью 250 руб. каждая. Прибыль по акциям должна будет выплачиваться Обществом в России и во Франции. Эти акции, выпускаемые по номиналу, будут компенсированы на 105% в двадцатилетний срок начиная с 1920 г. Соответственно, ежегодная выплата процентов по акциям составит 240 тыс. руб., затем, учитывая 105%-ю амортизацию, ежегодная финансовая нагрузка составит 357 670 руб. Никаких сведений о применении капитала не указано и сложно предвидеть, в каких пропорциях он будет использоваться на обновление оборудования, расширение предприятия или на необходимое улучшение финансового положения. Прибыль последнего операционного года составила 800 тыс. руб., за вычетом амортизации... С другой стороны, чистые активы предприятия с учетом амортизации на 18 апреля составили 8,8 млн. руб., что, учитывая выручку от продажи акций, сполна гарантирует вложенный капитал». (Архив Банка Кредит Агриколь (ACA). DEEF 49077/2. Л. 5—6.)
- ⁴⁴ ЦГАМ. Ф. 349. Оп. 1. Д. 370. Л. 1.
- ⁴⁵ Statuts de la Société de la Manufacture de Soieries à Moscou. SPb., 1893.
- ⁴⁶ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 13. Д. 251. Л. 1.
- ⁴⁷ *Барышников М.Н.* Деловой мир России: историко-библиографический справочник. СПб., 1998.
- ⁴⁸ ADMAE. 38NCOM. Tome 6. Correspondance commerciale Moscou. 1890—1896. L. 291.
- ⁴⁹ ЦГАМ. Ф. 349. Оп. 1. Д. 385. Л. 13. Bilans de la soie, 1904—1911.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1890—1907. Т. 82.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ ЦГАМ. Ф. 349. Оп.1. Д. 128. Л. 2.
- ⁵⁴ Частный архив семьи Жиро, Франция.
- ⁵⁵ В свидетельстве о рождении Поля, второго сына Клода Жиро, появившегося на свет 22 декабря 1868 г., Жан-Пьер Мусси записан как свидетель, друг отца ребенка и служащий фабрики. (Архив семьи...)
- ⁵⁶ *Барышников Н.М.* Указ. соч.
- ⁵⁷ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 13. Д. 251. «Дело о жалобе солдатки Авдотьи Яковлевой против купца Гужона». Л.1: «Нахожусь я с мужем моим в Голицынской больнице в услужении, имеем у себя дочь Марью, которую мы прошлого 1842 года в январе месяце, тогда ей от роду было 17 лет, отдали ея в учение шелковому мастерству, жившему в Пресницкой части фабриканту Петру Осипову Гужон, по билету, данному из Московского гарнизонного батальона, условия с ним никакого не делали, только словесно с ним, Гужон, договорились чтобы он нашу дочь обучил мастерству с платой ей в год по 50 руб ассигнациями, в случае если нам незаблагорассудится ея у него Гужона оставить, то вольны мы были ея взять обратно без всякого от него Гужона препятствия, и не делать никаких обид как нам, так и дочери нашей, но прошлого 1843 года он Гужон вздумал дочь нашу Марью на фабрике чрез своих работников наказать розгами жестоко, по оному мы явились к нему, Гужону, выговаривали об сей обиде и просили Преснецкого Частного Пристава Г-на Калкунова. Удовлетворение не получили, после оногo опять он Гужон ея наказал в части розгами показывая ея непослушание и будто бы в похищении шелка, которого намерения дочь наша не имела, притом показывал Г-ну частному приставу условие на 5 лет, которого мы с ним не делали, и нигде не подписывали за неумением нас грамоте, предали было все забвению, только просили его чтоб он дочь нашу возвратил обратно, и выдал бы ея билет, он в оном делает заpiresательство, будто бы муж мой от него получил, коего билета у него не брал, он Гужон сего 1844 года перевел свою ф-ку в яузскую часть, и насильно взял нашу дочь с собой, которая в августе месяце сделалась на ф-ке его очень больна, он Гужон по своему лживому условию насильственно требует ее к себе, хотя и по выздоровлении дочери нашей не желаем ее отдать опять к нему на фабрику, за его причиняемые невинные обиды девица совсем не приличится...» — орфография и пунктуация сохранены.

- ⁵⁸ В документах на русском языке эта фамилия пишется как «Леплатень», на французском — «L'Éplattenier».
- ⁵⁹ ЦГАМ. Ф. 349. Оп. 1. Д. 160. Л. 1—3.
- ⁶⁰ Там же. Д. 105. Л. 32.
- ⁶¹ Большая политическая, экономическая и литературная газета «Голос Москвы». 1914. №157. 9 июля.
- ⁶² ЦГАМ. Ф. 349. Оп. 1. Д. 377. Л. 1.
- ⁶³ ЦГАМ. Ф. 2193. Оп. 1. Д. 2. Л. 3—4.
- ⁶⁴ Частный архив семьи Жиро, Франция.
- ⁶⁵ *Барышников Н.М.* Указ. соч.
- ⁶⁶ Андрей, сын Жана-Пьера Мусси, основателя шелкоткацкой фабрики.
- ⁶⁷ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 129. Д. 54
- ⁶⁸ *Барышников Н.М.* Указ. соч.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р393. Оп. 1. Д. 87. Л. 36.
- ⁷¹ *Васильчикова Л.Л.* Исчезнувшая Россия. Воспоминания княгини Лидии Леонидовны Васильчиковой, 1886—1919. СПб., 1995. С. 514—516.
- ⁷² <http://www.eglise-protestante-unie-car.org/foi-en-textes/rencontresavec/item/1267-charles-l-erplattenier-la-bible-pour-passion.html>. Сын Альфреда Л'Эплаттень, Шарль, родившийся в 1921 г., уже после возвращения семьи во Францию, и сохранивший семейные воспоминания, долгое время служил пастором протестантской церкви. Скончался в мае 2016 г.
- ⁷³ ЦГАМ. Ф. 349. Оп. 1. Д. 83. Л. 23.
- ⁷⁴ ГА РФ. Д. 374. Оп. 15. Д. 864. Л. 64.
- ⁷⁵ Частный архив семьи Жиро, Франция.
- ⁷⁶ ЦГАМ. Ф. 2193. Оп.1. Д. 28.

Ульянова Г.Н.*

Женщины-предприниматели Российской империи в 1890-е гг.: экономическая деятельность, социобиографические и этнические параметры

Аннотация: В статье рассмотрен вопрос об экономической активности женщин, их стратегиях в бизнесе в 1890-е гг. Анализируются роль и влияние предпринимательниц в промышленности и торговле крупнейших российских коммерческих центров — Москвы и Петербурга. В 1890-е гг. среди гильдейского купечества женщины составляли 10,7% в Москве и 8,7% в Петербурге, однако спектр их коммерческих интересов расширился в сравнении с предшествующими десятилетиями. Статистические подсчеты позволили выявить тенденцию уменьшения вдов в общем количестве предпринимательниц, при одновременном возрастании значения групп замужних женщин и одиноких женщин. Это свидетельствовало о постепенном разрушении патриархальной гендерной модели. Занятие бизнесом давало возможность обретения финансовой и юридической независимости и стало одним из каналов выхода женщин на экономическую и общественную арену.

Ключевые слова: предпринимательство, купечество, история России в XIX веке, имперская Россия, история женщин.

В конце XIX в. предпринимательство женщин стало играть весьма важную роль в экономике Российской империи. В результате возникла страта предпринимательниц, обладавших значительным личным состоянием. Статистика и биографии демонстрируют как богатые женщины купеческой элиты включались в процесс инвестирования своих денежных средств в промышленные и торговые компании и предприятия. Также в 1890-е гг. в процессе реорганизации крупнейших семейных фирм в паевые товарищества женщины демонстрировали свое значительное влияние в бизнесе, выступая в роли директоров правлений и пайщиков.

Первая всеобщая перепись населения, проведенная 28 января 1897 г. (определившая население Империи в 125,7 млн чел. и долю городского населения в 13,4%), показала, что среди лиц, имевших самостоятельные занятия торговлей, женщины составляли 13,3% (35 694 чел. из 267 989 чел.), в том числе, 166 женщин возглавляли крупнейшие фирмы (2,9% от их общего количества 5695)¹.

Роль женщин-предпринимателей в промышленности и их контроль над производством представлены в главе на основе данных «Перечня фабрик и заводов» (1897 г.) и сопутствующих им аналитических материалов Министерства финансов. Количество женщин-собственниц промышленных предприятий увеличилось на 29% по сравнению с 1884 г. (с 1309 до 1684 чел.), их относительная доля выросла с 4,8% до 6%.

В специальном разделе раскрыты социобиографические параметры и экономическая деятельность женщин-предпринимателей Москвы и Петербурга

* Ульянова Галина Николаевна — доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, galina.ulianova@gmail.com.

в 1895 г., что дает возможность сравнения структуры женского предпринимательства в столицах в 1869 и 1895 гг. В 1890-е гг. среди гильдейского купечества женщины составляли 10,7% в Москве и 8,7% в Петербурге, однако спектр их коммерческих интересов расширился в сравнении с предшествующими десятилетиями.

Завершает статью история из жизни одной из богатейших предпринимательниц Москвы Веры Ивановны Фирсановой. В ней рассказано о попытке Фирсановой вернуть свою личную коммерческую недвижимость, которую она, выйдя замуж, «в порыве любовной страсти» оформила на имя мужа. Но, установив факт измены супруга, Фирсанова использовала юридические способы, чтобы вновь стать обладательницей собственного имущества.

1. 1890-е — десятилетие экономического подъема

1890-е гг. были периодом мощного рывка российской промышленности. При этом увеличение объема промышленного производства с 1890 г. по 1900 г. почти вдвое (с 1582 млн руб. до 3086 млн руб.) происходило параллельно с концентрацией производства на крупных и средних предприятиях (количество предприятий уменьшилось на 26,5% (с 31 979 до 23 488)². Наивысшее увеличение производства отмечалось в добывающих отраслях — нефтяной (в 6,6 раза, доля в общем производстве выросла с 1,9% до 6,4%) и угольной (в 1,7 раза, доля в общем производстве выросла с 1,5% до 2,7%).

Однако наибольшее значение в реструктуризации российской промышленности имело повышение доли производства металлообрабатывающего и машиностроительного сектора. Если в 1890 г. лидировал текстильный сектор (31,4%), далее шел пищевой (31,3%), и на третьем месте металлообработка и машиностроение (16,5%), то к 1900 г. роль машиностроения и металлообработки повысилась до 22,1%, при 26,1% текстильного сектора и 24,9% пищевого в общем объеме производства³.

Согласно выводу Л.Б. Кафенгауза, «общая динамика всей промышленности за 1887—1900 гг. <...> характеризует собою эволюцию всех основных групп промышленности». Ежегодный прирост объема валовой продукции составлял в 1891—1900 гг. от 7,3% (1894 г.) до 13,9% (1899 г.), и таким образом, по результирующему анализу всех показателей, Кафенгауз отметил «упадок 1890—1891 гг. и длительный подъем, непрерывно тянувшийся с 1892 г. по 1900 г.»⁴.

Слабым звеном экономического роста, несмотря на абсолютное увеличение показателей, оставалось низкое применение паровых машин в России по сравнению с развитыми странами Запада. В России суммарная мощность паровых двигателей в промышленности составляла в начале 1890-х гг. 325 тыс. л.с., в то время, как в Германии в 5,7 раза больше, в Великобритании в 10,8 раз больше, в Соединенных Штатах в 21,8 раза больше. Меньшим было отставание на железнодорожном транспорте, где мощность паровых двигателей в России составляла 2 млн л.с., что было близко к показателям Германии (2,3 млн л.с.), в 2 раза меньше, чем в Великобритании, в 8 раз меньше, чем в Соединенных Штатах⁵.

2. Женщины-предприниматели в российской промышленности в 1890-е годы

В 1890-е гг. участие женщин в промышленном производстве возросло, достигнув наивысших показателей за столетие. Для подсчетов были использованы официальные издания Министерства финансов: «Перечень фабрик и заводов», содержащий сведения о 39 тыс. предприятий, и «Материалы для торгово-промышленной статистики» за 1897 г.⁶ Исключив более 4 тыс. польских предприятий, мы работали со списком, включившим 34 723 предприятия.

По «Перечню фабрик и заводов» 1897 г. (далее — *Перечень 1897*) было выявлено 1684 предприятия. Они принадлежали 1711 владелицам (разница в количестве предприятий и владелиц объясняется тем, что некоторые владелицы имели по несколько предприятий, и напротив, одно предприятие могло принадлежать нескольким владелицам из одной семьи). Подсчеты показывают, что на этих предприятиях трудилось 106 тыс. рабочих, и стоимость годовой продукции исчислялась в 150,4 млн руб., что составило 6% общероссийского объема производства. Сводные данные представлены в табл. 1.

Сравнение данных 1884 и 1897 гг. демонстрирует возрастание объема производства (в денежном выражении) на предприятиях, находившихся в собственности женщин, в 2,4 раза — с 63,6 млн руб. до 150,4 млн руб. Для сравнения — за то же время совокупный объем производства российской промышленности вырос в 1,9 раза. Количество рабочих на принадлежавших предпринимательницам заводах и фабриках увеличилось в 1,8 раза — с 57,6 тыс. чел. до 105,8 тыс. чел. (при общем возрастании количества рабочих в России в 2,2 раза)⁷.

Как и ранее, в последнее десятилетие XIX в. в женском промышленном предпринимательстве доминировали текстильная и пищевая отрасли, составляя совокупно 84% (по стоимости выпущенной продукции от всего объема производства на предприятиях в собственности женщин). В текстильной промышленности на принадлежавшем женщинам 201 предприятия производилось 10,6% общероссийского объема производства (стоимость продукции составила 85,7 млн руб.). Количество рабочих исчислялось в 52 452 чел. или 9,9% всех занятых в отрасли. В пищевой промышленности женщинам принадлежало 927 предприятий с 26 377 рабочими (11,6% от всего количества рабочих в отрасли). Годовой объем производства составил 41 млн руб. (6,9% общероссийского показателя).

Среди текстильных предприятий львиную долю продукции производили семейные компании, реорганизованные в конце 1870-х — начале 1890-х гг. в паевые товарищества. Именно эти фирмы наиболее процветали в 1890-е гг., когда объем их производства достиг апогея.

Типичным явлением в 1890-е гг. стало участие женщин в руководстве предприятиями в роли директоров правлений и пайщиков и их значительное влияние на принятие решений, в том числе, финансового характера. Об этом свидетельствуют протоколы заседаний правлений, где зафиксировано присутствие женщин на заседаниях и их личные подписи под принятыми решениями. В состав директората из трех (изредка четырех или пяти) человек входили на полных

Таблица 1

**Количество предприятий в собственности женщин
по отраслям промышленности, 1897 г.**

Отрасль	Количество предприятий в собственности женщин (из общего количества 34 723 предприятий)	Доля продукции предприятий в собственности женщин в общероссийском производстве, % / тыс. руб.	Доля рабочих предприятий в собственности женщин в общероссийской численности рабочих, % / чел.
Текстильная	201 из 3706 209 владельцев	10,6% 85 738 из 807 551	9,9% 52 452 из 527 306
Пищевая	927 (из 14 852) 930 владельцев	6,9% 40 982 из 591 462	11,6% 26 377 из 226 758
Машиностроение и металлообработка	97 (из 2055) 100 владельцев	1,6% 4232 из 265 490	2,9% 5537 из 193 535
Табачная	15 (из 260) 15 владельцев	10,6% 3205 из 30 136	12,8% 4558 из 35 705
Керамическая и кирпичная*	119 (из 2935) 124 владелицы	4,1% 2816 из 68 851	4,9% 6277 из 127 121
Кожевенная	77 (из 3145) 84 владелицы	3,2% 2300 из 71 995	3,5% 1634 из 46 108
Деревообрабатывающая	66 (из 2005) 68 владельцев	2,5% 2300 из 90 281	2,9% 2251 из 77 260
Салотопенная и свечная	33 (из 1051) 33 владелицы	4,9% 2222 из 45 175	4,1% 521 из 12 596
Писчебумажная	35 (из 452) 35 владельцев	5,5% 2155 из 39 043	5,6% 2323 из 41 637
Химическая	43 (из 533) 43 владелицы	3,9% 1857 из 47 115	5,6% 998 из 17 807
Производство спичек	21 (из 159) 20 владельцев	13% 1753 из 14 222	12,3% 1753 из 14 222
Производство карет и повозок	5 (из 204)	24 из 7430	61 из 3941
Производство музыкальных инструментов	2 (из 50)	94 из 2076	71 из 1521
Типографии	43 (из 352)	766 из 2895	1086 из 4545
Прочие: переработка нефти, резиновых изделий и др.	0 (из 160) 0 (из 27) 0 (из 186)	0 из 45 735 0 из 21 468 0 из 7171	0 из 1727 0 из 2337 0 из 7189
Горнодобывающая на Урале	Нет данных	Нет данных	Нет данных
Всего	1684 (из 34 723)	6% 150 444 из 2 506 252	5,9% 105 799 из 1 797 698
Предпринимательниц	1711		

Примечания.

* Производство извести, кирпичей, фаянса, стекла и строительных материалов

** Отрасли размещены в таблице в порядке убывания количества «женских» предприятий

Источник: Перечень фабрик и заводов. СПб., 1897. С. 1—1047.

правах директоров — вдовы, жены, сестры и дочери владельцев-мужчин. По *Переписи 1897* в текстильной отрасли было выявлено 25 товариществ, в состав директората которых входили женщины⁸. Приведем несколько примеров.

Наиболее известным и ярким был пример Марии Федоровны Морозовой (1830—1911), возглавлявшей с 1889 г., после смерти мужа Т.С. Морозова, крупнейшее в России текстильное предприятие — Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и Ко». По данным Министерства финансов в 1890 г. Никольская мануфактура занимала по объему производства второе место среди всех российских предприятий, произведя товаров на сумму 13,3 млн руб. (число рабочих — 17 252 чел.)⁹.

Позицию директора-распорядителя Товарищества Тверской мануфактуры (основано в 1859 г.) после смерти мужа Абрама Морозова в 1883—1892 гг. занимала Варвара Алексеевна Морозова, урожд. Хлудова (1848—1917). Она овдовела в 33 года, оставшись с тремя детьми — 11-летним Михаилом, 10-летним Иваном и 8-летним Арсением¹⁰. Поэтому, пока дети не достигли совершеннолетия, в директорате, в 1880-х — начале 1890-х гг. кроме В.А. Морозовой было четверо директоров, не входивших в состав близких родственников (Я.Ф. Гартунг, В.Г. Чибисов, Е.А. Чикин и В.Ф. Долгинцов)¹¹. Однако в 1890-е гг. директорат вновь обрел семейный характер — наряду с Варварой Алексеевной тремя директорами в этот период были два ее старших сына — Иван и Михаил, и родственник, видный коммерсант Н.П. Алексеев. В 1893—1916 гг. Варвара уступила главенство сыну Ивану, оставаясь одним из четырех директоров. Тверская мануфактура относилась к крупнейшим предприятиям России (1897 г. — годовое производство 6,7 млн руб., 5772 рабочих). По инициативе В.А. Морозовой на фабриках Товарищества Тверской мануфактуры были созданы больница, родильный приют, ясли, сиротский приют, богадельня, «убежище для хроников», библиотека, школа, театр, вечерние курсы для рабочих. Варвара была крупнейшей благотворительницей в Москве, где родилась и прожила всю жизнь. Она пожертвовала свыше 1 млн руб. на медицину и просвещение, в том числе, 0,5 млн руб. на психиатрическую клинику медицинского факультета Московского университета, общежитие в Императорском Московском техническом училище (ныне Бауманское), крупнейшую «Тургеневскую» городскую общедоступную библиотеку. Морозова являлась председательницей Московского женского клуба, и ее особняк в районе Арбата был местом музыкальных и литературных салонов. Овдовев, она жила в гражданском браке с профессором Московского университета Соболевским, главным редактором влиятельной либеральной газеты «Русские ведомости» и, не побоявшись общественного мнения, родила от него двух детей¹².

Еще один пример. Вдова текстильного фабриканта П.Н. Грязнова, Мари-на Никандровна, и его дочь Серафима Петровна (в замужестве Садовникова) были двумя из трех директоров товарищества «Покровской ситце-платочно-набивной мануфактуры П.Н. Грязнова» (основано в 1878 г.) в Иваново-Вознесенске. В 1897 г. на мануфактуре Грязновых годовая продукция составляла 3,2 млн руб., количество рабочих — 609 чел.¹³

После трех поколений мужского руководства, женщины несколько десятилетий доминировали в семейном бизнесе Куваевых, владевших ситце-

вой фабрикой (основана в 1817 г.) в Иваново-Вознесенске. После смерти руководителя фабрики, представителя третьего поколения династии Куваевых — Харлампия, с 1865 г. фабрикой руководила его вдова Екатерина, затем с 1872 г. — единственная дочь Надежда. Надежда, вышедшая замуж за представителя видной текстильной династии Бурьлиных — Николая, вместе с мужем в 1887 г. основала паевое «Товарищество Куваевской ситценабивной мануфактуры» и стала одним из трех директоров (двумя другими были ее муж Н.Г. Бурьлин и их родственник — коммерсант В.Г. Мильников)¹⁴. В 1897 г. было выпущено продукции на 5,5 млн руб., количество рабочих составило 1601 чел.

Следует упомянуть еще одно крупнейшее предприятие, в руководстве которого состояла женщина. Одним из трех директоров и учредительницей «Товарищества мануфактур А.Я. Балина» (с тремя текстильными фабриками в с. Южа Вязниковского у. Владимирской губ., в с. Багрецове Клинского у. Московской губ. и при с. Ваулине Можайского у. Московской губ.) была Илария Николаевна Балина, вдова основателя фамильного дела Асигкрита Яковлевича Балина, а директором-распорядителем стал ее старший сын Николай¹⁵. По данным 1900 г. «Товарищество мануфактур А.Я. Балина» вырабатывало бумажной пряжи на 1,77 млн руб. в год и суровых тканей на 1,3 млн руб. в год. С мелкими побочными фабрикатами годовое производство составляло в сумме 3,14 млн руб. Рабочих на Южской фабрике было 3080, на Ваулинской — 1100, на Клинской — 800 чел.¹⁶.

Подавляющее большинство крупных текстильных предприятий, в руководстве которых участие женщин играло значительную роль, занимались переработкой хлопка и располагались в центральных губерниях, главным образом, в Московской и Владимирской (75 из 201 предприятия)¹⁷.

Причину господства крупных предприятий в российской текстильной отрасли объяснил видный немецкий экономист Герхарт фон Шульце-Геверниц, посетивший Россию в 1890-х гг.: «На Западе крупные промышленные предприятия развились постепенно из средних и мелких. В России крупное производство возникло сразу по воле крупных капиталистов. Таким образом, развитие русской промышленности началось со значительной уже концентрации капиталов. <...> Оказывается, что среднее число веретен на фабрику в Москве и Владимире больше, чем в Англии и Германии»¹⁸.

Шульце-Геверниц писал, что «хлопчатобумажная промышленность в России возникла и развилась, опираясь на местное массовое потребление»¹⁹ и приводил примеры быстрой переориентации низших слоев населения — с домотканной продукции на использование хлопчатобумажных тканей: «В 1895 году я побывал в деревенской лавке одного большого села Воронежской губернии, чтобы получить представление о современном спросе на товары со стороны крестьян. Преобладали разные хлопчатобумажные товары; женщины для нарядов предпочитали яркие цвета ситцев, которые вытеснили невзрачные изделия домашнего производства. Для богатых и искусных вышивок служила хлопчатобумажная машинная пряжа. Единственный товар нерусского происхождения была красная пряжа, которая известна под названием «Müllhouse» — неудачная переделка названия места ее производства <...> (Mühlhausen) в Тюрингии. Мужчины также перешли к хлопчатобумажной одежде <...>

Так как в крестьянских избах обыкновенно бывает чрезвычайно высокая температура, то и мужчины и женщины даже и зимой носят дома бумажную одежду. Выходя на двор, они одевают шубу и сапоги»²⁰.

Таким образом, развитие текстильной промышленности и рост богатства владельцев текстильных предприятий был напрямую связан с изменениями в массовом потреблении. Более дешевая и прочно окрашенная серийная фабричная продукция неизбежно вытесняла продукцию домашнего ткачества.

Что касается пищевого сектора, то паттерн его мало изменился в сравнении с 1880-ми гг. Множество мелких и средних мукомольных и винокуренных предприятий (расположенных, главным образом, в западных и южных губерниях), соседствовало с сахароперерабатывающими заводами-гигантами, принадлежавшими представительницам польской аристократии и украинской буржуазии. По количеству предприятий лидировали Киевская (64 предприятия) и Волынская (57 предприятий) губернии. Из губерний с русским населением наибольшее количество «пищевых» предприятий (49) находилось в Воронежской губ. с ее развитым сельским хозяйством.

Крупнейшей землевладелице графине Марии Евстафьевне Браницкой принадлежали в Киевской губ. 11 предприятий — 4 мельницы (все сдавались в аренду), 2 винокурни, пивоваренный завод и 4 свеклосахарных завода²¹. Их годовое производство в 1897 г. (не включая доходы от аренды мельниц) составило около 2,2 млн руб. при 2010 рабочих. В 1890-е гг. среди лидеров свеклосахарного производства появились украинские предпринимательницы, принадлежавшие к двум семьям магнатов-сахарозаводчиков. В Киевской губ. на заводе, владелицей которого числилась Надежда Федоровна Терешенко, годовое производство составило 415 000 руб. при 464 рабочих. Наталье Максимовне Харитоненко (супруге П.И. Харитоненко) принадлежал крупнейший свеклосахарный завод в с. Николаевка Сумского у. Харьковской губ. (1897 г. — годовое производство 1 142 846 руб., 891 рабочий)²².

В 1890-е гг. повысилась активность предпринимательниц балтийских губерний — Эстляндской (33 предприятия) и Лифляндской (18 предприятий). Особенности этого региона было развитие «пищевых» предприятий (поставлявших продукцию на рынок) в сельских поместьях и то, что большинство владельцев этих поместий принадлежали к элите местного немецкого дворянства (так называемому «остзейскому баронству»). Среди владельцев мелких и средних предприятий, с размером годового производства от 3 до 25 тыс. руб., производивших спирт (из картофеля), сыры, сливочное масло, муку, были: баронесса Наталия Ивановна фон Иксуль (пять предприятий, в том числе, три винокуренных, одна мельница и одна сыроварня), баронесса Александра Оттовна фон Тизенгаузен (два предприятия), баронесса Анна Эдуардовна Буксгевден (два предприятия — по производству спирта и пива), а также баронессы — Юстина Андреевна фон Врангель, Елена фон Рамм, Паулина Людвиговна и Молли Александровна фон Ден, Луиза фон Ренненкампф, Каролина фон Лилиенфельдт, Жозефина Эдуардовна фон Багвут (урожд. баронесса Унгерн-Штернберг), Мария фон Вреде и др.²³

Для иллюстрации высокого уровня полиэтничности женского предпринимательства (этот показатель не поддается полным подсчетам, но может быть

представлен в виде множества примеров), отметим появление в 1890-е гг. гречанок и армянок в качестве владельцев предприятий пищевой отрасли в южных губерниях с русским населением (например, в Донской области). Гречанка Колимира Номикос в Таганроге владела двумя макаронными фабриками (на обеих годовое производство 43 350 руб., 37 рабочих), еще одна гречанка Поликсения Аподиако — макаронной фабрикой (годовое производство 6970 руб., 10 рабочих). Армянка Персане Налбандова учредила собственный торговый дом для продажи макарон и вермишели, производимых на ее фабрике (годовое производство 35 000 руб., 22 рабочих). Для учреждения «Торгового дома Налбандовой и Ко», начальный капитал, наряду с Персане, внесли два вкладчика-мужчины²⁴.

В 1890-е гг. расширилось также региональное распространение женского предпринимательства. Согласно *Перечню 1897*, ряд крупных предпринимательниц оперировал в пищевой отрасли в Сибири. К примеру, купчиха М.А. Гусева в с. Шушенском близ Минусинска Енисейской округи владела мельницей, устроенной, видимо, в 1874 г. ее умершим мужем (1897 г. — годовое производство 63 610 руб., 19 рабочих), и также существовавшим с 1889 г. сахарным заводом (1897 г. — годовое производство 153 127 руб., 161 рабочих)²⁵.

В изучаемое десятилетие наблюдалось такое новое явление, как успешное развитие предприятий с чисто женским коллективным руководством, в том числе, в отраслях, которые не относились к традиционно феминизированным сегментам предпринимательства, например, в производстве металлоизделий. Интересный материал дает реконструкция истории дела сестер Завьяловых — одной из известнейших в России фирм по производству столовых и других ножей, ножниц и бритв.

Завьяловы были уроженцами села Ворсма (Горбатовский у. Нижегородской губ.), с XVIII в. славящегося производством ножей и насчитывавшего в середине XIX в. около сотни кузниц. Ворсма (как и текстильный центр Иваново) принадлежала графу Шереметеву, а Иван Гаврилович Завьялов, основавший в 1825 г. первое семейное предприятие, был крепостным крестьянином Шереметева (выкупившимся на волю в конце 1850-х гг.). После смерти Ивана завод перешёл к его старшему сыну Алексею, после которого (около сер. 1870-х гг.) предприятие унаследовали вдова Алексея Анна и незамужние сестры Алексея — Любовь и Анфиса. В их совместном владении было предприятие, где производились «ножи столовые с разными перламутровыми, костяными, каменными, металлическими и деревянными черенками; ножи перочинные с перламутровыми, черепаховыми, слоновой, мамонтовой и моржовой кости, оленьего, буйволового и простого рога и деревянными черенками; ножи дорожные...; кинжалы...; ножи садовые...; бритвы, ножницы — конторские, садовые, портновские и дамские разного рода; инструменты хирургические; слесарные...; столярные и плотничьи, токарные...»²⁶.

Изделия завода Завьяловых славились чистотой отделки, что подтверждалось получением ими медали с надписью «*Honoris Causa*» за образцы стальных ножей, представленные на всемирной выставке в Лондоне в 1862 г. Этот факт обыгран в романе Ф.М. Достоевского «*Подросток*», где один из героев произносит фразу: «Чувство патриотизма тоже удовлетворено: например, еще анек-

дот есть <...>, что Завьялову англичане миллионы давали с тем только, чтобы он клейма не клал на свои изделия»²⁷.

В период женского руководства во второй пол. 1870-х — 1890-х гг. фирма неуклонно крепла: с 1879 по 1897 г. годовое производство выросло со 100 000 руб. до 214 819 руб.; количество рабочих — с 300 чел. до 1055 чел. Наряду с заводом в Ворсме, действовал второй завод (производивший только столовые приборы) в с. Новоселки Владимирской губ.²⁸ В конце 1870-х гг. (после смерти Анны) предприятие Завьяловых было преобразовано в «Товарищество производства стальных изделий Л. и А. Завьяловых в Ворсме» с правлением в Москве, и владелицами его стали две сестры — Анфиса и Любовь. С 1878 г. старшая, в то время 34-летняя, сестра Анфиса Завьялова записалась во вторую гильдию московского купечества²⁹. Обе сестры не вышли замуж, и бизнес стал смыслом их существования. В Москве, в Китай-городе, на Никольской ул., были арендованы (на имя Анфисы) в престижных торговых помещениях, принадлежавших графу Шереметеву, помещения для конторы и главного магазина (после 1900 г. фирма переехала в Третьяковский проезд). Сбыт изделий осуществлялся, как гласила реклама, «в Москве, Петербурге, Малороссии, Сибири, Польше, на Кавказе, в Персии».

Пример Завьяловых демонстрирует, что владелицы направляли свои усилия не только на развитие производства. Элементами их стратегии также были: перенос правления в Москву и вхождение в московское купечество, что позволило подняться на уровень общероссийской предпринимательской сети; развитие второго завода в близкой к Москве Владимирской губернии; расширение сбытовой сети, охватившей все регионы Империи. Большим успехом завьяловского дела стало получение золотой медали на всемирной выставке 1900 г. в Париже.

Завершая анализ роли женщин-предпринимательниц в индустриальном развитии, следует отметить еще два момента, не проявившихся в промышленной статистике до 1890-х гг.

Во-первых, значительное развитие получает писчебумажное и полиграфическое производство, и *Перечень 1897* дает информацию о 43 предприятиях в этой отрасли (из общего количества 352), которыми владели женщины (1897 г. — суммарное годовое производство 766 000 руб., 1086 рабочих). Среди наиболее крупных предприятий числились, к примеру, типографии Евгении Дмитриевны Безценной в Архангельске (годовое производство 9607 руб., 15 рабочих), Сары Сыркиной в Вильне под названием «Русская книжная торговля и типография А.Г. Сыркина» (51 815 руб., 58 рабочих), Евпраксии Ивановны Гребенщиковой в Воронеже (11 791 руб., 21 рабочий), Варвары Алексеевны Гатцук и Александры Ивановны Снегиревой в Москве (соответственно, 60 000 руб., 19 рабочих, и 27 726 руб., 72 рабочих), Надежды Алексеевны Сентяниной в Орле (65 000 руб., 69 рабочих)³⁰.

Во-вторых, новым направлением становится производство готовой одежды. *Перечень 1897* дает сведения о 13 предприятиях, в том числе, восьми в Москве, двух в Харькове и губернии, по одному — в Казани, Екатеринбурге, Петербурге. Эти фабрики были созданы, главным образом, в 1890-е гг. (некоторые ранее). В качестве примера приведем московскую фирму, носившую

имя хозяйки, «Мария Надежина-Черкасова» (основана в 1865 г.). Под этой торговой маркой производились меховые изделия: шубы, ротонды, муфты, шляпы. Годовое производство фабрики, находившейся на Чистопрудном бульваре, составило в 1897 г. 10 000 руб., при 22 рабочих. На другой фабрике (основана в 1894 г.), принадлежавшей Клавдии Николаевне Муравьевой и находившейся в с. Старинки Бронницкого у. Московской губ., шились мужские и женские пальто, потом продаваемые в московских магазинах. У Муравьевой портными работали только мужчины (25 чел.). Годовое производство в 1897 г. составило 10 000 руб.³¹

Конец XIX в. принес качественные сдвиги в структуре потребления. Это определило развитие промышленных предприятий, находившихся в собственности женщин. Насколько это повлияло на структуру «женской» торговли будет рассмотрено далее.

3. Женщины-предприниматели Москвы и Петербурга в 1895 г.: социобиографические параметры и экономическая деятельность

Для выяснения социобиографических параметров и структуры экономической деятельности были использованы «Справочные книги» по Петербургу и Москве за 1895 г.³² Выбор Москвы и Петербурга был обусловлен исключительной ролью двух «столиц» в торгово-промышленной жизни Империи. Согласно переписи 1897 г. доля купцов и почетных граждан составляла: во всем населении Империи 0,49%, в губерниях Европейской России 0,59%, в Петербурге же и в Москве достигала наивысших показателей — соответственно 3,98% и 3,95%³³.

Среди петербургского купечества в 1895 г. женщины составили 8,7% (529 чел. из 6064 чел.), среди московского 10,7% (564 чел. из 5274 чел.). В сравнении с показателями 1869 г. абсолютное количество предпринимательниц выросло в Петербурге (1869 г.— 501 чел.), уменьшилось в Москве (1869 г.— 583 чел.).

Далее рассмотрим этнические, возрастные параметры, элитную группу купчих первой гильдии, распределение предпринимательниц по роду занятий и брачному статусу.

Этнические параметры. В Петербурге русских было 410 чел. (77,5%), немок — 54 (10,2%), евреек — 23 (4,35%), француженок — 19 (3,6%), англичанок — 6 (1,15%); прочих 17, в том числе, четыре финки, две шведки, две швейцарки и две бельгийки, по одной украинке, польке, австрийке, армянке, гречанке, караимке и болгарке (в общей сложности 3,2%).

В Москве русских было 462 чел. (81,9%), немок — 41 (7,3%), евреек — 17 (3%), француженок — 13 (2,3%), а также прочих 31 чел., а именно: шесть англичанок и шесть австриек, пять полек, три караимки, по две шведки, швейцарки, бельгийки, украинки, по одной армянке, гречанке и финке (в общей сложности 5,5%).

Фактически, в 1890-е гг., параметры этнического состава петербургских и московских предпринимательниц имели малые отличия. Усиление инонацио-

нального компонента (с 8,9% в 1869 г. до 18,1% в 1895 г.) среди предпринимательниц Москвы свидетельствовало об интернационализации этой группы и коммерческой жизни Москвы в целом.

Возрастная стратификация. Наиболее активную группу в Петербурге представляли предпринимательницы в возрасте от 31 до 60 лет, доля которых составляла 72,4%, в том числе в возрасте 31—40 лет — 108 чел. (20,4%); в возрасте 41—50 лет — 135 чел. (25,5%) и в возрасте 51—60 лет — 140 чел. (26,5%). Пять человек были моложе 20 лет (0,95%); 44 чел. (8,3%) были в возрасте 21—30 лет, 97 чел. были в пожилом возрасте (18,35%), в том числе в возрасте 61—70 лет — 75 чел. (14,2%) и в возрасте старше 70 лет — 22 чел. (4,15%).

Старейшей в петербургской группе была 82-летняя купчиха второй гильдии Таисия Константиновна Звездина, уроженка Рыбинска Ярославской губ. Она состояла в петербургском купечестве с 1859 г. (то есть, 36 лет к 1895 г.), торговала «шубным товаром» в Александровской линии Апраксина двора³⁴.

Похожей была ситуация в Москве, где также большинство предпринимательниц, записанных в купеческое сословие, входило в возрастную группу от 31 до 60 лет (75,4% от общего количества). В том числе в возрасте 31—40 лет было 130 чел. (23,05%); в возрасте 41—50 лет — 162 чел. (28,7%); в возрасте 51—60 лет — 133 чел. (23,6%). Три человека были моложе 20 лет (0,5%), 50 чел. (8,9%) — в возрасте между 21 и 30 годами. 86 чел. (15,25%) было пожилого возраста, в том числе, в возрасте 61—70 лет — 73 чел. (12,95%); и свыше 70 лет — 13 чел. (2,3%).

Старейшей московской купчихой являлась 80-летняя Пелагея Петровна Серебренникова, уроженка Тульской губ., поступившая в московское купечество в возрасте 66 лет (до этого она записывалась в местное Одоевское купечество и в 1895 г. также числилась живущей в г. Одоеве). П.П. Серебренникова вела оптовую торговлю хлебом «в лабазах Андреева» на крупнейшем из шести московских вокзалов — Курском³⁵.

Статистические данные показывают, что по сравнению с 1869 г. возрастная стратификация предпринимательниц Петербурга и Москвы не претерпела сильных изменений, но при этом показатели среднего возраста сблизилась, уменьшившись в Москве (1869 — 54,4 г., 1895 — 51,1 г.) и слегка увеличившись в Петербурге (1869 г. — 47,7 г., 1895 г. — 48,6 г.). Это было связано с увеличением доли замужних женщин активных возрастов среди предпринимательниц, записанных в купеческое сословие.

Анализ этнических и возрастных параметров приводит к выводу о том, что московская купеческая корпорация сравнивалась с петербургской по степени открытости и гибкости. (Ранее, по данным 1869 г., Петербург демонстрировал большую открытость купеческой корпорации для женщин, чем в Москве.)

Далее мы рассмотрим, какие сходства и отличия существовали в составе купчих первой гильдии Петербурга и Москвы.

Группа купчих первой гильдии. В 1895 г. численность купчих первой гильдии увеличилась, по сравнению с 1869 г., в Петербурге в 1,8 раза, в Москве в 1,3 раза. В 1895 г. в первую гильдию петербургского купечества было записано 27 женщин (в 1869 г. — 15 чел.), что составляло 5,1% от общего количества 529 (в 1869 г. — 501). В Москве в первой гильдии числилось

44 женщины (в 1869 г. — 34), что составляло 7,8% от общего количества 564 (в 1869 г. — 583).

Что касается этнической принадлежности, то среди 27 петербургских купчих было 16 русских, пять немок, пять евреек и одна шведка. Нерусские предпринимательницы составляли в первой гильдии петербургского купечества 41% (в то время, как средняя цифра для обеих гильдий 19,4%). В Москве из 44 купчих — 33 чел. были русскими, семь — еврейками, три англичанками и одна француженкой (доля нерусских предпринимательниц составляла 25%).

На наш взгляд, это было связано, в первую очередь, с вопросом о еврейском предпринимательстве. Среди предпринимательниц первой гильдии в Петербурге было пять евреек, в Москве — семь евреек. Дело в том, что по законодательству, возможность постоянного проживания вне черты еврейской оседлости предоставлялась только купцам первой гильдии, которые могли с семьями (взяв только несовершеннолетних детей) жить в столицах, если до этого имели благополучный пятилетний опыт экономической деятельности в черте оседлости. После десяти лет проживания в столицах, они получали право постоянного жительства. Дети, достигшие совершеннолетия, как правило, затем оставались в столицах по праву студентов столичных вузов. Эта интерпретация подтверждается тем, что ряд евреек, плативших гильдейский налог в Петербурге, продолжали жить в пределах черты оседлости, в то же время, имея возможность в любой момент (например, в случае начала погромов) уехать в столицу³⁶.

Среди таких предпринимательниц можно назвать Анну Вейсбрем, которая состояла с 1883—1891 гг. «при муже», а позже стала брать купеческое свидетельство в Петербурге на свое имя. Вейсбрем проживала в г. Гродно и там же имела банкирскую контору. Была матерью семи детей. Другая петербургская купчиха первой гильдии, 52-летняя вдова Нехамы Гранат, тоже состояла «при муже» в 1881—1891 гг., самостоятельно стала брать свидетельство с 1892 г. Гранат проживала в г. Могилеве, имела дочь. Согласно «Справочной книге» 1891 г. ее умерший муж Соломон Гранат занимался «подрядами по постройке железных дорог», и также проживая в Могилеве, брал свидетельство петербургского купца первой гильдии³⁷.

В 1895 г. из 27 петербургских предпринимательниц первой гильдии промышленными предприятиями владели шесть, из которых три происходили из купеческого сословия (Волкова, Гауш и Максимович), и три из дворянства (Стенбок-Фермор, Половцова, Карагеоргиевич). Далее охарактеризуем подробнее владельцев промышленных предприятий.

Состоявшая в купечестве с 1874 г. 45-летняя Александра Платоновна Волкова была замужем, имела независимый от мужа бизнес — водочный завод на Вульфовой улице (1890 г. — 74 рабочих при годовом производстве спирта, водки, ликеров и наливок на 650 тыс. руб.), выпускавший продукцию под маркой «Готгард Мартини». Ее муж во втором браке Михаил Александрович Волков состоял во второй гильдии, в купечество поступил позже жены (она состояла в первой гильдии с 1874 г., а он во второй гильдии с 1878 г.), торговал «плитой», был гласным Петербургской городской думы с 1881 г. К Волковой, по первому мужу Касаткиной (в справочных книгах обозначена как «вдова потомственного дворянина, титулярного советника», была вдовой уже к 26 годам),

сначала перешла после смерти мужа — чиновника особых поручений при Государственном банке и члена правления Санкт-Петербургского общества взаимного кредита Аркадия Ивановича Касаткина — доля в товариществе по управлению водочным заводом. Затем же Александра Платоновна получила в свои руки всё предприятие после смерти предыдущего владельца — отставного поручика Готгарда Франца Монтандра, владевшего этим предприятием (основанным в 1818 г.) в 1860-х гг., а затем совместно с Касаткиным и позже с его вдовой³⁸.

Еще одна фабрикантка, немка Амалия-Луиза-Леонтина-Матильда Гауш (возраст не установлен), содержала кожевенный завод «Гауш и компания» (основан в 1868 г.). В 1897 г. на заводе было 33 рабочих, выпускалось подошвенных кож и приводных ремней для машин на сумму 130 000 руб. Для управления заводом Матильда (по этому имени ее знали в Петербурге) создала товарищество, двумя вкладчиками которого, наряду с собственницей, были Теодор Гауш (муж Матильды) и Георг Ханс³⁹.

Третьей фабриканткой была Евдокия Ивановна Максимович (1835 г., по другим данным, 1845—1903 гг.), владевшая самой крупной петербургской кондитерской фабрикой «Георг Ландрин». Эта фирма была основана в Петербурге в 1843 г. ревельским гражданином Георгом Матвеевичем Ландрином (1821—1882), купцом второй гил. (с 1864 г.), первой гил. (с 1871 г.). Фабричное помещение было устроено Ландрином на Екатерингофском проспекте, кондитерский магазин на Невском проспекте. Продукция фабрики «Ландрин» — шоколад, бисквиты, монпансье, карамель, мармелад и пастила — была представлена на всероссийской мануфактурной выставке 1870 г. По данным 1884 г. фабрика была крупнейшей в России по объему производства — 1014 тыс. руб. (при 287 рабочих), по данным 1890 г. занимала второе место в стране (производство 1110 тыс. руб. при 350 рабочих), уступив первенство фирме Абрикосовых⁴⁰. С 1880 г. Георг Ландрин за поставки шоколада получил звание «Поставщик Двора Его Императорского Величества». На выставках в Москве (1882 г.) и в Нижнем Новгороде (1896 г.) фирме в качестве высшей награды присуждено право помещения на изделиях изображения государственного герба.

Евдокия Ивановна унаследовала дело после смерти Ландрина и в 1883 г. поступила в первую гильдию петербургского купечества. Она была замужем трижды (как явствует из «Справочной книги») и по третьему мужу приняла фамилию Максимович. Она вела активную коммерческую деятельность, что выразилось в открытии двух новых магазинов на Невском проспекте, также действовали устроенные прежде четыре магазина. По сведениям адресной книги «Весь Петербург на 1901 год» Евдокия Ивановна Максимович в это время продолжала оставаться владелицей фабрики «Георг Ландрин». После ее смерти, видимо, дело перешло в руки ее сына В.А. Максимовича (он числился владельцем в 1913 г.).

Все три дворянки были представительницами высшей знати и для всех сердцевинной их бизнеса являлись горные заводы на Урале.

Графиня Н.А. Стенбок-Фермор (1815—1897) и в 1890-е гг. продолжала входить в число крупнейших производителей железа и изделий сталепроката в России. Она унаследовала в 1849 г. после смерти отца, крупнейшего ураль-

ского промышленника Алексея Яковлева (дед которого Савва Яковлев купил заводы у Демидова, Воронцова и Ягужинского, и был пожалован в 1762 г. дворянством), восемь металлургических заводов в Пермской губернии на Урале. С 1867 г. брала свидетельство первой гильдии петербургского купечества. Она овдовела в возрасте 37 лет (1852 г.) и с помощью управляющих твердой рукой вела дело Верх-Исетского чугуноплавильного и железоделательного завода (1888 г. — 1300 рабочих), являвшегося крупнейшим производителем чугуна, листового и кровельного железа⁴¹. Стенбок-Фермор также владела огромными лесными дачами на Урале (свыше 126 тыс. га), золотыми приисками там же, мельницами в Нижегородской губ. и Пассажем на Невском проспекте — одним из самых дорогих торговых помещений Петербурга.

21-летняя Аврора Карагеоргиевич, урожд. Демидова Сан-Донато (1873—1904), начала брать купеческое свидетельство с 1895 г. как участница торгового дела Демидовых, владевших несколькими десятками заводов на Урале (по объему производства превосходивших заводы Стенбок-Фермор). Аврора представляла собственные интересы и интересы своего несовершеннолетнего брата Павла. Аврора была замужем за князем Арсеном Карагеоргиевичем, принцем Югославским⁴².

Третья дворянка — Надежда Михайловна Половцова (1843—1908) — была приемной дочерью⁴³ и единственной наследницей управляющего Государственного банка России (в 1860—1866) барона Александра Штиглица, огромное состояние которого перед его смертью оценивалось в 38 млн руб. В 18 лет Надежда вышла замуж за 29-летнего Александра Александровича Половцова, служащего в Сенате и имевшего большую перспективу придворной карьеры (отец его был министром государственных имуществ, а мать принадлежала к знатному роду Татищевых). В 1885 г. Половцов достиг высшей позиции «Табели о рангах», став действительным тайным советником, в 1883—1892 гг. он занимал пост статс-секретаря императора Александра III, одновременно был членом Государственного совета и Комитета финансов. С 1885 г. Надежда Половцова стала брать гильдейское свидетельство для управления приобретенными в 1884 г. на ее имя горными заводами Богословского горного округа в Пермской губ. на Урале. В 1894 г. был построен получивший ее имя Надеждинский металлургический завод, ставший крупнейшим чугунолитейным и сталерельсовым предприятием Урала, изготавливавшим по правительственному заказу рельсы для Транссибирской железнодорожной магистрали. В строительство предприятия было вложено более 4,5 млн руб., оборудование было заказано на уральских и московских предприятиях, а также в Бельгии, Франции и Германии⁴⁴. Позже, в 1896 г., было образовано Богословское горнозаводское общество с правлением в Петербурге, включившее заводы, рудники, золотые прииски, железную дорогу и пароходство, где большая часть акций (31 550 из 32 000) принадлежала Н.М. Половцовой. Вместе с мужем Надежда была пайщицей ряда ведущих акционерных компаний, в том числе Кренгольмской мануфактуры хлопчатобумажных изделий в Нарве (сейчас Эстония), Невской бумагопрядильной мануфактуры, Невской ниточной мануфактуры.

Кроме горнорудных и металлургических предприятий Н.А. Половцова являлась, согласно *Перечню 1897*, владелицей четырех предприятий в пище-

вой отрасли — двух в Воронежской губ.: мукомольного предприятия (годовое производство 206 775 руб., 138 рабочих) и винокуренного завода (данных нет), и двух в Тамбовской губ.: еще одного винокуренного завода (годовое производство 59 150 руб., 64 рабочих) и небольшого предприятия по производству крахмала (годовое производство 9281 руб., 9 рабочих)⁴⁵. Граф Витте (министр финансов в 1892—1903), раздраженный на Половцова, как на более удачливого сановника и богача, имевшего один из самых роскошных особняков в Петербурге, дал в мемуарах язвительную характеристику предпринимательской деятельности Половцова, который распоряжался делами жены. Он писал, что Половцов «всё время <...> занимался различными аферами: продавал, покупал, спекулировал и доспекулировался почти до того, что почти всё состояние своей жены проспекулировал»⁴⁶. Видимо в этом высказывании Витте сказались его неприязнь к Половцову, хотя стиль предпринимательской деятельности Половцова, управлявшего бизнесом своей супруги Надежды, описан весьма точно.

Далее рассмотрим род занятий прочих купчих первой гильдии (21 чел.).

Из них шесть занимались торговлей текстилем (три русские — Анна Дернова, Анна Кирикова, Анна Чувалдина, две еврейки — Цива Монозон и Вера Стризивер, немка Катарина Берг). Все они были вдовами в возрасте 42—63 лет, к которым бизнес перешел после смерти мужей.

Еще две предпринимательницы, также вдовы, владели судоходными компаниями — включенность женщин-предпринимательниц в судоходную отрасль была спецификой Петербурга, одного из крупнейших российских портов. Елена Сатировна Григорьева в течение 40 лет (1853—1893) состояла «при капитале мужа» — Н.М. Григорьева, компания которого содержала пароходы и каботажные суда в Петербурге и на реках Волге, Каме, на Каспийском море. С 1893 г. вела дело сама. Кроме судов Елена унаследовала пароходную пристань в Петербурге, три дома в Петербурге и один в Севастополе. В бизнесе Елене помогал 24-летний сын Владимир⁴⁷. (К сожалению, данные об оборотах компании Григорьевых не обнаружены.)

Другой судоходной компанией, перед этим 18 лет развиваемой Иваном Ивановичем Конецким (1834 г., по другим источникам 1839 г., — 1889 г.), владела его вдова Ироида Матвеевна Конецкая (1847—1905). По данным 1895 г. Ироида была матерью девяти детей в возрасте от 12 до 25 лет (пятеро сыновей и четыре дочери)⁴⁸. О размахе семейного дела и богатстве семьи косвенно свидетельствует тот факт, что могила супругов была на престижном Тихвинском кладбище Александро-Невской Лавры.

Третьей предпринимательницей, связанной с морской торговлей, была немка, 64-летняя Аугуста-Элизабете Крон, имевшая оптовую торговлю винами «при порте», унаследованную в 1889 г. от мужа Карла Крона, который вел этот бизнес в течение предшествующих 25 лет, с 1864 г.⁴⁹

Предпринимательница-вдова Анна Вейсбрем имела банкирскую контору в Гродно (о ней см. выше).

Остальные десять человек торговали различными товарами, в том числе, сахаром, яйцами, дровами, часами. 60-летняя Александра Алексеевна Петровская (петербургская и царскосельская купчиха первой гильдии, видимо,

бездетная) вела торговлю «оптом при бирже», унаследовав дело после смерти мужа. Максим Ермолаевич Петровский вел оптовую торговлю при бирже «хлебом и другими товарами», а также владел крупными складскими помещениями для оптовой торговли и двумя каменными домами в Петербурге⁵⁰.

В Москве доля промышленниц (7 чел. из 44) была ниже, чем в Петербурге, и существенно снизилась по сравнению с 1869 г. (когда в первую гильдию было записано 17 фабриканток). Из семи промышленных предприятий, принадлежавших женщинам, два были текстильными, остальные пять производили сахар, чугун, фабричное оборудование, кирпич, кожи.

Сахарофафинадный завод прусской подданной, немки Анны—Катарины Эннерс (1839 — после 1900), основанный в 1861 г. первым мужем владелицы прусским подданным Якобом-Вильгельмом Генером (1821—1872) совместно с гамбургским «уроженцем» Александром Рейнеке (вскоре вышедшим из дела), с 1873 г. перешел во владение к его вдове. В 1871 г. на заводе было 100 рабочих и выпускалось продукции на 148 240 руб. Овдовевшая в 33 года Анна—Катарина была весьма энергичной женщиной и в бизнесе, и в устройстве личной жизни. После двух лет вдовства она вышла замуж и в 1874 г. учредила товарищество первой гильдии «В. Генер и Ко». Значительные средства — собственные и второго мужа (прусского подданного Филиппа Эннерса) она вложила в расширение производства, покупку земельных участков близ завода (где устроила склады, котельную, другие подсобные помещения). Согласно *Перечню 1897*, его годовой объем производства и количество рабочих возросли (1879 г. — 1,9 млн руб., 286 рабочих; 1897 г. — 2,4 млн руб., 397 рабочих)⁵¹.

Англичанка, великобританская подданная Элизабет (Елизавета) Гоппер (1834—1909) была владелицей крупного чугунолитейного и машиностроительного завода, основанного ее мужем Вильямом Гоппером в 1847 г. (в советское время Московский электромеханический завод имени Владимира Ильича). Завод находился на Даниловской улице и перешел в руки Э. Гоппер после смерти мужа в 1885 г. В 1886 г. вместе с тремя сыновьями Элизабет учредила торговый дом «В.Я. Гоппер и Ко». Согласно «Указателю фабрик и заводов» (1894 г.), в 1890 г. предприятие было третьим среди машиностроительных заводов Москвы по объему производства (после завода «Добров и Набгольц» и мастерских Общества Московско-Рязанской железной дороги) — годовое производство основного завода составляло 590 тыс. руб. при 362 рабочих⁵², в *Перечне 1897* о московском заводе семьи Гоппер сведений нет, но упомянуто, что годовой объем второго механического завода, купленного у другого англичанина Девиссона и находящегося во владении Гопперов с 1886 г. (в Орехове Покровского у. Владимирской губ.) составил 161 725 руб., количество рабочих — 134 чел.⁵³

Владелицей крупной шерстоткацкой фабрики, основанной в 1857 г. и находившейся на ул. Старой Басманной, была Зинаида (Зиновия) Артемьевна Федотова (1829—1897). В 1862 г., после смерти мужа, 33-летняя Федотова поступила во вторую гильдию. За 35 лет руководства фабрикой (выпускавшей шерстяные ткани для верхней одежды — плюш, бобрин, искусственные хивинки) она расширила дело, устроив в 1874 г. в д. Дурыкино Московского у. второе предприятие, выпускавшее пряжу, использовавшуюся на московской

фабрике. У Федотовой было три сына — Павел, Константин и Николай — с которыми она в 1883 г. основала торговый дом первой гильдии под названием «З.А. Федотова и Ко» для управления фабриками и продажи их продукции. Институциональное преобразование свидетельствовало о стремлении сделать менеджмент более эффективным. Об успехе бизнеса свидетельствовал рост экономических показателей «старой» московской фабрики (1871 г. — годовое производство 140 000 руб., 150 рабочих; 1890 г. — 184 000 руб. и 220 рабочих; 1897 г. — 242 500 руб. и 329 рабочих). На второй фабрике в 1897 г. годовое производство составило 87 000 руб., количество рабочих — 82 чел. Обе фабрики были механизированы: московская фабрика оборудована керосиновым двигателем в 12 с., фабрика в Дурькине — двумя локомотивами общей мощностью в 22 с. (1897 г.)⁵⁴.

Из 37 предпринимательниц первой гильдии, занимавшихся в Москве только торговлей, 13 человек торговали текстилем, девять — пищевыми продуктами (в том числе, семь — чаем и сахаром, по одной — маслом и мясом) и одна табаком, две имели банкирские конторы (русская Евдокия Чижова в Москве, еврейка Шейна Брауде — в Минске, где постоянно проживала), одна занималась разменом денег. Остальные торговали обувью, писчей бумагой, иголками, медью, мехами, ювелирными украшениями, швейными машинами. Одна предпринимательница содержала меблированные комнаты. Две женщины платили налог по первой гильдии, но не торговали.

Женщины в промышленности и торговле. В распределении женщин-предпринимательниц по роду занятий (промышленность, торговля, банковское дело, и др.) в 1890-е гг. различия между группами предпринимательниц Москвы и Петербурга стали минимальными. Более значимой тенденцией стали межпоколенческие изменения. Если проводить сравнение с 1869 г., то в 1895 г. значительно уменьшилась доля неторгующих купчих (ими были купеческие вдовы, не занимавшиеся предпринимательством, однако, готовые платить гильдейский сбор ради поддержания высокого социального статуса). Это свидетельствовало о том, что молодое и среднее поколения предпринимательниц делали акцент не на формальном статусе, а на участии в экономической жизни наравне с мужчинами, проявлении самостоятельности как фактора самоидентификации, попытках преодолеть патриархальную гендерную модель и выйти за пределы внутрисемейного круга (то, что в западной историографии обозначено как *domesticity pattern*).

В этой статье мы не будем подробно рассматривать вопрос о владелицах промышленных заведений в Петербурге и в Москве (соответственно 35 и 42 предприятия по обеим гильдиям), а сфокусируем внимание на вопросе о замужних женщинах во главе фабрик, заводов и мастерских. Анализ «Справочных книг» приводит к выводам, что в последней трети XIX в. шло неуклонное повышение доли замужних женщин среди владелиц предприятий (для 1869 г. мы оценили эту долю в 5—7%, для 1895 г. — не менее 20%).

К примеру, в Петербурге 49-летняя жена шведского подданного Елизавета Федоровна Иогансон (1846—1907), состоявшая в купечестве (по второй гильдии) с 1867 г., содержала завод металлоизделий (винты, шурупы, сверла) «Бруно Гофмарк» на Тихвинской улице (1890 г. — годовое производство

325 тыс. руб., 225 рабочих), а 40-летняя жена штабс-капитана лейб-гвардии Гренадерского полка (во втором браке) и купчиха второй гильдии Анна Ивановна Короткая владела существовавшей с 1864 г. табачной фабрикой «Братья К. и П. Петровы», находившейся на Набережной Екатерининского канала (1890 г. — годовое производство 505 тыс. руб., 520 рабочих)⁵⁵. Е.Ф. Иогансон унаследовала завод после смерти первого мужа Бруно Гофмарка (1834—1885), вышла замуж второй раз и продолжала вести дела предприятия (о детях сведений не найдено). По той же схеме получила табачную фабрику после смерти первого мужа, купца первой гильдии В.П. Гуськова (умершего в 33 года) А.И. Короткая. Обе владелицы действовали в управлении предприятиями весьма активно, а Короткая, видимо, в период между 1885—1890 гг. смогла выкупить долю во владении фабрикой у вдовы своего деверя Екатерины Гуськовой и стала единоличной владелицей.

Пример владелицы одной из московских кондитерских фабрик Екатерины Леновой демонстрирует, что женщины могли играть партию первой скрипки в семейном бизнесе. Стремительное развитие кондитерского дела Леновых (известный ныне «Рот Фронт»), существовавшего с 1826 г., было напрямую связано с женитьбой Георгия Антиповича Ленова на Екатерине Сергеевне Барышевой (1853—1912). Не исключено, что семейный бюджет существенно пополнился за счет ее хорошего приданого. В 1884 г. предприятие получает статус фабрики. Фабричные владения существенно расширяются, после того, как Екатерина Сергеевна скупает ближние к фабрике владения-маломерки. По настоянию Екатерины Сергеевны был зарегистрирован торговый дом «Леновы Г.А. и Е.С.», она же официально числилась владелицей (управляющей) кондитерской фабрики. В 1890-х гг. по инициативе Е.С. Леновой фабрика была оборудована машинами и к ней подведено электричество. В 1895 г. оборот фабрики составил почти 38 тыс. руб. Число рабочих было 68 чел. В 1902 г. Е.С. Ленова строит на углу 3-го и 4-го Монетчиковских переулков новый двухэтажный кирпичный корпус. Число рабочих увеличилось до 170, потом до 200 чел., доходы существенно возросли. После переезда в новое здание расширился ассортимент: здесь и разные сорта карамели, и разноцветные душистые леденцы, и монпансье, и шоколад, и пастила, и знаменитые леновские «атласные подушечки». После смерти Е.С. Леновой в 1913 г. было создано товарищество на паях, однако семейный характер предприятия сохраняло вплоть до 1917 г.: супруг Е.С. Леновой, Георгий Антипович, был председателем правления, сын Николай и его жена Надежда Васильевна (урожденная Куманина) — директорами правления. К 1914 г. фабрика Леновых достигла годового объема производства 1 млн руб. и к 1916 г. вышла на четвертую позицию среди московских кондитерских фабрик после Эйнема, Абрикосовых и Сиу. Число рабочих возросло до 1079 чел., производство было максимально электрифицировано⁵⁶.

Далее рассмотрим сферу торговли, в которой была занята большая часть женщин-предпринимательниц, в том числе, в Петербурге 461 чел. и в Москве — 489 чел. (соответственно 87,3% и 86,7% всех женщин-предпринимательниц). Подробные данные о специализации торговли представлены в таблице 2.

Таблица 2

**Специализация торговых заведений, принадлежавших предпринимательницам
в Петербурге и Москве, 1895**

Вид торговли	Специализация владельцев торго- вых предприятий С.-Петербурга, чел.	В % от обще- го количества торговых предприятий	Специализация владельцев тор- говых предпри- ятий Москвы, чел.	В % от общего количества торговых пред- приятий
Продукты питания и табак	87	18,9	91	18,6
Сфера услуг (ресторации, гостиницы, бани, пассажирские перевозки)	90	19,5	97	19,8
Одежда, обувь, головные уборы	56	12,1	48	9,8
Портновские, скорняжные, обувные мастерские	5	1,1	2	0,4
Текстиль	66	14,3	78	16,0
Мена и ссуда денег	3	0,7	6	1,2
Транспорт (судоходная компания — пассажирские и грузовые перевозки)	14	3,05	6	1,2
Металлы и изделия из них	22	4,8	26	5,3
Химикалии и косметика	20	4,3	23	4,7
Строительные материалы	24	5,2	19	3,9
Галантерея	11	2,4	21	4,3
Посуда	8	1,75	2	0,4
Снаряжение для езды на лошадях (упряжь, повозки, колеса)	2	0,4	7	1,5
Строительные подряды	2	0,4	2	0,4
Прочее	51	11,1	61	12,5
ВСЕГО владельцев торговых заведений	461	100%	489	100%
Не указано или торговля не производится	28		31	
Сдача в аренду торговых и фабричных помещений	3		—	
Банкирская контора	2		2	
ИТОГО	494		522	

Источник: Справочная книга Москвы (1895). С. 1—277; Справочная книга Петербурга (1895). С. 1—821.

Как и в 1869 г., большинство предпринимательниц действовало в четырех сегментах: розничной продаже пищевых продуктов, продаже текстиля, готовой одежды и обуви, а также в сфере услуг (по российскому законодательству к предмету торговли относилось содержание гостиниц, бань, ресторанов, трактиров, харчевен, кофеен и т.п.)⁵⁷. В 1895 г. совокупная доля этих четырех сегментов изменилась по сравнению с 1869 г. — в Петербурге возросла с 63% до 64,9%, в Москве же понизилась с 62,9% до 60,2%. Однако абсолютное количество предпринимательниц, занимавшихся вышеназванными видами бизнеса, возросло в Петербурге с 243 до 299 персон, в Москве до 240 до 314, что свидетельствовало о процессе феминизации этих сегментов розничной торговли и сферы услуг.

В Петербурге продажа пищевых продуктов оставалась на лидирующей позиции. В московском женском предпринимательстве в 1890-е гг. на первое место вышла сфера услуг (рестораны и кофейни, гостиницы, бани, пассажирские перевозки), а продажа пищевых продуктов и табака сместилась с первой позиции на вторую, продажа текстиля осталась на третьей позиции. Количество предпринимательниц, торговавших текстильной продукцией, увеличилось в 1,3 раза (с 58 до 78 чел.), предпринимательниц, торговавших химикалиями и косметикой — в 3 раза, металлами и изделиями из них — в 1,5 раза.

Важнейшими чертами трансформации сферы торговли, принадлежавшей женщинам в Москве и Петербурге, проявившимися в 1890-е гг., стали: а) возникновение новых видов женского бизнеса и б) значительный приток женщин некупеческого происхождения, включая жен и дочерей чиновников, военных, священнослужителей.

Следует отметить, что на приобщение к предпринимательству жен чиновников в пореформенный период повлияло принятое 24 апреля 1861 г. высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О правах на торговлю жен служащих чиновников», которым дозволялось женам чиновников вступать в гильдию и заниматься торговлей, если при записи в гильдию они представят удостоверения «а) от мужа, что они будут производить торговлю на собственный свой, независимый от мужа капитал, и б) от ближайшего начальства их мужей, что муж по роду службы своей не может иметь влияния на торговлю своей жены»⁵⁸.

Обратимся далее к фактам.

В Петербурге 45-летняя вдова сенатора (и известная деятельница народного образования) Александра Михайловна Калмыкова (1849—1926), с 1890 г. брала гильдейское свидетельство для содержания книжного магазина в доме на Литейном проспекте, 60 (там же находилась ее квартира). 39-летняя жена «инженера г. Гельсингфорса» Мария Баде с 1890 г. имела склад осветительных приборов. Жена лекаря, 32-летняя Анна-Мария Яковлевна Гориневская владела магазином гигиенических принадлежностей⁵⁹.

В Москве 51-летняя жена чиновника Елена Ивановна Тубенталь, состоявшая в купечестве с 1878 г. по второй гильдии, владела на Покровке конторой ассенизации (возникновение такого предприятия было связано с обеспечением канализацией и водопроводом жилищ состоятельных москвичей) под названием «Покровское товарищество ассенизации и войлочной дезинфекции

Тубенталь и Ко». Другая предпринимательница, состоявшая во второй гильдии с 1880 г. 44-летняя девица Наталья Николаевна Печковская, дочь генерал-майора, имевшая квартиру в одном из самых дорогих доходных домов Москвы на Петровке, создала контору для приема подписки на газеты и журналы. Третья, 36-летняя дочь священника, девица Софья Васильевна Погожева с 1893 г. владела магазином музыкальных инструментов и нот рядом с Московской консерваторией. Четвертая, 29-летняя Алевтина Михайловна Муринова, «жена кандидата университета», имела книжный магазин в собственном доме в Трехпрудном переулке в престижной Арбатской части Москвы, состояла в купечестве с 1893 г. Пятая, 62-летняя вдова генерал-майора, Мария Алферовна Саванчеева, бравшая свидетельство второй гильдии с 1882 г., держала гостиницу «Аркадия» у Сухаревой башни, в доме Серебрякова⁶⁰.

Все вышеприведенные примеры показывают, что бизнесом занимались состоятельные женщины, по доходам относившиеся к среднему классу, о чем свидетельствовало их владение недвижимостью или аренда квартир в престижных доходных домах. В этом случае, мотивация была не только экономической. Предпринимательницы младших поколений, ступившие на стезю бизнеса в 1880-е — 1890-е гг., видели в самостоятельном заработке и обретении профессиональных качеств путь к личностной самореализации.

Одним из параметров межгенерационных изменений стала трансформация параметра брачного статуса предпринимательниц. Для десятилетия 1890-х гг. источники позволяют рассмотреть этот вопрос, используя общероссийские демографические данные, полученные в ходе Первой всеобщей переписи населения (1897 г.). Но вначале представим подсчеты, сделанные по «Справочным книгам» (1895 г.).

Среди 27 петербургских купчих первой гильдии 18 были вдовами (66%), шесть замужними (в том числе, Максимович была замужем в третий раз), одна незамужней, брачный статус двух человек установить не удалось. Среди 44 московских купчих первой гильдии, по брачному статусу 37 были вдовами (84%), три замужними (7%), четыре — незамужними-«девицами» (9%).

В Петербурге среди купчих второй гильдии вдовами были 249 чел. (50%), замужними 167 чел. (33,5%), из них во втором браке 17 чел. (например, упомянутые выше Короткая и Иогансон), незамужними-«девицами» 82 чел. (16,5%). Подсчеты, проведенные для московских купчих второй гильдии, показывают, что 265 женщин были вдовами (51%), 193 — замужними (37%), из них во втором браке состояли десять чел., и 62 были незамужними (12%).

Результирующие данные по обеим гильдиям дают следующую картину: в Петербурге — 268 вдов (51%), 173 замужних (32%), и 83 незамужних (16%); в Москве соответственно — 302 вдовы (53%), 196 замужних (35%), и 66 незамужних (12%).

Сравним эти данные из «Справочных книг» (где представлено купеческое сословие и отчасти дворянки, взявшие купеческие свидетельства) с данными переписи 1897 г. о женщинах-предпринимательницах (где представлены, наряду с купчихами и дворянками, также мещанки, крестьянки и др. сословия). Средние данные по Империи показывают, что вдов было 13,4%, замужних 64%, незамужних (в возрасте 15 лет и старше) — 22,3% (для 0,3% статус не опреде-

лен). Однако по переписи показатели в столицах-мегаполисах существенно отличались в сторону увеличения незамужних и уменьшения замужних женщин: в Петербурге: вдов 18,4%, замужних 41,3%, незамужних 39,7%; в Москве соответственно: 21,7%, 43,7% и 34,1%⁶¹. Эта демографическая ситуация влияла на поведение женщин в бизнесе и на мотивацию их приобщения к предпринимательству. Получение женщинами образования, в том числе, высшего, в результате давало им необходимые качества для грамотного ведения бизнеса, в том числе, знание бухгалтерии и навыки общения с торговыми партнерами.

Остановимся на вопросе о предпринимательстве незамужних женщин. Многие незамужние женщины в столицах были вынуждены искать источники дохода через занятия бизнесом, и, как мы видим, в Петербурге и Москве, согласно «Справочным книгам» (1895 г.) насчитывалось 149 незамужних предпринимательниц.

Квинтэссенцией предпринимательской деятельности этой группы предпринимательниц были случаи, когда дело переходило от женщины к женщине, как правило, от матери — к незамужней дочери. К примеру, 35-летняя петербургская купчиха второй гильдии Параскева Николаевна Корнилова получила в 26-летнем возрасте, после смерти матери, трактир (которым ее мать владела 12 лет) на Васильевском острове. К другой петербургской купчихе второй гильдии, 51-летней Параскеве Кузьминичне Жеребцовой, в 36-летнем возрасте перешла по наследству москательная торговля (на Гороховой улице), до этого 40 лет (1839—1880) принадлежавшая ее умершей матери⁶².

Эти примеры и статистика свидетельствуют не только об экономических, демографических и юридических сдвигах. К концу XIX в. изменилась самоидентификация женщин-предпринимателей, что повлияло на усиление их самостоятельности и независимое поведение в обществе. Об одной из таких эмансипированных предпринимательниц повествует история Веры Ивановны Фирсановой.

4. Случай Фирсановой: жертва любовной страсти

В последней трети XIX в. усложнение рыночных отношений, развитие юридической базы, регулирующей имущественные отношения, нередко вели к созданию запутанных ситуаций для представительниц женского бизнеса. В таких ситуациях мог возникнуть конфликт несовместимости гендерных ролей, которые должна была играть женщина-предприниматель. Роль женщины — самостоятельного предпринимателя, соблюдающего свои экономические интересы, вступала в противоречие с ролью женщины-жены, обязанной, в соответствии с традиционным «патриархальным» сценарием, в личной жизни проявлять свою слабость и зависимость от мужчины. Выход замуж богатой предпринимательницы в таком случае мог создать одну из наиболее часто встречающихся коллизий в сфере судебной практики — конфликт имущественных интересов между супругами.

Как уже говорилось выше, важнейшими постулатами российского законодательства в отношении собственности супругов были два: а) браком не со-

ставлялось общего владения в имуществе супругов, каждый из них мог иметь и приобретать отдельную собственность, б) приданое жены, а также имущество, приобретенное ею или на ее имя во время замужества (через куплю, дар, наследство) признавалось ее отдельной собственностью.

Начиная с последнего десятилетия XIX в. участились так называемые «притворные сделки». Они не носили противозаконного характера, если в них не усматривалось мотива корысти. В случае притворной сделки муж мог получить доступ на управление имуществом супруги тремя способами: 1) по доверенности от жены на ведение дел; 2) получив от нее имущество по дарственной для управления; 3) заключив симулятивную сделку купли-продажи, фактически не подкрепленную денежным расчетом. Все эти способы укрепляли семейное благосостояние, когда совершались в обстановке взаимного доверия. Конфликт интересов возникал, когда портились личные отношения. Видный специалист по гражданскому праву М.М. Винавер, анализируя такие юридические казусы, писал:

«При господствующей у нас полной раздельности имущества супругов, при характеризующем добрые семейные отношения стремлении к нераздельности пользования земными благами и естественном у женщины искании жизненной деловой опоры в более сильном — сплетается такая цепь отношений, что раздельное имущество жены оказывается формально даже не общим имуществом супругов, а раздельным имуществом другого супруга»⁶³.

Один из ярких примеров того, как жена, передавая мужу имущество по притворной сделке, едва не потеряла значительную часть своего состояния, содержится в истории Веры Ивановны Фирсановой. Фирсанова (1862 — ок. 1928) была самой крупной домовладелицей Москвы в конце XIX — начале XX в. Ей принадлежало 18 дорогостоящих домовладений в центре города, в том числе, доходные дома, торговый пассаж «Петровские линии», Сандуновские бани, ресторан «Прага», усадьба на Никитском бульваре⁶⁴. Всё это имущество она получила, когда ей было 18 лет, после смерти своего отца.

Ее отец, Иван Фирсанов (1817—1881) занимался поставками дров в казармы и стройматериалов из дерева по казенным заказам для армии. До того, как стать поставщиком казны, он работал приказчиком в ювелирном магазине Щеглеева в Китай-городе. Хозяин посылал Фирсанова покупать фамильные драгоценности в дворянские дома. Фирсанов часть ювелирных изделий старинной французской и итальянской работы приобретал для хозяина, а часть для себя. На этом были скоплены первые деньги, благодаря которым еще до реформы 1861 г. Фирсанов стал скупать у бедневшего дворянства поместья с хорошими лесными участками. Только в 1859 г. он купил 2119 десятин в Московской губ.⁶⁵ Поставляя лес частным покупателям, он заработал достаточно денег, чтоб купить дом в центре Москвы. После смерти старшего бездетного брата Семена Иван, в качестве единственного наследника, получил еще десять домов в центре Москвы. В 1869 г. Фирсанов приобрел самые большие в столице Сандуновские бани.

Увлеченный накоплением богатства Иван Григорьевич долго оставался холостяком. В 44-летнем возрасте он женился на дворянке-сироте, пансионерке из Института благородных девиц Александре Николаевой, на 25 лет моло-

же его. В 45 лет Фирсанов стал отцом и свою единственную дочь Веру любил без памяти и баловал⁶⁶. Верочка выросла красивой девушкой. В первый раз она вышла замуж в 17 лет за банкира Владимира Воронина, как говорили, чтобы вырваться из-под гнета отца.

Фирсанов умер через год после свадьбы дочери, и смерть его была ужасной. Свои банковские документы и драгоценности он хранил дома в сейфе, ключ от которого держал под подушкой. Постепенно все стали замечать, что мысль о ключе от сейфа стала причиной психического расстройства Фирсанова. По свидетельству мемуариста, «он перед началом агонии вскакивал, оглядывал безумными стеклянными глазами всех присутствующих и с болью и страхом на измученном лице схватывал ключ, стараясь запихнуть его в нос»⁶⁷.

Получив от отца многомиллионное состояние, Вера Ивановна решила уйти от мужа — отношения с банкиром Ворониным у нее не сложились. Но развод по закону был возможен только в случае измены одного из супругов. Статья 44 Законов гражданских гласила: «Брак может быть расторгнут ... по просьбе одного из супругов в случае доказанного прелюбодеяния другого супруга»⁶⁸.

Вера предложила мужу отступную сумму в 1 млн руб., чтобы он взял вину на себя. Развод состоялся, но Вера не скоро вновь вышла замуж (ходили слухи о ее романах с представителями богемы). К тридцати годам Вера Фирсанова нашла, наконец, мужчину своей мечты. Это был петербургский красавец-корнет, сын генерала — начальника петербургской Петропавловской крепости Алексей Гонецкий. Дворянский род Гонцевых был известен с XVI в., и надо думать, что для потомки серпуховских купцов перспектива породниться с аристократией стала решающим обстоятельством. В 1892 г. Вера вышла замуж за Гонцевого. Абсолютно доверяя мужу, она, как впоследствии было зафиксировано в деле Секретного отделения Канцелярии московского генерал-губернатора, «выдала ему полную доверенность на управление ее делами, с правом залога и продажи имений и перевела на его имя по дарственной свой благоприобретенный дом и по купчей, без получения цены, свое родовое имение, Сандуновские бани в Москве»⁶⁹.

Любовная идиллия продлилась шесть лет, а в 1898 г. Вера была шокирована известием о том, что муж завел любовницу, с которой находится в путешествии по Европе, где ведет расточительный образ жизни.

Прежде Вере Ивановне казалось, что муж всецело стоит на страже ее коммерческих интересов. Ведь, именно Гонцевый был инициатором постройки нового здания Сандуновских бань. Он решил, что надо завести в Москве неслыханные по роскоши и прибыльности бани, и заразил своей идеей супругу. Вера с мужем совершили несколько путешествий по Европе, чтоб изучить постановку банного предпринимательства в разных странах.

Новое здание бань (фактически делового центра с банями) возводилось в течение двух лет по проекту модного архитектора Б. Фрейденберга и было открыто в мае 1896 г. Сандуновский комплекс включал восемь строений (девятое — гараж для автомобилей клиентов — появилось в 1910 г.). Недвижимость была застрахована в Первом российском страховом обществе на сумму 1,2 млн руб.⁷⁰ Отделка бань выполнялась с особой тщательностью и из наилучших материалов: итальянского и норвежского мрамора, плитки и кафеля из Англии,

Германии и Швейцарии. Доходы с Сандуновского комплекса увеличивались год от года. С 1901 по 1913 г. они выросли со 109 250 руб. до 112 385 руб. Из этой суммы примерно 60% шло с банного заведения, а 40% со сдачи торговых площадей и квартир в трехэтажном доходном доме (где Вера занимала лучшую восьмикомнатную квартиру).

Обманутая Вера Ивановна поняла, что имущество надо срочно спасать. Она обратилась к знаменитому адвокату Ф.Н. Плевако и по его совету написала прошение императору Николаю II с просьбой оказать покровительство по имущественным делам. Вера выставила претензию к Гонецкому на 2,7 млн руб. и ходатайствовала, чтобы на самом высоком уровне было принято решение о недействительности безденежной купчей и дарственных, что создавало юридическое основание для возврата ей имущества.

Основанием для ходатайства нанятые Верой Ивановной адвокаты во главе с Плевако выставили формулу «нанесение оскорбления ее супружескому праву»⁷¹. Эта формула могла служить основанием для применения нормы гражданского права, предусматривавшей «возвращение дара в случае явного непочтения со стороны одаренного». Статья 974 Законов Гражданских гласила: «Дар, принятый тем, кому он назначен, к дарителю не возвращается; но если принявший дар учинит покушение на жизнь дарителя, причинит ему побои или угрозы, или вообще окажет ему явное непочтение, то даритель имеет право требовать возвращения подаренного»⁷².

Измену мужа можно было расценить как «явное непочтение», что служило юридическим основанием возвращения дара.

Дело передали на экспертизу в Министерство юстиции, но министр Н.В. Муравьев не поддержал просьбу оскорбленной жены, отметив, что он «не усматривает оснований к рассмотрению дела в исключительном порядке, так как ходатайство Гонецкой должно подлежать всестороннему рассмотрению судебных мест, если муж просительницы действительно будет объявлен несостоятельным должником и если кредиторы предъявят права свои к имуществу, переданному мужем жене по дарственным записям, — чего, однако, до сих пор не последовало»⁷³.

Спасение имущества осложнилось, но Вера Ивановна не сидела сложа руки. Она добилась приема у московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича (дяди императора Николая II). Сергей Александрович от своего имени написал письмо о деле Фирсановой-Гонецкой министру внутренних дел Сипягину в Петербург. Делу еще раз был дан ход.

Вскоре последовал скандально громкий развод, после которого Вера получила назад свои бани, пассаж «Петровские линии» (годовой доход с которого в период 1906—1913 г. составлял от 107 до 152 тыс. руб.⁷⁴), и вернула девичью фамилию. Формально Гонецкий вернул имущество добровольно. Однако по слухам, Вере Ивановне пришлось заплатить 1 млн руб. (как и первому мужу), чтобы он подписал все требуемые документы. После развода Гонецкий уехал, как говорили, в Южную Африку на англо-бурскую войну.

Наученная горьким опытом В.И. Фирсанова больше не вышла замуж. Благодаря доходам от недвижимости капиталы ее продолжали округляться. Она приобрела репутацию меценатки и меломанки. После развода она занялась

благоустройством принадлежавших ей двух усадеб, стоивших свыше 195 тыс. руб., в частности, возвела на свои деньги железнодорожную платформу Фирсановская⁷⁵. В купленной у дворян Столыпиных усадьбе Середниково, Вера Ивановна в 1914 г. установила памятник поэту Лермонтову (который отдыхал здесь у родственников в 1829—1832).

О том, как сложилась судьба В.И. Фирсановой после революции 1917 г., когда она потеряла всё имущество, существуют только легенды. Есть версия, что, используя свои связи в артистических кругах, она уехала в середине 1920-х гг. в Париж под видом костюмерши в составе советской гастрольной театральной труппы. Здесь ее следы затерялись.

Случай Фирсановой свидетельствует о ряде изменений, происшедших в конце XIX в. в социальном и имущественном статусе крупных предпринимательниц, в их юридическом кругозоре. Фирсанова обладала значительным богатством, которое было невозможно для женщины купеческого происхождения еще тридцатью годами ранее. Вера Ивановна была хорошо образована, разбиралась в бухгалтерии, что позволяло ей год от года развивать свой бизнес. Она самостоятельно вела дела по сдаче в аренду крупной коммерческой недвижимости. Уже после смерти отца, она успешно инвестировала свои капиталы в полную перестройку по новейшим строительным технологиям комплекса бань и торгового пассажа, сделав эти помещения лучшими в городе и привлекательными для арендаторов. Те несколько лет, когда она попыталась отойти от дел, и играть только роль жены, стали самыми неудачными для нее и как для предпринимателя, и как для женщины. Ее стратегический талант позволил ей выиграть в тяжелой ситуации, но в дальнейшем она уже никогда не ставила свои женские интересы выше интересов бизнеса.

5. Заключение

В условиях современного экономического роста, который, по мнению экономистов, начался с 1885 г., развитие женского предпринимательства происходило в контексте мощного развития российской экономики. В последнее десятилетие XIX в. объем промышленного производства увеличился вдвое (в денежном выражении), и важным фактором экономической эволюции стала концентрация производства на крупных предприятиях.

Сравнение данных о промышленных предприятиях, принадлежавших женщинам, за 1884 и 1897 гг. демонстрирует возрастание на них объема производства в 2,4 раза — с 63,6 млн руб. до 150,4 млн руб., и количества рабочих в 1,8 раза — с 57,6 тыс. чел. до 105,8 тыс. чел. Доля объема производства принадлежавших женщинам предприятий в промышленности увеличилась с 4,8% до 6%. Наивысших показателей предпринимательство женщин достигло в текстильной отрасли (10,6% общероссийского объема производства), где женщины возглавляли ряд крупнейших предприятий с объемом годового производства от 1 до 6 млн руб. Преобразование семейных фирм в паевые товарищества в России, как и в Европе, сопровождалось внедрением многоуровневой иерархии управления (*managerial hierarchies*) в фирмах, носивших семейный харак-

тер⁷⁶, и в этих иерархиях женщины могли занимать ведущие, и иногда даже, лидерские позиции.

Анализ «Справочных книг о лицах получивших купеческие свидетельства» по Москве и Петербургу за 1895 г. показал, что в сфере торговли количество женщин-предпринимательниц достигло максимальных показателей, в том числе, в Петербурге 461 чел. (87,3%, в 1865 — 77% всех женщин-предпринимательниц), в Москве — 489 чел. (86,7%, в 1869 — 65% всех женщин-предпринимательниц). Увеличение доли «активных» предпринимательниц, формальный статус которых соответствовал их фактическому участию в бизнесе, в сравнении с данными 1865 г., произошло за счет резкого уменьшения «неторгующих» лиц, ранее бравших гильдейские свидетельства с целью сохранения наивысшей позиции (достигнутой ранее их умершим мужем или отцом) в сословной стратификации.

Важным показателем изменения самоидентификации женщин-предпринимательниц стали многочисленные факты присвоения женских имен семейным фирмам — в Москве в 1895 г. 18 из 168 торговых домов первой гильдии имели в названиях имена женщин-владелиц, к примеру, «Анна Белоусова с сыновьями», «Попова и Ко», «Фрада Вайль и сын», «Анна Сергеева и Ко», «Зинаида Федотова и Ко» и др. Это было свидетельством активного внедрения «феминизированных» брендов и импульсом к формированию новых клише в механизме предпочтений потребителей.

Как в промышленности, так и в торговле, повысился уровень мультиэтничности группы женщин-предпринимателей, что явилось отражением общего процесса интеграции представителей этнических меньшинств в рыночные отношения. Мегаполисы, прежде всего Петербург и Москва, вступили на путь модернизации и втягивали сотни и даже тысячи людей титульной русской нации и других этнических групп (как русских подданных, так и иностранцев) в процесс развития новых форм производства и обмена, базирующихся на типовой юридической регуляции и жестко институционализированных формах менеджмента. В группе предпринимательниц соотношение лиц русского происхождения и лиц других этнических групп в конце XIX в. составило примерно 4 : 1. Выявленное в ходе исследования повышение коммерческой активности еврейских предпринимателей (включая женщин), их переселение за пределы черты оседлости — демонстрировало, что потребности российской экономики с конца 1880-х гг. стимулировали привлечение еврейских капиталов и интеграцию евреев в класс буржуазии Российской империи.

Использование эмпирических данных из «Справочных книг» (1895) в сопоставлении с общероссийскими демографическими данными, полученными в ходе Первой всеобщей переписи населения (1897) позволило выявить тенденцию уменьшения вдов в общем количестве предпринимательниц, при одновременном возрастании значения групп замужних женщин и одиноких женщин. Это свидетельствовало о постепенном разрушении патриархальной гендерной модели. Занятие бизнесом давало возможность обретения финансовой и юридической независимости и стало одним из каналов выхода женщин на экономическую и общественную арену.

Библиография

- Colli A.* The History of Family Business, 1850—2000. Cambridge, 2003.
- Nathans B.* Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia. Berkeley and London, 2004.
- Бовыкин В.И.* Формирование финансового капитала в России. Конец XIX в. — 1908 г. М., 1987.
- Бовыкин В.И.* Экономическая политика царского правительства и индустриальное развитие России: 1816—1900 // Экономическая история. Ежегодник. 2002. М., 2003.
- Варенцов Н.А.* Слышанное. Передуманное. Виденное. Пережитое. М., 1999.
- Иоксимович Ч.М.* Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. Т. 1. М., 1915.
- Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е гг. XX в. М., 1994.
- Лизунов П.В.* Петербургские купцы, фабриканты и банкиры Штиглицы. СПб., 2014.
- Петров Ю.А.* Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002.
- Соловьева А.М.* Промышленная революция в России в XIX веке. М., 1990.
- Ульянова Г.Н.* Благотворительность московских предпринимателей. 1860-1914. Словарь купцов-благотворителей. М., 2014.
- Ульянова Г.Н.* Два века российских кондитеров. М., 2003.
- Ульянова Г.Н.* Законодательство о предпринимательстве евреев в Российской империи, XIX — начало XX века // Частное предпринимательство в дореволюционной России: этноконфессиональная структура и региональное развитие, XIX — начало XX века. М., 2010. С. 314—332.
- Ульянова Г.Н., Золотарев М.В.* Владельцы дома в Подсосенском (бывшем Введенском) переулке. Родословие Прохоровых и Хлудовых. XIX — начало XX века. М., 2015.
- Фаддеев А.Н.* Верхне-Исетские чугуно-плавильные и железоделательные заводы гр. Н.А. Стенбок-Фермор: (К Нижегородской выставке). СПб., 1896.
- Шульце-Геверниц Г.* Крупное производство в России (Московско-Владимирская хлопчатобумажная промышленность). М., 1899.

Примечания

- ¹ Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения Российской Империи, произведенной 29 января 1897 г. В 2-х т. Т. 2. СПб., 1905. С. 286.
- ² *Бовыкин В.И.* Формирование финансового капитала в России. Конец XIX в. — 1908 г. М., 1987. С. 72.
- ³ Подсчеты базируются на данных: *Бовыкин В.И.* Экономическая политика царского правительства и индустриальное развитие России: 1816—1900 // Экономическая история. Ежегодник. 2002. М., 2003. С. 27.
- ⁴ *Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е гг. XX в. М., 1994. С. 60.
- ⁵ См.: *Соловьева А.М.* Промышленная революция в России в XIX веке. М., 1990. С. 243.
- ⁶ Перечень фабрик и заводов. СПб., 1897 (далее — *Перечень 1897*). С. 1—1047; Материалы для торгово-промышленной статистики. Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1897 г. СПб., 1900. С. I—XXIII. Источник, датированный 1897 г., избран в связи с тем, что Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903 (далее — Список фабрик и заводов. СПб., 1903), содержащий промышленную статистику 1900 г., не включает полных сведений.
- ⁷ Снижение количества предприятий в целом и принадлежавших женщинам отмечено только в салотопенной отрасли, что, по-видимому, связано, с постепенным переходом от свечного освещения к электрическому на предприятиях, в общественных и домашних помещениях.
- ⁸ Показатели этих фирм включены в подсчеты таблицы 1.
- ⁹ *Орлов П.А., Будаев С.Г.* Указатель фабрик и заводов Европейской России. Материалы для фабрично-заводской статистики. СПб., 1894. С. 41.
- ¹⁰ См.: *Ульянова Г.Н., Золотарев М.В.* Владельцы дома в Подсосенском (бывшем Введенском) переулке. Родословие Прохоровых и Хлудовых. XIX — начало XX века. М., 2015. С. 103, 112.
- ¹¹ Справочная книга о лицах, получивших на 1890 год купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям в Москве. М., 1890. Раздел «Высочайше утвержденные товарищества, общества, компании и банки». С. 44.
- ¹² *Иоксимович Ч.М.* Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. Т. 1. М., 1915. С. 406—408.

- ¹³ Грязновы, как и другие фабриканты Центрального района Европейской России в последней трети XIX в., постоянно жили в Москве, хотя их предприятия находились в 300 км от столицы. В память о муже Марина Грязнова пожертвовала Московскому купеческому обществу в 1894 г. дом с землею (стоимостью 20 тыс. руб.) и капитал 60 тыс. руб. на устройство благотворительного заведения для престарелых. См. *Ульянова Г.Н.* Благотворительность московских предпринимателей. 1860—1914. Словарь купцов-благотворителей. М., 2014. С. 300-301.
- ¹⁴ *Иоксимович Ч.М.* Указ. соч. Т.1. М., 1915. С. 260—261.
- ¹⁵ См.: Товарищество мануфактур А.Я. Балина. Историко-статистический очерк. 1885—1910. / Сост. Я.М. Пашков. М., 1911.
- ¹⁶ Список фабрик и заводов. СПб., 1903. С. 2.
- ¹⁷ Здесь и далее в этом разделе подсчеты сделаны по изд.: *Перечень 1897.*
- ¹⁸ *Шульце-Геверниц Г.* Крупное производство в России (Московско-Владимирская хлопчатобумажная промышленность). М., 1899. С. 49.
- ¹⁹ Там же. С. 14.
- ²⁰ Там же. С. 11.
- ²¹ *Перечень 1897.* С. 690, 698—699, 702.
- ²² Там же. С. 702.
- ²³ Там же. С. 746—760, 968—978.
- ²⁴ Там же. С. 668.
- ²⁵ Там же. С. 680.
- ²⁶ *Смирнов А.* Павлово и Ворсма, известные стально-слесарным производством сёла Нижегородской губернии. М., 1864. С. 12—13. На заводе Завьяловых, существующем до сих пор, ныне производятся медико-хирургические инструменты.
- ²⁷ *Достоевский Ф.М.* Подросток // *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений. В 15-ти т. Л., 1988—1996. Т. 8. Л., 1990. С. 337—338.
- ²⁸ *Орлов П.А.* Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и великим княжеством Финляндским. СПб., 1881. С. 378; *Перечень 1897.* С. 320, 358.
- ²⁹ Справочная книга о лицах, получивших на 1879 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1879. С. 131.
- ³⁰ *Перечень 1897.* С. 190, 198, 202, 214, 216, 218.
- ³¹ Там же. С. 178.
- ³² Справочная книга о лицах, получивших на 1895 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1895. Далее — Справочная книга Москвы (1895). С. 1—277; Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества и других званий, получивших в течение времени с 1 ноября 1894 по 1 февраля 1895 г. свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промыслов. СПб., 1895. Далее — Справочная книга Петербурга. (1895). С. 1—821. В качестве источника выбраны справочные книги за 1895 г., содержащие данные, сопоставимые с данными предыдущих лет. После издания закона о промысловом налоге (1898) принцип доступа к занятию предпринимательством изменился.
- ³³ См.: Общий свод ... переписи населения. Т. 1. СПб., 1905. С. 64.
- ³⁴ Справочная книга Петербурга (1895). С. 301.
- ³⁵ Справочная книга Москвы (1895). С. 212.
- ³⁶ См.: *Ульянова Г.Н.* Законодательство о предпринимательстве евреев в Российской империи, XIX — начало XX века // Частное предпринимательство в дореволюционной России: этноконфессиональная структура и региональное развитие, XIX — начало XX века. М., 2010. С. 314—332; *Nathans B.* Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia. Berkeley and London, 2004. P. 48, 215.
- ³⁷ Справочная книга Петербурга (1895). С. 13, 22; Справочная книга Петербурга (1891). С. 22.
- ³⁸ Справочная книга Петербурга (1895). С. 16; Справочная книга Петербурга (1884). С. 175; Справочная книга Петербурга (1878). С. 59; Справочная книга Петербурга (1867). С. 239; Справочная книга Петербурга (1874); С. 39; Указатель фабрик и заводов (1894). С. 651.
- ³⁹ *Перечень 1897.* С. 546.
- ⁴⁰ Петербургский Некрополь. Т. 3. СПб., 1912. С. 18; *Орлов П.А.* Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского: материалы для фабрично-заводской статистики. СПб., 1887. С. 477; Указатель фабрик и заводов (1894). С. 560.
- ⁴¹ См.: *Фаддеев А.Н.* Верхне-Исетские чугуно-плавильные и железоделательные заводы гр. Н.А. Стенбок-Фермор: (К Нижегородской выставке). СПб., 1896.
- ⁴² Его старший брат Петр I был королем Сербии (1903—1918), королем сербов, хорватов и словен (1918—1921).

- ⁴³ По слухам, распространившимся в придворных кругах, Надежда могла быть внебрачной дочерью великого князя Михаила (брата императора Николая I) и одной из фрейлин. См.: *Лизунов П.В.* Петербургские купцы, фабриканты и банкиры Штиглицы. СПб., 2014. С. 451—454.
- ⁴⁴ *Ауэрбах А.А.* О постройке в Богословском округе Надеждинского завода. СПб., 1897. С. 1—3, 66.
- ⁴⁵ *Перечень 1897.* С. 636—639, 910—913.
- ⁴⁶ *Витте С. Ю.* Воспоминания. В 3-х т. Т. 1. М., 1960. С. 181.
- ⁴⁷ Справочная книга Петербурга (1895). С. 23; Справочная книга Петербурга (1890). С. 23—24.
- ⁴⁸ Справочная книга Петербурга (1895). С. 40; Справочная книга Петербурга (1889). С. 41; Петербургский Некрополь. В 4 т. Т. 2. СПб., 1912. С. 459.
- ⁴⁹ Справочная книга Петербурга (1895). С. 43.
- ⁵⁰ Справочная книга Петербурга (1895). С. 62; Справочная книга Петербурга (1890). С. 60.
- ⁵¹ Центральный государственный архив г. Москвы (далее ЦГА г. Москвы). Ф. 16. Оп. 25. Д. 437. Л. 1—6; Ф. 142. Оп. 5. Д. 655. Л. 2, 101, 131; Справочная книга Москвы (1869). С. 225; Справочная книга Москвы (1875). С. 302; *Матисен Н.* Атлас мануфактурной промышленности Московской губернии. М., 1872. С. 146; Указатель фабрик и заводов (1881). С. 557.
- ⁵² Справочная книга Москвы (1895). С. 15; Указатель фабрик и заводов (1894). С. 379.
- ⁵³ *Перечень 1897.* С. 320.
- ⁵⁴ Московский Некрополь. Т. III. СПб., 1908. С. 329; Указатель фабрик и заводов (1894). С. 26, 47.
- ⁵⁵ Справочная книга Петербурга (1895). С. 320, 360; Справочная книга Петербурга (1880). С. 28; Указатель фабрик и заводов (1894). С. 394, 710.
- ⁵⁶ См.: *Ульянова Г.Н.* Два века российских кондитеров. М., 2003. С. 20—26.
- ⁵⁷ Согласно переписи населения, в 1897 г. среди самостоятельных хозяев в сфере услуг мужчинами было 123 561 чел., женщин 30 909 чел. (20%). В том числе, 8001 женщина владела гостиницами и меблированными комнатами; 6422 женщины — ресторанами, кафе, столовыми. См.: *Общий свод ... переписи населения.* Т. 2. СПб., 1905. С. 292.
- ⁵⁸ ПСЗ II. Т. XXXVI. № 36920.
- ⁵⁹ Справочная книга Петербурга (1895). С. 150, 242—243, 324.
- ⁶⁰ Справочная книга Москвы (1895). С. 59, 179, 192—194, 207, 233.
- ⁶¹ *Общий свод ... переписи населения.* Т. 1. Приложение. СПб., 1905. С. 48, 52—56.
- ⁶² Справочная книга Петербурга (1895). С. 290, 358.
- ⁶³ *Винавер М.М.* Гражданская хроника // Вестник гражданского права. 1913. № 2. С. 90.
- ⁶⁴ Анализ когорты наиболее крупных домовладельцев Москвы, включая В.И. Гонцею (урожд. Фирсанову), содержится в кн.: *Петров Ю.А.* Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002. С. 73—74.
- ⁶⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 142. Оп. 5. Д. 42. О вводе во владение несовершеннолетней потомственной почтовой гражданки В.И. Ворониной, рожденной Фирсановой, именными в Смоленской, Тверской и Московской губ. Л. 1, 6—8.
- ⁶⁶ *Варенцов Н.А.* Слышанное. Передуманное. Виденное. Пережитое. М., 1999. С. 535.
- ⁶⁷ Там же. С. 536.
- ⁶⁸ *Тютрюмов И.М.* Законы гражданские. (Свод законов. Т. X. Ч. I. По изд. 1900 г.) с разъяснениями Правительствующего сената и с комментариями русских юристов, извлеченными из научных трудов по гражданскому праву. Т. I. СПб., 1905. С. 7.
- ⁶⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. 16. Канцелярия московского генерал-губернатора. Оп. 89. Д. 67. Дело Секретного отделения по ходатайству жены поручика Веры Гонцею об оказании ей покровительства по имущественному ее делу. Л. 2.
- ⁷⁰ Здесь и далее: ЦГА г. Москвы. Ф. 179. Московское городское общественное управление. Оп. 62. Д. 16146. Об оценке владения В.И. Фирсановой по Неглинному проезду, Сандуновскому и Звонарскому переулкам. 1900—1913 гг. Л. 1—22об.
- ⁷¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 89. Д. 67. Л. 2об.
- ⁷² *Тютрюмов И.М.* Указ. соч. С. 433.
- ⁷³ ЦГА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 89. Д. 67. Л. 3.
- ⁷⁴ Там же. Ф. 179. Оп. 62. Д. 16233. Дело об оценке владения В.И. Фирсановой по Петровке и Неглинному проезду, дом 10/13. Л. 2—4.
- ⁷⁵ Памятная книжка Московской губернии на 1899 год. М., 1899. С. 493, 497; *Шрамченко А.П.* Справочная книжка Московской губернии (описание уездов). М., 1890. С. 32—33.
- ⁷⁶ Этот вопрос рассмотрен в книге: *Colli A.* The History of Family Business, 1850—2000. Cambridge, 2003. P. 49—65.

Бессолицын А.А.*

Влияние отраслевых съездов предпринимателей на повышение качества человеческого капитала в России на рубеже XIX—XX вв.

Аннотация: В данной статье, на примере деятельности отраслевых съездов предпринимателей, предпринята попытка рассмотреть проблему повышения качества человеческого капитала в условиях экономической модернизации рубежа XIX—XX вв.

Именно отраслевые съезды, сформированные практически во всех ведущих отраслях промышленности, а также на транспорте, в условиях промышленного подъема испытывали острый недостаток в квалифицированных кадрах. Поэтому они объективно были заинтересованы не только в формировании системы профессионального образования, прежде всего, низшего и среднего уровня, включающего разнообразные коммерческие курсы, торговые школы и классы, а также коммерческие и технические училища, но и в повышении качества специалистов, подготовленных в высших технических учебных заведениях. В статье рассмотрены разнообразные формы поддержки предпринимателями учащихся промышленных учебных заведений, показаны основные направления развития и проблемы этого типа образования. Недостатком являлось стремление ряда отраслевых организаций переложить решение проблемы финансирования специальных учебных заведений на плечи государства, что сдерживало развитие этого сектора образования.

Ключевые слова: человеческий капитал, экономическая модернизация, промышленное образование, программа С.Ю. Витте, отраслевые съезды предпринимателей, финансирование коммерческих и технических учебных заведений.

В современных условиях человеческий капитал рассматривается как важный фактор социально-экономического развития общества. Понятие человеческого капитала обычно связывают с человеком, как носителем знаний. Особое значение в плане развития человеческого капитала на всех исторических этапах играют образовательные модернизации, роль которых значительно возрастает в условиях экономического подъема, как на Западе, так и в России. Причем, если для Европы этот период начинается уже во второй половине XVIII в., то для России данный фактор начинает играть существенную роль только в конце XIX в. Это объясняется тем, что на рубеже веков Россия вступает в период экономической модернизации, что потребовало подготовки новых кадров для бурно развивающейся промышленности и, таким образом, объективно повышало роль образования в решении этой проблемы.

Практически в этом же контексте образование призвано сыграть ведущую роль в развитии современной экономики как фундамента общественной жизни. Роль науки и образования в модернизации и обеспечении национальной безопасности России тесно связана с перспективами ее перехода к информационному обществу, в связи с чем в общественной жизни лидирующих в экономическом развитии государств происходит ряд качественных изменений. При этом отмечается, что про-

* Бессолицын А.А. — ведущий научный сотрудник Центра экономической истории ИРИ РАН, профессор кафедры истории экономики ИОН РАНХиГС, доктор экономических наук. A_Bessolitsyn@mail.ru.

исходящие в современном российском обществе процессы аналогичны тому, что совершалось в период индустриализации, хотя и на качественно новом уровне¹.

Одним из ключевых процессов экономической модернизации России рубежа XIX—XX вв. в узком понимании стало накопление человеческого капитала посредством быстрого развития массовых и институциональных форм образования, прежде всего связанных с распространением новых технологических знаний. Для страны, экономика которой была ориентирована на широкомасштабное технологическое заимствование (в соответствии с догоняющей стратегией развития), необходимо было обеспечить достаточный в количественном и в качественном отношении образовательный уровень населения, чтобы заимствованные достижения были быстро освоены и дали возможность дальнейшего развития экономики уже на собственных технологических достижениях.

История вопроса

Вопрос о необходимости насаждения промышленного образования впервые был поставлен перед Министерством народного просвещения еще в конце 1870-х гг. Министерство видело суть вопроса в развитии технических и ремесленных учебных заведений.

В условиях постепенной трансформации аграрного государства в индустриальное потребовались новые кадры для развивающейся промышленности и торговли. В этих условиях выпускники классических гимназий с их греческим, латынью и общим гуманитарным уклоном не были сколько-нибудь реально востребованы. Государству, прежде всего, нужны были люди с крепким средним профессионально-техническим образованием. Поэтому, начиная уже с 1872 г., наряду с классическими гимназиями стали создаваться реальные училища с шести- и семилетним сроком обучения. Наряду с этим, учреждаются специальные учебные заведения: промышленные, ремесленные, химико-технические и другие училища среднего уровня. Все они носят технический профиль, но находятся в ведении Министерства народного просвещения.

Поскольку министерство ранее в таком объеме не курировало данный профиль, то к нему переходит и обязанность в разработке общего плана развития этого типа образования. С этой целью при министерстве был создан особый отдел Ученого комитета по техническому и профессиональному образованию, который в 1883 г. разработал и представил к рассмотрению проект Общего плана промышленного образования. Разработанный план касался лишь исключительно мужского населения, занятого главным образом в ремесленной, фабричной и заводской промышленности².

При составлении общего плана промышленного образования в империи предлагалось выяснить следующий круг вопросов:

- 1) О действительных потребностях в различных степенях промышленного образования.
- 2) О средствах к удовлетворению этих потребностей как посредством уже существующих, так и подлежащих учреждению училищ.
- 3) О расходах, которые потребует как устройство новых училищ, так и улучшение существующих для приспособления их к целям промышленного образования³.

Далее, в проекте были определены условия, которым должен удовлетворять план промышленного образования.

1. Прежде всего, он должен был быть надлежащим образом согласован с нуждами промышленности с тем, чтобы подготовить к промышленной деятельности лиц, действительно ею востребованных.

2. При этом промышленное образование не должно было быть до такой степени узким, чтобы человек, получивший такое образование был приспособлен только к очень узкой специальности и, таким образом, должен был бы находиться в «крепостной зависимости» от нее.

3. Затем, необходимо было учесть тот факт, что специальное образование требует соответствующей степени общего образования. В этой связи возникла необходимость взаимного согласования между планом специального обучения разных степеней и системой соответствующих степеней общего образования, так, чтобы общее образование могло служить основанием специальному образованию.

4. Сверх того для успеха собственно специального образования разных степеней необходимо, чтобы каждая промышленная школа строго соответствовала своему предназначению и готовила кадры соответствующего уровня.

5. Финансирование промышленного образования должно было осуществляться за счет средств Государственного Казначейства и из местных средств пожертвований. Размер этого финансирования не должен выходить за рамки целей профессионального обучения.

6. Наконец, план промышленного образования не должен был каким-то образом отразиться на деятельности уже существующих технических и ремесленных учебных заведений целесообразность и правильность устройства которых уже была подтверждена реальным опытом⁴.

Кроме того, в данном проекте были выделены различные уровни специального образования и категории специалистов, которые должны быть подготовлены с учетом потребностей экономики. Подчеркивалось, что промышленность нуждается:

1. В инженерах, вооруженных надлежащим практическим опытом, а вместе с ним и соответствующим научным и техническим образованием, непосредственно относящимся к этой специальности.

2. В коммерчески образованных руководителях промышленного дела, которые могли бы взять на себя общее управление предприятием и при этом имели бы достаточные технические знания.

3. В техниках, которые будучи ближайшими помощниками инженеров, владели бы сведениями, необходимыми для основательного и правильного ведения производства.

4. В мастерах, т.е. в людях, которые отлично знают с технической стороны отрасль производства, составляющую предмет их занятий и могут осуществлять руководство рабочими, находящимися в их подчинении, а также самостоятельно заведовать малыми отдельными мастерскими.

5. В рабочих, которые под руководством и по общим указаниям мастера могут непосредственно исполнять с надлежащей точностью и аккуратностью работы, им поручаемые. Его общее развитие и его нравственный уровень име-

ют важное значение для успеха промышленного дела, равно как и сознательное отношение в исполняемой им работе⁵.

В проекте также была сделана попытка выявить соотношение общего и специального образования промышленных деятелей, прежде всего, с точки зрения его стоимости. Авторы проекта подчеркивали, что при отделении общего образования от специального количество расходов, падающих на каждого ученика, оставляющего общеобразовательную школу ранее окончания курса, приходится меньше, чем в случае слияния обоих родов обучения. В этой связи признавалось целесообразным и экономически обоснованным отделение общего образования от специального, но при этом подчеркивалось, что данное обстоятельство не предусматривает исключение ручного труда из общих школ и наоборот, преподавание некоторых общеобразовательных предметов в специальных школах. Кроме того, изложенные соображения не исключали из общей системы образования тех из существующих учебных заведений, которые соединяют в себе специальное обучение с общим образованием⁶.

Таким образом, разработанный проект промышленного образования предполагал создание новой, независимой от общеобразовательной школы системы специального обучения применительно к образованию рабочих, мастеров, торгово-промышленных деятелей, техников и инженеров. Каждый уровень этого образования предусматривал соответствующий тип школы и соответствующий учебный план, ориентированный на достижение практических результатов в интересах развития отечественной промышленности.

Однако в реальном выполнении данного плана до начала 1890-х гг. практически ничего сделано не было. Поэтому термин «промышленное образование» вновь официально был использован в Записке под названием «Об изменении штатов Департамента торговли и мануфактур», подготовленной в конце 1893 г. в Министерстве финансов под руководством С.Ю. Витте⁷.

В этом документе Витте сформулировал требование более активного участия Министерства финансов, как «ведающего интересы промышленности и торговли», в обсуждении вопросов, касающихся учреждения новых типов учебных заведений технической или ремесленной специальности с точки зрения соответствия их интересам промышленности. Развитие именно этого типа образования рассматривалось в программе в контексте решения задач модернизации экономики, что должно было способствовать поиску новых форм управления страной с целью вывода ее экономики на уровень передовых государств. Необходимым условием успешной реализации программы, по мысли Витте, становилось государственное вмешательство в экономику и поддержка частной инициативы и предприимчивости, а это, в свою очередь, требовало мобилизации всех имеющихся ресурсов⁸.

Теоретическое осмысление термина «промышленное образование» встречается в литературе уже в начале XX в. и обычно относится к области круга вопросов, которые характеризуются термином «коммерческое образование» в том смысле, что сама «промышленность стала коммерческой», так как успех промышленной жизни зависел, главным образом, от надлежащей постановки коммерческой стороны дела⁹.

В этом контексте промышленное образование трактуется, как более широкое понятие и включает в себя собственно коммерческое (экономическое), а

также техническое образование, поскольку они находятся в неразрывной связи с процессом индустриализации страны и нацелены на подготовку кадров, адекватных поставленным задачам.

Начало реализации данной программы свидетельствовало о том, что Россия активно включилась в процесс образовательных модернизаций уже на раннем этапе индустриального развития, что способствовало формированию нового качества человеческого капитала. При этом необходимо отметить, что в образовании населения основной проблемой оставалась неграмотность основной его части. Перепись 1897 г. выявила, что при среднем уровне грамотности 21,1%, среди мужчин грамотных было 29,3%, а среди женщин — 13,1%. К началу XX в. неграмотность все еще достигала 60%. Что касается высшего образования, то в 1897 г. на 100 тыс. населения в России приходилось всего 16 студентов (во Франции — 46, в Италии и Германии — по 50)¹⁰.

Подобная ситуация не могла не сказываться негативно на экономическом развитии страны, поскольку освоение и эффективность капитальных вложений зависели от организации производства, которое, в свою очередь, было неотделимо от профессионализма конкретных исполнителей. В этих условиях дефицит необходимых специалистов приобретал особую остроту.

Е.П. Ковалевский, либеральный общественный деятель, специалист по народному образованию, автор проекта о всеобщем школьном образовании в России, провел специальное исследование, посвященное выяснению уровня образования руководителей русских фабрик и заводов в конце XIX в., в котором проанализировал статистические данные Департамента мануфактур и торговли за период с 1885 по 1887 гг. По этим данным число фабрик и заводов с производством более 1 тыс. руб. в год выросло в России более чем на 400 и составило почти 22 тыс. (к 1890 г. их число выросло до 22.510), а всех лиц, заведующих промышленными заведениями насчитывалось 22 322 человека, из них только 1 703 человека (7,7%) были иностранными подданными. Что касается образовательного уровня, то он в целом был невысоким. Из общего числа руководителей насчитывалось всего 1 608 техников, т.е. людей, имеющих специальное образование, что составляло чуть более 7%. Иначе говоря, 93% заводчиков не изучали в специальных учебных заведениях того дела, которым они руководили, а ознакомились с ним посредством практики или путем самообразования¹¹.

Кроме того, из 1608 управленцев (1 073 русских и 535 иностранцев), имеющих техническое образование треть являлись иностранцами. При этом между самими иностранцами, заведующими русскими фабриками, процент техников был довольно значительным и составлял около половины (45,8%) и служили они в основном на фабриках, принадлежащих тоже иностранным подданным.

Автор проанализировал те отрасли промышленности, которые находились исключительно в руках русских подданных. Это были: парчевое и позументное, колокольное, скорняжное, рогожное, войлочное, ватное, поташное, лаковое и сургучное, воскобойное и воскобелильное и солодовенное производство, а также хлопчатобумажные и льняные производства, которые, по сути, оставались традиционными кустарными предприятиями, работали почти исключительно для внутреннего рынка и вне международной конкуренции. У этих отраслей не было, как пишет автор, «достаточно сильных побудитель-

ных мотивов, которые могли бы двинуть их по пути развития и прогресса. Они растут часто в количественном отношении, но очень мало в качественном»¹².

Такие отрасли не могли стать основой промышленной модернизации страны. Более того, состояние, например, кожевенного производства, при котором русские кожи отправлялись за границу и потом возвращались обратно в обработанном виде, нельзя было считать нормальным. То же можно было сказать и про массу других русских промышленных предприятий, которые в теплой атмосфере покровительственной политики, доведенной до крайних пределов, пребывали в состоянии полной инерции и никак не могли выдержать конкуренцию с иностранными товарами. В этой связи, подчеркивает автор, западноевропейская практика указывала на то, что поднятие образовательного уровня, как общего, так и специального, среди директоров и управляющих фабриками и заводами, и распространение технических знаний среди мастеров, приказчиков, десятников, а также и рабочих, имело весьма серьезное влияние на развитие национальной промышленности¹³.

Исследователь коммерческой школы начала XX в. М.В. Кечеджи-Шаповалов отмечал, что «...не только в провинции, но и в обеих столицах потребность в коммерческом образовании была далеко не насыщена: «Возьмите Москву с ее тремя-четырьмя тысячами учащихся в коммерческих школах всевозможных типов, разрядов и наименований, и сопоставьте эту цифру с более чем сотысячным персоналом торговых служащих, и вы увидите, что даже в Москве потребность в коммерческом образовании ни в коем случае не может считаться насыщенной»¹⁴.

Замечание Кечеджи-Шаповалова относительно того, что потребность в специальном образовании наиболее остро проявляется, прежде всего, в провинции не было просто фигурой речи. В дискуссии, развернувшейся правда уже в 1915 г. по поводу открытия в Иркутске, по предложению министра просвещения П.Н. Игнатьева, второго (после Томского, открытого в 1888 г.) университета в Сибири высказывались диаметрально различные точки зрения: от превращения Иркутска в «сибирские Афины», до того, какие специалисты будут реально востребованы в регионе. В ряде местных печатных изданий четко прозвучала мысль о том, что в новых условиях необходимо рассматривать высшее образование уже не только как «рассадник просвещения», а формировать новый тип учебного заведения, способный готовить кадры специалистов, адекватных новым задачам, связанным, прежде всего с промышленным развитием Сибири. Представители коммерческой школы Иркутска, также включившиеся в полемику, активно подчеркивали ту мысль, что «...край больше нуждается в специалистах, чем людях чистой науки. Не мешает, если Восточная Сибирь обогатится людьми, получившими университетское образование, но нужда в людях, обладающих прикладными знаниями, прямо вопиюща»¹⁵.

Становилось ясно, что постоянно растущий спрос на коммерческие кадры невозможно было удовлетворить за счет сложившихся форм народного образования. Требовалась организация самостоятельной системы промышленного (технического и коммерческого) образования финансируемого не только «сверху», т.е. за счет государства, но и «снизу» за счет специальных обществ и частных лиц.

Формирование системы низшего и среднего профессионального образования

На первом этапе предполагалось решить проблему передачи уже существующих коммерческих учебных заведений из ведения Министерства народного просвещения в Министерство финансов. С этой целью С.Ю. Витте был образован специальный отдел коммерческого образования в составе Департамента торговли и мануфактур и начался процесс институционального оформления этой деятельности.

Несмотря на то, что первое коммерческое училище было открыто П.А. Демидовым еще в 1772 г., к концу XIX в. в стране насчитывалось всего 8 учебных заведений этого типа. Общего положения о коммерческих училищах не существовало. Все они принадлежали к разряду средних учебных заведений и действовали на основании отдельного положения.

Позиция самого С.Ю. Витте относительно необходимости развития образования в России была достаточно ясной и конкретной. «Главный недостаток России, — подчеркивал он, — заключается в отсутствии народного образования — в таком отсутствии, какое не существует ни в одной стране, имеющей хоть какое-нибудь притязание быть цивилизованным государством. Нигде в цивилизованных странах нет такого количества безграмотных, как у нас в России». При этом он подчеркивал, что «...всякое образование народа полезно и всякий искренний человек, не преследующий каких-нибудь побочных политических идей, должен сочувствовать всякому образованию»¹⁶. Поэтому совершенно логично выглядит стремление С.Ю. Витте создать особую комиссию при Департаменте торговли и мануфактур, которая составила проект положения об устройстве разнообразных коммерческих училищ. Согласно проекту Министерство финансов предполагало преимущественное устройство местных училищ, удовлетворяющих местным торговым и мануфактурным потребностям¹⁷.

Проект был вынесен для всестороннего обсуждения в комиссию под председательством товарища министра финансов А.Я. Антоновича. В работе комиссии приняли участие директора, профессора и преподаватели коммерческих училищ, представители попечительских советов и некоторых биржевых комитетов и купеческих управ. В рамках этого же процесса был утвержден Закон «О подведомственности вновь открываемых коммерческих училищ Министерству финансов» (9 мая 1894 г.). Затем, 15 апреля 1896 г. было утверждено «Положение о коммерческих учебных заведениях», по которому выстраивалась достаточно четкая структура коммерческого образования, включающая 3 основных типа учебных заведений: низшие, средние и высшие. К низшему типу относились: торговые классы, торговые школы и курсы коммерческих знаний; к среднему — коммерческие училища и к высшему: частные или общественные коммерческие институты.

Положение активизировало общественную инициативу в данном направлении: создание, организация, управление финансовыми средствами учебных заведений становится делом органов местного самоуправления, предпринимательских союзов и частных лиц. Министру финансов предоставлялось право разрешать учреждение местных обществ, имеющих целью устройство и содержание коммерческих учебных заведений, утверждать уставы этих обществ и по соглашению с министром внутренних дел, разрешать купеческим обществам

устанавливать обязательные для членов этих обществ сборы на устройство и содержание коммерческих учебных заведений¹⁸.

Помимо специальных Обществ по распространению коммерческого образования, решение задачи учреждения коммерческих учебных заведений взяли на себя профессионально-общественные объединения предпринимателей, ведущими среди которых являлись биржевые общества и комитеты, а также всероссийские и регионально-отраслевые съезды, сформированные в ведущих отраслях промышленности и на транспорте.

Именно отраслевые съезды предпринимателей, возникшие в конце XIX в. и представлявшие интересы практически всех отраслей экономики страны, в условиях промышленного подъема испытывали острый недостаток в квалифицированных кадрах. Поэтому они объективно были заинтересованы не только в формировании системы профессионального образования, прежде всего, первого и второго уровня, включающего разнообразные коммерческие курсы, торговые школы и классы, а также средние коммерческие и технические училища, но и в повышении качества специалистов, подготовленных в высших технических учебных заведениях.

Ведущими среди них являлись: Съезды горнопромышленников Юга России (с 1874 г. в Таганроге, далее — в Харькове); Съезды горнопромышленников Урала (с 1880 г. в Екатеринбурге); Съезды нефтепромышленников (с 1884 г. в Баку), Всероссийские съезды мукомолов (с 1888 г. сначала в Москве, а позднее в Санкт-Петербурге), Всероссийские электротехнические съезды (с 1900 г. в Санкт-Петербурге), Съезды судовладельцев Волжского бассейна (с 1908 г. в Нижнем Новгороде) и др.

Все эти организации представляли интересы как добывающих, так и обрабатывающих отраслей промышленности, а также транспорта. Всего, по нашим подсчетам, к началу Первой мировой войны в стране с различной степенью активности функционировало порядка 50 отраслевых предпринимательских организаций. Более точную цифру назвать затруднительно, поскольку не все организации отраслевого типа заявляли о себе, как о съезде. Часто в названиях фигурируют термины: «общество» или «союз», хотя по форме организации и методам работы это были типичные отраслевые съезды¹⁹.

Первыми о необходимости широкого развития горнотехнического образования (путем устройства горнотехнических училищ) заявили съезды горнопромышленников Юга России, которые рассматривали его одним из главнейших условий для развития южной железодельной промышленности. Однако главным препятствием в его практическом решении оставался финансовый вопрос. Понимая необходимость и важность подготовки профессиональных кадров, съезды не торопились брать на себя обязательства по финансированию коммерческих училищ. Поэтому инициатива в постановке этого вопроса принадлежала, как правило, государству. В частности учреждение высшего горного училища в Екатеринославе в 1899 г. было инициировано министром земледелия и государственных имуществ, а ежегодные расходы на его содержание в размере более 104 тыс. руб. (с 1 января 1900 г.) были отнесены на средства государственного казначейства²⁰.

В Положении «О Екатеринославском высшем горном училище» отмечалось, что средства училища составляют: 1) суммы, отпускаемые на его содержание из государственного казначейства; 2) плата, взимаемая с учащихся; 3)

доход от продажи научных трудов и руководств, издаваемых училищем; 4) сбор за выдаваемые от училища дипломы и свидетельства; 5) плата за испытания, производимые в химической лаборатории училища и, наконец, 6) суммы, жертвуемые общественными учреждениями или частными лицами²¹.

Таким образом, государство открывало возможность для общественных организаций принимать участие в финансировании специального образования. Именно по желанию Министерства финансов вопрос о развитии горно-технического образования был внесен в повестку дня XXIII съезда горнопромышленников Юга России (1899 г.) с формулировкой: «Не своевременно ли озаботиться устройством коммерческих учебных заведений за счет горнопромышленников Юга России»²². После этого обращения на XXIV съезде (1900 г.) было принято решение об учреждении на юге России двух трехклассных торговых школ с подготовительным классом. На содержание этих школ съезд намеревался ассигновать 6 тыс. руб., при условии, что местные земские и городские учреждения будут также отпускать на содержание школ не менее 3 тыс. руб. на каждую. Кроме того, в уставы школ должно было быть внесено постановление о преимущественном приеме в них детей рабочих и служащих рудников и заводов, наравне с детьми местного торгового сословия. В 1900 г. был разработан проект устава школы, а 12 сентября 1901 г. первая торговая школа, субсидируемая съездом горнопромышленников, была открыта²³.

Также по решению съезда было возбуждено ходатайство о преобразовании Лисичанской штейгерской школы в среднее горнотехническое учебное заведение по типу Уральского горного училища. В этом же ключе съезд принял решение об устройстве других средних и низших горнозаводских школ в Донецком бассейне. Совету съезда было поручено выработать подробную программу, положение и проект штатов низшей школы; составить подробную смету постройки, оборудования и содержания школы и по мере изыскания необходимых средств приступить к осуществлению такой школы²⁴.

Необходимо отметить, что постановления съезда относительно устройства или преобразования промышленных учебных заведений не всегда выполнялись в установленные съездом сроки. Так вопрос о преобразовании Лисичанской штейгерской школы в горное училище впервые был поставлен еще в 1906 г. с формулировкой завершить это преобразование в будущем (т.е. в 1907 г.) году²⁵. Однако и через 5 лет, в 1911 г., этот вопрос вновь обсуждается практически с той же формулировкой: «Возбудить перед Министром торговли и промышленности ходатайство о скорейшей разработке проекта преобразования школы и внесения его в законодательные учреждения»²⁶. Причина подобной задержки кроется в нежелании съезда профинансировать этот проект в сумме 2 тыс. руб., которые необходимо было добавить к уже выделенным казной 13,7 тыс. руб. на перестройку школы²⁷.

Вопросы организации промышленного образования, прежде всего низшего и среднего уровня активно рассматривали съезды Уральских горнопромышленников в Екатеринбурге, однако, и здесь главным препятствием в их открытии оставалась проблема финансирования. Необходимость создания на Урале целой сети низших горнотехнических школ была поднята еще на V съезде горнопромышленников в 1896 г., причем было обращено внимание на крайнюю недостаточность

числа школ на Урале вообще и почти полное отсутствие низших профессиональных школ, которые готовили бы практических работников для отрасли. Съезд высказал мнение, что низшие горные школы необходимы в каждом горном округе и на каждом горном заводе. В какой-то мере эту проблему решали заводские школы и окружные училища, однако, с передачей их в 1879 г. в ведение Министерства народного просвещения, связь училищ с интересами заводов совершенно прекратилась, поскольку из программы училищ было исключено все, что давало в прежней школе подготовку учеников к практической деятельности на производстве²⁸.

Эти училища учреждались для механической, химической, строительной, сельскохозяйственной и горнозаводской специальностей. Финансирование училищ осуществлялось как за счет казны, так и за счет земств, обществ, сословий и частных лиц. Программы преподавания определялись учебными планами, издаваемыми Министерством народного просвещения. Для поступления в училище требовалось удостоверение об окончании курса пяти классов реального училища или другого среднего учебного заведения. Наконец, ученики, успешно окончившие среднее техническое училище с четырехлетним курсом, получали звание техника по соответствующей специальности.

Таких технических училищ, находящихся в ведомстве Министерства народного просвещения на Урале насчитывалось всего четыре, именно:

- 1) Красноуфимское промышленное;
- 2) Воткинское механико-техническое при Воткинском заводе;
- 3) Златоустовское механико-техническое;
- 4) Горнозаводское отделение при Пермском Алексеевском реальном училище²⁹.

Из всех этих училищ прямое отношение для горной промышленности Урала имело только Горнозаводское отделение при Алексеевском реальном училище в Перми, которое было организовано по типу средних учебных заведений горнозаводской специальности. В 1911 г. было возбуждено Педагогическим Советом ходатайство о преобразовании этого отделения в Пермское среднее горнозаводско-техническое училище с приготовительным классом³⁰.

Хотя это ходатайство в принципе было поддержано в Министерстве народного просвещения, однако, принятие окончательного решения по созданию такого училища было отложено. Причина заключалась в наличии финансовых проблем и нежелании съездов взять на себя их решение. На содержание горнозаводского отделения из казны отпускалось ежегодно чуть более 21 тыс. руб., вместо предполагаемых после преобразования 26,6 тыс. руб. Разницу в 5,5 тыс. руб. должны были взять на себя съезды. Формальной причиной отказа в финансировании со стороны съездов указывалось в целом на незначительное число обучающихся и практически отсутствие среди них местных жителей. На 1 января 1914 г. в горнозаводском отделении состояло всего 47 учеников, из которых уроженцами Пермской губернии являлись только 12 человек. С целью увеличить число учащихся и установить большую связь горнозаводского отделения с местным населением предлагалось открыть при нем приготовительный класс, в который могли бы поступать окончившие курс городских училищ. Посobie на это дело постановила оказать Пермская городская дума.

Второе среднее техническое училище, которое также требовало преобразования — Уральское горное училище в Екатеринбурге, готовило техников

по рудной и горнозаводской части. Училище также содержалось за счет казны и выпускало в год до 30 человек, которые работали не только на уральских предприятиях, но и приглашались на юг России. При этом потребность в получении образования в Уральском горном училище была весьма высока и достигала до 120—140 человек, в то время как прием был ограничен 40—45 человеками. В целях расширения приема в училище в докладе съезду рекомендовалось разделить преподавание специальных предметов на два отдела: горный и металлургический³¹.

Кроме того, на съезде обсудили ситуацию с постановкой преподавания в Нижне-Тагильском низшем 4-х классом техническом училище, имеющем солидную историю. Училище было открыто еще в декабре 1709 г. по повелению императора Петра I при Невьянском заводе под названием Цифирной школы. В 1778 г. эта школа была переведена в Нижний Тагил и к моменту обсуждения ее деятельности работала как горнозаводское училище на основании устава, утвержденного министром народного просвещения в марте 1896 г. Целью являлась подготовка лиц по разным отраслям горнозаводского дела, не требующим высшего технического образования. В училище преподавались порядка 13 общих и специальных предметов. Кроме того сверх классного обучения ученики занимались практическими работами в химической лаборатории, в заводских музеях и мастерских, а также в рудниках, а для практических занятий учеников предоставлялись все заводские мастерские, рудники и заводы, принадлежащие Правлению Нижне-Тагильских заводов. В училище принимались бесплатно дети служащих и местных рабочих, а на оставшиеся места за отдельную плату принимались все желающие. При этом число учеников в классе не должно было превышать 40 человек, а всего в училище на 1 октября 1913 г. обучалось 130 учеников.

Суть проблемы заключалась в том, что выпускники низшего технического училища Министерства народного просвещения не пользовались никакими правами (даже отсутствовало право на ведение горных работ), которые предоставлялись таким же школам, находящимся в ведомстве Министерства торговли и промышленности, хотя условия приема, продолжительность обучения, состав предметов и программ мало отличались друг от друга. Поэтому Попечительский совет училища ходатайствовал о преобразовании его из низшего училища в среднее с горной и горнозаводской специальностью. Съезд уральских горнопромышленников поддержал это ходатайство³².

Помимо Нижнетагильского училища съезд рассмотрел постановку преподавания в Кунгурском техническом училище, которое готовило мастеров машинно-строительного дела. Училище было учреждено на средства А.С. Губкина и содержалось на проценты с его основных капиталов. Содержание училища учредитель обеспечил капиталом более чем в 400 тыс. руб. Этот капитал заключался в процентных бумагах, а доход с этого капитала, считавшегося неприкосновенным, составлял главные средства, на которые содержалось училище. Всего учреждение училища обошлось его учредителю в 1 млн. руб. за что А.С. Губкин был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени, а также получил чин статского и действительного статского советника в 1878 и в 1881 гг.³³. Практически это был первый опыт использования эндаумента в организации и деятельности учебного заведения в России.

Съезд также обсудил постановку преподавания в Турьинском горном училище. Если положение дел в Кунгурском училище было признано удовлетворительным, то Турьинское училище по своим учебным программам далеко не отвечало запросам горной и горнозаводской промышленности и нуждалось в коренном преобразовании. Эту инициативу реорганизации училища поддержало Министерство торговли и промышленности, однако окончательно вопрос так и не был решен. Съезд пришел к выводу, что имеющиеся на Урале технические училища не в полной мере обслуживают интересы горной промышленности и ни по количеству, ни по постановке образования не удовлетворяют потребности подготовки как средних, так и в особенности низших технических училищ ждут скорейшего перечисления в разряд средних Нижне-Тагильское и Турьинское, а также требуется обособление Горно-Заводского Отделения от Алексеевского реального училища. При каждом из названных училищ должен быть открыт приготовительный класс. Только в этом случае количество выпускаемых средних техников может быть приведено в соответствие с потребностями развивающейся промышленностью Урала»³⁴.

Результатом обсуждения вопроса «О постановке технического образования на Урале» явились поручения данные Совету съезда:

1) Поручить Совету возбудить перед министром торговли и промышленности ходатайство о созыве на Урале Съезда деятелей по техническому образованию, при участии представителей промышленности, земства и городов Уральского края, для выработки типов и сети средних и низших технических школ на Урале, с тем, чтобы для обеспечения производительности работ Съезда ему предшествовала анкета, программа которой должна быть выработана организационным Комитетом съезда.

2) Ходатайствовать о преобразовании Горнозаводского Отделения при Пермском Алексеевском реальном училище в самостоятельное среднее техническое училище, с открытием при нем приготовительного класса и с передачей из Министерства народного просвещения в ведение Министерства торговли и промышленности.

3) Ходатайствовать о преобразовании Нижне-Тагильского и Турьинского низших технических училищ в средние технические училища.

4) Ходатайствовать об увеличении до максимума приема учеников в Уральское горное училище и о скорейшем утверждении выработанных преподавательским персоналом его новых программ этого училища»³⁵.

Анализ этих поручений позволяет сделать вывод о том, что проблема подготовки кадров низшего и среднего звена для отрасли стояла достаточно остро, однако, как видно из перечня ходатайств, с которыми должен был выступить Совет, решение этой проблемы организация горнопромышленников Урала хотела бы переложить на государственные и местные органы управления. Что касается определения конкретных типов специальных учебных заведений, которые следовало бы признать более целесообразными для Урала и где их открытие представлялось бы более удобным, то решение этого вопроса горнопромышленники хотели полностью переложить на плечи Съезда деятелей по техническому образованию, а также земств и городов Уральского края.

Съезды Бакинских нефтепромышленников, как ведущая отраслевая организация в этом секторе экономики, основное внимание уделяли открытию и финансированию общих начальных школ на приисках. Постоянная статья расходов на народное образование в смете съездов увеличивалась ежегодно, например, с 1901 по 1907 г. она выросла с 46 тыс. до 160 тыс. руб. и уступала только расходам на врачебную помощь и на содержание полиции³⁶.

Вторым направлением в деятельности съездов была поддержка специального образования. Долгие годы съезды оказывали финансовую помощь Бакинскому среднему механико-строительному техническому училищу. С момента основания училища в 1897 г. его почетным попечителем являлся постоянный участник съездов, крупный нефтепромышленник Г.З. Тагиев, который практически ежегодно из своих средств жертвовал на нужды училища от 3,5 до 6,6 тыс. руб., а в 1909—1910 гг. выделил 50 тыс. руб., при том, что общие расходы на его содержание составляли в среднем чуть более 100 тыс. руб.³⁷ Кроме того, съезды на постоянной основе выделяли субсидии Бакинскому коммерческому училищу, которое готовило кадры среднего звена для нефтяной промышленности, в размере сначала 17 тыс. руб., а потом 25 тыс. руб. ежегодно. В целом расходы на содержание школ и пособия коммерческим училищам за 15 лет деятельности организации с 1897 по 1912 гг. достигли более 1,7 млн. руб., что составляло примерно 7% бюджета организации³⁸.

Финансированием проектов, посвященных созданию высших специальных учебных заведений съезды практически не занимались, ограничиваясь выделением специальных стипендий для обучающихся в уже существующих технических училищах и вузах. В проекте сметы доходов и расходов на 1913 г. съездами Бакинских нефтепромышленников было предусмотрено выделение средств на именные стипендии им. Горного ведомства и им. А.С. Ермолова в Горном институте в Санкт-Петербурге (каждая по 480 руб.), им. С.Ю. Витте в Киевском политехническом институте для питомцев Бакинского технического училища (480 руб.), им. В.И. Ковалевского в Санкт-Петербургском политехническом институте (480 руб.) и стипендия им. П.О. Гукасова для уплаты за обучение детей недостаточных служащих в средних учебных заведениях: одна стипендия в 1 тыс. руб. и еще три именных стипендии по 500 руб. каждая. Кроме того, съезды отдельно выделяли пособия для обучающихся в средних учебных заведениях для организации бесплатных завтраков учащимся, а также для их отдыха в летних лагерях. Общая сумма пожертвований на образовательные цели ежегодно колебалась в пределах от 148 до 154 тыс. руб.³⁹

Помимо дотаций, выделяемых по решению съездов, его постоянные члены также самостоятельно оказывали финансовую помощь специальным образовательным учреждениям разного уровня. Особенно активно эту работу вело «Товарищество нефтяного производства Бр. Нобель». Постоянные именные стипендии Товарищества были учреждены в 10-ти специальных учебных заведениях, среди которых были: Горный и Технологический институты в Санкт-Петербурге (4 стипендии); три ремесленных училища и Бакинское реальное училище (10 стипендий); Нижегородское коммерческое училище и торговая школа (4 стипендии) и др. Всего 30 стипендий, а также пособий для детей служащих и рабочих Товарищества, обучающихся в высших, средних и низших учебных заведениях на общую сумму до 40 тыс. руб. ежегодно⁴⁰.

Одними из первых в сфере обрабатывающих отраслей экономики были созваны Всероссийские съезды мукомолов, что явилось отражением успехов бурно развивавшейся мукомольной промышленности. Постройка новых паровых мельниц и реконструкция старых, настолько увеличили производство муки, что уже начиная с 1880-х гг. на внутреннем рынке начинает ощущаться острая конкурентная борьба. В этой связи первый мукомольный съезд, собравшийся по инициативе Министерства государственных имуществ в Москве в 1888 г. в качестве основного вопроса выдвинул проблему экспорта русской муки. Однако в практическом плане этот вопрос стал рассматриваться только в середине 1890-х гг., когда руководство съездами перешло в ведение Министерства финансов, а сами съезды стали собираться в Санкт-Петербурге. В декабре 1896 г. было принято Положение, согласно которому, съезды должны были созываться Министерством финансов по представлению Департамента торговли и мануфактур и Совета съездов для обсуждения общих вопросов, касающихся мукомольной промышленности и вывоза муки за границу. В ряду этих вопросов одно из значительных мест занимал вопрос подготовки кадров мукомолов, адекватных поставленной проблеме. Главное внимание в решении этой проблемы съезды отводили мукомольным школам.

Уже на I Всероссийском съезде мукомолов в 1888 г. был поднят вопрос о необходимости учреждения технических школ для мукомолов, мельничных механиков и мастеров. Первая мукомольная школа была открыта в 1892 г. в Москве на средства мельнице строительной фирмы Эрлангера, которая за плату в 60 руб. в год принимала мальчиков 15—16 лет и через три года обучения выпускала мельников, чертежников, машинистов, бухгалтеров, подготовленных специально для работы на мельницах. Однако эта школа готовила кадры практически только для нужд основавшей ее компании — Товарищества «Антон Эрлангер и Ко».

В 1893 г. был поднят вопрос о необходимости создания Одесской школы мукомолов. Она была задумана как государственное учебное заведение второго разряда с трехлетним сроком обучения. Основателем школы стал Г.Э. Вейнштейн, глава фирмы «Эммануил Вейнштейн и Сыновья», в состав которой входила паровая мельница, одна из первых паровых мельниц в Одессе, который в 1894 году на свои средства построил для школы специальное здание с необходимым оборудованием. Но из-за отсутствия средств на содержание, открытие школы затянулось и только в 1902 г. Совет по делам мукомолов взял на себя расходы по ее ежегодному финансированию. Предварительная организаторская работа была поручена бывшему профессору Харьковского технологического института В.С. Кнаббе, который в апреле 1902 г. переехал в Одессу. 20 октября 1902 г. по специальному распоряжению министра финансов С.Ю. Витте состоялось официальное открытие школы, что стало заметным событием в Одессе. В 1904 г. Г.Э. Вейнштейн пристроил к школе флигели под чертежную, лабораторию и класс. Когда на VIII Всероссийском съезде мукомолов (1907 г.) возник вопрос о преобразовании Одесской школы в средне-техническое училище, выяснилось, что расширение школы обременительно для бюджета. И на этот раз фирма Вейнштейна взяла на себя все расходы по переводу учебного заведения на более высокую ступень.

В 1909 г. Г. Э. Вейнштейн дополнительно приобрел еще один участок земли площадью более 260 кв. м., прилегающий к территории школы (1,5 тыс. кв. м.), а также выделил средства на расширение училища. 24 мая 1909 г. Государственная дума приняла Закон «О преобразовании Одесской школы мукомолов в Одесское мельнично-техническое училище с четырехлетним сроком обучения». 12 сентября этого же года был утвержден Устав училища, что явилось важной вехой в его истории. В этот период значительно увеличился прием учащихся. Так, если в 1902 г. в школе мукомолов обучались 30 учащихся, то в 1910 г. — уже 150 чел. За счет государственных ассигнований и средств Г.Э. Вейнштейна были оборудованы химическая лаборатория, физический кабинет, приобретена учебная литература, создана библиотека, фонд которой в 1912 г. составил 200 книг⁴¹.

Вторая мукомольная школа была открыта в Нижнем Новгороде. В повестке дня 35-й сессии Совета съездов мукомолов 18 марта 1908 г. вопрос о мукомольных школах стоял шестым из двенадцати пунктов. Уполномоченный Средне-Волжского района, владелец крупнейшего мукомольного предприятия Я.Е. Башкиров обратился за содействием о командировании в Нижний Новгород представителя от Учебного отдела Министерства торговли и промышленности для совместной разработки с Нижегородскими мукомолами программы проектируемой мукомольной школы в Нижнем Новгороде. Это ходатайство было удовлетворено⁴².

В сфере транспорта ведущей регионально-отраслевой организацией являлись съезды судовладельцев Волжского бассейна, учрежденные в Нижнем Новгороде в 1907 г. Всего до начала Первой мировой войны состоялось 5 очередных съездов судопромышленников, на которых, помимо производственных вопросов, рассматривались и проблемы постановки низшего профессионального образования, которое было сосредоточено в Нижегородском (с 1887 г.), Рыбинском (с 1899 г.) и Казанском (с 1904 г.) речных училищах. Эти училища, работали на основании «Положения о речных училищах», утвержденного еще в 1902 г. в Министерстве путей сообщения, и нуждались в реформировании.

Старейшим учебным заведением этого типа было Нижегородское речное училище, основанное в 1887 г. Училище находилось в ведении Министерства путей сообщения и имело два отделения: шкиперское и пароходных механиков. Преподаваемые в училище курсы отличались практичностью, а многие из них не читались ни в каких других подобных учебных заведениях. Это относилось, прежде всего, к курсам судовой практики, судостроения и особенно лодии реки Волги, что было исключительно важно для волжских судовладельцев. Более того пароходовладельцы — частные лица и акционерные компании охотно брали учеников училища на летнюю практику⁴³.

По уставу почетным председателем Попечительского совета являлся Нижегородский губернатор, также длительное время в состав совета входил председатель Нижегородского биржевого комитета Д.В. Сироткин и два члена того же Комитета. Основную роль в организации работы училища и его финансировании играли волжские судовладельцы, поскольку училище содержалось на средства, получаемые от добровольных пожертвований, а главнейшими жертвователями как раз являлись судовладельцы. До 1912 г. в училище состоялось 24 выпуска, в каждом из которых насчитывалось от 30 до 60 выпускников⁴⁴.

В то же время уже в начальный период функционирования училища возникали конфликты, связанные с его финансированием. Формально его финансирование было возложено на Биржевой комитет, но биржевики не очень охотно жертвовали средства, поскольку основное число членов Биржевого комитета (до образования съездов Волжских судовладельцев) составляли владельцы буксиров, куда выпускники училища практически не поступали, а предпочитали определяться на службу на пассажирские пароходы⁴⁵.

Поэтому с образованием в 1908 г. съездов судовладельцев Волжского бассейна в повестке дня съездов встал вопрос о реформировании речных училищ с тем, чтобы они готовили кадры востребованные не только пассажирскими пароходными компаниями, но и способные работать на буксирных пароходах, баржах, землечерпательных машинах и других судах Волжского судоходства. Впервые вопрос «О реформе существующего типа речных училищ» был поставлен в повестку дня Третьего очередного съезда Волжских судовладельцев (1910 г.). Для изучения этого вопроса съездом была избрана специальная комиссия, однако, в силу ограниченности времени предоставленного для подготовки соответствующего заключения, комиссия выступила с предложением просить министра путей сообщения разрешить продолжить ее деятельность и после окончания съезда в качестве Постоянной Комиссии при Совете съездов с тем, чтобы результаты ее работы представить очередному съезду, но при этом иметь возможность обращаться с ходатайствами перед правительственными учреждениями, по вопросам связанным с существующей постановкой речного образования⁴⁶.

В состав комиссии входили не только педагогические работники и администрация существующих учебных заведений, но и практики речного дела. Всего комиссия включала 57 человек и в результате ее работы был подготовлен новый проект Положения и организации речных училищ, который был представлен четвертому очередному съезду судовладельцев (1912 г.). Главным в представленном Положении был принцип подбора контингента для обучения в речных училищах. По мнению разработчиков это должны были быть «лица тесно связанные с реками Волжского бассейна и волжским промыслом, лица, для которых интересы Волжского судоходства непосредственно связаны с условиями их личной жизни»⁴⁷.

Этот принцип подкреплялся требованием к желающим поступить в речное училище представлять «аттестат о плавании не менее 12-ти месяцев», т.е. наличие практической подготовки на речных судах. Училища должны были находиться в ведении Министерства путей сообщения и не зависеть от притока частных средств и временных пособий от казны, а полностью финансироваться за счет государства. Начальником речного училища по новому положению должно было быть лицо, не только получившее специальное образование, но и «служившее на ответственных должностях на паровых речных судах»⁴⁸.

Продолжительность обучения в училищах устанавливалась 4-х годичной с целью усиления в них общеобразовательной программы и особенно специальных предметов. С этой целью помимо уже существующих курсов арифметики, геометрии и физики, вводился курс алгебры, проекционного черчения и элементарных понятий из политической экономии. Что касается специальных предметов, то помимо общей логии, механики, судостроения, счетоводства и т.п., программа предусматривала такие курсы, как коммерческая корреспонден-

денция, описание технических мер, принимаемых для углубления судоходного русла рек и др. Также увеличивались часы, выделяемые на судовую практику.

Таким образом, новая программа речного училища предполагала изменение учебного плана введением восьми новых предметов, что увеличивало курс обучения с трехгодичного на четырехгодичный. Это давало право окончившим училище поступать на государственную службу и на производство в чины. Кроме того, в докладе Совета съездов «О положении вопроса по реформе речного образования» очередному пятому съезду судовладельцев (10—13 февраля 1913 г.) отмечалось, что главное в новом Положении заключалось в перенесении центра тяжести в программе обучения на специальные предметы, при незначительном увеличении общеобразовательных предметов.

Еще одно важное изменение касалось роли попечительских советов училищ. Во первых, вводился принцип обязательности учреждения попечительских советов при всех училищах, изменение их состава и порядка образования, а также их функций. Уменьшалось их влияние на содержание учебного процесса, а главная функция заключалась в поиске дополнительных средств на развитие материально-технической базы училищ (строительство и ремонт помещений и др.) и финансовой поддержки нуждающихся учеников за счет введения специальных стипендий⁴⁹.

Таким образом, съезды судовладельцев главное внимание в вопросе подготовки кадров для судоходной промышленности сосредоточили на развитии речного образования. Реформа речных училищ делала акцент на повышении роли специальных предметов и создании условий для последующего обучения выпускников в средних специальных учебных заведениях. Кроме того повышалась роль попечительских советов в поиске дополнительных средств на поддержку специального образования при том, что основное финансирование его должно было, по мнению съездов судовладельцев, обеспечиваться государством.

Особенно важное значение решение проблемы постановки профессионального образования имело для новых отраслей промышленности, возникших в период промышленного подъема и остро испытывавших недостаток в квалифицированных кадрах. Наиболее динамично развивающейся отраслью в России на рубеже веков становится электротехническая промышленность, что предопределило необходимость подготовки для нее кадров разного уровня. Интересы этой отрасли представляли Всероссийские электротехнические съезды созданные на рубеже веков. Всего за период с 1900 по 1913 гг. состоялось семь электротехнических съездов и практически на каждом из них рассматривались вопросы развития профессионального образования. В отличие от других отраслевых предпринимательских организаций, электротехнические съезды рассматривали постановку технического образования комплексно, включая помимо развития низших и средних учебных заведений, возможность создания негосударственной высшей электротехнической школы, активно используя при этом европейский опыт.

Традиционно в России подготовку инженеров-электротехников вели государственные вузы. Подготовка высших кадров для электротехнической промышленности, начиная с 1891 г. была сосредоточена в основном в Петербургском электротехническом институте. Кроме того, электротехнику преподавали в Технологическом институте имп. Николая I, в Петербургском и Киевском

политехнических институтах, в Московском высшем техническом училище, в Харьковском технологическом институте и некоторых других. Не подвергая сомнению постановку электротехнического образования и качество подготовки специалистов в государственных вузах, недостатком этой деятельности являлось, то, что таких кадров было слишком мало и бурно развивающаяся электротехническая промышленность испытывала в них острый недостаток.

Поэтому главной темой, звучавшей практически на всех съездах, была проблема постановки и развития специального электротехнического образования в России. Это касалось как низших технических училищ, готовивших монтеров по слесарно-механической отрасли, с тем, чтобы они включили в программу обучения преподавание основных практических сведений по электротехнике, так и средних технических училищ, готовивших старших монтеров электротехнических установок и заведующих цехами в электротехнических мастерских и заводах. Хотя электричество и входило в программу обучения средних училищ, однако, оно имело скорее теоретический, чем практический характер. Поэтому программам в средних училищах рекомендовалось придать более прикладной характер, направленный на изучение практического применения электротехники. Что касалось высших технических учебных заведений, то лица закончившие их должны были обладать достаточно основательными знаниями в области электротехники, чтобы иметь возможность применять электротехнику в своей специальности. При этом было обращено внимание на тот факт, что в технических вузах этому уделялось недостаточное внимание. В связи с чем съезд пришел к выводу о необходимости подготовки специального ходатайства об открытии электротехнических кафедр во всех высших технических учебных заведениях, где таковых еще не имелось⁵⁰.

Еще одной проблемой, которая была в целом характерна для русской школы — это «многопредметность» и обширность курсов, когда преимущество отдавалось общему образованию, в ущерб специальному. Термин «многопредметность» ввел товарищ министра финансов В.И. Ковалевский, который, выступая на съезде директоров и представителей попечительских советов коммерческих училищ в 1901 г., заявил, что «предметы общеобразовательные нередко подавляют специальный характер данной школы», что и приводит к многопредметности программ коммерческих училищ. В этой связи В.И. Ковалевский предлагал обдумать, «не окажется ли возможным преподавание предметов, генетически связанных между собой, вести так, чтобы они давали одно законченное целое. Равным образом, я находил бы необходимым не только согласовать программы предметов в отдельных коммерческих училищах, но и сократить, если возможно, эти программы»⁵¹.

Таким образом, для коммерческих учебных заведений главным являлось стремление подготовить специалистов, способных решать экономические проблемы. Однако и в российской коммерческой школе важной особенностью было стремление к академизму, что делало это образование более фундаментальным, нежели в Европе, но менее практико-ориентированным и свободным от государственного влияния. Программы российских коммерческих школ в отличие от европейских предусматривали более значительный объем учебного материала, что объективно требовало и более продолжительного вре-

мени для его усвоения. Поэтому если в Европе высшие коммерческие курсы были рассчитаны на 1—2 года, то в России этот период растягивался до 4-х лет.

Выход виделся в том, чтобы не добавлять отдельные предметы в уже существующих технических школах, а открывать самостоятельные специализированные учебные заведения или преобразовывать уже существующие коммерческие училища, открывая в них два отделения: техническое или электротехническое.

Вопрос о постановке преподавания в низших электротехнических школах специально рассматривался на втором Всероссийском электротехническом съезде (декабрь 1901 г.). В докладе участника съезда В.А. Ржевского, посвященном этому вопросу была сформулирована цель преподавания в училище этого типа, которая должна была заключаться в подготовке лиц либо производящих (под руководством инженеров) электротехнические установки всякого рода, либо уже работающих на этих установках или на предприятиях, производящих это оборудование. Поэтому обязательными для этих училищ должны были стать только специальные предметы⁵².

В таких училищах должны были преподаваться следующие отделы электротехники:

1. Электрическое освещение и передача энергии;
2. Телеграфия, телефония, сигнализация;
3. Электрохимия (этот предмет мог преподаваться по желанию слушателей).

Ставилась задача коренным образом изменить не только саму программу специальных предметов, но и метод их преподавания. Поэтому главное внимание в процессе обучения должно было уделяться постановке практических работ, т.е. не только ознакомить ученика с идеей устройства электрической машины, но и уходом за ней. Такой подход предполагал необходимость сокращения программы обучения в низших технических школах. Это должно было достигаться за счет отказа разделения учеников на классы и перехода к групповому делению учеников по их способностям и действительным знаниям. При таком формировании группы должны были разделяться каждую четверть года на группы успевающих и отстающих учеников. В результате такой подход позволял способным ученикам окончить курс за два года, а менее способным, оставшимся на повторное обучение каждую четверть — за четыре года⁵³.

По итогам обучения выпускникам выдавалось свидетельство о прохождении ими курса школы. При этом после двухлетней практической деятельности в любой отрасли электротехники, по их личному выбору, они подвергались экзамену, по итогам которого уже выдавался аттестат, предоставляющий права, соответствующие правам, даваемым другими подобными училищами.

Что касается средних специальных учебных заведений, то здесь, по мнению съездов, правильным было более длительное время прохождения полного курса: от 7 до 8 семестров, причем контингент поступающих должен быть не ниже окончивших 4 класса средних учебных заведений в России. По окончании указанной школы учащийся должен был получить звание электроинженера и право продолжить обучение в политехническом институте.

Созданным в 1909 г. по инициативе съездов Обществом Московских высших электротехнических курсов была подготовлена и разослана специальная анкета, целью которой являлось выяснение уровня преподавания электротех-

ники в существующих средних и низших учебных заведениях. В результате из 14 ответивших средних школ в России электротехника не преподавалась только в одной. При этом из 13 школ 46% имели лаборатории и 69% станции, что свидетельствовало о наличии достаточной материально-технической базы. Однако с точки зрения качества преподавания было отмечено, что преподавательский состав в целом мало подготовлен по электротехнике, поскольку из 13 школ лишь в 3-х преподают специалисты-электротехники, что обуславливало в целом низкий уровень учащихся⁵⁴.

Что касается постановки электротехнического образования в низших технических школах России, то из 18 ответивших школ электротехника преподавалась лишь в 8-ми, причем ни в одной из них не было лаборатории и только в семи были станции. В школах практически не проводилось осмотров электротехнических сооружений, что касается курса электротехники, то его также преподавали не специалисты⁵⁵.

Поэтому решением Пятого электротехнического съезда (1909 г.) была сформирована специальная Комиссия по постановке всей системы электротехнического образования в России. В результате ее работы был сформулирован комплекс предложений, касающихся организации высшего, среднего и низшего электротехнического образования, которые сводились к следующему:

- 1) Открыть в Москве высшую электротехническую школу по типу существующей в Париже;
- 2) Открыть несколько новых средних электротехнических школ в разных местах Империи;
- 3) Детально проработать вопрос о постановке низшего электротехнического образования⁵⁶.

Надо отметить, что именно Электротехнические съезды, представлявшие интересы инновационной отрасли промышленности ставили в качестве приоритета, наряду с низшим и средним уровнем, развитие высшего технического образования, как негосударственного, финансируемого за счет средств специальных обществ и частных лиц.

Высшее профессиональное образование

Необходимость постановки высшего профессионального образования рассматривалась и в документах организаций, представлявших интересы добывающих отраслей, в частности съездами горнопромышленников Юга России, которые проявляли интерес и к организации высшего горнотехнического образования. Однако вплоть до 1905 г. высшая профессиональная школа мыслилась ими все-таки не как отдельный тип общественного и частного образования, а как составная часть государственной высшей школы с усиленным прикладным компонентом, включающим традиционную солидную теоретическую подготовку (университетского типа) и практико-ориентированную, по сути, средне специальную практическую часть. Данный подход предполагал наличие смешанного государственного, муниципального и общественного финансирования подобного типа учебных заведений.

Так, в 1882 г. на VII съезде горнопромышленников Юга России было принято решение присоединиться к ходатайству Харьковского земства и городского управления о скорейшем открытии Харьковского технологического института. В резолюции съезда подчеркивалось, что «горнозаводская промышленность при настоящем ее состоянии нуждается в большом количестве опытных и хорошо подготовленных техников и еще более будет нуждаться в них в ближайшем будущем»⁵⁷.

Поскольку решение по этому вопросу затягивалось, то следующий VIII съезд (1883 г.) вновь возбудил данное ходатайство уже непосредственно перед министерством народного просвещения. В результате этих усилий Институт был торжественно открыт 15 сентября 1885 г. как практический технологический вуз с двумя отделениями — механическим и химическим, на которые принималось всего 125 человек. На XXI съезде (1897 г.) был рассмотрен вопрос об учреждении на юге России еще одного специализированного высшего учебного заведения в Екатеринославе. В резолюции съезда подчеркивалось, что горная и горнозаводская промышленность остро нуждается в горных инженерах, а также в практически-образованных горных техниках, которые могли бы быть помощниками горных инженеров, с правом через два года практики держать экзамен на звание горного инженера. Поэтому на XXII съезде (1898 г.) было принято решение об ассигновании на открытие высшего горного учебного заведения в г. Екатеринославе 100 тыс руб., предназначая этот капитал исключительно на горное или горнотехническое его отделение. Кроме того, съезд пожертвовал на постройку зданий этого учебного заведения в общей сложности 232 826 руб. Высшее горнотехническое училище было торжественно открыто в Екатеринославе 30 сентября 1899 г.⁵⁸

Училище ставило целью давать специальное образование для лиц, посвящающих себя преимущественно практической деятельности по горному делу (рудничному и заводскому). Училище имело 2 отделения — горное и заводское; первое должно было давать практических и более образованных, чем дает Штейгерская школа, техников для рудничного дела, второе — практически образованных техников для заведования различными заводскими цехами. Поэтому в училище принимались лица окончившие курс высших и средних учебных заведений и выдержавшие вступительный экзамен по черчению и рисованию.

Учебный курс в Училище был установлен (первоначально) в 3 года. При этом практическим занятиям по специальным предметам уделялось ежегодно по четыре весенних и летних месяца. По окончании теоретического курса в Училище учащиеся в течение еще 6 месяцев занимались исключительно практической разработкой заданного проекта и подготовкой к его защите. Выдержавшие испытания и защитившие проект получали диплом на звание горного техника и после двухлетней практической работы на горнопромышленных предприятиях, могли держать экзамен на 3-й курс Горного института или на звание горного инженера. 25 мая 1903 г. император Николай II утвердил постановление Государственного совета о сроке обучения в училище — 4 года и присвоение выпускникам звания инженера. Таким образом, училище окончательно получило статус высшего учебного заведения. На XXXV съезде (1910 г.) был поставлен вопрос о преобразовании Екатеринославского высшего горного училища в Горный институт. Постановление об этом Государственная дума

утвердила в 1912 г. и училище стало именоваться — Екатеринбургский горный институт, который находился в ведении Министерства торговли и промышленности.

Подобная тенденция в вопросе постановки высшего промышленного образования прослеживается и в деятельности другой старейшей отраслевой организации — съездов Уральских горнопромышленников. Еще VII съезд Уральских горнопромышленников (1899 г.), обсуждая вопрос о горнотехническом образовании и материальном содействии учреждению высшего горного училища или политехникума в Екатеринбурге, постановил передать вопрос материального содействия его учреждению на усмотрение Уполномоченных съезда в Петербурге. Итогом этого обсуждения явилась резолюция, в которой подчеркивалось, что «...усилия горнопромышленников Урала должны быть прежде всего направлены к распространению среднего и низшего образования». При этом учреждение высшего горного училища было признано преждевременным и едва ли осуществимым. поскольку, как отмечалось: «Из всех отраслей промышленности на Урале является развитой почти только исключительно промышленность горная, а потому в случае учреждения политехникума, со многими отделениями, окончившие курс будут принуждены искать применения приобретенных ими знаний в других промышленных районах»⁵⁹.

Однако на самом деле причина крылась в нежелании владельцев частных предприятий финансировать учреждение проектируемого училища, о чем было прямо заявлено в докладе Совета съездов по итогам изучения данного вопроса⁶⁰. Высказанная позиция вызвала резкую критику со стороны Екатеринбургской городской управы, которая в обращении к Совету съезда Уральских горнозаводчиков отметила, что в Уральском крае чувствуется острый недостаток инженеров с высшим горным образованием и заявление Уральских уполномоченных, что такого недостатка не ощущается голословно. По сведениям Горного департамента в 1896 г. на всех частных горных заводах, рудниках и промыслах имелось только 202 горных инженера. Поэтому Екатеринбургская городская дума выражала надежду, что «заводовладельцы Урала примут горячее участие в учреждении политехникума в Екатеринбурге»⁶¹.

Лишь на XIX съезде горнопромышленников Урала, состоявшемся в феврале 1914 г. вопрос об открытии в Екатеринбурге Горного института стал обсуждаться в практической плоскости. В докладе Совета съезда отмечалась необходимость скорейшего создания Горного института на Урале, который «принес бы великую пользу горнопромышленным предприятиям Урала, приняв на себя выяснение различных вопросов, имеющих как практическое, так и научное значение»⁶². 3 июля 1914 г. Закон «Об учреждении Уральского горного института в Екатеринбурге» был официально утвержден императором Николаем II. Однако реальное открытие института состоялось только в октябре 1917 г. уже без участия съезда горнопромышленников Урала.

Нежелание отраслевых съездов, представлявших интересы добывающих отраслей промышленности и транспортников, самостоятельно финансировать специальные высшие учебные заведения вело к тому, что подготовка кадров высшей квалификации в этой сфере финансировалась в основном за счет государства и осуществлялась также в государственных вузах.

Попытку реализовать самостоятельный проект по созданию негосударственного технического вуза предприняли Всероссийские электротехнические съезды. С этой целью по решению Пятого съезда (1909 г.) в Москве было учреждено самостоятельное Общество Высших электротехнических курсов. Учредителями Общества стала группа лиц (всего 10 человек) имеющих непосредственное отношение к электротехнической отрасли. Половину из них составляли практические работники, в основном инженеры-механики и электротехники ряда фирм и предприятий Москвы и Санкт-Петербурга, а вторую половину — ведущие ученые, профессора столичных отраслевых вузов.

Устав Общества был зарегистрирован 17 декабря 1909 г. По уставу «Общество должно было иметь целью предоставление высшего электротехнического образования лицам имеющим для сего подготовку, а также развитие и распространение научных и практических знаний в области применения электричества»⁶³.

Деятельность Общества заключалась: 1) в организации и ведении всей хозяйственной и учебной части учреждаемых курсов, а также других электротехнических учебных заведений; и 2) в доставлении необходимых для указанных учебных заведений средств. При этом средства Общества должны были формироваться из: а) единовременных паевых взносов до 50 руб. каждый; б) добровольных пожертвований; в) сборов с публичных лекций и концертов; г) платы за обучение на учреждаемых Обществом электротехнических курсах и других учебных заведениях и д) доходов от изданий Общества⁶⁴.

Всеми хозяйственными делами Общества по Уставу занималось Правление Общества, которое состояло из 10 членов включая председателя и его товарища, избираемых Общим Собранием Общества на 2 года.

В круг деятельности Правления входили:

- 1) Назначение и взимание платы от учащихся;
- 2) Назначение и уплата гонорара преподавателям;
- 3) Производство всех хозяйственных расходов по содержанию курсов и учебных заведений, включая приобретение необходимых учебных пособий;
- 4) Наем помещений;
- 5) Заключение всякого рода договоров от имени Общества;
- 6) Составление годового отчета о действиях Общества и составление сметы на предстоящий учебный год и т.д.⁶⁵

Положение о Высших электротехнических курсах было принято Ученым Советом в мае 1910 г. и утверждено министром торговли и промышленности 11 декабря 1910 г. Согласно Положению Московские Высшие Электротехнические Курсы являлись высшим учебным заведением, имеющим целью: во-первых, представление электротехнических знаний лицам, получившим для этого достаточное техническое или математическое образование и знания в области применения электричества.

Во-вторых, Курсы учреждаются и содержатся Обществом Московских Высших Электротехнических Курсов и состоят в ведении Министерства торговли и промышленности.

Что касается учащихся, то по Положению на Курсы принимаются без различия национальности, вероисповедания и пола лица, уже имеющие достаточное высшее техническое или физико-математическое образование, полу-

ченное в России или за границею. Для получения диплома учащиеся должны сдать дипломные экзамены в особой экзаменационной комиссии. Успешно выдержавшим испытания выдается диплом об окончании курса, не предоставляющий никаких особых прав⁶⁶.

На это уточнение необходимо обратить внимание, поскольку до получения государственной аккредитации частные и общественные высшие учебные заведения не пользовались никакими государственными льготами, в частности получением диплома государственного образца, который давал право на занятие должностей в государственных учреждениях и организациях. Однако отказ от получения аккредитации, в свою очередь, позволял негосударственным вузам иметь собственный учебный план и самостоятельно определять сроки обучения.

Для решения вопроса о формировании бюджета Общества Московских Высших Электротехнических Курсов была создана Финансовая комиссия, которая привлекла из числа фирм и отдельных предпринимателей пожертвования в фонд Общества в размере более 32 тыс. руб., что было достаточно для их учреждения. Официально Курсы планировалось открыть в Москве в сентябре 1911 г.⁶⁷

В Положении о Высших электротехнических курсах также устанавливалось, что на них будет преподаваться только электротехника и, в этой связи, слушатели должны быть в достаточной мере подготовлены технически и математически для будущей работы. Дискуссионным оставался вопрос о продолжительности обучения. Дело в том, что опыт электротехнических вузов Западной Европы показал, что за время своего пребывания в учебном заведении полный курс электротехники может быть пройден в течение одного учебного года, если учащийся посвятит себя исключительно электротехнике. Однако оставался открытым вопрос, насколько учащийся может основательно усвоить в течение одного года столь серьезную область, как электротехника.

Съезд, утверждая программу Высших курсов, ориентировался в постановке дела электротехнического образования прежде всего на французский опыт, как наиболее удачный в этой сфере. Поэтому план курса рассчитывался на один год, что в значительной мере должно было удешевить и упростить, с одной стороны — материальное содержание Курсов, а с другой — сократить время тем слушателям, которые подготовлены к одногодичному усвоению учебного материала. При этом было важно распланировать занятия таким образом, чтобы слушатели, не успевшие усвоить весь курс за один год, могли выполнить его за полтора или даже за два года, не мешая вместе с тем слушателям первой категории и не усложняя ведения учебного дела.

В этой связи возникал вопрос о том, кого необходимо было принимать в качестве слушателей на годичную программу. В докладе от имени Общества подчеркивалось, что контингент обучающихся в первую очередь должен формироваться из инженеров, окончивших по другим специальностям и желающих получить за год основательное высшее электротехническое образование, с тем, чтобы применить эти знания непосредственно в условиях русской действительности, а также из военных и морских инженеров; и затем из людей, получивших высшее или повышенное среднее техническое образование, которые на протяжении примерно двухлетнего пребывания на Курсах (комбинируя одну часть предметов для прохождения в первый год, а вторую часть — во второй год) успе-

ют не только усвоить полный курс электротехники, но вместе с тем сумеют дополнить за счет самостоятельной работы недостающие сведения в других областях техники. Кроме того, курсы могут представить возможность прохождения отдельных специальных предметов и лабораторий для всех желающих и этим они могли бы обслуживать существующую среди различных инженеров-практиков потребность возобновить свои знания из различных областей электротехники⁶⁸.

В общих чертах характер Курсов представлялся их учредителями следующим образом:

— занятия должны были происходить ежедневно, дневные для планомерного прохождения полного курса, вечерние для отдельных лекционных циклов и рефератов;

— что касается преподавательского состава, то он должен был в большой степени представлен практиками, связанными с электротехнической промышленностью;

— для практических и лабораторных занятий был предусмотрен третий летний семестр;

— на курсы должны были приниматься люди уже имеющие высшее или специальное среднее техническое образование.

Курсы должны были давать полноценное электротехническое высшее образование, но людям уже имеющим соответствующую квалификацию. Более того, в докладе И.В. Линде на V Всероссийском электротехническом съезде специально подчеркивалось, что «отсутствие в России таких специальных электротехнических курсов лишает работающих уже в промышленности инженеров и техников возможности пополнить свои проблемы в электротехнике»⁶⁹.

Однако инициатива создать Московские Высшие Электротехнические Курсы по типу европейских так и не реализовалась. Неудача в учреждении этого учебного заведения, как представляется, связана, прежде всего, с отсутствием необходимых средств на его открытие, собрать которые в условиях Первой мировой войны оказалось невозможным.

Выводы

В целом промышленное и коммерческое образование в России на рубеже XIX—XX вв. получило значительное развитие. Всего за 20 лет, с 1896 по 1916 г., сеть специальных учебных заведений увеличилась с 8 до 602. К 1916 г. эта система включала 260 коммерческих училищ, 169 торговых школ, 38 торговых классов и 135 курсов коммерческих знаний⁷⁰.

Численность учащихся в низших и средних коммерческих и технических учебных заведениях, финансируемых за счет общественных организаций, а также земских и местных органов власти стабильно увеличивалась: если в 1896 г. в коммерческой школе обучалось всего 2,5 тыс. человек, то к 1899 г. их число возросло до почти 11 тыс. человек, к началу 1903 г. составило более 32 тыс. человек, а накануне Первой мировой войны количество учащихся в коммерческих учебных заведениях всех типов достигло максимального уровня — 90 637 человек⁷¹.

Что касается высших учебных заведений, то к 1917 г. насчитывалось всего 124 вуза, из которых 65 были правительственными (т.е. государственными) и 59 относились к негосударственному сектору, в котором обучались примерно 70 тыс. человек, что составляло 52% от общего числа учащихся в высшей школе. Коммерческие и технические вузы входили в группу так называемых народнохозяйственных вузов, которых к 1916 г. оставалось 16 общественных и частных, из которых 6 являлись коммерческими и еще 4 относились к инженерно-промышленным. В общей сложности в этих вузах обучалось чуть более 15 тыс. студентов⁷².

В этой связи можно сделать вывод, что на рубеже XIX—XX вв. Россия активно включилась в процесс образовательных модернизаций, вызванных правительственной политикой, сформулированной в Программе социально-экономического развития, разработанной в Министерстве финансов в 1893 г. под руководством С.Ю. Витте. Необходимым условием выполнения данной программы являлось повышение качества человеческого капитала. Решить поставленную задачу было невозможно без реформы всей системы образования. Новым типом образовательного учреждения стали технические учебные заведения разного уровня, которые усиливали прикладной компонент образования, делая его практико-ориентированным, нацеленным на подготовку кадров для бурно развивающейся промышленности. В этом смысле можно говорить о развитии промышленного образования инициированного государством в качестве составной части экономической программы правительства.

На этой стадии образовательной модернизации приоритет получают в основном количественные показатели: экстенсивное расширение образовательной отрасли, рост числа обучающихся во всех типах учебных заведений и т.п. Тем не менее, уже в этот период начинают проявляться новые тенденции, направленные на поиск новых путей повышения качества специального образования за счет, в том числе, учета европейского опыта, накопленного в этой сфере. Важную роль в решении проблемы повышения качества человеческого капитала играли всероссийские и регионально-отраслевые съезды предпринимателей, которые уделяли большое внимание развитию специального образования для взрослых, рассматривая его как важный фактор повышения производительности труда и качества работы. В докладе на очередном съезде нефтепромышленников «О курсах технических наук для рабочих рудников и горных заводов» специально подчеркивалось, что всем горным и горнозаводским предприятиям должно быть предоставлено ничем не ограничиваемое право устраивать для своих рабочих школы и курсы. При этом отмечалось, что «... насаждение технических знаний среди взрослых рабочих не может заключать в себе никакого принципа однообразия»⁷³.

Подход к формированию промышленного образования со стороны отраслевых съездов предусматривал:

- развитие всех уровней: низшего, среднего и высшего технического и коммерческого образования, при этом приоритет отдавался низшим и средним учебным заведениям;
- отказ от фиксированных сроков обучения и формирование учебного плана с опорой на преподавание специальных предметов;

— исключительно практическую направленность обучения, с тем, чтобы выпускник реально мог работать исходя из уровня полученного образования;

— использование европейского, в частности французского опыта, в поставке электротехнического образования в частности;

— участие в финансировании коммерческих учебных заведений, в том числе формирование специальных обществ для учреждения высших коммерческих школ.

В то же время, стремление ряда отраслевых предпринимательских организаций, представлявших традиционные отрасли экономики (прежде всего, добывающие), переложить проблемы финансирования специальных учебных заведений, особенно высшего уровня, на плечи государства, сдерживало развитие этого сектора образования. Подобная позиция негативно отражалась на решении проблемы повышения качества человеческого капитала в условиях становления национальной конкурентоспособной экономики.

Библиография

- Бакинское средне-техническое училище. Исторический очерк. 1888—1913 гг. Баку, 1913.
- Бессолицын А.А.* Государство и отраслевые съезды предпринимателей в России в конце XIX — начале XX века // Экономическая история: Ежегодник. 2014/15. М., 2016.
- Вессель Н.Х.* Наша новая государственная финансовая деятельность (1892—1894 гг.). СПб., 1894.
- Витте С.Ю.* Воспоминания, мемуары: Т.3. М., 2002.
- Витте С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов: в 5 т. Т. 4. Кн. 1. М., 2002.
- Двадцатипятилетие Нижегородского речного училища (1887—1912 гг.). Нижний Новгород, 1912.
- Жидков С.М.* О Нижегородском речном училище. СПб., 1899.
- Из истории Одесской национальной академии пищевых технологий (URL: <http://www.onaft.edu.ua/ru/history>).
- Казанцева С.А.* Исторический путь российской культуры и просвещения в XIX — первой трети XX в. Хабаровск, 1998.
- Кечеджи-Шаповалов М.В.* О коммерческом самообразовании. СПб., 1910.
- Ковалевский Е.П.* Образовательный ценз руководителей русских фабрик и заводов. СПб., 1893.
- Коммерческое образование в России. Высочайше утвержденные Положения. М., 1904.
- Краткий исторический очерк XXV-ти летия существования Кунгурского технического, Губкина училища (1877—1902 гг.). Кунгур, 1903.
- Краткий обзор деятельности Съезда Бакинских нефтепромышленников по народному образованию за время с 1897 по 1912 гг. Баку, 1913.
- Маслов Ю.Н.* Коммерческое образование в России в конце XIX — начале XX вв. Автореф. ... дис. к.и.н. Курск, 2001.
- Министерство финансов. Учебный отдел. Материалы по коммерческому образованию. Вып. I. СПб., 1901.
- Об учреждении высшего горного училища в г. Екатеринославе и об утверждении положения о сем училище и штата оног. Харьков, 1899.
- Общество Московских высших электротехнических курсов 1909—1911. М., 1911.
- Проект общего нормального плана промышленного образования в России. СПб., 1887.
- Рудольф Н.Ф.* Краткие сведения о насаждении в России технического и профессионального образования Министерством народного просвещения за время с 1888 по 1901 г. СПб., 1902.
- Смолин О.Н.* Образование и глобальный контекст российской модернизации // Экономическое возрождение России. 2016. № 2 (48).
- Совет съездов мукомолов. Доклады 35-й сессии Совета съездов мукомолов, имеющей быть 18 марта 1908 г. СПб., 1908.
- Солоницын В.А.* Негосударственное высшее образование в России. М., 1998.
- Суходолов А.П., Майдачевский Д.Я.* «Прагматический поворот» траектории развития высшей школы: уроки истории // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2016. Т. 26. № 2.
- Тридцать лет деятельности Товарищества нефтяного производства Бр. Нобель (1879—1909 гг.). СПб., 1913.
- Труды VII съезда горнопромышленников Юга России. Харьков, 1883.

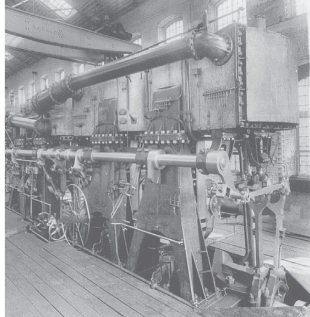
- Труды VIII съезда Уральских горнопромышленников. Екатеринбург, 1900.
 Труды XIX съезда горнопромышленников Урала в г. Екатеринбурге. Ч. II. СПб., 1914.
 Труды XX съезда горнопромышленников Урала в г. Екатеринбурге. Пг., 1915.
 Труды XVI очередного съезда нефтепромышленников в г. Баку. Т. I. Баку, 1902.
 Труды XXIII очередного съезда нефтепромышленников в г. Баку. Т. 1. Баку, 1907.
 Труды XXIII очередного съезда нефтепромышленников в г. Баку. Т. 2. Баку, 1907.
 Труды XXXI очередного съезда нефтепромышленников в г. Баку. Баку, 1913.
 Труды XXXV съезда горнопромышленников Юга России. Т. 1. Ч. 1. Харьков, 1911.
 Труды Первого Всероссийского электротехнического съезда. Т. 1. СПб. 1901.
 Труды Второго Всероссийского электротехнического съезда. Т. 1. СПб. 1903.
 Труды Пятого Всероссийского электротехнического съезда. СПб. 1910.
 Труды Шестого Всероссийского электротехнического съезда. Выпуск первый. СПб., 1911.
 Труды Третьего очередного съезда судовладельцев Волжского бассейна. Свод постановлений. Нижний Новгород, 1911.
 Труды Четвертого очередного съезда судовладельцев Волжского бассейна. Проект положения и организация речных училищ. Нижний Новгород, 1913.
 Труды Пятого очередного съезда судовладельцев Волжского бассейна. Доклад Совета съездов «О положении вопроса по реформе речного образования». Нижний Новгород, 1914.
 Фомин П.И. Краткий очерк истории съездов горнопромышленников Юга России. Харьков, 1908.
 Фомин П.И. Практическая постановка промышленного образования. Харьков, 1912.

Примечания

- ¹ Смолин О.Н. Образование и глобальный контекст российской модернизации // Экономическое возрождение России. 2016. № 2 (48). С. 59.
- ² Проект общего нормального плана промышленного образования в России. СПб., 1887. С. 1—2.
- ³ Рудольф Н.Ф. Краткие сведения о насаждении в России технического и профессионального образования Министерством народного просвещения за время с 1888 по 1901 г. РТО. СПб., 1902. С. 1.
- ⁴ Рудольф Н.Ф. Указ. соч. С. 2—3.
- ⁵ Проект общего нормального плана промышленного образования в России. С. 3—5.
- ⁶ Там же. С. 6—7.
- ⁷ Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов: в 5 т. Т. 4. Кн. 1. М., 2002. С. 47—135.
- ⁸ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 101—102.
- ⁹ Фомин П.И. Практическая постановка промышленного образования. Харьков, 1912. С. 1—2.
- ¹⁰ Казанцева С.А. Исторический путь российской культуры и просвещения в XIX — первой трети XX в. Хабаровск, 1998. С. 12
- ¹¹ Ковалевский Е.П. Образовательный ценз руководителей русских фабрик и заводов. СПб., 1893. С. 5—6, 15.
- ¹² Там же. С. 7.
- ¹³ Там же. С. 8.
- ¹⁴ Кечеджи-Шаповалов М.В. О коммерческом самообразовании. СПб., 1910. С. 2.
- ¹⁵ Суходолов А.П., Майдачевский Д.Я. «Прагматический поворот» траектории развития высшей школы: уроки истории // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2016. Т. 26, № 2. С. 170—171.
- ¹⁶ Витте С.Ю. Воспоминания, мемуары. Т. 3. М., 2002. С. 503.
- ¹⁷ Вессель Н.Х. Наша новая государственная финансовая деятельность (1892—1894 гг.). СПб., 1894. С. 189.
- ¹⁸ Коммерческое образование в России. Высочайше утвержденные Положения. М., 1904. С. 3.
- ¹⁹ Бессолицын А.А. Государство и отраслевые съезды предпринимателей в России в конце XIX — начале XX века // Экономическая история: Ежегодник. 2014/15. М., 2016. С. 157—158.
- ²⁰ Об учреждении высшего горного училища в г. Екатеринославе и об утверждении положения о сем училище и штата оногo. Харьков, 1899. С. 1.
- ²¹ Там же. С. 3.
- ²² Фомин П.И. Краткий очерк истории съездов горнопромышленников Юга России. Харьков, 1908. С. 41.
- ²³ Там же. С. 41—42.
- ²⁴ Труды XXXV съезда горнопромышленников Юга России. Т. 1. Ч. 1. Харьков, 1911. С. 12—13.
- ²⁵ Фомин П.И. Краткий очерк истории... С. 41.

- ²⁶ Труды XXXV съезда горнопромышленников Юга России. С. 12.
- ²⁷ *Фомин П.И.* Краткий очерк истории ... С. 40.
- ²⁸ Труды XIX съезда горнопромышленников Урала в г. Екатеринбурге. Ч. II. СПб., 1914. С. 90—91.
- ²⁹ Труды XX съезда горнопромышленников Урала в г. Екатеринбурге. Пг., 1915. С. 384—386.
- ³⁰ Там же. С. 388—389.
- ³¹ Там же. С. 293—394.
- ³² Там же. С. 400—402.
- ³³ Краткий исторический очерк XXV-ти летия существования Кунгурского технического, Губкина училища (1877—1902 гг.). Кунгур, 1903. С. 13.
- ³⁴ Труды XX съезда горнопромышленников Урала в г. Екатеринбурге. С. 416—417.
- ³⁵ Там же. С. 113—115.
- ³⁶ Труды XVI очередного съезда нефтепромышленников в г. Баку. Т. I. Баку, 1902. С. 429; Труды XXIII очередного съезда нефтепромышленников в г. Баку. Т. 1. Баку, 1907. С. 67—68.
- ³⁷ Бакинское средне-техническое училище. Исторический очерк. 1888—1913 гг. Баку, 1913. С. 69, 78—79.
- ³⁸ Краткий обзор деятельности Съезда Бакинских нефтепромышленников по народному образованию за время с 1897 по 1912 гг. Баку, 1913. С. 16—17, 121—124.
- ³⁹ Труды XXXI очередного съезда нефтепромышленников в г. Баку. Баку, 1913. С. 67—68.
- ⁴⁰ Тридцать лет деятельности Товарищества нефтяного производства Бр. Нобель (1879—1909 гг.). СПб., 1913. С. 323—324.
- ⁴¹ Из истории Одесской национальной академии пищевых технологий (URL: <http://www.onaft.edu.ua/ru/history>).
- ⁴² Совет съездов мукомолов. Доклады 35-й сессии Совета съездов мукомолов, имеющей быть 18 марта 1908 г. СПб., 1908. С. 10.
- ⁴³ *Жидков С.М.* О Нижегородском речном училище. СПб., 1899. С. 2—3.
- ⁴⁴ Двадцатипятилетие Нижегородского речного училища (1887—1912 гг.). Нижний Новгород, 1912. С. V.
- ⁴⁵ *Жидков С.М.* Указ. соч. С. 4.
- ⁴⁶ Труды Третьего очередного съезда судовладельцев Волжского бассейна. Свод постановлений. Нижний Новгород, 1911. С. IX.
- ⁴⁷ Труды Четвертого очередного съезда судовладельцев Волжского бассейна. Проект положения и организация речных училищ. Нижний Новгород, 1913. С. 1—2.
- ⁴⁸ Там же. С. 3—4.
- ⁴⁹ Труды Пятого очередного съезда судовладельцев Волжского бассейна. Доклад Совета съездов «О положении вопроса по реформе речного образования». Нижний Новгород, 1914. С. 191—192.
- ⁵⁰ Труды Первого Всероссийского электротехнического съезда. Т. I. СПб. 1901. С. 30—31.
- ⁵¹ Министерство финансов. Учебный отдел. Материалы по коммерческому образованию. Вып. I. СПб., 1901. С. 7—8.
- ⁵² Труды Второго Всероссийского электротехнического съезда. Т. 1. СПб. 1903. С. 166—167.
- ⁵³ Там же. С. 170—171.
- ⁵⁴ Общество Московских высших электротехнических курсов 1909—1911. М., 1911. С. 17—18.
- ⁵⁵ Там же. С. 19.
- ⁵⁶ Труды Пятого Всероссийского электротехнического съезда. СПб. 1910. С. 29—30, 37.
- ⁵⁷ Труды VII съезда горнопромышленников Юга России. Харьков, 1883. С. XVII.
- ⁵⁸ *Фомин П.И.* Краткий очерк истории ... С. 38—39.
- ⁵⁹ Труды VIII съезда Уральских горнопромышленников. Екатеринбург, 1900. С. 97—98.
- ⁶⁰ Там же. С. 209—210.
- ⁶¹ Там же. С. 213—214.
- ⁶² Труды XIX съезда горнопромышленников Урала. Ч. II. СПб., 1914. С. 89.
- ⁶³ Общество Московских высших электротехнических курсов. С. 21.
- ⁶⁴ Там же. С. 22—23.
- ⁶⁵ Там же. С. 23—24.
- ⁶⁶ Там же. С. 35—36.
- ⁶⁷ Труды Шестого Всероссийского электротехнического съезда. Выпуск первый. СПб., 1911. С. 110—112.
- ⁶⁸ Там же. С. 113—114.
- ⁶⁹ Общество Московских высших электротехнических курсов. С. 60.
- ⁷⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 25. Оп. 5. Д. 76. Л. 287.
- ⁷¹ *Маслов Ю.Н.* Коммерческое образование в России в конце XIX — начале XX вв. Автореф. ... дис. к.и.н. Курск, 2001. С. 20—21.
- ⁷² *Солоницын В.А.* Негосударственное высшее образование в России. М., 1998. С. 122, 124—125, 134.
- ⁷³ Труды XXIII очередного съезда нефтепромышленников в г. Баку. Т. 2. Баку, 1907. С. 94.

Экономика и Великая российская революция

Грузинов А.С.*

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОЛЛАПС В 1917 Г.: ПОСЛЕДСТВИЕ ДЛИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ ИЛИ РЕЗУЛЬТАТ РЕВОЛЮЦИИ?

Аннотация: В настоящей статье проведен анализ подовой динамики основных валовых показателей российской экономики в 1913—1917 гг.: валового внутреннего продукта / национального дохода, промышленности (ключевого сектора для успешной мобилизации экономики), а также источников финансирования бюджетного дефицита. Представлены различные методики их подсчетов, а также сравнительный, международный контекст.

Изучение данного вопроса помогает выяснить, характерен ли экономический коллапс 1917 г. для общей динамики развития российской экономики в годы Первой мировой войны или скорее является аномалией, вызванной революционными событиями и неэффективным управлением экономическими процессами новыми «элитами», пришедшими к власти в феврале 1917 г.

Ключевые слова: Революция, Первая мировая война, экономический кризис, валовой внутренний продукт, национальный доход, промышленность, мобилизация экономики, военные расходы, финансирование бюджетного дефицита.

В 1917 г. в российской экономике произошел спад валового внутреннего продукта (далее — ВВП)¹, по наиболее авторитетным оценкам, в 11—15%. Во время двух мировых войн сопоставимое падение национального дохода наблюдалось почти во всех крупнейших западных экономиках (см. таблицу 1). Для мирного же времени, на протяжении конца XIX—XX вв., характерны менее чувствительные кризисы — за исключением прежде всего «Великой депрессии» в США, со спадом в 1930—1932 гг. в среднем около 11% в год.

Однако сравнительно редко подобные экономические кризисы заканчивались революциями. Что свидетельствует о том, что одних только экономических трудностей недостаточно для генезиса революции, хотя, очевидно при этом, что они служат серьезной проверкой на прочность позиций правящих элит.

Если факт экономического коллапса в российской экономике к концу 1917 г. в исторической литературе, как правило, не подвергается сомнению, то по вопросу о наличии кризиса накануне февраля 1917 г. — оценки специалистов менее однозначны. Для советской историографии, в целом, характерно представление о том, что кризисные явления в российской экономике проявились уже до февральских событий 1917 г., и в течение 1917 г. многократно усилились³. Однако в постсоветской исторической литературе, причем не только в публицистической (с характерным конспирологическим акцентом на «рукотворность» революций), но и в научной и, в частности, историко-экономической — всё более популярна точка зрения о том, что влияние экономического фактора на генезис «Февральской революции» преувеличено, и зачастую чуть ли не отрицается наличие экономического кризиса накануне 1917 г.⁴ И целый ряд фактов, на

* Грузинов Алексей Станиславович — кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН.

Таблица 1.
**Крупнейшие (более 5%) годовые спады подушевого² ВВП в 1871—2010 гг. в ведущих странах-участниках
Первой мировой войны**

Страна Период	Россия/СССР/постсоветские государства		Австрия		Англия		Германия		Франция		США	
	год	%	год	%	год	%	год	%	год	%	год	%
1871—1913 гг.*	1889	-7			/1908/	-4,9			1873	-7,5	1893	-6,7
	1891	-8,4							1876	-8,6	1908	-9,9
	1895	-7,5							1879	-6,6		
	1903	-6,9							1910	-6,4		
	1905	-11,5										
	1911	-7,6										
1914—1918 гг.	1916	-11,1	1914	-17			1914	-16,1	1914	-7,1	1914	-9,5
	1917	-12,2	1915	-7,7			1915	-5,2	1917	-14		
	1918	-38,8							1918	-19,6		
	1919	-13,8	1919	-11,6	1919	-10,8	1919	-13,3	1931	-6,5	1930	-9,9
1919—1938 гг.	1921	-8,5	1931	-8,3	1920	-6,6	1923	-17,4	1932	-6,5	1931	-8,4
			1932	-10,6	1931	-5,6	1931	-8,1			1932	-13,7
							1932	-7,9				
1939—1945 гг.	/1941/**	-16,7	1942	-5,6			1945	-25,8	1940	-15,7	1945	-5,1
	/1942/**	-30,1	1945	-58,5			1946	-50,9	1941	-18,1	1946	-21,4
									1942	-9,9		
									1944	-15,3		
1946—2010 гг.	1991	-6,8										
	1992	-14,8										
	1993	-9,9										
	1994	-13,8										
	1995	-5,2										
	2009	-6,2										

Примечания.

* Данные по Российской империи — с 1886 г.

** Данные по СССР за 1941—1944 гг. в «проекте Э. Мэддисона» отсутствуют, потому взяты из: The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913—1945 / Ed. by R. W. Davies, M. Harrison, S.G. Wheatcroft. Cambridge, 1994. P. 321—322.

Источник: «проект Э. Мэддисона» (2013 г.) (URL: <http://www.ggdс.net/maddison/maddison-project/data.htm>) Динамика в процентах подсчитана мной.

первый взгляд, свидетельствует о том, что 1916 г. скорее являлся периодом подъема российской экономики, прерванного революционными событиями начала 1917 г. Как, например: рост в 1916 г. по отношению к 1913 г. валового продукта в российской промышленности, небывалый взлет её военного сектора и связанное с ним «преодоление кризиса боеприпасов», рост производительности труда и реальной заработной платы, наименьшее падение ВВП в России в годы войны по сравнению ведущими европейскими странами и проч.

В этой связи встает вопрос, характерен ли экономический коллапс 1917 г. для общей динамики, трендов развития российской экономики в годы Первой мировой войны или скорее является аномалией, вызванной революционными событиями и неэффективным управлением экономическими процессами новыми «элитами», пришедшими к власти в феврале 1917 г.? То есть революция ли породила экономический кризис или, напротив, экономический кризис революцию? В настоящей статье представлена попытка найти ответы на данный вопрос на основе краткого анализа погодовой динамики основных валовых показателей российской экономики в 1913—1917 гг.: динамики ВВП/НД, промышленности (как ключевого сектора для успешной мобилизации экономики), источников финансирования войны.

Механизм возникновения в годы Первой мировой войны «военно-инфляционных» экономических кризисов в крупнейших мировых державах изучен Л.А. Мендельсоном⁵. Важнейшим их проявлением признавалось «недопроизводство», противопоставляемое циклическим кризисам перепроизводства в мирные годы. Сокращение производства, происходившее в годы войны в большинстве воюющих держав, отразилось на динамике их национального дохода.

Валовой внутренний продукт / национальный доход

Из имеющихся в исторической литературе «реконструкций» российского ВВП/НД в годы войны (см. таблицу 2) наиболее актуальны индексы П. Гэттрелла, а также А.М. Маркевича и М. Харрисона, т.к. подсчеты С.Н. Прокоповича устарели, В.Е. Варзар и В.Г. Громан базируются только на двух секторах (промышленности и сельском хозяйстве)⁶, а в последней версии «проекта Э. Мэдиссона» по периоду войны используются данные А.М. Маркевича и М. Харрисона. Подчеркнем, тем не менее, что все упомянутые подсчеты констатируют спад уже в 1916 г., сопоставимый с 1917 г. (за исключением расчетов Громана), а по оценкам Прокоповича и Гэттрелла — даже превышающий его. 1916-м годом датирует начало экономического кризиса и А.В. Полетаев⁷.

Подсчет ВВП/НД А.М. Маркевичем и М. Харрисоном наиболее фундаментален. Однако он не лишен, на наш взгляд, ряда существенных недостатков, заставляющих усомниться в справедливости вывода исследователей «о том, что российская экономика справлялась с тяготами Первой мировой войны несколько лучше, чем было принято считать» (то есть по сравнению с оценками А.Л. Сидорова и П. Гэттрелла)⁸.

Следствием данного утверждения является пересмотр Маркевичем и Харрисоном тезиса зарубежной историографии о том, что успех мобилизации

Таблица 2

Динамика ВВП/НД России в годы Первой мировой войны (по различным подсчетам)

Автор подсчетов (год)	Ряды данных	Год				
		1914	1915	1916	1917	1918
Прокопович С.Н. (1918)	Народный доход % (1913 г. = 100)	100	96,5	84,5	80	
		0	-3,5	-12,44	-5,33	
Варзар В.Е. [1928/1940]	Стоимость всех предметов потребления сельскохозяйственного и промышленно-го происхождения (советская территория в 1926 г.) % (1913 г. = 100) % к предыдущему году То же, на душу населения / % (1913 г. = 100)	91,49	88,6	81,7	72,08	58,24
		-8,51	-3,16	-7,79	-11,77	-19,2
		90,5	86,33	79,5	69,75	57,41
Громан В.Г. (1928)	Ценность продукции сельского хозяйства и промышленности (по ценам 1913 г.) % (1913 г. = 100) % к предыдущему году	-9,5	-4,61	-7,91	-12,26	-17,69
		96	102,8	102,5	83,4	62,6
		-4	7,1	-0,3	-18,6	-24,9
Gatrell P. (2011)	Национальный доход (валовой внутренний продукт) % (1913 г. = 100) / советская территория в межвоенный период % к предыдущему году % (1913 г. = 100) / территория Российской империи % к предыдущему году	94,5	95,5	79,8	67,7	
		-5,5	1,06	-16,44	-15,16	
		98	101,6	93,6	81,9	
Маркевич А.М., Харрисон М. (2013)	Чистый национальный доход % (1913 г. = 100) / территория Российской империи, под контролем правительства % к предыдущему году % (1913 г. = 100) / советская территория в межвоенный период Среднее по трем подсчетам: % к предыдущему году % (1913 г. = 100) / советская территория в межвоенный период	-2	3,67	-7,87	-12,5	
		98	98,2	90,1	78,2	
		-2	0,2	-8,25	-13,21	
«Проект Э. Мэддисона» (2013)	Реальный национальный доход / на душу населения Валовой внутренний продукт / на душу населения % к 1913 г. % к предыдущему году	97,6	102,3	92,5	82,1	50,1
		-2,4	4,82	-9,58	-11,24	-38,98
		97,87	100,7	92,07	80,73	
«Проект Э. Мэддисона» (2013)	Реальный национальный доход / на душу населения Валовой внутренний продукт / на душу населения % к 1913 г. % к предыдущему году	-2,13	2,9	-8,57	-12,32	
		95,49	98,28	87,38	76,72	46,97
		-4,51	2,92	-11,09	-12,2	-38,78
«Проект Э. Мэддисона» (2013)	Валовой внутренний продукт / на душу населения % к 1913 г. % к предыдущему году	95,47	98,3	87,34	76,73	46,96
		-4,53	2,96	-11,15	-12,15	-38,8

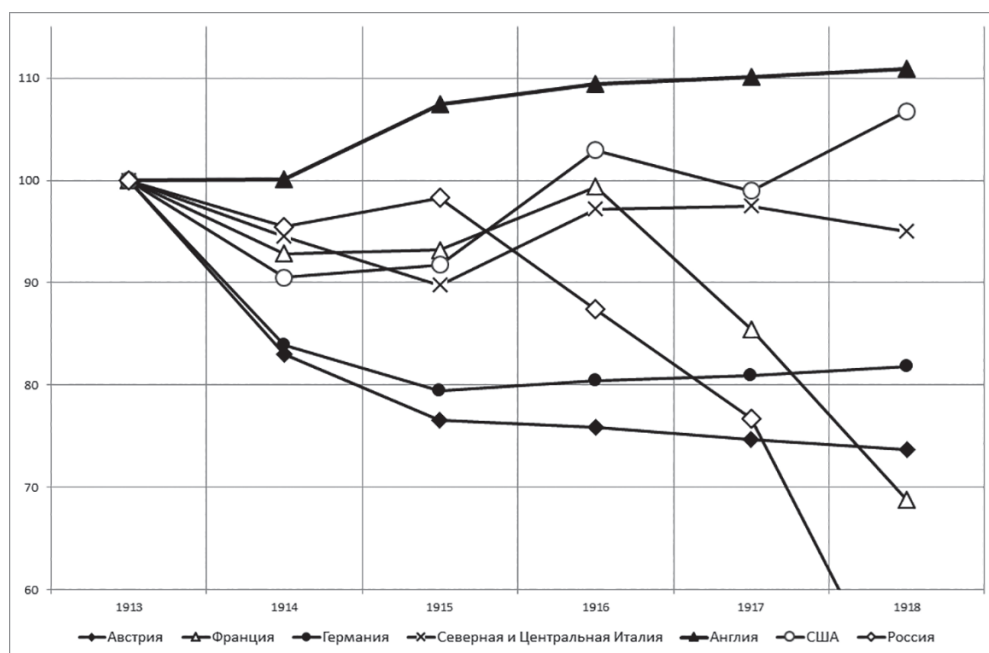
Источники: Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. М., 1918. С. 173; Громан В.Г. Народное хозяйство СССР. Упадок и возрождение. М., 1928. С. 48; Gatrell P. Russia's First World War: a social and economic history. Harlow, 2011. P. 248; Маркевич А.М., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913—1928 гг. М., 2013. С. 18, 24, 102; «Проект Э. Мэддисона» (2013 г.): <http://www.ggdc.net/maddison/maddison-project/data.htm>. Данные по подсчетам В.Е. Варзара [1928/1940] получены из: Маслов П.И. Критический анализ буржуазных статистических публикаций. М., 1955. С. 459; Смирнов С.В. Динамика промышленного производства и экономический цикл в СССР и России, 1861—2012. М., 2012. С. 74. Динамика в процентах подсчитана мной.

национальной экономики в военное время коррелируется с довоенным уровнем их экономического развития⁹. В качестве иллюстрации авторами приведены таблицы, фиксирующие динамику подушевого ВВП в 10 странах Европы в 1917 г. относительно 1913 г., согласно которым в России его спад (82% от уровня 1913 г.), за исключением Великобритании (113%) и Бельгии (84%), был наименьшим — при 79% во Франции, 77% — в Финляндии, 76% — в Германии, 75% — в Венгрии и Турции, 67% — в Австрии и 55% — в Греции¹⁰. На наш взгляд, данную динамику необходимо учитывать при оценке успешности мобилизации экономики в разных странах, но важно не забывать, при интерпретации данного вывода Маркевича и Харрисона, про «масштаб» отмеченных деформаций — они не способны изменить главного — хоть в какой-то степени ликвидировать катастрофическое отставание России по показателю подушевого ВВП, по которому, как известно, в 1913 г. она была на одном из последних мест в Европе, в 2—3 раза уступая ведущим мировым державам¹¹. Важно учитывать и значительные погрешности при детальном «реконструкциях» ВВП для периода Первой мировой войны, из-за проблем с источниковой базой и изменения территориальных границ, что приводит к большему диапазону оценок исследователей. Например, оценки «проекта Э. Мэддисона» (2013 г.)¹² по упомянутым странам (при отсутствии подсчетов по Турции¹³ и Венгрии) в основном более «оптимистичны» для западноевропейских стран (см., например: рисунок 1): 110% в 1917 г. в сравнении с 1913 г. — по Великобритании, по Франции — 85,5%, Бельгии — 83%, Германии — 81% (при разбросе оценок других исследователей от 62% до 88%¹⁴), России — 76% (в книге Маркевича и Харрисона 82% указаны ошибочно), Австрии — 75% (по другим новейшим данным: 70,2% по всей Австро-Венгрии, при 67,5% в Австрии и 74,9% в Венгрии¹⁵), Финляндии — 75%, Греции — 72%. Из ведущих стран-участников войны нельзя не упомянуть об Италии — с показателем, по разным подсчетам, в 97,5%/131%/133%¹⁶, хотя и оспариваемым исследователями. Данные по Франции заимствованы А.М. Маркевичем и М. Харрисоном из статьи П.-С. Окёра, где обнулены сведения по оккупированным Германией территориям. Что уменьшает ВВП Франции (доля оккупированных регионов в численности населения Франции периода войны составляла 13—20%)¹⁷ в сравнении с Россией, так как сокращение российского ВВП из-за оккупации Прибалтики и Польши, напротив, не учитывается, хотя в 1913 г. их доля в продукции российской промышленности составляла около 20%¹⁸.

Отметим также, что, если основываться на подсчетах Э. Мэддисона, в Германии и Австрии наиболее падение ВВП приходится на первые два года войны¹⁹ (что, по-видимому, было связано с кардинальным сокращением с начала войны мировой торговли), далее же ситуация относительно стабилизировалась²⁰. В России же основной спад ВВП произошел не в дебюте (то есть на фоне роста патриотических настроений в обществе), а в самый разгар сравнительно неудачно складывающейся, затянувшейся войны — в 1916—1917 гг. Взаимосвязь между военными неудачами, экономическим спадом и революцией прослеживается также в Австро-Венгрии и Германии, если опираться на альтернативные новейшие подсчеты ВВП упомянутых двух стран, где революции произошли в конце 1918 г.: сопоставимое с первым годом войны падение

Рисунок 1

Динамика ВВП на душу населения крупнейших мировых держав-участников Первой мировой войны (в %, 1913 г. = 100)

Источник: <http://www.ggd.net/maddison/maddison-project/data.htm>.

ВВП наблюдается в течение 1916—1918 гг. в Австро-Венгрии²¹ и в 1917 г. — в Германии²² (1918 г. в данном расчете не представлен). Во Франции, как по Мэддисону, так и согласно Окёру, отмечается резкое падение ВВП в первый год войны, но если по подсчетам первого автора даже более глубокий спад произошел в 1917—1918 гг., то по расчетам второго — в 1915 г. и 1918 г., причем по обоим подсчетам «грозившее» революцией падение ВВП было остановлено с победоносным окончанием войны.

Возвращаясь к динамике российского ВВП в 1914—1917 гг., к его завывшению (и выводу о более успешном, «чем принято считать», перенесении российской экономикой «тягот войны») также приводит, на наш взгляд, учет Маркевичем и Харрисоном сектора «военных услуг», исчисленного исходя из численности вооруженных сил. Данный метод, по-видимому, оправдан с точки зрения возможностей для долгосрочных сопоставлений ВВП/НД, но, на наш взгляд, искажает представления о динамике реальной ресурсной базы, которой располагали воюющие государства для мобилизации производительных сил. При исчислении подобным методом доли военного сектора в период мировой войны в других странах, при их сравнении, сектор «военных услуг» в наименьшей степени увеличил бы российский ВВП/НД, так как для ведущих континентальных держав характерна большая доля мобилизованных ко всему населению страны: в Германии таковая составила 19,7%, Австро-Вен-

грии — 17,3%, Франции — 17,2%, Италии — 15,5%, Англии — 10,8%, в России — 10,8%²³.

В более полном учете сектора «других гражданских отраслей»/«услуг» (впрочем, не подкрепленном статистическими данными) и включения сектора «военных услуг» — заключается ключевое отличие подсчетов ВВП/НД Маркевичем и Харрисоном и Гэтрелла. Без учета «военных услуг», разница в оценках Гэтрелла и Маркевича / Харрисона глубины падения национального дохода в 1916 г. составит не 12,7% относительно 1913 г., а лишь 4,4%, а по 1917 г. — не 14,4%, а 7,15% (подсчитано по: таблица 3), и даже менее (от 0 до 3%)²⁴, если брать за основу графу в расчетах Маркевича и Харрисона — «товары и невоенные услуги» «по советской территории в межвоенный период».

По другим секторам, подсчеты существенно отличаются лишь при оценке динамики транспорта: у Маркевича и Харрисона в 1916 г. данный сектор продолжает расти, у Гэтрелла же, напротив — продолжает падать. Существенным недостатком обоих подсчетов является их базирование на данных о железнодорожных перевозках (у Гэтрелла расчет основан на доходности дорог, у Маркевича и Харрисона — на «объемах» перевозок), при недоучете водных²⁵ (к началу войны их доля составляла ок. 1/5) и гужевых. Относительно же отмечаемого в обоих исследованиях спада объемов железнодорожных перевозок в 1917 г. — необходимо отметить, что их рост до 1917 г. не был подкреплен соответствующим увеличением подвижного состава: численность вагонов и паровозов росла в 1914—1915 гг., но в 1916 г. упала на 1/5²⁶. О назревавшем к 1917 г. кризисе на транспорте свидетельствуют также данные о невыполнении назначений по перевозкам донецкого топлива — доля недогрузов выросла с 4% в 1913 г. до 30% в 1916 г. и 40% в 1917 г.²⁷

Из других секторов рост в 1916 г. обнаруживает только мелкая промышленность, причем по обоим подсчетам. Однако он не нивелировал спада первых лет войны и, кроме того, выявлен советскими статистиками лишь на основе отрывочных показателей и «экспертных оценок»²⁸. Для всех же остальных секторов (крупной промышленности, сельского хозяйства, строительства, «других гражданских отраслей»/«услуг»; доля первых трех производственных секторов составляла ок. 2/3 НД), по обоим подсчетам, уже для 1916 г. характерно падение валовых показателей. Причем в сельском хозяйстве (38—54% НД) спад в 1916 г. составил около 18%, при сохранении, в целом, статус-кво в 1917 г. Основная роль в данном спаде лежит на снижении урожайности (вектор динамики которой практически всегда на рубеже веков совпадал с динамикой НД), которое объяснимо как климатическим фактором (чередованием лет с высокой или низкой урожайностью, при том, что 1913 и 1915 гг. отличались рекордно высокой для XIX—XX вв. урожайностью зерновых), так и деградацией в ходе войны материальной производственной базы (резкого упадка потребления сельскохозяйственного инвентаря, минеральных удобрений, мобилизации тягловой силы, наемных рабочих, сокращения посевных площадей и проч.)²⁹. Спад данного сектора экономики был смягчен многократным сокращением хлебного экспорта, поглощавшего накануне войны ок. 15% валового сбора хлебов³⁰. В результате, по авторитетным оценкам³¹, полученного в 1916 г. урожая теоретически хватало для прокормления населения (включая армию,

Таблица 3

Сравнение подсчетов динамики отдельных секторов российского ВВП/НД в 1913—1918 гг.
А.М. Маркевичем / М. Харрисоном и П. Гэтреллом

Сектор	Автор подсчетов	Единица измерения	Год					
			1913	1914	1915	1916	1917	1918
Сельское хозяйство	А.М. Маркевич / М. Харрисон	% от НД	44,36	41,81	41,19	37,65	43,24	54,2
		% к 1913 г.	100	92,02	95,05	78,49	80,06	61,22
	П. Гэтрелл	% к 1913 г.	100	100	110	90	87	
Крупная промышленность	разница в подсчетах			-7,98	-14,95	-11,52	-6,94	
	А.М. Маркевич / М. Харрисон	% от НД	14,65	15,95	15,87	14,92	13,07	9,17
	П. Гэтрелл	% к 1913 г.	100	106,3	110,9	94,19	73,26	31,35
Мелкая промышленность	разница в подсчетах			5,31	-0,08	-9,81	-2,74	
	А.М. Маркевич / М. Харрисон	% от НД	5,97	6	4,57	5,7	5,7	8,75
	П. Гэтрелл	% к 1913 г.	100	98,06	78,39	88,28	78,39	73,5
Строительство	разница в подсчетах			0,06	0,39	0,28	0,39	
	А.М. Маркевич / М. Харрисон	% от НД	5,34	5,55	3,89	3,37	2,72	1,53
	П. Гэтрелл	% к 1913 г.	100	101,5	74,6	58,31	41,8	14,35
Транспорт	разница в подсчетах			5,48	-25,4	-22,69	-26,2	
	А.М. Маркевич / М. Харрисон	% от НД	5,07	5,35	6,47	7,88	4,87	2,12
	П. Гэтрелл	% к 1913 г.	100	103,1	130,6	143,82	79	21
разница в подсчетах				30,12	59,61	100,82	50	

Другие гражданские отрасли / услуги	А.М. Маркевич / М. Харрисон	% от НДС	23,33	23,1	22,29	21,51	21,54	23,46
		% к 1913 г.	100	96,69	97,78	85,27	75,83	50,38
	П. Гэтрелл	% (лесное хозяйство)	100	79	59	31	18	
		% (торговля)	100	84	68	50	37	
		% (итого в среднем)	100	81,5	63,5	40,5	27,5	
разница в подсчетах				15,19	34,28	44,77	48,33	
Военные услуги	А.М. Маркевич / М. Харрисон	% от НДС	1,3	2,24	5,71	8,97	8,86	0,75
		% к 1913 г.	100	169	451,2	639,91	561,5	29,11
	П. Гэтрелл	не включены в подсчет						
Всего	А.М. Маркевич / М. Харрисон	% от НДС	100	100	100	100	100	100
		% к 1913 г.	100	97,63	102,4	92,46	82,12	50,1
	П. Гэтрелл	% к 1913 г.	100	94,5	95,5	79,8	67,7	
		разница в подсчетах		3,13	6,85	12,66	14,42	

Источники: Gatrell P. Russia's First World War: a social and economic history. Harlow, 2011. P. 248; Маркевич А.М., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление. С. 18, 24, 102.

численность которой достигала 5—7% населения). Однако с учетом многократного роста государственных закупок продовольствия, бюджетного дефицита, проблем с эквивалентным товарообменом с сельским производителем, транспортных трудностей — резкое снижение производительности аграрного сектора создавало предпосылки для продовольственного кризиса и введения продразверстки уже в 1916 г.

Крупная промышленность

В этой связи тем более важна динамика сектора крупной промышленности (особенно с учетом его переориентации к 1917 г. на обслуживание оборонных заказов)³², демонстрирующего, по обоим подсчетам, спад не только в 1917 г., но и сравнимый — в 1916 г. Впрочем, приведенные подсчеты не отражают всего спектра оценок данного вопроса в историографии: наиболее известные в научной литературе индексы динамики российской промышленности в 1914—1918 гг. представлены в таблице 4³³.

Наиболее востребованными в историко-экономических исследованиях являются обработанные Н.Я. Воробьевым результаты промышленной переписи, проведенной в августе 1918 г. на территории 31 губернии Европейской России — за исключением прибалтийского, южного и уральского промышленных районов, где было сосредоточено большинство предприятий тяжелой промышленности³⁴. На основе данных переписи о непрерывно действовавших в 1913 — первой половине 1918 гг. предприятиях, он выявил поотраслевую динамику производительности труда в годы войны («коэффициенты данных переписи»), и, дополнив её данными фабричной и горной инспекции по численности рабочих (с 1917 г. не используемых Воробьевым, что, возможно, отразилось на преувеличении им глубины спада в этом году в сравнении с 1916 г.), исчислил приблизительную динамику валовой продукции фабрично-заводской промышленности СССР «в границах до 1939 г.», отличающуюся наиболее высоким, по сравнению с большинством других оценок, приростом производства с 1913 г. по 1916—1917 гг.

Материалы переписи также использовал Л.Б. Кафенгауз³⁵, совместно с группой советских статистиков и экономистов собравший и обобщивший к началу 1930-х гг. огромный массив статистических данных, характеризующих развитие российской промышленности с 1887 по 1926/1927 гг. На их основе Кафенгауз рассчитал несколько вариантов индексов: физического объема продукции российской промышленности (на основе 29 рядов данных)³⁶, динамики стоимости валовой продукции (37 рядов), численности рабочих (29 рядов) и промышленных заведений (27 рядов). Впрочем, сам автор высказал сомнения насколько достоверно разработанный им индекс физического объема продукции отображал реальную картину в период Первой мировой войны, поскольку изменение ассортимента продукции в годы войны, кардинальное расширение производства изделий военного назначения в ущерб гражданским недостаточно учтены при определении общей динамики производства в промышленности³⁷. В частности, в его подсчетах неполно представлены машиностроение и металлообработка (что, впрочем, характерно для всех индексов физического объема производства; при-

чем остается открытым вопрос, занижают ли они динамику данного сектора или, напротив, её завышают?³⁸), получившие наибольшее развитие в годы войны.

Несмотря на заимствование исходных статистических данных по физическому объему производства промышленной продукции в основном из работы Л.Б. Кафенгауза, в сторону некоторого его занижения отличаются итоги подсчетов за 1916—1917 гг., фигурирующие в упомянутом исследовании А.М. Маркевича и М. Харрисона, подсчитавших национальный доход в России в 1913—1928 гг. в соответствии с требованиями Системы национальных счетов ООН. Для составления индекса Маркевич и Харрисон используют наиболее широкий из ныне разработанных набор рядов данных по отраслям и производствам — 60 рядов (например, В.Е. Варзар использовал 32 ряда)³⁹, дополнив ряды Кафенгауза прежде всего сведениями по горнодобывающей, металлургической, пищевой и химической отраслям.

Другие фигурирующие в литературе индексы промышленного производства во многом «вторичны» по отношению к упомянутым подсчетам (например, индексы, приведенные в книгах Б.А. Гухмана, В.Г. Громана, П. Гэтрелла в основном восходят к промышленной переписи 1918 г., т.е. к данным, обобщенным Н.Я. Воробьевым; С.В. Смирнов выводит средний индекс из четырех других⁴⁰), не раскрывают исходные данные (В.Е. Варзар: опубликованы лишь его итоговые выкладки и перечень используемых рядов данных) или слишком «поверхностны» (например, «индекс» Прокоповича основан исключительно на динамике производительности труда в угольной промышленности Донбасса).

В целом, усредненный (по 10 вариантам подсчета — за исключением касающихся численности рабочих, динамики мелкой промышленности и исходных данных Н.Я. Воробьева по непрерывно-действующим предприятиям⁴¹) промышленный индекс равен по отношению к 1913 г. — 104,4% в 1916 г. и 75,1% в 1917 г.: обвальному (в среднем на 28,1% по 10 перечисленных индексов) снижению в 1917 г. по отношению к 1916 г. — предшествует едва заметное (в среднем на 1%) снижение в 1916 г. по сравнению с 1915 г. Однако примечательно, что 1916 г. отмечен приростом относительно 1915 г. — в индексах прежде всего основанных на переписи 1918 г. (за исключением одного из трех индексов Кафенгауза). Напротив, 6 из 10 оставшихся — свидетельствуют о начале спада уже в 1916 г., при том, что наиболее «фундированный» из таких — Маркевича и Харрисона — фиксирует падение в 15%, сопоставимое с падением в 1917 г. (22,2%). Причем в 4 индексах (три из них — относятся к исчисленным разными авторами индексам физического объема продукции) спад в 1916 г. составил в среднем 5,5% к 1915 г.

Таким образом, индексы, основывающиеся почти исключительно на данных промышленной переписи 1918 г., дают завышенные показатели динамики промышленного производства в годы войны, по сравнению с учитываемыми показателями физического объема производства. Происходит это, на наш взгляд, прежде всего из-за территориальной неполноценности переписи и недоучета данных стагнирующих отраслей добывающей промышленности. Возможно, также сказывался отмеченный Воробьевым недоучет переписью сведений по закрывшимся в годы войны предприятиям, общая численность которых в 1914—1917 гг. почти вдвое превосходила открывшиеся⁴².

Таблица 4

Индексы российской промышленности (в %, 1913 г. = 100)

Авторы (год) подсчета	Название ряда данных	Территория	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1917 г. к уровню 1916 г. (%)
Прокопович С.Н. (1918)	Производительность промышленности	—	100	100	92,6	70,9	50	-23,4
	Валовая продукция непрерывно действующих предприятий промышленности (в ценах 1913 г.)	1923	104,5	134,6	143,8	100,8	20,9*	-29,9
		1924	102,4	117,6	119,6	84,7	19,7*	-29,2
Воробьев Н.Я. (1923/1924/1926)	1926	102,3	117,6	119,6	84,8	19,7*	-29,1	
	Движение среднесуточного числа рабочих непрерывно действующих предприятий промышленности	1923	102,9	106,9	113	118,2	95,2*	4,6
		1924	102,9	106,6	112,6	117,8	90,7*	4,6
		1926	102,9	106,6	113,2	118,3	90,7*	4,6
Варзар В.Е. (1928)	Валовая продукция промышленности, исчисленная на основании коэффициентов перепи- си 1918 г.	58 губ. Европейской России и Кавказа; Сибирь; Туркестан	101,2	113,7	121,5	77,3	34,5	-36,4
	Физический объем потребления по стоимости предметов промышленного происхождения	СССР в границах 1926 г.	99,8	97,7	93,6	71,04	33,7	-24,1
Громан В.Г. (1928)	Ценность продукции промышленности (в ценах 1913 г.)	СССР в границах до 1939 г.	91,9	102,1	109,1	69,1	30,4	-36,7
Гухман Б.А. (1929)	Стоимость валовой продукции крупной (фабрично-заводской) промышленности (в ценах 1913 г.)	СССР в границах до 1939 г.	100,6	110,4	116,7	74,8	33,8	-35,9

	Физический объем производства промышленности (по числу рабочих)		1931 г.		1932 г.		1933 г.		1934 г.		1935 г.	
	1917 г.	1918 г.	104	101,1	104,8	80,1	49,6	—23,6	99,9	97,9	97,5	78,5
Кафенгауз Л.Б. (1930[1994])	Физический объем производства промышленности (по стоимости производства)		СССР в границах до 1931 г.		СССР в границах до 1932 г.		СССР в границах до 1933 г.		СССР в границах до 1934 г.		СССР в границах до 1935 г.	
	Число промышленных рабочих		119,1		92		36,75		—27,6			
	Стоимость валовой продукции фабрично-заводской промышленности (в ценах 1913 г.)		98,75		110,9		110,2		79,8		—27,6	
Наттер У. (1962)	Валовая стоимость промышленной продукции, включая мелкую (в ценах 1913 г. / 1928 г.)		110 / 113		107 / 109		111 / 112		92 / 92		40 / 43	
Эггелл П. (2005)	Национальный доход в крупной промышленности		101		111		104		76		49,7*	
Смирнов С.В. (2012)	Усредненная оценка (на основе геометрической средней темпов роста) промышленной динамики разными экспертами		104,5		102,3		100,5		80,5		26,4	
Маркевич А.М. / Харрисон М. (2013)	Добавленная стоимость валовой продукции крупной промышленности		106,3		110,9		94,2		73,3		31,3	
	Добавленная стоимость валовой продукции мелкой промышленности		98,1		78,4		88,3		78,4		73,5	

Примечание.

* Данные — за первую половину 1918 г.

Источники: Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. М., 1918. С. 173; Воробьев Н.Я. Изменения в русской промышленности в период войны и революции (по данным переписи 1918 года) // Вестник статистики. Кн. XIV. Апрель—июнь 1923 г. № 4—6. М., 1923. С. 119, 122—123, 152—153; Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918—1923 за пять лет работы Центрального статистического управления / Труды Центрального статистического управления. Т. XVIII. М., 1924. С. 168—171; Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг. / Труды Центрального статистического управления. Т. XXVI. Вып. 1—2: Б.м. Б.и., 1926. С. 37, 38, 162; Громан В.Г. Народное хозяйство СССР. Упадок и возрождение. М., 1928. С. 48; Гухман Б.А. На рубеже // Плановое хозяйство. 1929. № 5. С. 173; Маслов П.П. Критический анализ буржуазных статистических публикаций. М., 1955. С. 459; *Nutter G.W.* The Growth of Industrial Production in the Soviet Union. Princeton, 1962. P. 185; *Kačden-gauz L.B.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е годы XX в.). М., 1994. С. 290—297, 231; *Gatrell P.* Poor Russia, Poor Show: Mobilising a Backward Economy for War, 1913—1917 // The economics of World War I / Ed. by S. Broadberry, M. Harrison. Cambridge, 2005. P. 241, 254; *Смирнов С.В.* Динамика промышленного производства и экономического цикла в СССР и России, 1861—2012. М., 2012. С. 69, 73; *Маркевич А.М., Харрисон М.* Первая мировая война, Гражданская война и восстановление. С. 18, 71, 75, 89—98.

Показательны в этой связи оценки, по данным переписи 1918 г., роста производительности труда к 1917 г., базирующиеся на завышенной (46%⁴³/55%⁴⁴ от общей валовой выработки всей промышленности в 1916 г., при том, что накануне войны их доля, по переписи, составляла 26%⁴⁵, и лишь около 1/5 — по другим источникам⁴⁶) доли машиностроения, металлообработки, химической отрасли, хотя в большинстве других групп производств (то есть за исключением производства «одежды и туалета», «производства и передачи физических сил и водоснабжения», «обработки пеньки и прочих волокнистых веществ растительного происхождения», «обработки смешанных и не точно обозначенных волокнистых веществ») в 1916 г. по сравнению с 1913 г. — выработка упала. Тем не менее, подсчеты, базирующиеся исключительно на данных переписи (см. таблицу 5) — Воробьева и Гухмана — демонстрируют значительный (4—27%) рост средней выработки рабочих с 1913 по 1916 гг.

Таблица 5

Средняя выработка на 1 рабочего в российской промышленности (1913 г. = 100)

Автор (год) подсчета		Единица измерения	Год			
			1914	1915	1916	1917
Воробьев Н.Я.	1923	годовая	101,6	126,1	127,2	85,3
	1924	годовая	99,4	110,3	106,3	72
		почасовая	100,9	108,3	104,1	76
	1926	годовая	99,4	110,3	106,3	71,9
		почасовая	100,8	108,2	104,1	76
Гухман Б.А.	1925	годовая	97,2	110,7	114,3	86,3
		дневная	101,5	118	114,3	93,4
		почасовая	106	122	115,2	104
Кафенгауз Л.Б.	1930 [1994]	годовая	97	105,2	94	66,8
Гэтрелл П.	2005	почасовая	102	108	100	71

Источники: Воробьев Н.Я. Изменения в русской промышленности в период войны и революции (по данным переписи 1918 года). С. 123; Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918—1923 за пять лет работы Центрального статистического управления. С. 171; Труды Центрального статистического управления. Т. XXVI. Вып. 1—2: Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг. Б.м. Б.и., 1926. С. 37, 38, 163; Гухман Б.А. Производительность труда и заработная плата в промышленности СССР. М.; Л., 1925. С. 115; Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 212; Gatrell P. Poor Russia, Poor Show... P. 253.

Тем самым игнорируется повсеместно отмечаемое резкое ухудшение квалификации рабочих в годы войны в связи с их мобилизацией на фронт, массовым привлечением труда женщин, малолетних, военнопленных; изношенность оборудования и проч. Не могло негативно не сказаться на производительности труда и заметное увеличение в 1916 г. стачечной активности рабочих (когда в среднем бастовал каждый третий рабочий, в то время как в 1915 г. — каждый шестой), в России отличавшейся наибольшей интенсивностью по сравнению с ведущими воюющими державами⁴⁷.

Сомнения относительно данных расчетов продуктивности труда возникают уже исходя из динамики численности промышленных рабочих, судя по которой, для военных лет был характерен рост числа занятых — в 112—119% (по разным подсчетам) в 1917 г. относительно уровня 1913 г.⁴⁸ Например, при увеличении с 1913 по 1916 гг. численности рабочих, занятых в промышленности, по расчетам Л.Е. Минца⁴⁹, на 17,5% — даже для минимального роста производительности труда был необходим рост валовой выработки, превышающий данную цифру. Однако, помимо расчетов Н.Я. Воробьева, участника переписи 1918 г., по другим восьми приведенным выше подсчетам, схожий прирост валовой продукции находим только у Гухмана.

Кафенгауз использовал более широкий круг исходных статистических данных, поэтому динамика производительности труда согласно его расчетам — иная, причем основная роль в падении в 1916 г. против 1913 г. принадлежит легкой промышленности, при почти сохранении статус-кво в тяжелой⁵⁰. Ещё большие цифры падения производительности в 1916 г. к 1913 г. (на 14%) приводит в отношении фабрично-заводской промышленности П.В. Волобуев⁵¹. Падение производительности труда также прослеживается по данным других исследователей. Например, производительность рабочих угольной промышленности Донбасса в 1913—1915 гг. держалась примерно на одном уровне, однако в 1916 г. и 1917 г. падала примерно на 20% каждый год⁵². В металлургии Юга России в 1913—1916 гг. она снизилась почти на 45%⁵³. Подсчеты П.А. Хромова свидетельствуют о снижении объемов выработки на одного рабочего в бакинской нефтяной промышленности (на 5 главных площадях) не только в 1917 г. (на 14,8% по отношению к 1916 г.), но и уже начиная с 1914 г. В 1914—1916 гг. она держалась на одном уровне, уступая примерно 10% выработке 1913 г.⁵⁴ В хлопчатобумажной промышленности выработка продукции на одного рабочего также начала падать с 1914 г.: в 1915 г. она снизилась на 2,6% по отношению к 1913 г., в 1916 г. — ещё на 12,8%, в 1917 г. — уже на 28,8%, сократившись почти вдвое по сравнению с довоенным временем⁵⁵.

В целом, при дискуссионности вопроса об уровне общей производительности труда в 1916 г. в сравнении с 1913 г., начало его падения в 1916 г. по отношению к 1915 г. прослеживается по большинству приведенных подсчетов, что говорит о том, что резкое снижение данного показателя в 1917 г. лишь ускорило обозначившуюся годом ранее тенденцию.

Если, тем не менее, всё же основываться на «оптимистичных» данных переписи 1918 г. (а не на индексах физического объема производства), то, при включении в подсчет Маркевича и Харрисона ВВП/НД данных по динамике крупной промышленности, почерпнутых у Воробьева (исчисленных по «коэффициенту переписи 1918 г.»), доля крупной промышленности в ВВП/НД значительно изменится, по нашим подсчетам, только по 1916 г. — а именно повысится на 3,5% (по другим годам — менее 1%). Тем самым, динамика ВВП/НД изменится в 1914 г. — на -0,75%, в 1915 г. — на +1,2%, в 1916 г. — на +3,5%, в 1917 г. — на -3,1%. То есть в 1916 г. спад экономики составит не 9,6% (как в подсчетах Маркевича и Харрисона), а 6,1%, но даже при таких цифрах 1916-й год следует охарактеризовать в плане экономики не иначе как кризисный.

Определенным барометром положения дел в промышленности служит динамика акционерного учредительства, представленная в таблице 6.

Таблица 6

Динамика акционерного учредительства в России в 1913—1917 гг.

Автор подсчета (год)	Года	в среднем за 1910— 1913	1913	1914	1915	1916	1917
			1913	1914	1915	1916	1917
Струмилин С.Г. (1930)	Число акционерных компаний		165	106	93	160	219
	в % к 1913 г.		100	64,2	56,4	97	132,7
	Вновь открытые предприятия		313,6	139	139,4	278,8	579
	наращиваемый капитал (млн руб.) тоже, в ценах 1913 г. (млн руб.)		313,6	135	97,3	146,1	228
	индекс цен		100	103	143,3	190,8	253,9
Учреждено ком- паний	в % к 1913 г.		100	43	31	46,6	72,7
	число		399	334	321	584	
	в % к 1913 г.		100	83,7	80,4	146,4	
	сумма капитала (млн руб.)		526	422,5	409,8	923,5	
	в % к 1913 г.		100	80,3	77,9	175,6	
Шепелев Л.Е. (1973)	число		242	180	138	244	
	в % к 1913 г.		100	73	57	101	
	сумма капитала (млн руб.)		403,4	239,2	189,8	372,8	
	в % к 1913 г.		100	60	47	93	
	сумма — с учетом индекса цен		403,4	232,3	132,5	195,4	
Компании, уве- личившие капи- тал	в % к 1913 г.		100	57,6	32,8	48,4	
	число			62	18	97	
	сумма капитала (млн руб.)		358,5	114,4	49,2	221,2	
	в % к 1913 г.		100	32	14	61	
	число		53,5	180	138	244	335
Хромов П.А. (1950)	в % к 1913 г.		22,2	74,7	57,3	101,2	139
	сумма капитала (млн руб.)		100,8	239,2	189,8	381,8	825,5
	в % к 1913 г.		25	59,3	47,1	94,7	204,8
	число		242			224	416*
	в % к 1913 г.		100			92,6	171,9
Волобуев П.В. (1962)	сумма капитала (млн руб.)		403,4			372,7	1181,2
	в % к 1913 г.		100			92,4	292,8

Примечание. * С 1 марта 1917 г. по 1 октября 1917 г.

Источники: Струмилин С.Г. Очерки советской экономики: ресурсы и перспективы. М.: Л., 1930. С. 101; Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 309; Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX—XX веках. 1800—1917. М., 1950. С. 368; Волобуев П.В. Экономическая политика... С. 285.

Наиболее подкреплены источниками сведения, собранные в специальном исследовании Л.Е. Шепелева. При их коррекции, с учетом индекса цен (используемого С.Г. Струмилиным), выяснится, что по сравнению с 1910—1913 гг.⁵⁶ сумма капиталов ежегодно открывавшихся акционерных компаний в 1914—1916 гг. снизилась приблизительно на 20—30% (186,7 млн руб. в год против 259,5 млн — по статистике предпринимательских объединений или 235,4 млн — по ведомственной)⁵⁷. На 21% (128,3 к 162,4 млн руб.) в среднем снизилась сумма капиталов ежегодного увеличения основного капитала ранее открывавшихся акционерных компаний⁵⁸. Впрочем, отчасти это снижение капиталовложений, возможно, компенсировалось ростом, как отмечал А.Л. Сидоров, в неакционерном секторе и особенно казенной промышленности⁵⁹.

Все подсчеты отмечают резкий спад учредительства в первые годы войны и его явное оживление с 1916 г. Определенное удивление, на первый взгляд, вызывает мощный бум акционерного учредительства в 1917 г. — в условиях нарастания революционных событий, падения производительности труда, снижения объемов производства, кризиса железнодорожных перевозок. Примечательно, что учредительский бум наблюдался не только в металлообработке, химической промышленности и прочих отраслях, чей рост в большей степени может быть обусловлен усилением «военного спроса»⁶⁰. Крупнейшим по размерам капиталов открывающихся обществ оставалось горное дело, резко снизившее, тем не менее, свою долю среди всех новых капиталов в промышленности (с 36,1% в 1913 до 21,5% в 1917 г.), несколько сократилась и доля акционерных обществ по «выплавке и обработке металлов» (с 18,75% в 1913 г. до 10,8% в 1917 г.)⁶¹. Акционерные капиталы в химической промышленности возросли в 2,9 раза, однако их доля оставалась незначительной — 2,6%. Резко увеличили свою долю с 1913 по 1917 гг. акционерные общества по обработке волокнистых веществ (с 4 до 10,2%), в «смешанной группе» (с 10 до 16,2%) и в особенности — в механической обработке дерева (с 1,1 до 9,1%). С учредительством, по-видимому, тенденция была схожей, что и с биржевыми ценностями, в отношении которых П.В. Лизунов выявил, что повышение курсов ценных бумаг на биржах Петрограда и Вены находилось «в прямой зависимости от расстройств денежного обращения и связанного с ним роста цен»⁶². Однако полностью объяснять феномен всплеска учредительства в 1917 г. инфляцией неправомерно хотя бы из-за роста численности учрежденных акционерных обществ.

Природа роста акционерного учредительства в 1917 г. была, по-видимому, разной. С одной стороны, он имел под собой реальную основу: щедрое финансирование по государственным заказам способствовало расширению производства и созданию новых предприятий. Росло заводское строительство, которое, впрочем, в основном ограничивалось металлообработкой и химической промышленностью⁶³. Хотя если в 1914—1916 гг. динамика основных показателей акционерного учредительства схожа с трендом показателей по потреблению промышленного оборудования, то в 1917 г. она противоположна — производство падает, учредительство же бурно растет. Большая часть промышленного оборудования до войны импортировалась⁶⁴, в годы же войны поставки снизились вдвое, поэтому восполнять недостаток промышленного оборудования, сырья и проч. из-за границы возможно было лишь в незначи-

тельной части. В целом, вопрос о снабжении промышленности новым оборудованием остается дискуссионным: «оптимистичные» расчеты С.Г. Струмина касательно пополнения в 1914—1917 гг. оборудованием на 1 млрд руб. (в ценах 1913 г., в том числе 317,3 млн. — из-за рубежа)⁶⁵ — подвергаются критике⁶⁶, в том числе ввиду того, что данные по внутреннему производству получены им путем вычленения цифр по производству оборудования как $\frac{1}{4}$ от всей продукции машиностроения⁶⁷.

Другим побудительным мотивом для новых капиталовложений в промышленность, в условиях топливно-сырьевого голода, было стремление обеспечить себя ресурсами покупкой топливно-сырьевых предприятий (в том числе в качестве инвестиций «на будущее»), что подталкивало к «трестированию». Банки, владевшие металлообрабатывающими предприятиями, в условиях дефицита металла приобретали в собственность металлургические заводы. Численность рабочих в крупной промышленности за 1916—1917 гг. увеличилась приблизительно на 15%⁶⁸, что также может свидетельствовать о расширении производства. С другой стороны, в 1917 г. количество рабочих на закрывающихся предприятиях, по данным переписи 1918 г., впервые за все годы войны, превысило число рабочих на вновь открывающихся фабриках⁶⁹, что говорит в пользу тезиса о «замирании» промышленности в 1917 г.

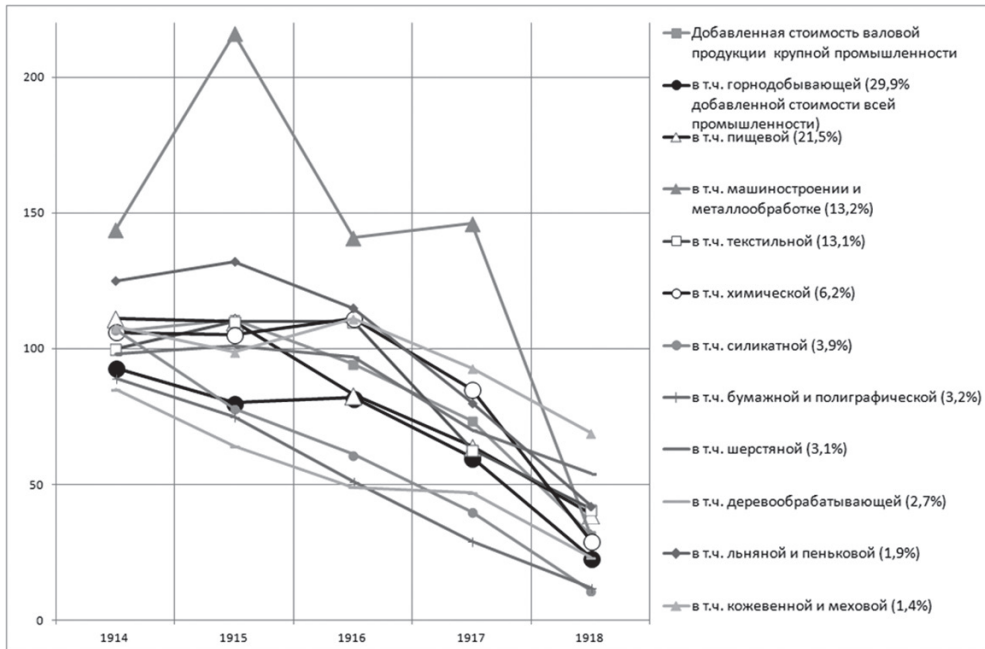
П.В. Волобуев подчеркивает «спекулятивный» характер роста акционерных капиталов в 1917 г., так как производственный сектор в 1917 г. «становился всё менее выгодным для предпринимателей»⁷⁰ — в условиях заметно усилившейся инфляции, роста расходов на заработную плату⁷¹, дефицита оборотных капиталов⁷², транспортного кризиса, расстройств аппарата государственного управления, задолженности казны перед поставщиками и проч.⁷³ «Полагая, что акции легче, чем кредитный рубль, перенесут смутное время революции, — также отмечает данную тенденцию П.В. Лизунов, — многие снова стали приобретать ценные бумаги... В нормальное время даже незначительное сокращение ссуд под акции вызвало бы на бирже длительную депрессию, но в то время это не произвело никакого впечатления. Акции покупались с единственной целью “освободиться от ничего не стоящего рубля”... Биржа перестала быть местом размещения ценных бумаг для развития и расширения предприятий и не служила экономическим и финансовым целям государства, а превратилась в место самой низкой спекуляции»⁷⁴.

Поэтому воспринимать рост акционерного учредительства в 1917 г. как признак промышленного подъема, на наш взгляд, неправильно. Тем более сложно говорить, под данным углом зрения, о подъеме касательно первых лет войны.

При дискуссионности вопроса касательно динамики промышленного индекса в 1916 г. и, в целом, солидарности относительно глубины его падения в 1917 г., затруднительно предположить, был бы этот спад в 1917 г. столь катастрофичным (по разным оценкам — 17—37%), не случись революционных событий. В этой связи важно выявить, за счет каких отраслей вплоть до 1917 г. поддерживалось видимое «статус-кво», каково было положение в ключевых отраслях, от которых зависит успешное функционирование, воспроизводство всей промышленности — прежде всего в топливно-металлургическом ком-

Рисунок 2

Динамика добавленной стоимости валовой продукции крупной российской промышленности (в %, 1913 г. = 100), в границах СССР до 1939 г.

Источник: Маркевич А.М., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстание: национальный доход России в 1913—1928 гг. С. 18, 71.

плексе и машиностроении. Насколько существенны были наблюдавшиеся в них кризисные явления ещё до 1917 г.?

Поотраслевая динамика развития российской промышленности в годы войны, на основе рассчитанных Маркевичем и Харрисоном индексов, представлена на рисунке 2. Данный индекс является в определенной степени комплексным, так как включает в себя как ряды данных, собранные Кафенгаузом, так и учитывает тенденции, выявленные в результате промышленной переписи 1918 г., заимствуя отраслевые «веса». Выявляемый таким образом поотраслевой срез российской промышленности не исключает противоречий с поотраслевой динамикой, представленной в исследованиях Кафенгауза и Воробьева, но, в целом, отображает некие общие тенденции, и, прежде всего, приводит к выводу о существенном возрастании диспропорции в развитии отдельных секторов производства: рост подотраслей, относящихся к производству вооружения и боеприпасов, и стагнацию или спад в большинстве других, особенно в топливно-металлургическом комплексе — ключевом для функционирования всего народного хозяйства.

Из крупнейших отраслей — выработка продукции снизилась с 1913 по 1916 гг. (данные — по неоккупированным территориям): в пищевой промышленности — на 17% (по расчетам Маркевича и Харрисона, по данным переписи

си 1918 г. — на 10,3%)⁷⁵; по конгломерату подотраслей текстильной промышленности — на 16% по переписи 1918 г., 10,6% — по Кафенгаузу⁷⁶, но выросла на 8,3% по расчетам Маркевича и Хариссона (противоречие в векторе цифр, видимо, объясняется отмеченным Кафенгаузом «огрубением», «понижением качественного уровня» продукции). По горнодобывающей промышленности спад производства в 1916 г. составил, по расчетам Маркевича и Хариссона, ок. 1/5 от уровня 1913 г.; по переписи 1918 г. (по группе «горной и горнозаводской промышленности») — 13,7%⁷⁷. Выплавка чугуна в стране падала уже начиная с 1914 г., незначительно приостановившись в 1916 г.; чуть медленнее, за счет широкого использования металлолома, это падение наблюдалось и в производстве проката⁷⁸. В 1916 г. по сравнению с 1913 г. по чугуну спад составил 10%, по прокату — 6%, а с учетом потери польского района — соответственно 18% и 16,5%. В связи с огромным ростом «военного» спроса на металл, сокращение его выплавки усугубляло дефицит: по оценкам Сидорова, если в 1915 г. 1/5 производимых металлов ещё поступало на «вольный рынок», то в 1916 г. он уже оставался почти без железа, получая его по спекулятивным ценам⁷⁹. Показательно введение уже в 1916 г., ввиду острейшего дефицита (ок. 1/3 оборонных потребностей, не включая спрос «свободного рынка»), обязательной разверстки черных металлов, а также падение добычи железных руд в 1914—1916 гг. на 30—40% по сравнению с 1913 г. Несмотря на дефицит, накануне 1917 г. для металлургии (как и для производства кокса, текстильной промышленности и др.) характерен недогруз производственных мощностей, происходящий, во многом, по причине нехватки топлива.

Его дефицит заметен на примере данных о потреблении донецкого угля (87% общероссийской добычи угля в 1913 г., за вычетом домбровского), главной топливной базы для промышленности и железных дорог (уголь составлял в их топливном балансе — соответственно 62% и 63%): если его отпуск для нужд железных дорог с 1913 по 1916 гг. вырос почти вдвое⁸⁰, для металлургической промышленности — на 15%, то для всех прочих категорий потребителей он снизился на 1/4⁸¹. Из-за оккупации в годы войны Германией Домбровского бассейна (доля которого в 1913 г. составляла ок. 1/5 общероссийской добычи), добыча угля в России в 1916 г. по сравнению с 1913 г. сократилась на 4,2%, хотя на неоккупированных территориях, напротив, возросла на 18,6%. Ситуацию усугубляло резкое сокращение импорта угля⁸², накануне войны удовлетворявшего ок. 1/5 потребности в нем (в основном он шел в Прибалтику и Петербург). О критическом дефиците угля говорит и тот факт, что на его долю приходилось более 1/3 согласованных с союзниками на Петроградской конференции поставок в Россию на 1917 г.⁸³

В условиях дефицита угля, а также в связи с прекращением экспорта нефтепродуктов (в 1913 г. на экспорт шло лишь около 15% их выработки в Баку)⁸⁴, жидкое топливо, по выражению А.А. Иголкина, в годы войны «спасало промышленную жизнь страны»⁸⁵, завоевывая новые географические районы и увеличивая свою долю в потреблении промышленностью и транспортом⁸⁶. Тем не менее, добыча нефти лишь в 1916 г. была выше уровня 1913 г. (на 7%, за счет роста добычи фонтанной грозненской нефти, сдерживаемой трудностями с её транспортировкой), при сохранении статус-кво в 1914—1915 гг. и падении в 1917 г. на 5,5% относительно 1913 г. В основном добывающем районе — Ба-

кинском, за исключением 1916 г. (характеризующегося ростом на 2% к уровню 1913 г.) нефтедобыча в большей степени упала в 1914—1915 гг. (92% и 96,1%), как и в 1917 г. (86%), из-за недостатка материалов для буровых работ. С осени 1916 г. потребление нефти сдерживалось расстройством железнодорожного транспорта. С учетом того, что добываемая нефть по теплотворности составляла около 1/3 совместного с углем топливного баланса⁸⁷, восполнить дефицит топлива с её помощью, при, в целом, стагнации нефтедобычи было невозможно.

В отличие от топливно-металлургического комплекса, наиболее благополучное положение, «вытягивающее» общие показатели по всей промышленности в годы войны, наблюдалось в металлообработке и машиностроении. Эти подотрасли, по подсчетам Маркевича и Харрисона, даже увеличили объем производства в 1917 г. по сравнению с 1916 г. на 3,5% (при падении по всей крупной промышленности на 26,7%). По сравнению же с 1913 г. отмечен рост в 1,5 раза, то есть превышение среднего (73,3%) показателя по всей крупной промышленности вдвое. По оценкам же Воробьева, стоимость валовой продукции в металлообработке возросла с 1913 г. в 3 раза, но в 1917 г., в сравнении с 1916 г., тем не менее, сократилась на 36%⁸⁸.

Определенную позитивную динамику отрасли с 1913 г. отметил и Кафенгауз. «Металлообработывающая промышленность, — писал он, — вышла из войны обогащенной более мощным оборудованием и новым техническим опытом»⁸⁹. Особенно значимым был рост отечественного станкостроения, ввиду проблем с импортом станков: к началу войны 58% машин для промышленности покрывал их импорт, который в 1914—1917 гг. сократился по отношению к 1913 г. в 2,3 раза⁹⁰. Выпуск металлообработывающих станков, по данным переписи 1918 г., вырос с 1913 по 1916 гг. в 10 раз⁹¹. Впрочем, станки предназначались в основном для предприятий, работающих «на оборону», и большая часть их представляла простейшее оборудование для снарядного производства. Производство станков для деревообработки, резинового и табачного производств, напротив, с 1913 по 1916 гг. в среднем сократилось на 2/3, ткацких, мельничных, маслобойных машин — на 1/3⁹². Производство некоторых других видов «невоенной» продукции в 1917 г. по сравнению с 1913 г. также значительно уменьшилось: плугов — в 13,3 раза, пассажирских вагонов — в 3,4 раза, грузовых — на 8%. До 1916 г. в выпуске вагонов наблюдался некоторый рост, сменившийся затем заметным сокращением, причем в 1917 г. производство их оказалось ниже уровня 1913 г. (притом недогруз производственных мощностей в производстве вагонов в 1914—1917 гг. составил 40%, паровозов — 50%⁹³). Похожая картина складывалась также в паровозостроении, которое опустилось ниже уровня 1913 г. уже в 1916 г. и паровых двигателей — на 36%⁹⁴. В целом, доля «предметов мирного строительства» в продукции отрасли, по подсчетам П.А. Кюнга на основе переписи 1918 г., составила в 1913 г. 73,8%, при 34,4% в 1916 г. (21,7% — по предварительным подсчетам Воробьева по тому же корпусу источников)⁹⁵ и 44,3% (24,4%, по Воробьеву) в 1917 г.⁹⁶

То есть подъем отрасли в годы войны в значительной степени был обеспечен ускоренным производством военной продукции, в ущерб «гражданской»: за это же время производство самолетов увеличилось в 6,8 раз, моторных двигателей — в 7—10 раз⁹⁷, электротехники (электромоторов, радио-, телефоно-, телеграфо-ап-

паратуры) — примерно в 5 раз⁹⁸, артиллерийских орудий — вдвое⁹⁹, снарядов — в 4,2 раза¹⁰⁰. В 1917 г., по оценкам Воробьева, в абсолютных цифрах выпуск военной продукции отрасли начал сокращаться, упав по сравнению с 1916 г. на 33,5%. По наиболее важным ее видам падение выработки в 1917 г., впрочем, было менее значительным. Так, производство артиллерийских снарядов, по данным А.А. Маниковского, даже выросло по сравнению с 1916 г. на 14%¹⁰¹, артиллерийских орудий — сократилось на 13%, причем наиболее существенное снижение ежемесячного выпуска отмечалось в феврале, июне и ноябре—декабре 1917 г.¹⁰² Схожая динамика в 1917 г. наблюдалась и в производстве трехлинейных патронов: падение производства по отношению к 1916 г. на 18,4% (при росте в сравнении с 1914 г. — в 1,8 раза), с наибольшим снижением выпуска продукции в те же месяцы¹⁰³.

Однако даже производство продукции военного назначения, несмотря на рост в 1916 г. по отношению к 1913 г., далеко не покрывало выявленные потребности. Так, например, по данным Особого совещания по обороне государства на 1916 г. — первую половину 1917 г., согласно размещенным заказам, потребности армии в аэропланах могли быть удовлетворены за данный период лишь на 36%, в том числе 1/5 — за счет поставок из-за границы¹⁰⁴. Причем, как отметил В.В. Поликарпов, в значительной части русские показатели и по моторам, и по самолетам относятся к сборке из заграничных готовых деталей и узлов¹⁰⁵. Потребность в автомобилях покрывалась на 25,7% (в том числе 61% — заграничного производства; хотя в действительности в 1917 г. ни один из строящихся 6 автомобильных заводов так и не был введен в строй, в основном из-за затруднений с получением оборудования¹⁰⁶), в моцотиклетах — на 7% (на 100% — иностранных), в винтовках — на 62,9% (при 71,5% — иностранных¹⁰⁷), в винтовочных патронах — на 59,4% (55,7% — иностранных), предусматривалось полностью покрыть потребности в пулеметах, однако 70,4% из них должно было поступить из-за границы¹⁰⁸, импортировалась также тяжелая артиллерия и снаряды к ней. Существенная зависимость от иностранных поставок, наряду с дороговизной производства на российских частных заводах — способствовали выработке в конце 1916 г. запоздалой, ориентированной более на послевоенное укрепление мощи российских вооруженных сил программы строительства 37 казенных заводов, выполнение которой потребовало значительных расходов, не принесших видимой отдачи в ходе войны¹⁰⁹.

Увеличению производства препятствовали проблемы с эвакуацией промышленности, как и потеря в ходе войны западных территорий, где было сосредоточено значительное число машиностроительных предприятий. Так, по данным А.Л. Сидорова, через год после начала эвакуации было пущено в строй лишь около 20—25% эвакуированных крупных предприятий¹¹⁰. Проблема потери и эвакуации ведущих предприятий была существенной и для химической промышленности, значительный потенциал которой базировался в Прибалтике и Польше. Если не включать в подсчет предприятия на оккупированных территориях, в этой отрасли в 1915—1916 гг. наблюдался рост как валовой продукции, так и числа заводов и количества задействованных рабочих. Численность последних продолжала расти и в 1917 г. (на 29,6% по сравнению с 1916 г. и в 2,2 раза по отношению к 1913 г.), однако их производительность, по данным Кафенгауза, с 1916 г. снижается на 20,7%, хотя и оставалась несколько большей (105,7 %) уровня 1913 г.¹¹¹ «Локомотивом» роста в данной отрасли выступало производство взрывчатых веществ

(составлявшее, по оценкам Воробьева, около 40% валовой выработки отрасли в 1916—1917 гг.¹¹²), где число рабочих в 1917 г. по отношению к 1913 г. увеличилось 5,7 раз, валовая продукция — в 2,4 раза, при росте первого показателя по отношению к 1916 г. на 59,6% и тем не менее снижении второго — на 6,2%¹¹³. Оно породило существенный прорыв в развитии производства их компонентов: строились новые и расширялись старые заводы по производству серной кислоты (при росте его производства с 1913 по 1916 гг., в границах СССР до 1939 г., в 1,7 раза)¹¹⁴, были найдены новые способы для промышленного производства азотной кислоты (при росте его производства в 3 раза), возникали новые производства по химической переработке нафталина¹¹⁵, газообразного и жидкого хлора, практически с нуля была рождена отечественная коксобензолная промышленность¹¹⁶, что позволило наконец освободиться от заграничной зависимости в выработке бензола (при росте его выработки с 1913 по 1916 гг. — почти в 14 раз)¹¹⁷.

Однако, несмотря на значительную государственную поддержку, даже в этой сфере не удавалось выйти на необходимые объемы производства. Самым слабым местом боевого снабжения оставалось производство пороха, 70—80% которого в 1915—1916 гг. доставлялось из-за границы, и даже строительство в 1917 г. двух пороховых казенных заводов было направлено на ликвидацию лишь части дефицита¹¹⁸. Тем более проблематичным было положение с продукцией «невоенного спроса». В годы войны наблюдалось её резкое сокращение: суперфосфатов в 1917 г. вырабатывалось 7,8% от уровня 1913 г., кальцинированной соды (необходимого компонента для текстильной отрасли) — 64,6%¹¹⁹. Снижались и масштабы нефтепереработки (примерно на 15% с 1913 по 1916 гг., при снижении в Баку на 25% и росте в Грозном)¹²⁰, при увеличении доли выработки неквалифицированных продуктов (росте мазутности), обусловленной резким сокращением экспорта нефтепродуктов и снижением спроса на продукты квалифицированные¹²¹.

Таким образом, поддержание общих валовых показателей промышленности на уровне 1913 г. достигалось прежде всего за счет роста военного сектора — химической, машиностроительной, металлообрабатывающих и ряда других отраслей. В «гражданских» же секторах, и прежде всего в топливно-металлургическом комплексе, ключевом с точки зрения обеспечения ресурсами для нормального функционирования остальных отраслей — кризисные явления (снижение объемов производства, падение производительности труда, недогруз производственных мощностей и др.) проявились уже до Февраля 1917 г. Что не могло в итоге не привести к спаду всей промышленности и не сказаться негативно на экономике в целом, в особенности — на сокращении товарообмена между «городом и деревней». В 1917 г., судя по динамике производства в ряде ведущих отраслей промышленности (металлургической, угольной, нефтяной)¹²², рубежным стало начало лета этого года. Примечательно, что летние же месяцы 1917 г. становятся переломными и в плане падения темпов хлебозаготовок (при массовых отказах крестьян сдавать хлеб по твердым ценам)¹²³, роста бумажно-денежной эмиссии¹²⁴ и розничных цен¹²⁵.

При дискуссионности вопроса о динамике российской промышленности в годы войны и некотором оптимизме части современной историографии касательно сравнений динамики спада в других воюющих странах и значительного роста военного сектора отечественной промышленности — нельзя не

учитывать её изначальное отставание относительно ведущих западных держав (за исключением, пожалуй, Австро-Венгрии) по целому ряду ключевых показателей развития экономики (причем не только в количественном плане, но и в качественном), технологическую¹²⁶ и инвестиционную зависимость от западных экономик. Например, по доле в мировом промышленном производстве Россия к 1913 г. уступала Англии и Германии приблизительно в 3—5 раза, США — в 7, лишь на 20% отставая от Франции¹²⁷. Почти вдвое Россия отставала от среднеевропейских данных по доле промышленности в структуре занятости рабочих в основных секторах экономики, как и по уровню индустриализации на душу населения (отставая от ведущих держав — в 2,6—6,6 раз)¹²⁸.

Схожее положение наблюдалось и по ключевым отраслям для развития промышленности и военной экономики, в целом: например, в добыче угля Россия отставала от Германии в 5,3 раза, Англии — в 8,1 раз, находилась на уровне Франции и вдвое превосходила Австро-Венгрию. По чугуну доля России составляла соответственно — 44%, 27%, 89% и 194%¹²⁹, причем в Германии и Англии почти половина годового производства чугуна шла на экспорт (в последней та же ситуация складывалась и по углю)¹³⁰, что смягчало негативные последствия от спада производительности в годы войны. В цветной металлургии, несмотря на огромные природные богатства, только по меди внутреннее потребление удовлетворялось в основном за счет собственного производства, занимавшего хоть сколько-то весомую долю в мировом производстве (около 3%)¹³¹, выработка же других цветных металлов в России, как до, так и в ходе войны находилась, по-сути, в зачаточном состоянии¹³². Германия же, напротив, была среди мировых лидеров по совокупному производству свинца, цинка, олова, меди, алюминия — в среднем — 12% мирового производства данных продуктов в 1913 г. (подтянувшись с 1,4% в 1913 г. до 12% в 1917 г. и в производстве алюминия, ранее заметно отстававшем), доля США составляла около 1/3 мирового производства данных продуктов, Франции — 5,6% (за счет производства свинца, цинка и алюминия), в Англии вырабатывались все перечисленные продукты, но значимую роль она играла только в выплавке меди (5,3% мирового производства) и алюминия (10,5%)¹³³.

По серной кислоте, основному продукту химической промышленности — Англия превосходила Россию примерно в 9 раз, Франция — в 4, Германия — в 5; при почти монопольном положении последней в мировом производстве органических красителей — другого важнейшего компонента для выработки взрывчатых веществ¹³⁴. Традиционно весомой для России была доля импорта в продукции машиностроения, так как по значительному спектру продукции внутреннее производство в России было развито слабо (например, «оборудование российской промышленности было преимущественно иностранным», в отличие от транспортного оборудования)¹³⁵.

Кроме того, у Англии и Франции было больше транспортных и финансовых возможностей для импорта недостающих материалов, что сказалось в годы войны: например, с 1913 по 1916 гг. физический объем импорта в Россию сократился почти втрое, в то время как в Англии — лишь на 17%¹³⁶. Касательно транспорта, Россия была на одном из последних мест в Европе по обеспеченности железными дорогами на единицу территории или относительно численности населения (несмотря на второе место в мире по длине эксплуатируемых желез-

ных дорог), существенно уступая и в доле неоднокорейных дорог¹³⁷. По тоннажу торгового флота Россия из ведущих держав превосходила только Австро-Венгрию, уступая Великобритании в 16 раз, Германии — в 4, Франции — в 2¹³⁸.

Таким образом, по исходной посылке — уровню развития промышленности и транспортной инфраструктуры — Россия находилась далеко не в самом выгодном положении (за исключением определенного преимущества в продовольственном вопросе¹³⁹), что сокращало её шансы продержаться более других ведущих держав в своеобразном марафоне военных экономик.

В результате, несмотря на достигнутые в годы войны успехи в области оборонной промышленности и, кроме того, значительные зарубежные поставки — по технической оснащенности основными боевыми средствами Россия заметно уступала ведущим западным державам (см., например, таблицу 7¹⁴⁰). По оценкам Гэтрелла и Харрисона, в России ежегодно (за 3 года 8,5 месяцев её участия в войне) производилось основных видов вооружений (при следующем расчете сопоставимости «весов»: 1 самолет = 1 танк = 5 артиллерийских орудий = 100 пулеметов = 500 винтовок) — в 3,9 раз меньше, чем в среднем в Англии, Франции и США, и в 4,7 раза меньше, чем в Германии¹⁴¹.

Таблица 7

**Техническая оснащенность боевыми средствами армий главнейших держав
к концу Первой мировой войны**

Виды боевых средств	Россия	Франция		Англия		Германия	
	абс.	абс.	в % (Россия = 1)	абс.	в % (Россия = 1)	абс.	в % (Россия = 1)
Артиллерийские орудия легкие	7265	10000	1,38	7000	0,96	15000	2,06
Артиллерийские орудия тяжелые	2560	7500	2,88	4000	1,54	10000	3,85
Артиллерийские орудия зенитные	—	400		400		2600	
Минометы	—	3000		4000		30000	
Винтовки и карабины ¹⁴²	3500000	3000000	0,86	2000000	0,57	6000000	1,71
Пулеметы ¹⁴³ ручные и легкие	—	70000		10000		104000	
Пулеметы станковые	23800	30000	1,26	50000	2,1	—	
Танки	—	4000		3000		70	
Автомобили грузовые	7000	80000	11,43	56700	8,1	55000	7,86
Автомобили легковые	2700	30000	11,11	30200	11,18	10000	3,7
Самолеты боевые ¹⁴⁴	1000	7000	7	4000	4	14000	14
Снаряды легкие	20000000	38000000	1,9	25000000	1,25		
Снаряды тяжелые	—	10000000		6000000		40000000	
Патроны	1500000000	700000000	0,46	800000000	0,53	540000000	0,36

Источник: Мировая война в цифрах. М., 1934. С. 31.

Притом России предстояло вооружить наибольшую по численности в мире армию, первенствуя, в частности, по абсолютному числу мобилизованных¹⁴⁵. С учетом наименьшей, среди ведущих держав, доли России в общемировом промышленном производстве, это демонстрирует, насколько перед российской промышленностью стояла более сложная задача: например, индекс отношения доли в мировом производстве к общему числу мобилизованных (см. таблицу 8) в России — в 4 раза меньше Франции, в 7 — Германии, в 9 — Англии, в 50 раз — США.

Таблица 8

Индекс отношения доли в мировом производстве к числу мобилизованных в вооруженные силы в крупнейших державах в период Первой мировой войны

Страны		Россия	Франция	Англия	Германия	США
1	Доля в мировом промышленном производстве, 1913 г. (в % от общемирового)	5,3	6,4	14	15,7	35,8
2	Индекс Россия / прочие страны (Россия = 1)	1	1,2	2,6	3	6,7
3	Численность мобилизованных в армию в период войны (млн чел.)	15,5	8,7	9,5	13,2	
4	Численность мобилизованных в армию в период войны (млн чел.)	15,8	7,9	5,7	13,2	4,3
5	Доля в мировом промышленном производстве / к численности мобилизованных (строка 1 : строка 3)	0,3	0,7	1,5	1,2	8,3
6	Индекс Россия / прочие страны (Россия = 1)	1	4,4	8,8	7,1	49,6

Источники:

строка 1: *Бовыкин В.И.* Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М., 2001. С. 88—89; см. также: *Миц И.И.* Указ. соч. С. 40;

строка 3: Россия и СССР в войнах XX в. М., 2001. С. 106; Россия в мировой войне 1914—1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 63—64;

строка 4: *Урланис Б.Ц.* История военных потерь. М., 1999. С. 499.

Данную задачу приходилось решать путем перевода с 1915 г. отечественной промышленности на военные рельсы, достигшего пика уже в 1916 г., а также за счет дорогостоящего импорта, что негативно сказывалось на росте внешней задолженности страны.

Финансирование военного бюджета

Финансирование войны — острая тема для всех воюющих держав, и бремя военных расходов для российского бюджета было далеко не наибольшим¹⁴⁶. Однако Россия изначально находилась в невыгодном положении, будучи чуть ли не единственной из крупнейших мировых держав с внешней задолженностью, причем крупнейшей в мире¹⁴⁷, а также страной с отрицательным платежным балансом¹⁴⁸. Из каких источников осуществлялось финансирование военных расходов в России можно судить по данным таблицы 9.

Таблица 9

**Источники для покрытия бюджетного дефицита в России
в годы Первой мировой войны**

Статья	Единица измерения	Годы				
		1914	1915	1916	1917	1918
Правительственные расходы	млн руб.	4858	11703	18101	30607	46706
	% к предыдущему году	43,6	140,9	54,67	69,09	52,6
Профицит/дефицит государственного бюджета	млн руб.	-1960	-8875	-14126	-24907	-31126
	% к предыдущему году	-5864,71	352,81	59,17	76,32	24,97
Внешние заимствования*	млн. руб., в течение года позаимствовано	82	2140	3665	2554	
	% к предыдущему году		2509,75	71,26	-30,31	
Долгосрочный внутренний долг	млн. руб., в течение года позаимствовано	709	2879	4174	3729	
	% к предыдущему году		306,06	44,98	-10,66	
Краткосрочный долг	млн. руб., рост в течение года	805	3176	5611	10844	
	% к предыдущему году		294,53	76,67	93,26	
Денежная эмиссия	млн руб. в обращении, на конец года	2947	5617	9097	27312**	61264**
	индекс (1913 г. = 100)	179,91	342,92	555,37	1667,4	3740,17
	% к предыдущему году		90,6	61,95	200,23	124,31

Примечание.

* Рост внешнего долга России за годы войны П. Гэтреллом преувеличен: более обоснованной представляется цифра не 8,4 млрд. руб., а 7,2 млрд. руб. (см., например: *Голицын Ю.П., Петров Ю.А.* Финансовое положение, февраль 1917 — осень 1918 г. // *Российская революция 1917 года: власть, общество, культура* / Отв. ред. Ю.А. Петров. В 2 т. Т. 1. М., 2017. С. 400—401).

** Данные П. Гэтрелла скорректированы по: *Шмелев К.Ф.* Денежное обращение в России в годы войны и революции (1914—1921 гг.) // *Денежное обращение и кредит*. Т. 1. Пг., 1922. С. 12—13.

Источник: Gatrell P. *Russia's First World War*. P. 134, 139, 145. Динамика в процентах подсчитана мной.

Позаимствования из внешних источников в 1917 г. были сокращены (при происшедшем уже до революционных событий сокращении золотого запаса, резком ухудшении торгового и платежного балансов, падении обменного курса рубля), но даже при том Россия оставалась одним из крупнейших получателей международных займов военных лет и — со значительным отрывом — крупнейшим в мире внешним «чистым» должником на момент окончания войны¹⁴⁹, что ограничивало возможности новых внешних займов. В условиях бедности России капиталами¹⁵⁰, а также прогрессирующей инфляции — со всё большими трудностями сталкивалось и размещение долгосрочных внутренних займов¹⁵¹, также в 1917 г. по сравнению с предреволюционным годом сократившихся. По подсчетам Я.М. Букшпана, в годы войны в российскую казну поступало от внутренних займов¹⁵² значительно меньше средств, чем в Гер-

Таблица 10

Индексы цен в России в период Первой мировой войны

Название индекса	Годы	Единица измерения	Год (полугодие)											
			1914		1915		1916		1917		1918			
			пер- вое	вто- рое	пер- вое	вто- рое	пер- вое	вто- рое	пер- вое	вто- рое	пер- вое	вто- рое		
Индекс цен на продовольственные продукты на рынках Московской губ.	100	% (первое полугодие 1914 г. = 100)	100	101	115	141	238	398	702	1171	3650	7450		
		% (прирост за 1 год)	1	15	39,6		106,96	182,27	194,96	194,22	419,94	536,21		
Индекс оптовых/биржевых ("взвешенных") цен на продовольственные товары (Особото совещания по продовольственному делу)	100	% (1913 г. = 100)	106	138	145	178								
		% (прирост за 1 год)	6		36,79	22,76								
«Индекс оптовых цен»	100	% (1913 г. = 100)	106	117		208			327		639			
		% (прирост за 1 год)	6	10,38		77,78			57,21		95,41			
Индекс биржевых цен на продовольственные и промышленные товары (Всероссийского союза городов), в пересчете М.П. Кохна	100	% (1913 г. = 100)				152,5	191							
Индекс оптовых цен (локо-фабрика, «перемные веса») на промышленные товары (по переписи 1918 г.)	100	% (1913 г. = 100)	110	153		219	434				953			
		% (прирост за 1 год)	10	39,09		43,14			98,17		119,58			
тоже ("постоянные веса"), в пересчете М.П. Кохна		% (1913 г. = 100)	110	152		221	512				1092			
		% (прирост за 1 год)	10	38,18		45,39			131,67		113,28			

Индекс ("взвешенный") цен на продовольтвенные и промышленные товары, исчисленный М.П. Кохном		% (1913 г. = 100)		149		228				
Индекс таможенных цен экспортруемых товаров, исчисленный С.Н. Прокоповичем		% (1913 г. = 100)	108,1	138	155,1	195,7	215,9	311		
		% (прирост за 1 год)			43,48	41,81	39,2	58,92		
Бюджетный индекс (розничных цен), территория СССР	100	% (1913 г. = 100)	102	120	140	166	240	365	982	
		% (прирост за 1 год)		2	18,81	37,25	38,33	71,43	119,88	309,17
Бюджетный индекс (розничных цен), территория Москвы	100	% (1913 г. = 100)		130		206		775		5680
		% (прирост за 1 год)			1			276,21		632,9

Источники: *Gatrell P.* Russia's First World War. P. 146; *Шмелев К.Ф.* Денежное обращение в России в годы войны и революции (1914—1921 гг.). С. 24—25; *Кохн М.П.* Русские индексы цен. М., 1926. С. 12—19. Подсчеты мои.

мании, Англии, Франции, США¹⁵³. Хотя, как отмечает Ю.А. Петров, резервы внутреннего денежного рынка были далеко не исчерпаны, о чем, в частности, свидетельствует прирост вкладов в банках в 1916 г. в 5,3 млрд. руб.¹⁵⁴ В сложившейся ситуации выход был найден в наращивании выпуска краткосрочных облигаций государственного казначейства (который, впрочем, в 1917 г. значительно превзошел рост 1916 г.), а также в бумажно-денежной эмиссии: количество кредитных билетов в обращении уже к 1 ноября 1917 г. почти вдвое превзошло совокупный их выпуск предыдущих военных лет. Впрочем, «аномальным» прирост бумажно-денежной массы стал только со второго квартала 1917 г.: во второй половине 1914 г. он составил 65,4% и 9,2% (в 3-м и 4-м квартале соответственно), в 1915 г. — 12,4%, 13,3%, 30,3%, 14,8%, в 1916 г. — 8,2%, 9,0%, 14,5%, 20,0%, в 1917 г. — 19,1%, 19,5% и 32,2% (за первые три квартала)¹⁵⁵. Кроме того, уже в 1916 г. Россия¹⁵⁶ была лидером среди ведущих воюющих держав по размерам бумажно-денежной эмиссии¹⁵⁷.

Ставка на эмиссионное финансирование военных расходов, наряду с сокращением товарной массы¹⁵⁸ — подстегнули резкий скачок цен, пиковые значения прироста которых пришлось на 1917—1918 гг. (см. таблицу 10). Но и до 1917 г. Россия по данному показателю была лидером (по бюджетному индексу — вслед за Австро-Венгрией) среди других ведущих воюющих держав¹⁵⁹. Уже со второй половины 1916 г. рост товарных цен стал опережать рост бумажно-денежной эмиссии¹⁶⁰.

Впрочем, индексы цен, возможно, недооценивают рост дороговизны в России в конце 1916—1917 гг., так как дискуссионным является вопрос, насколько полно ими учитывается дефицит продуктов и цены «черного рынка» (как это отметил по многим странам ещё Л.А. Мендельсон)¹⁶¹. Особенно это касается промышленных товаров, слабо представленных в бюджетных индексах (ключевого показателя для оценки динамики реальной заработной платы¹⁶², потребления городского населения в годы войны), а в индексах оптовых цен отраженных лишь на этапе «локо-фабрика», то есть без учета транспортных расходов и прибыли торговцев, существенно увеличивавших цены при транспортном коллапсе и росте государственного вмешательства в сферу сбыта/распределения «стратегических» товаров.

Была ли альтернатива ставке на эмиссионное финансирование военных расходов в условиях сокращения производства/товарной массы и при ограниченных возможностях для долгосрочных займов? По мнению Ю.П. Бокарева, она заключалась в «пересмотре части союзнических обязательств..., переходе к оборонительной стратегии на фронте, сокращении армии и военных расходов»¹⁶³. Но возможен ли был столь резкий поворот, с учетом того, что даже при текущей численности армии и уровне её финансирования, немалая часть российской территории уже была захвачена противником? В итоге, при Временном правительстве лишь был приостановлен рост численности армии, доли военного сектора обрабатывающей промышленности, сократились правительственные закупки продовольствия¹⁶⁴. Но этого оказалось недостаточно.

Таким образом, мы далеки от мысли снимать с Временного правительства ответственность за экономический коллапс 1917 г. Однако, на наш взгляд, динамика российской экономики в годы войны, при сравнительном изна-

чальном её отставании, делала подобное развитие событий весьма вероятным (пусть и при, возможно, несколько меньшей глубине экономического спада) и при ином сценарии февральских событий.

Библиография

- Baten J., Schulz R.* Making Profits in Wartime: Corporate Profits, Inequality, and GDP in Germany during the First World War // *The Economic History Review. New Series. Vol. 58. № 1 (Feb., 2005). P. 34—56.*
- Broadberry S., Harrison M.* The economics of World War I: an overview // *The economics of World War I / Ed. by S. Broadberry, M. Harrison. Cambridge, 2005. P. 3—40.*
- Galassi F.L., Harrison M.* Italy at War, 1915—1918 // *The economics of World War I / Ed. by S. Broadberry, M. Harrison. Cambridge, 2005. P. 276—309.*
- Gatrell P.* Poor Russia, Poor Show: Mobilising a Backward Economy for War, 1913—1917 // *The economics of World War I / Ed. by S. Broadberry, M. Harrison. Cambridge, 2005. P. 235—275.*
- Gatrell P.* Russia's First World War: a social and economic history. Harlow, 2011.
- Gatrell P., Harrison M.* The Russian and Soviet economies in two world wars: a comparative view // *Economic History Review. Vol. XLVI. № 3. 1993. P. 425—452.*
- Hardach G.* The First World War, 1914—1918. Los Angeles, 1977.
- Hautcoeur P.-C.* Was the Great War a Watershed? The Economics of World War I in France // *The economics of World War I / Ed. by S. Broadberry, M. Harrison. Cambridge, 2005.*
- Nutter G.W.* The Growth of Industrial Production in the Soviet Union. Princeton, 1962.
- Ritschl A.* The Pity of Peace: Germany's Economy at War, 1914—1918 // *The economics of World War I / Ed. by S. Broadberry, M. Harrison. Cambridge, 2005. P. 41—76.*
- Schulze M.-S.* Austria-Hungary's economy in World War I // *The economics of World War I / Ed. by S. Broadberry, M. Harrison. Cambridge, 2005. P. 77—111.*
- The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913—1945 / Ed. by R.W. Davies, M. Harrison, S.G. Wheatcroft. Cambridge, 1994.
- Бакулев Г.Д.* Черная металлургия Юга России. М., 1953.
- Бовыкин В.И.* Россия накануне великих свершений: к изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988.
- Бовыкин В.И.* Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М., 2001.
- Бокарев Ю.П.* Рубль в эпоху войн и революций // *Русский рубль. Два века истории. XIX—XX вв. М., 1994. С. 175—198.*
- Бокарев Ю.П.* Темпы роста промышленного производства в России в конце XIX — начале XX в. // *Экономическая история. Обозрение. Вып. 13. М., 2007. С. 170—179.*
- Брейтерман А.Д.* Цветные металлы // *Богатства СССР / Под ред. А.Ф. Арского. Вып. V. М.; Л., 1925. С. 3—61.*
- Букипан Я.М.* Военно-хозяйственная политика: формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914—1918 гг., М.; Л., 1929.
- Волбуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962.
- Воробьев Н.Я.* Изменения в русской промышленности в период войны и революции (по данным переписи 1918 года) // *Вестник статистики. Кн. XIV. Апрель—июнь 1923 г. № 4—6. М., 1923. С. 115—154.*
- Воронкова С.В.* Автомобильная промышленность // *Россия в Первой мировой войне. 1914—1918: Энциклопедия: В 3 т. Т. 1. М., 2014. С. 36—38.*
- Воронкова С.В.* Заводское строительство в России в годы Первой мировой войны (к проблеме развития промышленного потенциала) // *Экономический журнал. 2002. № 2 (5). С. 6—44.*
- Голицын Ю.П., Петров Ю.А.* Финансовое положение, февраль 1917 — осень 1918 г. // *Российская революция 1917 года: власть, общество, культура / Отв. ред. Ю.А. Петров. В 2 т. Т. 1. М., 2017. С. 384—453.*
- Грегорь П.* Поиск истины в исторических данных // *Экономическая история. Ежегодник. 1999. М., 1999. С. 471—500.*
- Громан В.Г.* Народное хозяйство СССР. Упадок и возрождение. М., 1928.

- Грузинов А.С.* *Металлургия // Россия в Первой мировой войне. 1914—1918: Энциклопедия: В 3 т.: Т. 2. М., 2014. С. 371—380.*
- Грузинов А.С.* *Российская индустрия в 1917 г.: динамика и структура производства // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура / Отв. ред. Ю.А. Петров. В 2 т. Т. 1. М., 2017. С. 225—248.*
- Гухман Б.А.* *На рубеже // Плановое хозяйство. 1929. № 5. С. 164—193.*
- Гухман Б.А.* *Производительность труда и заработная плата в промышленности СССР. М.; Л., 1925.*
- Дихтяр Г.А.* *Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960.*
- Дьяконова И.А.* *Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М., 1999.*
- Загорюлько М.М., Булатов В.В., Косторниченко В.Н.* *«Виккерс» в России: материалы для разработки проблематики иностранного капитала и государственно-частного партнерства в военной, нефтяной и электротехнической отраслях промышленности России и СССР. Волгоград, 2012.*
- Иголкин А.А.* *Отечественная нефтяная промышленность в 1917—1920 гг. М., 1999.*
- Караваева И.В.* *Российское промышленное производство в годы Первой мировой войны // Военная экономика России в первой половине XX столетия. М., 2006. С. 67—92.*
- Кафенгауз Л.Б.* *Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е годы XX в.). М., 1994.*
- Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Т. 2: 1870 — наши дни. М., 2014.*
- Кирьянов Ю.И.* *Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 гг.). М., 2005.*
- Китанина Т.М.* *Война, хлеб и революция. Л., 1985.*
- Китанина Т.М.* *Россия в Первой мировой войне 1914—1917 гг.: экономика и экономическая политика. Курс лекций. СПб., 2016.*
- Китанина Т.М.* *Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. Л., 1978.*
- Коломиец А.Г.* *Государственные финансы и попытка формирования мобилизационной экономики в России в условиях Первой мировой войны // Военная экономика России в первой половине XX столетия. М., 2006. С. 106—131.*
- Кондратьев Н.Д.* *Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны // Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М., 2002. С. 40—340.*
- Кондратьев Н.Д.* *Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922.*
- Кондрашин В.В.* *Сельское хозяйство и крестьянство в 1917 г. // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура / Отв. ред. Ю.А. Петров. В 2 т. Т. 1. М., 2017. С. 318—356.*
- Корелин А.П., Кюнг П.А.* *Российская промышленность накануне и в годы войны // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. С. 265—286.*
- Кохн М.П.* *Русские индексы цен. М., 1926.*
- Кюнг П.А.* *Трансформация экономики Российской империи в период Первой мировой войны // Россия в годы Первой мировой войны, 1914—1918: материалы междунар. науч. конф. (Москва, 30 сентября — 3 октября 2014 г.). М., 2014. С. 407—416.*
- Лельчук В.С.* *Создание химической промышленности СССР. М., 1964.*
- Лизунов П.В.* *Санкт-Петербургская фондовая биржа и российский рынок ценных бумаг (1703—1917 гг.). Л., 2004.*
- Маниковский А.А.* *Боевое снабжение русской армии в мировую войну. Т. 1. М.; Л., 1930.*
- Маркевич А.М., Харрисон М.* *Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913—1928 гг. М., 2013.*
- Маслов П.П.* *Критический анализ буржуазных статистических публикаций. М., 1955.*
- Мау В.А.* *Реформы и догмы. Государство и экономика в эпоху реформ и революций (1861—1929). М., 2013.*
- Мендельсон Л.А.* *Теория и история экономических кризисов и циклов. Т. 3. М., 1964.*
- Милиц И.И.* *История Великого Октября. Т. 1. М., 1967.*
- Милиц Л.Е.* *Трудовые ресурсы СССР. М., 1975.*
- Назарова И.А.* *Проблемы промышленных кризисов (экономико-исторический опыт анализа). М., 2014.*

- Нефедов С.А.* История России. Факторный анализ. Т. II. От окончания Смуты до Февральской революции. М., 2001.
- Петров А.Ю.* Внешняя торговля // Россия в Первой мировой войне. 1914—1918: Энциклопедия: В 3 тт.: Т. I. М., 2014. С. 376—379.
- Петров Ю.А.* Финансовое положение до февраля 1917 г. // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. С. 379—389.
- Полетаев А.В.* Экономические кризисы в России в XX в. (статистическое исследование) // Истоки. Вып. 3. М., 1998. С. 186—256.
- Поликарпов В.В.* Русская военно-промышленная политика. 1914—1918. Государственные задачи и частные интересы. М., 2015.
- Прокопович С.Н.* Война и народное хозяйство. М., 1918.
- Рабочий класс России 1907 — февраль 1917 г. М., 1982.
- Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014.
- Россия и СССР в войнах XX в. М., 2001.
- Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914—1917). М., 1960.
- Сидоров А.Л.* Экономические предпосылки социалистической революции в России // История СССР. 1957. № 4. С. 9—39.
- Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973.
- Смирнов С.В.* Динамика промышленного производства и экономический цикл в СССР и России, 1861—2012. М., 2012.
- Струмилин С.Г.* Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913—1922 гг. М., 1923.
- Струмилин С.Г.* Очерки советской экономики: ресурсы и перспективы. М.; Л., 1930.
- Урибес Э.* Коксобензолная промышленность России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. Т. 69. М., 1961. С. 46—72.
- Урлианс Б.Ц.* История военных потерь. М., 1999.
- Фалькнер С.А.* Послевоенная конъюнктура мирового хозяйства. М., 1922.
- Фролов В.И.* Война и нефтяная промышленность // Война и топливо 1914—1917 гг. М.; Л., 1930. С. 91—125.
- Хромов П.А.* Экономическое развитие России в XIX—XX веках. 1800—1917. М., 1950.
- Шелякин П.* Война и угольная промышленность // Война и топливо 1914—1917 гг. М.; Л., 1930. С. 25—90.
- Шепелев Л.Е.* Акционерные компании в России. Л., 1973.
- Шмелев К.Ф.* Денежное обращение в России в годы войны и революции (1914—1921 гг.) // Денежное обращение и кредит. Т. 1. Пг., 1922. С. 11—29.

Примечания

- ¹ «ВВП» и «национальный доход» (далее — НД) в данной статье зачастую употребляются в качестве синонимов, ввиду невозможности, по состоянию источников, их «исторической» реконструкции соответственно классическим «формулам».
- ² За исключением данных по СССР за 1941—1942 гг.
- ³ *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922. С. 201; *Хромов П.А.* Экономическое развитие России в XIX—XX веках. 1800—1917. М., 1950. С. 426; *Миц И.И.* История Великого Октября. Т. 1. М., 1967. С. 323—340; *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 362, 379, 498—499, 564, 625; *Бовыкин В.И.* Россия накануне великих свершений: к изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988. С. 137—142; *Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е годы XX в.). М., 1994. С. 213; Павел Васильевич Волобуев. 1923—1997. Интервью с академиком // http://iran.ru/sites/default/files/volobuev_interview_2.pdf С. 118. В постсоветской литературе, при изменившихся исследовательских парадигмах, взгляд на экономический кризис как предпосылку революционных событий 1917 г., тем не менее, по-прежнему актуален — см., например: *Нефедов С.А.* История России. Факторный анализ.

- Т. П. От окончания Смуты до Февральской революции. М., 2001. С. 585, 592; *Коломиец А.Г.* Государственные финансы и попытка формирования мобилизационной экономики в России в условиях Первой мировой войны // *Военная экономика России в первой половине XX столетия*. М., 2006. С. 106—107, 131; *Май В.А.* Реформы и догмы. Государство и экономика в эпоху реформ и революций (1861—1929). М., 2013. С. 155—157; Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. С. 957. *Корелин А.П., Кюнг П.А.* Российская промышленность накануне и в годы войны // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. С. 286. *Кюнг П.А.* Трансформация экономики Российской империи в период Первой мировой войны // Россия в годы Первой мировой войны, 1914—1918: материалы междунар. науч. конф. (Москва, 30 сентября — 3 октября 2014 г.). М., 2014. С. 415; *Поликарпов В.В.* Русская военно-промышленная политика. 1914—1918. Государственные задачи и частные интересы. М., 2015. С. 371; *Китанина Т.М.* Россия в Первой мировой войне 1914—1917 гг.: экономика и экономическая политика. Курс лекций. СПб., 2016. С. 304—312.
- ⁴ Об этом см., например, историографический обзор в книге: *Поликарпов В.В.* Русская военно-промышленная политика. 1914—1917.
- ⁵ *Мендельсон Л.А.* Теория и история экономических кризисов и циклов. Т. 3. М., 1964. С. 283 и др.
- ⁶ Как и ряд других подобных расчетов.
- ⁷ *Полетаев А.В.* Экономические кризисы в России в XX в. (статистическое исследование) // *Истоки*. Вып. 3. М., 1998. С. 215, 222.
- ⁸ *Маркевич А.М., Харрисон М.* Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913—1928 гг. М., 2013. С. 6, 26, 31—33, 99.
- ⁹ Там же. С. 31.
- ¹⁰ Там же. С. 33, 99.
- ¹¹ *Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени*. Т. 2: 1870 — наши дни. М., 2014. С. 70; <http://www.ggdc.net/maddison/maddison-project/data.htm>.
- ¹² Подсчитано по: <http://www.ggdc.net/maddison/maddison-project/data.htm>
См. также: *Broadberry S., Harrison M.* The economics of World War I: an overview // *The economics of World War I* / Ed. by S. Broadberry, M. Harrison. Cambridge, 2005. Рисунок 1.1.
- ¹³ У А.М. Маркевича и М. Харрисона они основываны на заявлении турецкого исследователя С. Памука, без детализации в цифрах.
- ¹⁴ *Ritschl A.* The Pity of Peace: Germany's Economy at War, 1914—1918 // *The economics of World War I* / Ed. by S. Broadberry, M. Harrison. Cambridge, 2005. P. 44.
- ¹⁵ *Schulze M.-S.* Austria-Hungary's economy in World War I // *The economics of World War I* / Ed. by S. Broadberry, M. Harrison. Cambridge, 2005. P. 83, 85, 86.
- ¹⁶ Подсчитано по: <http://www.ggdc.net/maddison/maddison-project/data.htm>, а также: *Galassi F.L., Harrison M.* Italy at War, 1915—1918 // *The economics of World War I* / Ed. by S. Broadberry, M. Harrison. Cambridge, 2005. P. 306, 308.
- ¹⁷ *Hautcoeur P.-C.* Was the Great War a Watershed? The Economics of World War I in France // *The economics of World War I* / Ed. by S. Broadberry, M. Harrison. Cambridge, 2005. P. 172—173, 202. Автор отмечает, что оккупированные территории отличались высокопродуктивным сельским хозяйством (20% производства пшеницы во Франции в 1913 г., 25% — овса, 12% — картофеля, 50% — сахарной свеклы), занимали значимую долю в металлургии (по стали — 80%, железной руды — 90%), в выработке электроэнергии (43%), угля (55%), шерстяного и льняного текстиля.
- ¹⁸ При сравнении экономического положения ведущих воюющих держав необходимо также учитывать, что Германия, напротив, использовала промышленно-сырьевые ресурсы оккупированных ею территорий Польши, Франции, Бельгии.
- ¹⁹ См., например: *Broadberry S., Harrison M.* The economics of World War I: an overview. P. 12. Таблица 1.4. Рисунок 1.1.
- ²⁰ В Германии, впрочем, по альтернативному подсчету Ж. Батена и Р. Шульца, резким падением ВВП отличается также 1917 г. (См.: *Baten J., Schulz R.* Making Profits in Wartime: Corporate Profits, Inequality, and GDP in Germany during the First World War // *The Economic History Review*, New Series, Vol. 58, No. 1 (Feb., 2005). P. 51).
- ²¹ *Schulze M.-S.* Austria-Hungary's economy in World War I. P. 83, 85, 86.
- ²² *Baten J., Schulz R.* Making Profits in Wartime: Corporate Profits, Inequality, and GDP in Germany during the First World War. P. 51.
- ²³ *Мировая война в цифрах*. М., 1934. С. 12.

- ²⁴ Подсчитано по: *Маркевич А.М., Харрисон М.* Указ. соч. С. 24. Таблица 6.
- ²⁵ У Маркевича и Харрисона водные перевозки учтены только за 1913 и 1917 гг., что увеличивает глубину спада в перевозках в сравнении с 1916 г.
- ²⁶ См.: *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 607. Иные цифры приводит И.Д. Михайлов, при том же, однако, выводе о «переломе» в 1916 г. (См.: *Михайлов И.Д.* Железные дороги // Народное хозяйство в 1916 году. Вып. 4. Пг., 1921. С. 22).
- ²⁷ *Шелякин П.* Война и угольная промышленность // Война и топливо 1914—1917 гг. М.; Л., 1930. С. 53, 58. Схожие данные см.: *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 602.
- ²⁸ *Гухман Б.А.* На рубеже // Плановое хозяйство. 1929. № 5. С. 191.
- ²⁹ См., например: *Китанина Т.М.* Война, хлеб и революция. Л., 1985. С. 20—24.
- ³⁰ *Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. Л., 1978. 41.
- ³¹ *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922. С. 44—46, 58; *Китанина Т.М.* Война, хлеб и революция. С. 26; и др.
- ³² См.: *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 368—371.
- ³³ Большинство рядов данных рассчитывалось в ценах 1913 г. и без учета мелкой, кустарной промышленности — в виду отсутствия надежных и сопоставимых источников о ней.
- ³⁴ *Воробьев Н.Я.* Изменения в русской промышленности в период войны и революции (по данным переписи 1918 года) // Вестник статистики. Кн. XIV. Апрель—июнь 1923 г. № 4—6. М., 1923. С. 135; Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 года. М., 1920. С. IV—X и др.
- ³⁵ См.: Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887—1926 гг.). Т. 1. Ч. 1. М.; Л., 1929. С. 22, 27—28.
- ³⁶ Один вариант такого рода индекса составлен на основе «весов» отдельных видов продукции, рассчитанных по числу задействованных в их производстве рабочих, другой — по валовой стоимости. Полученные показатели за период 1913—1918 гг. различаются в пределах менее 10%. Наиболее значимые расхождения относятся к 1918 г., когда снижение числа задействованных рабочих значительно отставало от падения уровня производства, но в целом отмечается схожесть выявленных трендов.
- ³⁷ *Кафенгауз Л.Б.* Указ. соч. С. 288. Критику индексов Л.Б. Кафенгауза см.: *Бокарев Ю.П.* Темпы роста промышленного производства в России в конце XIX — начале XX в. // Экономическая история. Обзорение. Вып. 13. М., 2007. С. 170—179; *Грегори П.* Поиск истины в исторических данных // Экономическая история. Ежегодник. 1999. М., 1999. С. 471—500.
- ³⁸ См., например: *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 359—360 (примечание 43).
- ³⁹ Ещё 3 ряда в его индексе относятся к продукции сельского хозяйства (см.: *Маслов П.П.* Указ. соч. С. 460—462).
- ⁴⁰ В.Е. Варзара, Л.Б. Кафенгауза, У. Наттера, а также А.М. Маркевича и М. Харрисона.
- ⁴¹ Выделенных в таблице подчеркиванием.
- ⁴² *Воробьев Н.Я.* Изменения в русской промышленности в период войны и революции (по данным переписи 1918 года). С. 117—118.
- ⁴³ Подсчитано по: *Воробьев Н.Я.* Изменения в русской промышленности в период войны и революции (по данным переписи 1918 года). С. 123.
- ⁴⁴ Подсчитано по: *Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.* С. 162.
- ⁴⁵ Подсчитано по: там же.
- ⁴⁶ См., например: Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия: в 2-х т.: Т. 2. М., 2009. С. 414.
- ⁴⁷ Рабочий класс России 1907 — февраль 1917 г. М., 1982. С. 327—328; *Кириянов Ю.И.* Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 гг.). М., 2005. С. 183—184.
- ⁴⁸ Рабочий класс России 1907 — февраль 1917 г. С. 246; *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 413; *Gatrell P.* Poor Russia, Poor Show... P. 252.
- ⁴⁹ См.: *Милиц Л.Е.* Трудовые ресурсы СССР. М., 1975. С. 39.
- ⁵⁰ Подсчитано по: *Кафенгауз Л.Б.* Указ. соч. С. 194, 206, 212.
- ⁵¹ *Волбуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 295.
- ⁵² См.: *Шелякин П.* Указ. соч. С. 39; *Кафенгауз Л.Б.* Указ. соч. С. 210.

- ⁵³ Бакулев Г.Д. Черная металлургия Юга России. М., 1953. С. 170.
- ⁵⁴ Хромов П.А. Указ. соч. С. 319.
- ⁵⁵ Там же. С. 332.
- ⁵⁶ Сравнение только с 1913 г. было бы некорректным, т.к. он был рекордным по динамике учредительства.
- ⁵⁷ Подсчитано по данной таблице, а также: Шенелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 224—226.
- ⁵⁸ Там же; а также С. 229.
- ⁵⁹ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 341.
- ⁶⁰ См: Хромов П.А. Указ. соч. С. 368.
- ⁶¹ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 343.
- ⁶² Лизунов П.В. Санкт-Петербургская фондовая биржа и российский рынок ценных бумаг (1703—1917 гг.). Л., 2004. С. 470.
- ⁶³ См.: Воронкова С.В. Заводское строительство в России в годы Первой мировой войны (к проблеме развития промышленного потенциала) // Экономический журнал. 2002. № 2 (5). С. 6—44.
- ⁶⁴ См., например: Чарновский Н. Машиностроительная промышленность // Народное хозяйство в 1916 году. Вып. 4: Годовые обзоры важнейших отраслей народного хозяйства. Пг., 1921. С. 56—57.
- ⁶⁵ Струмилин С.Г. Очерки советской экономики: ресурсы и перспективы. М.; Л., 1930. С. 100.
- ⁶⁶ Поликарпов В.В. Указ. соч. С. 109—113.
- ⁶⁷ В литературе существует мнение, что затраты на новое оборудование машиностроительных предприятий только с начала войны и до 1916 г. составили 350 млн руб. (см.: Чарновский Н. Машиностроительная промышленность. С. 49), но оно не сопровождается более детальными выкладками.
- ⁶⁸ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 413.
- ⁶⁹ Подсчитано по: Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 175; Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 345.
- ⁷⁰ Об общем снижении прибыли на 28% в 1917 г. по сравнению с 1916 г., при 323,8% относительно 1913 г., свидетельствуют, например, приведенные П.А. Кюнгом данные промышленной переписи 1918 г. по обследованным 224 предприятиям — металлообрабатывающей (соответственно со снижением на 35,3% к 1916 г. и 272,3% к 1913 г.), машиностроительной (на 70,3% и 142,6%), химической (на 43,6% и 250,2%), пищевой (на 3,6% и 390,7%), льняной (на 20,7% и 387,6%), хлопкообрабатывающей (на 32,5% и 331,5%) и шерстяной (рост на 17,7% и 433,6%) отраслям промышленности (см.: Кюнг П.А. Указ. соч. С. 411—414).
- ⁷¹ См., например: Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 210.
- ⁷² При трудностях в кредитовании, а также при нарастании ситуации, когда «цены на сырье» обгоняли «цены на готовую продукцию» (см.: Назарова И.А. Проблемы промышленных кризисов (экономико-исторический опыт анализа). М., 2014. С. 114).
- ⁷³ Волобуев П.В. Указ. соч. С. 286.
- ⁷⁴ Лизунов П.В. Указ. соч. С. 483.
- ⁷⁵ Подсчитано по: Маркевич А.М., Харрисон М. Указ. соч. (см. источник к рисунку 1); Воробьев Н.Я. Изменения в русской промышленности в период войны и революции (по данным переписи 1918 года). С. 162.
- ⁷⁶ Подсчитано по: Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 200.
- ⁷⁷ Подсчитано по: Воробьев Н.Я. Изменения в русской промышленности в период войны и революции (по данным переписи 1918 года). С. 162.
- ⁷⁸ Подробнее см.: Грузинов А.С. Металлургия // Россия в Первой мировой войне. 1914—1918: Энциклопедия: В 3 т.: Т. 2. М., 2014. С. 371—380; Грузинов А.С. Российская индустрия в 1917 г.: динамика и структура производства // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура / Отв. ред. Ю.А. Петров. В 2 т. Т. 1. М., 2017. С. 237—239.
- ⁷⁹ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 377.
- ⁸⁰ При росте объемов перевозок менее чем в 1,5 раза, но при ухудшении качества угля и большего его расходования в этой связи..
- ⁸¹ Шелякин П. Указ. соч. С. 68.
- ⁸² В 10 раз — в 1917 г. по отношению к 1913 г. (см.: Петров А.Ю. Внешняя торговля // Россия в Первой мировой войне. 1914—1918: Энциклопедия: В 3 т.: Т. 1. М., 2014. С. 378).
- ⁸³ Сидоров А.Л. Экономические предпосылки социалистической революции в России // История СССР. 1957. № 4. С. 30.

- ⁸⁴ Подсчитано по: Сравнительные статистические данные о Бакинской нефтяной промышленности за период 1911—1920 гг. Б.м.: Б. и., 1921. С. 1, 94, 213, 223.
- ⁸⁵ По самым приблизительным подсчетам (затруднительным в том числе из-за того, что на экспорт шла не сырая нефть, а продукты её переработки — керосин, бензин и проч.), прекращение экспорта нефтепродуктов компенсировало лишь около ¼ «внешнеторгового» «топливного фонда», «изъятого» вследствие потери польского и импортируемого угля (см., например: *Кафенгауз Л.Б.* Указ. соч. С. 175).
- ⁸⁶ *Иголкин А.А.* Отечественная нефтяная промышленность в 1917—1920 гг. М., 1999. С. 48.
- ⁸⁷ *Дьяконова И.А.* Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М., 1999. С. 70.
- ⁸⁸ Подсчитано по: *Воробьев Н.Я.* Изменения в русской промышленности в период войны и революции (по данным переписи 1918 года). С. 152.
- ⁸⁹ *Кафенгауз Л.Б.* Указ. соч. С. 189. См. также: *Чарновский Н.* Машиностроительная промышленность. С. 76—77.
- ⁹⁰ *Караваева И.В.* Российское промышленное производство в годы Первой мировой войны // Военная экономика России в первой половине XX столетия. М., 2006. С. 70. *Гриневицкий В.И.* Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 1922. С. 16.
- ⁹¹ *Кафенгауз Л.Б.* Указ. соч. С. 188.
- ⁹² Подсчитано по: *Кафенгауз Л.Б.* Указ. соч. С. 189.
- ⁹³ *Караваева И.В.* Указ. соч. С. 75.
- ⁹⁴ *Маркевич А.М., Харрисон М.* Указ. соч. С. 92. *Кафенгауз Л.Б.* Указ. соч. С. 188. См., например, также: *Шелякин П.* Указ. соч. С. 42.
- ⁹⁵ *Воробьев Н.Я.* Изменения в русской промышленности в период войны и революции (по данным переписи 1918 года). С. 127—128. Изделия, «могущие быть использованными одновременно и для мирной жизни и войны», относились автором в графу «изделий мирного строительства».
- ⁹⁶ *Кюнг П.А.* Указ соч. С. 409.
- ⁹⁷ *Воронкова С.В.* Заводское строительство в России в годы Первой мировой войны. С. 18.
- ⁹⁸ *Кафенгауз Л.Б.* Указ. соч. С. 187.
- ⁹⁹ Подсчитано по: *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. Т. 1. М.; Л., 1930. С. 267—268.
- ¹⁰⁰ *Маниковский А.А.* Указ. соч. Ч. 1. С. 361, 386, 390, 397. Всего 78% поступивших в войска снарядов за годы войны были изготовлены в России (Там же. С. 398).
- ¹⁰¹ *Маниковский А.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 397. При расчете — по общему количеству произведенных снарядов (без поправки на коэффициент, в зависимости от калибра) — упало по сравнению с 1916 г. на 21,2% (там же. С. 361, 386, 390).
- ¹⁰² Подсчитано по: *Маниковский А.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 267—268.
- ¹⁰³ Подсчитано по: *Маниковский А.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 294.
- ¹⁰⁴ По оценкам Д.А. Соболева — импорт иностранных самолетов в годы войны составил менее половины парка (*Поликарпов В.В.* Указ. соч. С. 269).
- ¹⁰⁵ *Поликарпов В.В.* Указ. соч. С. 268. Например, на 01.11.1916 г. 73% отправленных в армию самолетов было российской сборки, при том, что 77,5% поступивших авиамоторов были заграничного производства (см.: *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 187—188; *Мухин М.Ю.* Авиационная промышленность // Россия в Первой мировой войне. 1914—1918: Энциклопедия: В 3 т.: Т. 1. М., 2014. С. 23).
- ¹⁰⁶ См.: *Поликарпов В.В.* Указ. соч. С. 242—263; *Воронкова С.В.* Автомобильная промышленность // Россия в Первой мировой войне. 1914—1918: Энциклопедия: В 3 т.: Т. 1. М., 2014. С. 36—38. Существовали также проекты строительства тракторных заводов, но они не были осуществлены.
- ¹⁰⁷ Внутреннее производство винтовок в России выросло с 1914 г. к 1917 г. в 2,5 раза; однако, в целом, по оценкам Маниковского, в 1915—1917 гг. около половины поступивших ружей были иностранного производства (см.: *Поликарпов В.В.* Указ. соч. С. 66—67).
- ¹⁰⁸ Подсчитано по: Россия в мировой войне 1914—1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 52—53.
- ¹⁰⁹ См.: *Воронкова С.В.* Заводское строительство в России в годы Первой мировой войны. С. 15.
- ¹¹⁰ *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 251.
- ¹¹¹ Подсчитано по: *Кафенгауз Л.Б.* Указ. соч. С. 431. Впрочем, согласно индексу производства, используемого в труде А.М. Маркевича и М. Харрисона, в 1917 г. в сравнении с 1913 г. фиксируется спад в 15%.
- ¹¹² *Воробьев Н.Я.* Изменения в русской промышленности в период войны и революции (по данным переписи 1918 года). С. 129.

- ¹¹³ Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 190.
- ¹¹⁴ Лельчук В.С. Создание химической промышленности СССР М., 1964. С. 28.
- ¹¹⁵ Там же. С. 192.
- ¹¹⁶ Урибес Э. Коксобензольная промышленность России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. Т. 69. М., 1961. С. 46—72.
- ¹¹⁷ Лельчук В.С. Указ. соч. С. 29.
- ¹¹⁸ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 144—145.
- ¹¹⁹ Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 191—192.
- ¹²⁰ Караваева И.В. Указ. соч. С. 86—87; Сравнительные статистические данные о Бакинской нефтяной промышленности за период 1911—1920 гг. С. 94—95. По данным Кафенгауза, общее снижение нефтепереработки составило в 1916 г. 11% по сравнению с 1913 г. и 21% — с 1915 г. (см.: Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 178).
- ¹²¹ Фролов В.И. Война и нефтяная промышленность // Война и топливо 1914—1917 гг. М.; Л., 1930. С. 103.
- ¹²² См., например: Грузинов А.С. Российская индустрия в 1917 г.: динамика и структура производства. С. 238, 241, 243.
- ¹²³ Кондрашин В.В. Сельское хозяйство и крестьянство в 1917 г. // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура / Отв. ред. Ю.А. Петров. В 2 т. Т. 1. М., 2017. С. 354.
- ¹²⁴ См. об этом далее.
- ¹²⁵ См.: Кохн М.П. Русские индексы цен. М., 1926. С. 160.
- ¹²⁶ В том числе в оборонной промышленности — см., например: Загорулько М.М., Булатов В.В., Косторниченко В.Н. «Виккерс» в России: материалы для разработки проблематики иностранного капитала и государственно-частного партнерства в военной, нефтяной и электротехнической отраслях промышленности России и СССР. Волгоград, 2012.
- ¹²⁷ Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М., 2001. С. 89.
- ¹²⁸ Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Т. 2. С. 95, 107.
- ¹²⁹ Там же. С. 113.
- ¹³⁰ Кондратьев Н.Д. Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны // Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М., 2002. С. 86, 89.
- ¹³¹ См.: Брейтерман А.Д. Цветные металлы // Богатства СССР / Под ред. А.Ф. Арского. Вып. V. М.; Л., 1925. С. 13; Мировое хозяйство: статистический сборник за 1913—1925 гг. / Под ред. Н.Д. Кондратьева. М., 1926. С. 67.
- ¹³² Накануне войны — 85% потребления меди в России обеспечивалась за счет внутреннего производства, по цинку — 1/3, по свинцу 3—4%. В годы войны внутреннее производство данных металлов не увеличилось, причем выработка меди — и вовсе постепенно падала, сократившись в 1917 г. вдвое от 1913 г. Другие цветные металлы почти исключительно импортировались, и в годы войны, по-сути, шли лишь разведочные изыскания или начальные этапы постройки заводов (См.: Брейтерман А.Д. Цветные металлы. С. 3—61; Грузинов А.С. Цветная металлургия // Россия в Первой мировой войне. 1914—1918: Энциклопедия: В 3 т. Т. 2. М., 2014. С. 379—380).
- ¹³³ Подсчитано по: Мировое хозяйство: статистический сборник за 1913—1925 гг. С. 67—69.
- ¹³⁴ Лельчук В.С. Указ. соч. С. 20—23.
- ¹³⁵ Караваева И.В. Указ. соч. С. 70.
- ¹³⁶ Петров А.Ю. Внешняя торговля. С. 377; Мендельсон Л.А. Указ. соч. С. 271.
- ¹³⁷ Мировое хозяйство: статистический сборник за 1913—1925 гг. С. 119; Караваева И.В. Указ. соч. С. 72.
- ¹³⁸ Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Т. 2. С. 119.
- ¹³⁹ Впрочем, проигрывая по показателю производства продукции сельского хозяйства на душу населения — даже такой зависимой от импорта продовольствия, индустриально-аграрной стране, как Германия (см.: Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. С. 90).
- ¹⁴⁰ При всей приблизительности данных цифр, они всё же демонстрируют общие тенденции. См. также сравнение по оснащенности (относительно общего числа мобилизованных) армий шести держав пятью видами вооружений, согласно которому Россия была сопоставима только с Австро-Венгрией, в книге: Broadberry S., Harrison M. The economics of World War I: an overview. P. 17. Рисунок 1.4.
- ¹⁴¹ Gatrell P., Harrison M. The Russian and Soviet economies in two world wars: a comparative view // Economic History Review. Vol. XLVI. № 3. 1993. P. 431.

- ¹⁴² Всего произведено винтовок в годы войны: в России — 3,3 млн шт., во Франции — 3,85 млн шт., Англии — 3,85 млн шт., в Германии — 8,5 млн шт., в Австрии — 3,5 млн шт. (Мировая война в цифрах. С. 39).
- ¹⁴³ Всего произведено пулеметов в годы войны: в России — около 28 тыс. шт., во Франции — 312 тыс. шт., Англии — 239 тыс. шт., в Германии — 280 тыс. шт. (Мировая война в цифрах. С. 40).
- ¹⁴⁴ Всего произведено самолетов (в скобках — авиамоторов) в годы войны: в России — 3,5 (1,4) тыс. шт., во Франции — 52,15 (92,4) тыс. шт., Англии — 47,9 (52,5) тыс. шт., в Германии — 47,3 (44) тыс. шт., в Австрии — 5,4 (4,3) тыс. шт., (Мировая война в цифрах. С. 41).
- ¹⁴⁵ Россия и СССР в войнах XX в. М., 2001. С. 106.
- ¹⁴⁶ См.: Россия в мировой войне 1914—1918 года (в цифрах). С. 63—64; *Gatrell P., Harrison M.* The Russian and Soviet economies in two world wars: a comparative view. P. 432.
- ¹⁴⁷ Мировая война в цифрах. С. 71; *Бовыкин В.И.* Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988. С. 132.
- ¹⁴⁸ *Бовыкин В.И.* Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. С. 92; Мировое хозяйство: статистический сборник за 1913—1925 гг. С. 175.
- ¹⁴⁹ Мировое хозяйство: статистический сборник за 1913—1925 гг. С. 162—163; *Кондратьев Н.Д.* Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. С. 160; *Бовыкин В.И.* Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. С. 92. В данный подсчет не включены обязательства Германии по Версальскому договору. Непосредственно по полученным в годы войны внешним кредитам — наибольшая чистая задолженность была у Италии — 827 млн ф.ст., при 766 млн у России, 708 млн у Франции и 268 млн у Бельгии (*Кондратьев Н.Д.* Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. С. 103).
- ¹⁵⁰ Например, по общему числу действовавших акционерных компаний и сумме их капиталов — Россия примерно вдвое отставала от Германии и соответственно в 29 и 5 раз — от Англии (см.: *Шепелев Л.Е.* Акционерные компании в России. С. 232).
- ¹⁵¹ См., например: *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914—1917). М., 1960. С. 159—165.
- ¹⁵² По-видимому, в его подсчет входят не только долгосрочные займы.
- ¹⁵³ *Букипан Я.М.* Военно-хозяйственная политика: формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914—1918 гг., М.; Л., 1929. С. 43.
- ¹⁵⁴ *Петров Ю.А.* Финансовое положение до февраля 1917 г. // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. С. 384.
- ¹⁵⁵ *Шмелев К.Ф.* Указ. соч. С. 12—13.
- ¹⁵⁶ Наряду с Англией — если учитывать не только банкноты Банка Англии, но и казначейские билеты, как это сделано авторами из Конъюнктурного института (см.: Мировое хозяйство: статистический сборник за 1913—1925 гг. С. 148—149). Но в Англии, в отличие от России, параллельно рос золотой запас (см., например: *Букипан Я.М.* Указ. соч. С. 50; *Петров Ю.А.* Финансовое положение до Февраля 1918 г. С. 382; Мировое хозяйство: статистический сборник за 1913—1925 гг. С. 148—152; *Кондратьев Н.Д.* Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. С. 104—106).
- ¹⁵⁷ Подсчитано по: Мировое хозяйство: статистический сборник за 1913—1925 гг. С. 148—150.
- ¹⁵⁸ Определенным индикатором «бестовария» служит положение дел на крупнейших ярмарках: на Нижегородской ярмарке с 1913 по 1916 гг. число выбираемых промысловых свидетельств снизилось вдвое, количество прибываемых грузов с 1914 по 1916 гг. сократилось на треть; причем, например, кожаной обуви в 1916 г. на ярмарку прибыло лишь 15% от довоенного привоза, привоз хлопчатобумажных тканей с 1915 по 1916 гг. сократился более чем вдвое (подсчитано по: *Дихтарь Г.А.* Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960. С. 206; Внутренняя торговля // Народное хозяйство в 1916 году. Вып. 4: Годовые обзоры важнейших отраслей народного хозяйства. Пг., 1921. С. 24—32). На Ирбитской ярмарке физический объем доставленных товаров сократился с 1915 по 1916 гг. на 60%.
- ¹⁵⁹ См.: Мировое хозяйство: статистический сборник за 1913—1925 гг. С. 137—141, 156; Мировые экономические кризисы. 1848—1935. Т. 1. М., 1937. С. 348, 368; *Мендельсон Л.А.* Указ. соч. С. 273, 510, 514, 518; *Кохн М.П.* Русские индексы цен. С. 20; *Фалькнер С.А.* Послевоенная конъюнктура мирового хозяйства. М., 1922. С. 10. *Hardach G.* The First World War, 1914—1918. Los Angeles, 1977. P. 172.

¹⁶⁰ Шмелев К.Ф. Указ. соч. С. 25.

¹⁶¹ Мендельсон Л.А. Указ. соч. С. 273.

¹⁶² По расчетам С.Г. Струмилина, реальная денежная оплата труда фабрично-заводских рабочих России по сравнению с 1913 г. снизилась на 15% к началу 1917 г. (при том, что на предприятиях оборонной промышленности оплата, напротив, увеличилась) и на 37% — к 1918 г. (подсчитано по: Струмилин С.Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913—1922 гг. М., 1923, С. 17—18; см. также: Рабочий класс России 1907 — февраль 1917 г. С. 261—274). Наибольший за время войны спад по полугодиям пришелся на вторые половины 1917 г. (29% относительно первой половины года), 1916 г. (14%) и 1914 г. (7%).

¹⁶³ Бокарев Ю.П. Рубль в эпоху войн и революций // Русский рубль. Два века истории. XIX—XX вв. М., 1994. С. 185. А.Г. Коломиец отмечает принципиальную возможность осуществить мобилизацию российской экономики в годы войны «на базе рыночных отношений», но при условии «поддержания сбалансированной структуры народного хозяйства страны, своевременного формирования гибкой и охватывающей все виды доходов налоговой системы, организации государственных заимствований, опирающихся на реальное движение капитала». Однако, по мнению исследователя, российская экономика шла в «совершенно ином направлении», в результате чего уже «к началу 1917 г. созидательные рыночные механизмы оказались парализованными, а директивные — неработоспособными. Оставалось наращивать объемы учета Госбанком казначейских обязательств и печатать деньги» (см.: Коломиец А.Г. Указ. соч. С. 129, 131).

¹⁶⁴ См.: Gatrell P. Russia's First World War. P. 165, 245, 250.

Национализация частных банков в иконографии революционной эпохи (рисунки художника И.А. Владимиров)

Аннотация: В статье рассматриваются два уникальных карандашных наброска художника И.А. Владимиров, сделанных в помещении Петроградского торгового банка («Банка Вавельберга») в период после принятия в декабре 1917 года революционных декретов о национализации частных банков и ревизии стальных ящиков (сейфов), а также акварельный рисунок, выполненном позже по зарисовкам с натуры. Предпринимается попытка установить датировку набросков на основе анализа изображения, биографии художника, хронологии мероприятий Советской власти в области банковского дела.

Ключевые слова: Петроградский торговый банк («Банк Вавельберга»), Постановление ВЦИК «О ревизии стальных ящиков (сейфов) в банках» от 14 декабря 1917 года, художник И.А. Владимиров.

Изобразительные источники, отражающие отечественную банковскую историю, крайне немногочисленны. В подавляющем большинстве это — портреты государственных деятелей (включая руководителей казенных банков и Министерства финансов), банкиров, купцов, состоявших членами учетно-ссудных комитетов, виды банковских зданий, рисунки с образцами банковской униформы и т.п. Из жанровой живописи, конечно же, сразу вспоминается картина «Крах банка» В.Е. Маковского (1881).

Век фотографии добавил в копилку изображений — индивидуальные и групповые портреты служащих, собрания по торжественным поводам и интерьеры банковских помещений (от операционных залов до кладовых). Революционная и советская эпохи увеличили объем базы иконографических данных главным образом за счет кино- и фотодокументов со сценами производственных процессов, общественно-политических, хозяйственных, учебных и спортивных мероприятий¹.

Любой новый или малоизвестный источник вызывает закономерный интерес не только у исследователей, но, может быть, раньше всего у музейных сотрудников, которые испытывают острый дефицит в визуальных образах при раскрытии тематических сюжетов, к которым не проявлялось целенаправленного внимания со стороны государственной пропаганды — самого влиятельного заказчика в сфере изобразительного искусства. Государственная идеология влияла не только на процесс создания произведений живописи и графики, но и на позднейшее их выявление. Если объемы сохранившихся письменных источников, отражающих неканоническую версию новейшей отечественной истории, весьма значительны, то счет иконографическим памятникам идет на единицы². Революционная эпоха, безусловна, имела свою специфику, художники и фоторепортеры не успевали за быстрым течением сменяющихся друг

* Николаев Михаил Георгиевич — главный эксперт Департамента исследований и прогнозирования Банка России.

друга событий. Так, постановочная эйзенштейновская сцена взятия революционными войсками Зимнего дворца из кинофильма «Октябрь» (1927) на долгие годы заменила отсутствующую документалистику.

Нет конечно же ничего удивительного в том, например, что такое разрабатывающиеся в режиме строгой секретности мероприятия, как занятие утром 14 (27) декабря 1917 г. помещений петроградских частных акционерных банков, осуществленное еще до официального принятия ВЦИКом декрета об их национализации и слиянии с Государственным банком, не оставило свидетельств ни в графике, ни в кино- и фотокадрах. Другой декрет (о ревизии сейфовских ячеек), самым тесным образом связанный с первым и принятый в тот же день, имел более растянутые во времени последствия, которые выразились в действиях, захвативших многочисленную публику из числа банковских вкладчиков. Но и в этом случае при всей масштабности мероприятия трудно было рассчитывать на какие-либо иконографические свидетельства. Однако, исследователям и музейщикам повезло: два любопытных карандашных наброска, отражающие первые революционные преобразования в банковской сфере, сохранились.

Случилось так, что еще в 1999 г. в ходе работы над атрибуцией акварельного рисунка с изображением видного финансиста и государственного деятеля Н.Н. Кутлера из собраний Центрального музея В.И. Ленина (филиала ГИМа), автор был вынужден знакомиться с материалами художника И.А. Владимировва, отложившимися в нескольких архивохранилищах Санкт-Петербурга.

В первых же подготовленных после архивных поисков публикациях было специально обращено внимание на серию уникальнейших зарисовок, отражающих события революционной эпохи и включенных в альбомы, хранящиеся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ)³. Собрание рисунков было известно и раньше, но в советское время исследователей и журналистов привлекали в нем почти исключительно изображения вождя. Только в наши дни все больше и больше внимания обращается на неканонические изображения событий первых послереволюционных лет.

Но прежде чем мы коснемся самих рисунков, скажем несколько слов об их авторе.

Иван Алексеевич Владимиров (1869—1947 гг.) — один из старейших советских живописцев, заслуженный деятель искусств РСФСР. В советское время специалистам известен больше как автор картин на историко-революционную тему. И.А. Владимиров родился в Вильно в учительской семье. Его отец преподавал русский язык и литературу в юнкерском училище, мать — английский язык в женском институте⁴ (она была художницей-акварелисткой, родилась и выросла в Англии, где и познакомилась со своим избранником в период его работы при Русской миссии в Лондоне).

В Петербургской Академии художеств (год окончания — 1897) И.А. Владимиров, ученик Б.П. Виллевалде, А.Д. Кившенко и Ф.А. Рубо, специализировался на батальной живописи. Был удостоен трех «малых» и двух «больших» серебряных медалей. Занимался в мастерской баталиста Э. Детайя (E. Detaille) в Париже. Полтора года И.А. Владимиров отслужил в качестве вольноопределяющегося в 210-м Ижорском батальоне и вышел подпрапорщиком в запас⁵.

Рисунок 1. И.А. Владимиров. 1916 г. Фотография К. Буллы.

Одной из примечательных особенностей склада личности и творческой манеры И.А. Владимирова было постоянное стремление находиться с блокнотом в руках в гуще событий, которыми так изобиловало начало XX столетия. Еще в 1898 г. он начинает свою деятельность в качестве специального корреспондента «Петербургского листка»⁶. В 1901 г. художник попадает в Китай в период, когда там полыхало боксерское восстание, в 1902 г. наблюдает землетрясение в Шемахе, с февраля 1904 г. в качестве военного корреспондента присутствует на театре действий русско-японской войны. Как вспоминал позже сам И.А. Владимиров, только в связи с внезапной болезнью он не попал на борт броненосца «Петропавловск» и не принял участие в бою, в котором погибли адмирал С.О. Макаров и художник В.В. Верещагин⁷. Рисунки ху-

дожника публикуются в журналах «Огонек», «Нива» и «Новый мир».

9 января 1905 г. И.А. Владимиров находился на Дворцовой площади в Петербурге и стал очевидцем сцены расправы полиции с демонстрантами, летом оказался свидетелем революционных событий на нефтепромыслах Баку, осенью—зимой того же года наблюдал за столкновениями в Москве, включая декабрьские бои на Пресне. Его зарисовки, а в ряде случаев и комментарии, публиковались в английском журнале «Graphic» и газете «The Daily Graphic». Несколько картин, написанных им на основе карандашных набросков и впечатлений от увиденного, были сняты цензурой с Весенней выставки Академии художеств 1906 г. Вскоре автор был подвергнут аресту и, хотя по ходатайству английского посольства был освобожден, но два года находился под надзором полиции.

В 1912 г. художник в очередной раз в качестве корреспондента «Нивы» и «The Daily Graphic» освещает события Первой балканской войны и одновременно работает в санитарных отрядах болгарской армии. После начала Первой мировой войны он опять выезжает на фронт, добившись командировки в действующую армию через английское посольство. На Юго-Западном фронте в 1914 г. он был ранен осколком снаряда, получил награду за отличие⁸. Только за один 1915 г. журнал «Нива» опубликовал 52 рисунка И.А. Владимирова, а 23 августа того же года в залах Императорского общества поощрения художеств открылась выставка, состоящая из 125 его работ⁹.

Нельзя не отметить и факт участия художника в проводимом Государственным банком конкурсе плакатов на тему военного займа. Его работам были присуждены пять первых премий¹⁰.

Рисунок 2. И.А. Владимиров «Выступление В.И. Ленина на митинге». 1924. Холст, масло. 65х86. Государственный историко-мемориальный музей «Смольный». На картине художник изобразил себя в образе милиционера с винтовкой (в правом нижнем углу).

События Февраля и Октября 1917 г. также нашли отражение в зарисовках, которые в составе трех альбомов сохранились в фондах отдела рукописей Российской национальной библиотеки в С.-Петербурге. Работы И.А. Владимирова со сценами февральско-мартовских событий в Петрограде публикуются в «Огоньке», «Искре», «The Graphic». Многие рисунки, иллюстрирующие события периода 1918—1920 гг., без всяких преувеличений можно отнести к разряду уникальных, не имеющих аналогов. Поступив в мартовские дни 1917 г. в ряды городской милиции, И.А. Владимиров нес службу не только с винтовкой, но и с блокнотом, куда и заносил многое из увиденного. Другая часть рисунков создавалась чуть позже — по свежим впечатлениям. В ряде случаев сюжеты брались из рассказов очевидцев (о чем иногда свидетельствуют подписи к рисункам¹¹). Сделанные наброски позже послужили художнику материалом для живописных полотен.

Склонность И.А. Владимирова создавать свои произведения, преимущественно отталкиваясь от собственных наблюдений, проявилась и в немногочисленных попытках литературного творчества. Помимо беллетризованных повествований сохранились две его заметки о событиях 9 января 1905 г. на Дворцовой площади в Петербурге и об обнаружении трупа священника Гапона, фрагмент воспоминаний о действиях заградительного отряда на станции Оредж в 1919 г.¹² и др.

Из всей коллекции рисунков послеоктябрьского периода нам интересны прежде всего два. Оба имеют авторские подписи. Первый (рис.3) — «Рекви-

Рисунок 3. «Реквизиция процентных бумаг из банков (Вавельберга)». Из альбома рисунков, посвященных Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне. 1917—1920. Художник И.А. Владимиров. Карандаш, бумага. 17 x 25,5. ОР РНБ, Ф. 149. Оп. 1. Д. 9. Л. 25.

Рисунок 4. «Сцена в банке Вавельберга в ноябре 1919 году». Из альбома рисунков, посвященных Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне. 1917-1920. Художник И.А. Владимиров. Карандаш, бумага. 17 x 25,5. ОР РНБ, Ф. 149. Оп. 1. Д. 9. Л. 43.

зиция процентных бумаг из банков (Вавельберга)», второй (рис.4) — «Сцена в банке Вавельберга в ноябре 1919 году»¹³. Если И.А. Владимиров и имел возможность самостоятельного выбора объекта, а не оказался в помещении банковских кладовых по делам службы, то этот выбор можно было понять, учитывая то обстоятельство, что владелец банка был для него не совсем посторонней фигурой, поскольку в свое время приобрел на выставках несколько картин художника¹⁴.

События, изображенные художником, связаны с декретом ВЦИК 14 декабря 1917 г. «О национализации банков», объявлявшем банковское дело государственной монополией. Все частные акционерные банки и банкирские конторы объединялись с Государственным банком.

В числе других под действие декрета подпадал и Петроградский торговый банк или, как его чаще называли, «банк Вавельберга».

Устав банка был утвержден 15 декабря 1911 г. (изменения и дополнения — 21 июня 1915 г.). Свои действия он открыл 1 марта 1912 г. В правление банка входили: М. И. Вавельберг (председатель), В.И. Вавельберг, В.К. Торпокков, А.Ц. Слабошевич, Е.А. Волк (секретарь). Совет банка состоял из следующих лиц: Н. Ф. Фон-Дитмар (председатель), Е.А. Манасевич, Е.Б. Кафтал, А.Г. Малахов, М.И. Версон, В.Г. Струве, бар. В.А. Каульбарс, Н.А. Андре.

Основной капитал, который составлял при учреждении 5 млн руб, был увеличен в 1912 г. до 10 млн руб. На 1 января 1917 г. он выражался цифрой 10 млрд. руб., запасный — 1 408 579,90 руб. Чистая прибыль за 1916 операционный год составила — 1 411 372,98 руб., дивиденд — 400 тыс. руб., общий оборот — 4 799 766 801,62 руб.

Биржевая цена акции номиналом в 250 руб. в 1917 г. колебалась в пределах 390 — 540/530 руб. Банк располагал тремя отделениями (в Петрограде, Москве и Харькове)¹⁵. Главная контора находилась на Невском проспекте, д.7/9.

Банкирский дом «Бр. Вавельберг» был основан в 1848 г. в Варшаве Генрихом Вавельбергом (1813—1891) совместно с братом Ипполитом. Специализировался на выдаче краткосрочных кредитов торговцам. Банк имел филиалы в Вене, Львов, Познани, Вроцлаве. Сын Генриха — И.Г. Вавельберг (1843—1901) в 1869 г. переехал в Петербург, где им было открыто отделение банкирского дома. В 1886 г. петербургское отделение было оформлено как торговый дом (полное товарищество) «Г. Вавельберг». После смерти И.Г. Вавельберга дело возглавил его сын Михаил-Сигизмунд Ипполитович Вавельберг (1880 — после 1929) — выпускник Царскосельской Николаевской гимназии (1899) и юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1903). В 1917 г. купец 1-й гильдии (1908) и потомственный почетный гражданин (1913) М.И. Вавельберг помимо руководства банком занимал должность директора правления Донецко-Грушевского акционерного общества каменноугольных и антрацитовых копий и директора акционерного общества гигиенических дешевых квартир для еврейского населения. Вавельберги были крупными держателями акций Петербургского международного коммерческого банка, Ленского золотопромышленного товарищества и др. В 1915 г. в разгар антинемецкой кампании деятельность банка была признана «вредной», и он был лишен кредита в Государственном банке. Есть свидетельство о том, что вскоре после Октябрьских событий 1917 г. владельцы банка предпринимали попытки его продажи. Так, 4 декабря в своем дневнике чиновник Особен-

Рисунок 5. «Дом Вавельберга». Санкт-Петербург, 1910-е гг.

ной канцелярии по кредитной части Министерства финансов С.П. Дюшен оставил следующую запись:

«...Утром было заседание Правления Русского Торгово-промышленного акционерного Общества, в котором я состою директором. Затем беседовал с норвежцами и графом/Бергом о делах Русско-Норвежского Общества электрохимической промышленности, в кот/ором/ я числюсь членом правления, и, наконец, с 4 до 7-ми происходили переговоры с братьями Вавельберг о покупке

Петроградского Торгового Банка. Если только у нас не произойдет полной трагедии, можно рассчитывать, что дело это благополучно окончится»¹⁶.

Не желая испытывать судьбу, М.И. Вавельберг эмигрировал в Польшу, а в 1924 — 1926 проживал в Париже¹⁷.

Первоначально торговый дом Вавельбергов располагался в доме причта Казанского собора (Невский проспект, 25). В 1910 г. М.И. Вавельберг купил участок на углу Невского проспекта и Малой Морской улицы, на котором и было по проекту М.М. Перетятковича построено новое здание, в котором архитектор использовал мотивы, характерные для дворца Дожей в Венеции и палаццо Медичи во Флоренции. У петербуржцев здание было известно, как «Дом Вавельберга». В его основание была положена монолитная железобетонная плита, фасады отделаны гранитом, привезенным из Швеции. «Аркада первого этажа, — сообщает историк архитектуры И.И. Лисаевич, — выполнена в виде Гостиного двора, где разместились зеркальные витрины магазинов. Второй этаж — парадный — тоже выполнен в виде аркады, только меньших размеров. Окна следующих этажей уменьшенных размеров напоминают форму венецианских окон с полуциркульным завершением»¹⁸.

Поскольку сюжет рисунков связан с банковскими хранилищами для нас большой интерес представляют специфические особенности внутреннего устройства здания, специально построенного для банковских нужд. В 1913 г. Россию посетила делегация Банка Франции, которая подготовила обстоятельный отчет, в котором даны подробные технические характеристики не только помещений, занимаемых учреждениями Государственного банка, но и некоторыми частными акционерными банками.

О «Доме Вавельберга» в отчете, авторы которого отметили недавнее окончание строительства, сообщается: «В этом здании банкирский дом занимает лишь небольшую площадь. Оба этажа и подвал, выделенные банку, очень хорошо обустроены. Весь первый этаж занимает просторный зал для работы с клиентами, к которому ведет красивая лестница, поднимающаяся от кругового вестибюля. С каждой стороны расположены небольшие лестницы, ведущие на второй этаж, где находятся бухгалтерия и кабинеты руководства банка — самые роскошные из тех, которые мы увидели в Санкт-Петербурге.

Между тем это банкирское заведение относится ко второй категории банков. Численность служащих в нем составляет 200 человек. Оно не представляет большого интереса, если не считать некоторых примененных здесь строительных новшеств (в частности, при сооружении кладовых с сейфами, а также в инженерном оборудовании), которые заслуживают внимания....

Кладовые с сейфами оборудованы в подвале, который не сообщается с остальными помещениями банка [Выделено мной. — М.Н.]. К кладовым ведет лестница, начинающаяся от вестибюля у входа в банк. Эти кладовые находятся ниже уровня воды. Они построены полностью из железобетона; при их сооружении впервые в Санкт-Петербурге был применен новый метод гидроизоляции. А именно, между двумя слоями бетона (внешним толщиной 20 см и внутренним толщиной 60 см) был проложен специальный гидроизолятор марки Siebel's Goudron-Blei-Isolierung, который состоит из тонкого слоя свинца, находящегося между двумя слоями пропитанной гудроном бумаги, изготовленной в Германии (в Дюссельдорфе)». Любопытна и другая, фигурирующая в отчете деталь: «Особо хотелось бы отметить оригинальную систему наблюдения, которая к тому же весьма привлекательна из-за небольшой стоимости. В четырех углах кругового смотрового коридора, оборудованного вокруг кладовой с сейфами, под углом 45° установлено зеркало, которое позволяет с определенной точки контролировать продолжение коридора. Благодаря небольшому окошку, выходящему на лестницу, контролер имеет возможность, даже не входя в коридор, убедиться в отсутствии нарушений».

Общий вывод: «...При строительстве этого небольшого банкирского заведения архитектору господину Перетятковичу удалось реализовать проект, предусматривающий комфорт и удобство»¹⁹.

Итак, изображенное художником помещение, где происходили запечатленные им события — банковские кладовые (на одном из рисунков имеется и соответствующая надпись) — устанавливается с большой степенью вероятности. Хотя полностью исключить возможность того, что сцена могла происходить и в помещении на Невском, 83 в Знаменском городском отделении банка мы не можем. Остается и вопрос, связанный с изображенным художником зарешеченным окном, которое предполагает, что к подвальным помещениям ведет лестница за бронированной дверью. Что же касается датировки происходящих событий, то для ее установления требуется обратиться к нескольким источниковым пластам.

Один из рисунков («Реквизиция процентных бумаг...», л. 43) датирован рукой художника ноябрем 1919 г. Очевидно, что и второй («Сцена в банке...», л. 25) — близок к первому по времени создания. Однако авторская датировка не может считаться надежной. И вот почему.

Рисунки, отражающие события Февраля 1917 г. помещены в один альбом, период после Октября 1917 г. — отражен в двух других альбомах. Вызывает большие сомнения то, что автор заполнял альбомы набросками, руководствуясь периодизацией новейшей российской истории в том виде, в каком она сложилась в советскую эпоху. Можно предположить, что альбомы с рисунками, поступившими на хранение в ОР РНБ, были сброшюрованы позже.

В двух «послеоктябрьских» альбомах собраны наброски разной степени завершенности, как правило, снабженные авторской подписью, пояснениями и

датировкой. В некоторых случаях тексты плохо поддаются прочтению в полном объеме. Первый альбом²⁰ с листами размером 17х25,5 начинается с зарисовки событий 25 октября 1917 г. и оканчивается зарисовками, датируемыми 13 марта 1920 г. При этом хронологическая последовательность в датировке рисунков неоднократно нарушается, имеются большие временные перерывы²¹.

Наброски, помещенные во втором альбоме²² (среди них и два воспроизведенных выше), также снабжены датировкой. И в этом случае строгая хронологическая последовательность не соблюдается. Так, например, рисункам, изображающим сцену беседы В.И. Ленина с Н.Н. Кутлером, предшествуют рисунки с датировкой 1919 г., а следующий за ними — имеет подпись с датой 5 марта 1918 г.²³ Между тем сцена беседы вождя с бывшим царским министром датирована художником 5 сентября 1918 г. Однако известно, что в этот день В.И. Ленин только первый раз после ранения на два часа встал с постели²⁴. При этом он находился в Москве, тогда как И.А. Владимиров делал зарисовки в Петрограде, где пребывал и собеседник В.И. Ленина — Н.Н. Кутлер, арестованный там 6 сентября 1918 г.

Похожим образом обстоит дело и с другими рисунками, на которых изображен вождь. Так, на двух набросках, рисующих прибытие В.И.Ленина в цирк «Модерн» и его выступление там, проставлены даты — 10 и 23 ноября 1918 г.²⁵, в то время как само событие имело место до известного июльского выступления 1917 г., между 19 и 29 июня²⁶.

В нашем случае рисунку, озаглавленному «Реквизиция процентных бумаг...» (л. 25) предшествуют листы, датированные 15 марта 1922 года (л. 22) и 1920-м г. (л. 24). Другому рисунку «Сцена в банке...» (л. 43) — предшествуют листы, датированные 15 июня 1923 г. (л. 39) и 1921 г. (л. 42). Лист же № 44 датирован маем 1924 г.

Нельзя не обратить внимания и на подписи к обоим рисункам, которые выполнены по правилам дореформенной орфографии, сохранение которой весьма сомнительно для ноября 1919 г. Это обстоятельство еще больше запутывает картину.

Важную роль играют известные нам детали биографии И.А. Владимирова, которые также усиливают сомнения в точности проставленной на листе даты.

Вот, что писал сам художник незадолго до своей кончины в автобиографии, датированной 29 июля 1946 г.: «В первых числах марта поступил простым милиционером в городскую милицию, в 4-й подрайон Петербургского района... Сделавшись законным милиционером, я исполнял все поручения и наряды, много раз мне приходилось стоять с винтовкой в руке, на дежурстве у дворца Кшесинской, у цирка “Модерн”... Не раз приходилось охранять порядок в Смольном и быть свидетелем кипучей деятельности великих вождей революции.

В октябрьские дни участвовал в осаде Зимнего дворца и конвоировал на грузовиках арестованных генералов и царских сановников правительства Керенского (*Так в тексте. — М.Н.*). Во время моей милицейской службы (1 год и 4 месяца) я всегда имел с собой альбомчик и свободно зарисовывал все, что интересовало меня. Придя домой, я дополнял по свежему впечатлению неясные штрихи в зарисовках и даже иногда закрашивал их акварелью и, таким образом, собрал богатейший документальный материал для будущих картин,

отображающих сцены и эпизоды революционной борьбы и крах керенского правительства»²⁷.

Таким образом, на службе в городской милиции И.А. Владимиров находился до июня-июля 1918 г. Наиболее вероятно, что первоначальные наброски, относящиеся к событиям, наблюдать которые могли только лица, выполняющие соответствующие обязанности, были сделаны художником не позднее времени расставания с милицейской повязкой. В 1919 г. И.А. Владимиров поступил на службу в железнодорожное ведомство, которую начал в качестве старшего техника Московско-Виндавско-Рыбинской железной дороги²⁸. Наблюдения, вызванные изменившимися жизненными обстоятельствами, породили соответственно и новые сюжеты рисунков («больные» паровозы, заградительные отряды на вокзалах, ловля мешочников, разграбление вагонов и др.).

Другой, более надежный, в нашем случае источник для датировки набросков — хроника событий, связанная с осуществлением мероприятий Советской власти в банковской сфере.

Итак, декрет ВЦИК о «Национализации частных банков» был принят ВЦИК 14 декабря 1917 г. Между тем «Инструкция о порядке национализации частных банков была утверждена Наркомфином РСФСР лишь 10 декабря 1918 г. Известный историк Ю.В. Готье в декабрьские дни 1917 г. записывает: «Банковский кризис доведен до национализации банков и до нарушения неприкосновенности несгораемых ящиков; совершается акт вопиющего насилия; убивается кредит, промышленность, торговля, частная предприимчивость; мы еще одно дно проббили своим бесчувственным лбом!»²⁹.

В 7 часов утра 14 декабря силами латышских стрелков были арестованы руководители ряда петроградских кредитных учреждений, которые были доставлены в Смольный. Занятие банков происходило на основе разработанной накануне инструкции, к которой прилагались планы помещений. Секретным распоряжением телефоны всех банков были отключены до 14 часов³⁰. Назначенные накануне комиссары отмечались в гостинице «Астория» и направлялись каждый по своему адресу, куда в 10 часов 15 мин. должны были подойти вооруженные отряды численностью 100—125 чел. (для крупных банков) и в 10—20 чел. (для остальных). Петроградский торговый банк и Московский промышленный банк (б. И.В. Юнкер и К^о) были заняты отрядами запасных частей.

Известно, что поздно вечером делегация банкиров, в которую входил и Вавельберг, была принята в здании Государственного банка фактическим главой наркомата финансов В.Р. Менжинским. Переговорщики выразили желание узнать причины происходящего. При этом Вавельберг, поддержанный Ельяшевичем (Московский промышленный банк), выразил обеспокоенность судьбой арестованных коллег.

На базе частных акционерных банков были созданы 4 отделения Народного банка³¹. «Банк Вавельберга» вошел в состав 3-го отделения (управляющий Н.А. Москалев), которое располагалось в помещении Азовско-Донского коммерческого банка. С 22 января 1918 г. Государственный банк перестал выдавать деньги по чекам частных банков, а их клиенты перешли в разряд клиентов отделений Государственного банка³².

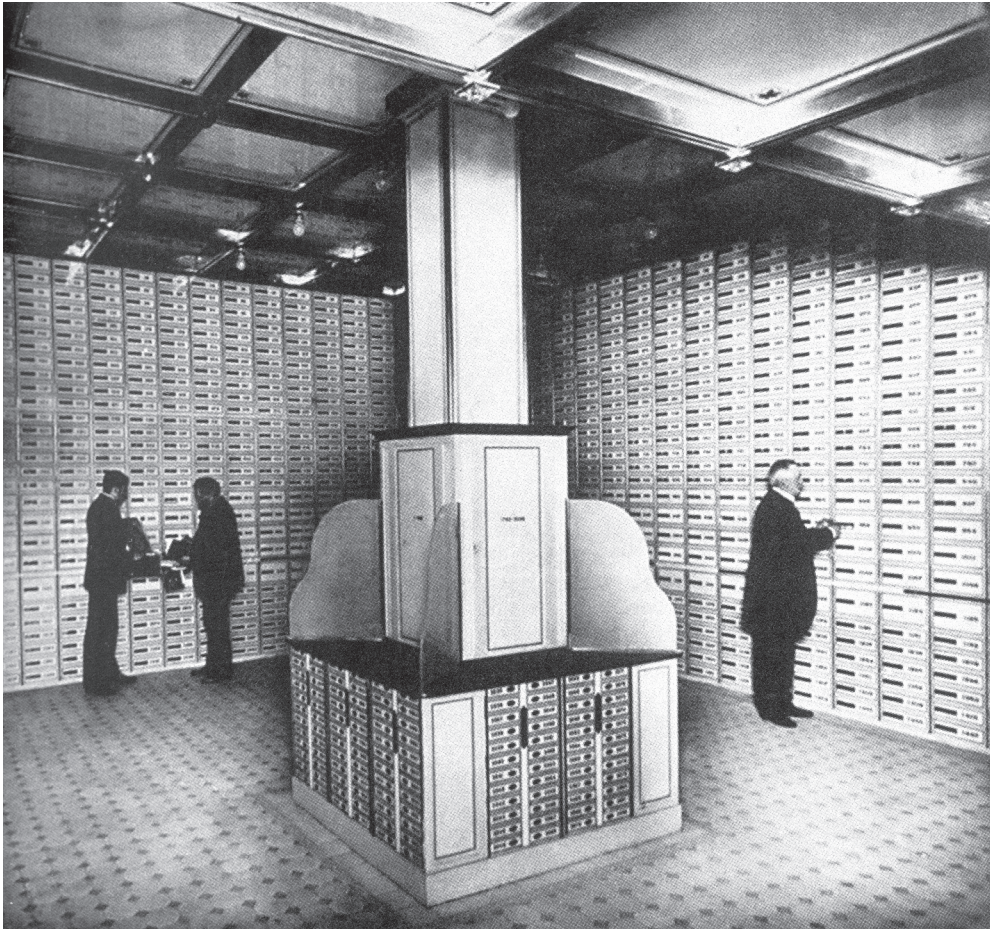

Рисунок 6. Комната-сейф в банке. Мастерская К.К. Буллы. Из кн: Никитин В. Столица империи. Санкт-Петербург — Петроград начала XX века: Фотоальбом. СПб., 2016. С. 34.

Согласно Постановлению ВЦИК «О ревизии стальных ящиков (сейфов) в банках» от 14 декабря 1917 г., разработанного по предложению В.И. Ленина³³, «все владельцы стальных ящиков обязаны немедленно по вызове явиться в банк с ключами для присутствия при производстве ревизии». Деньги вносились на текущий счет клиента в Государственном банке, а золото в монете и слитках конфисковывалось. Не явившиеся в трехдневный срок, считались «злонамеренно уклонившимися от ревизии». Принадлежащие им ящики подлежали вскрытию следственными комиссиями, назначенными комиссарами Государственного банка. При этом все содержащееся в них имущество конфисковывалось «в собственность народа»³⁴. В дополнение к этому декрету СНК 21 декабря 1917 г. постановил включить в состав подлежащих конфискации предметов серебро и платину в слитках и монете, а также иностранную валюту в кредитных билетах³⁵.

При Комиссариате бывших частных банков была создана Комиссия по ревизии сейфов, в дальнейшем реорганизованная в отдел сейфов Народного

Рисунки 7—9. Банковские хранилища, оборудованные сейфовыми ячейками.

банка. И Комиссия, и Комиссариат разместились в здании Учетного и ссудного банка Персии (Екатерининский канал, д. 24). С апреля 1918 г. Комиссию возглавлял А.С. Кан³⁶.

Спустя неделю после принятия декрета — 22 декабря 1917 г. — современник, рисующий картины московской жизни, записывает: «С “национализацией” частных банков и с ревизией стальных комнат, где в несгораемых ящиках хранятся частные бумаги и драгоценности, — пока ничего не выходит. И банки, и кладовые пока что закрыты. Некому там работать. Служащие бастуют, а у большевиков на службе одни только “красногвардейцы”, способности которых довольно-таки однообразны»³⁷.

Но главные события, в том числе и забастовка банковских служащих, разворачивались в столице. Из всех кредитных учреждений Петрограда стальные ящики имелись только в 12 банках и 5 обществах взаимного кредита. Всего в них находилось свыше 35 тыс. стальных ящиков³⁸.

23 декабря 1917 г. началась ревизия в первых пяти банках (Московский купеческий, Московский промышленный, Международный, Сибирский торговый, Русский торгово-промышленный). К 10 часам утра вызывались владельцы ящиков первых ста номеров. Накануне комиссару при обществе электрического освещения 1886 г. за подписью народного комиссара по финансам, народного комиссара по военным делам и управляющего Комиссариатом бывших частных банков было послано следующее письмо: «Ввиду назначенной в субботу 23 декабря ревизии стальных ящиков в б. частных банках предписывается вам в субботу 23 декабря с 9 часов утра до 9 часов вечера обеспечить электрическим светом помещения банков Московского купеческого, Московского промышленного, Международного и Сибирского, находящихся на Невском в стороне четных номеров между Адмиралтейством и Фонтанкой. Освещение безусловно необходимо в виду того, что стальные ящики находятся в подвальном этаже»³⁹.

28 декабря за дело взялись в Волжско-Камском коммерческом и Петроградском учетном и ссудном банках. 30 декабря — в Петроградском частном коммерческом, а с 7 января 1918 г. — в Русско-Азиатском.

Ревизия сейфов в Петроградском торговом банке, количество которых на 1917 г. составляло в его главном здании 1400 штук⁴⁰, началась 18 февраля 1918 г.⁴¹ Эта дата и определяет нижний хронологический предел создания по меньшей мере одного из рисунков. 15 апреля 1920 г. был подписан декрет СНК, который подвел итог операции. Декрет предписывал не только прекратить выдачу ценностей владельцам из бывших ссудных казен и сейфов упраздненного Народного банка, объявляя их собственностью государства, но также прекратить и прием ходатайств о выдаче этих ценностей⁴². Таким образом, после этой даты в помещение кладовых владельцы ячеек появиться уже не могли, да и в привлечении вооруженных лиц со стороны необходимости не было. Следовательно, дату 15 апреля 1920 г. можно смело считать верхней хронологической планкой для датировки рисунков.

Согласно А.М. Гиндину, процедура ревизии выглядела следующим образом: «Стальные ящики, как правило, были замурованы в толстых бетонированных стенах полуподвальных помещений. В каждом из них в стальной

дверце имелось два различных замка. Один ключ хранился у владельца ящика, другой — у заведующего отделом сейфов банка или у артельщиков. Владелец ящика без артельщика ящик открыть не мог. При ревизии каждого ящика должны были присутствовать комиссар банка, представитель от Госбанка, несколько свидетелей (к этому обычно привлекались члены Петроградского совета, члены ВЦИК или представители общественных организаций), артельщик или служащий банка (ответственный за хранение второго ключа), юристконсульт банка и др. Все, что подлежало конфискации, должно было отправляться в Госбанк, причем составлялся акт, который подписывался присутствующими. О конфискации ценностей владельцу выдавалась расписка. Все, что не подлежало конфискации, возвращалось владельцу ящика, или оставлялось по его желанию в сейфе»⁴³.

На начальной стадии ревизии обнаружилось следующее: в кладовой Сибирского торгового банка лежало 138 слитков золота общим весом около 50 пудов, в Русско-Азиатском — более 9 пудов, в Московском промышленном (б. И. В. Юнкер и К^о) — около 40 пудов и 16 пудов серебра, в Петроградском международном коммерческом — 8 пудов. Наличными деньгами из сейфов на текущие счета их владельцев на 22 января 1918 г. поступило 1 622 379 руб.⁴⁴

По-видимому, с осени 1918 г. уже в Москве процесс ревизии стал приобретать новые, централизованные формы. Работавший в 1918—1921 гг. в секретариате Народного банка РСФСР и НКФине (отдел международных расчетов) С.Е. Евгеньев, вспоминая о деятельности последнего главы Народного банка РСФСР Я.С. Ганецкого, назначенного на должность и.о. Главного комиссара в ноябре 1918 года, писал: «Ганецкий явился с определенным заданием — достать для нужд советского правительства необходимые денежные средства, но не в форме никому не нужных дензнаков, а в форме реальной валюты, приемлемой за границей и необходимой для разжигания мировой революции, в скором пришествии которой никто в то время не сомневался. ... Его внимание было целиком поглощено теми ценностями, какие находились в банковских сейфах, и считались теперь собственностью рабочих и крестьян. Здесь, в содержимом этих сейфов, предполагал он найти разрешение порученной ему задачи и, со свойственной ему энергией, принялся за их опустошение.

...Самый разбор сейфовых ящиков поручен был особой комиссии, работавшей в том же здании, где находился и секретариат. Сюда по требованию комиссии доставлялись все сейфы в запечатанном виде, здесь вскрывались, сверялись с описью, и затем производилась оценка особыми экспертами...»⁴⁵.

В начале октября 1918 г. работа с владельцами ячеек еще продолжалась, растягиваясь иногда на несколько этапов. В дневниках московского историка Ю.В. Готье сохранились следующие записи за 4 и 6 октября: «Внезапная тревога — на сегодня нас вызывают на вторичную ревизию и потрошение сейфа у Юнкера; между прочим, помещение реквизировано Государственной комиссией погашения долгов...поэтому кладовые торопятся вычистить...». И далее: «Вчера мы употребили целый день на то, чтобы выпотрошить свой стальной ящик, а также ящик брата. Ждали три с половиной часа; затем у нас отобрали вещи, свыше 48 золотников, и переписали все бумаги с переводом их на хранение в народный банк РСФСР. Товарищи были вежливы, но и только. У меня

было радостное чувство, когда вся эта церемония кончилась; эта загвоздка, заноза, сидевшая 10 месяцев и причинявшая боль, вытащена. За сейф, который перестал быть таковым, нас больше не держат; одним якорем в жизни меньше — это имеет свою прелесть»⁴⁶.

В провинции исполнение декретов проходило, очевидно, с привнесением в процесс большой доли импровизации. Глава отделения Волжско-Камского банка в Екатеринбурге В.П. Аничков вспоминал: «В деле национализации банков не было никакой планомерности. Общие указания из центра отсутствовали, и в каждом городе национализация носила свой характер и стояла в полной зависимости от взглядов местных комиссаров финансов, коих произвол был полный. Так, например, Декрет об аннулировании государственных бумаг наш Минфин распространил не только на частные облигации, но и на акции. Нелепость постановлений была удивительная: несмотря на то, что бумаги были аннулированы, к клиентам банка предъявлялись требования об уплате долга по заложенным бумагам и за неуплату грозили тюрьмой. Для проверки сейфов к нам в банк была назначена целая комиссия, которая, согласно декрету, конфисковала все золотые вещи весом более шестнадцати золотников. Комиссия при этом совершенно не могла дать удовлетворительный ответ на вопрос, свободны ли от конфискации серебряные вещи, что повело к серебрению золотых вещей. У одной моей доверительницы была золотая цепочка весом в двадцать пять золотников, которую я разорвал на две части и тем спас от конфискации, ибо каждая часть была менее шестнадцати золотников»⁴⁷.

Картину ревизии сейфов в одном из столичных банков рисует М.Я. Лазерсон⁴⁸: «У меня... был сейф в одном из петербургских банков, в котором я хранил, кроме своих частных бумаг, несколько ценных вещей, принадлежавших моим родственникам. Эти ценные вещи лежали порознь, завернутые в маленькие пакеты, на которых значилось имя собственника.

В начале 1918 г. появилось в петербургских газетах оповещение, согласно которому все владельцы сейфов, фамилия коих начиналась с той или другой буквы, должны были явиться в определенный день в банк со своими ключами. Буква Л. приходилась на конец февраля, и я явился в назначенный день в банк с моим ключом. В стальной камере были расставлены столы, за которыми сидели чиновники. Кругом стояли владельцы, сейфы которых должны были быть открыты.

Принцип, лежавший в основе открытия сейфов, заключался в следующем: все ценные вещи (благородные металлы в слитках, предметы из платины, золота и серебра, драгоценные камни, жемчуга, иностранная валюта и пр.), которые подлежали конфискации в пользу государства, должны были быть изъяты из сейфов, с тем, чтобы сделать засим невозможным опознание этих вещей в будущем, т. е. установление принадлежности той или иной вещи тому или другому лицу. С этой целью все вынутые из различных сейфов кольца, брошки и прочие украшения бросались в одну кучу, все драгоценные камни без оправы — в другую кучу. Этот же способ действий применялся и в отношении прочих ценных вещей; если, как в моем случае, находили ценные вещи завернутыми в свертки, то их вынимали из свертка, сверток разрывали, а самый предмет бросали в соответствующую кучу. Советские учреждения в то

время еще не были уверены в своей власти. Поэтому стремились всеми силами к тому, чтобы впоследствии никто не смог опознать принадлежащего ему предмета. Тот же принцип проводился и в других случаях конфискации»⁴⁹.

Мемуарист вспоминает, что весной 1918 г. к некоторым состоятельным петербуржцам приходили посредники и предлагали доставить на дом содержимое сейфа за вознаграждение в 100 000 царских рублей за сейф. «Риск был страшный, — пишет автор. — Владелец... рисковал не только тем, что посредник мог оказаться подосланным к нему в дом провокатором, который немедленно после этого мог передать его в руки ЧК.... Опасность, что посредник присвоит себе содержимое сейфа и исчезнет с украденным имуществом, была совершенно неважной по сравнению со всем прочим риском»⁵⁰.

В дневниковой записи А.Н. Бенуа от 19 января 1918 г. после изложения слухов о том, что «на почве вскрытия сейфов идет сплошное воровство», в примечании приводится такая подробность: «Очень характерен случай, произошедший с... супругой брата Леонтия. У нее в сейфе лежал целый сундучок, полный бриллиантов и других драгоценностей. К ним явился какой-то темный персонаж, который за очень высокое вознаграждение обещал раздобыть эти сокровища... Мзду он получил вперед, но вместо стотысячных ожерелий и целых <нрзб.> — принес только один браслетик и одну брошку. Пришлось и с этим примириться — не подавать же в суд по делу, в котором можешь оказаться самым главным преступником!»⁵¹

Т. Эммонс и С. Утехин — авторы комментариев к изданию дневников Ю.В. Готье, опираясь на газетные публикации, дают некоторые цифры: «По официальной сводке, до 1 июля 1918 г. из 64 649 091 руб. наличными, найденных в сейфах, было возвращено владельцам 10 127 976 руб. (Известия ВЦИК. № 158, 27 июля 1918). В Москве к марту 1918 г. в 22 тыс. сейфов было обнаружено ценностей (не считая иностранной валюты) на сумму около 505 млн. руб. По сообщениям печати, проверка обнаружила, что большая часть ювелирных изделий и благородных металлов была вынута владельцами из сейфов до октября 1917 (Известия Московского совета рабочих и солдатских депутатов, 18 января 1918); сводка, опубликованная в июле, это подтвердила»⁵².

Если публикация цифр в первые последекретные дни могла преследовать агитационно-пропагандистские цели, то в конце июля 1918 года сводки с подведением итогов могли косвенно свидетельствовать о завершении какого-то важного этапа работы. Т. Эммонс и С. Утехин утверждают, что ревизия длилась до лета 1918 года, при том, что автор комментируемых ими дневников, как следует из их содержания, только в начале октября окончательно решил вопрос, связанный с ценностями, хранившимися в банковской ячейке»⁵³.

В центре рисунка «Сцена в банке...» мы видим несколько фигур, занимающихся извлечением и разбором предметов из сейфовского ящика. В правом углу фигуры рабочих, вскрывающих ячейки. У одного из них в руках ручная дрель, другой придерживает кувалду на длинной рукоятке.

Согласно А.М. Гиндину, ревизии первоначально проходили с интервалами в 3 — 4 дня, а с 24 января — ежедневно (в каждом банке — через день). Быстрее других ревизия была закончена в Сибирском торговом банке — 20 января, а 16 февраля там начали вскрывать ячейки неявившихся владельцев.

«Однако это встретило большие трудности, — пишет автор, — и вскрытие пришлось временно приостановить. Взламывание стальных дверей оказалось по тому времени сложным делом. Система замков в каждом банке была другая. Вскрытие одного ящика занимало при отсутствии необходимых приспособлений много времени. Только к началу марта удалось найти на заводах несколько опытных мастеров, которые с помощью особых сверл, приводимых в движение электрическим током, пробивали дверцы ящиков в том месте, где находились засовы замков, после чего дверцы свободно открывались»⁵⁴. Исследователь приводит следующие даты начала работ по вскрытию сейфовских ящиков в банках: с 1 марта — в Русско-Азиатском, Петроградском учетном и ссудном, Московском купеческом, Петроградском частном коммерческом, 5 марта — в Азовско-донском коммерческом и Лионском кредите, 8 марта — в Московском промышленном (б. И.В. Юнкер и К°), 12 марта — в Сибирском торговом, в двух обществах взаимного кредита⁵⁵. «Банка Вавельберга» в этом списке нет, но временной разброс — не очень значителен (1 — 12 марта).

Это дает нам основание (с известной долей осторожности) поднять нижнюю границу в датировке рисунка «Сцена в банке Вавельберга...», доведя ее до 1 марта 1918 г.

Теперь необходимо коснуться и судьбы ценных бумаг, которые фигурируют в другом из рисунков. По декрету СНК «О прекращении платежей по купонам и дивидендам» от 29 декабря 1917 г. все сделки с ними воспрещались⁵⁶.

Согласно декрету ВЦИК от 21 января 1918 г. «Об аннулировании государственных займов» были аннулированы государственные и иностранные займы. При общем руководстве ВСНХ Государственному банку было вменено в обязанность «немедленно приступить к регистрации всех имеющихся в руках различных владельцев облигаций государственных займов, а также других процентных бумаг, как подлежащих, так и не подлежащих аннулированию».

А 23 января 1918 г. по декрету СНК «О конфискации акционерных капиталов бывших частных банков» эти капиталы (основные, резервные и специальные) передавались Народному банку Российской Республики «на основах полной конфискации», аннулировались и все банковские акции, при этом выплата дивидендов по ним прекращалась. Любые сделки и передачи акций запрещались, совершавшие же их лица подлежали тюремному заключению сроком до 3 лет.

Эти законодательные акты были приняты еще до начала ревизии сейфовских ячеек в банке Вавельберга (18 февраля 1918 г.). Меньше чем через месяц Постановление ВСНХ «О правилах применения декрета об аннулировании государственных займов», опубликованное 7 марта 1918 г., разъяснило права держателей аннулированных государственных займов, акций и иных ценных бумаг. Однако 26 октября 1918 г. потребовалось издание Постановления СНК «Об аннулированных государственных процентных бумагах», которое затронуло прежде всего судьбу аннулированных процентных бумаг, находящихся в банках, казначействах и сберегательных кассах. Владельцам перечисленных в приложении к постановлению ценных бумаг стоимостью не свыше 10 тыс. рублей зачислялась на текущий счет в Народном банке РСФСР сумма по указанным в том же приложении расценкам.

Однако эти последующие после 18 февраля 1918 г. законодательные акты не помогают нам в попытках установить датировку рисунка с изображением связанных пачек ценных бумаг, выносимых из банковской кладовой. Мы можем предполагать, что события, запечатленные художником, могли иметь место, уже начиная с 23 января 1918 г. еще до начала ревизии сейфов. Более чем вероятно, что эти бумаги составляли собственность банка, были отданы ему в управление или находились в качестве обеспечения, залога и проч. С ценными бумагами, находившимися на хранение в ячейках, согласно А.М. Гиндину, на начальном этапе ревизии поступали по-другому. Поскольку в тексте декрета от 14 декабря 1917 г. о них ничего не говорилось, бумаги только переписывали и оставляли на хранение в тех же ящиках⁵⁷.

Позднее И.А. Владимиров на основе зарисовок пишет акварель: «Реквизиция сейфов. Декабрь 1917 г.», которая поступает в Центральный музей революции (ныне — Государственный центральный музей современной истории России). Н.И. Баторевич при составлении перечня работ художника отнесла эту работу к 1917 г., очевидно, по причине того, что эта дата фигурирует в авторском названии⁵⁸. (Заметим, что в соответствии с проставленной датой художник и «одел» банковских визитеров по-зимнему).

В связи с ремонтом в помещении хранилищ познакомиться с акварелью не удалось. Согласно записи в главной инвентарной книге музея, работа была куплена у автора за 50 рублей 4 ноября 1927 г. Там же говорится, что она сделана по зарисовке в «Банке Вавельберга»⁵⁹. Более чем вероятно, что акварель была написана к 10-летию Октябрьской революции по заказу или в расчете на вполне прогнозируемый спрос со стороны музейных организаций.

Эта более поздняя работа позволяет понять, как И.А. Владимиров художественно обобщил те впечатления, которые когда-то, очевидно, лишь в малой мере зафиксировал в двух карандашных набросках.

В них автор почти никак не проявляет своего отношения к происходящему. В рисунке «Реквизиция ценных бумаг...» лишь в фигуре сидящего матроса с «цыгаркой» угадывается антипатия, которая нашла более заметное проявление в других набросках. Наиболее отчетливо она выражена в акварельном рисунке «Краса и гордость»⁶⁰ (здесь иронически обыгрывалось крылатое выражение Л.Д. Троцкого, назвавшего кронштадтских моряков «красой и гордостью революции»).

Не будет лишним привести здесь и впечатление жены А.Н. Бенуа, со слов которой, художник 28 декабря 1917 г. записал: «...Во время моего отсутствия Кулечка, прочитав в газете, что сегодня вызываются обладатели сейфов для присутствия при вскрытии таковых, помчалась в Учетный банк (сейф на ее имя), но оказалось, что она опоздала. Ее попросили снова приехать в субботу от десяти до двух. “Большевик” был любезен. Солдаты, стерегущие банк, поражают своим распущенным видом»⁶¹.

В сцене, изображенной художником на акварельном рисунке «Реквизиция сейфов...» (правильнее было бы квалифицировать происходящее как «конфискация ценностей из сейфов») мы видим три мужские фигуры, которые зани-

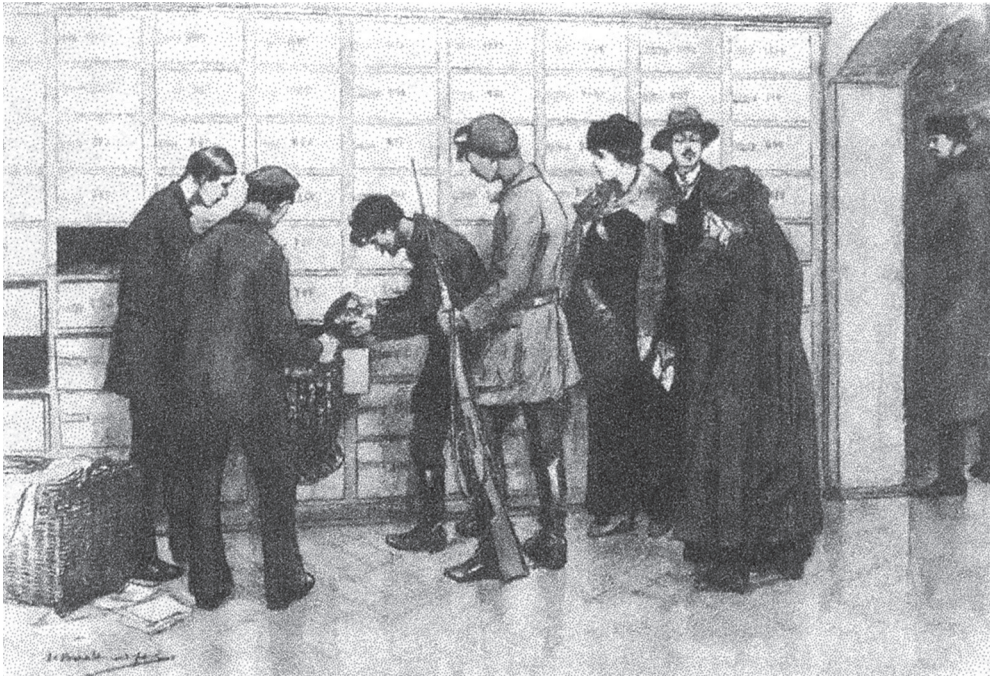

Рисунок 10. Реквизиция сейфов. Декабрь 1917 г. Художник И.А. Владимиров. Бумага на картоне, акварель. 33,5 x 51. Государственный центральный музей современной истории России, ГИК № 4051.

маются перекладыванием содержимого сейфовой ячейки в сумку (плетеный короб), рядом — вооруженный солдат, справа от него — группа владельцев ячейки. Если двое из них (очевидно, семейная пара) ведет себя выдержанно, то третья фигура (женщины) изображена с платком, поднесенным к лицу, что явно свидетельствует о переживаемом потрясении. Автор, пытаясь остаться нейтральным к изображаемым событиям, все же не находит возможным представить происходящую сцену совсем лишенной драматизма.

Рисунок И.А. Владимирова может служить идеальной иллюстрацией к одному из фрагментов воспоминаний М.Я. Лазерсона:

«При открытии сейфов и конфискации их содержимого, производившимися в Петербурге, весной 1918 г., в присутствии владельцев сейфов, нередко разыгрывались и драматические сцены.

Большая часть владельцев хладнокровно являлась со своими ключами, спокойно давала возможность открывать сейфы и покорно взирала на конфискацию своего имущества. Некоторые не произносили при этом ни слова, другие волновались и старались доказать чиновникам, что тот или иной предмет не подлежит конфискации, третьи со слезами на глазах пытались уверить чиновников в том, что находящиеся в сейфе драгоценные вещи представляют все их состояние и что без них они обречены на голод»⁶².

«У дам случалось видеть слёзы, когда им не выдавали безделушки, хранившиеся в сейфах, — вспоминает другой мемуарист. — Бывали и мольбы, доходящие до унижения»⁶³.

Похожие картины можно было наблюдать позже и в Москве, где они развешивались уже не в стенах банков, а в помещениях, занимаемых руководством НКФина и Народного банка. С.Е. Евгеньев пишет о тех, кто пытался отстаивать свои права на конфискованные ценности: «Тяжелые, мучительные сцены разыгрывались порой в секретариате. Разоренные, запуганные люди с раннего утра наполняли громадную приемную, справляясь о судьбе поданных ими прошений. Но прошений было слишком много, а рассмотрение их происходило слишком медленно, и несчастные люди унижались, плакали, совали служащим взятки, что вызывало постоянные недоразумения, и молча уходили, чтобы снова явиться на другой день»⁶⁴. Известно, что в процессе проведения ревизии сейфовских ячеек имели место попытки подкупа и махинаций⁶⁵.

Приведенные письменные свидетельства позволяют оценить высокую степень исторической достоверности, переданной в акварельном рисунке сцены, которая, как легко можно убедиться, не копирует ни одну из сохранившихся первоначальных зарисовок. Если автор легко жертвует «документальностью» в изображении деталей интерьера банковских кладовых, присутствующих персонажей (вместо угадывающейся в карандашном рисунке толпы — в акварельном варианте — настороженная фигура ожидающего своей очереди владельца ячейки), то переданный драматизм ситуации, достаточно типичной для проводимой процедуры, позволяет говорить о том, что художественное обобщение не противоречит правде жизни.

Касательно рисунков, нужно в заключение сказать следующее: у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что наброски сделаны автором в процессе непосредственного наблюдения за разворачивающимися у него на глазах событиями или сразу по свежим впечатлениям. Вероятнее всего, что они происходили и были зафиксированы художником не позднее июня—июля 1918 года, когда он исполнял обязанности городского милиционера и мог привлекаться для обеспечения соответствующих мероприятий новой власти. В поисках нижней хронологической границы, следует принять во внимание следующее обстоятельство. Рисунок «Реквизиция ценных бумаг...» предположительно может быть датирован периодом не ранее 23 января 1918 г. (принятие декрета СНК «О конфискации акционерных капиталов бывших частных банков»), второй — «Сцена в банке...» — не ранее 18 февраля 1918 г. и с меньшей вероятностью — не ранее 1 марта 1918 г. (начало вскрытия сейфов неявившихся владельцев в петроградских банках). Но если в вопросах датировки рисунков сомнения еще остаются, то они полностью отсутствуют при решении вопроса об их исторической и музейной ценности как уникального, не имеющего аналогов иконографического свидетельства революционных преобразований в банковской сфере, произошедших в России после Октября 1917 г.

Библиография

- Аничков В.П. Екатеринбург—Владивосток (1917—1922). М., 1998.
Арефьева М.И., Лизунов П.В. Вавельберги (Wawelberg) // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 1. М., 2008. С. 327—328.
Атлас З.В. Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917—1925). М., 1940.
Баторевич Н.И. «Всю жизнь я служил России»: Жизнь и творчество художника И.А. Владимировича. СПб., 2013.

- Бенуа А.Н. Дневник. 1916—1918. 3-е изд. М., 2016.
- В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4., М., 1973; Т. 6., М., 1975.
- Гиндин А.М. Как большевики национализировали частные банки. М., 1962.
- Голицын С. Записки уцелевшего. М., 1990.
- Государственный банк в 1913 году: французский взгляд. М., 2015.
- Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997.
- Денежное обращение в России: Исторические очерки. Каталог. Материалы архивных фондов. В 3 т. Т. 1.: Исторические очерки: с древнейших времен до наших дней. М., 2010.
- Денежное обращение и кредитная система Союза ССР за 20 лет. Сборник важнейших законодательных материалов за 1917—1937 гг. М., 1937.
- Евгеньев С.Е. Строители земного рая (Из недавнего прошлого) // Архив русской революции: В 22 т. Т. 19—20. М. 1993.
- Иван Владимиров. Великий иллюстратор Гражданской Войны» (URL: <http://elena-sem.livejournal.com/2113904.html>).
- История Банка России 1860—2010. В 2 т. Т. 2. М., 2010.
- Ларсонс (Лазерсон) М.Я. В советском лабиринте. Эпизоды и силуэты. Париж, 1932.
- Лисаевич И.И. На крыльях Меркурия. СПб., 2004.
- Льются с этих фотографий океаны биографий. М., 2015.
- Москва. 1917 год. Рисунки детей-очевидцев событий. Из коллекции Государственного исторического музея. / Сост. и автор текста Н.Н. Гончарова. М., 1987.
- Никитин В. Столица империи. Санкт-Петербург — Петроград начала XX века: Фотоальбом. СПб., 2016.
- Николаев М.Г. Беседа В.И. Ленина с Н.Н. Кутлером: реальность или художественный вымысел (К атрибуции акварельного рисунка художника И.А. Владимирова) // Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. Труды ГИМ. М., 1999. Вып. 110. С. 92—117.
- Николаев М.Г. Царский министр делает советские деньги: Страницы биографии Н.Н. Кутлера — одного из творцов денежной реформы 1922—1924 гг. М., 1999.
- Николаев М.Г. Государственный банк — год 1917-й (заметки по поводу некоторых сюжетов фотолетописи революционной эпохи) // Деньги и кредит. 2015. № 7. С. 72—75.
- Новожиллов А., Белозерова Н. К вопросу об авторстве «дневника петроградского чиновника». URL: http://novbelgen.net/article_5_Diary.
- Окунев Н.П. Дневник москвича (1917—1924). Paris, 1990.
- Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 — март 1918 гг. М., 2006.
- Роцин А.И. Иван Алексеевич Владимиров: Жизнь и творчество. 1869—1947. Л., 1974.
- Русская революция глазами петроградского чиновника. Дневник 1917—1918 гг. / Публикация и комментарии Енса Петтера Нильсена и Бориса Вайля. Осло, 1986.
- Русские банки в 1917 году. Справочные сведения о банках с перечнем кредитных учреждений по городам и селениям России. Пг., 1918.
- Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942.
- Справочные сведения о банках с перечнем кредитных учреждений по городам и селениям России. Пг., 1918.
- Финкельштейн К. Михаил Ипполитович Вавельберг (1880 — после 1929), банкир, предприниматель (URL: http://kfinkelshteyn.narod.ru/Tzarskoye_Selo/Uch_zav/Nik_Gimn/NGU_Vavelberg.htm).
- Шепелев Л.Е. Декрет о национализации банков // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. IX. Л., 1978.

Примечания

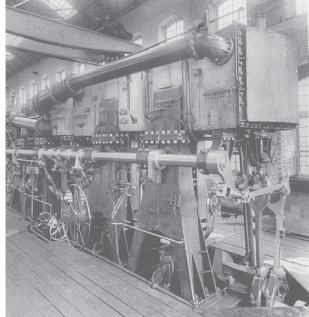
- ¹ О некоторых сюжетах, связанных с банковской иконографией, ранее уже приходилось писать. См.: Николаев М.Г. Государственный банк — год 1917-й (заметки по поводу некоторых сюжетов фотолетописи революционной эпохи) // Деньги и кредит. 2015. № 7. С.72—75. В этой же связи необходимо упомянуть и изданный Банком России фотоальбом: «Льются с этих фотографий океаны биографий». М., 2015.
- ² Сергей Голицын, очевидно сознавая редкость подобных свидетельств революционной эпохи в рассказе о своем брате-художнике, находит нужным упомянуть: «Сохранился его колленкорный альбом с дорожными зарисовками — как солдаты ловят мешочников, как народ берет штурмом вагоны» (Голицын С. Записки уцелевшего. М., 1990. С. 21). Особое место в ряду подобных свидетельств занимает такой любопытный источник как детские рисунки.

- См.: Москва. 1917 год. Рисунки детей-очевидцев событий. Из коллекции Государственного исторического музея / Сост. и автор текста Н.Н. Гончарова. М., 1987.
- ³ Николаев М.Г. Беседа В.И. Ленина с Н.Н. Кутлером: реальность или художественный вымысел (К атрибуции акварельного рисунка художника И.А. Владимирова) // Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. Труды ГИМ. М. 1999. Вып. 110. С. 92—117; Николаев М.Г. Царский министр делает советские деньги: Страницы биографии Н.Н. Кутлера — одного из творцов денежной реформы 1922—1924 гг. М., 1999.
- ⁴ Вероятно — в Мариинском высшем женском училище.
- ⁵ См.: Жизнеописание штатного преподавателя Ивана Алексеевича Владимирова. (Научно-библиографический архив Российской Академии художеств (далее — НБА РАХ). Ф. 33. Оп. 1. Д. 17. Л. 20).
- ⁶ Баторевич Н.И. «Всю жизнь я служил России»: Жизнь и творчество художника И.А. Владимирова. СПб., 2013. С. 104.
- ⁷ См. машинописную запись радиопередачи с участием И.А. Владимирова, сделанную, очевидно, в годы Отечественной войны (НБА РАХ. Ф. 33. Оп. 1. Л. 61).
- ⁸ НБА РАХ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 17. Л. 4; Рошчин А.И. Иван Алексеевич Владимиров: Жизнь и творчество. 1869—1947. Л., 1974. С. 36. Н.И. Баторевич связывает это событие с боевыми действиями на Северо-Западном фронте. См.: Баторевич Н.И. Указ. соч. С. 139.
- ⁹ Баторевич Н.И. Указ. соч. С. 140—141.
- ¹⁰ Там же. С. 152, 340. Роль Государственного банка в организации конкурса, очевидно, способствовала тому, что Н.И. Баторевич ошибочно приняла изображенные на одном из плакатов («Все для победы») снарядные ящики в кузовах грузовиков, отправляющихся на фронт (выше борта хорошо читается надпись «снарядов не жалеть»), за... «большие пачки денег». В 1915 г. Акварель И.А. Владимирова «Военный заем. Обилие снарядов — залог победы» получила 1-ю премию на конкурсе, устроенном журналом «Нива» (Там же. С. 353).
- ¹¹ ОР РНБ. Ф. 149, Оп. 1 Д. 8. Л. 62 об.; Д. 9. Л. 9 и др.
- ¹² Баторевич Н.И. Указ. соч. С. 198—207.
- ¹³ Впервые об этих двух рисунках (без воспроизведения) упомянула внучка художника Н.И. Баторевич. См.: Баторевич Н.И. Указ. соч. С. 170.
- Подборка акварельных рисунков автора, перекликающихся с сюжетами альбомных зарисовок, с текстами и подписью на английском языке выложена в Интернете. Материал озаглавлен: «Иван Владимиров. Великий иллюстратор Гражданской Войны» (URL: <http://elena-sem.livejournal.com/2113904.html>).
- ¹⁴ Баторевич Н.И. Указ. соч. С. 170.
- ¹⁵ Русские банки в 1917 году. Справочные сведения о банках с перечнем кредитных учреждений по городам и селениям России. Пг., 1918. С. 36.
- ¹⁶ См.: Русская революция глазами петроградского чиновника. Дневник 1917—1918 гг. / Публикация и комментарии Енса Петтера Нильсена и Бориса Вайля. Осло, 1986. С. 36.
- Дюшен Сергей Петрович (29.1.1857—1918), русский генерал по флоту (1915). Закончил Морской корпус (1878) и кораблестроительное отделение Николаевской морской академии (1884). В 1892—1895 гг. младший адъютант, в 1895—1897 гг. старший делопроизводитель высшего оклада Главного морского штаба. В 1897—1907 гг. — штаб-офицер для особых поручений при управляющем Морским министерством. В 1904—1909 гг. заведующий законодательной частью Главного морского штаба. В 1909—1911 гг. и.д. начальника Главного управления кораблестроения и снабжений. С 1911 г. член, с 1914 г. председатель Главного военно-морского суда. После Февральской революции отстранен от должности. В сентябре 1918 г. арестован в Петрограде как заложник, скончался (убит?) в тюрьме. См.: Новожилов А., Белозерова Н. К вопросу об авторстве «дневника петроградского чиновника» (URL: http://novbelgen.net/article_5_Diary). Авторы убедительно доказывают, что авторство дневника «неизвестного чиновника» принадлежит С.П. Дюшену.
- ¹⁷ Арефьева М.И., Лизунов П.В. Вавельберги (Wawelberg) // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 1. М., 2008. С. 327—328; Финкельштейн К. Михаил Ипполитович Вавельберг (1880 — после 1929), банкир, предприниматель (URL: http://kfinckelshteyn.narod.ru/Tzarskoye_Selo/Uch_zav/Nik_Gimn/NGU_Vavelberg.htm).
- ¹⁸ Лисаевич И.И. На крыльях Меркурия. СПб., 2004. С. 64—66.
- ¹⁹ Государственный банк в 1913 году: французский взгляд. М., 2015. С. 146—148.
- ²⁰ Альбом рисунков, посвященных Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне. 1917 — 1920. Карандаш, акварель. 17x25,5 (ОР РНБ. Ф. 149. Оп. 1. Д. 8).

- ²¹ Так, после зарисовки сцен вооруженного восстания в Петрограде и разгрома выступления юнкеров Владимирского училища следует рисунок, изображающий сцену уборки казарм с датировкой — 5 октября 1918 г. (ОР РНБ. Ф. 149. Оп. 1. Д. 8. Л. 13). После следующего, близкого по тематике рисунка новый датируется уже 1919 г. (Там же. Л. 14). Нередко рисунки с датировкой марта, июня или августа 1919 г. соседствуют с такими, на которых проставлена дата — октябрь 1919 г. (Там же. Л. 28 об.—41).
- ²² ОР РНБ. Ф. 149. Оп. 1. Д. 9.
- ²³ Там же. Л. 3—4, 8.
- ²⁴ В.И. Ленин. Биографическая хроника. М., 1975. Т. 6. С. 120.
- ²⁵ ОР РНБ. Ф. 149. Оп. 1. Д. 9. Л. 10 об., 13 об.
- ²⁶ В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. М., 1973. С. 252—253.
- ²⁷ НБА РАХ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 17. Л. 4—5.
- ²⁸ *Баторевич. Н.И.* Указ. соч. С. 64.
- ²⁹ Запись от 17 декабря 1917 г. См.: *Готье Ю.В.* Мои заметки. М., 1997. С. 56.
- ³⁰ Отражены эти факты и в дневниковых записях петербуржцев. 16 декабря 1917 г. С.П. Дюшен записывает: «Вчера захвачены петроградские частные банки. Арестованы директора. В Москве тоже самое. Объявлена ревизия сейфов. Чтобы не дать возможности сноситься по телефону, все телефоны вчера утром были выключены». См.: *Русская революция глазами петроградского чиновника...* С. 39.
- ³¹ А.М. Гиндин пишет: «Сначала они были в подчинении у созданного Комиссариата бывших частных банков. После ликвидации этого комиссариата (4 апреля 1918 г. ...) отделения остались в подчинении Центрального правления Госбанка. Даже после переезда Центрального правления в Москву (конец апреля — начало мая 1918 г.) отделения до первых чисел августа находились в подчинении у оставшегося в Петрограде одного из помощников управляющего Народным банком и созданного при нем Совета экспертов. И только в октябре 1918 г., когда был ликвидирован Совет экспертов и Петроградская контора была реорганизована в Северо-областную контору Народного банка, отделения Петрограда перешли в ее ведение» (*Гиндин А.М.* Как большевики национализировали частные банки. М., 1962. С. 80).
- ³² *Гиндин А.М.* Указ. соч. С. 45, 47, 52, 55, 57—58, 80.
- ³³ *Шепелев Л.Е.* Декрет о национализации банков // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Т. IX. Л., 1978. С. 287.
- ³⁴ Денежное обращение и кредитная система Союза ССР за 20 лет. Сборник важнейших законодательных материалов за 1917—1937 гг. М., 1937. С. 4.
- ³⁵ Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 — март 1918 гг. М., 2006. С. 150.
- ³⁶ Гиндин. А.М. Указ. соч. С. 78.
- ³⁷ Окунев Н.П. Дневник москвича (1917—1924). Paris, 1990. С. 120—121.
- ³⁸ В своем исследовании А. Гиндин приводит следующий перечень: «сейфы находились в следующих банках: 1) Азовско-донской коммерческий — 2200 ящиков; 2) Волжско-камский коммерческий — свыше 3000; 3) Лионский кредит — 2500; 4) Московский купеческий (Петрогр. отд.) — 2500; 5) Московский промышленный (б. И. В. Юнкер и К^о, Петрогр. отд.) — 4100; 6) Петроградский международный коммерческий — 3000; 7) **Петроградский торговый (Вавельберг) — 1250**; 8) Петроградский учетный и ссудный — около 2400; 9) Петроградский частный коммерческий — свыше 1800; 10) Русский торгово-промышленный — 1300; 11) Русско-Азиатский — свыше 2300; 12) Сибирский торговый — 1700 и в следующих обществах взаимного кредита: Второе — 2700, Калашниковское — около 500, Купеческое — 600, Первое — около 3600 и Петроградского уездного земства — около 600. Имелись сейфы и в некоторых отделениях этих банков, например в отделении Русско-Азиатского банка (Садовая, 48) и т. д. Всего по стране в частных банках было 150—160 тыс. сейфов (Народный комиссариат финансов к 8 съезду Советов. М., 1920)» — *Гиндин А.М.* Указ. соч. С. 74).
- ³⁹ *Гиндин А.М.* Указ. соч. С. 73.
- ⁴⁰ Справочные сведения о банках с перечнем кредитных учреждений по городам и селениям России. Пг., 1918. С. 36 (Ср. с цифрой, указанной А.М. Гиндином в сноске № 38 — 1250).
- ⁴¹ *Гиндин А.М.* Указ. соч. С. 76.
- ⁴² Известия ВЦИК. 17 апреля 1920 (№ 81).
- ⁴³ *Гиндин А.М.* Указ. соч. С. 75.
- ⁴⁴ Там же. С. 78.

- ⁴⁵ *Евгеньев С.Е.* Строители земного рая (Из недавнего прошлого) // Архив русской революции: В 22 т. Т. 20. М. 1993. С. 303—304, 308.
- ⁴⁶ *Готье Ю.В.* Указ. соч. С. 184—185.
- ⁴⁷ *Аничков В.П.* Екатеринбург—Владивосток (1917—1922). М., 1998. С. 80—81.
- ⁴⁸ *Лазерсон Моисей (Максим) Яковлевич*, литературный псевдоним — М. Я. Ларсонс (20 января 1887 — 1951 гг.). Окончил Митавское реальное училище и юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1910 г.). С 1908 г. — помощник присяжного поверенного. В 1914 г. — управляющий делами правления Акционерного общества Сысертского горного округа в Петербурге. В 1916—1917 гг. директор торгового отдела Акционерного общества Лысьвенского горного округа (Шуваловское общество) в Петербурге. В марте 1917 г. был избран в Адмиралтейскую районную Думу Петрограда, в июне 1917 г. гласный Петроградской городской Думы. В сентябре 1918 г. был приглашен на должность финансового советника посольства в Берлине, проработал до 7 ноября 1918 г., когда советское посольство было выслано из Германии. В начале 1919 г. в Особой комиссии по ревизии и реорганизации Центротекстиля. С марта 1919 г. в заграничной командировке (Финляндия, Швеция, Германия), работал в железнодорожной миссии Ю.В. Ломоносова по закупке паровозов в Германии и Швеции. В 1923—1925 гг. зам. начальника валютного управления Наркомата финансов. Участвовал в сортировке ценностей в Гохране. Вел переговоры о продажах платины, о чеканке советской серебряной монеты на Лондонском монетном дворе, о реализации старинного серебра из Гохрана. В апреле 1925 г., получив приказание возвращаться в СССР из заграничной командировки, покинул советскую службу, став невозвращенцем. Во второй половине 1920-х гг. жил в Латвии. Депутат Сейма Латвии, лидер еврейской партии *Seige Siop*. В 1932—1939 гг. жил в Женеве. В 1940 г. переехал в Австралию, где натурализовался в 1945 г. Играл заметную роль в местной еврейской общине, до 1948 г. был представителем Всемирного еврейского конгресса в Австралии.
- ⁴⁹ *Ларсонс (Лазерсон) М.Я.* В советском лабиринте. Эпизоды и силуэты. Париж, 1932. С. 48—54.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ *Бенуа А.Н.* Дневник. 1916—1918. 3-е изд. М., 2016. С. 693.
- ⁵² *Готье Ю.В.* Указ. соч. С. 99.
- ⁵³ Там же. По мнению И.Н. Левичевой, «вскрытие сейфовских ячеек закончилось в марте 1918 г.». Только в Москве было вскрыто 22 тыс. сейфов. Было выявлено золота на 300 тыс. руб., серебра — на 150 тыс. руб., государственных и частных процентных бумаг — на 450 тыс. руб., бумажных денег — на 48 млн руб., краткосрочных обязательств Государственного казначейства — на 6,5 млн руб., большое количество иностранной валюты (История Банка России 1860—2010. В 2 т. Т. 2. М., 2010. С. 62). Эти цифры фигурируют еще у З.В. Атлас (*Атлас З.В.* Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917—1925). М., 1940. С. 21). Ю.П. Бокарев сдвигает дату окончания ревизии сейфов на месяц дальше (апрель 1918 г.). См.: Денежное обращение в России: Исторические очерки. Каталог. Материалы архивных фондов. В 3 т. Т. 1.: Исторические очерки: с древнейших времен до наших дней. М., 2010. С. 236.
- ⁵⁴ *Гиндин А.М.* Указ. соч. С. 78.
- ⁵⁵ Там же. С. 77.
- ⁵⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР М., 1942. С. 197.
- ⁵⁷ *Гиндин А.М.* Указ. соч. С. 75—76.
- ⁵⁸ Баторевич Н.И. Указ. соч. С. 356.
- ⁵⁹ Благодарю за сообщенные сведения зав. отделом изобразительного искусства ГЦМСИР Панфилову Веру Петровну.
- ⁶⁰ ОР РНБ. Ф.149. Оп.1. Д. 8. Л. 42 об.
- ⁶¹ *Бенуа А.Н.* Указ. соч. С. 618.
- ⁶² *Ларсонс М.Я.* Указ. соч. С. 48—54. В своих воспоминаниях автор отводит целую главу для пересказа одной из драматических историй, которая закончилась самоубийством держателя сейфовской ячейки (Там же. С. 55—62).
- ⁶³ *Аничков В.П.* Указ. соч. С. 80.
- ⁶⁴ *Евгеньев С.Е.* Указ. соч. С. 295—322.
- ⁶⁵ *Гиндин А.М.* Указ. соч. С. 78.

История советской экономики

Мухин М.Ю.*

Технический переворот середины 1940-х годов. Взгляд с уровня завода

Аннотация: Практически сразу по окончании Второй мировой войны Советский Союз был вынужден вступить в новый этап противостояния с ведущими странами Запада. Этот этап традиционно называют «холодной войной». Одним из аспектов «холодной войны» во второй половине 1940-х годов стала необходимость для СССР в кратчайшие сроки обеспечить себя новейшей военной техникой и, в том числе — реактивной авиацией. Это, в свою очередь, потребовало капитальной модернизации всей авиапромышленности. По сути, речь шла о крупномасштабном техническом перевороте всей авиаиндустрии. Как правило, эти события рассматриваются с точки зрения всей отрасли. В этой статье автор поставил перед собой задачу рассмотреть процесс модернизации авиапромышленности в первые послевоенные годы с точки зрения одного авиапредприятия. В фокусе исследования — история освоения и серийного производства первого советского реактивного истребителя И-250. Анализ данного процесса позволяет понять, что из себя представляла советская «оборонка» (или хотя бы — советское авиастроение) тех лет, с какими характерными трудностями она сталкивалась в 1945—1946 годах, и в каких условиях происходило освоение принципиально новой военной техники на серийных оборонных предприятиях.

Ключевые слова: «оборонка», конверсия, «холодная война», реактивная авиация, авиастроение, авиапромышленность, послевоенный СССР, плановая экономика.

После завершения Второй мировой войны было бы логичным ожидать массовой реконверсии¹ советской промышленности с военных рельс обратно на выпуск продукции гражданского назначения. Однако реалии Холодной войны вскоре заставили советское руководство резко изменить курс обратно на милитаризацию экономики. Эту обратную конверсию существенно осложняли два обстоятельства. Во-первых, теперь рост выпуска военной продукции требовалось совместить с восстановлением разрушенной в ходе военных действий экономики западных регионов СССР. Во-вторых, следует учитывать, что в послевоенный период нельзя было ограничиться выпуском вооружений уже существующих классов, удовлетворяясь лишь сменой моделей продукции. На повестку дня встал вопрос о качественном обновлении ассортимента военной продукции — переводе авиастроения на реактивную тягу, старту работ по вертолётостроению и ракетостроению, овладению атомной энергией, качественной модернизации радиопроизводства с переходом от ламповых систем к полупроводниковым... По сути, ситуация 1930-х годов, когда в СССР практически «с ровного места» создавалась алюминиевая, танковая и авиамоторная промышленности во второй половине 1940-х — 1950-х годах повторилась в формате изрядно расширенном как количественно, так и качественно. Вновь требовалось одновременно увеличивать масштабы военного производства и осваивать выпуск принципиально новой, ранее никогда не производимой, техники. Однако на этот раз решать проблему технических инноваций приходилось в куда более сложных условиях. Во-первых, количество новых технологий, которые требовалось разработать и освоить, было, по сравнению

* Мухин Михаил Юрьевич — доктор исторических наук, Институт российской истории РАН.

с 1930-ми, попросту больше количественно. А во-вторых, возможность заимствования технического опыта из стран Запада в послевоенный период резко упала. Если в 1930-е годы «инотехпомощь» была одним из важнейших аспектов качественного развития советской «оборонки», то за весь послевоенный период можно привести единственный прецедент легальной закупки за рубежом технической документации для производства передовой техники военного назначения — приобретение в Великобритании в конце 1940-х годов лицензий на выпуск турбореактивных двигателей (ТРД) «Дервент» и «Нин». Определённую техническую информацию Советский Союз получал за счёт сбора трофеев и поступления репараций из советской зоны оккупированной Германии, некоторое содействие оказывала разведка², но основную массу научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) советским конструкторам и инженерам приходилось вести самостоятельно. Таким образом, это был первый в истории советского общества научно-технический переворот, осуществляемый преимущественно собственными силами.

Нельзя сказать, что бы тематика, связанная с этими событиями, вообще не была освещена в отечественной историографии. Качественные изменения в советской «оборонке» в послевоенное десятилетие и проблемы, связанные с конверсией и реконверсией промышленности в первые послевоенные годы, рассматривались историками и в контексте истории оборонной промышленности в целом³, и в разрезе отдельных отраслей «оборонки»⁴. Однако, как правило, уровень рассмотрения в этих работах был очень «высок», — ситуация обозревалась в масштабах, как минимум, целых наркоматов или министерств. Разумеется, такой взгляд «с высоты орлиного полёта» позволяет рассмотреть ситуацию в целом, вычленив генеральные тенденции и определить ключевые факторы, влияющие на общее положение дел. Однако у каждой монеты, наряду с аверсом, есть и реверс. Охватывая взглядом ситуацию в целом, исследователи, за редким исключением, упускали из вида положение дел на уровне цеха или завода. В результате мы нередко имеем достаточно полное представление о том, что именно происходило в советской «оборонке» в 1945—47 годах, но испытываем те или иные затруднения при ответе — «а почему оно происходило именно так?». В данной статье мы попытаемся закрыть эту досадную брешь в историографии. Разумеется, в рамках одной статьи технически невозможно рассмотреть все проблемы советской военной промышленности в послевоенное десятилетие. Однако в нашем распоряжении есть достаточно типичный образчик ситуации в советской «оборонке» периода технического переворота — история освоения и серийного производства первого советского реактивного⁵ истребителя И-250. Думается, что данное case study даст нам достаточно полное представление о том, что из себя представляла советская «оборонка» (или хотя бы — советское авиастроение) тех лет, с какими характерными трудностями она сталкивалась в 1945-46 годах, и в каких условиях происходило освоение принципиально новой военной техники на серийных оборонных предприятиях.

Итак, история И-250 началась ещё осенью 1943 г., когда, под влиянием полученных от разведки сведений об интенсивных работах над различными моделями реактивных самолётов за границей, наркомат авиапромышленности (НКАП) СССР получил указание форсировать аналогичные изыскания,

а 30 мая 1944 г. нарком авиапромышленности издал приказ, в котором была конкретизирована «нарезка задач» отдельным конструкторским бюро в плане создания самолётов с реактивными моторами разного типа. Так, А.С. Яковлеву было поручено оснастить истребитель Як-9 однокамерным жидкостным реактивным двигателем (ЖРД) РД-1 конструкции В.П. Глушко, а кроме того — специально разработать новый истребитель, под трёхкамерную версию того же двигателя. Такой же однокамерный двигатель РД-1 П.О. Сухой должен был установить на штурмовик Су-6. Перед С.А. Лавочкиным поставили задачу — разработать новый истребитель, оснащённый турбореактивным двигателем ТР-1 А.М. Люльки. Н.П. Поликарпов получил задание на конструирование экспериментального истребителя под двухкамерный ЖРД Л.С. Душкина. Наконец, сразу два КБ — А.И. Микояна и М.И. Гуревича, с одной стороны, и П.О. Сухого с другой — получили практически идентичные задания на разработку истребителя под воздушно-реактивный двигатель компрессионного типа (ВРДК) К.В. Холщевникова, совмещённый с поршневым мотором ВК-107А⁶. Из всего этого многообразия моделей успешно прошёл испытания только истребитель Микояна и Гуревича И-250, оснащённый ВРДК Холщевникова. 27 июля 1945 г. нарком авиапромышленности издал приказ № 311, предписывавший заводу № 381 построить головную серию истребителей И-250 в количестве 10 машин⁷. Соответственно, завод № 155⁸ начал готовить передачу на завод № 381 стапельного хозяйства, оснастки и чертежей⁹.

Как уже говорилось, И-250 стал первым самолётом с реактивным двигателем, который в СССР было решено производить серийно. Логично было бы предположить, что столь сложное и ответственное дело будет поручено лучшему из лучших авиапредприятий Советского Союза, своеобразной элите Авиапрома. Что ж, обратимся к фактам. Заказ на И-250 был передан заводу № 381, поэтому будет целесообразно сперва рассмотреть собственно этот завод, как таковой.

Первое авиапредприятие с этим номером было создано в Ленинграде. На весну 1941 г. этот завод входил в состав «бомбардировочного» главка НКАП и числился в составе предприятий, находящихся в процессе запуска производства с плановым сроком полного завершения строительных работ и вступления в строй — 1 января 1942 г¹⁰. Впрочем, уже на 1941 г. ему был назначен производственный план в 300 штурмовиков Ил-2. Надо отметить, что заводы, предназначенные для производства штурмовиков, относились к числу особо приоритетных предприятий. Скажем, на завод № 381 приходилось по плану 1941 г. около 6% всех ассигнований, выделенных на капитальные вложения по двум «самолётным» главкам. На 1 января 1941 г. на заводе уже работало 2506 человек, а в состав оборудования входило 343 металлорежущих станка.

Приграничное положение города на Неве диктовало первоочередную эвакуацию именно ленинградских авиапредприятий. В один день, 30 июня 1941 г. заводы № 380 и 381 (в эвакуации были слиты в единый завод № 381) начали эвакуацию из Ленинграда в Нижний Тагил, причём никаких корректив в план по выпуску Ил-2 в связи с эвакуационными процессами не вносилось. Всего в Нижний Тагил было вывезено 8171 сотрудник завода (члены семей персонала прибыли позже) и 1188 станков. Помимо этого, был вывезен значительный

«задел», позволявший обеспечить сборку порядка 70 машин. Так как вывести с берегов Ижоры цех стального литья не представлялось возможным, на его базе позднее был создан новый завод № 496. Надо отметить очень высокий темп эвакуационных мероприятий. Оборудование и основные материалы были вывезены до 15 июня, а персонал (без членов семей) — до 1 августа. В Нижнем Тагиле объединённый завод № 381 был размещён в корпусах Уралвагонзавода, и в течение 15—25 августа большинство цехов возобновило работу. Уже 26 августа первая машина была окончена сборкой и принята военприёмкой¹¹. Всего за 1941 г. завод сдал 27 штурмовиков, а за 1942 — 243 машины¹².

К маю 1942 г. предполагалось выйти на уровень выпуска 7 самолётов в сутки. Однако такое развёртывание производства требовало строительства новых производственных корпусов. Между тем, IV трест Главного управления капитального строительства (ГУКС), работа которого в интересах заводов № 380 и 381 и в Ленинграде оценивалась заводским руководством крайне низко, в эвакуации успехами так же не радовал. ГУКС оправдывался постоянной нехваткой рабочей силы. Так, 16—20 августа на строительстве корпусов завода № 381 из запланированного числа — 1538 рабочих, фактически работало лишь 566 человек. Завод № 381 выделил на стройку 1600 своих рабочих, однако IV трест ГУКС не смог обеспечить им фронт работ, что подтверждало мнение заводоуправления о том, что корень всех бед был отнюдь не в нехватке рабочей силы¹³. Пытаясь разрубить гордиев узел, НКАП разразился постановлением, в котором от ГУКС требовалось не позднее 10 ноября 1941 г. перебросить в Нижний Тагил не менее 1500 квалифицированных рабочих и установить «лимит количества рабочих на строительстве завода № 381 не менее 3000 чел.»¹⁴. Продолжали оставаться очень тяжёлыми бытовые условия заводчан. Питание и медицинская помощь были поставлены из рук вон плохо¹⁵. Пытаясь хоть как-то исправить положение, руководство НКАП добилось передачи заводу для организации подсобного хозяйства совхоза «Нижнетагильский» из состава Наркомсовхоз РСФСР¹⁶. Очень тяжёлой оставалась ситуация с жильём. Для 8170 эвакуированных рабочих удалось организовать следующие варианты размещения:

В «Соцгородке» (в пределах Нижнего Тагила, близ завода) — 2900 чел.;

В Нижнем Тагиле (12 км. от завода) — 2700 чел.;

В селе Лая (20 км. от завода) — 750 чел.;

В посёлке Сан-Донато (30 км. от завода) — 800 чел.;

В посёлке Шайтанка (35 км. от завода) — 300 чел.;

В посёлке Самса (20 км. от завода) — 721 чел.¹⁷

С течением времени ситуация если и улучшилась, то не кардинально, поэтому на I квартал 1943 г. численность персонала завода сократилась до 7930 человек¹⁸. Ввиду сложившейся ситуации, весной 1943 г. было принято решение о реэвакуации завода в Москву, на производственную площадку эвакуированного в Иркутск¹⁹ завода № 39. Правда, часть производственных площадей московской площадки пришлось передать под опытный авиазавод № 81, ставшим базовым для конструкторского бюро Лавочкина, но было очевидно, что даже и в этом случае условия размещения в Москве были существенно лучше уральских. Смена места дислокации привела и к смене производимой продукции. От выпуска штурмовиков Ил-2 завод перешёл к производству истре-

бителей Ла-5. Соответственно, изменилось и подчинение предприятия. Если на IV квартал 1942 г. завод № 381 числился среди предприятий X Главного управления (ГУ) НКАП, отвечавшего за выпуск штурмовиков и бомбардировщиков²⁰, то на 1 апреля 1943 г. завод вообще не значится среди действующих предприятий НКАП (вероятно, в этот момент предприятие находилось «на колёсах», осуществляя переезд)²¹, а на начало 1945 г. завод № 381 был указан в составе I («истребительного») главка НКАП²². Всего в 1943 г. завод отчитался 239 истребителями Ла-5²³. В следующем году завод постепенно сворачивал производство Ла-5 и переходил на выпуск новой модели того же ряда — Ла-7. Результаты этой деятельности можно трактовать двояко. С одной стороны, суммарный объём авиавыпуска, по сравнению с 1943 г., возрос. С другой — плановое задание, называя вещи своими именами, было сорвано.

Таблица 1

Выпуск самолётов на заводе № 381 в 1944 г.

Месяц	План ГКО	Принято Ла-5 «по бою»	Принято Ла-7 «по бою»	Отправлено Ла-5 и Ла-7
Январь	50	50	0	41
Февраль	50	52	0	60
Март	81	83	0	69
Апрель	75	37	3	56
Май	75	8	11	8
Июнь	73+5 ²⁴	0	43	52
Июль	78	0	78	64
Август	81	0	85	36
Сентябрь	78	0	85	116
Октябрь	78	0	104	86
Ноябрь	72	0	100	52
Декабрь	78	0	90	121
Итого	874	231	599	761

Источник: ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11287. Д. 2450. Л. 4.

Анализируя эти цифры, нельзя забывать, что отчётность авиавыпуска имела несколько форм, имевших различную приоритетность для разных ведомств. ВВС было заинтересовано в учёте самолётов, окончательно принятых военпредом, и готовых к отправке на фронт (отчётность «по бою»), а НКАП в первую очередь интересовался числом самолётов, законченных сборкой (отчётность «по сборке»). При этом самолёты, сданные «по сборке», но не «по бою» в прошлом месяце, могли быть приняты военпредом в следующем месяце, квартале или даже — году. В результате каждый завод вёл две системы отчётности, при этом данные одной системы могли колебаться относительно значений другой системы в достаточно широком диапазоне. Так, например, авиапромышленность в 1944 г. зачла заводу № 381 сданными 221 Ла-5 и 638 Ла-7²⁵.

Однако вернёмся к ситуации на заводе № 381. Как уже говорилось, годовой план, вне зависимости от способа подсчёта, выполнен не был.

С другой стороны, налицо была положительная динамика. В течение года завод перестал приносить убытки и стал рентабельным. Добиться этого уда-

лось не бухгалтерскими ухищрениями, а методичной и постоянной работой по снижению себестоимости единицы продукции.

Таблица 2

Себестоимость одного самолёта выпуска завода № 381 в 1944 г. (тыс. руб.)

Месяц	Плановая стоимость	Фактическая стоимость
Январь	195	243,7
Февраль	195	224,9
Март	195	201,0
Апрель	210	208,0
Май	-	-
Июнь	300	276,6
Июль	233	238,7
Август	233	227,7
Сентябрь	233	194,8
Октябрь	220	194,8
Ноябрь	220	190,7
Декабрь	220	190,7

Источник: ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11287. Д. 2450. Л. 13.

Резкий скачок себестоимости в июне 1944 г. объясняется переходом завода с производства Ла-5 на выпуск Ла-7. Как видим, при общем положительном тренде, в августе заводской администрации удалось перейти «рубеж рентабельности» и снизить себестоимость ниже плановых данных.

Интересно, что в конце 1943 г., планируя выпуск 1944 г., руководство НКАП всерьёз озаботилось снижением себестоимости авиатехники за счёт коррекции цен на поставляемые полуфабрикаты и агрегаты. На такие изделия могло приходиться до половины заводской себестоимости. Так, 21 августа 1943 г. Шахурин писал в Госплан: «Действующие отпускные цены на изделия, поставляемые НКАПу в порядке кооперации, по ряду предприятий, не пересматривались в течение нескольких лет. В результате во многих случаях, цены резко отличаются от фактически достигнутой себестоимости, чем неоправданно удорожается себестоимость продукции НКАПа. Считая такое положение ненормальным, прошу, в порядке подготовки к заключению договоров на 1944 г., представить в ПЭО²⁶ НКАП не позднее 01.10.1943 действующие отпускные цены, фактические данные по себестоимости за последние 2—3 месяца и расчётные материалы по намеченным отпускным ценам на 1944 г. по следующим изделиям: манометры воздушные, перепускные краны, часы АВР, АЧО, АЧХО, высотная аппаратура, кислородные приборы, редуктора воздушные, авиаштамповки и поковки, зеркала обзора, слюда всех марок, резиновые изделия, бронекозырьки, бронеизделия, детали из пластмассы...»²⁷. Видимо, в снижении отпускных цен на 1944 г. сказался и фактор удешевления поставляемых авиапромышленности агрегатов и материалов.

Правда, непосредственно для завода резкое снижение себестоимости имело не только положительные стороны. Точно так же, как НКАП вёл борьбу за рентабельность предприятий, руководство ВВС стремилось сократить расходы на приобретение новой авиатехники, и боролось за снижение отпускных цен.

В частности, в прейскуранте отпускных цен на первый квартал 1945 г. цена Ла-7 выпуска завода № 381 была урезана, по сравнению с последним кварталом 1944 г., на 20%.

Таблица 3

**Прейскурант отпускных цен на I кв. 1945 г., согласованный НКАП и ВВС
21 декабря 1944 г. (тыс. руб.) (самолёты без моторов)**

Тип техники	№ завода	Отпускная цена на IV кв. 1944 г.	Отпускная цена на I кв. 1945 г.
Ла-7 (АШ-82ФН)	21	135	125
Ла-7 (АШ-82ФН)	381	245	195
Ла-7 (АШ-82ФН)	99	310	310

Источник: РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2941. Л. 83—84.

И вновь вернёмся от проблем советского Авиапрома в целом к ситуации на конкретном заводе. Очевидно, что добиться такого последовательного снижения себестоимости и связанной с ней отпускной цены было возможно лишь за счёт технической оптимизации производственных процессов. Основной упор в технологическом совершенствовании заводского оборудования делался на внедрение поточного и конвейерного производства. Суть поточного метода была достаточно чётко сформулирована в обзоре Госплана «О перестройке и развитии народного хозяйства СССР в период Великой Отечественной войны»: «... Что касается организации массового поточного производства, то его основным условием является дробление технологического процесса на множество мелких последовательно совершаемых операций, которые, не требуя от работника высокой квалификации, в целом, сокращают расход материалов и время производства готового изделия»²⁸. Именно эта технологическая новация стала своеобразным «хитом» советской авиапромышленности в 1943 г., позволившим резко интенсифицировать суммарный выпуск авиатехники. Начавшись с весны 1943 г., к 1945 году процесс внедрения поточных линий в авиапроизводство достиг внушительных размеров.

Таблица 4

Рост числа поточных линий на важнейших самолётостроительных заводах

Номер завода	Тип производимого самолёта	Число поточных линий	
		1943 г.	1945 г.
1	Ил-2	18	38
18	Ил-2, Ил-10	9	65
21	Ла-5, Ла-7	21	28
22	Пе-2	-	28
153	Як-9	-	27
292	Як-3	-	30

Источник: Самолётостроение в СССР. 1917—1945. Кн.2. М., 1994. С. 225.

Соответственно, и завод № 381 развивался в общем тренде. Всего в 1944 г. на заводе было внедрено или отработывалось уже 15 поточных линий.

Характерным примером внедрения поточных технологий на заводе № 381 может служить ситуация в цехе № 17 (центропланый). В этом подразделении в апреле—мае была подготовлена к пуску поточная линия сборки центропланов. Разработанная технология базировалась на принципе разбиения производственного процесса на операции равной трудоёмкости, причём оснастка для каждой операции проектировалась исходя из задачи снижения трудоёмкости суммарной. Это позволяло снизить загрузку квалифицированных рабочих. Всего технологический процесс был разбит на 34 станда, из них 3 станда были предназначены для стапельной сборки, 2 — для внестапельной, а остальные — для внестапельной сборки на эстакадно-поточной линии. Численность ступелей и рабочих на каждом участке определялась необходимостью обеспечить заданный ритм работы всей поточной линии в целом. 7 июля 1944 г. поточная линия была пущена с ритмом «2 часа на один производственный цикл» при расчётной производительности «4 центроплана за смену». Освоив новую методику, с 20 августа цех при той же длительности одного производственного цикла начал выпускать уже 5 центропланов за смену. В результате новой организации производственного процесса, к концу 1944 г. цех, по сравнению с 1 июля 1944 г., добился следующих успехов: товарный выпуск продукции вырос на 64%, трудоёмкость работ снизилась на 23%, время на изготовление одного изделия снизилось на 60%, а брак — на 3%²⁹. Всего же, в результате перехода на поточное производство, трудоёмкость Ла-7 с 19750 нормо-часов (уровень апреля 1944) к концу года снизилась до 7851 нормо-часов³⁰. Очевидно, что именно этот фактор и обеспечил снижение себестоимости одного самолёта, описанное выше.

Помимо активного внедрения поточного и конвейерного производства, успехи завода № 381 объяснялись ещё и пристальным вниманием к вопросам контроля качества. По мнению военной приёмки, на рубеже 1943—1944 г. отдел технического контроля (ОТК) завода работал крайне плохо, в результате чего военпред, прикомандированный к предприятию добился снятия с должности не только начальника ОТК, но и обоих его заместителей³¹. Вообще, судя по документам, складывается впечатление, что военпред, будучи формально прикомандированным к заводу офицером ВВС и не имея, де-юре, никаких прав на вмешательство во внутривзаводские вопросы, тем не менее, обладал достаточно мощными рычагами влияния на заводскую администрацию. Впрочем, было понятно, что простой заменой одного только руководства ОТК дело не поправить — в состав отдела технического контроля были переведены кадры соответствующей квалификации, налажено клеймовое хозяйство, упорядочена техническая документация, внедрены эталоны на детали и проверка важнейших деталей на магнитном дефектоскопе³². Большое внимание было уделено сугубо управленческой организации и оптимизации процесса борьбы с распространёнными и многократно повторяющимися дефектами — налаживанию учёта повторяющихся дефектов и контроля принятых решений, утверждённых в протоколах устранения конструктивных и производственных дефектов³³. Хотя до разветвлённых систем контроля качества, получивших распространение в советской авиапромышленности послевоенного периода было ещё далеко, фундамент той, ещё только проступавшей контурами сквозь предложения ОТК, системы, уже закладывались именно тогда — в 1944 г. Одновременно с этим, систему контроля и учёта стремились отстроить не толь-

ко на уровне общезаводского отдела технического контроля, но и обеспечить её «низовым звеном». Так, все производственные цеха и материальные склады были охвачены так называемым «летучим контролем» военного представительства, в функции которого входила проверка материалов на складах, а так же проверка деталей на промежуточных и окончательных стадиях производства³⁴.

Сочетание технических нововведений и выстраивание многоуровневой системы контроля качества не замедлило дать результаты. С сентября 1944 г. началось резкое снижение потерь от брака в денежном выражении³⁵. Характерно, что именно с сентября 1944 г. — то есть сразу после «августовского перехода» — предприятие удерживало переходящее красное знамя и занимало первое место в социалистическом соревновании среди авиазаводов³⁶, что, в определённой мере, объясняло выбор именно этого завода для производства И-250.

К сожалению, с начала 1945 г. ситуация на заводе вновь начала ухудшаться. Как мы уже знаем, приказ о начале производства на предприятии И-250 был отдан лишь летом, так что всё первое полугодие именно Ла-7 был главной продукцией предприятия. Да и во второй половине года выпуск на заводе № 381 Ла-7 продолжился. Всего за год было сдано 660 истребителей этого типа³⁷. При этом спор по поводу согласования отпускной цены на Ла-7 выпуска завода № 381 был столь жарким, что 13-17 марта 1945 г., когда НКАП и ВВС определяли цены на II квартал 1945 г. (т.е., последний квартал военного времени), найти консенсус по этому вопросу так и не удалось. Поэтому итоговые отпускные цены на эти типы и модели были директивно установлены 17 апреля 1945 г. Совнаркомом.

Таблица 5

Отпускные цены на типы и модели (самолёты без моторов), вызвавшие разногласия между НКАП и ВВС и урегулированные постановлением СНК (тыс. руб.)

№ завода	Модель	Предложения ВВС	Предложения НКАП	Постановление СНК
21	Ла-7 (АШ-82ФН)	118	125	120
82	Як-9 (ВК-107А)	171	200	185
166	Як-9 (ВК-107А)	138	142	138
292	Як-3 (ВК-105ПФ)	122	130	127
381	Ла-7 (АШ-82ФН)	180	195	180
23	Ту-2 (2АШ-82ФН)	570	590	570
471	По-2 (М-11Д)	42	44	Н.д.
1, 18	Ил-10 (АМ-38Ф)	250	275	271

Источник: РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2941. Л. 22, 29—30.

Как видим, в среднем, Совнарком принял равноудалённую позицию, в ряде случаев прислушиваясь к аргументам военных, а иногда — принимая сторону авиастроителей. Однако в отношении продукции завода № 381 Совнарком встал на точку зрения именно военного ведомства.

Помимо сугубо финансовых, у этого спора была и ещё одна сторона. Дело в том, что в декабре 1944 — январе 1945 г. вновь резко пополз вверх график числа дефектов, не обнаруженных своевременно военприёмкой завода и вскрытых только после прибытия Ла-7 в войска³⁸. 6 марта выяснилось, что Ла-7 производства завода № 381 имеют вес на 60—65 кг. больше эталона³⁹. За-

вод пытался парировать эти претензии ссылками на то, что ВВС в своё время потребовали дооснастить истребитель различным дополнительным оборудованием, существенно повышавшим боевой потенциал самолёта. Действительно, по требованию ВВС КА и НКАП на Ла-7 стал устанавливаться радиополукомпас РПК-10 с необходимой для функционирования этой системы проводкой, автоматика винтомоторной группы (так называемая система «винт-газ»), антенная мачта, отопление маслосистемы, управляемый триммер руля поворота и пылефильтр. Однако ВВС были непреклонны, указывая, что суммарный вес всего вышеперечисленного составляет лишь 32,5 кг, то есть 28-32 кг «перевеса» приходилось на недоработки завода. Дирекции предприятия было предъявлено требование к 1 апреля 1945 г. довести вес сдаваемых Ла-7 до веса эталона — 3250 кг. с максимальным допустимым перевесом не более 32,5 кг. К сожалению, в дальнейшем ситуация исправляться не спешила. В апреле 1945 г. отмечалось, что на заводе № 381 изменения в самолётах по чертежам ведущего завода № 21 внедряются с большой задержкой, а соблюдение контуров агрегатов самолёта и аэродинамической отделки — слабо контролируется, что сказывается на скоростных данных самолёта. Более того — военпред завода констатировал, что «...в изготовлении агрегатов самолёта допускаются отступления от требований серийной технологии»⁴⁰, что не лезло уже вовсе ни в какие ворота. Было очевидно, что удержать взятую в конце 1944 г. планку не удастся. Хуже всего дело обстояло со скоростными характеристиками сдаваемых самолётов. В реалиях Великой Отечественной войны максимальная скорость была едва ли не главной характеристикой истребителя, определявшей его боевой потенциал. И вот именно в этом, ключевом, параметре, Ла-7 производства завода № 381 перестали соответствовать установленным требованиям. 26 апреля 1945 г. военпред завода отмечал, что согласно тактико-техническим характеристикам, приведённым в договоре между НКАП и ВВС на 1945 г., скорость самолёта Ла-7 должна была составлять:

У земли на номинале — 597 км/ч.

На I границе высотности — 670 км/ч.

На II границе высотности — 685 км/ч.

В то же время, при контрольных серийных испытаниях Ла-7 № 3810760, выпущенного в I квартале 1945 г., была получена скорость:

У земли — 585 км/ч.

На I границе высотности — 657 км/ч.

На II границе высотности — 668 км/ч.

Таким образом, отклонение скорости было намного больше разрешённого в договоре допуска (1%). Время было военное, шутить с такими вещами никто не собирался, поэтому военпред отчёт по испытаниям не утвердил и прекратил оформление самолётов «по бою»⁴¹. Хотя недобор скорости был оперативно устранён, и сдача самолётов возобновилась, это был очень нехороший знак — завод снова скатывался к аврамам и штурмовщине. В мае тревожный звоночек, прозвеневший в апреле по поводу недобора скорости, перешёл в ревущую сирену. На испытаниях в НИИ ВВС самолёта № 38102663 апрельского выпуска на II границе высотности было получено и вовсе не более 661 км/ч., что явно

уже выходило за рамки допустимого. При анализе столь вопиющего недобора скорости были выявлены следующие дефекты:

1. Герметизация кабины была не то что бы нарушена... её попросту не было.
2. Мотор работал плохо, с перебоями, сбрасывая по 200—300 оборотов в минуту (два цилиндра требовали замены).
3. На моторе было заменено левое магнето, причём паспорта на это магнето найдено не было.
4. Левый внутренний посадочный щиток не прилегал к фюзеляжу, в результате чего образовывалась щель в 8 мм.
5. Патрубок шестого цилиндра двигателя был попросту обломан.
6. На хомутах значительного числа выхлопных патрубков не было обнаружено контрольных гаек.
7. Хотя после 25 часов работы мотор по инструкции нуждался в техническом обслуживании, мотор данного самолёта, отработавший 32 часа, никаких регламентных работ так и не дождался.
8. Один из важнейших агрегатов мотора — регулятор смеси РС-2 был распломбирован⁴².

Заводоуправление пыталось возражать, апеллируя к тому, что единичный прецедент не должен блокировать сдачу вообще всех самолётов предприятия. Однако Главное управление заказов (ГУЗ) ВВС КА резонно отвечало, что, разумеется, 661 км/ч — это действительно аномально малый показатель, но ведь и характерные значения Ла-7 выпуска завода № 381 на II границе высотности — 667 и 668 км/ч. — тоже ниже порога, установленного ГКО⁴³. В результате приём Ла-7 выпуска завода № 381 вновь прекратился, и был возобновлен лишь в августе. Впрочем, видимо, в августе приёмка была восстановлена уже окончательно, а вообще-то приёмка истребителей, вероятно, возобновлялась и ранее, но носила эпизодический характер. Так, например, за июль 1945 г. завод № 381 сдал (без учёта запчастей группкомплектами и россыпью) «по бою» 52 самолёта Ла-7, «по сборке» — 40, при этом 33 машины были отправлены в части⁴⁴. В пользу предположения о возобновлении сдачи истребителей уже в июле говорит так же и то обстоятельство, что по итогам первого полугодия 1945 г. завод № 381 даже несколько перевыполнил план, сдав (но не понятно, «по бою» или по «сборке») 684 Ла-7 при плане в 634 машины. Кроме того, заводом в тот год были произведены сборка и облет 49 Ла-7, прибывших с завода № 21, а, помимо этого, заводскими бригадами 321 самолет (в том числе 290 Ла-5 и Ла-7, 28 Ил-4 и 3 ленд-лизовских бомбардировщика «Бостон») был отремонтирован в воинских частях⁴⁵.

Кроме того, на решение задержать приём «по бою» самолётов завода № 381 повлиял и поток рекламаций на уже произведённые истребители. Так, например, 18 мая 1945 г. на завод поступило письмо, в котором сообщалось, что «при приёме самолётов Ла-7 изготовления завода № 381 в 4 Воздушной Армии, обнаружено очень много производственных дефектов»⁴⁶. 20 июня на контрольных испытаниях в НИИ ВВС серийного Ла-7 № 38102668 вследствие плохого производственного исполнения самолёта заводом № 381 (около 50 производственных дефектов), испытания прошли неудовлетворительно⁴⁷. Справедливости ради, надо отметить, что, скажем, на Ла-7 производства завода № 21 приблизительно в это же время также регулярно поступали претензии

и рекламации⁴⁸. Видимо, настрой «победа любой ценой!», характерный для советского общества в 1943—1944 годах, по мере продвижения фронта на запад постепенно сменялся на некоторую расслабленность, и к весне 1945 г. снижение качества производства стало общим местом советского авиапрома. Косвенно этот вывод подтверждают помесечные данные НКАПа по труду.

Таблица 6

Показатели НКАП по труду и зарплате за март-декабрь 1945 г.

	среднесписочное число рабочих за месяц	число рабочих, совершивших прогул	прогулы (человеко-дней)	отработано тыс. человеко-часов	Средний процент выполнения норм по отработанному времени (%)	отработано сдельно (%)
январь	407245	3801	47044	91531	156,7	94,5
март	415745	3909	42633	96267	156,9	94,9
апрель	417477	2669	42047	93790	159,6	94,9
июнь	416355	4401	45707	82769	158,9	95,0
июль	415211	3984	51157	72963	161,1	94,6
август	405161	5235	83875	69890	162,0	94,8
сентябрь	391714	4924	96090	57466	158,4	94,1
октябрь	380620	4547	94323	60062	158,8	92,7

Источник: РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 4482. Л. 5—6, 20, 23, 26, 28, 33, 36, 39, 42, 46, 48, 52, 54, 57, 58.

Как видим, речь идёт о тенденции, характерной для всей авиастроительной отрасли в целом, а не только для завода № 381. Начиная с августа, число прогульщиков и суммарная длительность прогулов резко увеличиваются, а число отработанного времени наоборот — идёт на спад. При этом соотношение выполненных норм к фактически отработанному времени и процент работ, отработанных по сдельной системе труда, позволяет говорить о том, что интенсивность работ, выполняемых теми сотрудниками авиапромышленности, которые не манкировали своими обязанностями, существенно не упала. Но вот число таких ответственных работников действительно сократилось. А падение трудовой дисциплины, выразившееся в росте прогулов (потери рабочего времени от прогулов в октябре вдвое больше, чем в январе!!!) не могло не отразиться на качестве работ. Выходившим на смену рабочим приходилось работать и за себя, и «за того парня», в результате чего качество резко пошло вниз.

Однако, как уже говорилось — это была тенденция всего авиапрома, и решить проблему путём передачи заказа на И-250 на другой завод, не представлялось возможным. Руководство НКАП было вынуждено выбирать лучшее из того, что было в его распоряжении, и не его вина, что даже лучшие заводы имели свои «узкие места».

Итак, что из себя представлял завод № 381 на начало 1945 г.? На этот момент предприятие располагало 110042 м² заводской площади, из них 73456 м² приходилось на собственно производственные цеха, и 10936 человек персонала (из них 9006 — промышленно-производственных рабочих)⁴⁹. На первый взгляд, не так уж мало. Завод имел неплохой опыт освоения новой техники. Начав производство Ла-7 только летом 1944 г., за 6 месяцев в конструктор-

цию этого самолёта на заводе было внесено 44 изменения⁵⁰. Однако следует учитывать, что до начала работ по реактивной тематике завод выпускал Ла-5 и Ла-7. Так как эти самолёты имели цельнодеревянный фюзеляж, а И-250 был цельнометаллическим, уже только это обстоятельство грозило серьёзно затруднить освоение новых моделей.

Тем не менее, распоряжение о производстве истребителей с реактивными двигателями было получено, и его следовало выполнять. Дополнительную сложность ситуации добавляло то обстоятельство, что синхронно с И-250 завод № 381 должен был осваивать ещё один реактивный истребитель — Ла-150. Этот самолёт был разработан позже И-250, но так как испытания И-250 серьёзно затянулись, в серийном производстве обе модели осваивались практически одновременно. 20 июня 1945 г. на завод № 381 с опытного предприятия № 81 начали поступать чертежи машины «М-150»⁵¹ (с ЖРД⁵² ЮМО-004)», причём окончательной датой сдачи чертежей на тот момент было названо 1 августа. Пока же на заводе № 81 только заканчивалась сборка макета будущего Ла-150 и компоновка его агрегатов⁵³. К 1 июля макет был собран окончательно, а на завод № 381, параллельно с продолжающимся поступлением документов, был спущен первый заказ на готовые изделия для машины «150»⁵⁴. Завод должен был выпустить первый Ла-150 к 1 ноября, следующую пару — в ноябре и последние два — в декабре 1945 г.⁵⁵

Правда, во второй половине месяца конструкторский коллектив Лавочкина был вынужден признать, что победные релижи о завершении работ над макетом машины «150» оказались несколько преждевременными. При окончательной компоновке фюзеляжа «в сборе» были выявлены «значительные отступления от теоретических контуров по фюзеляжу в сечениях стыка с крылом»⁵⁶, после чего пришлось признать, что макет нуждается в существенной доработке. Тем не менее, чертежи машины «150» продолжали поступать на завод № 381 в соответствии с утверждённым графиком. В эту же декаду (10—20 июля) завод принял заказ «на головную серию самолёта “Микоян-Н” с мотором ВК-107А и ускорителем ВРД», хотя формально приказ наркома авиапромышленности № 311, в котором, собственно, предписывалось заводу № 381 произвести 10 самолётов «Н», был датирован лишь 27 июля⁵⁷. Практически одновременно с заказом на завод поступила и часть чертежей микояновской машины — в частности, документация по производству моторамы и кислородного оборудования⁵⁸. Выше уже говорилось, что для машины «150» были установлены достаточно жёсткие сроки выполнения — от поступления на завод всех чертежей до сдачи первого экземпляра должно было пройти всего 2 месяца. Но в отношении И-250 сроки устанавливались воистину драконовские. Уже в сентябре должны были быть готовы две первые машины, в октябре — три и в декабре — последние пять⁵⁹. С учётом того, что окончательно вся конструкторская документация, плазы, шаблоны и оснастка должны были быть переданы на завод № 381 не позднее 30 июля, на производство первой пары самолётов «Н» оставалось даже меньше двух месяцев.

Начиная с июля, в ежемесячном отчёте военпреда завода № 381 появляется постоянный раздел «готовность такого-то цеха к запуску машины “Н”». Правда, на первых порах, в этом разделе в основном упоминались агрегатные цеха. Так,

в июле 1945 г. цех № 17 получил уже 20—25% требуемых чертежей (хвостовая часть фюзеляжа и фонарь), и на основании полученной документации приступил к разработке укрупнённого технологического процесса. Цех № 24 получил 118 чертежей, из которых 37 были незамедлительно запущены в производство. Однако отсутствие надлежащей оснастки существенно тормозило работы⁶⁰.

Как уже говорилось выше, на старте работ по внедрению в серийное производство Ла-150 обладал некоторой форой по сравнению с И-250, однако микояновцы достаточно быстро вырвались вперёд. На 1 августа обеспеченность чертежами их истребителя составляла уже 90%, а с завода № 81 сумели доставить лишь 60% необходимых чертежей⁶¹. Наконец, к 20 августа чертежи машины «Н» были полностью переданы на завод № 381⁶². Это позволило наметить сдачу 10 серийных машин на сентябрь⁶³. По Ла-150 на завод к этому моменту было передано лишь 70% необходимой конструкторской документации, зато синхронно с чертежами с завода № 81 передавались и готовые стапеля. К этому моменту график сдачи чертежей машины «150» уже был серьезно нарушен, но завод № 81 ссылался на то, что сроки срывает непосредственно Главный Конструктор⁶⁴.

Завод всё ещё продолжал выпускать Ла-7. Хотя «по бою» в августе военпред не принял ни одной машины, «по сборке» предприятие отчиталось 50-ю Ла-7, и 6 машин было отправлено в действующую армию⁶⁵. При плановом задании в 42 фюзеляжа завод произвёл 43, аналогичная картина была с центропланами. В заделе оставалось ещё 10 фюзеляжей и 21 центроплан. Несколько хуже была ситуация с другими агрегатами. Из 47 запланированных моторов было произведено лишь 34, а из 68 запланированных лафетов — только 50. Тем не менее, на заводе всё ещё оставался задел в 12 моторов и 3 лафета. Как видим, по крайней мере, по количеству, к лету 1945 г. завод уверенно справлялся с выпуском Ла-7, но ... в августе была официально завершена производством 73-я серия — последняя серия Ла-7 выпуска завода № 381⁶⁶. Несмотря на невыполнение плана в августе, на сентябрь план по моторам и лафетам был снят, а уже имеющийся задел был зачтён в сентябрьском отчёте как «детали россыпью»⁶⁷. Становилось очевидным, что во главу угла всех работ на заводе теперь были поставлены работы по реактивным машинам. К 1 сентября работы по этим проектам перешли в практическую плоскость. По машине «Н» было запущено производство сразу 10 комплектов деталей шасси. Однако ряд наиболее ответственных узлов и агрегатов (камера сгорания, воздухоприёмник, набор шпангоутов хвостовой части фюзеляжа, лонжероны крыла) были запущены в производство только для первых двух экземпляров. Сентябрьский план производства машины «Н» предусматривал сдачу 10 моторов и 10 лафетов, но на 1 сентября обеспеченность цеха № 24, отвечавшего за выпуск этих агрегатов, по моторам составляла 80% деталей, а по лафетам — 60%. Соответственно, готовность хотя бы первой машины «Н» оценивалась по мотораме и лафету лишь в 30%⁶⁸. Приблизительно такие же оценки давал и цех № 14, загруженный производством шасси. Получив задание обеспечить выпуск в сентябре 2 комплектов шасси в сборе, цех располагал по двадцати процентов деталей для выпуска амортизационных стоек шасси и хвостового костыля⁶⁹. Вообще, трезво оценив свои возможности и сложность поставленных перед заводом задач, от первоначальной идеи сдать все 10 истребителей «Н»

уже в сентябре заводоуправление отказалось. Более взвешенный план предлагал в сентябре лишь частично (средняя и хвостовая часть фюзеляжа) собрать хотя бы два экземпляра машины «Н»⁷⁰. Следовало учитывать, что на 1 сентября на заводе для производства этого самолёта не доставало 273 наименования деталей, а так же двух ступелей — стыковки и сборки фонаря.

К этому моменту конструкторское бюро Лавочкина наконец-то передало на завод № 381 полный комплект чертежей самолёта «150», а сотрудники завода в первых числах месяца заканчивали установку основного сборочного стапеля. Хотя для производства самолёта «150» на заводе недоставало 198 наименований деталей, но хотя бы фюзеляж одного экземпляра этого истребителя в сентябре сдать всё же планировалось⁷¹. Из 26 чертежей, полученных цехом по производству шасси, в производство были запущено 13⁷².

При оценке дальнейшей деятельности завода по производству самолётов «Н» и «150» следует постоянно «держать в уме» ещё одно очень важное обстоятельство. Как мы уже писали выше, завершение Второй мировой войны и переход советской экономики на мирные рельсы потребовал максимально быстрой и широкой реконверсии индустрии. Предприятия в спешном порядке переводились на выпуск гражданской продукции. Эта тенденция не миновала и авиапромышленность, причём относительная «демилитаризация» Авиапрома началась ещё в годы войны⁷³. Уже в феврале 1943 г. в отчёте авиапромышленности по основной деятельности значатся станки металлорежущие, гильотинные ножницы, высадочные автоматы и пр.⁷⁴ Достаточно широко было поставлено производство на предприятиях НКАП различного оборудования в интересах наркомата судостроения — электротахометры, тахометры центробежные и ручные, гибкие валики, манометры, маятниковые дифференциалы и пр.⁷⁵ В постановлении ГКО № 6245 от 23 мая 1944 г., роль авиапромышленности в приборостроении описывалась достаточно чётко: «НКАП является основным поставщиком промышленных электроизмерительных приборов для всех отраслей народного хозяйства»⁷⁶. Более того, периодически НКАП был вынужден «сожалеть» о своей уступчивости и просить о снижении плана сторонних поставок. Так, в 1943 г., ввиду явной неспособности наркомата электропромышленности (НКЭП) осилить план по выпуску радиоумформеров, необходимых в том числе и для оснащения авиарадиостанций, авиазавод № 266 освоил выпуск этих устройств. Обрадованный таким поворотом дел, Госплан назначил на 1944 г. заводу № 266 плановое задание в 170 тыс. радиоумформеров. Возмущённый нарком авиапромышленности писал в СНК о том, что указанное предприятие и без того перегружено выпуском жизненно важных для авиапроизводства магнето, электрогенераторов, устройств дистанционного управления и прочим электрооборудованием, и не может отвлекаться на выполнение функций НКЭП. Впрочем, понимая, что «коготок увяз», НКАП не отказывался от выпуска радиоумформеров вовсе, а предлагал лишь сократить плановое задание до 130 тыс., из которых 115 тыс. должны были быть переданы НКЭП. Заводские электростанции авиазаводов получали плановые задания на поставку электроэнергии в общесоюзную сеть, причём НКАП так же периодически ходатайствовал о снижении подобных поставок⁷⁷. Уже в 1944 г. ряд авиазаводов получили заказы на запчасти к тракторам, комбайнам и другой сельскохозяйственной технике. Производ-

ственные мощности НКАПа стали привлекать для ремонта автомобилей, паровозов, тракторов и пр.⁷⁸. С окончанием военных действий эта тенденция ещё более усилилась, временами приобретая гипертрофированные масштабы. На определённом этапе ширпотреб и заказы гражданских ведомств начали теснить в цехах авиазаводов продукцию основную. Так, при обсуждении плана авиавыпуска на IV квартал 1946 г. Министерство авиапромышленности сетовало, что в перечень непрофильных работ, возложенных на предприятия МАП, входят: выпуск электроэнергии Уфимским энергокомбинатом, прокат цветных металлов, производство стального литья, станки металлорежущие, электрооборудование (электромоторы, генераторы, трансформаторы), троллейбусы, катера, мотоциклы, электрокары, моторы автомобильные, мотоциклетные и лодочные, сельскохозяйственное оборудование (сеялки, веялки, комбайны, льноклеверотёрки), газовые плитки и колонки, слаботочная аппаратура (телефонные аппараты, амперметры и вольтметры, мосты и магазины сопротивления), термометры, гальванометры, потенциометры, пирометры, оборудование для молочной промышленности, пожарное оборудование, запчасти к тракторам и пр. Кроме того, авиазаводы выпускали и ширпотреб: патефоны, радиоприёмники и репродукторы, велосипеды, электрочайники, мясорубки, керогазы, электроплитки, электроутюги, пылесосы и тому подобную продукцию. Наконец, отдельным перечнем шло производство стройматериалов: кирпич, алебастр, известь, переплёты оконные, полотна дверные, отопительные радиаторы, сборные дома и т.д.⁷⁹ Такая обширная программа «сопутствующего» производства ставила под сомнение возможность выполнения плана собственно авиастроения. В 1945 г. ситуация с выпуском гражданской продукции ещё не обострилась до такой степени, но определённое влияние на работы авиапромышленности в целом, и завода № 381 в частности, уже оказывала. Скажем, упомянутый выше цех № 24 должен был в сентябре 1945 г. сдать не только лафеты и моторамы для И-250, но и 35 кроватей⁸⁰. Что же касается завода № 381 в целом, то в его производственный план были включены такие работы, как производство прогулочных шестиместных катеров КС-1, байдарок, 14 наименований различных изделий ширпотреба, и ремонт троллейбусов⁸¹. Таким образом, сотрудники завода № 381 должны были не просто оперативно перейти от выпуска цельнодеревянных самолётов с поршневыми двигателями к производству цельнометаллических реактивных самолётов — эту титаническую работу они должны были сделать, попутно осваивая выпуск различного ширпотреба и товаров гражданского назначения.

Однако вернёмся к заводу № 381 и его работам по освоению новых моделей реактивной техники. К 20 сентября план работ по машине «Н» был выполнен на 50%, а по машине «150» — на 30. Впрочем, это было положение, скажем так, «в среднем по больнице», по отдельным агрегатам ситуация могла иметь совершенно иной вид. Так как работы по обеим моделям шли параллельно в одних и тех же цехах, имеет смысл рассматривать положение дел с изготовлением отдельных агрегатов не по отношению к отдельным моделям, а в поцеховом разрезе. Так, цех № 17 должен был, в соответствии с плановым заданием, изготовить пару фюзеляжей И-250 и 1 фюзеляж машины «150». Фактически, план по самолёту «Н» был выполнен лишь на 60%, а по истребителю Лавочкина на сборку было подано лишь четверть потребных деталей. Цех № 24 должен

был предъявить по машине «Н» 4 комплекта «моторама+лафет», и ещё 1 — по машине «150». На деле одна моторама для И-250 была готова на 95%, другая — на 80. Правда, цех отработал о 30-процентной готовности ещё 8 моторам, но ситуацию с возможностью сдачи в срок первой пары И-250 это не улучшало. Что касается комплекта «моторама+лафет» для машины «150», то тут, наоборот — было изготовлено сразу 5 установок⁸². Цех № 14 по плану должен был сдать по 2 комплекта шасси в сборе на каждую машину. Фактически же, на каждую машину приходилось примерно по полкомплекта (отдельными деталями), причём ни одного полностью готового комплекта шасси не было вообще. Цех № 5 отвечал за производство баков и капотов, но из-за отсутствия надлежащих материалов не смог в сентябре приступить к изготовлению баков вовсе. Крылья самолётов на заводе № 381 производились в т.н. «филиале». За весь сентябрь филиал смог отчитаться единственным крылом самолёта «Н», заложенным (только заложенным, не сданным!) в стапель⁸³.

В общем-то, ситуация складывалась крайне неприглядная — плановое задание очевидно срывалось, а перспективы сдачи готовых машин «Н» и «150» становились всё более туманными. Заводоуправление достаточно чётко определило основные причины срыва сентябрьского плана: общая неподготовленность производства, конструктивные неувязки самолётов, отсутствие некоторых специальных материалов и квалифицированных рабочих по металлу. Был, правда, и ещё один фактор, о котором дирекция не упоминала, но сбрасывать который со счетов было бы неверно. Таким новым фактором, дополнительно осложнявшим работы над этими заказами, стало появление в планах завода уже третьего реактивного истребителя. По заказу ЛИИ НКАП завод приступил к сборке (на тот момент — к «общей стыковке») самолёта «Ме-262 с ВРД ЮМО-004»⁸⁴. Понятно, что размазывание и без того скудных технологических возможностей завода сразу по трём разным проектам реактивной техники существенно затрудняло доведение до успеха хотя бы одного из них.

Так или иначе, по результатам выполнения сентябрьского плана, срок сдачи первых реактивных машин⁸⁵ был перенесён на первую декаду ноября⁸⁶. К 20 октября были уже достигнуты определённые успехи. Со стапеля были сняты хвостовая и центральная части фюзеляжа первого экземпляра самолёта «Н», а фюзеляж второго экземпляра был в стапель заложен. Тем не менее, приходилось признать, что и этот, скорректированный, план агрегатной сборки был сорван. Хотя цеха №№ 24 и 14 представили, соответственно, по паре моторам с лафетами и комплектов амортизационных стоек шасси и костылей, а цех № 17 сдал фюзеляж (на котором, однако, всё ещё продолжались внестапельные работы)⁸⁷, на 10 октября, назначенное первым реперным сроком, ни одного фюзеляжа в полностью собранном виде так не было представлено. Заводоуправление привычно ссылалось на технологические трудности и отсутствие необходимых материалов, но эти доводы встречали всё меньше понимания у вышестоящих инстанций. Так, 3 ноября приказом НКАП № 421 директорам заводов № 381, № 26 и № 466 было указано на недопустимо медленное продвижение работ по выпуску опытной серии истребителей И-250⁸⁸. Этим же приказом назначался новый срок подачи первого самолёта — 10 декабря, причём И-250 рассматривалась как приоритетная для завода № 381, машина⁸⁹.

Что касается машины «150», по этой тематике в сборочный стапель был заложен фюзеляж первого экземпляра, однако после установки комплекта шпангоутов дальнейшая сборка встала из-за отсутствия лонжеронов. Дирекция завода объясняла срыв выполнения плана «отсутствием материалов соответствующих габаритов»⁹⁰, а также ссылалась на отсутствие мерного материала для силовых элементов крыла и фюзеляжа⁹¹. Судя по отчётным документам, задачу по сборке Ме-262 с завода № 381 к октябрю уже сняли, но продолжалась досборка и сдача заказчику произведённых ранее Ла-7. За месяц было сдано «по бою» 45 поршневых истребителей Лавочкина, «по сборке» — 20, и 66 — отправлены в части⁹².

Между тем, производственный план по реактивным машинам продолжал трещать. Несмотря на отдельные успехи в изготовлении обшивки крыла и различной арматуры, план выпуска машин «Н» и «150» в ноябре был сорван так же, как и в предшествовавшие месяцы. После очередного пересмотра графика производства, были установлены новые контрольные сроки сдачи реактивных самолётов. Первый экземпляр машины «Н» должен был быть готов к 10 декабря 1945 г., а машины «150» — 20 декабря того же года⁹³. Проблема была в том, что к концу ноября возможность выполнения работ и в эти, вновь установленные сроки, стала вызывать сомнение. 26 ноября 1945 г. замнаркома авиапромышленности Дементьев собрал специальное совещание, посвященное вопросам строительства на заводе малых серий № 381 реактивных истребителей Микояна и Лавочкина. На заседание были приглашены практически все ключевые фигуры, имевшие отношение к данной тематике: заместители наркома авиастроения Яковлев и Воронин, главные конструкторы Микоян и Лавочкин, заместители начальников XVIII и VII ГУ НКАП Н.А. Жемчужин и В.Н. Алексеев соответственно, директор завода № 381 В.И. Журавлёв и главный инженер этого предприятия П.Д. Грушин. Микоян, раздосадованный медленным темпом работ, обрушился на дирекцию завода с беспощадной критикой: «работы по И-250 на (заводе. — М.М.) № 381 идут совершенно неудовлетворительно. К настоящему времени закончены сборкой 1 фюзеляж, 1 комплект крыльев, 3 комплекта шасси, 1 комплект оперения, 4 моторамы, 4 лафета. Заложены в стапели вторые комплекты фюзеляжа, оперения и крыла, причём крылья собираются с лонжеронами, имеющими $K_z = 160$ кг/мм², хотя новые чертежи изменённых полок крыла с K_z пониженным до 110-130 кг/мм² переданы заводу ещё 14 ноября 1945 г. Заводом до сих пор не переданы в ЦИАМ⁹⁴ две камеры сгорания, необходимые для испытаний, и не направлена в ЦИАМ бригада для изготовления форкамер. На I экземпляре самолёта идёт окончательная сборка и стыковка. Отсутствие хотя бы макетного мотора вызывает задержку сборки первой машины. ... Неудовлетворительное состояние с изготовлением реактивных самолётов объясняется недостаточным вниманием руководства завода к выполнению задания по этим самолётам. Для обеспечения выпуска I самолёта в указанные приказом НКАП от 3 ноября 1945 срок — 10 декабря 1945, необходимо развернуть работы должным образом и обратить особое внимание на получение мотора с завода № 466»⁹⁵. Приблизительно в том же ключе выступал и Лавочкин: «Приказом НКАП №331с завод обязан построить 5 экземпляров опытных реактивных самолётов с двигателем ЮМО-004 со сроком вы-

пуска 1 — к ноябрю, следующих в ноябре и последних 2 — в декабре. Чертежи должны были быть представлены на завод к 15 августа, но КБ выслало их уже к 3 августа. Состояние работ совершенно неудовлетворительно. На 16 ноября 1945 изготовлены стапели лонжеронов крыла, общей сборки крыла и фюзеляжа, начаты изготовлением стапели вертикального и горизонтального оперения. Процент готовности отдельных агрегатов: фюзеляж — 30%, крыло — 15%, вертикальное и горизонтальное оперение — 20%, шасси — 100% (изготовлено на заводе № 119). На работах по самолёту занято очень мало рабочих: на сборке фюзеляжа — 7 человек, на сборке крыла — 12. Основные причины задержки — отсутствие должного внимания со стороны руководства завода, необеспечение отделом снабжения потребными материалами, отсутствие технологической последовательности в подаче деталей для сборки агрегатов, малое количество рабочих, занятых на сборке самолётов. На совещании у замнаркома Воронина установлены сроки выпуска: I экз. для статиспытаний — 5.12.45, а I лётный — 10.01.46. Надо обязать завод выдержать этот срок». Журавлёв пытался оправдываться тем, что завод испытывает ряд трудностей, решение которых выходит за сферу компетенции заводоуправления — например, систематическое отключение электроэнергии; и обращал внимание на то, что в настоящий момент на постройке реактивных заводов работает уже 600 производственных рабочих, но, в целом, его выступление носило характер достаточно неубедительных оправданий. Впрочем, результативная часть заседания никаких кардинальных изменений в порядке ведения работ не предусматривала. Собственно говоря, все принятые по итогам совещания решения сводились к тому, что Воронин возьмёт строительство реактивных истребителей на заводе № 381 под личный контроль, а завод, с вою очередь, получит право первую пару И-250 выпустить с полками лонжеронов крыла, имеющих $K_z = 160 \text{ кг/мм}^2$, а уж последующие — с полками, обработанными до $K_z = 110\text{-}130 \text{ кг/мм}^2$.

В декабре 1945 г. первый экземпляр И-250 действительно был изготовлен, но приступить даже к наземным испытаниям не было возможности — так как заводу так и не был представлен лётный авиамотор ВК-107Р, на первый экземпляр машины «Н» поставили массогабаритный макет. Что касается машины «150», то тут нельзя было похвастаться даже безмоторным экземпляром — систематическое отключение электроэнергии на заводе и недопоставка шасси с завода № 119 оставили реактивный истребитель Лавочкина недоделанным. Единственным, что, хотя бы отчасти, можно было занести в графу «актив» — было изготовление солидного задела. На конец 1945 г. незавершённое производство составляло соответственно, 5,4 условного И-250 и 2,3 условного Ла-150⁹⁶. Однако этого было мало для того, что бы победно отрапортовать «наверх». Руководство отрасли обрушило на головы заводоуправления громы и молнии. 28 ноября заместитель наркома авиапромышленности П.В. Дементьев издал приказ № 470, в котором «поставил на вид» сразу и директору завода В.И. Журавлёву, и главному инженеру П.Д. Грушину и начальнику производства Ф.М. Матвееву. Всем троим было объяснено, что они не уделяют должного внимания выполнению ответственного правительственного поручения, и что, в случае срыва выпуска реактивных истребителей, к ним будут применены более жёсткие санкции⁹⁷. Собственно говоря, вину заводской ад-

министрации в недопоставках комплектующих с заводов-смежников или дефиците электроэнергии, усмотреть довольно мудрено. В общем-то, это было задачей именно для руководства наркомата — обеспечить наиболее важному правительственному заданию наивысший приоритет в плане обеспечения ресурсами и поставками. Тем не менее, П.В. Дементьев был склонен возлагать ответственность за срыв выпуска И-250 именно на заводоуправление.

Между тем, с точки зрения интересов завода, эпопея с освоением реактивных истребителей не принесла предприятию ничего, кроме снижения базовых экономических параметров, определявших успешность или неуспешность завода. В 1945 г. существенно снизились и валовая продукция, и выработка на одного рабочего.

Таблица 7

Основные показатели работы завода № 381 в 1943—1945 гг.

Показатель	1943		1944		1945	
	план	отчёт	план	отчёт	план	отчёт
Ла-5 (шт.)	438	227	404	231	-	-
Ла-7 (шт.)	-	-	470	604	634	684
Групкомплекты к самолётам Ла (шт.)	44	18	87	94	63	67
запчасти россыпью (тыс. руб.)	-	-	1400	5979	1700	1788
валовая продукция в неизменных ценах (тыс. руб.)	95200	82670	131000	140255	107500	103514
товарная продукция (тыс. руб.)	81500	68561	121000	127735	103700	105072
в т.ч. — оборонного значения (тыс. руб.)	78600	64435	117830	123496	94405	98728
Выработка на 1 рабочего в неизменных ценах, руб.	14646	11690	18715	20473	18695	16875

Источник: РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 2. Д. 106. Л. 5-6.

Как уже говорилось выше, на начало 1945 г. заводская площадь составляла 110042 м². Казалось бы, подготовка к выпуску реактивных истребителей должна была бы привести к росту производственных площадей, на самом деле же они сократились, и к 1 января 1946 г. составляли лишь 104705 м². Причём если в начале года под производственными цехами было 73456 м², то теперь на производственные цеха приходилось лишь 68683 м². Таким образом, если суммарная площадь завода снизилась приблизительно на 5%, то площадь производственных цехов упала на 6,5%. Однако наиболее чувствительными были потери в рабочей силе. Из 10936 человек персонала (из них 9006 — промышленно-производственных рабочих) к началу 1946 г. на заводе осталось лишь 7435 человек всего, и из них — 4106 рабочих «промышленной группы»⁹⁸, из которых лишь 2805 работали в собственно производственных цехах⁹⁹. К весне 1946 г. ситуация ухудшилась ещё больше, и на заводе осталось лишь около 3,5 тыс. рабочих. Логика была проста — завод не получал премий за выполнение и перевыполнение плановых заданий, дирекции было нечем поощрять сотрудников, с окончанием военных действий понятие «дезертирство с трудового фронта» утратило актуальность, и рабочие начали в массовом порядке искать более «хлебные» места. Формально завод был вполне удовлетворительно укомплектован инженерно-техническими работниками — на предприятии числилось 1115 ИТР, из которых 617 трудилось в производственных цехах. Однако при более пристальном рассмотрении выяс-

няется, что большинство этих сотрудников могли называться инженерами лишь с большой натяжкой. Только 220 заводских ИТР могли похвастаться дипломом об окончании ВУЗа, ещё 173 обладали хотя бы законченным средним техническим образованием, а 722 являлись так называемыми «практиками», то есть постигали все премудрости производства непосредственно на производстве, имея за плечами, в лучшем случае, лишь общеобразовательный багаж знаний.

Несколько забегаая вперёд, отметим, что все нижеописанные события, связанные со строительством И-250 на заводе № 381, проходили на фоне постоянного сокращения производственных мощностей предприятия. На 1 января 1947 г. производственные площади завода редуцировались до 95264 м², в т.ч. под производственными цехами — 58199 м². Таким образом, за 2 года освоение принципиально новой техники площадь производственных цехов сократилась почти на 21%. Что касается персонала, то к концу 1946 г. на заводе числилось всего 6033 человек, причём количество рабочих «промышленной группы» съёжилось и вовсе до 3161 человека¹⁰⁰. Как ни странно, за этот год несколько улучшилась ситуация с ИТР. Их число составляло 1069, причём 188 из них обладали инженерным дипломом, то есть удельный вес собственно инженеров за год даже несколько увеличился¹⁰¹. Впрочем, это было едва ли не единственное светлое пятно в развитии завода.

Так или иначе, но по состоянию дел на конец 1945 г., руководство страны всё ещё был твёрдо уверено в скором освоении реактивных истребителей в серии. 14 ноября 1945 г. был утверждён план заказов ВВС КА на 1946 г.

Таблица 8

План заказов ВВС КА по самолётам на 1946 г. (14.11.1945 г.)

Наименование	завод №	штук	Примечание
Як-9/ВК-107А со скоростью 680 км/ч с металлическим крылом с дальностью 1500 км.	153	220	После прохождения государственных испытаний в ГК НИИ ВВС КА
Як-3/ВК-107А с металлическим крылом	292	200	
Як-3/ ВК-107А с металлическим крылом	31	100	
Ла-7/АШ-83 цельнометаллические со скоростью 700 км/ч	21	270	
истребители со скоростью 850-900 км/ч, цельнометаллические, не менее 3 точек вооружения	?	800	подача со II квартала 1946 г.
истребители высотные (до 15 км.) с герметичной кабиной со скоростью 720-750 км/ч	381	320	
Всего истребителей		1910	

Источник: РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2980 Л. 9—10.

Как видим, параметры «высотного истребителя», назначенного к производству на заводе № 381, по скорости приблизительно соответствуют И-250. Весной, в перечне основных заводов Министерства авиапромышленности на 10 мая 1946 г. основной продукцией завода № 381 всё ещё значился И-250.

Таблица 9

Перечень основных заводов МАП на 10.05.1946 (даётся в извлечении)

№ завода	Местоположение	Профиль	Количество рабочих	Количество металлорежущих станков
I ГУ				
21	Горький	Ла-7	9716	1393
31	Тбилиси	Як-3	4360	1040
82	Москва-Тушино	истребители	2718	823
99	Улан-Удэ	Ла-7	2202	485
153	Новосибирск	Ла-9	10867	2207
292	Саратов	Як-3	7748	1347
381	Москва	И-250	3630	1055

Источник: РГАЭ. Ф. 8044. Оп.1. Д. 2984. Л. 85-93.

У этих планов были материальные основания — работа на заводе № 381 кипела. Однако на её ход продолжали оказывать своё влияние тормозящие факторы. Одним из этих факторов стало то, что И-250 так и не прошёл Государственных испытаний, а значит — не имел утверждённого эталона. Поэтому конструкторское бюро постоянно бомбардировало завод всё новыми предложениями по улучшению и оптимизации конструкции, а завод, соответственно, был вынужден регулярно переделывать уже сделанное. Всего на реализацию разнообразных корректив конструкции пришлось затратить 349000 нормо-часов, что по трудозатратам составило 6,22 условной машины¹⁰². Кроме того, в начале 1946 г. завод № 381 передал в распоряжение ОКБ № 3 свой филиал в Сокольниках, что потребовало организовать цех по производству крыльев практически «с нуля». Завод продолжал страдать от перебоев с поставкой топлива и энергии. За январь-апрель на вынужденные простои от перебоев с электроэнергией пришлось 199100 человеко-часов, а в ноябре-декабре работа в производственных цехах, по сути, вообще встала из-за отключения электричества. Дефицит топлива вынудил в I и IV кварталах полноценно отапливать лишь половину производственных помещений, ограничиваясь в «холодной» половине температурой лишь в 3—4 °С. Надо признать, что советская реактивная авиация создавалась в тяжелейших условиях дефицита практически всего. Не хватало рабочей силы, топлива, электроэнергии, металла — но реактивные истребители строились, упрямо продвигаясь к итоговым значениям на графике готовности. Отставая от плановых значений, но — продвигались. Сейчас мы можем только изумляться трудовому подвигу наших предков, сумевших создать отечественные реактивные самолёты на базе столь скудных ресурсов. Это было практически невозможно, но они это сделали.

Собственно, положение на заводе № 381 было ещё не самым тяжёлым — советская авиапромышленность вообще переживала в те годы кризис в снабжении топливом и электроэнергией. Скажем, в отчёте за первое полугодие 1947 г. министр авиапромышленности будет вынужден писать: «Завод № 166 не выполнил плана по выпуску самолётов Ту-2 и не смог создать необходимых заделов, т.к. в течение 4-х зимних месяцев полностью стоял из-за отсутствия топлива. Температура в цехах доходила до -15 градусов Цельсия, что вызва-

ло деформацию полов под стапельной оснасткой и вывело почти всю оснастку из строя. Только теперь (24 июня) завод закончил ремонт и восстановление стапельной оснастки и начал работу в агрегатных цехах¹⁰³. Однако осознание того, что другим заводам приходится не слаще, ни в малейшей степени не помогало предприятию выполнить плановые задания по сдаче И-250 в срок.

Все эти обстоятельства, вкупе с хронической нехваткой персонала, новизной производства и технологическими ошибками, неизбежными при переходе от опытного выпуска к серийному производству, вели к росту брака. В местах крепления силовых элементов крыльев были поставлены болты из стали ст. 45 вместо ЗОХГСА. Уже в цехе окончательной сборки было обнаружено наличие эллипсных отверстий до 10 мм вместо требуемых круглых диаметром 8 мм под болты крепления нервюры шасси, а также по таврикам главного лонжерона в местах крепления обшивки, и целый ряд других дефектов¹⁰⁴. В результате 7 пар крыльев были забракованы и отправлены в утиль. Была ли в этих ошибках вина плохо организованной системы контроля качества? Вероятно — да. Можно ли было в тех условиях кардинально снизить число ошибок? Весьма сомнительно.

Между тем, интерес руководства страны к И-250 нарастал. 26 февраля 1946 г. Совнарком СССР издал Постановление № 473-192, согласно которому завод № 381 был обязан, не дожидаясь окончания госиспытаний опытного экземпляра, приступить к изготовлению ещё 40 истребителей И-250 дополнительно к войсковой серии. 4 мая МАП издал приказ № 268, в котором уточнялось, что во втором квартале из этих 40 машин должно быть сдано 3 самолёта, в третьем — 17, и в четвёртом — последние 20. Предполагалось, что истребители этой серии будут изготовлены по уточнённым чертежам, с учётом опыта, приобретённого при производстве и испытаниях самолётов войсковой серии.

Впрочем, это было делом отдалённого будущего, а пока на заводе готовились к началу лётных испытаний головного серийного экземпляра И-250. 11 марта замнаркома С.Н. Шишкин своим приказом разрешил начать испытания, и назначил лётчиков-испытателей на первые два экземпляра. Задержка была за малым — на самолётах всё ещё отсутствовала двигательная установка. Новый министр авиапромышленности — М.В. Хруничев, совсем незадолго до того сменивший у руля Авиапрома А.И. Шахурина, обосновано счёл, что виновником такой ситуации являются в первую очередь двигателестроители, и 13 апреля объявил выговор В.И. Поликовскому, А.А. Фадееву и К.В. Холщевникову за неисполнение Постановления Совнаркома № 472-191 от 26 февраля 1946 г., в котором, между прочим, предписывалось уже в феврале начать государственные испытания установки Холщевникова (Э-30-20)¹⁰⁵. Не ограничившись выговором, М.В. Хруничев тем же приказом установил новые сроки сдачи установки Э-30-20. Заводские 25-часовые испытания предписывалось провести к 20 апреля, а государственные — к 15 мая. Персональная ответственность за проведение всех работ с установкой Холщевникова возлагалась на завод № 26 вообще, и главного конструктора этого завода В.Я. Климова — в частности.

К сожалению, этот приказ ставил под сомнение государственные испытания И-250, назначенные на 30 апреля. Было очевидно, что до государственных испытаний Э-30-20 передавать на госиспытания самолёт в целом бессмысленно. Впрочем, даже если бы установка Холщевникова каким-то чудом к

30 апреля прошла все стадии испытания, это проблему бы не решило, так как испытывать, строго говоря, было нечего. Из 10 самолётов первой серии формально закончены сборкой были 5, но из этих пяти, в свою очередь, два были оснащены моторами ВК-107Р без компрессора, ещё пара получила моторы, которые вышли из строя и были отправлены обратно в ЦИАМ после первых же наземных пусков, и последний вообще был оснащён макетным мотором. И, будто проблем с мотором не хватало, своеобразным приветом от расформированного филиала, практически все самолёты (даже формально собранные), имели дефектные крылья (именно к этому моменту вскрылись проблемы с эллипсными отверстиями и т.п. дефектами) — которые надо было даже не ремонтировать, а попросту менять на новые. Причём эти новые комплекты крыльев ещё предстояло изготовить¹⁰⁶. Дополнительную остроту ситуации добавляло то обстоятельство, что брак в крыльях был обнаружен при статических испытаниях, проводимых на заводе № 155. Так как это был «микояновский» оплот, история моментально вышла наружу, а МАП получил с завода № 155 не только подробное описание допущенного брака, но и письмо от начальника I (ведало производством истребителей) Главного управления МАП с предложением уволить или иным способом наказать руководство завода № 381.

Для рассмотрения ситуации на заводе № 381 и определения круга лиц, виновных в срыве задания по своевременному освоению и сдаче серии истребителя И-250, была собрана комиссия под руководством В.К. Коккинаки, огласившая результаты своего расследования на заседании Коллегии МАП 24 мая 1946 г. По мнению В.К. Коккинаки, основные причины срыва задания по производству И-250 сводились к следующему:

Во-первых, руководство наркомата, отдавая приказ о выпуске первых реактивных истребителей всего за полтора месяца, явно не представляло себе сложности освоения серийного производства столь сложной техники. Отсюда и очевидно нереальные сроки, ставившие заводу управлению заведомо неисполнимую задачу. Коккинаки был категоричен: «В полтора месяца опытные самолёты не строятся нигде. Срок был невыполнимый. Приказ был просто не продуманный»¹⁰⁷.

Во-вторых, завод № 381 столкнулся с систематической недопоставкой или несвоевременной поставкой ряда ключевых приборов, агрегатов, и материалов со стороны Главнаба НКАП, а также III, XII, XVIII и даже «родного» I ГУ НКАП.

В третьих, любые усилия завода № 381 были заведомо бесцельны, ввиду физического отсутствия установок Э-30-20 (Холщевникова). Хотя заводы № 16, 26 и 466 получили каждый по несколько грозных приказов о производстве этих установок как для ЦИАМ, так и для завода № 381, серийный выпуск установки Холщевникова так и не начался. В докладе Коккинаки специально педалировались постоянные срывы выполнения приказов НКАП по поставкам двигателей для И-250. «По моторной группе завод № 26 (директор Баландин) приказом № 181 от апреля 1945 г. обязывался подать 30 моторов с приводами¹⁰⁸. Приказ № 311 от июля 1945 г. обязывался¹⁰⁹ подать 12 моторов. Ни одного не подал. Приказом № 421 от ноября 1945 г. обязывался подать 10 моторов. Не подал ни одного. По заводу № 466 (директоры Лукин, Скобло): приказом № 181 в апреле 1945 г. обязывался передать ЦИАМу 30 компрессоров,

подал 6 в сентябре, с большим браком. Приказом № 311 обязывался в октябре подать 12 компрессоров, подал 1 в январе и 1 в марте. Оба забракованы. Приказом № 421 в ноябре обязывался подать 6 компрессоров с приводами и 4 мотора с компрессором заводу № 381. Подан 1 мотор, и не тот. По заводу № 16 (директор Лукин) приказом № 370 обязывался завод поставить ЦИАМу 8 компрессоров и коробок приводов. Завод поставил с опозданием на три месяца только 3 комплекта и больше делать не стал, так как все они были забракованы. Распоряжением наркома от 1945 г. поставить ЦИАМу 6 компрессоров с коробками приводов, было выполнено с опозданием на полгода, и в большинстве детали были забракованы ЦИАМом»¹¹⁰. По сути, это вновь был камешек в огород руководства наркомата, так как, очевидно, такие вопросы должны были решаться именно на уровне наркомата, а не завода. Собственно, Коккинаки в данном вопросе отнюдь не ограничивался некими намёками и многозначительными умолчаниями, а, что называется, «резал правду-матку в глаза»: «Всё это говорит, что приказы не продумывались, со стороны главных управлений ... не обеспечивалось выполнение заводами издаваемых приказов. Заводами не руководили и их не контролировали. ... Со стороны наркомата должна быть какая-то политика, направленность заводов на выполнение определённых заданий»¹¹¹. Иными словами, политика «должна быть», а на самом деле — её нет. По сути, тут снова ставился вопрос о порядке контроля выполнения приказов в наркомате авиапромышленности. Множество приказов отданы в пустую — и... Где же контроль выполнения? Где оргвыводы по отношению нарушителей? Почему наркомат занял странную позицию «прокукарекал, а там хоть и не рассветай»?

В четвёртых — продолжал Коккинаки, — следует учитывать, что вся важность и приоритетность работ по И-250 отнюдь не освобождали завод № 381 от всех остальных направлений деятельности. Помимо И-250 и турбореактивного истребителя Лавочкина, в план предприятия было введено ещё и производство 15 наименований гражданской продукции. «В такой обстановке директор завода Журавлёв не сумел самостоятельно разобраться во всей этой каше, не зная, за что ему вперёд браться. Он хватается и за бельевые баки, катера и за самолёты. Районные организации требуют ширпотреб. Министерство требует машину Лавочкина, затем машину Микояна, а здесь — определяется очерёдность. Я воспитывался в армии, где Устав гласит: выполнять приказ надо точно и безоговорочно. А у нас после приказа Министра начинают что-то менять, заново определять, а потом начинают бить, что бы самим сухим выйти из воды»¹¹². Далее Коккинаки полностью отбрасывает всякие дипломатические умолчания, и предъявляет претензии уже непосредственно Хруничеву: «... последний приказ, подписанный Вами, товарищ Министр, 4 мая, он на корню уже даёт трещину. Там точно раздраконены все сроки. Очевидно, все начальники главков просматривали до подписи этот приказ и визировали его. Заводу № 466 даётся задание в мае текущего года подать 6 моторов, а к Вашему сведению, поковки находятся и сейчас ещё в Уфе или только вылетели в Ленинград. Эти поковки надо обработать. Время идёт, сроки не обеспечиваются. Этот приказ на корню нежизненен, и это влечёт нарушение дисциплины на производстве»¹¹³.

Одновременно — и это было уже в-пятых — при анализе постановки работ на заводе № 381, нельзя было упускать из вида, что накануне и в процессе освоения новой машины предприятие согласно распоряжениям руководства отрасли, вынуждено было расстаться с примерно 1700 производственными рабочими из 3000, бывших на тот момент в наличии¹⁴, и существенно сократить свой станочный парк. В общем-то, трудно не согласиться с выводом о том, что если сначала поручить заводу выполнение крайне ответственного и чертовски трудного задания, а потом лишить этот завод важнейшего структурного подразделения (филиал, производивший крылья) и предложить освоить выпуск крыльев заново «с нуля», то шансы на своевременное выполнение того самого задания существенно снизятся.

Таким образом, если говорить по существу, основным виновником провала работ по И-250, согласно выводам комиссии В.К. Коккинаки, являлось именно руководство МАП, которое сначала поставило нереально сжатые сроки, а потом, будто решив, что этого слишком мало для того, что бы сделать выполнение задания невозможным, начало сокращать производственные возможности предприятия и безучастно смотрело на систематический срыв поставок на завод № 381 важнейших агрегатов другими авиапредприятиями. Конечно, с бюрократической точки зрения, позиция В.К. Коккинаки отдавала изрядным донкихотством. На грозный вопрос министерства «кто виноват!?» он бесхитростно отвечал — «так, собственно, в основном, вы и виноваты». Выполняя в годы войны обязанности, в том числе, и главного инспектора НКАП по качеству¹⁵, В.К. Коккинаки не мог не понимать двусмысленности сложившегося положения, в котором руководству отрасли предлагалось сыграть в «унтер-офицерскую вдову» и выпороть самим себя. Однако определённые резоны в демарше В.К. Коккинаки были. Во-первых, будучи в первую очередь пилотом-испытателем, он относился всё же в большей степени к армейской иерархии власти и, в качестве лица в какой-то мере постороннего, мог позволить себе докладывать так, как ему велела совесть, а не карьерные соображения. Во-вторых, руководство отрасли сравнительно недавно обновилось, и вполне возможен был вариант, при котором новый министр списал бы все огрехи на А.И. Шахурину и других репрессированных сотрудников. Но — бюрократические звёзды легли иначе.

Дело в том, что в апреле ситуацию с выпуском И-250 начало расследовать Министерство государственного контроля, а 23 мая, то есть за день до заседания Коллегии МАП, министр государственного контроля Л.З. Мехлис издал приказ № 28, в котором главным виновником срыва производства реактивного истребителя указывалось только и исключительно руководство завода № 381. Соответственно, имея за спиной такую «артиллерию главного калибра», М.В. Хруничев категорически отверг все претензии комиссии В.К. Коккинаки к руководству министерства, и обвинил в провале выпуска И-250 заводскую администрацию вообще, и директора завода № 381 В.И. Журавлёва — в частности. В результате разбирательства директора и начальника ОТК завода сняли с должностей и отдали под суд, главного технолога — просто уволили, а ещё ряд заводских руководителей получили выговоры различной степени тяжести¹⁶.

Вообще, надо учитывать, что май 1946 г. был для советской авиапромышленности моментом достаточно своеобразным и, можно, сказать, перелом-

ным. Ситуация с качеством и техническим уровнем авиатехники окончательно перестала устраивать советское руководство, поэтому правительство СССР пошло на весьма решительные меры. Решением Совмина № 1077-435с от 22 мая 1946 г. выпуск самолётов и моторов почти на всех заводах был приостановлен. План сдачи самолётов был сокращён с 8303 до 5859 штук, а стоимость валовой продукции с 6700 млн. руб. — до 5735 млн. руб.¹¹⁷. Таким образом то обстоятельство, что более чем проблемный истребитель всё же оставили в планах, а не закрыли вовсе как бесперспективный, говорит о том, что руководство страны всё ещё было заинтересовано в проекте И-250, и рассматривало его как приоритетный.

Новым директором завода был назначен П.Д. Грушин, исполнявший до этого обязанности главного инженера предприятия. Фактически, всё второе полугодие заводчанами пришлось исправлять последствия аврала, допущенного при старте работ над И-250. Устанавливалась новая оснастка, совершенствовалась технология, оформлялась техническая документация, внедрялись меры по контролю качества. Следует учитывать, что синхронно со всеми этими работами на заводе продолжалось выполнение заказа по Ла-150, строились фюзеляжи двух опытных УТИ МиГ-9, производились детали двигателя ТР-1 и агрегаты учебного бомбардировщика УТБ¹¹⁸. Да и план по выпуску гражданской продукции и ширпотреба с завода никто не снимал. К слову сказать, только за счёт интенсивных работ по выполнению плана производства продукции широкого потребления заводу № 381 удалось в 1946 г. почти выполнить план по стоимости валовой продукции.

Таблица 10

Выполнение плана заводом № 381 в натуральном и денежном выражении

Показатель	1946	
	план	отчёт
И-250	21	8
катер КС-1	175	119
кровати	10000	8416
детский авиаконструктор	4000	8091
ложки чайные	50000	10000
баки бельевые	1000	1145
скобяные изделия (тыс. руб.)	4000	406
валовая продукция в неизменных ценах (тыс. руб.)	46500	46429

Источник: РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 2. Д. 1218. Л. 5.

22 июня 1946 г. М.В. Хруничев издал приказ № 395, согласно которому первый серийный экземпляр И-250 из войсковой серии требовалось завершить производством к 5 июля, а не позднее 10 августа — начать его испытания в НИИ ВВС. Пытаясь уложиться хотя бы в этот, в очередной раз скорректированный, срок, П.Д. Грушин перевёл производственные структуры, занятые на освоении И-250, на круглосуточный режим работы¹¹⁹. Однако завод № 466 продолжал задерживать поставку мотора ВК-107Р, а III ГУ МАП отказывалось применять к заводу дисциплинарные меры, ссылаясь на то, что

силовая установка госиспытаний не прошла и является, строго говоря, агрегатом экспериментальным. Поэтому срок сдачи первого экземпляра (самолёт № 3810108) сдвинули на 10 дней, но и в этот срок завод № 381 не уложился. Лишь 24 июля И-250 № 3810108, наконец, покинул сборочный цех, да и то — с некондиционным мотором, обладавшим всего лишь 10-часовым ресурсом. 19 июня самолёт № 3810107 был отправлен в МАИ для проведения статических испытаний, а 1 августа истребитель № 3810101 отправился в ЦИАМ, где использовался в качестве стенда при отработке винтомоторной группы. На нём была снята часть оборудования, консоли крыла — обрезаны по VI нервюру, а ресурс мотора так же ограничивалась 10 часами.

Однако, при всей важности вышеперечисленных работ, вопрос о проведении государственных испытаний И-250 в отсутствии кондиционных двигателей оставался открытым. Только 28 июня на завод № 381 прибыли, наконец, два авиадвигателя ВК-107Р с гарантированным ресурсом в 25 часов, предназначенные для истребителей №№ 3810108 и 3810109. Предполагалось, что первый из них будет передан на завод № 155, где истребитель подготовят к участию в воздушном параде 18 августа. Однако отдел технического контроля завода № 155 отнёсся к машине производства предприятия с «подмоченной» репутацией очень строго, тем более что на данном экземпляре И-250 действительно было обнаружено несколько дефектов, и принял машину лишь 8 августа. К этому моменту сроки уже «трещали» и возможность участия в воздушном параде была весьма сомнительна. Первый полёт серийного И-250 состоялся 11 августа, и уже в этом полёте на самолёте прогорели провода зажигания. После этого вопрос об участии в параде отпал окончательно. Сначала самолёт ремонтировали на заводе № 155, а потом отправили обратно на завод № 381 для установки новых мотора и маслорадиатора.

Надо сказать, что задержка с поступлением нового мотора ВК-107А была не случайной заминкой в работе заводского конвейера, а проявлением общего кризиса советской авиапромышленности, начавшегося во второй половине 1945 г., и затянувшегося приблизительно до конца 1946 г. Реконверсия экономики с «военных рельс» обратно на нужды народного хозяйства даже в теории представляет собой весьма непростую задачу, а в реалиях СССР 1940-х годов была особо сложна и затратна. В условиях мирного времени авиапредприятия столкнулись с задачей резкого повышения качества продукции и ресурса работы различных агрегатов и конечных изделий. Если в военные годы представители ВВС понимали, что с высокой долей вероятности самолёт будет сбит в течение сравнительно короткого времени, и во главу угла ставилось количество, то теперь военприёмка требовала в первую очередь качества. При обсуждении плана на 1946 г. Хруничев писал Л.П. Берии¹²⁰ о причинах сокращения авиапроизводства в неизменных ценах, специально выделяя следующие обстоятельства¹²¹:

Во-первых, изменилась структура заказов, авиапредприятия, помимо военных заказов, были обязаны выполнять заказы и гражданского назначения. При этом общезаводские расходы оставались на прежнем уровне (цеха нужно было, как и прежде, отапливать и освещать, территорию завода — охранять, расходы на содержание транспортного хозяйства и социальной сферы тоже ни в коей мере не сократились), а вот коммерческая отдача от производства гражд-

данской продукции была существенно ниже. Если один «нормо-час» выпуска оборонной продукции в неизменных ценах стоил в среднем 28,4 руб., то по гражданской продукции и ширпотребу его стоимость составляла всего 11,6 рубля. Кроме того (хотя об этом и не говорится в данном письме) следует учитывать, что при приблизительно том же объёме общезаводских расходов, существенно сократились объёмы оставшихся заказов военного назначения, что ещё более осложнило финансовое положение авиазаводов.

Во-вторых, переход к мирной жизни автоматически подразумевал и возврат к довоенным формам трудовых отношений. И в том числе — к восьмичасовому рабочему дню. Всего за год каждый рабочий стал работать на 684 часа меньше. Переход на трудовые нормативы мирного времени привёл к снижению выработки одного рабочего авиапромышленности приблизительно на 9918 руб. в год.

Наконец, в третьих, численность рабочих авиапромышленности попросту сократилась. По сравнению с 1944 г. количество рабочих уменьшилось к началу 1946 г. на 67600 чел. Исходя из выработки 1 рабочего в год (в 1944 г.) в 39360 руб., снижение численности работников привело к падению суммарной выработки на 2661 млн. руб. В дальнейшем этот процесс принял буквально лавиноподобный характер:

Таблица 11

Динамика среднесписочного количества рабочих по НКАП/МАП

	I квартал 1944	I квартал 1945	наличие на 01.10.1946	в % к I кварталу 1944	
				I квартал 1945	наличие на 01.10.1946
Всего по НКАП/МАП	430618	415983	284572	96,6	66,1
I ГУ	78482	70705	38254	90,1	48,7
X ГУ	114422	107144	79480	93,6	69,5

Источник: РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2980. Л. 218.

В свете вышеизложенного неудивительно, что завод № 26, отвечавший за производство ВК-107А, заявлял, что находится «в бедственном финансовом положении и работает в убыток»¹²². На III квартал 1945 г. ещё в первой половине года была согласована отпускная цена на мотор ВК-107А в 86 тыс. руб. Однако теперь, после перевода экономики на мирные рельсы, эта цена была для завода убыточна. Ситуация дополнительно осложнялась тем, что, синхронно с предложением руководства завода № 26 о повышении отпускной цены мотора до 125 тыс. руб., Финансовый Отдел ВВС КА наоборот, явочным порядком, без согласования с НКАП, ещё с III квартала 1945 г. ввёл отпускную цену в 75 тыс. руб., и все расчеты с заводом вёл исключительно на базе этой цифры. Надо сказать, что в дальнейшем встречные претензии авиапромышленности и военного ведомства взаимно блокировали друг друга, и на II квартал 1946 г. отпускная цена на авиадвигатель ВК-107А производства завода № 26 так и осталась 86 тыс. руб.¹²³

Однако, вернёмся от проблем авиапромышленности в целом к ситуации на авиазаводе № 381. 20 августа, видимо, в связи со срывом очередных сроков по-

дачи И-250 на государственные испытания, П.Д. Грушин был освобождён от должности директора завода № 381, а завод возглавил Л.П. Соколов. По вновь утверждённому графику планировалось к 15 сентября (на полтора месяца позже установленных в июне сроков) отремонтировать и, наконец, всё-таки отдать в НИИ ВВС на госиспытания первый лётный экземпляр. Причём к испытаниям готовили сразу 3 машины — № 3810108, возвращённую с завода № 155, а так же №№ 3810109 и 3810105. Однако 21 сентября при наземном запуске на машине № 3810109 вышел из строя весь левый блок цилиндров мотора ВК-107Р. При последующем осмотре было установлено, что фильтры карбюратора оказались забиты ржавчиной, окалиной и песком, причём аналогичная картина затем была обнаружена ещё на 2 моторах, устанавливаемых на самолёты войсковой серии. Пришлось экстренно вызывать бригаду с завода № 466, приславшего эти моторы, для решения проблемы.

Наконец, к концу сентября самолёты №№ 3810105 и 3810109 были более или менее облётаны и отправлены в ЛИИ для подготовки к ноябрьскому воздушному параду. Однако и тут не обошлось без досадных происшествий — 2 октября, при перегоне на аэродром ЛИИ И-250 № 3810105 из-за сильного бокового ветра «чиркнул» крылом по поверхности ВПП. Собственно, повреждения были минимальны, но, что бы «не будить лихо», перелёт второй машины (№3810109) отложили на следующий день.

Что касается работ на заводе № 381, то на машине № 3810108 к 30 сентября наконец завершили отладку винтомоторной группы, а 1 октября была закончена сборкой и поступила на заводскую лётно-испытательную станцию и следующая машина — № 3810106. Третий экземпляр (№3810108) доделали только к 9 октября, а к 30 числу ВВС приняли все 8 самолётов войсковой серии. Забегая вперёд, отметим, что именно этим числом — 30 октября 1946 г. — и завершается история серийного производства И-250.

При этом себестоимость каждого самолёта составила 3057000 рублей. На первый взгляд, эта цифра представляется заоблачной — во II квартале 1946 г. отпускные цены (не себестоимость, а именно отпускные цены) на одномоторный поршневого истребитель в СССР колебались в диапазоне 180—250 тыс. руб.¹²⁴, а тут — более 3 миллионов! Однако надо учитывать, что, во-первых, себестоимость внедряемых в серийное производство изделий всегда была существенно выше крупносерийной продукции, так как в первом случае в себестоимость «закладывалась» и цена всех пуско-наладочных работ, а во-вторых, переход к реактивной технике вообще резко поднял цены на авиапродукцию. Скажем, себестоимость МиГ-9 производства завода № 1 в сентябре 1946 г. так же составляла 3 миллиона рублей¹²⁵.

Что же касается дальнейшей судьбы завода № 381, то он в 1946 г. был переведён из I Главного управления МАП в X, в 1949 г. вернулся в I ГУ, а с 1950 г. был перепрофилирован и выведен из состава авиапромышленности¹²⁶.

Итак, в 1946 г. завод № 381 выпустил 8¹²⁷ серийных И-250¹²⁸. Вопрос о пропагандистском использовании этих самолётов достаточно спорен. М.Д. Евтифьев пишет, что первая публичная презентация нового самолёта состоялась на воздушном параде 7 ноября 1946 г. якобы полёт был проведён на высоте 200—300 м. на скорости более 700 км/ч., однако из-за низкой облачности москвичи

так и не смогли рассмотреть новинку. Всё, что они смогли увидеть — это почти пятиметровые огненные хвосты, якобы тянувшиеся за истребителями нового типа¹²⁹. Однако Е. Арсеньев, признавая, что 8 машин, переданных в 176 гвиап, действительно готовились к участию в параде, отмечает, что собственно парад из-за отсутствия лётной погоды вообще не состоялся¹³⁰.

Дальнейшие перспективы машины стремительно теряли радужный оттенок. Осенью 1946 г. на ряде советских авиазаводов уже разворачивалось серийное производство турбореактивных самолётов Микояна, Лавочкина и Яковлева, и на их фоне И-250 выглядел отнюдь не блестяще. Как уже говорилось выше, И-250 не довелось принять участие в воздушном параде. Однако подготовка к этому мероприятию велась достаточно активно, и пилоты 176 авиаполка облетали 8 машин. Кроме И-250, в несостоявшемся параде должны были принять участие МиГ-9, Як-15 и Ла-150. Таким образом, у военных появилась возможность не только апробировать новые модели истребителей, но и сравнить их. И, надо признать, оценки И-250 были достаточно негативны даже и без сравнения с истребителями первого поколения. Так, командир группы полковник П.Ф. Чупиков считал, что значительная масса самолёта при сравнительно маломощном поршневом моторе не позволяет использовать И-250 в качестве перехватчика. Ему вторил и старший лейтенант А.И. Мокин, полагавший, что до скорости в 500 км/ч. истребитель разгоняется непоправимо долго¹³¹. Очевидно, речь шла о том, что для достижения максимально возможной скорости И-250 должен был сначала продолжительное время набирать скорость на двигателе внутреннего сгорания, и уже на пике возможного — включать в качестве ускорителя ВРДК. Такая схема была приемлема на полигоне, но в реальном бою её эффективность не казалась убедительной. Помимо этой, решающей для перехватчика, назывались и иные отрицательные стороны нового самолёта. Отмечалась большая инертность самолёта; склонность к заваливанию вправо при разбеге, вынуждавшая для парирования этой угрозы применять даже тормоза, так как отклонения руля не хватало; сложность пилотирования, особенно при включении и выключении ВРДК, перегруженность кабины приборами, отдельные недочёты в компоновке кабины и ещё ряд огорчительных особенностей истребителя. В принципе, все эти проблемы были решаемы. Фонарь кабины можно было переделать, спинку сиденья — сделать регулируемой, пилотов можно было обучить работе с новой, непривычной приборной доской¹³²... Но вердикт — «не пригоден к использованию в качестве перехватчика» делал все эти работы бессмысленными. Тем более — на фоне МиГ-9, который рассматривался как вполне удовлетворяющий основным требованиям к реактивному истребителю, и Як-15, выступавшего в роли самолёта «переходного» от поршневого авиации к авиации реактивной. Следует также учитывать, что на тот момент не только сам И-250 не прошёл государственных испытаний, но и установка Холщевникова также не смогла преодолеть этот барьер. То есть под вопросом была сама технологическая возможность производства И-250 даже в случае получения официальной санкции на доработку машины. Так или иначе, 29 ноября 1946 г. было принято окончательное решение — производство И-250 прекратить¹³³. Впрочем, не исключено, что решение об окончательном отказе от производства И-250 было

принято существенно раньше. Согласно отчётности МАП «... Во втором квартале 1946 г. был прекращён (как не прошедших госиспытания) следующих типов техники:

самолёты: Ил-10 (учебный), Ту-2/2хАМ-39, Ту-2/2хАШ-82, Ла-9/АШ-82 (металл.), Як-9/ВК-105 (учеб.), Як-9/ВК-107А (металл.), Як-11/АШ-21, МиГ/ВК-107А ВРД;

моторы: АШ-73, АМ-39ФН, ВК-107А ВРД, АШ-82ФН 9/16, АШ-21, ВРД-10, ВРД-20»¹³⁴.

Как видим, для авиапромышленности всё было решено (по крайней мере, в составленных в конце года отчётах) уже во втором квартале — то есть, ещё до поступления хотя бы на заводскую лётно-испытательную станцию даже первого лётного экземпляра И-250. В какой-то мере истинность этой информации подтверждает и тот факт, что уже с лета прекращаются какие-либо обсуждения строительства второй серии этого истребителя.

Практически весь 1946 г. МАП проработало по квартальным планам. Поэтому годовой план на 1946 г. был утвержден лишь 25 декабря 1946 г., когда, строго говоря, с точки зрения производственной толку от него было уже немного. Но для нас важно отметить, что согласно этому плану (который верстался на базе планов квартальных), именно И-250 (в плане именуется МиГ/ВК-107А с ВРД) указывался как основная продукция завода № 381.

Таблица 12

Проект плана МАП на 1946 г.

завод №	тип самолёта	количество
21	Ла ¹³⁵ /РД-10	3
21	Ла-7/АШ-82ФН дерев.	546
21	Ла-9/АШ-82ФН металл.	30
31	Як-15/РД-10	20
31	Як-3/ВК-107А	40
153	Як-9/ВК-107А металл.	275
153	Як-9/ВК-105пф учебн.	174
292	Як-3/ВК-105пф дерев.	174
381	Як-11/АШ-21 учебн.	30
	МиГ/ВК-107А с ВРД	8

Источник: РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2979. Л. 244-245.

И, как видно из таблицы, официально план ограничивался именно восемью машинами.

Что ж, время подводить итоги. С какими основными сложностями столкнулся советский завод в первые послевоенные годы при переходе к реактивному цельнометаллическому самолётостроению¹³⁶? Анализ положения дел на заводе № 381 при освоении И-250 показывает, что основными проблемами на заводском уровне были постоянная недопоставка как комплектующих, так и топлива и электроэнергии; текучесть кадров, обусловленная плохими бытовыми условиями¹³⁷; необходимость синхронно с освоением новой техники разворачивать выпуск товаров народного потребления. Очевидно, что на этом фоне сугубо технологические трудности, связанные с собственно обеспечением вне-

дрения на производство тех или иных новаций играли хотя и важную, но не первостепенную роль. В завершении хотелось бы ещё раз выразить восхищение сотрудниками авиапромышленности второй половины 1940-х годов, которые в столь тяжёлых, временах — попросту невыносимых, условиях, всё же смогли обеспечить переход отечественного самолётостроения на новую, реактивную, ступень.

Библиография

- Арсеньев Е.* Самолёты ОКБ им. А.И. Микояна. И-250(Н) // *Авиация и космонавтика.* 2001. № 3. С.30-34.
- Арсеньев Е.* Первый реактивный «МиГ» // *Авиация и время.* 2001. № 3. С. 5—7.
- Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930—1980-е годы). М., 2006.
- Век авиастроения в России. М., 2011.
- Евтифьев М.Д.* Огненные крылья. М., 2005.
- История отечественной авиапромышленности. Серийное самолётостроение. 1910—2010. М., 2011.
- Мухин М.Ю.* Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. М., 2011.
- Неразрушающий контроль. Россия 1900—2000. М., 2002.
- Подрепный Е.И.* Реактивный прорыв Сталина. М., 2008.
- Самолётостроение в СССР. 1917—1945. Кн.2. М., 1994.
- Серов Г.* В начале реактивной эры // *Самолёты мира.* 1997. № 3—4. С. 10—18.
- Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е годы. М., 1996.
- XX век. Авиастроение России в лицах. М., 2005.

Примечания

- ¹ В литературе до сих пор не устоялось использование терминов «конверсия» и «реконверсия». В рамках этой статьи мы будем понимать под конверсией перевод промышленности на военные рельсы, а реконверсией — обратный перевод индустрии на выпуск товаров народного потребления.
- ² Собственно, дебаты по поводу роли и значения сведений, поставляемых разведкой, в развитии советского «атомного проекта» идут по сей день.
- ³ См., например: *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е годы. М., 1996.; *Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930—1980-е годы). М., 2006.
- ⁴ История отечественной авиапромышленности. Серийное самолётостроение. 1910—2010. М., 2011. Век авиастроения в России. М., 2011. *Евтифьев М.Д.* Огненные крылья. М., 2005. *Подрепный Е.И.* Реактивный прорыв Сталина. М., 2008.
- ⁵ Но не турбореактивного! И-250 оснащался воздушно-реактивным двигателем компрессионного типа.
- ⁶ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 1182. Л. 99.
- ⁷ *Арсеньев Е.* Самолёты ОКБ им. А.И. Микояна. И-250(Н) // *Авиация и космонавтика.* 2001. № 3. С. 34.
- ⁸ Выполнял функции опытного завода при ОКБ Микояна и Гуревича.
- ⁹ ЦА МО. Ф. 35. Оп. 11323. Д. 86. Л. 66.
- ¹⁰ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 673. Л. 111—114.
- ¹¹ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 4191. Л. 26.
- ¹² Там же. Д. 2808. Л. 27 об.
- ¹³ Там же. Д. 4191. Л. 28.
- ¹⁴ Там же. Л. 18.

- ¹⁵ Там же. Л. 29.
- ¹⁶ Там же. Л. 19.
- ¹⁷ Там же. Л. 28.
- ¹⁸ Там же. Д. 3263. Л. 117.
- ¹⁹ Там же. Д. 2826. Л. 11—20.
- ²⁰ Там же. Д. 2814. Л. 190—207.
- ²¹ Там же. Д. 2873. Л. 55—57.
- ²² Там же. Д. 2885. Л. 34—37.
- ²³ Там же. Д. 2808. Л. 27 об.
- ²⁴ Так в тексте.
- ²⁵ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2808. Л. 27 об.
- ²⁶ Планово-экономический отдел.
- ²⁷ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 43 Д. 240. Л. 2.
- ²⁸ цит. по: Симонов Н.С. Указ. соч. С. 149.
- ²⁹ ЦА МО. Ф. 35. Оп. 11287. Д. 2450. Л. 41.
- ³⁰ Там же. Л. 11—12.
- ³¹ Там же. Л. 34.
- ³² Внедрение магнитных дефектоскопов отечественного производства на авиапредприятия начался ещё во второй половине 1930-х годов, но в период Великой Отечественной войны темпы внедрения подобной аппаратуры, по понятным причинам резко замедлились. Подробнее по этому вопросу см.: Неразрушающий контроль. Россия 1900—2000. М., 2002. С. 111.
- ³³ ЦА МО. Ф. 35. Оп. 11287. Д. 2450. Л. 34.
- ³⁴ Там же. Л. 33.
- ³⁵ Там же. Л. 36.
- ³⁶ Там же. Л. 8.
- ³⁷ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2808. Л. 27 об.
- ³⁸ ЦА МО. Ф. 35. Оп. 11287. Д. 3523. Л. 1.
- ³⁹ Там же. Л. 42.
- ⁴⁰ Там же. Л. 154.
- ⁴¹ Там же. Л. 157.
- ⁴² Там же. Л. 229.
- ⁴³ ЦА МО. Ф. 35. Оп. 11287. Д. 3523. Л. 236.
- ⁴⁴ Там же. Д. 3309. Л. 68.
- ⁴⁵ *Арсеньев Е.* Первый реактивный «МиГ» // *Авиация и время.* 2001. № 3. С. 5.
- ⁴⁶ ЦА МО. Ф. 35. Оп. 11287. Д. 3523. Л. 159.
- ⁴⁷ Там же. Л. 200.
- ⁴⁸ Там же. Л. 275.
- ⁴⁹ Там же. Д. 2450. Л. 9.
- ⁵⁰ Там же. Л. 13.
- ⁵¹ Так в документе.
- ⁵² Так в документе. На самом деле это был турбореактивный двигатель.
- ⁵³ ЦА МО. Ф. 35. Оп. 11287. Д. 3309. Л. 52.
- ⁵⁴ Там же. Л. 57.
- ⁵⁵ *Серов Г.* В начале реактивной эры // *Самолёты мира.* 1997. № 3—4. С. 17.
- ⁵⁶ ЦА МО. Ф. 35. Оп. 11287. Д. 3309. Л. 67.
- ⁵⁷ *Арсеньев Е.* Первый реактивный «МиГ». С. 5.
- ⁵⁸ ЦА МО. Ф. 35. Оп. 11287. Д. 3309. Л. 69.
- ⁵⁹ *Арсеньев Е.* Первый реактивный «МиГ». С. 5.
- ⁶⁰ ЦА МО. Ф. 35. Оп. 11287. Д. 3309. Л. 69.
- ⁶¹ Там же. Л. 72.
- ⁶² Там же. Л. 79.
- ⁶³ Там же. Л. 80.
- ⁶⁴ Там же. Л. 79.
- ⁶⁵ Там же. Л. 82.
- ⁶⁶ Там же. Л. 82 об.
- ⁶⁷ Там же. Л. 83.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же. Л. 83 об.

- ⁷⁰ Там же. Л. 82 об.
⁷¹ Там же. Л. 81 об.
⁷² Там же. Л. 83 об.
⁷³ Подробнее о производстве сопутствующей продукции на авиапредприятиях в годы войны см.: Мухин М.Ю. Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. М., 2011. С. 190—191.
⁷⁴ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2873. Л. 23.
⁷⁵ Там же. Д. 2848. Л. 108.
⁷⁶ Там же. Ф. 4372. Оп. 44. Д. 691. Л. 107.
⁷⁷ Там же. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2829. Л. 63.
⁷⁸ Самолётостроение в СССР. 1917—1945. Кн. 2. М., 1994. С. 232.
⁷⁹ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2977. Л. 142—145.
⁸⁰ ЦА МО. Ф. 35. Оп. 11287. Д. 3309. Л. 83.
⁸¹ Арсеньев Е. Первый реактивный «МиГ». С. 5.
⁸² ЦА МО. Ф. 35. Оп. 11287. Д. 3309. Л. 91.
⁸³ Там же. Л. 91об.
⁸⁴ Там же. Л. 89об.
⁸⁵ Из текста документа неясно, относилось ли это решение к машине «Н», машине «150», или к обоим сразу.
⁸⁶ ЦА МО. Ф. 35. Оп. 11287. Д. 3309. Л. 94.
⁸⁷ Там же. Л. 98.
⁸⁸ Арсеньев Е. Первый реактивный «МиГ». С. 5.
⁸⁹ Подрепный Е.И. Указ. соч. С. 98.
⁹⁰ ЦА МО. Ф. 35. Оп. 11287. Д. 3309. Л. 95.
⁹¹ Там же. Л. 98.
⁹² Там же. Л. 97.
⁹³ Там же. Л. 100.
⁹⁴ Центральный институт авиамоторостроения.
⁹⁵ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 1314. Л. 186—187.
⁹⁶ Арсеньев Е. Первый реактивный «МиГ». С. 6.
⁹⁷ Там же. С. 5.
⁹⁸ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 2. Д. 106. Л. 4.
⁹⁹ Там же. Л. 60—61.
¹⁰⁰ Там же. Д. 1218. Л. 4.
¹⁰¹ Там же. Л. 64.
¹⁰² Арсеньев Е. Первый реактивный «МиГ». С. 6.
¹⁰³ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 3224. Л. 140.
¹⁰⁴ Арсеньев Е. Первый реактивный «МиГ». С. 6.
¹⁰⁵ Именно этот индекс был присвоен ВРДК, установленному на И-250.
¹⁰⁶ Арсеньев Е. Первый реактивный «МиГ». С. 7.
¹⁰⁷ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 1345. Л. 2.
¹⁰⁸ Так в тексте. Судя по контексту — приказ не был выполнен.
¹⁰⁹ Так в тексте.
¹¹⁰ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 1345. Л. 3.
¹¹¹ Там же. Л. 4.
¹¹² Там же.
¹¹³ Там же. Л. 5.
¹¹⁴ Там же. Л. 4.
¹¹⁵ XX век. Авиастроение России в лицах. М., 2005. С. 212.
¹¹⁶ Арсеньев Е. Первый реактивный «МиГ». С. 7.
¹¹⁷ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 3276. Л. 257.
¹¹⁸ Арсеньев Е. Первый реактивный «МиГ». С. 7.
¹¹⁹ Там же. С. 8.
¹²⁰ На тот момент — председатель Оперативного бюро СНК.
¹²¹ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2979. Л. 21—24.
¹²² ЦА МО. Ф. 35. Оп. 11323. Д. 3313. Л. 231—231 об.
¹²³ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2986. Л. 14.
¹²⁴ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2986. Л. 14.

¹²⁵ Там же. Л. 25.

¹²⁶ Там же. Д. 3276. Л. 3 об—5 об.

¹²⁷ Е. Арсеньев пишет, что всего было выпущено 10 машин, но 8 из них были переданы в 176 гвардейский истребительный авиаполк из состава 324 истребительной авиадивизии ПВО, а два оставшихся использовались для различных испытаний (см. *Арсеньев Е.* Самолёты ОКБ им. А.И. Микояна. И-250(Н). С. 36). Однако сводный отчёт Министерства авиапромышленности (МАП) говорит лишь о 8 машинах И-250, выпущенных на заводе № 381. Собственно, у автора этих строк нет ни малейших оснований сомневаться в информации Е. Арсеньева относительно 10 изготовленных самолётов всего, но очевидно, что лётными машинами было только 8.

¹²⁸ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2808. Л. 27 об.

¹²⁹ *Евтифьев М.Д.* Указ. соч. С. 180.

¹³⁰ *Арсеньев Е.* Самолёты ОКБ им. А.И. Микояна. И-250(Н). С. 36.

¹³¹ *Арсеньев Е.* Первый реактивный «МиГ». С. 9.

¹³² В конце концов, МиГ-9 тоже был непрост в освоении лётным составом.

¹³³ *Арсеньев Е.* Первый реактивный «МиГ». С. 9.

¹³⁴ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 3219. Л. 26.

¹³⁵ Так в тексте.

¹³⁶ Думается, что в первом приближении эти проблемы были характерны для всей советской «оборонки», тех лет.

¹³⁷ Важно отметить, что завод № 381 был дислоцирован в Москве, что позволяло рассчитывать на относительно высокие стандарты снабжения. Вероятно, на «провинциальных» заводах ситуация была ещё хуже. Впрочем, возможно, что именно московское положение поставило завод № 381 в сложные условия — его сотрудники имели широкий выбор предприятий, на которых были бы востребованы рабочие руки. Не исключено, что завод, дислоцированный вдали от крупных индустриальных центров, подобной проблемы не имел бы. Очевидно, что этот вопрос ещё ждёт детального изучения.

Советская экономика: современные оценки

Аннотация: В статье дана авторская интерпретация итогов развития советской экономики в долгосрочной перспективе. Выявляются причины ее сравнительной успешности на протяжении десятилетий и итогового крушения, причем последнее объясняется скорее политическими, нежели экономическими факторами. Автор не разделяет мнение, что сталинская модель советской экономики основывалась на идеологии, так как в периоды кризисов власть обращалась к прагматическим подходам. Приведены доводы об отрицательных последствиях для экономического роста в результате отхода от НЭПа. Рассмотрен механизм функционирования административно-командной экономической системы на разных уровнях управления, отличавшийся «симбиозом» директивной и «теневой» экономики. Поддержана точка зрения о незначительном вкладе принудительного труда в процесс индустриализации, при его важности с точки зрения приучения к трудовой дисциплине. Попытка переориентации в 1960-х гг. на модель с повышением уровня жизни и стимулированием труда при одновременном смягчении санкций обнаружила слабости, так как не карала за экономический провал, а частично даже поощряла его дотациями. Приспособление экономической системы к новым условиям, которое произошло в начале 1930-х гг., а затем сразу после смерти Сталина, так и не состоялось с 1960-х гг.

Ключевые слова: НЭП, И.В. Сталин, административно-командная экономическая система, диктатор, принудительный труд, индустриализация, сельское хозяйство, «теневая» экономика, крах советской экономики.

Оценка советской экономики требует рассмотрения в долгосрочной перспективе, не исключая и постановки вопросов об альтернативах развития. При этом следует понять опыт России и Советского Союза на фоне процессов индустриализации в других странах, включая его в общемировые условия. Слабые стороны советской модели экономики очевидны. Поэтому, прежде всего, следует выяснить, чем была обусловлена ее прочность и сравнительная успешность на протяжении десятилетий (при этом надлежит подвергнуть критическому рассмотрению и упомянутый «успех») и почему, в конце концов, советская экономика рухнула. Я хотел бы также проанализировать, насколько правильно говорить о полном ее крушении. При этом я исхожу из того, что конец Советского Союза следует объяснять скорее политическими, нежели экономическими факторами.

Чтобы оценить экономическую систему надо в первую очередь проанализировать состояние общества. Стабильность советской экономики зависела от прочности позиции коммунистической партии. Этот подход дает новые акценты для оценки тяжелейшего потрясения советской системы на рубеже 1932—1933 гг., когда мотивированная идеологическими соображениями «революция сверху» вызвала голод 1932—1933 гг. и стагнацию экономического роста. Недооценка потрясений системы, и сегодня встречающаяся в большинстве публикаций, связана с одним из удивительнейших достижений этого ре-

* Штефан Мерль — профессор университета г. Билефельд (Германия), специалист в области восточноевропейской истории, почетный доктор Ярославского государственного университета. Перевод с немецкого — Ю.А. Петров (доктор исторических наук, Институт российской истории РАН).

жима, которое может объяснить его длительное существование. А именно — с успешным приданием табу всех фактов, которые могли угрожать притязаниям коммунистической партии на господство¹. Создание административно-командной экономической системы стало, прежде всего, реакцией на катастрофу начала 1930-х гг., происшедшую по вине самого режима.

Таким образом, анализ функционирования советской экономики не может основываться на рассмотрении только экономической сферы. Экономические результаты лишь условно поддаются объяснению с помощью объективных факторов. Выжидательная позиция и настроения населения, а, следовательно, и спекулятивные элементы, оказывают устойчивое воздействие на экономические процессы и могут вызывать периоды экономического подъема и упадка. Удивительная способность советского режима при Сталине заключалась в том, что он предлагал советским людям свою, часто меняющуюся интерпретацию действительности и обеспечивал положительное к себе отношение. Этой цели служили террор и подавление оппозиции, равно как и обращение к чувствам населения². Такой самообман ради самосохранения и его поддержка народом представляются мне решающим объяснением, почему Советский Союз смог продержаться так долго. С этой точки зрения, элемент гласности в политике Горбачева оказал более разлагающий эффект, чем элемент перестройки. Впрочем, и во время гласности собственно хозяйственные механизмы функционирования советской экономики не становились темой обсуждения. Вера в достижения советской власти и страх людей перед опасностями капитализма пережили и эту фазу перестройки. Моя гипотеза заключается в следующем: система сохранялась столь долго потому, что в конце 60-х гг. сложилась коалиция коммунистов, экономистов и народа — все боялись быть «проигравшими» при изменении системы.

Одним из мифов о советской экономике является миф о «плановом хозяйстве». В 1920-е гг. попытались создать механизм планирования экономики. Но в апреле 1929 г. на XVI партконференции был принят первый пятилетний план в его «оптимальном варианте», и режим окончательно отказался от идеи планового хозяйства. М. Левин метко назвал это «исчезновением планирования в плане»³. Поэтому, с точки зрения политики формирования хозяйственного строя, советскую экономику следует включить в категорию централизованно управляемой. В дальнейшем я буду характеризовать ее, пользуясь устоявшимся понятием «административно-командной экономической системы». Таким образом, советская экономика не была идеологически утвердившейся конструкцией, альтернативной рыночному хозяйству. Ее можно рассматривать как особую форму интервенционистского государства, сложившегося в промышленных державах в годы Первой мировой войны⁴. В то время как в большинстве стран под государственным управлением функционировали лишь некоторые отрасли экономики, Советский Союз поставил под свой контроль все хозяйство. Против этой вредной ситуации монопольного положения предприятий никто не боролся, напротив — ее всячески поддерживали. В результате советские промышленные предприятия могли формировать рынки товаров и услуг согласно их интересам, подавляя всех частных и институциональных потребителей. Таким образом, СССР лишил себя возможности использовать рынок как мерило недостатков и рациональную основу распределения средств.

При анализе принципов функционирования советской командной экономики и обстоятельств ее формирования к началу 1930-х гг. следует поставить вопросы о значении террора и принудительного труда при Сталине и выяснить, почему командная экономика достигла впечатляющих успехов в промышленном производстве, но не в сельском хозяйстве. Так как политический режим при Сталине обнаруживал и деструктивные элементы, необходимо исследовать, почему в отличие от национал-социализма не наступило саморазрушение. В заключение речь идет о развитии советской экономики после смерти Сталина и об изменении принципов функционирования. Большинство западных специалистов разделяют тезис о том, что решающие перемены в советской командной экономике заставили себя ждать до 1980-х гг. Почему советская экономика, в отличие от экономических систем капиталистических государств или Китая, не адаптировалась к новым условиям и структурным изменениям ради повышения эффективности? Следует поставить вопрос об особенностях советской экономики в долгосрочной перспективе и сравнительно оценить достигнутый рост. Наконец, я хотел бы назвать причины, которые в период с 1985 по 1991 гг. привели к краху.

1. Шестнадцать лет спустя после крушения Советского Союза

Необходимо привести два пункта, имеющих структурирующее значение для дальнейших рассуждений. Во-первых, я был поражен беспомощностью экономистов, вставших перед необходимостью преобразований. Очевидно, прежде они не занимались вопросами практического функционирования рыночной экономики и централизованно управляемого, или «планового, хозяйства». Их советы показывали, как далеки они от реальности. Это вовсе не означает, что не было литературы о механизмах действия рыночной и централизованно управляемой экономик. Дело в том, что в учебниках рассматривались абстрактные ситуации. История же возникновения рыночных экономик лежала вне круга интересов экономистов. В результате трудности перехода к рыночной экономике и его длительность были преуменьшены, из виду упускалось то обстоятельство, что переход к ней не сводился лишь к освобождению цен и приватизации. Для функционирования рыночной экономики требовалось создание определенных институтов. Кроме того, рыночное хозяйство предполагает наличие субъектов экономики, хорошо в нем разбирающихся. И хотя ни для кого не было секретом, что плановая экономика не была способна функционировать, тем не менее, вопрос, как она действительно функционировала, вообще не ставился⁵. Поэтому важно понять, как советская командная экономика могла существовать без понимания механизмов функционирования.

Второе наблюдение заключается в том, что российская экономика до 2008 г. развивалась по-другому сценарию, нежели я предполагал в 1992 г. Ожидание более или менее прямолинейного движения в направлении рыночной экономики и демократии не оправдалось. Должен признать, что мои исходные представления были наивными и слишком оптимистическими. Меня поразила живучесть структур, хорошо знакомых по истории СССР. Сегодня государство

вновь вмешивается в экономический процесс. В хозяйственной форме, которую уместно охарактеризовать как «рыночную экономику по-русски», неформальные каналы и системы вновь сумели укрепить позиции, которыми когда-то обладали в сфере советской теневой экономики, входившей в командную экономику⁶. Несмотря на вступление России во Всемирную торговую организацию, характерные для нее культура предприятий и ведения переговоров сохранили столь знакомую нам форму и по отношению к третьим странам. Если эти наблюдения верны, уместно ли вообще ставить вопрос о крахе советской экономики, и что же тогда рухнуло на повороте к 1990-м годам?

2. Что нового в познание проблемы внес архивный материал?

Важные механизмы функционирования советской экономической системы известны нам благодаря серьезным исследованиям, первые из которых были опубликованы уже после Второй мировой войны. Это работы Абрама Бергсона, Джозефа Берлинера, Роберта У. Дэвиса и Наума Ясного. Позже к ним добавились труды Эжена Залески по планированию экономики⁷. Архивный материал, относящийся к периоду полновластия Сталина (1929—1953 гг.), хотя и уточнил и расширил наши знания, но скорее подтвердил прежнюю картину, нежели существенно ее изменил⁸. Мне особенно близко предложение Боба Дэвиса о том, что не стоит «заново изобретать колесо». Новыми и поразительными были для меня выводы о личной роли Сталина. После просмотра его переписки и основных протоколов можно точнее сказать, где после окончательного рассекречивания документов границы познания. Однако надежды на то, что новые материалы окончательно разъяснят подоплеку принятия решений, не оправдались⁹. Относительно периода до 1928 г. по-прежнему существуют «старые» разногласия. Обработка же архивов периода после смерти Сталина практически еще не началась. Поэтому я использую предварительные результаты собственных архивных исследований, касающихся политических связей и управления торговлей и потреблением в 1950—1960-е гг.¹⁰

Новые результаты базируются в основном на данных четырех больших международных исследовательских проектов. Один из них, осуществляемый под руководством Олега Хлевнюка, посвящен анализу системы политического управления и принятия решений руководством партии и государства¹¹. Две другие группы исследователей, объединившиеся вокруг английского историка-экономиста Роберта У. Дэвиса и американского экономиста Пола Грегори, анализируют материал по руководству экономикой и экономическому развитию. Под четвертым проектом я подразумеваю публикации архивных документов по аграрной политике и развитию аграрного сектора, начатые Виктором Даниловым¹².

Сегодня мы можем исходить из того, что, начиная с 1930 г., в партийном руководстве не было серьезных разногласий по экономическим вопросам. Роль Сталина оказалась важнее, чем предполагалось ранее. От него исходили все инициативы и изменения курса, что осознавалось партийной верхушкой. Архивные материалы не подтверждают, что пересмотр курса стал результатом борьбы между

«реформаторами» и «консерваторами», «либералами» и «ортодоксами»¹³. Это совпадает с нашими знаниями о характере принятия решений после смерти Сталина, когда тон задавал сначала Берия, а затем Хрущев, в то время как позже не отмечалось серьезных дискуссий о политических альтернативах¹⁴.

Дэвис, без сомнения, лучший знаток советской экономической истории, которой он занимается почти полвека. Он продолжает начатую Э.Х. Карром историю индустриализации Советского Союза. Его труды отличает тщательный и добросовестный анализ источников¹⁵. Под руководством Грегори в последнее десятилетие введены в научный оборот разнообразные источники, посвященные руководству экономикой, в том числе и по принудительному труду. Изданные сборники документов открывают новые возможности для анализа проблемы¹⁶. Сам Грегори командную экономику объясняет с помощью современной экономической теории, исходя из того, что все участники процессов преследуют собственные интересы на основе имеющейся информации. Данный подход, очевидно, полезен для понимания принципов действия системы, так как показывает, что многое, кажущееся иррациональным с условной позиции общего блага, было вполне рациональным с индивидуальной позиции. При этом Грегори описывает действия партийной верхушки или лично Сталина с помощью модели диктатора, который для сохранения власти в долгосрочной перспективе должен достичь экономического роста¹⁷. Впрочем, многие выводы о функционировании экономики при Сталине уже сделаны Берлинером и Залески. При всей привлекательности модели Грегори, она мало пригодна для объяснения формирования системы в начале 30-х гг.¹⁸

3. Какую роль играла идеология в формировании советской экономики?

Я не разделяю мнение о том, что модель советской экономики, реализованная Сталиным, основывалась на идеологии. Все попытки формировать экономику в соответствии с коммунистической доктриной на практике терпели столь серьезные поражения, что вызывали угрожавшие власти кризисы, преодолеть которые можно было, лишь отказавшись от идеологических принципов и обратившись к прагматическим подходам.

В трудах Маркса и Энгельса, как известно, коммунистическая идеология базировалась, прежде всего, на критике капиталистической экономической системы. Высказываний о развитии будущей социалистической или коммунистической экономики в них практически нет, их скорее надо было выводить из элементов, подвергавшихся критике при анализе капитализма¹⁹. Это объясняется тем, что Маркс и Энгельс рассматривали переход к коммунизму как неизбежный шаг, который произойдет лишь тогда, когда капитализм исчерпает возможности прогрессивного развития и производственные отношения придут в противоречие с потребностями производительных сил. Поэтому возникновение революции в самой отсталой капиталистической стране, «слабейшем звене империализма», по определению Ленина, порождало новые проблемы. Тот, кто возьмет на себя труд еще раз перечитать высказывания большевиков о политике, которую следовало проводить в России, прочувствует растерян-

ность, существовавшую в верхах до конца 20-х гг. Она со всей ясностью проявляется в поисках Лениным подходящей для России экономической политики. Степень отдаленности от собственных идеологических установок показывает концепция государственного капитализма, представленная Лениным в 1917 г. Данный посыл исходил из необходимости сначала наверстать в России капитализм. На схожей идее базировалась и новая экономическая политика: чтобы развивать производительные силы в рамках частного мелкого производства, Россия должна сначала обратиться к рыночной концепции²⁰.

Применительно к 1920-м гг. следует различать разные виды идеологии: идеологию «классовой борьбы», очертившую путь и результаты движения в направлении социализма, идеологию будущего экономического и общественного строя и представляемую теперь как нечто новое идеологию господства партии в осуществлении диктатуры пролетариата. Из учения Маркса и Энгельса брался только тезис о коммунизме как цели. Проблема возникала уже применительно к классовой борьбе: революция устранила «эксплуататорский класс» (определение Маркса), уничтожив предпринимателей и крупных землевладельцев. В сущности, страна утратила врага. Пришлось его «возродить» в виде «кулаков», «нэпманов», «буржуазных специалистов», а затем «правых и левых уклонистов» в партии, но с концепцией Маркса это имело мало общего²¹. Хотя ориентация на классовую борьбу для «революционеров» была естественной, она едва ли соответствовала социальной ситуации 1920-х гг.

Государственное управление разными видами экономики началось еще во время Первой мировой войны, и не только в России, но и в других странах, в ней участвовавших. Это не имело ничего общего с «коммунизмом», а было обусловлено осознанием приближения экономического краха. С позиций сегодняшнего дня кажется удивительным, что некоторые большевистские теоретики идентифицировали это уравнивание в горчайшей бедности и полный крах экономической жизни с элементами «коммунизма». Конечно, не последнюю роль сыграли специфические русские школы мышления, например, народники середины XIX в., которые в крестьянской общине отыскивали зародыши русского социализма. К числу «открытых» в конце 1919 г. элементов коммунистического строя относились попытки ликвидации денег после того, как инфляция окончательно подорвала денежное хозяйство; продуктообмен между сельскохозяйственными и промышленными производителями, для которого использовалась вооруженная ревизия «аграрных излишков»; руководство экономикой с помощью государственного принуждения. Для полного коммунистического счастья не хватало лишь «планомерного руководства» экономикой и обществом. Но и с этим удалось справиться: принимается план ГОЭЛРО и в начале 1921 г. создается Государственная плановая комиссия²².

Осуществление политики военного коммунизма, начавшееся в конце 1919 г., в кратчайший срок привело к катастрофе. Как позже признавали большевики, она окончательно парализовала экономические силы страны, так как после Гражданской войны экономический подъем с опорой на мелких производителей не успел наступить. Лишь натуральный налог, введенный в начале 1921 г., стал поворотным пунктом и показал полную несостоятельность руководства экономикой с помощью государственного принуждения. Первая

короткая попытка управления советской экономикой согласно идеологическим принципам быстро поставила вопрос о власти: развернулось крестьянское повстанческое движение против продразверстки, в результате которого все больше областей выходило из-под контроля. Требовалась радикальная смена курса²³.

Концепция военного коммунизма обретала значимость, прежде всего потому, что давала возможность многим большевикам представить себе, что же такое коммунизм. Следует подчеркнуть, что тем самым утрачивалась идентификация понятия «коммунизм» с высокоразвитым обществом и все более затушевывались отрицательные результаты этой политики. Новые попытки формирования будущего общества последовали в 1927 г. с «революцией сверху» и в конце правления Хрущева в 1950-е гг. Однако есть существенное различие. Концепция «военного коммунизма» развивалась на основе экономической ситуации, которая возникла под влиянием Первой мировой и Гражданской войн. Формулирование же идеологической установки «революции сверху» в 1927—1929 гг., а позже концепции построения коммунизма при Хрущеве последовало до начала их реализации.

В наши дни мало задумываются над вопросом, насколько в программные положения «революции сверху» вливались утопические элементы. Известная нам командная экономика в то время еще не оформилась. Хотя политика с 1927 г. все более покоилась на государственном принуждении, в конце 1929 г. власти предпринимали попытки разжечь «революционный энтузиазм» функционеров и трудящихся. При этом Сталин не обращал внимания на предупреждения ОГПУ о массовых нарушениях «революционной дисциплины» местными органами, отмечавшихся при ликвидации кулацких хозяйств²⁴. Рабочие бригады, получившие в деревне свободу действий, экспроприировали у крестьян все средства производства. Лишь месяцы спустя после начала кампании принуждения были опубликованы рекомендации из центра. В конце концов, Сталину пришлось погасить им самим развязанный революционный шторм, переложив в статье «Головокружение от успехов» всю долю ответственности на местные органы²⁵. В 1929 г. казалось, что достаточно лишь декларации перехода к социализму. А вот как должен был осуществляться этот переход, оставалось неясным. К примеру, для промышленности придумали «социалистический» закон коэффициента роста промышленного производства, который должен был ежегодного увеличиваться до 50%²⁶. В 1929 г. распространилось учение о том, что деньги и рынки в советской экономике утратили свою функцию. Еще осенью 1927 г. М. Беленький объявил, что система контрактов с сельским хозяйством превратила крестьян в рабочих-надомников государственной промышленности и тем самым проложила путь к социалистическому продуктообмену. Подобную позицию озвучил и Сталин в беседе с зарубежными рабочими делегациями²⁷. Убежденность в ненужности денег дала повод прекратить борьбу против инфляции. Отказались и от предварительной сметы расходов в промышленности. Зачем? Требовался ведь продукт, а не прибавочная стоимость²⁸. План был объявлен «волей пролетариата», а значит и законом²⁹.

Сохранение власти и в начале 30-х гг. было возможно лишь при решительной корректировке курса. О масштабах кризиса намекает характери-

ка XVII съезда партии в 1934 г. как «съезда победителей». Радикальная смена курса произошла на сей раз тайно. Впрочем, пропаганда, предназначенная для внешнего мира, придерживалась провозглашенных идеологических принципов. Замалчивание имело серьезные причины: если в 1921 г. большевики обрели легитимацию и поддержку благодаря публичной инсценировке смены политики, то в 1932 г. признаться в провале проводившейся политики означало бы утрату власти. Действительно, трудно представить, чтобы Сталин-политик признал свою вину за голод, ставший следствием политики форсированной индустриализации³⁰. О массовом вымирании населения говорить не разрешалось. С этих пор утаивание важных фактов и механизмов функционирования системы стало частью стратегии обеспечения господства.

Последний большой идеологический штурм был связан с кампанией по переходу к строительству коммунизма, развернутой Хрущевым. И вновь она серьезно затронула сельское хозяйство, и чудом сохранившиеся элементы мелкого индивидуального производства. Рабочим и служащим запрещалось держать скот, а колхозников заставляли передавать свою живность колхозу. Началась травля «паразитов», в число которых входили сельские ремесленники и духовенство. Контрольные полномочия передавались товарищеским судам и народным дружинам, т. е. обществу. С нивелированием зарплаты должны были начаться ликвидация денег и переход к коммунистическому принципу распределения по потребностям, для чего создавались общественные фонды потребления. Вновь вспомнили о концепции агрогородов³¹. Эта идеологическая атака разделила судьбу своих предшественников. В очередной раз был нанесен вред экономике и имиджу коммунистической партии. После смещения Хрущева об этом перестали вспоминать³².

4. Была ли альтернатива командной экономике?

Во многих исследованиях проводится мысль, что альтернативы командной экономике Сталина не было. Конечно, для партии, считавшей себя революционной, НЭП был стратегией, мало пригодной для поддержания «революционного» духа. Оценка новой экономической политики будет различаться в зависимости от того, с какой точки зрения ее оценивать — политической или экономической. Политически НЭП перестал быть возможной альтернативой для большевиков осенью 1927 г. с введением принудительных мер. Экономически до конца 1929 г. он был приемлемой и, собственно говоря, единственной альтернативой, которая помогла бы избежать громадного уничтожения ресурсов³³. Для этого имелся и первый пятилетний план, покоившийся на принципах НЭПа и предусматривавший сокращение частного сектора экономики в принципе, но не в абсолютных цифрах³⁴. Даже в той форме, в какой план был принят в апреле 1929 г., он представлял собой приемлемую альтернативу, как это показали Хантер и Чирмер. В соответствии с их аргументацией план можно было выполнить за 7 лет без снижения потребления³⁵.

Теоретики большевиков в начале 1920-х гг. с помощью стратегии «Лицом к деревне» развивали политику, которая должна была решить главную пробле-

му страны, — проблему скрытой и явной безработицы. Клич «Обогащайтесь» призывал сельских предпринимателей создавать рабочие места³⁶. Стратегия «Лицом к деревне» означала: теперь не время классовой борьбы. Ввиду отсталости страны требовалось сначала позаботиться о развитии экономических сил, что было невозможно без опоры на предприимчивых мелких собственников. Позже, распустив народные коммуны, на тот же путь вступит Китай и достигнет положительных результатов³⁷. Удовлетворение «основных революционных потребностей» с помощью сталинского политического поворота стоило жизни миллионам людей и на десятилетия обрекло другие миллионы на убогое существование. Промышленный и военный потенциал 1941 г. был достигнут не благодаря, а вопреки этим жертвам. Все говорит в пользу того, что, продолжайся НЭП, успехи были бы гораздо значительнее.

Недооценка значения мелкого производства и ремесленничества восходит к Марксу и характеризует одну из важнейших и наиболее роковых ошибок при анализе капиталистической экономики. Реальное развитие капиталистических государств опровергло Маркса еще до Первой мировой войны. Мелкое производство не было обречено на гибель ни в ремесле, ни в сельском хозяйстве. Его требовалось лишь реструктуризировать, чтобы благодаря специализации повысить производительность и сделать конкурентоспособным. Форсированная индустриализация лишь усилила отставание Советского Союза в сфере мелкого производства и услуг. До 1992 г. СССР оставался «пустыней услуг», отставая даже от Китая.

Был ли НЭП несостоятелен в экономическом смысле? Проблемы при регулировании рынка, бесспорно, существовали. Не в последнюю очередь они явились следствием голода 1921—1922 гг., вызванного политикой военного коммунизма и уничтожившего треть поголовья рабочего скота в сельском хозяйстве. Поэтому душевое производство продуктов питания и в 1928 г. было примерно на 10% ниже довоенного уровня. Концепция успеха, направленная в начале 1920-х гг. на увеличение производства аграрной продукции, заключалась во введении натурального налога на сельскохозяйственную продукцию. Отказ от него в 1924 г. из-за предполагаемых слишком высоких расходов на его сбор³⁸ сегодня кажется роковой ошибкой. Новая экономическая политика с ее ориентацией на рынок отнюдь не исключала натурального налога. Вернуться к нему можно было и в 1927—1928 гг. как к альтернативе чрезвычайным мерам, но, очевидно, этот вопрос тогда не рассматривался. Тем не менее, в конце 1932 г. в свете губительных последствий принудительной коллективизации возвращение к натуральному налогу состоялось в виде обязательной поставки³⁹.

Столь же мало поддается аргументации утверждение, что к смене политики большевиков подтолкнула необходимость поиска средств для индустриализации. «Дань» с крестьян в пользу индустриализации собиралась уже в ту пору, когда большевики еще только ожесточенно спорили об этом⁴⁰. Преображенский предложил облагать крестьянские хозяйства специальными налогами. Поэтому Грегори, характеризующий трансфер капитала из сельского хозяйства как четвертый важнейший элемент большевистской идеологии, серьезно искажает историческую ситуацию⁴¹. Этот источник капитала должен был иссякнуть одновременно с устранением частных крестьянских хозяйств. Бар-

сов доказал, что это действительно произошло в годы первой пятилетки. Из-за коллективизации главная тяжесть накопления капитала легла на рабочих и служащих. Следовательно, именно потребности накопления капитала говорили против отказа от НЭПа. Затем до 1932 г. у колхозов не изымали средства для индустриализации. Только введение в 1933 г. норм поставок, увязанных с гектарами посевных площадей и поголовьем животных, дало новый импульс перемещению капитала, так как сельскохозяйственные закупочные цены в результате неконтролируемой инфляции возмещали лишь небольшую часть издержек производства⁴².

Таким образом, отрицательная оценка НЭПа мало обоснована. Существовал простор для его развития, который следовало бы охарактеризовать скорее как потребность индустриализации, нежели как дружественную крестьянству политику. Нельзя также не учитывать аргумент американского экономиста Миллара, который отметил, что цены на крестьянские товары не были гибкими. Правда, они могли отсрочить момент продажи и несколько изменить ассортимент продукции, но из-за нехватки денег не имели возможности отказаться от поставок сельскохозяйственных продуктов⁴³. Такую же политику успешно проводит и Европейский Союз: из-за фиксированных закупочных цен крестьяне могут увеличить свои доходы только с помощью повышения продуктивности. Это вызвало рост сельскохозяйственного производства в ЕС. Сбор урожая с гектара увеличился, продажи возросли, а издержки производства снизились.

В литературе по индустриализации, как правило, недостаточно анализируется вопрос, в какой мере отход от НЭПа ослабил экономический рост. А ведь результатом стало катастрофическое уничтожение ресурсов в сельском хозяйстве, мелком производстве и торговле⁴⁴. Добавим отрицательные последствия, вызванные ухудшением условий жизни, приведшие к высокой текучести кадров на предприятиях в начале 1930-х гг. Любой вариант политики, который избежал бы этого уничтожения ресурсов и сохранил частный сектор, хотя бы на уровне 1929 г., в итоге сделал бы возможным более быстрый рост экономики до 1941 г. при меньших социальных расходах.

5. Следует ли датировать начало административно-командной экономической системы 1929 или 1932 годом?

Обычно начало административно-командной экономической системы датируется 1929 г., когда был провозглашен лозунг форсированной индустриализации. Согласно этой точке зрения подход к руководству экономикой с помощью государственного принуждения связывался с идеологическими и отчасти утопическими представлениями. Как показывают масштабы кризиса 1932 г., речь не шла о системном (способный нести нагрузку) политическом подходе. Осуществлявшееся государственное принуждение в ходе «революции сверху» имело разрушительные последствия. Безудержное планирование и «революционный энтузиазм» рабочих и активистов не привели к успеху индустриализации, а, напротив, ввергли этот режим в тяжелейший кризис. Создание административно-командной экономики с колхозной системой как ее частью стало

ответом на этот кризис и должно пониматься, прежде всего, как спасительная инициатива, призванная обеспечить сохранение власти партии в почти безвыходной ситуации. Не в последнюю очередь потому, что механизм функционирования советской экономики, сформировавшийся в 1932—1933 гг., отверг идеологические принципы, он смог сохраниться в основных чертах до конца 1980-х гг. Этот механизм функционирования и заложил в дальнейшем основу высокого экономического роста.

Развитие советской экономики между 1930 г. и 1932 г. лучше всего описал Дэвис. Он показывает «деидеологизацию» экономической политики и разъясняет прагматический характер принципов функционирования⁴⁵. Смущает лишь то, что он говорит о «малых реформах», поскольку экономические эксперты в то время требовали полного изменения системы и возвращения к рыночному и денежному хозяйству. Колхозная система, созданная на рубеже 1932—1933 гг., была реакцией на возникший голод и основывалась на боязни его повторения после урожая 1933 г.⁴⁶ Грегори игнорирует эту фазу формирования, сосредоточившись на описании элементов системы.

Если во время коллективизации колхоз рассматривался как форма социалистического производства, то уже в 1931 г. партийная верхушка начала обвинять председателей колхозов в саботаже⁴⁷. Тем самым к колхозам применялись те же меры принуждения, что и ранее к крестьянам-единоличникам. С созданием машинно-тракторных станций партийное руководство запретило колхозам владеть механизированными средствами производства и использовало машины в качестве очередного рычага государственного принуждения. С внедрением молотилок зерно с полей в обход колхозных амбаров шло напрямую государству. Вопреки всем идеологическим принципам колхозников причислили к потенциальным «врагам» социализма. Отказав крестьянам в выдаче паспортов осенью 1932 г., партийная верхушка отнесла их к категории «граждан с урезанным правовым статусом».

Впрочем, изменения в промышленности были искусно завуалированы, так как осуществлялись постепенно. К числу «малых реформ» Дэвис относит возвращение к единоличному управлению и прекращение преследования «буржуазных специалистов», осуждение нивелировки зарплаты, отказ от устранения денег до достижения коммунизма, разрешение «колхозного рынка»⁴⁸. К этому следует добавить блокирование поддерживавшейся сверху еще в начале 1930-х гг. «революционной инициативы» и популярных, прежде всего среди молодежи движений, например, по созданию коммун в городе⁴⁹. При этом следует различать два процесса: верхи изменили свои директивы по мере получения информации о спаде экономического роста и затягивании строительства объектов, а низы приспособлялись к ситуации, реагируя на крайнюю суровость репрессий. Взаимодействуя, эти процессы привели к окончательному формированию административно-командной экономической системы. На уровне предприятия этот процесс не был изучен. Но на основе опроса эмигрантов после Второй мировой войны экономист Берлинер назвал это управленческим поведением⁵⁰.

6. Как функционировала административно-командная экономическая система

Дилемма государственного принуждения проявилась в годы «революции сверху». Повсеместный контроль и административное принуждение сами по себе не гарантировали экономического роста. Это объяснялось, прежде всего, недостаточной обоснованностью приказов, касавшихся производства, и невозможностью обеспечить своевременный и необходимый объем поставок, требовавшихся для их выполнения. Так как мы можем констатировать, что после 1932 г. командно-административная экономическая система достигла весьма высокого роста, то для объяснения действительного функционирования должны искать механизм, который в сочетании с жестоким принуждением сверху компенсировал недостаточность производственных указаний. Для этого следует посмотреть, что происходило на уровне производителей. Каким образом директора предприятий способствовали функционированию системы, и какими качествами они должны были обладать? Из-за диктата планов, компенсационный механизм должен был работать скрытно. Избежать нелегальных методов при этом было невозможно, так как интересы «диктатора»⁵¹ в определенной степени совпадали с интересами производителей. Примерно с 1932 г. командная экономика начала сливаться с «теневой»⁵². Задача сохранения видимости централизованного управления системой допускала управленческое поведение, в сущности, противоречившее ей. Производители понимали, что в случае выполнения плана они могут рассчитывать на определенную защиту. Основывавшийся на этом экономический успех шел на пользу диктатору, и поэтому он, как правило, закрывал глаза на то, какими средствами этот план выполнялся.

Эти механизмы функционирования советской экономики впервые описал Берлинер в конце 1950-х гг. Его исследование доказало, что директора предприятий и управленцы более высокого уровня, вплоть до отраслевых министерств⁵³, при выполнении плана удивительно мало беспокоились о правилах игры⁵⁴. Позже Эжен Залески в исследованиях о планировании экономики и выполнении плана выявил, что советская экономика управлялась, но не планировалась⁵⁵. Архивные исследования подтверждают этот вывод и позволяют его уточнить.

Чтобы составить реальные планы, следовало не только устанавливать цели производства, но и заботиться о своевременной поставке необходимого количества ресурсов. Экономисты заранее указывали на узкое место, возникающее при решении этих задач: для централизованного руководства сотнями тысяч предприятий требовалось огромное количество информации⁵⁶. В действительности все планы изначально имели существенные недостатки. К отдельным предприятиям предъявлялись заниженные требования, а ко многим другим — завышенные. Слабость, становившаяся хронической, заключалась в том, что обеспечение ресурсами не гарантировалось. Руководству предприятий для выполнения планов приходилось действовать самовольно, а, значит, вопреки системе.

Для начала следует рассмотреть функциональную роль диктатора в этой системе. Ему надлежало заботиться о том, чтобы подчеркнуть свою ведущую роль в достижении экономических успехов⁵⁷. Это была роль арбитра, стоящего

над отраслями и их интересами. Кроме того, он претендовал на право тотального контроля, позволявшее ему в любой момент осуществлять вмешательство в экономический процесс. Только он мог изменять планы, обязательные для всех. Особенно это касалось оперативных годовых и квартальных планов, ибо пятилетние и перспективные планы представляли собой лишь «образец без цены» (Залески) и носили скорее символический характер, чтобы показать гражданам видение будущего. Чтобы сделать себя незаменимым, диктатор должен был быть непредсказуемым в своих действиях. Именно в этой, казалось бы, противоречившей системе беспорядочности и заключалась гарантия сохранения его власти. Каждое соблюдение правил делало бы управление рутинной задачей, а диктатора тем самым — заменимым. Для обеспечения тотального контроля Политбюро вынуждено было заниматься даже самыми мелочными вопросами.

Архивные исследования выявили функции «арбитра» в этой системе. В верхах и даже среди членов Политбюро существовал острый конфликт интересов вокруг распределения скудных ресурсов между отраслями и регионами⁵⁸. Каждая отрасль экономики, а также министерства просвещения, здравоохранения и т.д., требовали как можно больше ресурсов. Поэтому суммарные требования значительно превышали имевшиеся в наличии средства и ресурсы. Исходя из конструкции планового хозяйства, решения между противоречившими друг другу интересами должны были бы принимать органы, ответственные за всю экономику, прежде всего, Госплан и Совет Министров. Но тогда диктатор стал бы зависимым от этих органов. Ему надо было завладеть функцией «арбитра», чтобы поставить все остальные институты под свой жесткий контроль. Если же Госплан и Совет Министров получали необходимые полномочия, диктатор становился ненужным. Здесь и кроется объяснение, почему именно Госплан стал одной из главных мишеней в рамках кампании против буржуазных специалистов и оказался «обезглавленным» в 1927—1929 гг. Диктатор захватил руководство экономикой⁵⁹. Повторные атаки определяли дальнейшее поведение Госплана. Вместо того чтобы отдавать ясные указания к действию и принимать на себя обязательства, он стремился формулировать как можно более неопределенные и, как правило, обобщенные плановые задания, чтобы в случае их невыполнения не оказаться в роли жертвы⁶⁰. Подобным образом обстояло дело и с Советом Народных Комиссаров. После смещения Рыкова в 1931 г. он был передан в руки партийной верхушки и до 1941 г. возглавлялся верным подручным Сталина Молотовым, никогда не оспаривавшем роль вождя.

Специфическое положение диктатора с вытекавшими отсюда интересами также объясняет, почему органы централизованного управления в той системе (аппарат Центрального Комитета, Госплан) не обладали необходимым влиянием для выполнения формально возложенных на них задач и достаточными кадрами. Именно поэтому они не могли обеспечить и переработать огромное количество информации, чего от них требовала концепция «планового» управления экономикой. Конструкция этих органов служила исключительно командным и контрольным интересам диктатора. Она требовала небольшого подконтрольного аппарата, который тот мог использовать в своих целях⁶¹. На практике лишь немногие решения принимались централизованно. Множе-

ство из них рождались в министерствах и ведомствах. Видимо поэтому слияние с теневой экономикой происходило незаметно.

Положение министерств было противоречивым. С одной стороны, они должны были проводить политику и осуществлять повсеместный контроль. Но в случае невыполнения планов и им приходилось опасаться репрессий. Так что они входили в положение подконтрольных им производителей: доклады «наверх» о неутомимой борьбе за успешное выполнение плана и не афишировали, какой ценой это было достигнуто. Министры, независимо от того входили ли они в Политбюро или нет, должны были защищать «своих» директоров предприятий и делать все, чтобы те выполнили план⁶². В случае провала, за него отвечал лично министр. Таким образом, производители вместе с отраслевым министерством превращались в сообщество заговорщиков, связанных чувством преданности ради личной безопасности и карьеры. Во всех центральных органах министр защищал свои отраслевые интересы. В результате с начала 1930-х гг. стали использоваться категории «Мы» и «Они». В первую категорию входила вся совокупность отрасли экономики или региона, старавшиеся максимально удерживать ресурсы, а не отправлять их в ведущие отрасли экономики и регионы категории «Они», к которой относились сам диктатор и другие экономические отрасли и регионы.

Берлинер показывает, что директора предприятий стремились избежать репрессий. Ввиду того, что выполнение плана, которое было законом, сталкивалось с несовершенством этих планов, они стояли перед выбором: создавать, пусть даже с использованием незаконных методов, ситуации, которые улучшали бы их шансы на выполнение плана, или обращаться к вышестоящим органам и объяснять причины невыполнения планов, веря в поощрение проникнутого конформизмом по отношению к системе поведения. Репрессивная практика заставляла руководителей предприятий обдумывать стратегию поведения. Тот, кто не выполнял план, клеймился как саботажник и враг народа. Жалобы на слишком высокие плановые задания или отсутствие поставок редко имели успех, гораздо чаще вышестоящие органы вплоть до диктатора считали этих управленцев неспособными упрямыми, которые не сумели творчески преодолеть возникавшие проблемы. Иначе обстояло дело с директорами предприятий, выполнявшими план, даже если для этого они и прибегали к незаконным методам. Их ждали награды и уважение. Так как и диктатору для оправдания его роли требовался экономический успех, его мало интересовало, какой ценой выполнялся план. Для демонстрации своей власти он нуждался в «козлах отпущения». Поэтому режим карал действовавших по правилам директоров предприятий и премировал нарушителей правил, тем самым, санкционируя теневую экономику. Отсюда, однако, отнюдь не следует вывод о том, что диктатор видел эту связь.

Директорские стратегии управления условно можно разделить на четыре группы. Их объединяло одно: все они находились в противоречии с официальным описанием системы и являлись однозначным нарушением правил, нарушение которых в сущности вело к наказанию. Первая стратегия основывалась на манипулировании докладывавшейся «наверх» информации, чтобы получить «мягкие», т.е. выполнимые плановые задания. С этой целью скрывались

важные сведения, которые могли дать центральным органам отправные точки для оценки эффективности предприятия. Поскольку плановые данные фиксировались в сфере «Мы», а это касалось массы задач, то имело место стремление выторговать внутри министерства или региона выполнимые условия. Соответственно, директор предприятия был заинтересован в поддержании «хороших отношений» со своим министерством, впрочем, и министр был готов поддерживать «хорошие» кадры⁶³. После Второй мировой войны предприятия использовали этот путь для манипулирования ценами на новую продукцию. Чем щедрее рассчитывались при этом расходы, тем больше «свободного пространства» получало предприятие.

Вторая стратегия базировалась на накоплении предприятием необходимых ресурсов без передачи информации об этом «наверх». Это было реакцией на несвоевременные поставки необходимых для производства материалов и комплектующих. Таким образом, они могли сократить время простоя. Накопление касалось и рабочей силы. Благодаря этому ошибки в планировании не вели к немедленной катастрофе⁶⁴. В третьем случае использовался «черный» рынок, когда предприятия добывали необходимые ресурсы, прибегая к услугам «толкачей». Часть товаров получали также «в обмен» или после специального заказа на их изготовление. Любые операции на черном рынке подразумевали присвоение соответствующих денежных средств и хорошую оплату нелегальных поставок. Кроме того, «толкачи» требовали больших премий за риск, ведь за незаконные сделки им грозил арест. После Второй мировой войны поддержание «хороших отношений» с «покровителем» обеспечивалось с помощью «приличных» подношений⁶⁵. Деньги для дачи взяток изымались из фонда заработной платы или поступали с доходов от сделок. Свою роль играла и практика перевода кредитов с безналичных средств на счетах на наличные⁶⁶. Четвертую стратегию можно охарактеризовать как манипулирование суммарными данными о выполнении плана, которые не отображали ассортимент и качество продукции. Так как сообщались, прежде всего, общие показатели выполнения плана, то отклонения от производственной программы и невыполнение контрольных цифр по запчастям и другим мелким деталям легко затушевывались.

Возникает вопрос, почему диктатор не использовал свою власть, чтобы пресечь противоречащее правилам поведение директоров предприятий? Определенная двойная стратегия обнаруживается и здесь. Например, ограничивались возможности применения внешних механизмов контроля. Диктатор, чтобы не рисковать экономическим успехом, боялся слишком жестко карать за выявленные нарушения, компенсировавшие недостатки планирования. Документы Комиссии партийного контроля в период с 1934 г. по 1939 г. доказывают, что провинившихся, как правило, наказывали на удивление мягко⁶⁷. Чаще всего директор предприятия отделялся выговором, а вот «толкачи», напротив, привлекались к ответу. Ввиду большого количества предприятий вероятность внешнего контроля была незначительной, так как он обычно затрагивал проблемные отрасли. Контрольные мероприятия в основном проводились конфиденциально, в рамках отраслевых министерств, к тому же жалобы на успешных управленцев часто оставались безответными, так как отраслевые министерства, защищали «своих» директоров до последнего⁶⁸.

В результате практика контроля дополнительно санкционировала нарушения правил и «теневую» экономику. В промышленности вознаграждались управленцы, отличавшиеся готовностью к риску и находчивостью в обращении с государственными предписаниями. Руководители, не умевшие выполнять план с помощью незаконных средств, напротив, устранились. Этот поразительный «отбор лучших» во многом объясняет экономический успех, достигнутый СССР.

Можно предположить — и на этом основывалось официальное описание системы, — что диктатор с помощью планов выражал свое представление о расстановке приоритетов. Но в действительности все обстояло иначе. Сталин не мог обеспечить необходимые для их реализации поставки. Поэтому, сколь ни странно прозвучит данное утверждение, установка приоритетов в административно-экономической системе имела всегда ретроспективное место. Каким же образом, в конечном счете, в выигрыше вновь и вновь оказывались одни и те же сферы? Назову некоторые факторы. Очевидно, репрессивная рука диктатора карала неуспешные отрасли. Смена директоров дополнительно вредила этим отраслям и затрудняла их восстановление. Только обладатель «черной» кассы мог успешно пользоваться «черным» рынком. Успех ряда отраслей объясняется подбором менеджмента предприятия и последующего доступа директоров в «теневую» экономику. Так как «предпринимательский талант» и в советском обществе был довольно редким, их старались привлекать и стимулировать высокими окладами. Впрочем, жалованья управленцев в зависимости от отрасли разнились необычно сильно. Оклады в легкой и пищевой промышленности, а, значит, и возможности создания «черных» касс для развития «теневого» экономики были ощутимо ниже. Неравноправие между отраслями, созданное однажды с помощью политики в области заработной платы, сохранялось вплоть до эпохи Горбачева. О том, насколько ограничены в этой сфере были возможности самого диктатора, свидетельствует непредсказуемая взаимозаменяемость министров. Представляя интересы своего ведомства, министр неизбежно превращал интересы «своих» производителей в собственные, от которых, в свою очередь, зависела и его судьба⁶⁹.

7. О роли Сталина: почему не произошло саморазрушения системы

Этот вопрос имеет центральное значение для понимания сталинизма. Хотя и в сталинизм закладывались элементы саморазрушения, он не разрушил себя сам подобно национал-социализму, а, напротив, создал собственные институты, которые в значительной степени могли объяснить его условно успешную деятельность в экономической сфере и продолжали существовать также после смерти Сталина. В конечном счете, генсек оставил после себя систему, укрепленную экономически⁷⁰. Поэтому Грегори, очевидно, упрощает, констатируя, что Сталин добился своего просто потому, что был самым жестоким⁷¹. Иосиф Виссарионович, без сомнения, был невообразимо жесток, но это все же не объясняет, ни почему он одержал политическую победу, ни почему созданная им система пережила его смерть. Нет, Сталин был, прежде всего, исключи-

тельно одаренным политехнологом, способным вновь и вновь с помощью неожиданной смены курса усилить свою позицию. В отношении же принципов функционирования административно-командной экономической системы нам, вероятно, придется удовлетвориться объяснением, что Сталин для оправдания своего господства нуждался в экономическом успехе. В итоге его действия привели к описанному симбиозу командной и «теневой» экономик.

Как ни важны были для легитимации господства Сталина публичная защита им социалистической революции и строительство социализма⁷², в идеологии будущего социалистического общества я не вижу элемента, существенно объяснявшего его деятельность. Наряду с уже изображенными механизмами функционирования системы, можно указать только на проводившуюся с середины 30-х гг. политику «большого отступления» («Great Retreat»), с помощью которой во многих сферах общества и культуры осуществлялось прагматическое изменение курса⁷³.

Сталин отличался тонким чутьем, необходимым для сохранения власти. Оно подсказывало ему наступление действительно опасной ситуации. Генсек применял террор, прежде всего массовый, только в стабильных условиях, когда системе не угрожала опасность⁷⁴. В действительно же опасных ситуациях он занимал прагматические позиции, а в экстремальных случаях осуществлял корректировку системы, прислушиваясь к мнению других. Во времена Сталина было четыре ситуации, когда сохранение власти Коммунистической партии, а, значит, и его господство, оказывались под серьезной угрозой. Первая случилась в начале 1930 г., когда «бабий бунт» против коллективизации, о котором Сталин позже говорил как о «небольшом недоразумении из-за коровы», вышел из-под контроля. Вторую ситуацию породил голод 1932—1933 гг. В 1938 г. «большой террор» стал настолько неподконтрольным, что уничтожение квалифицированных кадров начало угрожать самой системе. И, наконец, четвертая ситуация возникла в 1941 г. после нападения Германии. Характерно, что на все названные ситуации Сталин реагировал не террором, а мнимым отступлением и сменой курса ради сохранения власти, пусть и временной. Так, в марте 1930 г., опубликовав статью «Головокружение от успехов», он пошел навстречу крестьянкам и взвалил вину за перегибы в ходе коллективизации на нижестоящие органы. Смена курса в кратчайший срок выправила ситуацию. Осенью 1930 г. коллективизацию удалось продолжить и затем довести до конца⁷⁵. Реакцию на катастрофический провал «революции сверху» я уже показал. В этом случае можно констатировать длительные прагматические изменения экономической системы, впоследствии закрепившиеся в колхозной системе, а также симбиозе командной и «теневой» экономик.

В третьей опасной ситуации в конце 1938 г. Сталин внезапно распорядился прекратить «большой террор» и упрочил свое господство с помощью массового приема в коммунистическую партию перспективных молодых руководителей. Решающее изменение курса имело место и после гитлеровского нападения. Сталин начал отходить от многого, что могло подорвать поддержку населением господства коммунистической партии: например, распространились слухи о предстоящем роспуске ненавистных колхозов. Улучшились отношения с православной церковью (хотя незадолго до этого Сталин издал

приказ № 447, по которому священнослужителей расстреливали в массовом порядке), война ведь велась в защиту Отечества, а не социализма⁷⁶.

Большие волны террора — речь не идет о терроре как о способе осуществления власти — возникали всякий раз в ситуациях, которые Сталин прочно держал под контролем: так было с изоляцией «буржуазных специалистов», «правых» после 1927 г. или началом большого террора в конце 1936 г. С точки зрения политики диктатора имели значение также новые политические повороты, осуществлявшиеся Сталиным. С их помощью он вселял неуверенность как в потенциальных противников, так и в своих приближенных. Диктатор до самой смерти осуществлял тотальный контроль и над членами ближайшего руководящего круга, все время испытывая их лояльность⁷⁷. Сталину приходилось прибегать к таким методам, чтобы сделать свою власть не поддающейся пониманию для подчиненных и тем самым защитить ее.

Следует подчеркнуть, что Сталин, в отличие от Гитлера, был исключительно «усердным диктатором», основавшим свое господство в 1930-е гг. на лучшей, нежели его последователи, информированности. В архивах сохранилось множество сообщений, проработанных им и снабженных комментариями. Управляя политикой, он опирался на эту информацию, включая и поступающие «снизу» предложения реформ. Прагматическая корректировка экономической политики — красноречивое тому свидетельство. Архивный материал исправляет наше прежнее представление о руководящей роли Сталина. Дэвис применительно к 1930-м годам доказал, что все предложения реформ, обсуждавшиеся партийной верхушкой, вносились лично Сталиным, другие члены партийного руководства лишь следовали за ним⁷⁸. Информация для Сталина была инструментом сохранения власти. Это объясняет, почему о важных решениях кроме Сталина знали только избранные члены Политбюро в рамках их компетенции⁷⁹.

Следует отметить ту активность, с какой Сталин продвигал «снизу» на руководящие позиции новые кадры. После его смерти эта тенденция исчезла, особенно при Брежневе, и уступила место «старению» на политически важных позициях. При Сталине же в результате такого отбора даже террор, распространившийся на все слои населения, оказывал на систему стабилизирующее воздействие. Он делал ставку на омоложение руководителей и осуществлял свое господство в ближнем круге с помощью свежих, полностью преданных ему людей, которых, впрочем, нередко приказывал расстреливать, если они прекращали исполнять свои обязанности⁸⁰. С помощью «чисток» он не только менял руководящие кадры, которые благодаря своей компетентности могли завоевать авторитет и стать угрозой его авторитету, но и выдвигал на освободившиеся посты молодых людей, обладавших надлежащей квалификацией и абсолютно преданных ему.

8. Значение принудительного труда для индустриализации

Принудительный труд при Сталине имел основополагающее значение для экономики. Он не в последнюю очередь служил приучению к дисциплине рабочей силы в гражданской промышленности и, таким образом, вписывался в систему террора и запугивания. Под принудительным трудом я подразумеваю

три системы: лагеря принудительного труда, объединенные в 1934 г. в ГУЛАГ, с быстро меняющейся рабочей силой заключенных, спецпоселения как системе ссылки в сочетании с работой, и колхозы, члены которых принудительно трудились «по месту жительства». Как при крепостном праве с осени 1932 г. и спецпоселенцы, и колхозники прикреплялись к земле. Эти три формы не являлись необходимой составной частью экономической системы и поэтому после смерти Сталина были устранены.

При оценке значения принудительного труда для индустриализации просматривается сближение между позициями, прежде весьма спорными по отношению друг к другу⁸¹. Этому в немалой степени способствовало опровержение завышенных данных некоторых исследователей о численности подневольных рабочих — до 15 млн. — в лагерной системе ГУЛАГа, что не подлежит сомнению. Располагая «только» 2 млн. заключенных перед Второй мировой войной и примерно 2,6 млн в год смерти Сталина, ГУЛАГ имел для индустриализации лишь маргинальное значение. Я хотел бы обратить внимание на то, что принудительный труд скорее навредил индустриализации, нежели ей помог. Правда, он был важен для упрочения административно-командной экономической системы, которая не была устранена до самой смерти Сталина, так как в политическом плане основывалась на репрессивном интересе, ради которого, в конечном счете, допускался даже экономический ущерб. Труд заключенных имел скорее подчиненное значение⁸². Система колхозов была не в состоянии дать колхозникам стимул к труду и в результате способствовала застою аграрного производства⁸³.

Ошибочное мнение, что принудительный труд «дешев», соблазнило верхушку партии и, прежде всего, Сталина начать недостаточно просчитанные крупные проекты, поглотившие значительную часть скудных инвестиций. Экономическая или стратегическая выгода некоторых из них сомнительна. К ним относится и первый большой проект, реализованный с помощью принудительного труда, — строительство Беломоро-Балтийского канала. Поразительно, что многие из этих крупных начинаний так и не были закончены или стали реальностью с большим опозданием. При Сталине были проложены многочисленные «железные дороги в никуда», которые хотя и поглотили немало капитальных вложений и ресурсов, но не дали народнохозяйственного эффекта. Возникновению и обострению проблем способствовало стремление снизить расходы и «построить дешево»⁸⁴. Именно поэтому не состоятелен аргумент, что принудительный труд способствовал освоению Крайнего Севера и Сибири. Оно началось уже после смерти Сталина и осуществлялось с использованием высокооплачиваемого свободного труда. Общеэкономический ущерб от непродуманных крупных проектов после Второй мировой войны осознали отдельные ответственные лица, включая Берию. Заместитель министра внутренних дел Мамулов внес в 1949 и 1951 гг. предложения о коренных реформах, подняв вопрос о превращении ГУЛАГа в систему ссылки, причем заключенных для отбытия части наказания следовало селить на месте работы без охраны⁸⁵. Таким образом, должна была решиться и проблема мотивации, обострившаяся в 1938 г. из-за отмены эффективного стимула к труду в виде досрочного освобождения⁸⁶.

9. Почему не удались попытки реформ, имевшие целью повышение эффективности экономической системы?

Возникшая при Сталине система командной экономики обнаруживала существенные недостатки. После Второй мировой войны отдельные партийные руководители начали это осознать. В самом узком кругу речь шла об изменении колхозного строя и системы принудительного труда. Сталин, однако, блокировал все осторожные инициативы в этом направлении, а без его согласия режим не был дееспособным.⁸⁷ К тому же изменениям в системе до смерти Сталина мешали многочисленные мифы. То, что было важным для объяснения и поддержания стабильности господства Сталина, препятствовало необходимым реформам. К числу таких мифов относились сказки о высокой степени механизации производства, о решении зерновой проблемы и о «зажиточной жизни» советских людей. Во всех этих сферах изменения начались только после смерти вождя⁸⁸.

В отношении командной экономики известны недостатки критериев, использовавшихся для оценки выполнения плана: они односторонне выпячивали количественные, а не качественные признаки. Тем не менее, следует констатировать, что в середине 1950-х гг. не только верхушка партии, но практически и вся когорта советских экономистов придерживалась убеждения, что советское «плановое хозяйство» превосходило капиталистическую рыночную экономику⁸⁹. Но ведь еще Берлинер отмечал его слабую эффективность. Он подчеркивал, что в специфическом симбиозе командной и «теневой» экономик, т.е. при давлении «сверху» и оборонительных стратегиях «снизу», взаимно уравнивались недостатки эффективности, так что по сравнению с рыночными экономиками результат оказывался менее негативным, чем можно было ожидать. И хотя накопление на уровне предприятий и лишало народное хозяйство скудных ресурсов, оно сокращало время простоев, возникавших при давлении только «сверху» и обеспечивало выполнение «мягких планов», так что предприятия под меньшим давлением могли выпускать продукты лучшего качества, чем при более напряженных планах. А «толкачи» гарантировали, что скудные ресурсы попадали именно туда, где они были наиболее необходимы⁹⁰. Берлинер указывает на охотно замалчивавшийся «чистыми» идеологами рыночного хозяйства факт, что каждая экономическая система демонстрирует недостаточную эффективность. Рыночные экономики расточительно обращаются с ресурсами, и в них имеет место государственное вмешательство или манипуляции предприятий⁹¹. Правда, несмотря на это ограничение, рынок позволяет более рационально принимать решения.

Даже если и придерживаться мнения о том, что основные принципы функционирования командной экономики продолжали существовать до середины 80-х гг., следует отметить существенные корректировки сталинского экономического строя, предпринятые в первые годы после смерти вождя. В их число входило постепенное устранение системы принудительного труда в лагерях и колхозах. Однако гораздо более важное значение имело то обстоятельство, что преемникам Сталина для утверждения своего господства пришлось перевести «зажиточную жизнь» советских граждан из стадии мифа в реальность. Резкий

переход к потребительской ориентации поставил перед экономической системой новые задачи. Цены сельхозпродуктов постепенно поднялись на уровень покрытия издержек, а рабочим и служащим через заработную плату возмещалась бо́льшая, чем прежде, доля производительности их труда⁹².

Перестройка экономических стимулов в колхозной системе началась осенью 1953 г. Колхозники быстро отреагировали на либерализацию аграрной политики и увеличили производство на приусадебных участках. Но надежда на то, что советская власть ликвидирует не только колхозную систему, но и ради повышения эффективности, распустит колхозы и разрешит частное сельское хозяйство, рухнула из-за убежденности Хрущева в превосходстве крупных сельскохозяйственных предприятий. Есть сведения, что Берия сомневался в колхозном строе. Можно только догадываться, от сколь значительного повышения эффективности отказался в результате Советский Союз, сравнив уровень развития производительных сил в СССР и Китае после устранения народных коммун⁹³.

Переход к потребительской ориентации делал необходимым публичный отказ от мифов сталинского режима и требовал от партийной верхушки превратить в реальность обещания лучшей жизни, а позже быстро догнать и перегнать капиталистические государства в сфере потребления. Для большей наглядности при Хрущеве были опубликованы «научно обоснованные» нормы потребления в расчете на душу населения, достичь которых режим обещал своему народу. При Сталине такого не было. Светлое будущее больше не казалось лишь светом в конце тоннеля — теперь каждый на основе конкретных чисел знал как должно выглядеть именно его будущее⁹⁴.

При всей радикальности разрыва с мифами сталинского режима ни один из партийных лидеров не был готов поставить под вопрос миф о том, что советская командная экономика является «плановым хозяйством». Конечно, определенную роль играло то обстоятельство, что тогда советская экономическая система функционировала еще вполне прилично. Следует также усомниться в желании партийной верхушки точно знать, как функционировала эта экономическая система. С достижением компромисса между партийными руководителями при подготовке секретного доклада 1956 г. табу было распространено и на историю возникновения административно-командной экономической системы. Отныне все жертвы принудительной коллективизации и форсированной индустриализации до 1935 г. признавались необходимыми. Тем самым была письменно зафиксирована сказка о том, что «буржуазные специалисты» бойкотировали индустриализацию, а иностранные специалисты ее саботировали⁹⁵.

Советский Союз в разработке военной техники сначала не отставал от США. С развитием межконтинентальных ракет он даже получил временное преимущество. Это упростило Кеннеди проведение через американский конгресс «программы довооружения», которая повысила военно-техническое превосходство США до уровня, становившегося опасным для Советского Союза. Хрущев же, развязав «гонку на Луну», нанес новый ущерб своей стране⁹⁶.

Ускорили ли начатые при Хрущеве изменения гибель командной экономики эпохи Сталина? В определенном смысле конечно, но только потому, что обязательное приспособление экономической системы к новым условиям не состоялось. Представим на миг, что западные рыночные экономики и сегодня функ-

ционировали бы так же, как в период между двумя мировыми войнами или, скажем, в 1960-е гг. Народное хозяйство любой страны живет благодаря своему постоянному изменению. Капитализм в Западной Европе с переходом к модели «социального рыночного хозяйства» или, соответственно, государства всеобщего благоденствия, также осуществлял решающую цезуру⁹⁷. В этом смысле понятия «командной экономики» и «рыночного хозяйства» отличаются с позиций политики формирования хозяйственного порядка и мало что говорят об истинных механизмах функционирования. Это значит, что вопрос надлежит поставить следующим образом: почему административно-командная экономическая система не приспособлялась к новым потребностям, когда после смерти Сталина начались перемены? Приверженность сталинской политике террора и обязательного образования сбережений была столь далека от реальности, что этот вопрос даже не обсуждался верхушкой партии. Следовательно, установка на потребление была необходимой предпосылкой для продолжения существования системы⁹⁸.

Ориентация на потребление представляла собой вызов в двояком отношении. С одной стороны, она угрожала обязательному образованию сбережений, которое в международном сопоставлении обеспечило Советскому Союзу чрезвычайно высокий удельный вес капиталовложений в чистом национальном продукте. Компенсацию следовало искать в повышении эффективности этих капиталовложений. С другой стороны, производство потребительских товаров требовало от промышленности гибкости, так как теперь она сталкивалась с быстро меняющимися потребностями населения⁹⁹.

Реформистский подход Хрущева, так называемая реформа совнархозов, имел бюрократический характер. Его главная заслуга состоит в том, что наряду с отраслевым принципом утвердился и региональный, характеризовавшийся как «местный патриотизм». С этих пор территориальные образования наблюдали за тем, чтобы как можно меньше сырья и готовых продуктов уходило в «чужие» области¹⁰⁰.

То обстоятельство, что в середине 1960-х гг. в Восточной Европе приступили к экономическим реформам, подчеркивает все большее осознание слабой эффективности командной экономики. При измерении выполнения плана не удалось придать большее значение качественным критериям. Очевидная слабость по сравнению с рыночными экономиками стала видна на примере проблем проникновения технического прогресса. Высокие издержки производства не вредили предприятию, а компенсировались государством через бюджетные субсидии. К тому же исключалась сама возможность банкротства. Немецкий экономист Генрих Фогель назвал это «Промышленным музеем Восточной Европы». Чтобы осознать потенциал этой фазы реформ и причины ее краха, мы должны включить в рассмотрение и другие центрально-европейские страны.

Концепция реформ, связанная, в частности, с именем Либермана, была запланирована с консервативных позиций. Чтобы заставить предприятия больше учитывать качественные показатели, она пыталась работать с экономическими рычагами вместо административных и сделать «прибыль» центральным элементом оценки выполнения плана на предприятии. Сохранялась приверженность принципу административного установления цен, но были устранены грубейшие перекосы между ценами на сырье и промышленные изделия. Тем самым основ-

ная дилемма сохранялась. Цены не стали показателем дефицита, формируемого рынком, а оставались в сфере манипулирования предприятий. Удивляет, что эта программа была задумана без учета реальности. Симбиоз «теневой» и командной экономик не обсуждался. Следовательно, директора предприятий по-прежнему могли использовать свои контакты, чтобы получать «мягкие» планы. Новая техника, с их точки зрения, была лишь ненужными расходами¹⁰¹.

Шаг, имевший целью переход в Советском Союзе от псевдореформ 60-х гг. к подлинному и глубокому изменению и повышению эффективности командной экономики, был прост и напрашивался сам собой. В Чехословакии, а несколько позже и в Венгрии, его сделали, допустив рынки, пусть даже в виде смешанной системы рынка и плана. По идеологическим причинам это было объявлено предательством идеи социализма. Но разве советская экономика с 1932 г. не обращалась к рынкам, включая колхозные? Действительно твердые цены в условиях дефицита на этих частичных рынках, сформироваться не могли, так как на ценообразование влияли превышение покупательной способности над предложением товаров и спекуляция. Теперь партийное руководство начало связывать руководящую роль, на которую оно претендовало, с административной фиксацией цен. Уже в 1963 г. при реализации экономической реформы в ГДР, стране, которая стала первопроходцем в этой области, Ульбрихт дал отповедь всем представлениям о социалистической рыночной экономике¹⁰². Насколько узколобо консервативные партийные руководители в большинстве восточноевропейских стран соединяли руководящую роль коммунистических партий с защитой фиксированных цен показало решение об остановке «Пражской весны» осенью 1968 г. с помощью военной интервенции, призванной воспрепятствовать соскальзыванию Чехословацкой Социалистической Республики в «социалистическую рыночную экономику»¹⁰³.

Только Венгрии, по меньшей мере, в одном секторе экономики, а именно в сельском хозяйстве, удалось создать нечто вроде социалистического рыночного хозяйства. При этом венгерское партийное руководство во времена Я. Кадара пошло на хитрость. С одной стороны, оно полностью сохраняло в своих руках политический контроль и не имело намерений плюрализации политической системы. С другой, отказалось от словосочетания «рыночный социализм», а охарактеризовало новую систему нейтральным понятием «новый экономический механизм». Венгерским коммунистам удалось добиться невероятного повышения урожайности в аграрной сфере, так как они импортировали канадскую технику, а аграрные предприятия обеспечивались машинами через конкурировавшие машинные объединения¹⁰⁴. Решающий успех уличает во лжи все высказывания, объяснявшие проблемы сельского хозяйства созданием крупных предприятий с сельскохозяйственными рабочими. Допущение рынка освободило производительные силы венгерского сельского хозяйства, сделало возможным переход к «гуляшному коммунизму» и тем не менее породило проблемы: из-за разделения рынка Европейского экономического сообщества Венгрия не нашла страны, куда могла бы экспортировать излишки своей сельхозпродукции. В таких закупках был заинтересован только Советский Союз, но что взамен могла получить Венгрия, нуждавшаяся в высококачественном промышленном оборудовании?

Решение Советского Союза и других восточноевропейских стран прекратить в начале 1970-х гг. экономические реформы имело политические причины. Только переход к рыночному хозяйству обещал действенным образом повысить эффективность экономической системы. Коммунистические партии, однако, опасались с отказом от административного вмешательства в экономику потерять свое право на существование и потому предпочли отказаться от радикальной перестройки экономической системы. В конечном счете, и советское руководство предпочло договориться с народом своей страны, вместо того чтобы коренным образом изменить административно-командную экономическую систему. Этому предшествовали первые волнения граждан, например, в Новочеркасске в 1962 г.¹⁰⁵, закончившиеся расстрелом. Хрущев обнародовал намерение перегнать США по потреблению мяса и молока на душу населения. Когда же в начале 60-х гг. стала очевидна иллюзорность этих заявлений, он попытался решить проблему просто — повышением цен на мясо и молоко примерно на 30%. Мятеж против господства партии в Польше также был вызван неспособностью правительства Гомулки гарантировать обещанное снабжение населения мясом.

Поэтому советское партийное руководство для обеспечения статус-кво решилось заключить с населением негласное соглашение о «моратории». Государство делало вид, что платит рабочим, а те делали вид, что работают¹⁰⁶. Джеймс Миллар назвал эту договоренность «Little Deal» («маленькая сделка»). Продолжалось осторожное допущение иного и, по сути, незаконного поведения. Режим теперь все чаще отказывался от преследований. Тем самым уменьшался риск хозяйственной деятельности в «теневой» экономике, а реаллокация ресурсов на неофициальных рынках воспринималась терпимо. Марк Харрисон подчеркивает, что отказ от преследований, в конце концов, подорвал дисциплину труда, а также общественную мораль и поставил под сомнение легитимность государственной собственности. Сотрудники министерств и директора предприятий втягивались в сети взяточничества и коррупционных отношений, экономическая преступность в теневой экономике нарастала¹⁰⁷.

Несостоятельность командной экономики в ее прежней форме, а, следовательно, и потребность в изменении экономической системы становились особенно отчетливыми в сфере потребительских товаров. Неспособность системы удовлетворить запросы населения была известна еще при Сталине. Проблема залежавшейся продукции и дефицит практически всех потребительских товаров обострилась в 1960-е гг. и привлекла к себе внимание руководящих органов. Но многие предприятия и не спешили удовлетворять спрос населения и продолжали производить вышедшие из моды и некачественные вещи. Руководители не знали, что делать. Во второй половине 1960-х гг. они всерьез задумались об освобождении цен на потребительские товары и начали наказывать предприятия, продолжавшие поставлять в торговлю негодную и не находящую сбыта продукцию. Следовательно, понимание необходимости перемен в системе вызревало и в окружении Министерства торговли. Но партийные инстанции столкнулись со странным фактом: производство предметов потребления и пищевых продуктов росло быстро, а списки остродефицитных товаров удлинялись еще быстрее¹⁰⁸.

Пример Венгрии доказывает, что действенное повышение эффективности административно-командной экономической системы вполне возмож-

но. Теоретически экономическая реформа в Советском Союзе была выгодна всем, практически же она противоречила интересам каждого, так как любой человек, начиная с партийного руководства и заканчивая рядовыми гражданами, оценивал расходы на изменение системы выше преимуществ, которые при этом бы извлекал. Партийное руководство объясняло свое существование необходимостью командовать экономикой. Директора предприятий сжились с полагавшимися им свободами «теневой» экономики, открывавшими перед ними все большие возможности, в том числе и личного обогащения¹⁰⁹. Через неформальные каналы они могли повлиять на плановые задания и отстаивать свои интересы. «Черные» кассы способствовали их популярности, так как отраслевые и региональные власти все более были подвержены коррупции. По сравнению с «неподкупностью» рынка риски неформальной системы представлялись более очевидными: они гарантировали социальный статус и доступ к вознаграждениям и привилегиям, которые компенсировали низкую оплату. Представители среднего уровня аппарата, занятого принятием решений, наслаждались своими привилегиями: они могли не бояться за свое право на существование и в то же время радоваться накоплению подарков. Новое заключалось в том, что с 1960-х гг. народ потерял интерес к реформам. Еще в момент смерти Сталина значительной части населения нечего было терять, «кроме своих цепей». Последовавшая затем ориентация на потребление принесла преимущества не только маленькому слою управленцев, повышавших свой социальный статус, но и значительной массе простых рабочих и колхозников. Хрущев добился реализации принципа предоставления преимущественных прав рабочим ручного труда. Социальные гарантии начали становиться аргументом, привязывавшим к режиму все большую часть населения, так как одновременно удавалось разжигать страх перед социальной незащищенностью, прежде всего перед опасностью безработицы в капиталистической системе. Этот страх при Горбачеве должен был дойти до паники¹¹⁰.

Поэтому описание механизмов функционирования экономической системы оставалось в интересах всех под запретом. Партийное руководство настойчиво защищало предназначавшиеся для внешнего мира идеологические принципы и тем самым после прекращения в начале 1970-х гг. масштабной экономической реформы саботировало небольшие, им же и порученные исправления системы¹¹¹. Приняв решение о «Little Deal», оно пыталось разве что продержаться, гарантируя гражданам скромный уровень жизни. Нефтяной кризис 1973 г. с порожденным им скачкообразным ростом мировых цен на нефть и газ повлиял на повышение эффективности и позволил перейти к новой стратегии «выдержки»¹¹².

10. Можно ли говорить о деятельности групп интересов или лоббистов?

Документы доказывают, что и в командной экономике имело место упорное отстаивание особых интересов, например, если речь шла о распределении централизованных ресурсов при составлении планов. На резкости этих конфликтов и интересов покоилась необходимость функции арбитра, которую

диктатор оставил себе. Но это явление не может характеризоваться «деятельностью групп интересов», как это делал, например, Грегори. В действительности имеется в виду представительство «институциональных интересов». И в парламентской системе каждый министр требует возможно больших средств для своей сферы компетенции.

Я склоняюсь к тому, чтобы при описании политической системы Советского Союза полностью избегать понятия «групп интересов». Его применение ведет к серьезным недоразумениям относительно механизма функционирования, так как внушает мысль о сходстве между советской системой и парламентской, чего в действительности не было. Некоторое время под влиянием теории конвергенции даже предполагалось, что обе системы сближаются, а политическое поведение в СССР объяснялось с помощью заимствований из западной системы. Очевидно, что в Советском Союзе военно-промышленный комплекс был важным экономическим фактором, но ему никогда не приходилось заниматься лоббированием монопольных интересов: цены в командной экономике и так диктовались предприятиями. К тому же армия никогда не могла повлиять на центр принятия решений, так как партийная верхушка опасалась военных переворотов.

Представительство интересов в центральных органах командной экономики не может сравниваться с лоббистской деятельностью в парламентских системах. Обе следовали своим правилам. Находясь во главе системы, ни Сталин, ни Хрущев не были доступны для «лоббистских групп». Период правления Брежнева еще ждет своего исследования, пока же и в нем я не вижу значительных отличий¹¹³. Сам диктатор был заинтересован в максимальном росте во всех сферах, поэтому потребности в людях, влияющих на общественное мнение или генераторов решений, не возникало. Министерства предъявляли свои производственные планы на утверждение и требовали необходимые для их реализации средства. Министерства могли протестовать против решений в Совете министров или Политбюро. Но возможности подкупа на этом высшем уровне, скорее всего, не было. Так как решения о приоритетах не принимались заранее, лоббистская деятельность имела смысл только на низшем уровне — между предприятиями и «их» министерствами. Поэтому систему неформальных отношений, возникшую в начале 1930-х гг., в лучшем случае можно было бы охарактеризовать как лоббизм.

11. Объяснение несостоятельности командной экономики в области сельского хозяйства

Главная проблема сельского хозяйства заключалась в том, что партийные руководители были искренне убеждены в необязательности специальных знаний для успешного руководства аграрным предприятием в отличие от индустриального. Специальные сельскохозяйственные знания настойчиво искоренялись вместе с «ликвидацией кулачества как класса». Уже в 1931 г. руководители колхозов попали под подозрение в намерении саботировать поставки сельскохозяйственных продуктов¹¹⁴. Председатель колхоза при Сталине не располагал одинаковыми с директором промышленного предприятия привилегиями.

Он практически не имел денежных поступлений (не считая хлопководческих колхозов с 1935 г.) и фонда заработной платы, который можно было использовать в качестве «черной» кассы. Все указания относительно производства и обязательства по поставкам формировались «наверху». Возможности манипулирования при передаче информации для получения «мягких планов» были очень ограничены. Председатель колхоза был просто включен в локальную сеть, созданную секретарем райкома партии. Но из-за отрицательных результатов сельскохозяйственного производства это слабо защищало, районы, в свою очередь, становились объектом контроля свыше. Ежегодно со своих постов смещались более трети председателей колхозов. Реальной возможности выполнить план, как правило, не было, поэтому и энергия их руководителей направлялась не столько на улучшение результатов деятельности колхозов, сколько на устройство собственной судьбы после ожидавшегося смещения. Поэтому для председателя колхоза было важно сохранение хороших отношений с районной властью и секретарем райкома партии, ведь от этого зависело его дальнейшее трудоустройство¹¹⁵.

Таким образом, объяснение неудачи командной экономики в сельском хозяйстве при Сталине косвенно подтверждает «историю успеха» промышленных предприятий: все это время колхозы были беззащитной добычей деструктивного государственного принуждения. У председателя колхоза отсутствовала автономия, которая позволила бы ему создавать резервы. К тому же со второй половины 1930-х гг. колхозы находились в сильной зависимости от МТС. Тяжелая ситуация усугублялась закупочными ценами, которые были ниже издержек производства и не стимулировали производство. В конце 1930-х гг. исходившее от Хрущева предложение о материальном стимулировании с помощью распределения излишков продукции в натуральной форме не смогло быть реализовано из-за фальсификации данных об урожае (например, использовавшейся с 1933 г. концепции «биологического урожая»), так как указанные в статистике излишки на деле не существовали¹¹⁶. Только после смерти Сталина колхозы как производители для «черного» рынка постепенно улучшили свое положение с помощью подсобных хозяйств.

Почему сельское хозяйство, традиционно сильный в России сектор, не стал после Сталина моделью успеха? Принудительный характер труда в сельском хозяйстве при Хрущеве постепенно смягчался, зато работа председателя колхоза стала по-своему принудительной. Успешные промышленные рабочие, против их воли направлявшиеся на эти должности, сталкивались с невыносимыми условиями труда и должны были выполнять невыполнимые приказы партии. Разлученные с семьями, оставшимися в городах, многие затем дезертировали со своих постов, впадали в запой, а некоторые даже кончали жизнь самоубийством¹¹⁷. Партийное руководство и при Хрущеве продолжало вмешиваться в процесс сельскохозяйственного производства с некомпетентными предписаниями, носящими характер мелочной опеки. «Неистовое планирование» аграрного производства во второй половине 1950-х гг., с помощью которого Хрущев хотел за короткое время перегнать США по потреблению мяса и молока, никак не было связано с реальностью. Даже если государство и сделало бы существенные капиталовложения в колхозы, расходы на откорм животных в Советском Сою-

зе оказались бы очень высокими, так как богатых белком кормов, вроде соевых бобов, не было¹¹⁸. Поэтому планы, не без давления Хрущева навязывавшиеся экономическим руководящим органам, с самого начала были невыполнимыми. Традиционная стратегия реализации контрольных показателей под личную ответственность секретарей райкомов и обкомов приводила в лучшем случае к сенсационным ложным сообщениям¹¹⁹ и многочисленным смещениям, воздействие же на производство оказывалось скорее отрицательным. Особую главу составляет кампания по освоению целины: ей Хрущев был обязан победой в борьбе с конкурентами за руководство партией. Но из мнимого производственного успеха он сделал неверный вывод и в 1958 г. снизил инвестиции в сельское хозяйство. С экономической точки зрения цена программы освоения целины была слишком высока. Правда, поначалу она способствовала быстрому устранению недостатка зерна, но в долгосрочной перспективе производство на целинных землях не окупалось, прежде всего, потому, что хлеб приходилось перевозить по железной дороге, не считаясь с убытками¹²⁰.

Неудачу аграрной политики после смерти Сталина, помимо уже названных факторов, объясняют два других: повторное изгнание квалифицированных кадров из аграрного производства на рубеже 1960-х гг. и политика субсидий, лишавшая сельское хозяйство всякого стремления к повышению продуктивности. Фаза либерализации после смерти Сталина поначалу стимулировала частную инициативу колхозников. Производство в частном секторе возросло после освобождения от невыносимых налогов, а надежда на частичную приватизацию сельского хозяйства положительно воздействовала на его развитие. Но ожидание перемен потерпело крушение вместе с начатой в конце 1950-х гг. реидеологизацией аграрной политики, которая направлялась против частного содержания скота и приусадебных участков колхозников. Ликвидация МТС и передача тракторов и прицепных орудий колхозам были проведены необдуманно. Колхозам пришлось под жестким политическим давлением покупать изношенную технику по ценам новой, чтобы Хрущев из полученных средств мог финансировать свои планы освоения космоса. Лишение колхозов ликвидных средств привело к длительным разорительным последствиям. Механизаторы МТС отказывались возвращаться в более низкий правовой статус колхозников и бежали в города. В то же время из сельского хозяйства уходила наиболее квалифицированная и «более подвижная» рабочая сила, представители которой надеялись на частное хозяйство. Так на рубеже 1960-х гг. Хрущев стал виновником исхода тех сельских тружеников, без которых интенсификация аграрного производства была обречена на гибель. В сельском хозяйстве остались малоподвижные, не готовые к риску и неквалифицированные работники, а также старики¹²¹.

В какой мере у советских аграрных предприятий отсутствовало стремление к повышению эффективности, показывает сравнение с аграрной политикой Европейского экономического сообщества (далее — ЕЭС). Сельскохозяйственное производство и там получало существенные государственные дотации, но ЕЭС с помощью стабильных цен на сельскохозяйственную продукцию стимулировало увеличение производства. Поэтому предприятия могли получать прибыли только с помощью роста производства и экономии затрат, замещая труд капиталом. Такое давление отсутствовало в советском сельском

хозяйстве. Закупочные цены на аграрные продукты регулярно повышались и, в конечном счете, возросли втрое против исходного уровня. Тем не менее, выплаты заработной платы дополнительно субсидировались кредитами, которые периодически списывались. Если в Западной Европе стоимость сельхозпродукции падала, так как в результате применения капитала можно было резко сократить численность рабочей силы, то в Советском Союзе, несмотря на увеличение капиталовложений, фактор производства возрос. Капитал не только не замещал труд для снижения издержек, но, напротив, консервировал крайне низкую производительность труда и все больше увеличивал расходы аграрного производства. Бесперспективность положения сельских тружеников выражалась во всеобщем пьянстве и вела к начавшемуся с 1965 г. уменьшению продолжительности жизни мужчин села¹²².

И все же главная слабость советского аграрного сектора заключалась не в производстве. Недостатки следовало искать в сфере производства средств производства, которая не обеспечивала необходимые качество и ассортимент. Сферы транспорта, складирования, переработки и упаковки, не модернизированные на протяжении почти всего советского времени, несли ответственность за то, что добрая треть аграрной продукции портилась и терялась на пути к потребителю. «Радикальные реформаторы» подошли к реформе 1988 г. не с того конца, требуя приватизации аграрного производства вместо того, чтобы его осовременить. Столь же мало они понимали, что объем продукции казался недостаточным только потому, что покупательная способность превышала предложение товаров. Освобождение цен в 1992 г. все расставило по своим местам. Поэтому можно сказать, что именно радикальные реформаторы завершили работу коммунистов по разрушению сельского хозяйства.

12. Оценка роста советской экономики в международном сопоставлении

Россия, а вслед за ней Советский Союз и советская командная экономика, в международном сопоставлении временами достигали очень высоких темпов роста. Чтобы убедиться в этом, следует правильно выбирать периоды сравнения и учитывать ситуацию как в мире, так в стране.

Конечно, такое сравнение между странами не лишено сложностей¹²³. Оценка экономического роста — вопрос не только статистики. Была предпринята попытка включить в расчет создание только полезных стоимостей, а «бессмысленные» инвестиции, не приносящие пользы, оставить вне его¹²⁴. При международном сопоставлении будем пользоваться работой А. Мэдисона, в которой дается лучшее сравнение роста в отдельных странах с 1820 г. Оно основано на самом информативном для оценки роста критерии — валовом национальном продукте (далее — ВВП) на душу населения¹²⁵.

В России и Советском Союзе были периоды, когда удавалось преодолеть отставание от большинства западных промышленных держав: это 1890—1914 гг., 1930—1940 гг. и период 1945—1960 гг., в какой-то мере продолжавшийся до 1973 г. Общим для них является то, что в России и Советском Союзе не проводилась политика, ориентированная на свободную конкуренцию с мировым рынком. До

1914 г. российский рынок отгораживался протекционистской политикой, а при Сталине делалась ставка на автаркию. Но и после 1953 г. Россия использовала мировой рынок и даже товарообмен с социалистическими странами весьма слабо. Глядя на общие мирохозяйственные условия, следует констатировать, что со времен мирового экономического кризиса до начала 1950-х гг. существовала особая ситуация, при которой временный крах мировой валютной системы крайне затруднил извлечение выгод от роста мировой торговли. Эту ситуацию следует принимать в расчет, оценивая успех роста при Сталине. Только США и Советский Союз оказались странами, которые из-за первостепенного значения их внутренних рынков могли развиваться до некоторой степени «самоуспокоенно». Им противостоят страны вроде Германии, для которых из-за ограниченности внутреннего рынка решающее значение имели поставки товара на мировой рынок. Так, доля экспорта в промышленном производстве Германии с конца XIX в. составляет в каждом случае около 40%. Если Германия и обнаружила в 1930-е гг. высокий экономический рост, то связано это было, прежде всего, с производством вооружения и подготовкой к новой войне. Противоположными модели временного успеха Советского Союза были и остаются концепции развития стран Юго-Восточной Азии (в частности, Японии, а сегодня еще и Китая) после Второй мировой войны. Они с большим успехом сделали ставку на вплетение в мировой рынок, и темпы их роста существенно превысили советские.

Если в литературе, в частности у Дэвиса, применительно ко времени до 1914 г. часто встречается высказывание о том, что Россия, несмотря на подъем, все же продолжала отставать от ведущих промышленных держав¹²⁶, то это объясняется не совсем верным выбором периода сравнения. Известно, что Россия с 1820 по 1880-е гг. по сравнению с индустриализировавшимися государствами находилась «в свободном падении». Сумела ли она, пройдя фазу взлета во второй половине 1880-х гг., догнать западные промышленные державы? Избранный Дэвисом период с 1860 по 1910 гг. не вносит ясности на сей счет. Напротив, сравнение с периодом между 1890 и 1913 гг. вполне доказывает наличие в России процесса некоторого обгона. Он выглядит более впечатляющим по сравнению с Великобританией, «устоявшейся промышленной державой», нежели с Германией и США, которые в то же время находились на пике индустриализации. Тем не менее, следует вместе с Грегори констатировать, что Россия могла не отставать от этих двух стран и до 1900 г. отвоевать некоторые позиции. По сравнению с Японией, лишь начавшей индустриализацию, Россия добивается достаточно значительных успехов (см. таблицу 1).

Период между двумя мировыми войнами характеризовался нарушением хозяйственного равновесия. Это порождалось политической борьбой по вопросу о военных долгах, в особенности о репарационных платежах. Даже если сталинская концепция индустриализации, сменившая новую экономическую политику, не базировалась на познании дальнейшего мирохозяйственного развития, Сталин сделал верную ставку. При этом Советскому Союзу в годы первого пятилетнего плана помог мировой экономический кризис. Это позволило не только получать желаемое промышленное оборудование, но и привлекать безработных специалистов, которые в условиях нормальной конъюнктуры вряд ли приехали бы в СССР. На фоне агонизирующей капиталистической экономики

Таблица 1

**Русский/советский внутренний национальный продукт 1820–1992 гг.
на душу населения в международном сопоставлении**

Россия/Советский Союз		США	Германия	Великобритания	Япония
Год	в \$	(Душевой ВВП в России/Советском Союзе в % сравниваемой страны)			
1820	0751	58	68	43	106
1870	1023	42	53	31	138
1890	0925	27	36	23	95
1900	1218	30	39	27	107
1913	1488	28	39	30	112
1928	1370	21	32	27	71
1930	1448	23	36	28	81
1940	2144	31	39	33	78
1948	2402	26	75	37	145
1950	2834	30	66	41	151
1960	3935	35	46	46	101
1973	6058	36	46	51	55
1985	6715	33	41	48	44
1992	4671	22	24	30	24

Источник: Рассчитано по: Maddison A. *Monitoring the World Economy 1820–1992*. Paris, 1995. P. 194–201.

развивающийся СССР в пропагандистском отношении, несомненно, выигрывал. Чтобы сделать сравнение советского роста информативным, недостаточно лишь утверждения, что Советский Союз заметно набрал темп по сравнению с США, которые, несмотря на новый курс Рузвельта, оставались с 1930 по 1940 гг. в условиях затяжного кризиса. По сравнению с 1913 г. относительная позиция Советского Союза в сопоставлении с США едва улучшилась. Великобритания в 1930-е гг. после кризиса 1920-х гг. медленно приходила в себя, по сравнению с ней Советский Союз улучшил свою позицию между 1930 и 1940 гг. лишь на 5 процентов. Учитывая огромные издержки сталинской индустриализации, следует констатировать, что, хотя жестокий рывок Сталина и вызывал значительный рост, СССР с 1930 по 1940 гг. отставал от Японии, а по сравнению с агрессором Германией достиг лишь небольшого приращения позиций (см. таблицу). Советский Союз лишь в 1940 г. достиг соотношения сил с Германией, которое существовало в 1913-м! Так что, я не могу разделить восторгов Дэвиса по поводу успехов индустриализации в СССР. По сравнению с Японией Советский Союз сделал поистине драматический шаг назад — с 112% в 1913-м до всего лишь 78% в 1940 г. Это косвенно доказывается выкладками Хантера, согласно которым рост советской экономики до 1940 г. был бы куда выше без уничтожения ресурсов по вине Сталина¹²⁷!

Хотя Советский Союз уже в 1948 г. вновь достиг потенциала тяжелой промышленности, которым он располагал в 1940 г., а до 1950 г. удвоил его, рост и на этой

фазе происходил, прежде всего, за счет потребления. Поэтому таблица, где за основу взят валовой национальный продукт на душу населения, демонстрирует скорее несенсационные показатели. По сравнению с США, Советский Союз с 1940 по 1950 г. не смог улучшить свое положение только в отношении двух побежденных — Германии и Японии. Чтобы сделать сравнение для послевоенного времени информативным, я начал с 1950 г. Фаза до середины 1960-х гг. характеризовалась процессом наверстывания, в ходе которого промышленные державы Запада быстро сокращали отставание производительности своих экономик от США. Поэтому советский рост необходимо сопоставить с ростом этих государств. Следует констатировать, что Советский Союз до 1960 г. мог держаться на их уровне. Затем, до 1973 г., рост советского валового национального продукта падал сначала медленно, а позже, до начала перестройки, заметно¹²⁸. Обычное сравнение с США или Великобританией мало информирует об эффективности советской экономики применительно ко времени после 1950 г. Только по отношению к экономике Великобритании, пребывавшей до эры Тэтчер в кризисе, Советский Союз с 1950 по 1973 г. смог улучшить свою позицию. По сравнению с США, экономика которых все сильнее чувствовала конкуренцию мирового рынка, советский ВВП до 1960 г. вырос с 30 до 35% и затем сохранялся на этом уровне до 1973 г. (36%). Гораздо показательнее, и в то же время нелицеприятнее, сравнение с Японией. Хрушев в 1957 г. во всеуслышание провозгласил, что до 1970 г. СССР догонит США, но советская экономика в процессе реализации этого плана потерпела полный крах: советский ВВП достигал трети американского. Япония с 60-х гг. доказала, что цель Хрущева была вполне достижима. Если душевой ВВП Японии в 1960 г. составлял 35 % американского, то до 1973-го он вырос до 66%, а в 1992 г. достиг уже 90%¹²⁹.

Тот факт, что народные хозяйства «впадают в кризис», не является чем-то необычным в истории мировой экономики. В условиях рынка такие фазы служат переориентации или перемещению производств в результате технического прогресса и вытеснения с рынка предприятий с устаревшим оборудованием. Страны вроде Германии, вынужденные сбывать на мировом рынке значительную часть своей продукции, испытывают при этом особое и вполне благотворное давление. Несмотря на неблагоприятные прогнозы, Германия вопреки своим высоким трудовым издержкам является лидером в мировой торговле. С учетом международных перипетий становится ясно, почему Советский Союз в процессе наверстывания западных промышленных держав, начатом в конце XIX в. так безнадежно отстал к 1960-м гг. Советской экономике не удалось совладать с техническим прогрессом. Советские предприятия не только не знали свободной рыночной конкуренции, но и сама экономика не использовала рычагов для модернизации производственного оборудования.

13. Причины, которые привели к краху советской экономики в 1985—1991 гг.

Этим вопросом в последнее время многие авторы занимались скорее на спекулятивной основе. Я хотел бы обратить внимание на некоторые другие аспекты.

Среди причин, в итоге приведших к коллапсу производства в конце 1980-х гг., решающую роль сыграли политические, а не экономические факто-

ры. При Горбачеве коммунистическая партия быстро потеряла свою легитимность. В обществе начали открыто говорить о преступлениях Сталина¹³⁰. Впрочем, несмотря на то, что правда о голоде 1932—1933 гг. и противоречившая международному праву оккупация Балтии на основе тайных договоренностей с Гитлером потрясли страну, подлинные механизмы функционирования административно-командной экономики по-прежнему оставались табуированными. В последние годы Советского Союза никто не задавался вопросом, каким образом вообще мог функционировать этот экономический строй. Такая позиция сыграла роковую роль в дальнейшем развитии, ведь мероприятия Горбачева опрокинули с трудом обеспечивавшееся равновесие между контролем из центра и «теневой» экономикой, не предложив другого механизма. Ослабление командного элемента в советской экономике позволило неэффективной «теневой» экономике и стремительно развивавшимся элементам экономической преступности и коррупции проявиться в некорректированном виде. Поэтому Харрисон верно описывает коллапс производства как следствие коллапса контроля: диктатор больше не мог осуществлять свои вознаграждения и наказания и поэтому просто сдался¹³¹.

Эта интерпретация позволяет также понять повторное появление элементов советской экономики при Путине. При Горбачеве рухнул только центральный командный элемент. Та специфическая структура советской экономики на уровне производителей, которую я назвал теневой экономикой, со своими правилами игры и привычкой распределять экономические ресурсы через неформальные связи, пережила конец Советского Союза. После фазы перехода, на которой вновь постепенно усилился центральный элемент, рынку в российской экономике в очередной раз отводится второстепенная роль¹³². Следовательно, специфическая модель советской экономики с 1989 г. временно перестала функционировать, так как «диктатор капитулировал». Между тем, однако, при Путине центральный командный элемент восстановился и тем самым ограничил влияние неформальных связей.

Другое объяснение вытекает из долгосрочного рассмотрения эффективности. Сталинская командная экономика характеризовалась низкой эффективностью как на уровне руководства, так и на уровне производителей, причем взаимодействие этих уровней обеспечивало минимальную эффективность. Со временем недостатки усилились, и объяснение заключалось в основе экономической реформы середины 1960-х гг. Слабость эффективности проще всего устанавливается по показателю «Рост производства промышленности, производящей средства производства». С начала 1930-х гг. он снижался. Очевидно, что советская экономика приняла экстенсивную модель развития, и попытки после смерти Сталина перейти к интенсивному росту, в конечном счете, потерпели неудачу. Советская экономика оказалась несостоятельной при решении элементарной задачи — распространении технического прогресса. Многие промышленные предприятия уверенно продолжали работать на том же самом оборудовании, что и в момент их сооружения. Все это вело к падению эффективности¹³³. После второй мировой войны подобная болезнь поразила и Великобританию, которая оправилась от нее в 1980-е гг. при Маргарет Тэтчер. Это подчеркивает мой тезис о политическом характере кризиса. Так как

коммунистическая партия базировала господство на мнимом командовании советской экономикой, она парализовала изменение механизмов функционирования этого экономического строя.

Советская экономика, как показывает международное сопоставление, крайне расточительно обращалась с факторами производства — «капиталом» и «трудом». Это становится ясным при применении производственной функции Кобба-Дугласа. Рост, превышавший факторы затрат на капитал и труд и характеризуемый как общая производительность факторов, в сравнении с другими экономиками оказывался малым или даже отрицательным. С 1970—1975 гг. началось длительное падение общей производительности факторов в области отрицательных значений, т.е. рост отставал от факторов затрат на капитал и труд¹³⁴. Данная ситуация порождает вопрос о том, почему не могли быть сохранены исключительно высокие показатели, на которые до 1960-х гг. опирался советский рост. Применительно к понятию «труд» это объясняется просто. Так как у рабочих не было стимулов к смене предприятия, а технически устаревшие фабрики и заводы не могли быть вытеснены с рынка, производительная сила «труд», в отличие от рыночных экономик, не уходила в экономические сферы, где могла бы применяться наиболее производительно. Применительно к термину «капитал» ориентация на потребление после смерти Сталина является для меня главным объяснением. Неэффективность применения капитала сохранялась¹³⁵. Теперь дополнительно приходилось дотировать потребление из государственного бюджета, осуществлять трансфертные платежи, притом, что цены на товары в результате снижения издержек, достижимых благодаря техническому прогрессу или эффектам, извлекавшимся из дохода, обусловленного ростом масштабов производства¹³⁶, не падали. В этом следует видеть долгосрочные факторы, которые хотя и не вели к коллапсу производства 1985—1991 гг., но в среднесрочной перспективе делали его неизбежным. Система советской экономики непреднамеренно лишилась сил при попытке повысить свою эффективность и защититься от неизбежного краха, так как был избран неверный метод лечения и не последовал анализ механизмов функционирования. Горбачев для дополнительного эффекта своей деятельности разрушил командный канал, через который прежде осуществлялась диктатура центра¹³⁷.

Обратим внимание и на следующий элемент. Сталинская командная экономика делала ставку на средства террора и принудительного труда и, таким образом, мягко говоря, стимулировала элемент страха перед потерей рабочего места и экономическим провалом, даже если в последнем случае, коль скоро речь идет о командной экономике, заменялся только безуспешный управленец. Модель замены террора с принудительным трудом повышением уровня жизни и стимулированием труда при одновременном смягчении санкций обнаружила слабость, так как более не наказывала за экономический провал, а частично даже поощряла его, например, дотациями. С переходом к политике «Little Deal» ослабление санкций продолжалось. После Сталина «зажиточная» жизнь должна была стать реальностью в процессе перехода к коммунистической концепции удовлетворения потребностей, что с экономической точки зрения оказывалось куда более убыточным. Возникшая при Сталине экономическая система была, однако, совершенно непригодна для реагирования на быстрые

изменения спроса, тенденции моды и особые требования к качеству и ассортименту. Одно лишь введение рыночного хозяйства стало бы выходом из затруднительного положения, и это, как минимум во второй половине 60-х гг., осознали некоторые экономисты, несмотря на неготовность руководства правящих партий, за исключением Венгрии и Чехословакии, сделать такой шаг.

Экономики, пребывающие в кризисе, как правило, собираются с силами и адаптируют свою хозяйственную систему к новым потребностям. В Великобритании этот процесс начался с опозданием в конце 1970-х гг., с того времени и Китай продемонстрировал, что модель административно-командной экономики отнюдь не исчерпала свои возможности развития¹³⁸. Почему не действовало советское партийное руководство? Гайдар обоснованно указывает на то, что груз проблем в начале 1970-х гг. ослабился в связи с полученной «незаслуженно», т.е. без экономических усилий, экспортной выручкой. Советский Союз извлекал выгоду из повышения мировых цен на нефть с 1973 г. Это дало быстро растущий активный внешнеторговый баланс. Выручка от экспорта нефти некоторое время маскировала проблему эффективности и позволила даже немного увеличиться валовому национальному продукту на душу населения. Однако во второй половине 1980-х гг. с падением мировых цен на нефть и природный газ эта стратегия лишилась опоры. То, что отсюда смог развиваться «финансовый коллапс», является еще одним обвинением в адрес политики горбачевских реформ, приведшей к резкому снижению налоговых поступлений¹³⁹.

Коллапс производства, наступивший в конце 1980-х гг., можно объяснить совпадением различных факторов. В отношении системы речь шла о коллапсе контроля, в отношении ситуации — о финансовом коллапсе, а в долгосрочной перспективе — о неизбежном результате отказа от борьбы с неэффективностью, обозначившемся уже после Второй мировой войны. При этом следует учитывать, что каждый экономический строй является живым организмом, который должен постоянно изменяться и приспосабливаться. Вот это-то приспособление, которое было предпринято в начале 1930-х гг., а затем сразу после смерти Сталина, так и не состоялось с 1960-х гг.¹⁴⁰

14. Особенности советской экономики с долгосрочной перспективой

Особенностью советской экономики с начала 1930-х гг. являлось манипулирование рынком со стороны производителей и назначенцев диктатора. Вновь и вновь имело место обращение к неформальным каналам, чтобы получить влияние на планы. Эта поведенческая диспозиция со стороны производителей продолжает действовать исходя не только из их собственных интересов, но и, прежде всего, благодаря тому, что в качестве их партнеров по-прежнему выступают представители политических и управленческих структур, в то время как простая ставка на рынок или правовую систему побеждена и ведет к неудачам. Эти правила игры, принятые в советской «теневой» экономике, действуют и сегодня.

Долгосрочное постоянство, которым характеризуется поведение на мировом рынке, имеет силу и применительно к России. Россия всегда была экспортером сырья, а не высококачественных промышленных изделий, за

исключением, пожалуй, оружия. В импорте всегда доминировали средства производства, предметы роскоши и потребления. Политика автаркии, проводившаяся с середины 1930-х гг. при Сталине, привела к значительному снижению объемов импорта. В 1970-е гг. импорт сырья для потребления достиг первостепенного значения. Преимущественное использование внешнеторговой выручки в потребительских целях ради субсидирования аграрного производства служило также компенсацией слабой эффективности. Высокая доля потребительского импорта, а позже временный огромный экспорт капитала в 1990-е гг. — показатель слабости российской экономической структуры, внушающий опасения. Ее временно сильная позиция на мировом рынке не используется для того, чтобы сделать отечественную промышленность оптимально конкурентоспособной. Таким образом, русская промышленность даже страдает от высоких доходов в государственном бюджете, полученных от вывоза нефти и газа.

Удивительным постоянством характеризуется и отсутствие эффективной структуры мелкого производства, и слабость сектора услуг по сравнению с другими экономиками. Эта структурная немощь российской экономики по сей день представляет собой главный признак ее отсталости. Выход этой сферы экономики из начальной стадии натурального хозяйства за счет улучшения производственной техники и специализации так и не был осуществлен в России.

Последней традиционной характеристикой российской экономики является роль государства. Экономист Александр Гершенкрон указывал на это в своем анализе стратегий преодоления отсталости. Действительно, советская модель со времени Октябрьской революции строилась на беспредельном вмешательстве государства в экономику. С точки зрения политики формирования хозяйственного порядка не имеет смысла рассматривать эту ситуацию как слабость или ошибку: это одна из возможностей, которая не является абсолютно неверной. Более важен вопрос, как государство использует свою роль и заботится ли оно о повышении эффективности экономической системы.

Библиография

- Anderson G.M., Boettke P.J.* Soviet venality: a rent-seeking model of the communist state // *Public Choice*. 93 (1993). P. 37—53.
- Behind the Facade of Stalin's Command Economy. Evidence from the Soviet State and Party Archives / Ed. by Gregory P.R. Stanford, 2001.
- Belova E.* Economic Crime and Punishment // Behind the Facade of Stalin's Command Economy. Evidence from the Soviet State and Party Archives / Ed. by Gregory P.R. Stanford, 2001. P. 131—158.
- Berend I.T.* The Hungarian Economic Reforms 1953—1988. Cambridge, 1990.
- Bergson A.* The Real National Income of Soviet Russia since 1928. Cambridge, 1961.
- Berliner J.S.* Factory and Management in the USSR. Cambridge, 1957.
- Berliner J.S.* Soviet Management from Stalin to Gorbachev: A comparison of the Harvard Project and SIP Interviews. Working paper. № 43. March 1988.
- Borodkin L., Ertz S.* Coercion versus Motivation. Forced Labor in Norilsk // *The Economics of Forced Labor. The Soviet Gulag...* P. 75—104.
- China in the World Economy. The Domestic Policy Challenges. Paris (OECD), 2002.
- Conyngnam W.J.* The Modernization of Soviet Industrial Management. Socioeconomic Development and the Search for Viability. Cambridge et al., 1982.

- Davies R.W.* Changing economic systems: an overview // *The Economic Transformation of the Soviet Union. 1913—1945* / Ed. by R.W. Davies, M. Harrison, S.G. Wheatcroft. Cambridge, 1994.
- Davies R.W.* Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931—1933 // *The Industrialisation of Soviet Russia*. Vol. 4. Basingstoke, 1996.
- Davies R.W.* Industry // *The Economic Transformation of the Soviet Union. 1913—1945...* P. 131—157.
- Davies R.W.* Making Economic Policy // *Behind the Facade of Stalin's Command Economy. Evidence from the Soviet State and Party Archives* / Ed. by Gregory P.R. Stanford, 2001. P. 61—80.
- Davies R.W.* The Development of the Soviet Budgetary System. Cambridge, 1958.
- Davies R.W.*, *Khlevnyuk O.* Stakhanovism and the Soviet Economy // *Europe-Asia Studies*. 2002. Vol. 54. № 6. P. 867—903.
- Davies R.W.*, *Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931—1933 // *The Industrialisation of Soviet Russia*. Vol. 5. Basingstoke, 2004.
- Dunham V.S.* In Stalin's Time: Middle-Class Values in Soviet Fiction. Cambridge, 1976.
- Féhér F.* The Social Character of Khrushchewism: A Transition or a New Phase // *Khrushchev and the Communist World* / Ed. by R.F. Miller, F. Féhér. London, 1984. P. 12—39.
- From Tsarism to the New Economic Policy / Ed. by R.W. Davies / London; Basingstoke, 1990.
- Gorlizki Y.*, *Khlevnyuk O.* Cold Peace. Stalin and the Ruling Circle, 1945—1953. Oxford, 2004.
- Gregory P.R.*, *Stuart R.C.* Russian and Soviet Economic Performance and Structure. Reading, 1998.
- Gregory P.R.* Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to First Five-Year. Princeton, 1994.
- Gregory P.R.* The Dictator's Orders, in: Gregory P.R. and Markevich A. Creating Soviet Industry. P. 11—34.
- Gregory P.R.* The Political Economy of Stalinism. Evidence from the Secret Soviet Archives. Cambridge, 2004.
- Gregory P.R.*, *Markevich A.* Creating Soviet Industry. The House That Stalin Built // *Slavic Review*. 2002. Vol. 61. P. 788—814.
- Grossman G.* Subverted Sovereignty: Historic Role of the Soviet Underground // *The Tunnel at the End of the Light: Privatization, Business Networks, and Economic Transformation in Russia* / Ed. by S.S. Cohen, A. Schwartz, J. Zysman. Berkeley, 1998. P. 24—50.
- Grossman G.* The «Second Economy» of the USSR // *Problems of Communism*. 1977. № 26. P. 25—40.
- Hanson P.* The Rise and Fall of the Soviet Economy. An Economic History of the USSR from 1945. London et al., 2003.
- Harrison M.* Coercion, compliance and the collapse of the Soviet command economy // *The Economic History Review*. 2002. Vol. 55 (3). P. 397—433.
- Harrison M.* Economic Growth and Slowdown // *Brezhnev Reconsidered* / Ed. by E. Bacon, M. Sandle. Basingstoke; New York, 2002.
- Harrison M.* Soviet Economic Growth Since 1928: The Alternative Statistics of G.I. Khanin // *Europe-Asia Studies*. 1993. Vol. 45. P. 141—167.
- Hayek F.A.* The Road to Serfdom. London, 1944.
- Hoffmann David L.* Stalinist Values. The cultural norms of Soviet modernity. Ithaca, New York et al., 2003.
- Hunter H., Szyrmer J.M. Faulty Foundations. Soviet Economic Policies, 1928—1940. Princeton, 1992.
- Jasny N.* Soviet Industrialization 1928—1952. Chicago, 1961.
- Kaufman A.* Small-Scale Industry in the Soviet Union. New York, 1962.
- Kershaw I.*, *Lewin M.* The regimes and their dictators: perspectives of comparison // *Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison* / Ed. by Kershaw I., Lewin M. Cambridge et al., 1997. P. 1—25.
- Khlevnyuk O.* The Economy of the OGPU, NKVD and MVD of the USSR, 1930-1953. The Scale, Structure and Trends of Development // *The Economics of Forced Labor. The Soviet Gulag...* P. 43—66.
- Krebs C.* Die weltanschaulichen und wirtschaftstheoretischen Grundlagen der Agrartheorie im Marxismus-Leninismus. Berlin, 1983.
- Leptin G.* The German Democratic Republic // *The New Economic Systems of Eastern Europa...* P. 43—78.
- Lewin M.* The Disappearance of Planning in the Plan // *Slavic Review*. 1973. Vol. 32. P. 271—287.
- Lewis R.* Technology and the transformation of the Soviet economy // *The Economic Transformation of the Soviet Union. 1913—1945...* P. 182—197.
- Lin J.Y.* Rural Reforms and Agricultural Growth in China // *The American Economic Review*. 1992. Vol. 82. P. 34—51.
- Maddison A.* Monitoring the World Economy 1820—1992. Paris, 1995.
- Mau V.*, *Starodubrovskaya I.* The Challenge of Revolution. Contemporary Russia in Historical Perspective. Oxford, 2001.

- McCauley M.* Khrushchev and the Development of Soviet Agriculture. The Virgin Land Programme 1953—1964. London et al., 1976.
- Medvedev Z.A.* Soviet Agriculture. New York, 1987. P. 161—240.
- Mehnert K.* Die Jugend in Sowjetrußland. Berlin, 1932.
- Merl S.* Bauern unter Stalin. Die Formierung des sowjetischen Kolchossystems, 1930—1941 (Gießener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens. Bd. 175). Berlin, 1990.
- Merl S.* Der Agrarmarkt und die Neue Ökonomische Politik. Die Anfänge staatlicher Lenkung der Landwirtschaft in der Sowjetunion 1925—1928 (Studien zur modernen Geschichte. Bd. 25). München; Wien, 1981.
- Merl S.* Einstellungen zum Privateigentum in Rußland und in der Sowjetunion (19—20. Jahrhundert) // Eigentum im internationalen Vergleich / Ed. by H. Siegrist, D. Sugarman. Göttingen, 1999. S. 135—160.
- Merl S.* Entstalinisierung, Reformen und Wettlauf der Systeme 1953—1964 // Handbuch der Geschichte Rußlands. Bd. 5: 1945—1991. Vom Ende des Zweiten Weltkriegs bis zum Zusammenbruch der Sowjetunion. Stuttgart, 2002. S. 175—318.
- Merl S.* Handlungsspielräume und Sachzwänge in der sowjetischen Wirtschafts- und Sozialpolitik der Zwischenkriegszeit // Sachzwänge und Handlungsspielräume in der Wirtschafts- und Sozialpolitik der Zwischenkriegszeit / Ed. by W. Fischer. St. Katharinen, 1985. S. 175—229.
- Merl S.* Hat sich der landwirtschaftliche Großbetrieb bewährt? Zum Vergleich von Agrarentwicklung und Agrarproblemen in der Sowjetunion und der DDR // Der unvollkommene Block. Die Sowjetunion und Ostmitteleuropa zwischen Loyalität und Widerspruch / Ed. by H. Horn, W. Knobelsdorf, M. Reiman. Frankfurt/M. et al., 1988. S. 139—170.
- Merl S.* Konsum in der Sowjetunion: Element der Systemstabilisierung? // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 2007. Vol. 58. S. 519—536.
- Merl S.* Sowjetmacht und Bauern. Dokumente zur Agrarpolitik und zur Entwicklung der Landwirtschaft während des «Kriegskommunismus» und der Neuen Ökonomischen Politik (Gießener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens. Bd. 191). Berlin, 1993.
- Merl S.* Sozialer Aufstieg im sowjetischen Kolchossystem der 30er Jahre? Über das Schicksal der bäuerlichen Parteimitglieder, Dorfsowjetvorsitzenden, Posteninhaber in Kolchosen, Mechanisatoren und Stachanowleute (Gießener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens. Bd. 173). Berlin, 1990.
- Millar J.R.* Mass Collectivization and the Contribution of the Soviet Agriculture to the First Five-Year-Plan // Slavic Review. 1974. Vol. 33.
- Millar J.R.* The Little Deal: Brezhnev's Contribution to Acquisitive Socialism // Slavic Review. 1985. Vol. 44. P. 694—706.
- Nove A.* The Problem of „Success Indicators“ in Soviet Industry // *Economica*. New Series. XXV (1958). P. 1—13.
- Olson M.* Dictatorship, democracy and development // *American Political Science Review*. 1993. Vol. 87. P. 567—576.
- Pauer J.* Prag 1968. Der Einmarsch des Warschauer Paktes. Hintergründe, Planung, Durchführung. Bremen, 1995.
- Revesz G.* Hungary // *The New Economic Systems of Eastern Europa...* S. 155—170.
- Ritter G.A.* Der Sozialstaat. Entstehung und Entwicklung im internationalen Vergleich. München, 1991.
- Rosefield S.* The Illusion of Material Progress: the Analytics of Soviet Economic Growth Revisited // *Soviet Studies*. 1991. Vol. 43. P. 597—611.
- Schattenberg S.* Die Frage nach den Tätern. Zur Neukonzeptionalisierung der Sowjetunionforschung am Beispiel von Ingenieuren der 20-er und 30-er Jahre // *Osteuropa*. 2000. 6. S. 638—655.
- Spoor M., Visser O.* Restructuring Postponed? Large Russian Farm Enterprises [Coping with the Market] // *The Journal of Peasant Studies*. 2004. Vol 31 (3—4). P. 515—551.
- Thalheim K.C.* Balance Sheet // *The New Economic Systems of Eastern Europa...* P. 529—568.
- The Economic Transformation of the Soviet Union. 1913—1945 / Ed. by R.W. Davies, M. Harrison, S.G. Wheatcroft.* Cambridge, 1994.
- The Economics of Forced Labor. The Soviet Gulag / Ed. by P.R. Gregory, V. Lazarev.* Stanford, 2003.
- The New Economic Systems of Eastern Europa / Ed. by H.-H. Höhmann, M.C. Kaser, K.C. Thalheim.* London, 1975.
- The Tragedy of the Soviet Countryside. I. The War Against the Peasantry, 1927—1930 / Ed. by L. Viola et al.* Yale, 2005. P. 205—263.
- Tichonov A.* The End of the Gulag // *The Economics of Forced Labor. The Soviet Gulag...* P. 67—74.

- Timasheff N.S.* The Great Retreat. The Growth and decline of communism in Russia. New York, 1948. Transcript of the Conversations between the Soviet Leadership and a Hungarian United Worker's Party Delegation in Moscow on 13 June 1953 // Cold War International History Project. Bulletin. № 10 (1998). P. 81—86.
- Varga G.* Neue Produktionsbeziehungen in der ungarischen Landwirtschaft // Sozialistische Agrarpolitik / Ed. by T. Bergmann, P. Gey, W. Quaisser. Köln, 1984. S. 198—213.
- Wee H. van der.* Der gebremste Wohlstand. Wiederaufbau, Wachstum, Strukturwandel 1945—1980. München, 1984.
- Zaleski E.* Planning for Economic Growth 1933—1952. Chapel Hill, 1980.
- Zaleski E.* Stalinist Planning for Economic Growth in the Soviet Union 1918—1932. Chapel Hill, 1971.
- Барсов А.А.* Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М., 1969.
- Беленький М.* Пути производственного кооперирования крестьянства // Большевик. 1927. № 17. С. 58—78.
- Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928—1929 гг. Т. 1—5. М., 2000.
- Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе. Новосибирск, 1999. С. 301—383.
- Корягина Т.* Теневая экономика в России: истоки и структурные изменения // Политэконом. Русско-германский журнал по экономической теории и практике. 1997. № 1. С. 39—48.
- Мерль Ш.* Голод 1932—1933 годов — геноцид украинцев для осуществления политики русификации? // Отечественная история. 1995. № 1. С. 59.
- Мерль Ш.* Десталинизация или сохранение системы? Основная дилемма советской политики после смерти Сталина // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2003. С. 106—116.
- Мерль Ш.* Итог подчинения — социальная и экономическая реорганизация деревни // Ярославский педагогический вестник. 2002. № 3. С. 19—35.
- Мерль Ш.* Реформа, ошибочная по своей концепции. Заметки к истории аграрной политики при Хрущеве и Брежневе // Проблемы всемирной истории. Сборник статей в честь Александра Александровича Фурсенко. СПб., 2000. С. 262—271.
- Мерль Ш.* Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе. Ожидания и реальность // Отечественная история. 1998. № 1. С. 97—117.
- Наутов В.* К истории секретного доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 147—168.
- Олеванов П.* Основные вопросы методологии составления организационных планов для районов сплошной коллективизации // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1930. № 2.
- Попов Г.* Два цвета времени или уроки Хрущева // Огонек. 1989. № 42. С. 14—17.
- Струмилин С.Г.* О темпах нашего развития // Плановое хозяйство. 1929. № 1. С. 104—116.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927—1939. Т. 1—5. М., 1999—2006;
- Фишер В.* Европа: экономика, общество и государство 1914—1980. М., 1999.
- Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996.

Примечания

- ¹ На голод 1932—1933 гг. был наложен запрет, отмененный только в 1988 г.
- ² См.: *Schattenberg S.* Die Frage nach den Tätern. Zur Neukonzeptionalisierung der Sowjetunionforschung am Beispiel von Ingenieuren der 20-er und 30-er Jahre // Osteuropa. 2000. 6. S. 638—655. Шаттенберг показывает, как большевики с помощью своих образов врагов воспринимали укоренившиеся в народе предрассудки и могли получить отсюда легитимацию.
- ³ *Lewin M.* The Disappearance of Planning in the Plan // Slavic Review. 1973. Vol. 32. P. 271—287.
- ⁴ *Фишер В.* Европа: экономика, общество и государство 1914—1980. М., 1999. См. в особенности с. 263 и след. Предприятия и в капиталистических странах стремятся лишить рынки их функций, а правительства вмешиваются в ситуацию на рынке с помощью законодательства о рынках, государственных субсидий и социально-политических предписаний.
- ⁵ См.: *Hayek F.A.* The Road to Serfdom. London. 1944. Уже Хайек доказывал, что идея плановой экономики неосуществима из-за проблем с информацией.
- ⁶ М. Спур и О. Виссер. (*Spoor M., Visser O.* Restructuring Postponed? Large Russian Farm Enterprises "Coping with the Marke" // The Journal of Peasant Studies. 2004. Vol 31 (3—4). P. 515—551) недав-

- но впечатляюще описали, как современные крупные аграрные предприятия подрывают процесс приспособления сельского хозяйства к рынку.
- ⁷ *Bergson A.* The Real National Income of Soviet Russia since 1928. Cambridge, 1961; *Berliner J.S.* Factory and Management in the USSR. Cambridge, 1957; *Davies R.W.* The Development of the Soviet Budgetary System. Cambridge, 1958; *Jasny N.* Soviet Industrialization 1928—1952. Chicago, 1961; *Zaleski E.* Stalinist Planning for Economic Growth in the Soviet Union 1918—1932. Chapel Hill, 1971; *Idem.* Planning for Economic Growth 1933—1952. Chapel Hill, 1980.
- ⁸ Следует указать и на то, что до сих пор была рассекречена лишь небольшая часть архивного материала, а важные архивные фонды по-прежнему недоступны.
- ⁹ Behind the Facade of Stalin's Command Economy. Evidence from the Soviet State and Party Archives / Ed. by Gregory P.R. Stanford, 2001.
- ¹⁰ Ср.: *Merl S.* Entstalinisierung, Reformen und Wettlauf der Systeme 1953—1964 // Handbuch der Geschichte Rußlands. Bd. 5: 1945—1991. Vom Ende des Zweiten Weltkriegs bis zum Zusammenbruch der Sowjetunion. Stuttgart, 2002. S. 175—318; *Idem.* Konsum in der Sowjetunion: Element der Systemstabilisierung? // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 2007. Vol. 58. S. 519—536.
- ¹¹ *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996; *Gorlizki Y., Khlevniuk O.* Cold Peace. Stalin and the Ruling Circle, 1945—1953. Oxford, 2004.
- ¹² В том числе: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927—1939. Т. 1—5. М., 1999—2006; Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928—1929 гг. Т. 1—5. М., 2000.
- ¹³ См. об этом подробнее: *Хлевнюк О.В.* Политбюро...; *Davies R.W.* Making Economic Policy // Behind the Facade of Stalin's Command Economy. Evidence from the Soviet State and Party Archives / Ed. by Gregory P.R. Stanford, 2001. P. 61—80.
- ¹⁴ *Merl S.* Entstalinisierung... S. 175—203.
- ¹⁵ Серия «The Industrialisation of Soviet Russia» посвящена периоду с 1929 по 1937 год. См.: Vol. 1: The Socialist Offensive: The Collectivisation of Soviet Agriculture, 1929—1930. Cambridge, 1980; Vol. 2: The Soviet Collective Farm, 1929—1930. Cambridge, 1980; Vol. 3: The Soviet Economy in Turmoil, 1929-1930. Cambridge, 1989; Vol. 4: Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931—1933. Basingstoke, 1996; Vol. 5: The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931—1933. Basingstoke, 2004. См. также: From Tsarism to the New Economic Policy / Ed. by R.W. Davies / London; Basingstoke, 1990; The Economic Transformation of the Soviet Union. 1913—1945 / Ed. by R.W. Davies, M. Harrison, S.G. Wheatcroft. Cambridge, 1994. В «Серии об индустриализации» детально изложены результаты работы в архивах. При этом слишком мало места уделяется осмыслению научной полемики и включению результатов в научный оборот. Дает себя знать и оценка Дэвисом социальной цены индустриализации до 1941 г. как неизбежной.
- ¹⁶ *Gregory P.R.* Behind the Facade...; The Economics of Forced Labor. The Soviet Gulag / Ed. by P.R. Gregory, V. Lazarev. Stanford, 2003.
- ¹⁷ *Gregory P.R.* The Political Economy of Stalinism. Evidence from the Secret Soviet Archives. Cambridge, 2004. Краткие резюме его концепции можно найти в: *Gregory P.R., Markevich A.* Creating Soviet Industry. The House That Stalin Built // Slavic Review. 2002. Vol. 61. P. 788—814; *Gregory P.R.* The Dictator's Orders, in: *Gregory P.R. and Markevich A.* Creating Soviet Industry. P. 11—34. См. также: *Gregory P. R., Stuart R.C.* Russian and Soviet Economic Performance and Structure. Reading, 1998. Грегори убедительно доказывает на основе архивного материала, что модель «неподвижного бандита» корректно описывает действия партийной верхушки до 1953 г.
- ¹⁸ *Gregory P.R.* The Political Economy... P. 22—28. Автор опирается на три основных идеологических убеждения большевиков: государственную собственность, плановое хозяйство и ведущую роль партии. Проблематичным представляется добавленное к ним четвертое убеждение — накопление капитала.
- ¹⁹ *Мерль Ш.* Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе. Ожидания и реальность // Отечественная история. 1998. № 1. С. 97—117.
- ²⁰ Марксизм не дал отправных точек для понимания и реализации политики применительно к отсталой аграрной стране. В лучшем случае эта посылка исключала перепрыгивание ступени капитализма.
- ²¹ Здесь нельзя умалчивать, что роковой тезис, в соответствии с которым из простого товарного производства вновь и вновь возрождается капитализм, восходит к Марксу и на нем лежит ответственность за причисление крестьян к мелким товаропроизводителям. См. об этом: *Krebs C.* Die weltanschaulichen und wirtschaftstheoretischen Grundlagen der Agrartheorie im Marxismus-Leninismus. Berlin, 1983.

- ²² Мерль Ш. Экономическая система... С. 101—104. См. также: *Merl S. Handlungsspielräume und Sachzwänge in der sowjetischen Wirtschafts- und Sozialpolitik der Zwischenkriegszeit // Sachzwänge und Handlungsspielräume in der Wirtschafts- und Sozialpolitik der Zwischenkriegszeit / Ed. by W. Fischer. St. Katharinen, 1985. S. 175—229.*
- ²³ Мерль Ш. Экономическая система... С. 99—101.
- ²⁴ См.: *The Tragedy of the Soviet Countryside. I. The War Against the Peasantry, 1927—1930 / Ed. by L. Viola et al. Yale, 2005. P. 205—263.*
- ²⁵ *Merl S. Handlungsspielräume... S. 204—206.*
- ²⁶ *Ibid. S. 201 et al. Н. Ясный (Jasny N. Soviet industrialization, 1928—1952. Chicago, 1961. P. 73 et al.)* создал для характеристики этого явления понятие «неистовое планирование». Хотя на практике темпы прироста драматически падали, обнаруживая в конце концов тенденцию движения к нулю, в начале 1931 г. группа экономистов во главе с бывшим председателем Госплана Громаном была предана суду за оспаривание существования этого закона.
- ²⁷ *Беленький М. Пути производственного кооперирования крестьянства // Большевик. 1927. № 17. С. 58—78; Сталин И. В. Сочинения. Т. 10. М., 1949. С. 221—226.*
- ²⁸ *Merl S. Handlungsspielräume... S. 200; Олеванов П. Основные вопросы методологии составления организационных планов для районов сплошной коллективизации // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1930. № 2. С. 11 и сл.*
- ²⁹ *Merl S. Handlungsspielräume... S. 200; статья Борилина в журнале «Большевик» (1929. № 11. С. 14). Милотин высказался в декабре 1929 г., что такие основные понятия буржуазной экономики как рынок, цена, закон спроса и потребления, рентабельность и др. звучат уже как анахронизм, и что тщетно искать влияние этих законов в советском хозяйстве (См.: Труды Первой всесоюзной конференции аграрников марксистов. В 2-х томах. Т. 1. М., 1930. С. 31). Это означало и прекращение поиска «объективных закономерностей» вне человеческой воли. В то время как «генетики» пытались предсказать не подававшиеся влиянию экономические тенденции и требовали адаптации к ним планов, «телеологи» (в том числе С. Г. Струмилин) считали, что социалистическое государство стоит над экономическими законами.*
- ³⁰ Отто Шиллер, эксперт по сельскому хозяйству в немецком посольстве, 19 сентября 1933 г. в отчете имперскому министерству продовольствия и сельского хозяйства в Берлине, цитируется по: *Мерль Ш. Голод 1932—1933 годов — геноцид украинцев для осуществления политики русификации? // Отечественная история. 1995. № 1. С. 59.*
- ³¹ *Merl S. Entstalinisierung... S. 212—225.*
- ³² *Ibid. S. 263—272.*
- ³³ В рамках данной статьи это можно сделать поверхностно, но у меня есть и другие публикации по рассматриваемому вопросу: *Merl S. Der Agrarmarkt und die Neue Ökonomische Politik. Die Anfänge staatlicher Lenkung der Landwirtschaft in der Sowjetunion 1925—1928 (Studien zur modernen Geschichte. Bd. 25). München; Wien, 1981; Merl S. Handlungsspielräume... Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. В 3 т. Изд. 3. М., 1930.*
- ³⁴ *Hunter H., Szyrmer J.M. Faulty Foundations. Soviet Economic Policies, 1928—1940. Princeton, 1992.*
- ³⁵ *Merl S. Sowjetmacht und Bauern. Dokumente zur Agrarpolitik und zur Entwicklung der Landwirtschaft während des «Kriegskommunismus» und der Neuen Ökonomischen Politik (Gießener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens. Bd. 191). Berlin, 1993.* По докладу о мероприятиях по поднятию и укреплению крестьянского хозяйства. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза ССР 1925. Ст. 248; *Бухарин Н.И. Новые задачи в области нашей крестьянской политики // Правда. 1925. 24.4.*
- ³⁶ См. прим. 93.
- ³⁷ *Merl S. Der Agrarmarkt... S. 285—315.*
- ³⁸ Продукты, учитывавшиеся в рамках обязательных поставок, оплачивались. Но из-за сильной инфляции фиксированные государственные закупочные цены 1927—1928 гг. не компенсировали расходов, в 1932 г. покрывали треть издержек производства, а в 1953 г. — лишь одну десятую. Поэтому фактически речь шла о натуральном налоге.
- ³⁹ *Merl S. Der Agrarmarkt... S. 303—309; Барсов А.А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М., 1969.*
- ⁴⁰ *Gregory P.R. The Political Economy... P. 22—48.*
- ⁴¹ Основное бремя накопления капитала с 1933 г. падало на рабочих и служащих, которые вносили большую часть налога с оборота, и у которых из заработной платы вычитался «государственный заем на индустриализацию». В то же время им приходилось покупать продукты

- питания на колхозных рынках по завышенным ценам, таким образом, они уступали колхозникам часть своей заработной платы.
- ⁴³ *Millar J.R.* Mass Collectivization and the Contribution of the Soviet Agriculture to the First Five-Year-Plan // *Slavic Review*. 1974. Vol. 33. P. 766. Я не могу согласиться со сдержанностью Дэвиса (*Davies R.W.* Changing economic systems: an overview // *The Economic Transformation of the Soviet Union. 1913—1945...* P. 13) в отношении этого аргумента, ибо мой анализ поведения крестьян на рынке в 1920-е гг. подтверждает эту гипотезу.
- ⁴⁴ *Jasny N.* Soviet industrialization...; *Kaufman A.* Small-Scale Industry in the Soviet Union. New York, 1962.
- ⁴⁵ *Davies R.W.* Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931—1933 // *The Industrialisation of Soviet Russia*. Vol. 4. Basingstoke, 1996. Дэвис рассматривает вопросы о содержании реформ, придании системе устойчивости, а также о том, кто, собственно, является реформатором. Он показывает, что представления о будущей экономике в начале 1930-х гг. под давлением проблем быстро менялись. Говоря об «экономической реформе», он имеет в виду скорее предложения, разработанные в ходе дискуссии, нежели действительно реализованные меры. «Радикальные реформы» 1932 г., обрисованные им с большой симпатией, порой пропагандировали идеи социалистической рыночной экономики: освобождение цен, ликвидацию дотаций, восстановление хозрасчета (P. 201—228). Дэвис констатирует, что до конца 1932 г. общие принципы управления экономикой кардинально изменились. Административно-командная система, созданная властным принуждением центральных ведомств, была теперь дополнена вспомогательной ролью лишь ограниченно видимой более гибкой системы, условно базировавшейся на экономических рычагах. См. также: *Davies R.W.* Changing Economic Systems... P. 18 et al.
- ⁴⁶ *Merl S.* Bauern unter Stalin. Die Formierung des sowjetischen Kolchossystems, 1930—1941 (*Gießener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens*. Bd. 175). Berlin, 1990; *Мерль Ш.* Итог подчинения — социальная и экономическая реорганизация деревни // Ярославский педагогический вестник. 2002. № 3. С. 19—35, особенно с. 19—23. В число организационных принципов колхозной системы входило возвращение к натуральному налогу в форме обязательных поставок, закрепление приусадебного участка за колхозниками при отказе от полного включения аграрного производства в колхозы и совхозы, и введение авансовых выплат на распределение прибылей в форме выдачи 10—15% обмолоченного зерна колхозникам в соответствии с ежедневной выработкой. См.: *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931—1933 / *The Industrialisation of Soviet Russia*. Vol. 5. Basingstoke, 2004. Доказательств того, что общая концепция системы колхозов и реформа промышленности обсуждалась в Политбюро, не найдено. Дэвис и Уиткрофт много внимания уделяют «нео-НЭПу» с «повторным допущением» базаров в форме колхозных рынков.
- ⁴⁷ *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger... Колхозы в конечном счете рассматривались как враждебная форма организации производства. Уже в 1931 г. партийная верхушка характеризовала председателей колхозов как врагов и саботажников (P. 73 et al.), а Молотов в 1932 г. величал их «кулацкими собаками» (P. 99).
- ⁴⁸ *Davies R.W.* Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931—1933...
- ⁴⁹ См. об этом: *Mehnert K.* Die Jugend in Sowjetrussland. Berlin, 1932; *Merl S.* Handlungsspielräume... S. 205—211; *Gregory P.R.* The Political Economy... P. 62.
- ⁵⁰ *Berliner J.S.* Factory...
- ⁵¹ В дальнейшем я использую понятие «диктатор», так как речь идет об описании механизмов функционирования систем, оторванных от личности. Понятие относится к верхушке партии, Политбюро или Сталину. Преимущество этой модели заключается в том, что она в состоянии объяснять противоречивые на первый взгляд способы поведения и показывает значение «диктатора» для административно-командной экономики.
- ⁵² В дальнейшем я использую понятие «теневая экономика» и как родовое понятие для противоречащего правилам поведения «производителей» — от директоров предприятий до министров.
- ⁵³ До 1946 г. министерства назывались народными комиссариатами. В статье я использую слово «министерство», даже если речь идет о сталинском периоде.
- ⁵⁴ *Berliner J.S.* Factory...
- ⁵⁵ *Zaleski E.* Stalinist Planning...; *Idem.* Planning...
- ⁵⁶ См. также: *Hayek F.A.* The Road...
- ⁵⁷ В терминологии, используемой Грегори, этот тип диктатора характеризуется как «неподвижный бандит». С помощью архивного материала он доказывает, что Сталин вел себя соответствующим образом.

- ⁵⁸ *Gregory P.R.* The Political Economy... P. 49—75. Архивный материал доказывает, что борьба вокруг распределения ресурсов велась очень ожесточенно даже между членами Политбюро. См. об этом также: *Хлевнюк О.В.* Политбюро...; *Davies R.W., Khlevnyuk O.* Stakhanovism and the Soviet Economy // *Europe-Asia Studies*. 2002. Vol. 54. № 6. P. 867—903.
- ⁵⁹ *Струмилин С.Г.* О темпах нашего развития // *Плановое хозяйство*. 1929. № 1. С. 104—116; *Merl S.* Handlungsspielräume... S. 184—193.
- ⁶⁰ *Gregory P.R.* The Political Economy... P. 126—152.
- ⁶¹ *Ibid.* P. 126—133, 153—156.
- ⁶² О конфликте между Сталиным и Орджоникидзе в 1936—1937 гг. см.: *Хлевнюк О.В.* Политбюро... С. 166—186.
- ⁶³ *Berliner J.S.* Factory... P. 319.
- ⁶⁴ *Ibid.* P. 75—181, 319.
- ⁶⁵ *Ibid.* P. 182—230.
- ⁶⁶ *Gregory P.R.* The Political Economy... P. 213—242. Он констатирует, что со взяточничеством можно было бороться при помощи эффективного финансового контроля, но это не отвечало интересам диктатора.
- ⁶⁷ *Belova E.* Economic Crime and Punishment // *Behind the Facade of Stalin's Command Economy. Evidence from the Soviet State and Party Archives* / Ed. by Gregory P.R. Stanford, 2001. P. 131—158. В порядке вещей было и нарушение правил ответственными работниками, несмотря на угрозу наказания. Кроме того, архивы полны заявлений, угроз и жалоб, которыми говорят о том, что в невыполнении планов виновны были другие.
- ⁶⁸ По поводу практики контроля см. также: *Berliner J.S.* Factory... P. 231—300, 323—325. Результаты моих исследований рассмотрения запросов ЦК по жалобам Министерства торговли в 1950-е гг. подтверждают, что обвиненные сотрудники, как правило, брались под защиту, а обвинения отвергались.
- ⁶⁹ *Gregory P.R.* The Political Economy... P. 126—182.
- ⁷⁰ *Kershaw I., Lewin M.* The regimes and their dictators: perspectives of comparison // *Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison* / Ed. by Kershaw I., Lewin M. Cambridge et al., 1997. P. 1—25.
- ⁷¹ См.: *Gregory P.R.* The Political Economy... P. 17 et al.
- ⁷² *Kershaw I., Lewin M.* The regimes... P. 11—15. Авторы считают, что коммунистическая идеология позволила преемникам Сталина и после его смерти сохранять созданную им систему, лишь слегка ее изменив, и даже некоторым образом отделить ее от личности диктатора.
- ⁷³ *Timasheff N.S.* The Great Retreat. The Growth and decline of communism in Russia. New York, 1948; *Dunham V.S.* In Stalin's Time: Middle-Class Values in Soviet Fiction. Cambridge, 1976; *Hoffmann David L.* Stalinist Values. The cultural norms of Soviet modernity. Ithaca, New York et al., 2003. Характерно, что «новый человек» Сталина оказался эгоистическим доносчиком с мелкобуржуазными ценностными представлениями. Данхэм охарактеризовал отношения Сталина с новой рабочей аристократией как «Big Deal» (англ. «большая сделка»), причем трудовая активность и политическая лояльность вознаграждались сдельной оплатой, премиями, потребительскими товарами длительного пользования.
- ⁷⁴ *Мерль Ш.* Итог подчинения... С. 19—35.
- ⁷⁵ *Merl S.* Bauern unter Stalin. S. 195—256; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3. Конец 1930—1933 гг. М., 2001.
- ⁷⁶ *Мерль Ш.* Итог подчинения...
- ⁷⁷ *Gorlizki Y., Khlevnyuk O.* Cold Peace...; *Хлевнюк О.В.* Политбюро... С. 141—234.
- ⁷⁸ *Davies R.W.* Industrialization... Vol. 4: Crisis and Progress...; *Idem.* Making Economic Policy...
- ⁷⁹ *Davies R. W.* Making Economic Policy...; *Хлевнюк О.В.* Политбюро...; *Gregory P.R.* The Political Economy...
- ⁸⁰ *Хлевнюк О.В.* Политбюро... С. 198—234; *Merl S.* Entstalinisierung... S. 182—190.
- ⁸¹ Лучшим из последних исследований о ГУЛАГе является труд «The Economics of Forced Labor. The Soviet Gulag...» (Ed. by Gregory P.R., Lazarev V.).
- ⁸² Среди спецпереселенцев сначала было мало трудоспособной рабочей силы, так как в ходе «кулацкой акции» глав семей, как правило, помещали в трудовые лагеря или расстреливали. Те фазы, на которых численность заключенных резко возрастала, вводили систему ГУЛАГа в кризис, доля больных и обессиленных заключенных резко увеличивалась.
- ⁸³ *Merl S.* Bauern unter Stalin. S. 35—60, 327—452; *Мерль Ш.* Итог... Сколько-нибудь заметные производственные успехи были достигнуты только в хлопководстве, так как здесь с 1935 г. платились закупочные цены, покрывающие издержки. Имели место временные положитель-

- ные тенденции в разведении сахарной свеклы благодаря применению трудовых отрядов, которые несли личную ответственность, а в середине 1930-х гг // на приусадебных хозяйствах ввиду временного содействия со стороны государства.
- ⁸⁴ См., прежде всего: *Khlevnyuk O.* The Economy of the OGPU, NKVD and MVD of the USSR, 1930–1953. The Scale, Structure and Trends of Development // *The Economics of Forced Labor. The Soviet Gulag...* P. 43–66.
- ⁸⁵ *Tichonov A.* The End of the Gulag // *The Economics of Forced Labor. The Soviet Gulag...* P. 67–74.
- ⁸⁶ По поводу проблем мотивации заключенных см.: *Borodkin L., Ertz S.* Coercion versus Motivation. Forced Labor in Norilsk // *The Economics of Forced Labor. The Soviet Gulag...* P. 75–104.
- ⁸⁷ *Gorlizki Y., Khlevnyuk O.* Cold Peace. P. 123–142; см. также статьи в *The Economics of Forced Labor. The Soviet Gulag...*
- ⁸⁸ *Merl S.* Entstalinisierung... Масштабы критики экономической политики Сталина со стороны его ближайших последователей лучше всего проявляются в беседе с венгерским партийным руководством 13 июня 1953 г. в Москве. Здесь имел место беспощадный расчет с политикой Ракоши, хотя тот всего лишь следовал приказам Сталина. См.: Transcript of the Conversations between the Soviet Leadership and a Hungarian United Worker's Party Delegation in Moscow on 13 June 1953 // *Cold War International History Project. Bulletin.* № 10 (1998). P. 81–86.
- ⁸⁹ *Nove A.* The Problem of „Success Indicators“ in Soviet Industry // *Economica. New Series.* XXV (1958). P. 1–13. В середине 1950-х гг. дискуссия сконцентрировалась на вопросе о воздействии закона стоимости. К числу молодых ученых, которые вскрывали противоречия системы, основываясь на неоплате труда колхозников, принадлежали видные впоследствии экономисты, например, Гелий Смелов и Татьяна Заславская. См. об этом: *Merl S.* Entstalinisierung... S. 210–212.
- ⁹⁰ *Berliner J.R.* Factory... P. 325–329.
- ⁹¹ Берлинер (*Berliner J.R.* Factory... P. 326) подчеркивает, что, хотя недостатки эффективности сталинской командной экономики и были очевидны, нельзя забывать, что и рыночные экономики демонстрировали потери. Подход Грегори недостаточно учитывает данное обстоятельство, так как он уверен, что рыночные экономики не могут быть неэффективными.
- ⁹² *Merl S.* Entstalinisierung... S. 212–225, 251–263; *Мерль III.* Реформа, ошибочная по своей концепции. Заметки к истории аграрной политики при Хрущеве и Брежневеве // *Проблемы всемирной истории. Сборник статей в честь Александра Александровича Фурсенко.* СПб., 2000. С. 262–271. Все потенциальные преемники Сталина видели необходимость прекращения политики отказа от потребления и обязательного образования сбережений, чтобы получить поддержку своего господства через сферу потребления.
- ⁹³ По поводу высоких темпов роста между 1978 и 1984 гг. вследствие роспуска народных коммун см.: *Lin J.Y.* Rural Reforms and Agricultural Growth in China // *The American Economic Review.* 1992. Vol. 82. P. 34–51.
- ⁹⁴ *Мерль III.* Экономическая система... С. 105–106; *Merl S.* Entstalinisierung... S. 251–262. В качестве примера описания «зажиточной жизни» с одновременной воспитательной функцией см. «Книгу о вкусной и здоровой пище» (М., 1952). Хрущев публично разоблачил ложь о решении зерновой проблемы, а новый курс Маленкова показал, сколь мало можно было говорить о «зажиточной жизни» народа.
- ⁹⁵ *Merl S.* Entstalinisierung... S. 182–189; *Наумов В.* К истории секретного доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС // *Новая и новейшая история.* 1996. № 4. С. 147–168.
- ⁹⁶ См. об этом подробнее: *Merl S.* Entstalinisierung... S. 273–289; *Мерль III.* Десталинизация или сохранение системы? Основная дилемма советской политики после смерти Сталина // *Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича.* СПб., 2003. С. 106–116.
- ⁹⁷ См. об этом *Ritter G.A.* Der Sozialstaat. Entstehung und Entwicklung im internationalen Vergleich. München, 1991. Введение социального страхования в Германии было связано с «исключительным законом против социалистов». Первые целостные концепции социального обеспечения содержатся в Веймарской конституции. Во время Второй мировой войны в Англии был разработан план Бевериджа, а в Германии — «социальное рыночное хозяйство» в своем дальнейшем развитии должно было гарантировать высокую степень социального обеспечения. Образцовой до настоящего времени остается шведская концепция «народного дома». По сравнению с Советским Союзом в Западной Европе явно превосходило обеспечение, прежде всего, по возрасту, в то время как социалистические государства концентрировались на социальном обеспечении трудоспособных, в конце концов создав систему, невыгодную с точки зрения эффективной производительности.

- ⁹⁸ Мерль Ш. Экономическая система... С. 105—114; см. также: *Понов Г.* Два цвета времени или уроки Хрущева // *Огонек*. 1989. № 42. С. 14—17; *Féher F.* The Social Character of Khrushchewism: A Transition or a New Phase // *Khrushchev and the Communist World* / Ed. by R.F. Miller, F. Féher. London, 1984. P. 12—39.
- ⁹⁹ *Merl S.* Konsum...
- ¹⁰⁰ *Merl S.* Enstalinisierung... S. 226—237.
- ¹⁰¹ См.: *The New Economic Systems of Eastern Europa* / Ed. by H.-H. Höhmann, M.C. Kaser, K.C. Thalheim. London, 1975 (особенно: *Thalheim K.C.* Balance Sheet. P. 529—568).
- ¹⁰² *The New Economic Systems of Eastern Europa...* (в особенности: *Thalheim K.C.* Balance Sheet. P. 529—568; *Leptin G.* The German Democratic Republic. P. 43—78).
- ¹⁰³ *Thalheim K.C.* Balance Sheet // *The New Economic Systems of Eastern Europa...* P. 529—568; *Pauer J.* Prag 1968. Der Einmarsch des Warschauer Paktes. Hintergründe, Planung, Durchführung. Bremen, 1995. Законы, направленные на обеспечение реформ, были приняты в 1965 и 1968 гг., решающую роль в разработке концепции политики реформ играл Ота Шик, директор Института экономики Академии наук в Праге. Он был убежден в том, что без использования рыночного механизма невозможно поступательное движение и говорил о «неизбежности социалистической рыночной экономики, без которой невозможно нормальное развитие». Позднее, в изгнании, он сформулировал: «Тогда ставилась цель с помощью размеренных шагов достичь управляемого и медленно усиливающегося давления рынка и постепенной ликвидации административного руководства. Конечно, мы считались и с возможностью иностранной помощи... Тем самым мы хотели в течение 5—7 лет достичь таких структурных изменений, технической модернизации и инноваций, благодаря которым чешское производство могло бы стать более конкурентоспособным, внешняя торговля — эффективнее, а платежный баланс — более уравновешенным». (Цитируется по: *Thalheim K.C.* Balance Sheet... P. 541 et al).
- ¹⁰⁴ См.: *Berend I.T.* The Hungarian Economic Reforms 1953—1988. Cambridge, 1990; *Varga G.* Neue Produktionsbeziehungen in der ungarischen Landwirtschaft // *Sozialistische Agrarpolitik* / Ed. by T. Bergmann, P. Gey, W. Quaisser. Köln, 1984. S. 198—213; *Revesz G.* Hungary // *The New Economic Systems of Eastern Europa...* S. 155—170.
- ¹⁰⁵ *Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе. Новосибирск, 1999. С. 301—383.
- ¹⁰⁶ *Millar J.R.* The Little Deal: Brezhnev's Contribution to Acquisitive Socialism // *Slavic Review*. 1985. Vol. 44. P. 694—706. Формирование понятия было реакцией на Данхэма (см. примечание 73). Миллар относит понятие к пакту с городским населением, разрешавшему частную торговлю и использование в личных интересах предприятий, находившихся в государственной собственности, до тех пор, пока это происходило скрыто, не переходило определенных границ и не нарушало важнейшие государственные приоритеты.
- ¹⁰⁷ *Grossman G.* The «Second Economy» of the USSR // *Problems of Communism*. 1977. № 26. P. 25—40; *Idem.* Subverted Sovereignty: Historic Role of the Soviet Underground // *The Tunnel at the End of the Light: Privatization, Business Networks, and Economic Transformation in Russia* / Ed. by S.S. Cohen, A. Schwartz, J. Zysman. Berkeley, 1998. P. 24—50; *Harrison M.* Economic Growth and Slowdown // *Brezhnev Reconsidered* / Ed. by E. Bacon, M. Sandle. Basingstoke; New York, 2002. P. 59 et al. См. также: *Корягина Т.* Теневая экономика в России: истоки и структурные изменения // *Политэконом*. Русско-германский журнал по экономической теории и практике. 1997. № 1. С. 39—48.
- ¹⁰⁸ *Merl S.* Konsum... S. 532—536.
- ¹⁰⁹ *Berliner J.S.* Soviet Management from Stalin to Gorbachev: A comparison of the Harvard Project and SIP Interviews. Working paper. № 43. March 1988. Берлинер констатирует, что во времена Сталина личное обогащение еще не играло в теневой экономике значительной роли. В 1970-е гг. получаемые здесь доходы часто оказывались выше премий, присуждавшихся государством, поэтому их стимулирующая функция ослабла. Управленцы жаловались главным образом на постоянную нехватку сырья.
- ¹¹⁰ Мерль Ш. Экономическая система... С. 105—115; *Idem.* Destalinizacija...; *Idem.* Einstellungen zum Privateigentum in Rußland und in der Sowjetunion (19—20. Jahrhundert) // *Eigentum im internationalen Vergleich* / Ed. by H. Siegrist, D. Sugarman. Göttingen, 1999. S. 135—160.
- ¹¹¹ См., например: *Conyngham W.J.* The Modernization of Soviet Industrial Management. Socioeconomic Development and the Search for Viability. Cambridge et al., 1982. На примере попыток повысить в 1970-е гг. эффективность советской экономики, взяв за основу теорию менеджмента, он рассматривает вопрос о том, возможно ли было повышение эффективности, не подрывая

- при этом политическую структуру режима. Он, в частности, показывает, что средние управленцы и специалисты противились применению компьютеров, и констатирует, что даже весьма ограниченное применение рыночных методов с упором на материальную заинтересованность и промышленную автономию вызывало обеспокоенность и подстегивало защитную реакцию партийных аппаратчиков, так как это подрывало их идеологическую и организаторскую роль (С. 257).
- ¹¹² См. об этом раздел 13.
- ¹¹³ Меня не убеждает аргументация М. Олсона о переходе к модели слабого диктатора-посредника («referee dictators»). См.: *Olson M. Dictatorship, democracy and development // American Political Science Review. 1993. Vol. 87. P. 567—576; Anderson G.M., Boettke P.J. Soviet venality: a rent-seeking model of the communist state // Public Choice. 93 (1993). P. 37—53.*
- ¹¹⁴ См. об этом выше.
- ¹¹⁵ *Merl S. Sozialer Aufstieg im sowjetischen Kolchossystem der 30er Jahre? Über das Schicksal der bäuerlichen Parteimitglieder, Dorfsowjetvorsitzenden, Posteninhaber in Kolchosen, Mechanisatoren und Stachanowleute (Gießener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens. Bd. 173). Berlin, 1990.*
- ¹¹⁶ *Merl S. Bauern unter Stalin. S. 35—59. Концепция биологического урожая измеряла количество зерна, созревающего на поле, а не хлеб, сложенный в амбар.*
- ¹¹⁷ См. материал партийного архива г. Ярославль (ЦДНИ). Ф. 272. Оп. 226—228.
- ¹¹⁸ *Merl S. Hat sich der landwirtschaftliche Großbetrieb bewährt? Zum Vergleich von Agrarentwicklung und Agrarproblemen in der Sowjetunion und der DDR // Der unvollkommene Block. Die Sowjetunion und Ostmitteleuropa zwischen Loyalität und Widerspruch / Ed. by H. Horn, W. Knobelsdorf, M. Reiman. Frankfurt/M. et al., 1988. S. 139—170, особенно S. 140.*
- ¹¹⁹ Дело Ларионова, первого секретаря Рязанского обкома партии, который удостоивался наград, но затем покончил с собой, когда стало известно, что он разрушил сельское хозяйство области.
- ¹²⁰ *Merl S. Entstalinisierung... S. 216—218; McCauley M. Khrushchev and the Development of Soviet Agriculture. The Virgin Land Programme 1953—1964. London et al., 1976.*
- ¹²¹ *Merl S. Entstalinisierung... S. 218—225; Medvedev Z.A. Soviet Agriculture. New York, 1987. P. 161—240.*
- ¹²² *Мерль Ш. Реформа, ошибочная по своей концепции... С. 262—271*
- ¹²³ О проблемах статистики см.: *Harrison M. Economic Growth and Slowdown...; Davies R.W. Industry // The Economic Transformation of the Soviet Union. 1913—1945... P. 131—157.* И сегодня невозможно точно измерить результаты экономического развития СССР. Нет сомнений, что советская статистика преувеличивала рост. Важно, что почти все остальные расчеты в принципе не ставят под сомнение рост кривых, подтверждаемый советской статистикой. Сегодня наиболее пригодным считается расчет ЦРУ. Отличающийся ход кривых описывают только данные, недавно опубликованные Г. Ханниным. Для фазы, предшествовавшей Второй мировой войне, он приходит к показателям, более низким, чем общепринятые, только для 1950—1970 гг. он подтверждает высокий рост. Харрисон считает этот расчет серьезным, но не лишенным недостатков. См.: *Harrison M. Soviet Economic Growth Since 1928: The Alternative Statistics of G.I. Khanin // Europe-Asia Studies. 1993. Vol. 45. P. 141—167.*
- ¹²⁴ См. об этом: *Harrison M. Economic Growth and Slowdown... P. 41—43.* Новейшие российские расчеты характеризуются самыми низкими показателями. См.: *Rosefield S. The Illusion of Material Progress: the Analytics of Soviet Economic Growth Revisited // Soviet Studies. 1991. Vol. 43. P. 597—611.* Харрисон полагает, что возможно нет смысла каким-то одним показателем измерить каждый аспект общественного благосостояния (С. 43). Представляется более правильным рассчитывать национальный доход независимо от факторов вроде фрустрации потребителей.
- ¹²⁵ *Maddison A. Monitoring the World Economy 1820—1992. Paris, 1995 (Исследование центра развития ОЭСР).*
- ¹²⁶ *Davies R.W. Industry... P. 132—135.* О критике отрицательной оценки опыта индустриализации до 1914 г. см. в особенности: *Gregory P.R. Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to First Five-Year. Princeton, 1994.*
- ¹²⁷ Советский Союз достиг самого быстрого роста ВВП между 1934 и 1936 гг., т.е. за годы, когда Сталин почти не вмешивался в экономику, и закончилась «революция сверху» с распылением средств, предназначенных для инвестиционных проектов. Эти соображения показывают и издержки преступной деятельности Сталина: между 1930 (1 448 долл. на душу населения) и

1933 г. (1493 долл. на душу населения) рост находился в состоянии застоя ввиду чудовищного уничтожения ресурсов, то же имело место между 1937 и 1940 г. (снижение с 2156 до 2144 долл. на душу населения) ввиду «Большого террора». См. об этом, прежде всего: *Jasny N. Soviet Industrialization*.

¹²⁸ Если применительно к этой фазе говорят о «немецком экономическом чуде», то следует констатировать, что и другие европейские экономики, за исключением британской, росли почти также быстро. Эффекты нагнания оказались возможными потому, что США были далеко впереди в технологическом отношении и во всем, что касалось организации предприятия. Взрыв массового потребления позволил и из дохода, обусловленного ростом масштабов производства (economics of scale), извлечь огромный потенциал роста. См. об этом: *Wee H. van der. Der gebremste Wohlstand. Wiederaufbau, Wachstum, Strukturwandel 1945—1980*. München, 1984.

¹²⁹ Рассчитано по *Maddison A. Monitoring...* P. 194—201.

¹³⁰ Мерль Ш. Десталинизация или сохранение системы?

¹³¹ *Harrison M. Coercion, compliance and the collapse of the Soviet command economy // The Economic History Review*. 2002. Vol 55 (3). P. 397—433. При описании советской экономики Харрисон представляет экономику в виде игры между диктатором (центральными ведомствами) и производителями. Диктатор использует при этом вознаграждения и наказания, чтобы побудить производителей к выполнению его производственных целей. См. также: *Hanson P. The Rise and Fall of the Soviet Economy. An Economic History of the USSR from 1945*. London et al., 2003. P. 252 et al.

¹³² См. прим. 6 по поводу причин «выжидательной» позиции крупных аграрных предприятий относительно ориентации на рынок. Они рассматривали такую ориентацию как не подававшийся расчету риск, пока опора на неформальные контакты приносила им больший успех.

¹³³ *Hanson P. The Rise...* P. 251. См. подобное: *Mau V., Starodubrovskaya I. The Challenge of Revolution. Contemporary Russia in Historical Perspective*. Oxford, 2001. О периоде до 1945 г. см. также: *Lewis R. Technology and the transformation of the Soviet economy // The Economic Transformation of the Soviet Union. 1913—1945...* P. 182—197.

¹³⁴ *Hanson P. The Rise...* P. 250. Он указывает на то, что замедление роста на выходе началось перед замедлением роста на входе.

¹³⁵ Так, например, огромные инвестиции в ирригационные проекты или программу подъема Черноземья не принесли полезных результатов.

¹³⁶ *Gregory P.R. The Political Economy...* P. 178 et al., указывает, что, несмотря на огромные размеры предприятий в Советском Союзе, эффект масштабов (economics of scale) использовался в недостаточной мере. Из-за ненадежности поставок многие предприятия начали сами изготавливать необходимые запчасти и оборудование.

¹³⁷ *Hanson P. The Rise...* P. 253. См. об этом также гл. 7 и 8.

¹³⁸ Китайское экономическое чудо началось с роспуском народных коммун. Китай переориентировал свою промышленность на мировой рынок, а, следовательно, и международную конкуренцию. Китай не отказался от государственного управления экономикой, но отгеснил теневую экономику, так как начали работать рыночные механизмы. По поводу экономики Китая см.: *China in the World Economy. The Domestic Policy Challenges*. Paris (OECD), 2002.

¹³⁹ *Gaidar E.T. Гибель империи. Уроки для современной России*. М. 2006. С. 131—205. Экспортная выручка использовалась, как известно, для покупки зерна на мировом рынке. Тем самым в стране поддерживалось нерентабельное производство мяса для того, чтобы поддерживать спокойствие населения. Гайдар обоснованно критикует этот паразитический круговорот, при котором неэффективное сельское хозяйство выживало за счет экспорта нефти. Главная цель книги Гайдара заключается, однако, в том, чтобы предостеречь от повторения ошибки, совершенной в середине 1970-х гг. и заключавшейся в том, что расчет делался на поступления от экспорта сырья в ущерб повышению эффективности собственной экономической системы.

¹⁴⁰ *Gregory P.R., Stuart R.C. Economic Performance and Structure...* P. 36 и др. Грегори рисует здесь крайне негативную картину эксперимента под названием «советская экономика» и констатирует, что сегодня отставание России в развитии даже больше, чем в 1917 г.

Солдатова О.Н.*

Научно-техническая документация как источник по экономической истории СССР (по материалам Российского государственного архива в г. Самаре)

Аннотация: В статье обращено внимание на научно-техническую документацию как исторический источник, редко используемый в научных исследованиях по истории Отечества, в т. ч. и экономической истории СССР в силу существующего по ряду объективных и субъективных причин барьера неосведомленности профессионального сообщества. До принятия Постановления Совета Министров СССР «О централизации хранения научно-технической документации и об организации широкого использования ее» в 1964 г. основной массив документов находился на ведомственном хранении в различных организациях. Выход постановления существенно активизировал изучение научно-технической документации. Исследователи стали рассматривать вопросы ее научно-технической и исторической ценности, необходимости сосредоточения документов в государственных архивах.

В статье дан краткий обзор документов Российского государственного архива в г. Самаре, который знакомит с составом и содержанием его фондов и коллекций, показаны пути возможного использования документов в качестве исторических источников в зависимости от их типа и вида.

Ключевые слова: научно-техническая документация, проектная документация, научно-исследовательская документация, заявочные материалы на изобретения, СССР.

В современном отечественном источниковедении существует определенный барьер неосведомленности профессионального сообщества о возможностях использования научно-технической документации (далее — НТД)¹ в качестве исторического источника по проблемам отечественной истории, в т.ч. и экономической истории СССР. Он возникает из-за отсутствия у исследователя информации об архивных документах, что является следствием относительной недоступности архивных справочников (малый тираж, отсутствие рекламы) или недостаточной информационной культуры потребителя. Процесс расширения источниковой базы, включающий расширение публикации НТД, еще недостаточно активизировался, и это является серьезным препятствием в использовании НТД в качестве исторического источника, в то время как в этой документации содержатся сведения, отсутствующие в документах общего делопроизводства.

В настоящей статье дан краткий обзор фондов и коллекций Российского государственного архива в г. Самаре (далее — РГА в г. Самаре), находящихся на постоянном хранении в архиве и имеющих в своем составе НТД, обращено внимание на состав и содержание этого вида документов и возможность использования в исторических исследованиях в качестве источников в зависимости от их типа.

* Солдатова Ольга Николаевна — доктор исторических наук, Российский государственный архив в г. Самаре, iopad@mail.ru.

Поиск новых исторических источников по научно-техническому и социально-экономическому развитию СССР побуждает современных исследователей обратить внимание на научно-техническую документацию, образовавшуюся в деятельности научно-исследовательских и проектных организаций. Вопрос об использовании НТД в исторических исследованиях начал подниматься еще в 1950-х гг., когда ученые заговорили об истории развития чертежей и инженерной графики², патентной документации и ее особенностях³. Первый обзор технической документации, находящейся на хранении в различных архивах страны, дан в статье В.В. Иванова⁴ особо обратившего внимание на важность использования НТД в исторических исследованиях.

Принятие Постановления Совета Министров СССР «О централизации хранения научно-технической документации и об организации широкого использования ее»⁵ в 1964 г. существенно активизировало изучение НТД. Исследователи стали рассматривать вопросы ее научно-технической и исторической ценности, заговорили о необходимости организации технических архивов на предприятиях и централизации хранения НТД в государственных архивах⁶.

С 1970-х гг., когда комплектование государственных архивов НТД стало одним из неотъемлемых направлений их работы, ведущими отечественными историками-архивистами было сделано обстоятельное изучение происхождения и развития ее основных видов⁷. Исследователями было установлено, что появление технической документации связано с возникновением в обществе такой организации производственного процесса, при которой НТД стала средством фиксации определенных производственных заданий и отчетов о выполненной работе.

Усилившийся интерес историков к НТД привел к активизации работы по созданию и усовершенствованию в этой группе документов различных видов научно-справочного аппарата. Появились справочники⁸, каталоги и перечни⁹, тематические обзоры¹⁰, сборники документов¹¹ и отдельные их публикации в исторических журналах¹² и т.д.

В постсоветское время, на основе накопленного опыта работы с этим видом документов, изучение НТД получило продолжение и широкое развитие. В последние годы историки приступили к осмыслению значения, целесообразности хранения и использования ее новых видов, которые стали появляться в связи с быстроразвивающимися новыми компьютерными технологиями (электронные и 3D — документы)¹³. Актуальные вопросы использования НТД в исторических исследованиях неоднократно обсуждались на круглых столах, научных и научно-практических конференциях¹⁴.

В настоящее время НТД находится на постоянном хранении как в специализированных федеральных и региональных государственных архивах, так и в традиционных исторических архивах Российской Федерации. Объем хранящейся НТД только в федеральных архивах по итогам паспортизации по состоянию на 1 января 2016 г. составляет более 4,3 млн дел за 1855—2014 гг.¹⁵ Крупнейшим специализированным хранилищем НТД является РГА в г. Самаре, где на постоянном хранении имеется более 2,3 млн дел. Кроме того, по состоянию на 1 декабря 2015 г. более 55,7 млн ед. хр. НТД, относящейся к Архивному фонду Российской Федерации, находится на временном и депозитарном хранении¹⁶.

Состав и содержание НТД отличаются большим разнообразием и зависят от времени создания документов, уровня стандартизации технического документирования и наличия сети научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций.

Первые научно-исследовательские институты (*далее — НИИ*), проектно-конструкторские и опытно-конструкторские бюро (*далее — ПКБ и ОКБ*) стали появляться в России после революции 1917 г. на месте небольших лабораторий в Москве, Петрограде и других индустриальных центрах страны, в которых до революции трудились ученые-одиночки.

Отчеты о научно-исследовательских работах (*далее — НИР*)¹⁷

Создание в 1920-х гг. разветвленной сети НИИ привели к возникновению отчетов по определенным темам научного исследования. Отчеты 1917—1923 гг., включающие сведения о НИР, не являлись отчетами по темам в их современном понимании, так как в них не отражались все процессы, связанные с зарождением новой идеи, воплощением ее в виде новых теоретических положений, созданием новых приборов, машин и изделий. Первые отчеты, содержавшие краткую информацию о проведенных НИР, напоминали отчеты о командировках, описания произведенных опытов или испытаний и не являлись собственно научными документами. Они имели минимум информации о процессе исследования и его результатах, не имели титульного листа с официальной утверждающей частью, были разрозненными между собой материалами, содержали сведения о материальных затратах, отпущенных на решение определенной проблемы или создание машин, технологий, веществ. Примером подобных НИР служит отчет об осмотре разведок на гудрон в с. Фикова Колка Чистопольского уезда Татарской АССР, составленный геологом Горно-разведочной экспедиции приват-доцентом И. Хоменко 2 августа 1918 г., где дается описание проведенных работ и отмечается, что залежи гудрона в этом месте имеют промышленное значение, но существовавший завод Акционерного общества Сызрано-Печерских асфальтовых заводов закрылся из-за отказа крестьянского общества заключить соответствующий договор¹⁸.

В 1920-е гг. к отчетам о НИР стали также относиться материалы различных конференций, заседаний научных и ученых советов, на которых рассматривались актуальные вопросы развития передовых отраслей науки и техники и взаимодействия их с отечественной промышленностью¹⁹. Большое внимание в отчетах уделялось описанию состояния различных отраслей народного хозяйства за исследуемый период и разработке перспективных планов их развития²⁰. К отчетам прикладывались приказы, доклады и докладные записки, а также другие документы общего делопроизводства²¹, которые не сохранились по различным причинам в управленческой документации (*далее — УД*). Анализ подобных материалов позволяет проследить развитие и становление научно-исследовательской деятельности в стране в соответствии с научно-технической и экономической политикой, проводимой властью в конкретный исторический период и дает ценный материал, на основании которого можно сделать выво-

ды о состоянии работ на шахтах и рудниках по добыче полезных ископаемых, в нефтяных районах и т.д. В них содержатся позитивные выводы, рекомендации и решения о путях организации научной деятельности в стране, первоочередного развития той или иной отрасли промышленности.

В 1930-е гг. состав отчетов по темам НИР определился более конкретно. Как правило, они состояли из введения, где ставилась цель исследования, указывались участники и инициаторы работы, делался источниковедческий обзор, сообщалось о состоянии исследования проблемы в мировой науке, излагалось содержание самой работы, ее теоретические и экспериментальные части, делались выводы. В конце отчета помещались приложения. Отчеты стали включать в свою структуру справочно-поисковый аппарат (библиографию и оглавление), что создавало удобство для использования их в качестве источников научной информации²². В эти годы подготовке отчетов начало уделяться особое внимание. Специальные вопросы, касающиеся обсуждения отчетов о НИР по определенным темам, стали включаться в планы работы АН СССР. На заседаниях ее отделений и институтов отчеты не просто обсуждались, но и давалась оценка качества их подготовки, отмечались недостатки.

До 1960-х гг. отчеты по НИР хранились в составе УД и в отдельную группу НИР не выделялись. Только с созданием в 1960—1970-х гг. специализированных научно-технических архивов эти документы стали формироваться в отдельную группу, но и в этом случае наличие НИР в составе УД, так же, как и присутствие УД в составе отчетов о НИР, вполне возможно, что следует учитывать при изучении архивных документов.

Дальнейшее развитие промышленности и возникновение новых ее отраслей, вызванное научно-технической политикой советской власти, способствовало возникновению и широкому развитию сети НИИ, занимающихся вопросами экономики и рационализации производства, его безопасности и охраны труда работников. В фондах этих организаций отложились отчеты о НИР, проводимых с целью организации и повышению производительности труда, снижению стоимости затрат и организации управления в строительстве²³; обеспечением безопасных условий работы в шахтах, разработкой улучшения условий труда и техники безопасности на предприятиях угольной промышленности и черной металлургии²⁴; перспективных схем развития и размещения железных дорог, перевозок грузов и пассажиров в международных сообщениях, важнейших территориально-производственных комплексов СССР²⁵; рационализацией производства и развертыванием стахановского движения в различных областях машиностроения и металлообработки²⁶; созданием и внедрением автоматизированных систем управления автомобильной отраслью и предприятиями на базе применения экономико-математических методов и современных средств вычислительной организационной техники²⁷, а также проработкой других экономических вопросов.

На современном этапе основными документами в НИР являются итоговые и этапные отчеты по законченным темам с приложениями; информационные карты, аннотации, паспорта, регламенты; технические задания, технические и тактико-технические требования; программы исследований по базовым темам; экспертные заключения, отзывы и рецензии на отчеты; отчеты о вне-

дрении результатов НИР; диссертации и отзывы на них; авторские рукописи статей и других научных работ; отчеты и доклады о научных командировках и экспедициях; научные и технико-экономические обоснования (*далее — ТЭО*); рекомендации с теоретическим обоснованием конструкций изделий, объектов строительства и технологических процессов. Отчеты являются источниками, содержащими ценную ретроспективную информацию по истории отдельных отраслей промышленности и экономики советской России²⁸.

Отчеты о НИР в исследованиях по отечественной истории используются достаточно активно. Как группа архивных документов, они обстоятельно рассмотрены в работах А.А. Кузина, И.В. Карапетянц и других исследователей²⁹, которые относят их к НТД, указывая при этом на имеющиеся особенности. В большинстве же случаев, исследователи в источниковедческом обзоре не выделяют отчеты по НИР в отдельную группу, а рассматривают их в составе документов общего делопроизводства, особенно, если отчеты созданы в период до 1960-х гг.

Проектная документация

С развитием различных отраслей советской промышленности значение технической документации постоянно возрастало. НТД уточнялась и усложнялась по содержанию, но упрощалась по форме и типизировалась. Это напрямую относится и к такому виду НТД как проектная документация (*далее — ПД*) — графические и текстовые документы, фиксирующие процесс и результаты проектирования объектов капитального и гражданского строительства и градостроительства³⁰. Разработка ПД осуществляется по *стадиям проектирования*. До Великой Отечественной войны преобладало трехстадийное проектирование: проектное задание (эскизный проект), технический проект, рабочие чертежи. В 1941—1945 гг. проектирование велось в двух стадиях: проектное задание (технический проект) и рабочие чертежи. В 1951 г. трехстадийное проектирование было возобновлено, а в 1962 г. вновь установлены две стадии: проектное задание и рабочие чертежи. В 1969 г. при сохранении двухстадийного проектирования его стадии были изменены: «проектное задание» заменено «техническим проектом», а стадия «рабочие чертежи» сохранилась. Знание этой периодизации и умение ориентироваться в ней и составе проектов на каждой стадии проектирования существенно облегчает процесс поиска необходимой информации исследователями.

Рассмотрим, что же можно почерпнуть из проектной документации в процессе проведения исследования по научно-техническому и социально-экономическому развитию СССР в прошлом столетии.

Разработка проекта всегда начинается с получения от заказчика или вышестоящего органа *задания на проектирование*. Оно составляется заказчиком проекта при участии проектной организации для типового проекта и проекта экспериментального строительства — генеральным проектировщиком, с привлечением субподрядных проектных организаций, которые должны участвовать и в разработке проекта. В задании на проектирование промышленного

здания или сооружения указывается наименование генеральной проектной и генеральной строительной организаций; основание для проектирования; место строительства (район, пункт, площадка), его сроки и очередность; мощность производства и режим работы; номенклатура продукции будущего предприятия; специализация и кооперация; источники обеспечения водой, сырьем, газом и электроэнергией; условия очистки вод; стадийность проектирования и некоторые другие сведения. Например, из проектного задания, составленного Московской конторой Союздорпроекта Гушосдора НКВД на строительство автотрека в 1941 г., становится известно, что он предназначался для разностороннего испытания автомашин. Проектирование осуществлялось во исполнение решения СНК СССР о строительстве автотрека в г. Москве по договору с НИИ шинной промышленности Наркомата резиновой промышленности, так как имеющиеся заграничные планы автотреков и автодромов не удовлетворяли отечественную автомобильную промышленность, ни расчетной скоростью, ни степенью безопасности машин и водителей-испытателей³¹.

В задании на проектирование объектов жилищно-гражданского строительства вместо номенклатуры продукции и мощности указывается состав помещений, рабочая площадь, строительный объем, основные требования к архитектурно-планировочному решению. К заданию на проектирование, как правило, прилагаются: архитектурно-планировочное задание главного архитектора города (района); акт об отводе земельного участка под строительство и план земельного участка; строительный паспорт, содержащий решение исполкома Совета депутатов трудящихся о разрешении строительства и некоторые другие документы. К строительному паспорту прилагаются техническое заключение об инженерно-геологических условиях участка. Так, в программном задании за 1950 г. на проект драматического театра на 800 мест в г. Мурманске содержатся сведения о помещениях зрительного, демонстрационного и административно-хозяйственного комплексов; об общей площади театра; имеется выкопировка из генплана г. Мурманска с вариантами постановки театра; соображения главного архитектора города Г.Б. Мухина о выборе площадки под строительство и другие сведения³².

В техническом проекте на новое строительство, реконструкцию и расширение предприятий, зданий, сооружений в число обязательных основных частей проекта входят общая пояснительная записка, технико-экономическая часть, организация строительства, охрана окружающей среды, жилищно-гражданское строительство, сметная часть. Здесь же может присутствовать, но не в обязательном порядке, часть по научной организации труда и управлению предприятием.

В общей пояснительной записке к техническому проекту, как правило, приводятся основания для разработки проекта; основные технико-экономические показатели; требующиеся капитальные вложения; перечень типовых и повторно примененных проектов; сведения об использованных изобретениях с указанием номеров авторских свидетельств; указания на соответствие проекта действующим нормам и правилам и т.д. Расширяются сведения о мощности, составе предприятия и выпускаемой им продукции; дается характеристика района и площадки застройки; указываются сроки и порядок

организации строительства. Например, пояснительная записка Ленинградского государственного проектно-изыскательского института железнодорожного строительства, составленная в 1953 г. к техническому проекту по противооползневым мероприятиям 2-й очереди на Батракском косогоре — одном из крупнейших оползневых участков в Советском Союзе, включает в себя 2 раздела. В первом дан краткий исторический обзор исследований и мероприятий по борьбе с оползнями на косогоре, описано его геологическое строение и проектируемые противооползневые мероприятия. Во втором предложен проект организации строительства с изложением очередности работ, общей продолжительности и календарного плана подземных работ, определением поверхностных и подсобных работ, внутрипостроечного и подземного транспорта и временных сооружений³³.

В технико-экономической части указываются основные исходные данные и результаты технико-экономических расчетов эффективности и целесообразности строительства; данные об источниках и способах обеспечения сырьем; обоснование кооперирования и специализации, потребности в рабочей силе и инженерно-технических работниках; делается анализ капитальных вложений; даются сведения о производительности труда, степени механизации и автоматизации производства, стоимости и себестоимости продукции и проводится сопоставление этих данных с аналогичными показателями передовых отечественных и зарубежных предприятий. Здесь же обосновывается потребность в НИР и опытно-конструкторских работах, возникающих в связи со строительством и т.д. Так, технико-экономическое обоснование проектирования и строительства комплекса зданий и сооружений Обнинского филиала Московского инженерно-физического института (МИФИ) за 1974 г., разработанное на перспективный контингент студентов в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР № 535 от 18 июля 1972 г. «О мерах по дальнейшему совершенствованию высшего образования в стране»³⁴, отражает генеральную схему развития материально-технической базы института на последующие 25—30 лет³⁵, содержит исходные положения о состоянии филиала МИФИ на тот период, обосновывается размещение комплекса в г. Обнинске, рассматривается перспективное развитие контингента студентов дневного отделения и материально-технической базы института, указывается площадь земельного участка комплекса, ориентировочные капиталовложения, необходимые на строительство, а также делаются выводы и предложения. В качестве приложений к ТЭО даны исходные данные Минвуза СССР по перспективному развитию Обнинского филиала МИФИ и приказ Минвуза СССР и Минэнерго СССР № 398/162 от 27/26 апреля 1973 г.

Сметная часть проектов состоит из сводной и объектной сметы, смет на проектно-изыскательские работы и приобретение оборудования. Сюда же включены расчеты затрат, стоимости научно-исследовательских и экспериментальных работ; единичные расценки и калькуляции. В сметах строительства отражены сведения об общей стоимости строительства и отдельных его частей, расходах на приобретение оборудования, благоустройства прилегающих территорий, потребностях в рабочей силе и т.п. Например, в документах Дальстройпроекта при разработке проектов зданий для г. Магадана указано,

что строительство дома Главного управления Дальстроя в 1940 г. обойдется казне в 7 млн 314, 9 тыс. руб.; здания Управления НКВД в 1941 г. — в 2 млн 673,9 тыс. руб.; жилого дома в 1946 г. — в 2 млн 265,7 тыс. руб. в ценах и нормах 1936 г.³⁶ В пояснительной записке к смете и смете строительства грунтовой дороги на Николаевской магистрали, имеющей большое экономическое значение как единственной сухопутной артерии, соединяющей богатейшие золотonosные районы бассейнов рек Зеп, Селемджи, Карти с внешним миром содержатся сведения по стоимости подготовительных, вспомогательных и особых работ, возведению земляного полотна и проезжей части, строительству искусственных и гражданских сооружений³⁷.

Градостроительная документация в СССР разрабатывается на основании задания на разработку в соответствии с санитарными, экологическими, градостроительными нормативами. До начала составления проектной документации по проектированию старых городов в НИИ могли проводиться научные исследования истории создания существующей планировки и застройки, отчеты по которым входят в состав проектной документации. Например, при планировании первенца советского градостроительства г. Орска, специалистом московского института «Гипрогор» С.И. Солдатовым в 1948 г. были обстоятельно изучены вопросы истории и природы местоположения города, его формирования, планировки и застройки его районов, жилых кварталов и зданий³⁸. Как выяснилось, на планировку и застройку города оказали влияние все ошибки и достижения предшествующего 15-летнего периода отечественного градостроения. Выводы, к которым пришел С.И. Солдатов, были учтены и использованы при детальной планировке основного жилого массива правобережного Орска³⁹.

Для разработки градостроительной документации генеральным проектировщиком привлекаются ведущие организации различных отраслей. Например, в 1965—1970 гг. при районной планировке Белгородской области генеральным проектировщиком — Центральным научно-исследовательским и проектным институтом по градостроительству Госкомитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР к работам по составлению технико-экономических основ были привлечены Государственный институт по проектированию горнорудных предприятий Центральных районов РСФСР «Центрогипроруда» (г. Белгород), географический факультет Московского государственного университета и другие организации. Институтом «Центрогипроруда» при подготовке проекта районной планировки Оскольского промышленного района был разработан раздел «Горнорудная промышленность», в котором рассмотрены вопросы и дана характеристика состояния запасов железных руд и сопутствующих полезных ископаемых района, состояние горных пород, рудоподготовки и ремонтной базы, внутрирудничного технологического транспорта, электро-, тепло-, газо-, водоснабжения и канализации. В проекте приведены основные перспективные технико-экономические показатели по горнорудным предприятиям, в том числе указаны проектная мощность и сроки ввода нового предприятия в действие, валовая продукция и численность промышленно-производственного персонала, а также даны предложения по комплексному использованию полезных ископаемых рудных месторождений и предложены два варианта развития Оскольского железорудного района⁴⁰.

Разработанные специалистами МГУ технико-экономические основы районной планировки Белгородской области содержат сведения по истории ее промышленности и сельского хозяйства⁴¹, рассматриваются вопросы развитие пищевой и легкой промышленности, стройиндустрии⁴², приводится перечень промышленных предприятий, расположенных во всех населенных пунктах, с указанием статистических данных по основным видам выпускаемой продукции в натуральном выражении, сведения о валовой продукции и численности промышленно-производственного персонала за 1965 г. и 1967 г., определены перспективы развития на 1980 г. и 1990 г.⁴³ В отдельный том собраны документы по оценке природных условий и ресурсов Белгородской области: водохозяйственный и водной баланс, растительность, почва, климат, полезные ископаемые, природные условия для организации отдыха и т.д.⁴⁴

Технико-экономическая записка к схеме планировки г. Минска, подготовленная специалистами института «Мосгипротранс» в 1932 г. содержит исторический очерк и очерк по расположению и планировке существующего города, описание естественных условий, его социально-экономическую характеристику (промышленность, транспорт, благоустройство, сведения о численности населения с 1896 г. по 1931 г., национальный и половозрастной состав жителей, род занятий, существующая на 1932 г. сеть бытового обслуживания, жилищные условия и т.п.), список месторождений полезных ископаемых, топливных и энергетических ресурсов и др.⁴⁵

Независимо от уровня подчиненности, территориальной принадлежности и формы собственности объектов вся градостроительная документация подвергалась государственной и ведомственной экспертизе, подлежала согласованию и утверждению. Таким образом, ПД содержит достаточно много объективной информации, представляющей интерес для исследований по истории промышленности и экономики СССР, которая может существенно дополнить традиционно используемые документы общего делопроизводства, заполнив имеющиеся лакуны. Особое значение при этом приобретает изучение общих пояснительных записок к проектам, результатов технико-экономических расчетов, проектов организации строительства и отчетов по ним, пояснительных записок к отдельным частям проекта, сметной документации и др. Чертежи генеральных планов, карты, схемы и рабочие чертежи могут выступать в исследовании убедительным иллюстративным материалом.

Патентная документация

Еще одним видом НТД является *патентная документация* — важнейший источник информации об объеме прав заявителей (физических и юридических лиц) и авторов. Это связано с тем, что описание изобретения (открытия, промышленного образца, товарного знака) и его формула представляют собой документы не только технического, но и юридического характера⁴⁶. Патентная документация позволяет экономить на собственных НИР при приобретении лицензии на требуемое новшество у патентообладателя, предупреждая их дублирование; подыскивать партнеров, готовых поставлять высококачественные комплектующие изделия и запасные

части для своей продукции или уступить соответствующую передовую технологию по лицензии; определять конкурентов в импорте новой зарубежной продукции.

Особенностями патентной документации являются ее достоверность (она отражает преимущественно реальные технические решения, новизна и промышленная применимость которых подтверждена государственной патентной экспертизой); оперативность (публикация сведений о патенте обычно на 2—3 года опережает другие источники информации и по законам большинства стран мира преждевременное, до подачи заявки, разглашение существования изобретения и препятствует выдаче патента, поэтому заявитель стремится сохранить сведения об изобретении в тайне); четкость и лаконичность изложения сведений о техническом решении. Законодательно установленные требования к описанию изобретения исключают прямые заимствования, рекламный характер описания и обеспечивают его высокую информативность. В совокупности с научной и конъюнктурно-экономической информацией она дает полное представление о достигнутом уровне производимой продукции, параметрах перспективных образцов техники и потребностях рынка, о предпринимаемых технических, организационных и правовых мерах по обеспечению конкурентоспособности товаров.

Наиболее объемная и интересная группа документов, занимающая в патентной документации особое место — *заявочные материалы на изобретения*. Этот комплекс документов образовался и сформировался в Комитете по делам изобретений при ВСНХ СССР⁴⁷ в процессе предварительной и государственной научно-технической экспертизы изобретений, а также контрольной научно-технической экспертизы. В заявочных материалах на изобретения, поступивших от отдельных изобретателей, коллективов авторов, организаций СССР, иностранных изобретателей и фирм раскрывается техническая сущность изобретения. В заявку на выдачу авторского свидетельства или патента на изобретение⁴⁸ входит комплект документов, состав которых определяется действующими на данный момент нормативными актами в области изобретательства. Основными документами являются заявление автора (авторов) на выдачу патента или авторского свидетельства на изобретение, описание и чертежи, отзывы экспертов и сторонних организаций, решения Комитета, сами патенты или авторские свидетельства. Кроме этого, в них могут содержаться переписка автора с Комитетом, его жалобы и возражения по решению Комитета, документы по патентованию изобретений за рубежом, печатные издания, статистические вопросники и анкеты, приложения образцов и т.д.

Экспертиза ценности заявок на изобретения, поданных до 1946 г. не производилась, так как они были признаны имеющими особую научно-историческую ценность, как созданные во время ликвидации последствий гражданской войны, индустриализации страны, а также в годы Великой Отечественной войны и все без исключения находятся на постоянном хранении в архивах.

Основная масса заявочных материалов на изобретения находится на постоянном хранении в РГА в г. Самаре в архивной коллекции «Заявочные материалы на изобретения»⁴⁹.

Заявочные материалы на изобретения за 1936—1956 г. можно встретить в составе фондов наркоматов, министерств и некоторых других учреждений в Российском государственном архиве экономики, а также в фондах местных

совнархозов за 1920-е — 1930-е гг., которые хранятся в республиканских, областных (краевых) государственных архивах.

Изучение заявочных материалов на изобретения в совокупности с НИР, проектно-конструкторской и управленческой документацией дает ценнейший исторический материал с момента зарождения идеи до внедрения на производстве в различных отраслях народного хозяйства.

Использование НТД в качестве исторического источника может помочь и в исследовании актуальных вопросов социально-политической истории СССР в период крупномасштабных политических репрессий, прокатившиеся по стране в первой половине XX в., деятельности инженерно-технических и научных работников в НИИ и ОКБ, подведомственных НКВД и связанных с ними исправительно-трудовых лагерях (*далее — ИТЛ*). Так в документах института «Гипропромтрансстрой» находятся планы Саратовского и Сталинградского ИТЛ⁵⁰; в документах института «Союздорпроект» — изыскания и проектирование автомобильных дорог Орша — Лепель⁵¹ и Москва — Минск⁵²; в документах Проектной конторы строительства автомагистрали Гушосдора НКВД и Вяземлага НКВД — проект пересечения этой автомагистрали с Витебским шоссе на 415 км⁵³; в фондах институтов «Мосгипротранс» и «Гипропромтрансстрой» — проектирование первой очереди БАМа, строительство которой осуществлялось заключенными Бамлага⁵⁴ и др.

Однако многие вопросы использования НТД в качестве исторических источников до сих пор остаются дискуссионными и непосредственным образом связаны с преодолением разного рода барьеров, к числу которых относятся отсутствие навыков работы с НТД, барьер неосведомленности, сложность отбора и археографической обработки ее при подготовке к публикации и др.

Анализ архивных документов показывает, что качественный состав НТД неоднороден. Принцип комплектования большинства российских архивов по фондам от организаций-разработчиков технической документации, а не по объектам проектирования, к сожалению, приводит к тому, что по одним и тем же объектам проектирования документы находятся в разных архивах федерального и регионального подчинения⁵⁵. Так, документы о строительстве Красноярской ГЭС, Череповецкого металлургического комбината и Запорожского прокатного завода, Волго-Донского судоходного канала и других объектов находятся и в РГА в г. Самаре, и ЦГАНТД СПб; документы по проектированию строительства опытной железной дороги по изобретению Н. Г. Ярмольчука — в фонде Московского государственного проектно-изыскательского института «Мосгипротранс» в РГА в г. Самаре и в фондах Министерства путей сообщения СССР и Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в РГАЭ⁵⁶. В заявочных материалах на изобретения одни заявки содержат помимо описания, анкеты, фотографии, чертежи, отзывы экспертов, сведения о внедрении в производство, переписку автора с Комитетом по делам изобретений по предмету изобретения и иные документы, другие — лишь текст заявки с описанием предмета изобретения и отзыв Комитета, в большинстве своем отрицательный.

Следует также иметь в виду, что не все части проекта в ПД могут присутствовать в архивных фондах. Это зависит от времени создания документов и их сохранности в организации до передачи их на постоянное хранение в архив.

Работа с проектной документацией, имеющей несколько стадий проектирования, неполнота их состава, с одной стороны, и большой объем специальной технической документации с другой, также является сдерживающим фактором их использования. Массивность информационных фондов и их стремительный рост, высокий уровень дублирования, многоаспектность интерпретации и многообразие тем информации, наличие в НТД специальных технических терминов, присутствие чертежей и технологических карт представляют для историков-гуманитариев определенные трудности. От них требуются знания не только в области гуманитарных наук, но и навыки работы с подобного рода документацией, умение разбираться в сущности описываемых проектов, конструкторских или технологических разработок. В определенной степени эти трудности связаны с тем, что в современных вузовских учебниках по источниковедению НТД не рассматривается как исторический источник⁵⁷. В тоже время, научно-техническая документация, имея свои особенности и отличия от других групп документов, отвечает целому ряду критериев, предъявляемых к историческим источникам, используемым в научных целях — историзм, достоверность имеющихся сведений, связь с другими науками и др. Она в полной мере может способствовать обеспечению постоянного повышения качества исторических исследований, в том числе и по экономическим аспектам.

Библиография

- Авиационная наука и техника в документах архива: взгляд из прошлого в будущее: материалы круглого стола // *Телескоп*. Научный альманах. Вып. 29. Самара, 2014. С. 44—131.
- Александров А.И.* Из истории инженерной графики Урала и Сибири. Свердловск, 1959.
- Антонова Л.Е., Солдатова О.Н., Фисюк Т.Н.* Развитие авиационной науки и техники в СССР. 1920—1946 гг.: тематический обзор фондов филиала РГАНТД и публикация архивных документов. Самара, 2010.
- Архивы и общество: исторический и социальные аспекты: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Самара, 2008.
- Архитектура и градостроительство в СССР: аннотированный перечень документов / Отв. сост. Е.Л. Сушенцова. Самара, 2014.
- Бескровный Л.Г., Гольденберг Л.А.* Систематизация картографических материалов (на примере ЦГВИА) // *Советские архивы*. М., 1971. № 2. С. 36—50.
- Военно-промышленный комплекс Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): сборник документов. Самара, 2005.
- Вчерашний Р.П.* Особенности патентной документации. НТИ. Серия 1. 1967. № 3.
- Годы, опаленные войной: Куйбышевская область. 1941—1945 гг.: Хроника событий / Отв. сост. А.Г. Удинцев. Самара, 2010.
- Голиков А.Г., Круглова Т.А.* Источниковедение отечественной истории: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. 2-е изд. М., 2008.
- Гордость отечественной науки и техники. XX век: биографический справочник (по документам филиала РГАНТД) / Отв. сост. Т.Н. Фисюк. Самара, 2004.
- Гордость отечественной науки и техники. XX век. Вып. 2. Летчики-испытатели: биографический справочник / Отв. сост. Т.Н. Фисюк. Самара, 2012.
- Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учебное пособие. М., 1998.
- Иванов В.П.* Лучше использовать богатства государственных архивов // *Изобретательство в СССР*. М., 1957. № 5. С. 22—23.

- Из истории международного научно-технического сотрудничества России: аннотированный перечень документов / Отв. сост. Л.А. Шаповалова. Самара, 2007.
- Карапетянц И.В.* Отчеты о НИР как вид научно-исследовательских документов // Советские архивы. М., 1983. № 4. С. 24—29.
- Карапетянц И.В.* Возникновение и развитие отчетов о НИР в СССР как одного из видов научно-технической документации: дис. ... к. и. н: 05.25.02. М., 1985.
- Каргин Д.И.* Очерк истории развития чертежных инструментов // Труды Института истории естествознания и техники АН СССР. Т. 25. М., 1959.
- Кузин А.А.* Краткий очерк истории развития чертежа в России. М., 1956.
- Кузин А.А.* Научно-историческая ценность технических документальных материалов // Советские архивы. М., 1967. № 6. С. 60—68.
- Кузин А.А.* Происхождение и развитие основных видов технических документальных материалов в СССР: учебное пособие. М., 1970.
- Кузин А.А., Преображенская П.С., Филиппов Н.Г., Прокопенко А.С.* Научно-технические архивы: учебное пособие. М., 1975.
- Лайко В.М.* О централизации хранения научно-технической документации // Советские архивы. М., 1967. № 6. С. 55—60.
- Леонов А.Б., Батурич Ю.М.* 3D документ — новый тип научно-технической документации // Вестник архивиста. М., 2013. № 2. С. 192—205.
- Леонов А.В., Батурич Ю.М., Петропавловская И.А.* О необходимости 3D-документирования памятников техники: пример Шуховской башни на Шаболовке // Вопросы истории естествознания и техники. М., 2013. № 3. С. 156—170.
- Люди пытливы мысли. Историко-технический альманах / Сост.: О.С. Максакова, Т.Н. Фисюк; под ред. И.Н. Давыдовой, О.С. Максаковой, Л.Ю. Покровской. Самара, 2006.
- Мизин П.Я., Церевицинов Н.А.* Технология хранения документальных материалов. М., 1950.
- Научно-техническая документация по истории создания отечественного автомобильного транспорта: исторические и практические аспекты использования: материалы читательской конференции // Телескоп. Научный альманах. Вып. 27. Самара, 2012. С. 129—189.
- Немецкие авиационные специалисты в г. Куйбышеве в первые послевоенные годы (1946—1953): сборник документов / Отв. сост. Л.Ю. Покровская. Самара, 2010.
- Нефтяной комплекс Куйбышевской области (30—50-е годы XX в.). Становление и развитие: сборник документов. Самара, 2005.
- Особенности работы с документами филиала РГАНТД: материалы читательской конференции // Телескоп. Научный альманах. Вып. 23. Самара, 2010. С. 102—180.
- «План командировки предусматривал...». Поездка специалистов ЦАГИ в Германию. 1928 г. / Публ. подготовлена О.Н. Солдатовой, С.А. Рыжковой // Исторический архив. М., 2012. № 6. С. 146—155.
- «Пока есть еще силы. Надо бороться... надо работать». Письма академика С.А. Чаплыгина. 1942 г. / Публ. подготовлена О.Н. Солдатовой // Исторический архив. М., 2009. № 5. С. 16—24.
- Политические репрессии первой половины XX века в судьбах технической интеллигенции России. Самара, 2009.
- «По социальному положению из дворян» (о неизвестных фактах жизни и научной деятельности Виталия Владимировича Доливо-Добровольского) / Публ. подготовлена М.К. Сурниной // Телескоп. Научный альманах. Вып. 30. Самара, 2015. С. 91—108.
- Преображенская П.С., Филиппов Н.Г.* Архивные материалы по истории архитектуры Москвы // Советские архивы. М., 1972. № 4. С. 53—58.
- Пузанов Н.И.* Экспертиза ценности и особенности сохранности научно-технической документации // Советские архивы. М., 1967. № 6. С. 68—72.
- Раевская М.А.* Отечественная патентная литература как исторический источник истории техники // Труды Ленинградского политехнического института. Л., 1959. С. 159—167.
- Репрессированная техническая интеллигенция. Книга памяти / Отв. сост. Г.А. Медведева, О.Н. Солдатова, П.В. Чистяков; под ред. А.Н. Артизова, И.Н. Давыдовой. Самара, 2011.
- Серх Г.Ф.* Практическое пособие для работы с патентной документацией. М., 1969.
- Создание вооружения для РККА: 1920—1945 гг.: обзор и публикация документов из фондов филиала РГАНТД / Авт.-сост. О.Н. Солдатова, Е.С. Богданова. Т. 1. Самара, 2012; Т. 2. Самара, 2015.

- Справка об итогах паспортизации архивов организаций, осуществляющих временное и депозитарное хранение документов Архивного фонда Российской Федерации (URL: // <http://archives.ru/reporting/spravka-passportization-2016.shtml>).
- Справка об итогах паспортизации федеральных архивов по состоянию на 01.01.2016 (URL: <http://archives.ru/reporting/spravka-passportization-federal-archives-2016.shtml>. Дата обращения: 12.07.2017).
- Традиции и инновации в использовании архивных документов: материалы круглого стола // Телескоп. Научный альманах. Вып. 16. Самара, 2006. С. 129—149.
- Филиппов Н.Г. О составлении обзоров технических документальных материалов // Труды МГИ-АИ. Т. 15. М., 1962.
- Человек. Корабль. Космос: сборник документов к 50-летию полета в космос Ю.А. Гагарина / Отв. сост. Л.В. Успенская. М., 2011.
- Шаронов Ф.И., Шутова В.Л. Отбор научно-технической документации на государственное хранение (Из опыта ЦГА РСФСР) // Советские архивы. М., 1971. № 2. С. 79—84.
- Шухардин С.В. Пути развития техники в СССР. 1917—1967 гг. М., 1967.
- Эйфенберг К. К методике документационной обработки патентных описаний // Информация по изобретательству. М., 1952. № 9. С. 18—21.
- Экспертиза ценности научно-технической документации. Исторический обзор архивоведческой литературы и нормативов (1928—1970) / Под ред. А.С. Прокопенко, О.Н. Тягунова. М., 1971.

Примечания

- ¹ Научно-техническая документация — обобщающее понятие научно-исследовательских, научно-технических и производственно-технических документов, образующихся на различных носителях информации, фиксирующих процесс и результаты научных исследований и прикладных разработок, а также направления и методы их внедрения в различные отрасли экономики. Оно возникло и стало использоваться с 1960-х гг. До этого употреблялись такие понятия как «технические документальные материалы» или «техническая документация».
- ² Мизин П.Я., Церевитинов Н.А. Технология хранения документальных материалов. М., 1950; Кузин А.А. Краткий очерк истории развития чертежа в России. М., 1956; Александров А.И. Из истории инженерной графики Урала и Сибири. Свердловск, 1959; Каргин Д.И. Очерк истории развития чертежных инструментов // Труды Института истории естествознания и техники АН СССР. Т. 25. М., 1959; и др.
- ³ Эйфенберг К. К методике документационной обработки патентных описаний // Информация по изобретательству. М., 1952. № 9. С. 18—21; Раевская М.А. Отечественная патентная литература как исторический источник истории техники // Труды Ленинградского политехнического института. Л., 1959. С. 159—167; и др.
- ⁴ Иванов В.П. Лучше использовать богатства государственных архивов // Изобретательство в СССР. М., 1957. № 5. С. 22—23.
- ⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.Р-5446. Оп. 1. Д. 771. Л. 30—33.
- ⁶ Филиппов Н.Г. О составлении обзоров технических документальных материалов // Труды МГИАИ. Т. 15. М., 1962; Шухардин С.В. Пути развития техники в СССР. 1917—1967 гг. М., 1967.; Вчерашний Р.П. Особенности патентной документации. НТИ. Серия 1. 1967. № 3; Кузин А.А. Научно-историческая ценность технических документальных материалов // Советские архивы. М., 1967. № 6. С. 60—68; Лайко В.М. О централизации хранения научно-технической документации // Советские архивы. М., 1967. № 6. С. 55—60; Пузанов Н.И. Экспертиза ценности и особенности сохранности научно-технической документации // Советские архивы. М., 1967. № 6. С. 68—72; Серх Г.Ф. Практическое пособие для работы с патентной документацией. М., 1969; и др.
- ⁷ Кузин А.А. Происхождение и развитие основных видов технических документальных материалов в СССР: учебное пособие. М., 1970; Бескровный Л.Г., Гольденберг Л.А. Систематизация картографических материалов (на примере ЦГВИА) // Советские архивы. М., 1971. № 2. С. 36—50; Шаронов Ф.И., Шутова В.Л. Отбор научно-технической документации на государственное хранение (Из опыта ЦГА РСФСР) // Советские архивы. М., 1971. № 2. С. 79—84; Экспертиза ценности научно-технической документации. Исторический обзор архивоведче-

- ской литературы и нормативов (1928—1970) / Под ред. А.С. Прокопенко, О.Н. Тягунова. М., 1971; *Преображенская П.С., Филиппов Н.Г.* Архивные материалы по истории архитектуры Москвы // Советские архивы. М., 1972. № 4. С. 53—58; и др.
- ⁸ Гордость отечественной науки и техники. XX век: биографический справочник (по документам филиала РГАНТД) / Отв. сост. Т.Н. Фисюк. Самара, 2004.; Люди пытливого мысли. Историко-технический альманах / Сост.: О.С. Максакова, Т.Н. Фисюк; под ред. И.Н. Давыдовой, О.С. Максаковой, Л.Ю. Покровской. Самара, 2006; Репрессированная техническая интеллигенция. Книга памяти / Отв. сост. Г.А. Медведева, О.Н. Солдатова, П.В. Чистяков; под ред. А.Н. Артизова, И.Н. Давыдовой. Самара, 2011; Гордость отечественной науки и техники. XX век. Вып. 2. Летчики-испытатели: биографический справочник / Отв. сост. Т.Н. Фисюк. Самара, 2012; и др.
- ⁹ Из истории международного научно-технического сотрудничества России: аннотированный перечень документов / Отв. сост. Л.А. Шаповалова. Самара, 2007; Архитектура и градостроительство в СССР: аннотированный перечень документов / Отв. сост. Е.Л. Сушенцова. Самара, 2014; и др.
- ¹⁰ *Антонова Л.Е., Солдатова О.Н., Фисюк Т.Н.* Развитие авиационной науки и техники в СССР. 1920—1946 гг.: тематический обзор фондов филиала РГАНТД и публикация архивных документов. Самара, 2010; Создание вооружения для РККА: 1920—1945 гг.: обзор и публикация документов из фондов филиала РГАНТД / Авт.-сост. О.Н. Солдатова, Е.С. Богданова. Т. 1. Самара, 2012; Т. 2. Самара, 2015; и др.
- ¹¹ Военно-промышленный комплекс Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): сборник документов. Самара, 2005; Нефтяной комплекс Куйбышевской области (30—50-е годы XX в.). Становление и развитие: сборник документов. Самара, 2005; Годы, опаленные войной: Куйбышевская область. 1941—1945 гг.: Хроника событий / Отв. сост. А.Г. Удинцев. Самара, 2010; Немецкие авиационные специалисты в г. Куйбышеве в первые послевоенные годы (1946—1953): сборник документов / Отв. сост. Л.Ю. Покровская. Самара, 2010; Человек. Корабль. Космос: сборник документов к 50-летию полета в космос Ю.А. Гагарина / Отв. сост. Л.В. Успенская. М., 2011; и др.
- ¹² «Пока есть еще силы. Надо бороться... надо работать». Письма академика С.А. Чаплыгина. 1942 г. / Публ. подготовлена О.Н. Солдатовой // Исторический архив. М., 2009. № 5. С. 16—24; «План командировки предусматривал...». Поездка специалистов ЦАГИ в Германию. 1928 г. / Публ. подготовлена О.Н. Солдатовой, С.А. Рыжковой // Исторический архив. М., 2012. № 6. С. 146—155; «По социальному положению из дворян» (о неизвестных фактах жизни и научной деятельности Виталия Владимировича Доливо-Добровольского) / Публ. подготовлена М.К. Сурниной // Телескоп. Научный альманах. Выпуск 30. Самара, 2015. С. 91—108; и др.
- ¹³ *Леонов А.Б., Батулин Ю.М.* 3D документ — новый тип научно-технической документации // Вестник архивиста. М., 2013. № 2. С. 192—205; *Леонов А.В., Батулин Ю.М., Петропавловская И.А.* О необходимости 3D-документирования памятников техники: пример Шуховской башни на Шаболовке // Вопросы истории естествознания и техники. М., 2013. № 3. С. 156—170; и др.
- ¹⁴ См.: Архивы и общество: исторический и социальные аспекты: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Самара, 2008; Политические репрессии первой половины XX века в судьбах технической интеллигенции России. Самара, 2009; Традиции и инновации в использовании архивных документов: материалы круглого стола // Телескоп. Научный альманах. Вып. 16. Самара, 2006. С. 129—149; Особенности работы с документами филиала РГАНТД: материалы читательской конференции // Телескоп. Научный альманах. Вып. 23. Самара, 2010. С. 102—180; Научно-техническая документация по истории создания отечественного автомобильного транспорта: исторические и практические аспекты использования: материалы круглого стола // Телескоп. Научный альманах. Вып. 27. Самара, 2012. С. 129—189; Авиационная наука и техника в документах архива: взгляд из прошлого в будущее: материалы круглого стола // Телескоп. Научный альманах. Вып. 29. Самара, 2014. С. 44—131; и др.
- ¹⁵ Справка об итогах паспортизации федеральных архивов по состоянию на 01.01.2016 (URL: <http://archives.ru/reporting/spravka-passportization-federal-archives-2016.shtml>). Дата обращения: 12.07.2017).
- ¹⁶ Справка об итогах паспортизации архивов организаций, осуществляющих временное и депозитарное хранение документов Архивного фонда Российской Федерации (URL: <http://archives.ru/reporting/spravka-passportization-2016.shtml>).

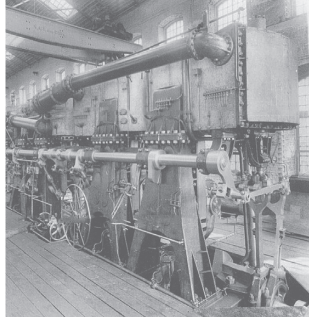
- ¹⁷ Говоря о НИР, необходимо отметить, что до разработки первого стандарта на отчет о НИР (ГОСТ 19600—74), установившего единое название, в разные исторические периоды отчеты назывались по-разному: «научно-технический отчет», «научный отчет», «отчет по теме». Характер научных работ, предназначавшихся, главным образом, для опубликования в виде книг или статей, определял их хранение, по существу не отличавшееся от библиотечных систем.
- ¹⁸ РГА в г. Самаре. Ф.Р-108. Уфимский нефтяной научно-исследовательский институт (УФНИИ) Министерства нефтедобывающей промышленности СССР и его предшественник. 1918, 1935—1970 гг. Оп. 7—1. Д. 1. Отчет об осмотре разведок на гудрон в с. Фикова Колка Чистопольского уезда. 1918 г. Л. 4—5.
- ¹⁹ Там же. Д. 4. Стенограмма утреннего заседания Всесоюзного съезда геологов-нефтяников от 10 января 1931 г. Доклад о Дагестане. 35 с.; Ф.Р-217. Ордена Ленина, Трудового Красного Знамени, Красного Знамени Центральный аэродинамический институт (ЦАГИ) имени Н.Е. Жуковского Министерства авиационной промышленности СССР (Жуковский, Московская область). 1925—1955. Оп. 3—1. Д. 17. Стенограмма конференции ЦАГИ совместно с представителями промышленности по аэродинамическому расчету самолета. 1930 г. 35 с.; Ф.Р-235. Грозненский ордена Трудового Красного Знамени нефтяной научно-исследовательский институт (ГрозНИИ) Министерства нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР. 1923—1981. Оп. 4—1. Д. 135. Научно-технический отчет профессора А. Саханова «Нефтяная промышленность в пятилетнем плане». 1932 г. 14 с.; и др.
- ²⁰ Там же. Ф.Р-569. Сибирский научно-исследовательский институт лесной промышленности (СибНИИЛП) Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности (г. Красноярск). 1922—1975. Оп. 2—1. Д. 13. Доклад об охотничьем промысле в Уярском районе Енисейского края. 1929 г. 93 с.; Д. 15. Описание сельского хозяйства и лесной промышленности Енисейского края за 1927—1929 гг. 59 с.; Д. 17. Доклад Сибирской лесоэкономической экспедиции 2-му совещанию по обследованию верхнего района течения р. Ангары. 1930 г. 65 с.; и др.
- ²¹ Там же. Ф.Р-351. Центральный ордена Трудового Красного Знамени научно-исследовательский автомобильный и автомоторный институт (НАМИ) Министерства автомобильной промышленности СССР (г. Москва). 1923—1969. Оп. 2—1. Д. 739. Материалы по улучшению двигателя М-1 (приказы, докладные записки). 1936 г. 64 с.; Ф.Р-127. Центральный научно-исследовательский институт связи (ЦНИИС) Министерства связи СССР (г. Москва). 1924—1972. Оп. 2—1. Д. 19. Перспективы развития междугородней кабельной связи в СССР (доклад тов. Бедова). 1939 г. 26 с.; и др.
- ²² Там же. Д. 21. Система построения и перспективы развития внутренней телефонной связи СССР. 1939 г. 273 с.; Ф.Р-235. Оп. 4—1. Д. 156. Обзор литературы к работе Л.А. Сельского «Выработка метода определения температуры застывания нефтяных продуктов». 1932 г. 13 с.
- ²³ Там же. Ф.Р-5. Научно-исследовательский институт экономики строительства Госстроя СССР (НИИЭС) (г. Москва). 1957—1971 гг.; Ф.Р-328. Центральный научно-исследовательский и проектно-экспериментальный институт организации, механизации и технической помощи строительству (ЦНИИОМТП) Госстроя СССР (г. Москва). 1937—1975 гг.; Ф.Р-555. Всесоюзный проектно-технологический институт организации производства, управления и экономики монтажных и специальных строительных работ СССР (г. Москва). 1971—1987 гг.; и др.
- ²⁴ Там же. Ф.Р-492. Восточный научно-исследовательский институт по безопасности работ в горной промышленности «ВостНИИ» Министерства угольной промышленности СССР (г. Кемерово). 1942—1980 гг.; Ф.Р-742. Всесоюзный научно-исследовательский институт охраны труда и техники безопасности черной металлургии (ВНИИТБчермет) Министерства черной металлургии (г. Челябинск), 1969—1978 гг.; и др.
- ²⁵ Там же. Ф.Р-600. Государственный институт технико-экономических изысканий и проектирования железнодорожного транспорта (Гипротранстэи) Министерства путей сообщения СССР (г. Москва). 1955—1960 гг.; и др.
- ²⁶ Там же. Ф.Р-17. Государственный трест по рационализации производства в машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности «Оргаметалл» (г. Москва), 1934—1938 гг.; и др.
- ²⁷ Там же. Ф.Р-767. Научно-исследовательский и проектный институт механизации и автоматизации управления производством в автомобильной промышленности (НИИУавтопром) Министерства автомобильной промышленности СССР (г. Горький). 1969—1981 гг.; и др.
- ²⁸ Там же. Ф.Р-18. Центральный научно-исследовательский институт кожевенно-обувной промышленности (ЦНИИКП) Министерства легкой промышленности СССР (г. Москва).

- 1928—1986. Оп. 1—1. Д. 441. Отчет по теме Г.Х. Бамдаса «Кожевенно-обувная промышленность в период Империалистической войны». 1932 г.; Ф.Р-327. Всесоюзный научно-исследовательский институт птицеперерабатывающей промышленности (ВНИИПП) Министерства мясной и молочной промышленности СССР (пос. Ржавки Солнечногорского района Московской обл.). 1929—1979. Оп. 1—6. Д. 3. Сведения, таблицы, диаграммы, справки по товарообороту яйца и птицы на внутреннем и внешнем рынке России за 1909—1929 гг.; Ф.Р-129. Всесоюзный ордена Трудового Красного Знамени научно-исследовательский институт железнодорожного транспорта (ВНИИЖТ) Министерства путей сообщения СССР и его предшественники (г. Москва). 1929—1983. Оп. 5—1. Д. 53, 54. Постройка скоростными методами стратегических железных дорог Германией и Россией в годы Первой мировой войны. 1940 г.; и др.
- ²⁹ См. Кузин А.А., Преображенская П.С., Филиппов Н.Г., Прокопенко А.С. Научно-технические архивы: учебное пособие. М., 1975; Каранетянц И.В. Отчеты о НИР как вид научно-исследовательских документов // Советские архивы. 1983. № 4. С. 24—29; Она же. Возникновение и развитие отчетов о НИР в СССР как одного из видов научно-технической документации: дис. ... к. и. н.: 05.25.02. М., 1985; и др.
- ³⁰ К объектам капитального строительства относятся промышленные предприятия, здания и сооружения; сооружения транспорта, связи, радиовещания и телевидения; гидротехнические и энергетические сооружения; складские здания и сооружения и т.д. К объектам гражданского строительства относятся жилые и общественные здания и сооружения. К градостроительной документации и относится техническая документация по планированию развития территорий и поселений, их зонированию и застройке. Состав и содержание проектов различных объектов строительства имеют существенные отличия, которые зависят от вида объекта проектирования: типовое, индивидуальное, экспериментальное, проекты привязки и проекты застройки.
- ³¹ РГА в г. Самаре. Ф.Р-332. Государственный институт по изысканиям и проектированию автомобильных дорог «Союздорпроект» Министерства транспортного строительства СССР (г. Москва). 1932—1968. Оп. 1—4. Д. 18 а. Проектное задание автодрома. г. Москва. 1941 г. 291 с.
- ³² Там же. Ф.Р-578. Государственный институт по проектированию театрально-зрелищных предприятий «Гипротейтр» Министерства культуры СССР (г. Москва). 1935—1960. Оп. 2—4. Д. 135. Мурманский областной драматический театр на 800 мест. Проектное задание. Программное задание на проектирование театра. 1950 г. 8 с.
- ³³ Там же. Ф.Р-66. Архивная коллекция. Проекты мостов и земляного полотна Самаро-Златоустовской — Куйбышевской железной дороги. 1875—1962. Оп. 1—4. Д. 681. Противооползневые мероприятия 2-й очереди на Батракском косогоре. Технический проект. Пояснительная записка. 1953 г. 90 с.
- ³⁴ СЗ СССР. Т. 3. М., 1984. С. 410—413.
- ³⁵ РГА в г. Самаре. Ф.Р-621. Государственный институт по проектированию высших учебных заведений «Гипровуз» Министерства высшего и среднего специального образования СССР (г. Москва). 1947—1983. Оп. 10—4. Д. 632. Обнинский институт атомной энергетики. Техничко-экономические обоснования. Комплекс сооружений Обнинского филиала МИФИ. Пояснительная записка. Архитектурно-строительная часть. 1974 г. Л. 3.
- ³⁶ Там же. Ф.Р-790. Проектное управление «Дальстройпроект» Северо-Восточного совнархоза (г. Магадан). 1939—1960 гг. Оп. 1—4. Д. 5. Генеральная смета на строительство дома ГУСДС в г. Магадане. 1940 г. Л. 1; Д. 12. Техническая смета на строительство дома УНКВД в г. Магадане. 1941 г. Л. 1; Д. 51. Генеральная смета на строительство жилого дома № 16 в г. Магадане. 1946 г. Л. 1.
- ³⁷ Там же. Ф.Р-332. Оп. 1—4. Д. 4. Проект дороги Николаевская магистраль. Участок Стойба — Экимчан. Текст. Гипродор. Киевское отделение. 1931 г. 377 с.
- ³⁸ Там же. Ф.Р-850. Государственный институт проектирования городов «Гипрогор» Госстроя РСФСР (Гипрогор) (г. Москва). 1930—1991. Оп. 8—4. Д. 139. С.И. Солдатов. Планировка и застройка г. Орска. 1948 г. 84 с.
- ³⁹ Там же. Д. 140. Пояснительная записка к детальному проекту планировки г. Орска. 1948 г. 45 с.
- ⁴⁰ Там же. Ф.Р-147. Центральный научно-исследовательский и проектный институт по градостроительству (ЦНИИПГрадостроительства) Госкомитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР (г. Москва). 1932—1975. Оп. 7—4. Д. 21. Проект районной планировки Оскольского промышленного района Белгородской области. Горнорудная промышленность. Пояснительная записка. 1966 г. 136 с.

- ⁴¹ Там же. Д. 22—26. Техничко-экономические основы районной планировки Белгородской области. 1970 г.
- ⁴² Там же. Д. 23. Техничко-экономические основы районной планировки Белгородской области. Том 2. Часть 2. Промышленность (пищевая, легкая, строительная индустрия). Пояснительная записка. 1970 г. 227 с.
- ⁴³ Там же. Д. 26. Техничко-экономические основы районной планировки Белгородской области. Перечень промышленных предприятий по населенным пунктам Белгородской области (промышленность и строительная индустрия). 1970 г. 55 с.
- ⁴⁴ Там же. Д. 22. Техничко-экономические основы районной планировки Белгородской области. Том 1. Оценка природных условий и ресурсов Белгородской области. Пояснительная записка. 1970 г. 228 с.
- ⁴⁵ Там же. Ф.Р-232. Московский государственный проектно-изыскательский институт «Мосгипротранс» Министерства транспортного строительства СССР и его предшественник (г. Москва). 1902—1980 гг. Оп. 8—4. Д. 512. Техничко-экономическая записка к схеме планировки г. Минска. 1932 г. 145 с.
- ⁴⁶ *Патентный документ* — это официально публикуемый и непубликуемый документ, содержащий сведения о результатах научно-исследовательских, проектно-конструкторских и других подобных работ, заявленных или признанных изобретениями, открытиями, промышленными образцами, полезными моделями, сортами растений, а также сведения об охране прав изобретателей, патентообладателей, владельцев свидетельств о регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, наименований мест происхождения товаров. Патентные документы бывают первичными и вторичными. *Первичный документ* — документ, содержащий полное описание изобретения к заявке, к патенту или авторскому свидетельству. *Вторичный документ* — документ, содержащий сокращенную информацию о первичном документе (библиографическую, реферативную, обзорную), ознакомление с которым позволяет принять решение о целесообразности или нецелесообразности обращения к первичному документу.
- ⁴⁷ За время существования Комитета по делам изобретений с 1918 по 1991 гг. его название неоднократно изменялось.
- ⁴⁸ Охранными документами советских изобретений в разные исторические периоды были патент и авторское свидетельство. Они существовали вместе и отдельно. В 1919—1924 гг. авторское право охранялось авторским свидетельством, в 1924—1931 гг. — патентом, с 1931 г. — действовало два охранных документа — патент и авторское свидетельство. В постсоветский период с 1991 г. в качестве охранного документа стал вновь действовать только один охранный документ — патент.
- ⁴⁹ РГА в г. Самаре. Ф.Р-1. Заявочные материалы на изобретения (из фондов Комитета Российской Федерации по патентам и товарным знакам и его предшественников). Архивная коллекция. 1915—2004 гг.
- ⁵⁰ Там же. Ф.Р-571. Оп. 2—4. Д. 1557. Технический проект железнодорожной линии Саратов — Сталинград. Участок км 0—198. Краткая пояснительная записка. 1943 г., Д. 1604. Технический проект железнодорожной линии Саратов — Сталинград. Организация строительства. Участки строительства Сталинградского и Саратовского лагерей. 1942 г. Д. 1615. Докладная записка о строительстве железнодорожной линии Саратов — Сталинград по состоянию на 1 мая 1942 г.; и др.
- ⁵¹ Там же. Ф.Р-332. Оп. 1—4. Д. 15. Технический проект автодороги Орша — Лепель. Раздел 1. Пояснительная записка. Минск, 1939. 43 с.; и др.
- ⁵² Там же. Д. 8. Проект автомагистрали Москва — Минск. Т. 1. Основные характеристики и техническая пояснительная записка. М., 1936. 63 с.
- ⁵³ Там же. Д. 13. Технический проект пересечения автомагистрали Москва — Минск Витебским шоссе на 415 км. 1939 г. 38 с.
- ⁵⁴ Там же. Оп. 8—4. Д. 114, 155. Генеральный проект железнодорожной линии Тында — Усть-Ниман. Общая пояснительная записка. Ч. 1 и Ч. 2. 1933 г.; Д. 141. Железнодорожная линия Тында — Зея. Проектное задание. Основные показатели. 1939 г.; Ф.Р-571. Оп. 1—4. Д. 326. Проект БАМ. Головной участок Уруша — Тында. Общая пояснительная записка. 1932 г.; и др.
- ⁵⁵ Объектный принцип комплектования применяется, например, в ЦГАНТД Украины, но и там полнота состава документов на объект присутствует не всегда, так как многие объекты проектировались в НИИ и КБ, которые располагались на территории РСФСР и в настоящее время относятся к организациям — источникам комплектования архивов Российской Федерации.

- ⁵⁶ РГА в г. Самаре. Ф.Р-232. Оп. 10—4. Д. 4. Проект трассы шаро-электро-лотковой дороги Москва — Ногинск. Техническая пояснительная записка. Предварительные изыскания. 1933. 145 с.; Д. 6. Дополнение к проекту предварительных изысканий ШЭЛТ Москва — Ногинск. Техническая пояснительная записка. 1934. 79 с.; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1884. Министерство путей сообщения СССР (МПС СССР). 1897—1979; Ф. 7857. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (ВСХВ). 1935—1959. Оп. 1. Д. 1856. Л. 106—107.
- ⁵⁷ Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учебное пособие. М., 1998; Голицов А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. 2-е изд. М., 2008; и др.

Экономика постсоветской России

Мухин М.Ю.*

Экономическое взаимодействие России и Украины в постсоветский период. Не торговлей единой

Аннотация: Статья посвящена внеторговым аспектам экономического сотрудничества России и Украины в 1991 — 2008 гг. В работе рассматриваются проблемы формирования тарифной политики двух крупнейших европейских стран постсоветского пространства а также, их сотрудничество в форме производственной кооперации. Помимо этого, в статье освещаются вопросы инвестиций российского бизнеса на Украине и украинского — в России. «Газовый спор» так же находится в фокусе исследования, ввиду особого значения «газового вопроса» для российско-украинских экономических связей.

Ключевые слова: тарифы, производственная кооперация, иностранные инвестиции, «газовый конфликт», экономические связи, постсоветское пространство.

Распад Советского Союза привёл к появлению на международной арене группы независимых государств, которую сейчас принято называть «постсоветскими странами». Эти государства должны были заново, что называется, «с чистого листа», строить свои как политико-дипломатические, так и экономические связи с зарубежьем дальним и близким, как со странами, которые всегда воспринимались как «заграница», так и с соседями, которые ещё вчера входили в СССР. Крупнейшими европейскими постсоветскими странами стали Россия и Украина. С учётом того, что именно эти две страны в своё время являлись основой советской экономики¹, неудивительно, что экономические контакты именно этих двух стран имели особое значение для всего постсоветского региона. В нашей прошлой статье² мы, по мере сил, пытались рассмотреть российско-украинскую торговлю в 1991—2008 гг. Однако надо учитывать, что экономические контакты двух стран всегда существенно шире собственно торговли, и включают в свой круг значительный ряд вопросов, непосредственно к трансграничным торговым операциям отношения не имеющих. На торговые контакты России и Украины, помимо экономических и политических причин макромасштаба, влиял ещё целый ряд факторов, носивших локальный, но от этого не менее важный, характер. Кроме того, экономические контакты двух стран не сводились исключительно к международной торговле. В этой статье мы сосредоточим своё внимание именно на этих сюжетах, связанных с формированием тарифной политики двух стран, производственной кооперации российских и украинских предприятий, инвестициям российского бизнеса на Украине и украинского — в России и других вопросах, относящихся к проблематике экономических контактов этих двух государств. Так как историография вопроса и актуальность исследования этих сюжетов уже были нами рассмотрены в прошлой статье, мы позволим себе в этой работе вывести историографический вопрос за скобки.

* Мухин Михаил Юрьевич — доктор исторических наук, Институт российской истории РАН.

Тарифные войны

Анализируя динамику российско-украинской торговли в 1991—2008 гг., нельзя не отметить, что масштабы этой торговли могли бы быть существенно больше, если бы обе страны не использовали столь широко разнообразные ограничительные тарифные и нетарифные меры для защиты своих экономических интересов. Практически каждое государство в своей деятельности сталкивается с защитой внутреннего рынка от товарных интервенций из-за рубежа, в том числе — и с применением демпинговых цен. До 1991 г. экономика будущих постсоветских стран была ограждена от подобных угроз пресловутым «железным занавесом», однако с приобретением независимости внезапно выяснилось, что открытие границ может принести не только благо.

Надо отметить, что украинское руководство весьма серьёзно и основательно отнеслось к проблеме юридического определения, преследования и наказания демпинговых атак на свой внутренний рынок. Вообще, впервые в украинском законодательстве термин «демпинг» появился уже в законе «О внешнеэкономической деятельности» (16.04.1991 г.). Для борьбы с демпинговым импортом был принят целый комплекс законодательных актов, которые образовали так называемый Антидемпинговый кодекс. Стержневой частью кодекса являлись три важнейших закона — «О защите национального товаропроизводителя от демпингового импорта», «О защите национального товаропроизводителя от субсидированного импорта» и «О применении специальных мер по импорту в Украину»³. Антидемпинговый кодекс предусматривал чёткую и отработанную процедуру борьбы с демпинговым импортом. Собственно расследование с целью определения наличия демпинга как такового, и величины демпинговой маржи по жалобе, поданной национальным производителем, начинало Министерство экономики и европейской интеграции. Жалоба безусловно принималась к рассмотрению, если она была подана от лица производителей, на совокупную долю которых приходилось более половины общего производства рассматриваемого в жалобе товара на Украине. Если совокупная доля жалобщиков составляла менее четверти — жалоба столь же безусловно отклонялась. В этом смысле «пограничную зону» составляли жалобы, поддержанные группами производителей, на которые приходилось 25—50% выпуска рассматриваемого товара. В этом случае жалоба принималась к рассмотрению, но за время собственно антидемпинговой процедуры жалобщик должен был заручиться поддержкой прочих производителей данного товара с тем, что бы суммарная доля поддержавших жалобу всё же преодолела 50-процентную отметку. В ходе антидемпинговой процедуры Минэкономики изучало доказательства наличия демпинга и ущерба, оценивало их достаточность и обоснованность. По итогам расследования отчёт о полученных результатах направлялся в Межведомственную комиссию по международной торговле, которая на основании отчёта уже возбуждала собственно антидемпинговое расследование. Это расследование вело вновь Минэкономики. Сообщение о начале этого расследования публиковалось в печатном органе Кабинета министров, а заинтересованные стороны регистрировались в Минэкономики с тем, что бы иметь возможность подать в министерство информацию и доказательства, ка-

сающиеся предмета расследования. Срок самого расследования ограничивался годом. Важно, что ещё до завершения расследования, в случае получения предварительного положительного заключения Минэкономки о наличии демпинга, Межведомственная комиссия получала право ввести предварительные антидемпинговые меры в виде введения предварительной антидемпинговой пошлины на соответствующий товар⁴.

В России защита внутреннего рынка от демпингового экспорта была организована на принципах, изложенных в федеральном законе «О мерах по защите экономических интересов Российской Федерации при осуществлении внешней торговли товарами». Положения данного закона были конкретизированы и детализированы в постановлении Совмина РФ «О порядке проведения расследования, предшествующего введению специальных защитных мер, антидемпинговых мер или компенсационных мер» (11.03.1999 г.), которым вводилось в действие «Положение о порядке проведения расследования, предшествующего введению специальных защитных мер, антидемпинговых мер или компенсационных мер».

Надо отметить, что сама Украина долгое время подвергалась антидемпинговым расследованиям преимущественно со стороны ЕС. Так, в 1992—1997 гг. Украина входила в число стран, против экспорта которых в ЕС было возбуждено наибольшее число антидемпинговых расследований. Только в 2000 г. действовали 13 решений о применении антидемпинговых мер против Украины со стороны европейских стран. Поэтому при чтении следующего текста, надо учитывать, что при всей важности российско-украинских торговых отношений для Украины, это был далеко не самый напряжённый «демпинговый фронт» её внешнеэкономической деятельности.

Что касается ограничительных мер в российско-украинской торговле, то тут формально всё обстояло безоблачно. По сути же обе страны готовились бескомпромиссно защищать своего производителя. Хотя в 1993 г. между Россией и Украиной было подписано Соглашение о свободной торговле без запретительных мер, однако так как это соглашение допускало введение различных ограничений и защитных тарифов — оно с самого начала выступало скорее в роли декларации о намерениях⁵.

Первым прецедентом борьбы в России с демпингом украинских товаров стало расследование против экспорта крахмальной патоки. По результатам расследования в 1999 г. на патоку была установлена антидемпинговая пошлина в размере 16%⁶. Всего в 1999—2002 гг. против товаров, экспортируемых с Украины, в России было возбуждено 13 антидемпинговых расследований⁷.

В свою очередь, Украина активно вела против России антидемпинговые действия, причём первая антидемпинговая мера (квота в 3,9 млн шт.) была наложена на экспорт из России электрических ламп уже в августе 1999 г. Всего с августа 1999 г. по декабрь 2002 г. против России было принято 21 антидемпинговая мера⁸. Наиболее резонансным в этом ряду стал конфликт по поводу экспорта российских автомобилей на Украину. 8 января 2002 г. Ассоциацией украинских автопроизводителей «Укравтопром» было начато антидемпинговое расследование по вопросу экспорта новых автомобилей с объёмом двигателей до 1,5 литра происхождением из России. По сути, под это определение подпадали практически

все автомобили модельного ряда АвтоВАЗа. Основным доводом Укравтопрома было не наличие каких-то льгот или субсидий, которые якобы предоставлялись бы российским руководством АвтоВАЗу, а то, что убытки украинских автопроизводителей по сравнению с 1998 г. возросли на 39%, а занятость — снизилась на 14,6%. Кроме того, педалировалась мысль о том, что вот если бы все 26 тыс. автомобилей, которые АвтоВАЗ реализовал на украинском рынке, были бы произведены на Украине, то национальный бюджет пополнился бы 180 млн гривен налогов. Как видим, вопрос стоял не столько о «нечестной» конкуренции со стороны российских производителей, сколько о протекционизме по отношению к производителям украинским. Тем не менее, Межведомственная комиссия сочла данные доводы весомыми, и уже летом в качестве предварительной меры на период с 30 июня по 8 декабря на российские автомашины была введена специальная пошлина в 31,8% стоимости. А 8 декабря 2002 г. по итогам антидемпингового расследования на российские автомобили была введена квота — 15777 штук ежегодно. С учётом того, что потенциально АвтоВАЗ мог поставить на Украину до 60 тыс. автомашин, а фактически в 2001 г. поставил — 26 тыс., такую меру иначе, как протекционистской, не назовёшь⁹.

На 2002 г. и Россия, и Украина использовали ввозные таможенные тарифы, ограничивавшие экспорт ряда товаров, соответственно, с Украины и из России. Так, например, на Украине таможенному прессингу подвергалось, всего около 30 товаров из России: железная руда, хлор, минеральные удобрения, ряд лакокрасочных изделий, хлопчатобумажные ткани, ферросплавы, легковые автомобили, и др. В свою очередь, Россия запретительными тарифами ограничивала импорт из Украины труб и прутков из чёрных металлов, сахара, карамели, и др. товаров¹⁰. Довольно широко применялись нетарифные ограничения, связанные с ужесточением требований к качеству продукции. Так, ужесточение требований со стороны России привело в 2006 г. к обвалному сокращению (со 152 млн долл. США в 2005 г. до 6 млн в 2006 г.) импорта в Россию украинской мясной продукции и сыров (с 415 до 141 млн долл. в стоимостном выражении)¹¹.

Российско-украинские отношения нередко страдали от активных попыток любой ценой защитить интересы именно отечественного производителя. Анализ многочисленных антидемпинговых расследований показывает, что если не большинство, то многие из них проводились предвзято, торопливо, зачастую — вообще по «настойчивым просьбам» конкретного субъекта экономики, посчитавшего себя ущемленным конкурентами по другую сторону российско-украинской границы. В данном случае вину следует возложить в равной мере как на российскую, так и на украинскую стороны.

Позволим себе привести несколько характерных примеров российско-украинских тарифных конфликтов. 21 мая 2001 г. Совмин РФ принял постановление «О порядке введения специальной пошлины на импорт из Украины труб чёрных металлов сроком на 3 года». Размер указанной пошлины был установлен в 40% стоимости (для труб крупного диаметра — в 20%). Причём пошлина распространялась, в том числе, и на трубы украинского производства, реэкспортируемые в Россию из Белоруссии. Формально аналогичные пошлины в размере 20—40% от стоимости были введены Россией ещё в апре-

ле 2001 г., на деле они не применялись, так как основную тяжесть ограничения украинского экспорта труб в Россию несли квоты. В частности, украинская квота экспорта трубопроката составляла 620 тыс. т в год. Впрочем, Киев не проявлял по данному поводу какого-то беспокойства, ведь реальный экспорт труб был данному меньше выделенной квоты — в 2001 г. украинские металлурги отправили в Россию лишь 350 тыс. т (56,45% квоты), и примерно такой же объём поставок ожидался на 2002 г. Разумеется, введение российской стороной запретительных тарифов не могло не вызвать реакции на Украине. Поэтому 29 марта 2002 г. Кабмин Украины принял постановление «О введении специальной пошлины на импорт в Украину отдельных видов товаров происхождением из Российской Федерации». Это постановление вводило таможенную пошлину в размере 20% стоимости на ввоз из России целого комплекса металлургических товаров (руды и концентраты, ферросплавы, полуфабрикаты из железа и стали), минеральные удобрения, хлопчатобумажные ткани и некоторые другие товары. Для того, что бы максимально ясно расставить все «точки над и», постановление Кабмина сообщало, что данные тарифы вводятся на срок действия постановления Совмина РФ от 21 мая 2001 г. В том же марте 2002 г. Кабмин принял решение квотировать поставки железорудного сырья из России, а в марте того же года, изучив материалы антидемпингового расследования поставок из России на Украину цемента — ввёл на 4 месяца (впоследствии была продлена до октября) таможенную пошлину в 41% стоимости на экспорт цемента из России. В ответ Россия ввела (так же на 4 месяца) антидемпинговую таможенную пошлину на экспорт с Украины оцинкованного проката в размере 31,8% стоимости. Не останавливаясь на достигнутом, в июле 2002 г. Совмин принял постановление о введении на 3 года пошлины в размере 21% стоимости на экспорт с Украины прутков для армирования железобетонных конструкций. Формально такое решение действительно было обосновано принятием на Украине закона «Об экономическом эксперименте в горно-металлургическом комплексе Украины», который давал украинским металлургам значительные льготы, позволяя им сбывать прутки в Россию по демпинговым ценам — в среднем, на 15% ниже российских производителей. Но фактически данный закон не действовал, поэтому на Украине июльское постановление восприняли как очередной выпад Москвы. В результате на Украине существенные проблемы с реализацией продукции получили «Криворожсталь» и Енакиевский металлургический завод, традиционно поставлявшие прутки в Россию, и Мариупольский металлургический завод им. Ильича, — главный поставщик оцинкованного проката в Россию. В то же время в России в июне — июле (т.е. в разгар строительного сезона, когда спрос на стройматериалы был особо велик) начал ощущаться дефицит как арматуры, так и оцинкованного проката на кровлю. Таким образом, в проигрыше оказались, как и следовало ожидать, все участники конфликта. Стремясь «расшить» узкое место, ряд украинских металлургических предприятий добровольно отказались от льгот, предоставленных им законом «О дальнейшем развитии горно-металлургического комплекса Украины», после чего российское руководство согласилось не взимать таможенную пошлину за арматуру, поставляемую этими товаропроизводителями¹².

Надо отметить, что в этот период Украина систематически принимала законодательные акты, обеспечивавшие её производителям льготные условия, что позволяло украинским предпринимателям вести агрессивную экспортную политику, периодически сбывая товар по демпинговым ценам. В этом ряду следует упомянуть законы «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно регулирования рынка автомобилей в Украине» (07.12.2000 г.), «О признании бронетанковой отрасли одной из приоритетных в промышленности Украины и мерах по оказанию ей государственной поддержки» (11.01.2001 г.), «О государственной поддержке самолётостроительной отрасли Украины» (12.07.2001 г.), «О дальнейшем развитии горно-металлургического комплекса Украины» (17.01.2002 г.), «О стимулировании развития отечественного машиностроения для агропромышленного комплекса» (07.02.2002 г.), а так же постановления Кабмина Украины «Об утверждении порядка защиты отечественного рынка в случае закупки товаров, работ и услуг за государственные средства» (11.04.2001 г.) и «О временном ограничении вывоза кожевенного сырья с использованием операций с давальческим сырьём во внешнеэкономических отношениях» (06.05.2001 г.)¹³.

Особенно негативную роль в вопросах российско-украинской торговли играла несогласованность механизмов налогообложения экспортных и импортных операций. Дело в том, что вплоть до 1998 г. российско-украинская торговля облагалась налогами на иных принципах, нежели торговля России с другими странами. Налоговое законодательство РФ предусматривало освобождение от НДС товаров и услуг, экспортирующихся в страны дальнего зарубежья. Однако товары и услуги, поставляемые между хозяйствующими субъектами стран-участниц СНГ, этой льготой не охватывались. В отношении таких поставок должен был действовать принцип взаимности налогообложения по каждой стране СНГ. То есть товары и услуги, поставляемые в Россию из стран СНГ, облагались НДС по ставкам, установленным налоговыми ведомствами соответствующих стран. В случае реализации этой продукции, суммы НДС, уплаченные производителем, подлежали обязательному зачёту в российских налоговых органах, и специально фиксировались в учётных документах. Такой порядок действовал в отношении всех стран СНГ, кроме Украины. Дело в том, что механизмы регулирования НДС в России и на Украине существенно отличались. Украина ещё в 1995 г. перешла на принятый в ВТО принцип взимания НДС по «стране назначения». То есть НДС уплачивался согласно ставке той страны, для отправки в которую предназначался тот или иной товар. Такая система действительно более эффективно обеспечивает соблюдение взаимных экономических интересов торговых партнёров и однократность взимания НДС. Но базовым и обязательным условием для функционирования такой системы является безусловное обеспечение контроля таможенных органов за трансграничным трансфертом товаров и, соответственно, сбора указанного налога таможенными органами. В условиях открытой границы между Россией и Украиной переход к более прогрессивной системе обложения НДС, по сути, означал отказ от сбора НДС вообще — налог не уплачивался ни на Украине, ни в России, а производитель получал возможность экспорта по бросовым ценам. Пытаясь пари-

ровать очевидное ущемление интересов российской экономики, 18 августа 1996 г. президент Б.Н. Ельцин подписал Указ №1216 «О взимании НДС с товаров, которые происходят с территории Украины и ввозятся на территорию Российской Федерации». Согласно этому указу взимание НДС с товаров, поступающих с территории Украины, было возложено на таможенные органы России. В результате российские плательщики налогов — собственники приобретённых на Украине товаров, фактически, были вынуждены оплачивать НДС дважды — первый раз при ввозе товара в Россию, и второй — при реализации товара на рынке. Разумеется, это привело к существенному снижению конкурентоспособности украинских товаров¹⁴. В конце 1997 г. ситуацию удалось несколько сгладить. В результате долгих переговоров было принято компромиссное решение. Взимание налога при таможенном оформлении товаров было отменено. Если же товар непосредственно с границы отправлялся в розничную торговую сеть, то НДС начислялся не на полную стоимость товара, а лишь на торговую наценку. Это позволило до некоторой степени активизировать российско-украинскую торговлю.

Итоговым результатом многочисленных тарифных конфликтов конца XX — начала XXI веков стала существенное снижение степени взаимозависимости российской и украинской экономик. Столкнувшись с валом всё нарастающих таможенных пошлин производители двух стран предпочли переориентироваться на третьи рынки, не дожидаясь, когда же правительства в Москве и Киеве найдут общий язык.

С сожалением приходится признать, что и в следующем десятилетии ситуация с таможенными тарифами и прочими способами принудительного ограничения товарооборота кардинально не изменилась. Основными препятствиями увеличения украинского экспорта в Россию в 2000-х гг. по-прежнему являлись различные тарифные и нетарифные ограничения (квотирование, а так же санитарные и ветеринарные стандарты) и антидемпинговые расследования. Ограничительные меры относительно экспорта из Украины в Россию на 2006 г. включали:

- Компенсационный таможенный тариф в размере 21% таможенной стоимости — с 23 января 2006 г.;
- Антидемпинговый таможенный тариф на трубы малого и среднего диаметра в размере от 8,5 до 55,3% таможенной стоимости — с 31 января 2006 г.;
- Ежегодную квоту на поставки в Россию электрических ламп в объёме 8 млн штук — с марта 2006 г.

На 2008 г. действовали следующие ограничения¹⁵:

- Антидемпинговый сбор на оцинкованный прокат (24,3%);
- Специальный тариф на карамель (21%);
- Специальный тариф на шарикоподшипники (0,35 евро за кг.).

Сохранялись квоты на экспорт труб большого диаметра, оцинкованный прокат, мясо птицы, сахар и спирт. С января 2006 г. был введён запрет на поставку в Россию продукции украинского животноводства. Особенно болезненным это решение было для производителей молочной продукции, так как порядка 90% украинских масла, сыров и сливок выпускались именно в расчёте

на российский рынок. В то же время, украинская сторона действительно признала нарушение ряда условий экспорта мясной продукции и собственно мяса в Россию — поддельные сертификаты, несанкционированный реэкспорт и т.п.

Кооперация на уровне отраслей

В советские годы Россия и Украина относились к числу наиболее экономически самодостаточных республик СССР. В середине 1980—х гг. в России на продукцию собственного производства приходилось 87,3% внутреннего потребления, а в Украине — 82,7%. Для остальных республик этот показатель в лучшем случае колебался в районе 70—75, а для Киргизии и Латвии и вовсе составлял 60—64%¹⁶. Впрочем, следует учитывать, что в данном случае речь идёт о совокупном внутреннем потреблении республик. В отраслевом разрезе ситуация могла существенно отличаться. Скажем, в авиационной и автомобильной промышленности Украины более 80% всех комплектующих поступало из-за границ УССР¹⁷, преимущественно — из РСФСР¹⁸. Лишь 3% украинской продукции могли производиться вообще без поставок комплектующих из других республик СССР, в первую очередь — из России¹⁹. Таким образом, очевидно, что всё многообразие экономических контактов между Россией и Украиной в постсоветский период отнюдь не сводилось исключительно к торговым операциям. Огромное значение для экономик обеих стран имели кооперативные поставки, имевшие жизненно-важное значение для функционирования тысяч предприятий по обе стороны границы.

Основой правовой базы регулирования вопросов производственной кооперации в рамках СНГ стало Соглашение об общих условиях и механизме поддержки развития производственной кооперации предприятий и отраслей государств-участников СНГ от 23 декабря 1993 г. (Ашхабад). Однако данное соглашение носило в основном обще-декларативный характер, поэтому для перевода дела на практические рельсы потребовалось подписание 15 апреля 1994 г. Протокола о механизме реализации Соглашения об общих условиях и механизме поддержки развития производственной кооперации предприятий и отраслей государств-участников СНГ. Важнейшими принципами Соглашения и Протокола были отмена провозных экспортных и импортных таможенных пошлин и акцизов при пропуске товаров через их границы; а так же — налогов и акцизов при расчётах между хозяйствующими субъектами государств-участников СНГ. Помимо этого, была достигнута договорённость о том, что участники Соглашения будут проводить взаимосогласованную политику в сферах развития международной специализации и кооперации производства, определения приоритетов в отраслях промышленности, содействия выработки и реализации совместных проектов и программ, включая область оборонных исследований. На начальном этапе реализация планов экономической кооперации тормозилась таможенными препонами. Хотя Ашхабадское соглашение предписывало (статья 5) освободить от налогов и акцизов товары, поставляемые из одной страны СНГ в другую в рамках производственной кооперации, на практике это решение не соблюдалось. В результате цены на такие товары, зачастую оказы-

вались выше цен, по которым аналогичные товары экспортировались в третьи страны. Непрерывный рост договорных цен закономерно привёл к тому, что товары, поставляемые в рамках производственной кооперации, потеряли конкурентоспособность. В ряде случаев удорожание «кооперативных» комплектующих вело к освоению производства таких изделий и узлов на местах²⁰.

Первоначально базовой формой организации кооперативного взаимодействия на тот момент рассматривалась «финансово-промышленная группа». Уже 15 апреля 1994 г., одновременно с принятием «Протокола о механизме реализации Соглашения...» Совет глав правительств СНГ принял Соглашение «О содействии в создании и развитии производительных, коммерческих, кредитно-финансовых, страховых и смешанных транснациональных объединений». Это соглашение было направлено на восстановление и расширение технологических и кооперационных связей непосредственно между предприятиями различных форм собственности. Основной формой восстановления таких связей мыслились финансово-промышленные группы (ФПГ) и транснациональные компании (ТНК)²¹. Впрочем, ТНК как форма организации возникла несколько позже — в 1998 г., когда ряд постсоветских стран (в т.ч. — Россия и Украина) приняли Конвенцию «О транснациональных корпорациях»²².

Надо отметить, что именно Россия и Украина наиболее активно участвовали в практическом осуществлении потенциала, заложенного Соглашением и Протоколом²³. В первую очередь следует отметить российско-украинские договоренности о кооперации в области авиастроения, автомобилестроения, кораблестроения и судоремонта, ракетно-космической и ракетной техники, оборонной промышленности, производства машин и оборудования для угольной промышленности, нефтяной и газовой промышленности, промышленности химических волокон. Столь широкий пакет отраслевых соглашений удалось принять благодаря тому, что под российско-украинские экономические связи был подведён мощный юридический базис — 8 февраля 1995 г. было принято Соглашение между Советом министров РФ и Кабинетом министров Украины о реализации режима свободной торговли, а 28 мая 1997 г. было принято аналогичное соглашение о проведении согласованной структурной политики в экономике²⁴. Наконец, 24 апреля 1998 г. было подписано подобное же Соглашение о производственной кооперации²⁵. Это, последнее, соглашение окончательно закрепило необложение товаров и услуг, поставляемых по производственной кооперации, налогом на добавочную стоимость и акцизами²⁶.

На основе Соглашения от 15 апреля 1994 г. было подписано 11 межправительственных соглашений о создании наднациональных ФПГ: «Интеррос» (09.09.1994 г.)²⁷, «Международные авиамоторы» (21.03.1995 г.), «Электрометприбор» (27.04.1997 г.), «Ильюшин» (27.07.1995 г.), «Аэрофин» (18.10.1996 г.), «Гранит» (18.10.1996 г.), «Бел-Рус-Авто» (01.10.1997 г.), «Межгосметиз» (23.07.1998 г.), «Электронные технологии» (28.08.1998 г.), «Формаш» (16.10.1998 г.), «Интерагроинвест» (06.10.1998 г.). Однако реальное становление ряда этих ФПГ началось значительно позже²⁸.

Создание российско-украинских ФПГ на тот период регламентировалось Соглашением между правительством Российской Федерации и Правительством Украины об основных принципах создания российско-украинских

финансово-промышленных групп от 26 июля 1995 г., принятого в развитие и уточнение Соглашения от 15 апреля 1994 г.²⁹ Согласно Соглашению от 26 июля 1995 г. приоритетными считалось создание ФПГ в следующих областях деятельности³⁰:

- Поиск, добыча, переработка, транспортировка и реализация топливно-энергетических ресурсов;
- Проектирование, строительство, реконструкция, и эксплуатация газовых транспортных трубопроводов;
- Производство ферросплавов на марганцевой основе;
- Производство листовой стали, газопроводных труб большого диаметра и труб нефтяного сортамента для нефтеперерабатывающей промышленности;
- Производство глинозёма, алюминия и алюминиевого проката;
- Производство титана;
- Производство продукции химической промышленности (карбамида, адипиновой кислоты, крупногабаритных шин и др.);
- Производство горно-шахтного, обоганительного и электротехнического оборудования для угольной промышленности, крупного энергетического и насосного оборудования для электроэнергетики;
- Производство лекарств, препаратов и медицинской техники;
- Производство, хранение транспортировка и комплексная переработка сельскохозяйственной продукции;
- Производство морских и речных судов, аэрокосмической техники, спецтехники, оборудования для атомной энергетики.

Практически все положения этого соглашения так и остались на начало 2000-х нереализованными. В основном дело тормозилось разницей в законодательствах России и Украины относительно создания и функционирования ФПГ, различиями в системах налогообложения и условиях для иностранных инвесторов, а так же — в общем негативном настрое украинского законодательства по отношению к любым наднациональным органам вообще. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов активное противодействие значительной части политической элиты и деловых кругов Украины, которые рассматривали создание российско-украинских ФПГ как завуалированную форму подчинения украинской экономики Москве. Как показала практика, именно те отрасли, в которых активно участвовал российский капитал — цветная металлургия и нефтеперерабатывающая промышленность — смогли сравнительно быстро выйти из кризиса³¹. Несмотря на сравнительно успешный опыт функционирования российско-украинских транснациональных компаний («Укртатнафта») и совместных интегрированных структур в авиастроении, на начало XXI в. на Украине так и не было создано ни одной ФПГ в её классическом виде. Начиная с 1991 г. и, как минимум, до конца XX в. уровень российско-украинских межгосударственных кооперированных поставок продукции постоянно снижался. В этом тренде можно выделить три параллельных потока, взаимно усиливающих друг друга. Во-первых, обе страны взяли курс на импортозамещение и обеспечение самодостаточности отечественной экономики; во-вторых, обе страны испытывали влияние международных экономических кризисов,

что привело к значительному спаду объёмов производства вообще. Очевидно, что в этой ситуации технико-производственное сотрудничество в форме кооперированных поставок и не могло не то что расти, но даже оставаться на прежнем уровне. Наконец, в-третьих, обе страны взяли курс на построение инновационной экономики, что делало восстановление прежних кооперативных поставок, в общем-то, необязательным³².

Ввиду этого, с началом XXI в. идея создания ФПГ ушла в прошлое, и на первый план вышла кооперация в новой форме. Основным звеном производственной кооперации было решено считать контракты, заключаемые между хозяйствующими субъектами на базе соответствующих соглашений на межправительственном, межведомственном и отраслевом уровнях. Это соглашение было ратифицировано на 2003 г. девятью государствами, в том числе Россией и Украиной.

На 2007 г. в российско-украинских кооперационных поставках участвовало свыше 300 предприятий с обеих сторон³³. Таким образом, даже в неблагоприятных политических условиях российско-украинская кооперация в области промышленности продолжалась, что доказывает её органическое происхождение, обусловленное экономическими интересами деловых кругов обеих стран. Ввиду того, что кооперация в различных отраслях промышленности имела свои специфические особенности, будет целесообразно в дальнейшем анализировать положение дел с производственной кооперацией российских и украинских предприятий в каждой отрасли индустрии отдельно.

Кооперация в области машиностроения

После распада СССР украинское машиностроение переживало не лучшие дни. На территории Украины остались предприятия более 10 бывших союзных министерств, относящихся к различным подотраслям машиностроения. Разрыв технологических цепочек поставил эти заводы в крайне затруднительное положение. Крупные зарубежные корпорации теснили украинских машиностроителей как на внешнем, так и на внутреннем рынке. В этой ситуации лишь предприятия с целостной технологической системой, обладавшие сложившимися ещё в советское время нишами на соответствующем секторе рынка, имели серьёзные шансы удержаться на прежнем уровне. К их числу в первую очередь следует отнести АНТК им. Антонова, ПО «Южный машиностроительный завод», ОАО «Запорожский трансформаторный завод», НПО им. Фрунзе и ряд других. Непосредственно после провозглашения независимости Украина взяла курс на поэтапное замещение машин, деталей, комплектующих и т.п., поставляемых из других постсоветских стран — на отечественные изделия. Одним из важнейших шагов в этом направлении было принятие в 1993 г. «Перечня продукции, которая ранее ввозилась из стран СНГ и производство которой целесообразно организовать на предприятиях Украины». Однако следует учитывать, что аналогичные меры принимались практически на всём постсоветском пространстве, вследствие чего украинским машиностроителям вскоре пришлось столкнуться с резким сокращением внешних заказов со стороны

традиционных партнёров. Например, российские предприятия сравнительно быстро освоили выпуск горно-шахтного оборудования и микроэлектроники, ранее поступающих с Украины. Украинские аналитики с тревогой отмечали, что в то время, как в России машиностроительные предприятия объединяются в крупные финансово-промышленные группы (к началу XXI в. их насчитывалось уже более 70), на Украине превалировала совершенно иная тенденция — существующие машиностроительные заводы расчленились на отдельные микро-фирмочки на базе цехов³⁴. Причём этот вариант считался ещё не самым плохим — хотя шансов на выживание у таких микро-компаний было немного, но они (шансы) всё же были. В то же время значительная часть машиностроительных предприятий попросту закрывалась, а производственная площадь передавалась под коммерческие павильоны и склады. Причём, так как при этом неизбежно прерывалась производственная цепочка, нередко подобное «перепрофилирование» носило характер «эффекта домино».

Не только на внешнем, но и на внутреннем рынке продукция украинских машиностроителей была существенно потеснена иностранными конкурентами. Резко снизилась и доля машиностроения в суммарной стоимости продукции промышленности. Если в 1990 г. она составляла 30,5%, то в 2003 г. она упала до 12%³⁵. Если в начале 1990-х гг. взаимные поставки машиностроительной продукции между Украиной и Россией составляли около 40% в товарообороте двух стран, то к концу десятилетия доля такой продукции упала до 13%³⁶. Однако уже к началу XXI в. наметились тенденции к упрочнению российско-украинских экономических связей в области машиностроения. Причём это сотрудничество охватывало практически все отрасли машиностроения. Так, основным потребителем железнодорожной продукции завода «Азовмаш» (Мариуполь), производившего цистерны, грузовые вагоны, порталные краны и др., стали российские компании ЮКОС, СФАТ и «Русский мир». В сельскохозяйственном машиностроении была велика роль Ростсельмаша, поставляющего на Украину комбайны, и Таганрогского комбайнового завода, поставлявшего детали и узлы зерноуборочных комбайнов киевскому заводу «Агромаш». Завод «Транзитные линии» (Подольск) поставлял дизеля для колёсных тракторов на Южмаш (Днепропетровск), Полтавскому турбомеханическому заводу, Конотопскому заводу «Оникс» и Харьковскому тракторному заводу (ХТЗ). В свою очередь, ХТЗ, «Оникс», ООО «СпецАгроМаш» (Киев) и Полтавский автоагрегатный завод поставляли «Транзитным линиям» и ОАО «Промтрактор» (Чебоксары) различные детали и узлы для сельхозмашин и различных транспортных средств³⁷. Значителен был экспорт в Россию с Украины продукции электротехнической промышленности, а так же энергетического и химического машиностроения. Особо тут следует выделить роль запорожского завода «Запорожтрансформатор», поставлявший электрические трансформаторы мощностью более 10000 кВт.

Надо отметить, что украинская сторона очень насторожено относилась к проблеме «односторонней» кооперации, при которой основная масса комплектующих приходится на Россию, а Украина попадает в определённую зависимость от поставок. Поэтому широко применялся критерий «локализации производства», согласно которому доля российских комплектующих не должна превышать половины стоимости готового изделия. Именно по причине не-

соблюдения этого требования был сорван проект производства из российских комплектующих хлебоуборочных комбайнов «Дон» на простаивавших на тот момент мощностях завода «Южмаш»³⁸.

Всего можно выделить три основные отрасли машиностроения, в которых российско-украинское экономическое сотрудничество играло наиболее значимую роль.

Автомобилестроение. На начало XXI в. на Украине работало несколько автомобильных заводов (Запорожье, Луцк, Кременчуг, Херсон, Симферополь и др.), которые функционировали только и исключительно при условии поставок ключевых узлов и деталей из России. Так, например, Кременчугский завод большегрузных автомобилей получал такие важнейшие агрегаты как двигатели и коробки передач с Ярославского моторного завода. Одновременно с этим, Россия являлась и ведущим рынком сбыта — основным потребителем кременчугских грузовиков выступали российские нефтяники, лесозаготовители и строители. Таким образом, КраЗ зависел от России как в плане кооперативных поставок, так и в сбыте. В свою очередь, «Черниговавтодеталь» производил карданные валы для Горьковского автозавода³⁹. Как видим, автомобильные отрасли двух стран органично дополняли друг друга. Дополнительный импульс такому сотрудничеству придало подписание 24 апреля 1998 г. соглашения между Правительством РФ и Кабинетом министров РУ о производственной кооперации. После этого был дан старт целому ряду проектов по созданию совместных автосборочных производств на территории Украины. Например, в 1998—1999 гг. на украинской территории было создано 6 совместных предприятий по сборке и продаже автомобилей ГАЗ из узлов и деталей, произведённых в России. В 2000 г. ГАЗ подписал соглашение с «Киевмедиавтотранс» об организации сборки в Киеве санитарных автомобилей различных модификаций⁴⁰.

Интенсивно развивалось сотрудничество украинских коммерсантов с Ульяновским и Волжским автозаводами. В значительной мере такой взрывной рост объяснялся тем, что поступавшие на Украину сборочные комплекты получали импортные льготы, что избавляло от ряда налогов, обязательных для прямого импорта собственно автомобилей. Такой режим торговли был крайне выгоден украинским металлургами и российским автомобилестроителям⁴¹. УАЗ начал с того, что его автомобили собирались в Краснодаре, причём поставки оплачивались бартером с украинских предприятий. В 2000 г. УАЗ и «Укрпроминвест» начали сборку автомобилей УАЗ на Луцком автомобильном заводе⁴². С 2002 г. Кременчугский автосборочный завод начал сборку автомобилей УАЗ из машинокомплектов, поставляемых из Ульяновска. Собственно, сам Кременчугский автосборочный завод был основан в 1995 г. как совместное предприятие Горьковского автомобильного завода и Кременчугского опытно-экспериментального механического завода «Кременчуг-авто-ГАЗ», и с этого момента собирал автомобили «Волга» из машинокомплектов, поставляемых из Нижнего Новгорода. Поступавшие на Украину сборочные комплекты получали налоговые и таможенные льготы, что делало сборку автомобилей уже на Украине существенно выгодней транспортировки через границу автомобилей целиком. Выпуск автомобилей линии моделей ВАЗ в 2001 г. был организован на херсонском автосборочном заводе «Анто-Рус» и Луцком автомобильном заводе.

Однако этот автомобильный бум был недолог. Уже летом 2001 г. в России вступили в силу новые правила взимания налога на добавленную стоимость («по стране назначения»), в результате чего НДС стала взиматься непосредственно при пересечении границы. Вследствие этого автосборочные предприятия на территории Украины внезапно лишились оборотных средств. Кроме того, на Украине были подняты таможенные пошлины на импортные автодетали, что практически выкосило подавляющее большинство автосборочных заводов генерации 1998 г.

Энергетическое машиностроение. В 2001 г. крупнейшие в СНГ производители энергетического оборудования для ГЭС и АЭС — харьковский завод «Электротражмаш» и петербургское предприятие «Электросила» — договорились о сотрудничестве в производстве турбогенераторов и последующем техническом перевооружении атомных электростанций России и Украины. Первым опытом такого сотрудничества стала совместная работа по реконструкции Нововоронежской АЭС. По оценкам как украинских, так и российских экспертов, такое сотрудничество оказалось гораздо выгоднее приглашения западных компаний. Скажем, готовые турбогенераторы западных фирм были бы дороже примерно вдвое. «Турбоатом» (Харьков) и АО «Ижорские заводы» (Санкт-Петербург) совместно выполнили заказ на гидротурбины для индийской ГЭС «Тари»⁴³.

Оборонное машиностроение. Машиностроение Советского Союза вообще, и оборонное машиностроение — в том числе — строилось как единый организм, поэтому распад СССР поставил постсоветскую «оборонку» в весьма затруднительное положение. Это справедливо как для Украины, так и для России. Действительно, на рубеже веков оборонный комплекс Украины 70—80% комплектующих получал из России, но одновременно и российские оборонщики на 50—60% зависели от поставок из других стран СНГ, и в первую очередь — с Украины⁴⁴.

В 1990-х гг. Россия и Украина подписали целый комплекс соглашений, которые были призваны координировать российско-украинские усилия в разработке и производстве высокотехнологичной продукции преимущественно оборонного или двойного назначения:

- О военно-техническом сотрудничестве (26 мая 1993 г.).
- О производственной и научно-технической кооперации предприятий оборонных отраслей промышленности (18 ноября 1993 г.).
- О порядке взаимных поставок вооружений и военной техники, комплектующих изделий и запчастей, организации ремонта и предоставлении услуг военного назначения (8 февраля 1995 г.).
- О производстве и поставках авиационной техники (8 февраля 1993 г.).
- О дальнейшем сотрудничестве в обеспечении совместного серийного производства и передачи в эксплуатацию оперативно-тактического военно-транспортного самолёта «Ан-70» и транспортного самолёта «Ан-70Т» с двигателями Д-27 (10 августа 1993 г.).
- О сотрудничестве в области создания ближнемагистрального пассажирского самолёта «Ту-334» и двигателей к нему, а так же их совместном серийном производстве (10 августа 1993 г.).
- О порядке осуществления гарантийного и авторского надзора за эксплуатацией стратегических ракетных комплексов (3 сентября 1993 г.).

- О сотрудничестве в области создания и эксплуатации ракетно-космической и ракетной техники (8 февраля 1995 г.).
- О сотрудничестве в области сохранения специализации предприятий, производящих продукцию военного назначения (27 августа 1996 г.).
- О сотрудничестве в области разработки, производства и поставок авиационной техники (20 августа 1997 г.).
- О международном консорциуме «Средний транспортный самолёт» (18 мая 1999 г.).

В начале XXI в. около 70% украинских предприятий ОПК всё ещё получали комплектующие из России⁴⁵, то есть уровень зависимости украинских оборонных предприятий от российских поставок практически не снизился. Однако в дальнейшем тенденция изменилась. С 1996 г. в рамках структур СНГ разрабатывалась Программа военно-технического сотрудничества, однако вплоть до 2002 г. Украина уклонялась даже от формального участия в этой Программе⁴⁶.

Кооперация в области авиастроения. Авиастроение представляло собой особую отрасль индустрии, где российско-украинские кооперативные поставки и научно-техническое сотрудничество носили исключительно глубокий и жизненно-важный характер, поэтому эту отрасль нам хотелось бы рассмотреть отдельно и более подробно. На начало XXI в. авиазаводы Украины получали из России приблизительно 70% узлов и агрегатов⁴⁷, а так же порядка 90% материалов и полуфабрикатов, применяемых при производстве летательных аппаратов⁴⁸ и до 60% бортового оборудования. Однако и Россия, в свою очередь, зависела от поставок авиадвигателей с Украины. С 1997 г. действовало межправительственное соглашение о сотрудничестве в разработке, производстве, поставках и эксплуатации авиатехники. Основными направлениями сотрудничества были признаны разработка и серийное производство самолётов Ан-70, Ту-334, Ан-140, Ан-74, Ту-342, Як-130, Ан-148 и Бе-200. Так, в частности, участниками программы разработки Ан-148 на 70—80 мест с дальностью полёта 6—8 тыс. км выступали АНТК им. Антонова, Харьковское государственное авиационное производственное предприятие (ХГАПП), ОАО «Мотор-Сич» (Запорожье), ЗМКБ «Прогресс», ОАО «Улан-Удинский авиазавод». Як-130 с украинским мотором АИ-222—25 в марте 2002 г. выиграл конкурс на создание лёгкого учебно-тренировочного и учебно-боевого самолёта для ВВС России⁴⁹. В августе 2003 г. было подписано соглашение об образовании совместного предприятия, которое должно было объединить производителей регионального самолёта Ан-140 — ХГАПП и самарский авиазавод «Авиакор». ЗАО «Международный авиационный проект Ан-140» предполагалось базировать в Самаре, а выпуск первого Ан-140 в Самаре намечалось осуществить в конце 2003 г. Финансирование работ по проектированию Ан-70 велось в начале XXI в. Украиной и Россией пропорционально планируемых к закупке самолётов — 72% Украиной и 28% Россией⁵⁰.

На начало XXI в. Россия и Украина сотрудничали сразу в шести крупных и наукоёмких совместных проектах в области разработки новой перспективной авиатехники.

**Важнейшие совместные проекты России и Украины
в авиационной промышленности на начало XXI в.**

Направление	Проект	Украина	Россия
Самолётостроение	Создание корпорации по производству нового пассажирского самолёта Ту-334	Киевский авиа-завод	Корпорация «МиГ», ОАО «Туполев»
	Производство широкофюзеляжных грузовых самолётов Ан-124—100 «Руслан» новой модификации, серийное производство самолётов Ан-225 «Мрия»	АНТК им. О.К. Антонова	Авиакомпания «Волга-Днепр», ЗАО «Авиастар» (Ульяновск)
	Совместное производство военно-транспортного самолёта Ан-70 и Ан-140	Киевский и Харьковский авиазаводы	Авиазавод «Авиакор» (Самара), омский авиазавод
	Совместное производство пассажирского самолёта Ан-148	АНТК им. О.К. Антонова	Авиазавод в Улан-Удэ
Вертолётостроение	Сборка готовых вертолётов Ка-226 для гражданской авиации	АООТ «Мотор-Сич» (Запорожье)	ОАО «Камов»
Двигателестроение	Совместное производство двигателей для вертолётов Ка-126 и Ми-2, самолётов Як-130, Ту-334, Ту-332, Як-48	«Прогресс», «Мотор Сич», (Запорожье)	КБ Завод им. Климова (Санкт-Петербург), Завод «Салют» (Москва) Уфимское моторостроительное объединение

Составлено по: Губарев В.А. Авиаконструкции России и Украины: состояние, взаимодействие и перспективы развития. // Промышленная политика России и Украины в условиях перехода к инновационной модели развития. М., 2003. С. 210.

Разработка 102-местного самолёта Ту-334 была начата в 1986 г. для замены ближнемагистральных самолётов Як-42 и Ту-134. Первый полёт должен был состояться в 1991 г., а серийное производство — с середины 1990-х гг. К началу 2000-х гг. по одному экземпляру самолёта было собрано в России и на Украине, серийный выпуск намечался с 2004 г. Однако, хотя к 2004 г. самолёт действительно был готов к производству, серийный выпуск так и не начался. Руководство российской Объединённой авиакорпорации сделало ставку на альтернативную Ту-334 модель — Сухой «СуперДжет», а Украина не обладала финансовыми и техническими возможностями для самостоятельного продвижения данного проекта. В 2005 г. производство этой модели было официально перенесено на Казанское авиационное производственное объединение, однако и там выпуск этих самолётов налажен не был. С 2008 г. работы по Ту-334 фактически, были заморожены.

Создание совместного российско-украинского военно-транспортного самолёта среднего класса было заторможено серьёзной политической ошибкой. На тот момент у постсоветских стран уже был очень серьёзный задел по будущему Ан-70,

а страны Западной Европы стояли перед необходимостью обновления парка военно-транспортной авиации. Между тем, даже проработанного эскизного проекта военно-транспортного самолёта нового поколения на Западе на тот момент не было. Казалось, обе стороны могут выиграть — Россия и Украина получают средства на доводку машины, а европейцы сэкономят сотни миллионов долларов на разработку нового проекта «с нуля». Согласованием технических требований занялась ведущая германская авиастроительная фирма — «Даймлер-Крайслер Аэроспейс». То, что «Даймлер-Крайслер Аэроспейс» владеет 37% акций «Эйрбас Индастри» на тот момент никого не озаботило. Однако по истечению нескольких месяцев совместных работ германские коллеги вышли из проекта, причём ряд российских экспертов обратили внимание, что по мере ознакомления с основными чертами проекта Ан-70, базовые требования к перспективному транспортному самолёту стран НАТО — А-400М постоянно корректировались, пока «натовский транспортник» не стал походить на Ан-70 даже в деталях. В конце 2001 г. восемь ведущих европейских государств приняли решение закупить для своих ВВС 196 А-400М, серийное производство которых намечалось на 2008 г. Ан-70 оказался «вне игры». Затем две аварии, произошедшие с опытным экземпляром Ан-70 и наметившийся отказ российских ВВС от закупок этого самолёта существенно замедлили работы по доводке машины. Уже в 2003 г. было очевидно, что ранее 2008 г. серийное производство Ан-70 не начнётся, поэтому главный козырь самолёта — опережающее, по отношению к А-400М, начало производства — потерял значение⁵¹.

В своё время и Россия, и Украина возлагали большие надежды на совместное продвижение в Западную Европу Ан-70 в роли перспективного военно-транспортного самолёта, однако после того, как эти планы не увенчались успехом, ситуация приняла двойственный характер. Формально, от сотрудничества никто не отказывался. Но обе страны приняли решение налаживать выпуск этого самолёта у себя. Так как уже тогда было очевидно, что не то что Украина, но и Россия не сможет реализовать на своём внутреннем рынке все выпускаемые Ан-70, конкуренция российских и украинских транспортных самолётов на мировых рынках стала неизбежной. Впрочем, этот конфликт остался сугубо теоретическим. В XXI в. в России всё чаще стали раздаваться голоса в пользу ориентации на Ту-330 как сугубо российскую альтернативу Ан-70. На практике Россия в плане производства тяжёлого военно-транспортного самолёта сделала ставку на выпуск Ил-476 и фактически самоустранилась от производства Ан-70. Только в 2011 г. украинский авиазавод «Авиант» выпустил первый серийный Ан-70. Хотя формально этот самолёт предназначался для украинских ВВС, ввиду недостатка финансовых средств, украинская армия согласилась на приобретение этой машины российским министерством обороны. А впервые поднялся в воздух первый серийный экземпляр Ан-70 и вовсе только в сентябре 2012 г. Как видим, отсутствие надлежащей координации и сотрудничества России и Украины в области военно-технического сотрудничества привели к тому, что обе страны вплоть до 2010 г. не получили перспективного тяжёлого военно-транспортного самолёта и потеряли весьма перспективный рынок на международной арене.

Первый полёт российского варианта ближнемагистрального самолёта Ан-140, разработанного АНТК им Антонова, был намечен на май 1999 г. Развернулась своеобразная борьба за место изготовления основной массы комплекту-

ющих для этой модели. Руководство «Авиакора»⁵² указывало на то, что многие компоненты самолёта могут быть изготовлены в России, причём в этом случае их стоимость будет вдвое ниже, чем при изготовлении на Украине. Таким образом, Ан-140 с использованием украинских поставок имел бы себестоимость около 8,5 млн долл., а при использовании преимущественно российских агрегатов и деталей — 6,5 млн долл. Однако АНТК им Антонова, опасаясь выведения украинских предприятий из числа поставщиков комплектующих, отказывалось передать на «Авиакор» техническую документацию по крыльям самолёта, настаивая на изготовлении этих агрегатов в Харькове⁵³. В результате производство Ан-140 в Харькове началось в 1999 г., в Иране (Исфахан) — в 2001 г., и только в 2005 г. — в Самаре.

На начало XXI в. российские и украинские предприятия совместно разрабатывали и производили около 15 моделей авиадвигателей. Обычно обе стороны имели равные права на интеллектуальную собственность, а производство организовывалось исходя из соображений производственной оптимальности. Например, авиадвигатель АИ-222 для учебно-боевого самолёта Як-130 был разработан Запорожским моторостроительным КБ «Прогресс», а 85% его комплектации и производства были закреплены за московским заводом «Салют». Серийный выпуск моторов Д-436 для самолётов Ту-334 и Бе-200 планировалось развернуть как на запорожском заводе «Мотор-Сич», так и в России на Уфимском моторостроительном объединении и заводе «Салют». Вообще, можно сказать, что «Мотор-Сич» в те годы выжил в основном за счёт сотрудничества с российскими контрагентами. Так, на начало XXI в. объём договоров «Мотор-Сича» только с Петербургским заводом им. Климова в 5 раз превышал сумму финансирования запорожского предприятия из украинского государственного бюджета⁵⁴.

Следует учитывать, что в 1990-е гг. российско-украинское сотрудничество в области авиастроения серьёзно тормозилось таможенными платежами, которые налагались на продукцию авиапредприятий, поставлявшейся из страны в страну. Только в середине 2002 г. между Россией и Украиной был введён льготный режим налогообложения при взаимных поставках узлов и агрегатов авиатехники.

Понимание необходимости совместных действий на авиарынке привели обе страны к разработке и принятию в 2002 г. Единой межгосударственной программы по замене выходящей из строя гражданской авиатехники.

Достаточно интенсивно Россия и Украина сотрудничали и в области ракетно-космических технологий. В этой области совместные усилия были сосредоточены на двух важнейших проектах: «Морской старт» (запуск ракетносителя с морской платформы, дислоцированной близ экватора) и «ГлобалСтар» (сеть низкоорбитальных спутников для предоставления услуг мобильной связи). В обоих проектах ключевым элементом была ракетноситель «Зенит», разработанная КБ «Южное» и производившийся объединением «Южмаш» в кооперации с российскими предприятиями (приблизительно 2/3 стоимости готовой ракеты приходилось на комплектующие российского производства)⁵⁵.

Запуски «Зенита» для «Глобал Стара» осуществляли российские военно-космические силы с космодрома «Байконур». Итогом российско-украинского сотрудничества в ракетно-космической сфере стала разработка и произ-

водство ракетносителя «Циклон», выпускаемого совместно и используемого для запуска спутников МО РФ⁵⁶.

Ещё одним сюжетом, в которой российско-украинское сотрудничество в оборонной сфере развивалось отнюдь не столь радужно, как хотелось бы, стал вопрос о крымском полигоне палубной авиации — НИТКА. Наземный испытательный тренировочный комплекс авиационный (НИТКА) был построен на рубеже 1970-х — 1980-х гг. в Крыму близь города Саки и при разделе военного имущества Советского Союза закономерно отошёл к Украине. Так как единственный действующий авианосец советской постройки достался России, разумным выглядело российско-украинское сотрудничества в деле подготовки российских пилотов для палубной авиации. Практически ежегодно российские самолёты Су-25УТГ и Су-33 прибывали в Саки на НИТКА для отработки взлёта и посадки на палубу, а также — иных упражнений, необходимых для подготовки пилота палубной авиации. Однако с приходом к власти команды Ющенко ситуация стала меняться. Хотя «учебный сезон» 2008 г. был оплачен российской стороной заблаговременно, 9 августа 2008 г. Киев запретил российским пилотам прибыть в Саки на основании того, что российский черноморский флот участвует в боевых действиях против Грузии. Хотя в 2010 г. тренировки российских пилотов на комплексе НИТКА в Крыму возобновились, было очевидно, что Россия более не может зависеть в плане подготовки морской авиации от благоволения Киева. В 2011 г. в Ейске (Краснодарский край) началось сооружение российского тренировочного комплекса, аналогичного крымскому⁵⁷. Как видим, Украина потеряла ещё один рынок военно-технического сотрудничества. Впрочем, события 2013—2014 гг. сделали этот вопрос уже неактуальным.

Инвестиционное сотрудничество

Помимо прямых торговых операций и кооперативных поставок, к числу основных форм экономических контактов относится и инвестиционное сотрудничество, при котором капитал одной страны приходит в другое государство в форме прямых иностранных инвестиций (ПИИ). На начало 1990-х гг. ПИИ воспринимались и в Киеве и в Москве, по умолчанию, как инвестиции западных государств — на постсоветское пространство. Вопрос об инвестициях из, скажем, России на Украину не ставился, как очевидно бессмысленный. Однако, начиная с середины 1990-х гг. ситуация стала меняться. Всё чаще российские коммерсанты стремились вложить капитал в украинские предприятия.

При чтении нижеследующих строк следует иметь в виду, что анализ реального масштаба взаимного российско-украинского инвестирования существенно осложняется двумя обстоятельствами, относящимися к базовым вопросам методологии. С одной стороны, данные российской и украинской статистики на протяжении послесоветского двадцатилетия были, как правило, несопоставимы. Даже в учёте ПИИ в России и на Украине существуют отличия, так как российская статистика не относит к прямым инвестициям ряд видов трансфертов, которые на Украине учитываются как ПИИ⁵⁸. Во-вторых, отследить

разнообразные «обходные» финансовые потоки, направляемые через компании оффшорных зон, опять-таки, как правило, невозможно.

Начать рассмотрение сюжетов инвестиционного сотрудничества между Россией и Украиной, вероятно, будет целесообразно с середины 1990-х гг. К этому моменту, наряду с сотрудничеством в форме кооперативных поставок и торговых контрактов, широкое распространение получила практика создания совместных российско-украинских предприятий. На начало 1999 г. на их долю уже приходилось 70%⁵⁹ всех российских ПИИ в украинскую экономику, а к началу 2000 г. — 82,6%⁶⁰. Судя по всему, столь высокая популярность такой формы инвестирования, как создание совместных предприятий (СП), объяснялась затруднениями, которые испытывали российские коммерсанты при попытке прямой покупки акций украинских предприятий. До 2000 г. степень либерализации экономики на Украине была существенно ниже, чем в России, поэтому желающим инвестировать в украинскую экономику предпринимателям из-за рубежа приходилось прибегать к разнообразным обходным схемам. В результате этих обстоятельств Украина явно не входила в число приоритетных рынков для российских инвесторов. На конец 2000 г. на Украину приходилось лишь 5,6% инвестиций России в экономику стран СНГ. Для сравнения, например, на Белоруссию приходилось 82,2, а на Молдавию — 11,6%⁶¹. А вот украинские инвестиции в Россию, напротив, составляли 46% от всех ПИИ постсоветских стран в РФ⁶². Впрочем, малая приоритетность украинского рынка для российских инвесторов была величиной, в известной степени, относительной. Это для деловых кругов России вложения в Украину составляли лишь 5,6% инвестиций в постсоветское пространство, для самой Украины это означало куда как больше. На начало XXI в. Россия входила в пятёрку крупнейших стран-экспортёров капитала на Украину. На октябрь 2000 г. на США приходилось 570,6 млн долл. прямых иностранных инвестиций на Украину, на Нидерланды — 297,8 млн, на Россию — 288,1 млн, на Германию — 240,5 млн, на Великобританию — 238,5 млн долл.⁶³ Интересно, что Украина оказалась единственной постсоветской страной, в которой Россия входила в первую тройку иностранных инвесторов, причём за 1997—2001 гг. доля российских ПИИ возросла с 6,8 до 9,8%⁶⁴. Впрочем, ряд исследователей считают, что Россия была лишь на четвёртом месте среди стран-инвесторов капитала на Украину, однако и они признают, что во второй половине 1990-х гг. удельный вес прямых иностранных инвестиций из России на Украину постоянно возрастал.

На начало 2000 г. существовала возможность одномоментного крупного увеличения российских ПИИ на Украину. К этому моменту украинская задолженность за поставки российского газа по российским данным составляла 2,8 млрд долл., а по украинским — 1,8 млрд долл., причём было очевидно, что оплатить эти долги украинская сторона не в состоянии. Возможность выхода из сложившегося положения сулило подписанное в начале 2000 г. соглашение о возможности погашения долга ценными бумагами из списка 100 наиболее привлекательных украинских предприятий. Из этой сотни российские представители проявили интерес к приблизительно 60 предприятиям (в основном — химические и металлургические заводы, а так же объекты трубопроводной сети)⁶⁵. Однако затем украинская сторона отказалась от идеи погашения задолженности акциями предприятий.

Таблица 2

Объём прямых инвестиций РФ в экономику Украины в 1996—2001 гг.

Показатели	1996 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Общий объём прямых инвестиций в экономику Украины (млн долл.)	896,9	2810,7	3281,8	3865,5
В том числе — из РФ	50,0	187,2	287,9	314,3
Удельный вес российских инвестиций (%)	5,6	6,7	8,8	8,1
Место России среди стран-доноров по объёмам прямых инвестиций	V	V	IV	IV
Общий объём инвестиций на душу населения (долл.)	17,55	58,8	66,9	79,2
Объём российских прямых инвестиций на душу населения (долл.)	0,98	3,78	5,87	8,05

Составлено по: Запатрина И. Формирование национальных проектов: зарубежный опыт и возможности для Украины // Экономика Украины. 2008. №1. С. 83.

Таблица 3

Экспорт прямых инвестиций из Украины в 1996—2001 гг.

Показатели	1996 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Экспорт прямых инвестиций из Украины в страны мира (млн долл.)	84,12	97,47	98,49	98,48
В том числе — в Россию	52,1	16,74	16,41	15,93
Удельный вес экспорта украинских инвестиций в РФ (%)	61,9	16,3	16,7	16,2
Место России среди стран-реципиентов украинских ПИИ	I	II	II	III

Составлено по: Паршиков А.М., Бакуменко В.В. Инвестиционные связи между Россией и Украиной в области энергетики // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2001. № 4. С. 110.

Что касается встречных инвестиций Украины в российскую экономику, то тут следует отметить несколько тенденций. Во-первых, в абсолютных цифрах, украинские капиталовложения были на 1—2 порядка меньше российских. Украинская экономика попросту не имела достаточных валютных резервов, что бы вести сколько-нибудь масштабное инвестиционное наступление. Во-вторых, удельный вес капиталовложений в Россию был мал, и имел тенденцию к дальнейшему сокращению. К 2001 г. Россия сместилась на третью позицию среди стран-получателей ПИИ с Украины.

На 1 января 2001 г. наибольшая доля украинских зарубежных инвестиций приходилась на Панаму (47,55%) и Вьетнам (16,34%)⁶⁶.

В дальнейшем удельный вес российских ПИИ в украинскую экономику пошёл на спад, и в 2002 г. он составлял лишь 6,7%, а Россия стала из третьего — лишь пятым инвестором Украины. Причём 42% от общего объёма российских инвестиций на 2002 г. приходилось на предприятия по производству кокса, нефтеперерабатывающие предприятия и атомную энергетику⁶⁷. Подавляющее

большинство российских ПИИ (около 90%) приходилось на Полтавскую обл., Автономную республику Крым, Киев, Севастополь и Ровенскую область.

Таблица 4

Взаимные инвестиции России и Украины в 2005 г. (тыс. долл.)

Показатель	Накопленные инвестиции (всего)	В том числе			Направлено в 2005 г.
		прямые	портфельные	прочие	
Российские инвестиции в украинскую экономику	515981	112755	381942	21284	155176
Украинские инвестиции в российскую экономику	64651	38816	965	24870	232870

Составлено по: Белоблоцкий Н. Динамичные украинско-российские экономические связи — основа эффективности СНГ // Проблемы теории и практики управления. 2002. № 4. С. 100.

Как видим, почти три четверти накопленных к 2005 г. российских инвестиций в украинскую экономику приходилось на портфельные инвестиции. По итогам 2005 г. Украина была четвертой в списке получателей инвестиций из России. Если же посмотреть на этот вопрос с украинской точки зрения, то Россия была шестой среди зарубежных инвесторов в украинскую экономику. На неё приходилось 4,9% всех ПИИ. При этом следует учитывать, что значительная доля ПИИ в Украину приходилось на компании, зарегистрированные в различных оффшорных зонах. Хотя формально инвестиции из штата Делавер, с Виргинских островов или с Кипра учитывались как поступившие из США, Великобритании или Кипра, в реальности за ними нередко стояли украинские или российские компании. Интересно, что в конце 2004 г., в период неопределённости между вторым и «третьим» туром президентских выборов на Украине поток ПИИ как из России, так и из оффшорных зон резко сократился. И напротив, после прихода к власти президента Ющенко оба потока ПИИ — и российский, и «оффшорный» — столь же резко выросли. Видимо, с одной стороны, стабилизация политической ситуации привела к тому, что, наконец стали выполняться финансовые транзакции по соглашениям, достигнутым ранее; а с другой стороны — декларируемая Ющенко приверженность курсу экономического либерализма привела к дополнительному росту заинтересованности во вложениях в украинскую экономику. Впрочем, как показала практика, реальное воплощение может существенно отличаться от деклараций, поэтому уже во втором квартале 2005 г. поток инвестиций начал сокращаться⁶⁸. К концу 2005 г. российский капитал владел значительными пакетами ведущих телекоммуникационных компаний, контролировал около 65% рынка цветной металлургии и в том числе — порядка 90% алюминиевой промышленности⁶⁹.

Как видно из таблицы, украинские инвестиции в Россию на протяжении 2000—2007 гг. выросли лишь вдвое, не преодолев за семь лет даже двухсотмиллионную отметку. Напротив, российские инвестиции за этот период выросли в 5 раз, вплотную подойдя к рубежу в полтора миллиарда долларов. Хотя украинские инвестиции в Россию выглядели куда менее значимыми, следует отметить, что на них приходилось практически половина вообще всех зарубежных

Таблица 5

Данные о взаимных прямых инвестициях за 2000—2007 гг. (млн долл.)

Прямые инвестиции	2000	2004	2005	2006	2007
России на Украине	286,6	720,8	835,8	980,8	1462,2
Украины в России	68,1	97,3	102,9	93,2	148,6

Составлено по: Вардомский Л.Б. Взаимные экономические связи в контексте модернизации экономики России и Украины // Экономика і прогнозування. Київ. 2009. № 1. С. 82.

инвестиций Украины. При этом на второго получателя украинских инвестиций — Польшу — приходилось лишь 9% украинских зарубежных вложений. Таким образом, Россия являлась ключевым рынком зарубежных инвестиций для Украины⁷⁰.

На 2008 г. Россия была 6-й (по величине вложенных ПИИ) страной-инвестором Украины⁷¹, однако следует учитывать, что её опережал Кипр (первое место), а сразу за ней в перечне стран-инвесторов шли Виргинские острова. Это оффшорные зоны, в связи с чем отследить там российские капиталы затруднительно, поэтому реальная доля российских капиталов, с учётом действующих из оффшорных зон «анонимов», могла в реальности оказаться много больше⁷².

Хотя Россия была лишь шестой в списке внешних зарубежных инвесторов (удельный вес российских инвестиций в 2000—2007 гг. колебался в районе 4,5—5,5%), следует отметить, что российские капиталы были вложены в наибольшее число украинских предприятий — в 2031. Для сравнения, на 2007 г. кипрские инвестиции поступили на 1809 предприятий, американские — на 1468, британские — на 1048⁷³. Наибольшую активность российские инвесторы проявляли в нефтепереработке и производстве кокса — там им принадлежало 33,2% всех прямых иностранных инвестиций в эти отрасли.

Инвестиции российского бизнеса в украинскую экономику

Начало денежного этапа приватизации на Украине привело к резкому росту российских инвестиций на Украине. Начало этому процессу дало приобретение в 2000 г. сразу двух ключевых украинских предприятий российскими инвесторами. «Русский алюминий» получил контрольный пакет акций (66%) Николаевского глинозёмного завода, а «Тюменская нефтяная компания» приобрела 67% ОАО «Лисичанскнефтеоргсинтез». Несколько позднее аффилированная с российской компанией «ЛУКОЙЛ» фирма «ЛУКОЙЛ-Нефтехим» купила 92,5% нефтехимического комплекса «Ориана» (г. Калуш Ивано-Франковской обл.). В 2001 г. российский «Агрохимпромхолдинг» через свою дочернюю компанию «Украгрохимпромхолдинг» приобрёл контрольный пакет акций завода «Ривне-азот»; ЗАО «АвтоВАЗ-Инвест» купило 68% акций Запорожского алюминиевого комбината и, наконец, 70% акций Львовского автобусного завода приобрело российско-украинское СП «Сил-Авто»⁷⁴. В цветной металлургии Украины уже к началу XXI в. практически все командные высоты принадлежали российскому капиталу. Так, контрольный пакет акций Ни-

колаевского глинозёмного завода был куплен компанией «Русский алюминий», Запорожского алюминиевого завода — компанией «АвтоВАЗ-инвест», Побугского ферроникелевого завода — компанией «Никомед»⁷⁵. В результате на 1 января 2002 г. Россия занимала 5 место среди всех стран-инвесторов в Украину (6,7% всех ПИИ, 295 млн долл.)⁷⁶. Уже к 2004 г. российский бизнес контролировал 83% украинской нефтеперерабатывающей промышленности, 67% цветной металлургии (в том числе — 90% производства алюминия), 36% всех приватизированных областных энергетических компаний, по 33% в машиностроении и банковской сфере, и по 20% — в чёрной металлургии и газовой промышленности. В руках российских инвесторов находилось 30% украинского рынка молочных продуктов и около половины украинского рынка телерекламы и мобильной связи. В 2004 г. российская АФК «Система» приобрела ведущую украинскую IT-компанию «Квазар-Микро», но в 2009 г. «Квазар-Микро» восстановил свою самостоятельность⁷⁷.

С приходом к власти команды Ющенко встал вопрос о пересмотре ряда приватизационных сделок, заключённых, по мнению нового руководства Украины, с теми или иными нарушениями законности. Первоначально, в ходе предвыборной программы, речь шла о 30 предприятиях, приватизация которых вызывала вопросы. Однако после победы на президентских выборах лидеры «Оранжевой революции» объявили о более чем 3000 фактах незаконной приватизации. В число сомнительных приватизационных сделок попало и несколько крупных инвестиционных проектов российского бизнеса. В частности, обсуждался вопрос о возможной реприватизации Ингулецкого горно-обогатительного комбината, Запорожского алюминиевого комбината, Николаевского глинозёмного завода, «Укртатнафты» и ряда других, менее крупномасштабных экономических объектов в области нефтепереработки, электроэнергетики и телекоммуникаций⁷⁸. Помимо этого, под вопрос ставилась законность ряда российских инвестиционных проектов, связанных с рекреационными объектами в Крыму. Так, например, в мае 2005 г. прокуратура Крыма потребовала вернуть государству приобретённый Внешторгбанком пансионат «Глицина». Тогда же прокуратура Украины поставила под сомнение оценку стоимости земельного участка в Алуште, проданного Национальному резервному банку под пансионат «Море». В Хозяйственный суд Киева был направлен иск о признании недействительной сделки по приобретению Национальной резервной корпорацией половины акций отеля «Украина». Реакция не только российских, но и вообще — зарубежных инвесторов на этот курс была, в целом, скорее негативной. Разумеется, новая политика позволяла рассчитывать на покупку перспективных украинских экономических объектов, приватизация которых в прошлом проводилась по весьма непрозрачной схеме только среди «особо приближённых» субъектов хозяйствования. Однако, в то же время, основная масса инвесторов опасалась, что очередной передел собственности обернётся для них скорее потерей уже имеющегося, нежели приобретением новой собственности. Достаточно часто новой украинской администрации выдвигались обвинения в весьма выборочном применении реприватизационных мер, в ходе проведения которых на «грешки» дружественных бизнес-структур смотрели сквозь пальцы, зато от всех прочих требовали быть святее Папы Римского. Наконец, российские инвесторы начали голосовать против нового курса

рублём — в 2005 г. Национальная резервная корпорация заявила о приостановке своих инвестиций на Украину⁷⁹. Под влиянием этих обстоятельств сменивший кабинет министров Ю.В. Тимошенко правительство Ю.И. Еханурова отказалось от реприватизационного курса своих предшественников.

В общем-то, по большому счёту, основная масса собственности российских инвесторов реприватизации избежала. «Русал» удержал Николаевский глинозёмный завод, а «АвтоВАЗ-Инвест» — 68% акций Запорожского алюминиевого комбината. Несколько затянулось разрешение вопроса с акциями Кременчугского нефтеперерабатывающего завода, находившимися в распоряжении компаний, аффилированных с «Татнефтью», однако, в конце концов, и в этом сюжете интересы российских инвесторов были защищены. По сути, единственным инвестиционным проектом, пострадавшим от реприватизационного курса Ющенко-Тимошенко, стал пансионат «Глициния», который Внешторгбанк принудили вернуть в собственность Украины⁸⁰.

В первом десятилетии XXI в. наиболее активными на украинском рынке российскими инвесторами являлись «Лукойл» и ТНК, контролировавшие соответственно 15 и 30% оптового рынка нефтепродуктов Украины, «Сибур» (производство минеральных удобрений), «Русал» (Николаевский глинозёмный завод), «АвтоВАЗ» (Запорожский алюминиевый комбинат), «Татнафта» (Кременчугский НПЗ)⁸¹. Российско-британская компания ТНК-ВР только к 2005 г. инвестировала в Лисичанский НПЗ 180 млн долл. «Укртатнафта» вложила 180 млн долл. в различные объекты нефтепереработки на Украине. Холдинговая компания «Группа-Альянс» принимала участие в реконструкции Херсонского НПЗ, а «Лукойл» приступил к модернизации Одесского НПЗ.

Вообще, российские инвестиции в украинскую нефтеперерабатывающую промышленность были столь крупномасштабны, что на этом сюжете хотелось бы задержаться несколько подробней. На момент распада СССР Украина покрывала за счёт собственного производства около 20% внутреннего рынка нефтепродуктов. К началу XXI в. этот показатель возрос до 80%, что естественным образом стимулировало рост импорта сырой нефти. Активный рост поставок нефти начался только после перехода ряда украинских нефтеперерабатывающих заводов (НПЗ) в руки российских собственников. Так, если в 1995 г. экспорт нефти из России на Украину составлял 16,3 млн т, то в 2002 г. он составил уже 21,7 млн т⁸². Собственно, именно гарантии поставок нефти на украинские НПЗ было ключевым условием для допуска российского бизнеса к приватизации украинского нефтепрома. К 2004 г. российские деловые структуры уже достаточно глубоко инкорпорировались в нефтеперерабатывающую отрасль Украины. На НК «Лукойл» приходилось около 15% украинского рынка нефтепродуктов. Ещё в 1997 г. было создано дочернее предприятие «Лукойла» — «Лукойл-Крым». В 1999 г. «Лукойл» получил контрольный пакет акций Одесского НПЗ. В начале XXI в. интересы «Лукойла» на Украине представляло ЗАО «Лукойл-Украина», которой реализовывало продукцию Одесского НПЗ через собственную розничную сеть. Кроме собственно торговых точек, в эту сеть входили транспортная и складская инфраструктура, а также дочерний банк. Так как деятельность «Лукойл-Украины» приобрели значительный территориальный размах, было принято решение выделить в его

структуре 5 территориально-производственных управлений. Ввиду того, что доставка нефтепродуктов из Одессы в восточные регионы страны была связана с определёнными транспортными издержками, «Лукойл-Украина» вела (по договорённости с «Татнефтью») переработку нефти и на Кременчугском НПЗ. «Лукойл» — один из наиболее успешных, но далеко не единственный пример российско-украинского делового сотрудничества в нефтеперерабатывающей отрасли. Нефтеперерабатывающий завод «Лисичанскнефтеоргсинтез» был приобретён «Тюменской нефтяной компанией» (ТНК), Кременчугский НПЗ вступил в соглашение с «Татнефтью», результатом чего стало создание ЗАО «Укртатнафта», Херсонский НПЗ был приобретён «Роснефтью»⁸³.

Надо отметить, что, вопреки ожиданиям, приход к власти команды Ющенко, известной своими прозападными симпатиями, масштабы российского инвестирования в украинскую экономику после 2005 г. начали не просто возрастать, а приобрели какие-то фантастические темпы. Если за четырёхлетие 2001—2004 гг. российские ПИИ в украинскую экономику возросли в 1,3 раза, то за четырёхлетие 2005—2008 гг. — в 4 раза.

Таблица 6

Динамика российских ПИИ в экономику Украины (млн долл.)

Год	Российские инвестиции (на начало года ⁸⁴)
1995	19,1
1996	50,0
1997	106,2
1998	152,6
1999	187,2
2000	207,9
2001	286,6
2002	295,1
2003	322,6
2004	377,6
2005	457,5
2006	799,7
2007	980,8
2008	1851,6

Составлено по: Вашанов В.А., Бровчук Г.Ю. Экономическое сотрудничество России и Украины. М., 2004. С. 127.

Присутствие российского капитала на украинских рынках к концу 2000-х гг. можно охарактеризовать следующими примерами. На финансовом рынке из 182 действовавших в 2008 г. на территории Украины банков 8 — находились под полным контролем российских финансовых институтов. В нефтеперерабатывающей промышленности российским субъектам принадлежало 4 из 6 существовавших на Украине НПЗ. В пищевой промышленности российские компании владели пятью заводами, что позволяло контролировать приблизительно 30% рынка. Российскому капиталу принадлежали Лисичанский, Херсонский и Одесский НПЗ, Николаевский глинозёмный завод, Запорожский алюминиевый комбинат, ЗАО «Украинские радиосистемы». Кроме того, российский капитал был представлен в четырёх крупнейших предприятиях по переработке подсолнеч-

ника (это составляло около 20% рынка). Доля украино-российско-белорусской компании «Курганский бойлер» на украинском рынке мяса птицы составляла 7%. Российские операторы сотовой связи — МТС и «Билайн» поставили под свой контроль ведущих сотовых операторов Украины («Киевстар» и «Голден Телеком») ⁸⁵. В чёрной металлургии российский капитал контролировал около 10% рынка. Так, Evras Group приобрела часть акций металлургических, коксохимических и рудных предприятий группы «Приват». В алюминиевой промышленности группой «УкрСибБанк» совместно с холдингом «Русал» было приобретено 95% ОАО «Николаевский глинозёмный завод» ⁸⁶. Помимо всего прочего, российским инвесторам принадлежало ещё 150 объектов в Крыму, в том числе — 61 здравница ⁸⁷. Наиболее широко на Украине были представлены капиталы таких российских корпораций, как «Лукойл», «Альфа-Групп», «Базовый элемент» и АФК «Система» ⁸⁸. Основная масса российских ПИИ направлялись в 5 регионов Украины — Полтавскую область, АР Крым, Ровенскую область и города Киев и Севастополь. В отраслевом разрезе российские инвестиции на конец 2000-х гг., как правило, шли в нефтепереработку, нефтехимию, производство и утилизацию ядерного топлива, производство кокса и горно-металлургический комплекс ⁸⁹.

Хотя объём украинских инвестиций в России был намного меньше, нельзя не отметить, что ряд украинских компаний так же владели в России достаточно значимой собственностью. Так, например, украинская кондитерская ассоциация «Рошен» приобрела Липецкую фабрику, «Запорожсталь» купил 60% акций металлургического завода «Красный Октябрь» в Волгограде, несколькими заводами в России владела украинская компания «Союз-Виктан», производящая алкогольные и безалкогольные напитки ⁹⁰. На 2008 г. было зафиксировано снижение украинских ПИИ в российскую экономику с 148,6 млн долл. до 99,9 ⁹¹.

Газовый вопрос в двусторонних отношениях

Проблема расчётов за потребление российского газа на Украине и транзит этого же газа через территорию Украины составляла (и видимо, ещё некоторое время будет составлять) особую статью российско-украинских экономических взаимоотношений. Как уже говорилось выше, поставки энергоносителей и, в первую очередь — именно природного газа — составляли на протяжении 1990-х — 2000-х гг. основную массу российского экспорта на Украину, поэтому вопрос определения цены за газ был для России крайне важным. Ещё более важным он был для Украины, находящейся в топливной зависимости от этих поставок. В советские годы газ в УССР поставлялся по символическим внутрисоюзным ценам, что позволяло украинской экономике ощущать себя достаточно комфортно. Однако после распада Советского Союза малейшее колебание цен заставляло Киев мучительно искать выход из практически безвыходного положения. И в России, и на Украине понимали, что в обозримом будущем Киев не сможет расплатиться с «газовыми долгами», стремительно нараставшими с середины 1990-х гг. Однако именно через Украину пролегал практически единственный на тот момент транзитный трубопровод, по которому российский газ мог экспортироваться в Западную Европу. Таким образом, не

только российские поставки газа были жизненно важными для Украины, но и украинские транспортные услуги были не менее необходимы для России. В результате сложилось некоторое равновесие, при котором обе стороны предпочитали откладывать окончательно решение конфликта «на потом». Впрочем, надо признать, что в этом вопросе позиции Киева были явно сильнее.

Во-первых, газ Украиной потреблялся по демпинговым ценам, а то и вовсе в кредит — сейчас, а оплата откладывалась на неопределённый срок. Таким образом, включалась логика «а там или я, или эмир, или ишак — кто-нибудь да сдохнет». Можно было рассчитывать на списание долга, на его реструктуризацию, на обесценивание денег в результате инфляции и так далее, и в том же духе.

Во-вторых, степень зависимости России в данных вопросах была всё же больше. Сугубо теоретически Украина могла переориентироваться на снабжение сжиженным газом, поставляемым танкерами, на природный газ, поставляемый из Туркмении и других стран, форсировать внедрение энергосберегающих технологий или найти иные способы сокращения зависимости именно от российского газа. Россия в обозримые сроки построить обводной газопровод была не в состоянии. С учётом того, что даже на 2005 г., после ввода в строй обводящих трубопроводов через Белоруссию и Турцию, порядка 85% российского экспорта газа по-прежнему шло именно через украинскую газотрубопроводную сеть (ГТС)⁹², эта газовая магистраль на протяжении всего рассматриваемого периода имела для России ключевое значение.

Наконец, следует учитывать, что плата за транзит российского газа сама по себе составляла немаловажный сегмент доходной части торгового баланса Украины. В 1998—1999 гг. доходы страны за предоставление транзитных услуг составляли 10—12% ВВП⁹³.

Газовые долги Украины за поставленный газ начали нарастать с начала 1990-х гг. Уже в 1993 г. развернулся первый газовый конфликт между Россией и Украиной. После того, как украинский долг за поставленный газ составил 138 млрд руб., «Газпром» пригрозил прекратить поставки газа⁹⁴. Именно тогда «Газпром» впервые выразил готовность принять в счёт погашения долга акции тех или иных украинских предприятий. В ответ Киев заявил о готовности блокировать газовый транзит в Западную Европу. Впрочем, в тот раз вопрос удалось достаточно быстро урегулировать политически. Собственно, урегулирование заключалось в том, что «Газпром» продолжал поставлять газ, а Украина продолжала не платить. В марте 1994 г. газовый долг Украины уже дорос до отметки «триллион рублей», и «Газпром» вновь поставил вопрос о прекращении поставок. И вновь вопрос был «урегулирован политически». На этот раз Киев обещал в месячный срок предоставить график погашения задолженности, но реально такой график представлен так и не был.

Надо отметить, что, помимо вышеупомянутых факторов, определявших российскую уступчивость, и, соответственно — украинскую настойчивость, в газовом вопросе, существовал и ещё один аспект этой проблемы, придававшей украинской стороне дополнительную уверенность в своих силах. Дело в том, что в конце XX в. на Украине достаточно серьёзно подходили к перспективе избавиться от топливной зависимости от иностранных (и в первую очередь — российских) поставок нефти и газа за счёт собственной добычи углеводородов. По оценкам

украинского Госкомгеологии, прогнозируемые нефтяные запасы республики на тот момент составляли порядка 5 млрд т условного топлива, в том числе около 30% из них — на шельфе. Впрочем, реально разведано на тот момент было лишь 1,4 млрд т на 300 месторождениях. В результате доступные к непосредственной добыче запасы составляли всего 200 млн т., (что было для страны масштабов Украины совершенно не достаточно), а ежегодный уровень добычи колебался в районе 4 млн т. С другой стороны, весьма соблазнительно выглядели газовые запасы, составлявшие 2 трлн. кубометров при ежегодной добыче до 18 млрд кубометров⁹⁵. Особенно важным в этом отношении было то обстоятельство, что к интенсификации добычи углеводородов на Украине пытались подключиться и иностранные инвесторы. Так, небольшая британская компания «Джей Кей Экс ойл энд ГЭС» создала совместное предприятие по добыче нефти и газа под Полтавой, а в 1997 г. к проекту присоединилась ещё одна британская фирма — «Рэмко». В 1999 г. было подписано соглашение о расширении деятельности «самого крупного иностранного инвестора» в нефтегазовом секторе страны, на которого на тот момент приходилось уже порядка 10—12% всей украинской нефтедобычи. Кроме того, было создано ещё несколько аналогичных совместных предприятий по разработке нефтяных и газовых месторождений: Донецко-Днепровско-Прикарпатского (совместно с англо-американской компанией «Шелл-Пектен»), Свиридовского (совместно с американской компанией «МАРАТОН»), Западного района (совместно с американской компанией «Фаунтин ойл») и др. В 1993 г. «Крымская нефтяная компания», созданная при участии британской фирмы «Джей-Пикени», вела разведку месторождения «Дельфин» на черноморском шельфе. Ещё одно шельфовое месторождение была намерена разрабатывать компания «Шелл-Пектен». В целом, у киевского руководства были основания предполагать, что сравнительно скоро при технической и финансовой помощи британских и американских предпринимателей Украина если не освободится от топливной зависимости от России, то кардинально снизит важность поставок углеводородов из РФ. Впрочем, реальные масштабы добычи углеводородов на Украине так и остались незначительными, а ряд совместных проектов по газонефтедобыче на украинских месторождениях были свёрнуты ещё до наступления XXI в.

В этой ситуации украинская сторона была вынуждена вновь искать консенсус с представителями «северного соседа». 22 декабря 2000 г. удалось подписать Соглашение о гарантиях транзита российского природного газа по территории Украины, что многими было на тот момент воспринято как окончательное и устраивающее всех решение вопроса. Согласно этому соглашению, Украина гарантировала России транзит через свою территорию принадлежащего «Газпрому» российского природного газа, а так же недопущение сверхконтрактных отборов этого газа. 4 октября 2001 г. положения Соглашения от 22 декабря 2000 г. были дополнены и конкретизированы в Соглашении Правительства РФ и Кабинета министров Украины о дополнительных мерах по обеспечению транзита российского природного газа по территории Украины. Этим последним договором действие Соглашения 2000 г. было распространено на 2002 г. и последующие годы вплоть до 2013 г. включительно⁹⁶. Основные положения этих соглашений в общем виде сводились к следующим пунктам.

Россия гарантировала проведение расчётов ОАО «Газпром» с НАК «Нафтогаз Украины» за услуги по транзиту российского природного газа по территории Украины или поставками газа, или (частично или полностью) — в денежной форме. Объём газового транзита и размер платежей (в денежной форме или поставками газа) должны были уточняться на основе ежегодных межправительственных протоколов на соответствующий год. Россия гарантировала транзит среднеазиатского природного газа по территории России на условиях, аналогичных условиям транзита Украиной российского природного газа в Западную Европу. Реструктуризация долга НАК «Нафтогаз Украины» перед ОАО «Газпром» должна была осуществляться в течение 12 лет. При этом льготный период составлял 3 года, а процентная ставка по дальнейшим платежам была установлена на уровне 5—6%, хотя изначально российская сторона настаивала на 10%. Собственно долг украинской стороны был оценен в размере 1,4 млрд долл., хотя «Газпром» настаивал на цифре в 1,6 млрд. Проблема состояла в том, что даже и эту, сниженную сумму Украина уплатить в обозримые сроки не могла. Официально предполагалось, что «Нафтогаз Украины» выпустит еврооблигации, которые будут реализованы на международных фондовых рынках, и из прибыли, полученной в ходе этой операции, Украина погасит свою задолженность перед «Газпромом». Однако привлекательность евробондов «Нафтогаза» для западных инвесторов была величиной весьма гадательной, что бы не сказать — сомнительной. Поэтому «Газпром» рассматривал перспективы украинской задолженности скорее пессимистично.

Но вернёмся к соглашению 4 октября 2001 г. Согласно ему Украина признавала право России контролировать реэкспорт газа, что, теоретически, должно было пресечь попытки несанкционированного отбора газа. Таким образом, важнейшими результатами договоренностей было то, что Украина получила более чем просто льготные условия реструктуризации своих «газовых» долгов, а Россия — гарантии прекращения несанкционированных и сверхконтрактных отборов, которые случались в 1992—2000 гг. удручающе часто, а также контроль над реэкспортом газа.

Рассматривая договорённости 2001 г. как опорный базис всей системы российско-украинского взаимодействия в газовом вопросе, Москва приступила к выстраиванию своей дальнейшей политики в этой области. Основные направления российско-украинского сотрудничества в газовой сфере на перспективу были сформулированы в межправительственном Соглашении о стратегическом сотрудничестве в газовой отрасли от 7 октября 2002 г. К таким направлениям были отнесены:

А) Разработка совместного баланса и обеспечение транзита природного газа.

Б) Строительство, реконструкция и эксплуатация газопроводов, подземных хранилищ газа и других объектов газового комплекса, предоставление сервисных услуг.

В) Разработка совместных проектов транспортировки газа по территории России и Украины на зарубежные рынки, в том числе — и с привлечением третьих стран.

Г) Содействие в разработке проектов освоения газовых месторождений на территории России и Украины.

Главным достижением данной договорённости, безусловно, следует считать решение о создании Консорциума по управлению и развитию газотранспортной системы Украины, к ведению которого были отнесены вопросы транспортировки газа, надёжности и безопасности работы газотранспортной системы Украины, создания новых мощностей по транспортировке газа по территории Украины, эксплуатации магистральных мощностей газотранспортной системы и подземных газохранилищ. Учредительные документы о создании Консорциума были подписаны 29 октября 2002 г. в Киеве представителями «Газпрома» и «Нафтогаза Украины»⁹⁷. Каждая из сторон внесла в Консорциум, юридически зарегистрированном в Киеве, по 0,5 млн долл. Это решение было крайне болезненно воспринято политическими оппонентами президента Кучмы и его команды. Оппозиционеры, составившие впоследствии костяк так называемого «оранжевого» направления в политической жизни Украины, утверждали, что газотранспортная система является стратегической структурой, и в качестве таковой не может быть ни приватизирована, ни, тем более — передана в управление иностранному капиталу. Отсюда делались уже сугубо политические выводы, в общем виде сводившиеся к тезису «Кучма продал стратегические украинские трубопроводы России за политическую поддержку Москвой режима своей власти».

В августе 2004 г. газовый сюжет получил новое развитие. Так как надежды на еврооблигации «Нафтогаза», как и ожидалось, не увенчались успехом, было найдено иное решение. Принадлежащий правительству РФ «Внешэкономбанк» выкупил право требования с «Нафтогаза Украины» долга в сумме 1,4 млрд долл. за 1,25 млрд долл. Полученные деньги «Газпром» немедленно перечислил «Нафтогазу» как авансовый платёж за транзит газа по украинской ГТС за 2005—2009 гг., а «Нафтогаз», в свою очередь, уплатил эту сумму «Внешэкономбанку» в счёт долга⁹⁸. Надо отметить, что на тот момент все были если не «довольны», то, как минимум, удовлетворены. Украина, признав в 2001 г. долг в размере 1,4 млрд, реально уплатила лишь 1,25 млрд долл. «Газпром», уже давно считавший украинский долг безнадёжным, сумел конвертировать его хотя бы в авансирование услуг. Особенно важным в этом контексте был взятый курс на перевод оплаты транзита с бартера на оплату твёрдой валютой. В 2004 г. «Газпром» транспортировал через украинскую ГТС 110 млрд кубометров газа; при этом оплата транзита на 90% пришлась на бартер (23 млрд кубометров) и лишь 10% — на валюту (130 млн долл.)⁹⁹. Авансирование транзитных услуг позволило «Газпрому» рассчитывать на поэтапное сокращение удельного веса бартера в оплате транспортировки газа с тем, что бы к 2009 г. снизить его до 15 млрд кубометров газа. Тогда же были согласованы базовые цены. Украина покупала российский газ по цене 50 долл. за тысячу кубометров, а Россия уплачивала 1,09 долл. за каждую тысячу кубометров газа, идущую через Украину транзитом¹⁰⁰. С учётом того, что в другие страны СНГ Россия поставляла в 2005 г. газ по цене 80 долл. за тысячу кубометров, можно сказать, что данное соглашение так же следует записать в актив украинской стороны. На 2004 г. Украина «обнулила» свою задолженность и получила льготные цены на газ, то есть выполнила свою задачу—«максимум». Можно предположить, что Россия в данном случае вновь пошла на уступки Украине, надеясь таким образом подкре-

пить позиции пророссийской части украинской политической элиты. Однако в ноябре—декабре 2004 г. на Украине произошла так называемая «оранжевая революция» и все российские жертвы оказались бесплодны.

Новое руководство Украины отказалось от планов создания Консорциума и заявило, что считает украинскую газотрубопроводную систему стратегическим достоянием страны, не подлежащим передаче в чужие руки. Надо признать, что украинская ГТС действительно являлась (и поныне является) немалой ценностью. Газотрубопроводная система Украины представляла собой составное звено одного из крупнейших магистральных трубопроводов мира Уренгой — Помары — Ужгород. Длина украинской ГТС на 2005 г. составляла около 35 тыс. км, дополненных соответствующей инфраструктурой в составе 122 компрессорных станций и 13 подземных хранилищ. Суммарная пропускная мощность ГТС равнялась 170 млрд кубометров газа в год. Однако реальная загрузка трубопровода была куда меньше, так в 2001 г. через украинскую ГТС было пропущено 105, а в 2004 г. — 110 млрд кубометров газа¹⁰¹. Приблизительно треть ГТС к этому моменту пребывало в эксплуатации уже от 25 до 50 лет, половина используемых труб уже в той или иной степени подверглось коррозии, а суммарный объём требуемых для ГТС инвестиций составлял 1,5—2 млрд долл. Тем не менее, в целом, техническое состояние украинских магистральных трубопроводов беспокойства не вызывало, так как официально срок амортизации должен был наступить где-то в районе 2035 г.

Таким образом, у Украины действительно был весьма сильный козырь. Проблема была в том, что за истекшие годы существенно изменилось отношение к «газовому вопросу» в Москве. Верх взял более прагматичный, можно сказать — жёсткий подход. Прежний курс, основанный на уговорах и апелляциях к общему прошлому, себя очевидно исчерпал. Помимо прихода к власти на Украине сил, ещё более антироссийски настроенных (хотя и до того в Киеве особого русофильства не замечалось) на первую половину 2000-х пришлось ещё несколько провалов российской дипломатии на постсоветском пространстве. К этому моменту уже обозначилось резкое охлаждение в отношениях с Грузией и Молдавией, Азербайджан выступил с инициативой создания газопровода «Набукко», идущего в обход территории России. В Киргизии разразился политический кризис, грозивший ослабить влияние России ещё и в этом регионе. В этой ситуации в Москве всё сильнее были настроения в духе «если бывшие союзные республики требуют, что бы к ним относились как к полноценным независимым государствам, то и платить за газ они должны как полноценные независимые государства, без скидок на «тяжёлое советское наследие» и апелляций к «общему прошлому». В этом русле был взят курс на повышение до среднемировых цен на газ для всех постсоветских государств. В июле 2005 г. было объявлено о поэтапном повышении цены на газ для прибалтийских республик до 120—125 дол.; в сентябре — до 110 для Грузии; в ноябре — до 110 для Армении и до 150—160 — для Молдавии. Наконец, в декабре 2005 г. была согласована новая цена (140—160 долл. за тысячу кубометров) для Азербайджана. Украина в этом плане находилась в выигрышном положении — в её распоряжении был только что подписанный контракт от августа 2004 г., который позволял юридически безусловно блокировать любые поползнове-

ния «Газпрома» к увеличению согласованной цены. Но тут фатальную ошибку совершили в Киеве.

В марте 2005 г. «Нафтогаз Украины» предложил «Газпрому» окончательно отказаться от бартерных схем при оплате транзита газа и полностью монетизировать сделки этого рода. Одновременно предлагалось и поднять транзитный тариф до 1,75—2 долл. за тысячу кубометров газа, транспортируемого через ГТС Украины. Это вызвало некоторое замешательство в «Газпроме». Видимо, в Москве шли консультации по поводу наличия политической воли к отстаиванию интересов ведущей российской корпорации. Во всяком случае, ответ «Газпрома» последовал только в июне. Российские контрагенты, в принципе, соглашались и с полной монетизацией, и с повышением транспортных тарифов, но, раз уж прежние договорённости столь очевидно денонсировались, предлагали синхронно и отпускную цену на российский газ для «Нафтогаза Украины» поднять до 160—170 долл. за тысячу кубометров. С одной стороны, это приблизительно соответствовало средневропейской цене газа, но с другой — это означало повышение цен для Украины более чем в 3 раза. Разумеется, такой оборот никак не мог вызвать энтузиазма в Киеве, поэтому вице-премьер украинского правительства А.К. Кинах предложения «Газпрома» отверг, и потребовал сохранения текущих договорённостей вплоть до 2013 г. Однако тут уже «Газпром», опираясь на факт односторонней денонсации «Нафтогазом» соглашения 2001 г., отказался возвращаться на прежние позиции. Формально данный конфликт представлял собой спор двух хозяйственных субъектов — «Нафтогаза Украины» и «Газпрома». Однако фактически, ввиду особого значения «газового вопроса» и для России и для Украины, речь шла о скорее экономическом конфликте между двумя странами, чем между двумя корпорациями. В данном случае газ был уже больше чем просто товаром. В единый жгут сплелись сюжеты как политические, так и экономические и решать эту проблему требовалось на государственном уровне.

Так как спор разгорелся летом, всем было понятно, что уж до декабря и торговля газом, и его транзит будут происходить прежним порядком. А до декабря времени много — успеем договориться — полагали в Киеве. Соответственно, и переговоры шли не слишком энергично. Помня о прошлых демаршах «Газпрома», которые окончились, по сути, ничем, в «Нафтогазе» и на этот раз ожидали, что конфликт уйдёт в песок. Однако в 2005 г. ситуация изменилась. С 2001 г. газ стал поступать в Западную Европу не только через Украину, но и через Белоруссию. Разумеется, пропускная способность нового газопровода была существенно меньше, но у России уже появилась хоть какая-то возможность маневра. Кроме того, с 2003 г. начал функционировать газопровод «Голубой поток», проложенный по дну Чёрного моря из России в Турцию. Этот трубопровод позволял в известной мере диверсифицировать маршруты поставки природного газа из России на Балканы. Наконец, решительная антироссийская риторика «оранжевых» политиков окончательно продемонстрировала Москве, что тактика уступок результатов не даёт. Поэтому российское правительство рекомендовало «Газпрому» жёсткий вариант и гарантировало политическую поддержку. Вплоть до декабря 2005 г. переговоры не дали практически никакого результата, после чего, как и ожидали в Киеве, в дело вступили представители российского правительства. Но вместо того,

как ожидали в «Нафтогазе», что бы надавить на «Газпром» и заставить строптивных коммерсантов поставить интересы «российско-украинской дружбы» превыше низменных расчётов, премьер-министр России М.Е. Фрадков уже на государственном уровне предложил Украине перейти к цене за газ в 160 долл. за тысячу кубометров. Причём — уже с 1 декабря. После того, как Киев не прореагировал на новые предложения, Фрадков сначала отменил свой визит на Украину, намеченный на начало декабря, а 13 декабря, внёс в российскую позицию существенные изменения. Так как — по его словам — за время переговоров цена на газ в Европе существенно возросла, а договор с Украиной так и не подписан, отныне речь может идти только и исключительно об отпускной цене в 220—230 долл. за тысячу кубометров, причём в дальнейшем эта цифра может быть увеличена в соответствии с колебаниями средневропейской цены. Ющенко пытался контратаковать, поднимая вопрос о синхронном повышении до «средневропейской» цены на базирование Черноморского флота России в Севастополе, а так же о возможности допуска американских специалистов на радиолокационные станции системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) в Севастополе и Мукачево¹⁰². Однако было очевидно, что никакие обходные маневры тут уже не помогут — обе стороны пошли на обострение, проверяя, у кого нервы крепче.

30 декабря украинская делегация в одностороннем порядке прервала переговоры и улетела из Москвы в Киев. 31 декабря 2005 г. уже лично президент В.В. Путин сделал украинской стороне «последнее предложение» — в случае, если новый контракт на российских условиях будет подписан в течение этого дня, на I квартал 2006 г. могут быть пролонгированы условия Соглашения августа 2004 г. Тем не менее, и на этот раз Киев предпочёл отмолчаться. В ночь на 1 января 2006 г., в связи с тем, что прежний договор о поставке газа на Украину был денонсирован, а новый — так и не подписан, подача газа на Украину была прекращена. Газовый конфликт перешёл в открытую фазу. В тоже время, транзит газа в западную Европу по украинской ГТС был продолжен. При этом Москва исходила из того, что газ, поставляемый в Европу, принадлежит западным потребителям, и украинская сторона на него претендовать не может. Киев исходил из прямо противоположной логики — сначала я возьму то, что мне нужно, а что останется, можете транспортировать в Европу. В результате «крайними» оказались именно западные потребители. В первые дни 2006 г. количество российского газа, поставленного в Венгрию упало наполовину от нормы, в Германию — на 65%, во Францию и Грецию — на 81%, в Болгарию — на 90%.

Разумеется, обе стороны моментально подверглись грандиозному политическому давлению. В ночь с 3 на 4 января 2006 г. Между Россией и Украиной наконец было подписано соглашение, которое должно было регулировать отношения в «газовом вопросе» на ближайшие 5 лет. Суть нового договора сводилась к следующему.

- В Швейцарии создавалась компания «РосУкрЭнерго», которая на паритетных началах принадлежала «Газпромбанку» и компании Centragas Holding, которая на 90% принадлежала украинскому предпринимателю Д.В. Фирташу, а на остальные 10% — другому украинскому коммерсанту, И.Г. Фурсину

- «Газпром» был обязан продавать газ именно этой компании («РосУкрЭнерго»), а не «Нафтогазу».
- Цена за российский газ для «РосУкрЭнерго» должна была соответствовать «рыночным европейским ценам», а конкретно на 2006 г. — 230 долл. за тысячу кубометров. Уже «РосУкрЭнерго» продавала газ (строго говоря, не обязательно российский) Украине (точнее — «Нафтогазу»), причём на первое полугодие 2006 г. цена для Украины была определена 95 долл. за 1000 м³ (цена исчислялась на границе России и Украины с учётом транспортных издержек).
- Транзит российского газа через территорию Украины оценивался в 1,60 долл. за тысячу кубометров на 100 км (до 1 января 2006 тариф составлял 1,09 долл.). При этом оплата за транзит полностью монетизировалась, и оплата за транзит была совершенно независима от условий поставки газа на украинский рынок. Транзит среднеазиатского газа для Украины по территории России должен был оплачиваться по тому же тарифу.

На первый взгляд, данная комбинация была откровенно убыточна для «РосУкрЭнерго», однако за счёт покупки относительно дешёвого туркменского газа¹⁰³ данная посредническая компания не только не оставалась в накладе, но и явно получала существенные прибыли. Казалось, удалось найти решение, устраивавшее всех. Однако на Украине этот договор был расценен как капитуляция перед Москвой, в результате чего правительство Ю.И. Еханурова было отправлено в отставку, а в стране разразился так называемый «политический кризис 2006 г.»

Кроме того, формальное примирение сторон отнюдь не означало урегулирования всех взаимных претензий. С 1 по 3 января Украина (по российской версии) осуществляла «несанкционированный отбор газа из трубы». Более того, российская сторона утверждала, что и после 3 января Украина отбирала из ГТС больше газа, нежели ей полагалось по контракту. Украинская сторона сначала вообще отказывалась признавать какие-то «несанкционированные отборы», потом сам факт хищений газа был признан, но начался торг по поводу конкретных масштабов отбора. Наконец, оставался спорным вопрос цены за газ «отобранный» в период, когда контракт от августа 2004 г. уже не действовал, а контракт января 2006 г. — ещё не был подписан. Украина соглашалась оплатить «отобранный» газ из расчёта 115—125 долл. за тысячу кубометров, причём срок погашения отодвигался на июнь-июль 2006 г. «Газпром», потрясая январским контрактом, настаивал на цене 230 долл. за тысячу кубометров, и требовал расчёта уже в феврале.

Пока шли весьма напряжённые переговоры по этим вопросам, под январское соглашение была подведена мина с совершенно неожиданного направления. 18 февраля о повышении цен на газ объявила Туркмения, что делало рентабельность «РосУкрЭнерго» величиной неопределённой. В результате российская и украинская стороны всё же предпочли прийти к компромиссу. «Газпром» согласился сохранить цену для «РосУкрЭнерго» в 95 долл. за тысячу кубометров, приняв на себя издержки от подорожания туркменского газа, а украинская сторона согласилась оплатить газовые долги, и даже признала теоретически возможным повысить цену на газ до 315 долл. за тысячу кубометров с 2009 г.

Казалось, вопрос исчерпан, но с декабря 2008 г. начался очередной виток газового противостояния. В 2008 г. Украина покупала газ по цене 179,5 долл.

за 1000 кубометров. На 2009 г. Россия предложила, наконец, поднять цену до мирового уровня, что не устраивало украинских представителей, так как подразумевало существенное повышение расценок. Ввиду того, что прийти к консенсусу так и не удалось, 1 января 2009 г. Россия вновь прекратила поставки газа потребителям на Украине. Киев ответил блокадой газопровода, в результате чего с 7 января прекратились и поставки газа в Европу. «Газпром» пытался парировать прекращение транзита через Украину увеличением прокачки газа через Белоруссию и Турцию, а так же закупками газа непосредственно в Европе, но кардинально это ситуацию не меняло. Лишь 19 января удалось найти компромиссное решение, согласно которому Украина получала газ по цене, исчисляемой по так называемой «европейской формуле» минус 20% скидки¹⁰⁴, а Россия получала льготный транзитный тариф на уровне 2008 г. Теперь базовая ставка стоимости газа составляла 450 долл. за тысячу кубометров, а ставка транзита — 2,04 долл. за тысячу кубометров на 100 км¹⁰⁵. Однако следует учитывать, что «базовая ставка», да ещё с учётом 20-процентной скидки, позволяла достаточно широко варьировать цену в зависимости от сезона. Кроме того, на 2009 г. Украина получила ещё один важный бонус. Москва и Киев решили отказаться от посреднических услуг «РосУкрЭнерго», а газ, принадлежащей этой компании, и физически находящийся в подземных газохранилищах на территории Украины, был передан «Газпрому», в счёт погашения задолженности «РосУкрЭнерго» перед «Газпромом», для дальнейшей продажи «Нафтогазу» по специальной цене в 154—167 долл. за тысячу кубометров. Практически это означало, что в I квартале 2009 г. Украина получала газ по цене 360 долл., во II — по 270, в III — по 219, в IV — по 162. Очевидно, что такой порядок исчисления цены побуждал Украину всемерно сократить импорт российского газа в I—II кварталах и наоборот — максимально увеличить его во втором полугодии. По оценкам украинских экспертов это позволяло по итогам года выйти на цену около 230 долл. за тысячу кубометров, что, конечно, было явно больше прежних 95 долл., но куда меньше «базовых» 450. Одновременно был подписан 10-летний контракт на транзит газа, согласно которому Россия обязывалась обеспечить в течение срока действия контракта перекачку по газопроводу по 110 млрд кубометров газа ежегодно¹⁰⁶.

Следует учитывать, что к 2009 г. расклад сил на международном газовом рынке, в определённой мере, изменился. В декабре 2008 г. министры энергетики нескольких стран, лидирующих по поставкам газа на экспорт, приняли устав и подписали соглашение о сотрудничестве, юридически оформившее создание Форума стран-экспортёров газа (ФСЭГ)¹⁰⁷. Нет сомнений, что создание ФСЭГ, как своеобразного «газового ОПЕК», заставило и Евросоюз, и Украину, по-новому взглянуть на вопросы газового транзита через украинскую территорию.

На этом мы прекращаем рассмотрение сюжетов, связанных с развитием российско-украинского взаимодействия в вопросах транзита газа через территорию Украины, так как дальнейшее относится в большей степени к сфере компетенции политиков и политологов, нежели — историков.

Подводя итог, следует признать, что в 1991—2008 гг. российско-украинские экономические связи были куда шире собственно трансграничной торговли двух стран. Однако, в целом, общий вектор развития как торговых, так и вне-

торговых экономических контактов совпадал. Нацеленность украинского истеблишмента на сближение только и исключительно с западными партнёрами и панический страх перед любой формой экономической интеграции с Россией вели к тому, что даже очевидно взаимовыгодные проекты в области производственной кооперации фактически блокировались на правительственном уровне. В какой-то степени это компенсировалось ростом российских инвестиций на Украине, однако, кардинально эти инвестиции картину не меняли. Наконец, «газовый вопрос» стал ареной уже открытого экономического противостояния на государственном уровне. В очередной раз киевское руководство предпочло экономическую борьбу экономическому сотрудничеству. Автор этих строк не хотел бы углубляться в политические оценки, но детальный анализ экономических контактов России и Украины в 1991—2008 гг. не позволяет рассматривать события, начавшиеся на Украине в 2014 г., как случайную флуктуацию — очевидно, что в данном случае речь идёт о закономерном завершении длительного процесса, начавшегося едва ли не с момента распада СССР.

Библиография

- Белоблюцкий Н.* Динамичные украинско-российские экономические связи — основа эффективности СНГ. // Проблемы теории и практики управления. 2002. № 4. С. 8—13.
- Блинов А.О., Сидорова А.В.* Внешнеэкономическое сотрудничество России и Украины на современном этапе // ЭКО. 2009. № 12. С. 122—131.
- Вардомский Л.Б.* Взаимные экономические связи в контексте модернизации экономики России и Украины. // Економіка і прогнозування. Київ. 2009. № 1. С. 77—89.
- Вардомский Л.В., Пылин А.В.* Экономический кризис в Украине: причины глубокого спада и особенности антикризисной политики // Мировой финансовый кризис в постсоветских странах: национальные особенности и экономические последствия. М., 2009. С. 192—209.
- Вашанов В.* Экономические отношения России и Украины: оценка и прогноз // Информационно-аналитический бюллетень № 2 (10): Актуальные проблемы экономического взаимодействия России и Украины: способы гармонизации интересов. 2007. С. 60—67.
- Вашанов В.А., Бровчук Г.Ю.* Экономическое сотрудничество России и Украины. М., 2004.
- Губарев В.А.* Авиакомплексы России и Украины: состояние, взаимодействие и перспективы развития // Промышленная политика России и Украины в условиях перехода к инновационной модели развития. М., 2003. С. 181—218.
- Дошаев Р.М.* Единое экономическое пространство — форма интеграции в условиях рынка. М., 2005.
- Егоров И.Ю.* Динамика структурных изменений и технологический прогресс в украинской экономике // Промышленная политика России и Украины в условиях перехода к инновационной модели развития. М., 2003. С. 12—23.
- Епифанов А.А.* Российско-Украинские экономические взаимоотношения // Экономический вестник. 2001. № 4. С. 51—58.
- Запатрина И.* Формирование национальных проектов: зарубежный опыт и возможности для Украины // Экономика Украины. 2008. № 1. С. 72—83.
- Иванова Е.* Газовая промышленность // Коммерсант-Власть. № 47 (449). 27.11.2001. Приводится по сетевой публикации (URL: <http://www.kommersant.ru/doc/295883>).
- Клюшкова Е.А.* Проблемы и перспективы инвестиционного сотрудничества России и Украины // ЭКО. 2006. № 11. С. 99—114.
- Крамник И.* Украинская НИТКА: о вреде погони за несколькими зайцами. (URL: http://russianscouncil.ru/inner/?id_4=1305#top).
- Кобьянская Л.* Экономические отношения России и Украины // Экономист. 2008. № 11. С. 60—68.
- Косикова Л.С.* Производственное сотрудничество России с Украиной: тенденции и противоречия // Российский экономический журнал. 2002. № 2. С. 70—86.
- Косикова Л.С.* Технологическая модель сотрудничества России с Украиной: возможности и ограничения // Промышленная политика России и Украины в условиях перехода к инновационной модели развития. М., 2003. С. 220—243.

- Манцев Д.* За стратегию экономического реализма в межреспубликанских отношениях // Российский экономический журнал. М., 1992. № 10. С. 13—25.
- Мухин М.Ю.* Торговые контакты России и Украины в 1991—2008 гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2014/15. М., 2016. С. 533—581.
- Ольшевский В.* Проблемы кооперации оборонной промышленности Украины и России // Экономика Украины. Киев, 2001. № 5. С. 25—29.
- Паршиков А.М., Бакуменко В.В.* Инвестиционные связи между Россией и Украиной в области энергетики // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2001. № 4. С. 58—60.
- Романенко В.* Машиностроение Украины и России: проблемы и пути сотрудничества // Экономист. М., 2001. № 10. С. 66—68.
- Сквajiна стабильности: Российский нефтяной фактор на нефтяном рынке. М., 2013.
- Солодов С., Шаренко С.* Осенний парадокс // Бизнес. 2000. № 51. С. 105—109.
- Файзулаев Д.А.* Российско-украинский газовый «тяги-толкай» // ЭКО. 2005. № 11. С. 73—87.
- Федулова Л.И.* Состояние и перспективы инновационно-технологического взаимодействия Украины и России: потенциал Украины // Проблемы прогнозирования. 2009. № 4. С. 127—148.
- Экономика и связи с Россией / Совет по внешней политике при Ком. Госдумы по международным делам и др. Т. 2. М., 2003.
- Цветков В.* Россия и Украина: перспективы сотрудничества // Общество и экономика. 2009. № 3. С. 73—81.
- Цветков В., Чернышев С.* Проблемы и перспективы российско-украинского сотрудничества. // Вестник института экономики РАН. 2009. № 4. С. 143—159.
- Юданов Ю.* Восточноевропейский регион СНГ: поиск новых концепций «благоприятности инвестиционного климата» // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 10. С. 64—65.

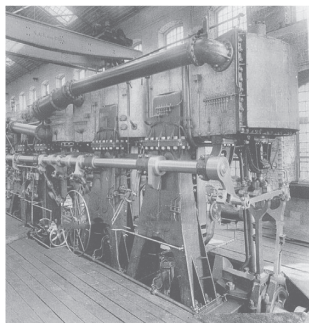
Примечания

- ¹ Подробнее на эту тему см.: *Егоров И.Ю.* Динамика структурных изменений и технологический прогресс в украинской экономике. // Промышленная политика России и Украины в условиях перехода к инновационной модели развития. М., 2003. С. 40.; *Манцев Д.* За стратегию экономического реализма в межреспубликанских отношениях. // Российский экономический журнал. М., 1992. № 10. С. 14.
- ² *Мухин М.Ю.* Торговые контакты России и Украины в 1991—2008 гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2014/15. М., 2016. С. 533—581.
- ³ *Вашанов В.А., Бровчук Г.Ю.* Экономическое сотрудничество России и Украины. М., 2004. С. 57.
- ⁴ Там же. С. 59.
- ⁵ *Блинов А.О., Сидорова А.В.* Внешнеэкономическое сотрудничество России и Украины на современном этапе. // ЭКО. 2009. № 12. С. 122.
- ⁶ *Вашанов В.А., Бровчук Г.Ю.* Указ. соч. С. 77.
- ⁷ Там же. С. 78—79.
- ⁸ Там же. С. 66—68.
- ⁹ Там же. С. 69.
- ¹⁰ *Вашанов В.А., Бровчук Г.Ю.* Указ. соч. С. 28.
- ¹¹ Там же. С. 86.
- ¹² Там же. С. 54.
- ¹³ Там же. С. 56.
- ¹⁴ Там же. С. 50.
- ¹⁵ *Кобылянская Л.* Экономические отношения России и Украины // Экономист. 2008. № 11. С. 62.
- ¹⁶ *Егоров И.Ю.* Указ. соч. С. 16.
- ¹⁷ *Блинов А.О., Сидорова А.В.* Указ. соч. С. 123.
- ¹⁸ *Егоров И.Ю.* Указ. соч. С. 40.
- ¹⁹ Там же. С. 53.
- ²⁰ *Вашанов В.А., Бровчук Г.Ю.* Указ. соч. С. 32.
- ²¹ Там же. С. 131.
- ²² Там же. С. 132.
- ²³ Там же. С. 31.
- ²⁴ Там же. С. 32.
- ²⁵ Там же. С. 34.
- ²⁶ Там же. С. 35.

- ²⁷ В скобках приводятся даты подписания межправительственного соглашения о создании конкретной ФПП, а не начала её функционирования на деле.
- ²⁸ *Вашанов В.А., Бровчук Г.Ю.* Указ. соч. С. 132.
- ²⁹ Там же. С. 136.
- ³⁰ Там же. С. 136.
- ³¹ Там же. С. 137.
- ³² *Епифанов А.А.* Российско-Украинские экономические взаимоотношения // Экономический вестник. 2001. № 4. С. 52.
- ³³ *Вашанов В.* Экономические отношения России и Украины: оценка и прогноз // Информационно-аналитический бюллетень № 2 (10): Актуальные проблемы экономического взаимодействия России и Украины: способы гармонизации интересов. 2007. С. 61.
- ³⁴ *Романенко В.* Машиностроение Украины и России: проблемы и пути сотрудничества // Экономист. М., 2001. № 10. С. 66.
- ³⁵ *Вашанов В.А., Бровчук Г.Ю.* Указ. соч. С. 95.
- ³⁶ *Косикова Л.С.* Технологическая модель сотрудничества России с Украиной: возможности и ограничения. С. 79.
- ³⁷ *Вашанов В.А., Бровчук Г.Ю.* Указ. соч. С. 97.
- ³⁸ *Косикова Л.С.* Производственное сотрудничество России с Украиной: тенденции и противоречия. С. 81.
- ³⁹ *Косикова Л.С.* Технологическая модель сотрудничества России с Украиной: возможности и ограничения. С. 225.
- ⁴⁰ Там же. С. 226.
- ⁴¹ *Вашанов В.А., Бровчук Г.Ю.* Указ. соч. С. 39.
- ⁴² Там же. С. 99.
- ⁴³ Там же. С. 234.
- ⁴⁴ *Ольшевский В.* Проблемы кооперации оборонной промышленности Украины и России // Экономика Украины. Киев, 2001. № 5. С. 25.
- ⁴⁵ Там же. С. 8.
- ⁴⁶ *Вашанов В.А., Бровчук Г.Ю.* Указ. соч. С. 101.
- ⁴⁷ *Косикова Л.С.* Технологическая модель сотрудничества России с Украиной: возможности и ограничения. С. 224.
- ⁴⁸ *Косикова Л.С.* Производственное сотрудничество России с Украиной: тенденции и противоречия. С. 77.
- ⁴⁹ *Вашанов В.А., Бровчук Г.Ю.* Указ. соч. С. 100.
- ⁵⁰ Там же. С. 118.
- ⁵¹ Там же. С. 212.
- ⁵² Российский авиазавод, расположен в Самаре.
- ⁵³ *Губарев В.А.* Авиакомплексы России и Украины: состояние, взаимодействие и перспективы развития // Промышленная политика России и Украины в условиях перехода к инновационной модели развития. М., 2003. С. 213.
- ⁵⁴ Там же. С. 214.
- ⁵⁵ *Косикова Л.С.* Производственное сотрудничество России с Украиной: тенденции и противоречия. С. 76.
- ⁵⁶ *Косикова Л.С.* Технологическая модель сотрудничества России с Украиной: возможности и ограничения. С. 230.
- ⁵⁷ *Крамник И.* Украинская НИТКА: о вреде погони за несколькими зайцами. (http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1305#top)
- ⁵⁸ *Клюшкова Е.А.* Проблемы и перспективы инвестиционного сотрудничества России и Украины // ЭКО. 2006. № 11. С. 99.
- ⁵⁹ *Косикова Л.С.* Производственное сотрудничество России с Украиной: тенденции и противоречия. С. 79.
- ⁶⁰ *Косикова Л.С.* Технологическая модель сотрудничества России с Украиной: возможности и ограничения. С. 235.
- ⁶¹ *Дошаев Р.М.* Единое экономическое пространство — форма интеграции в условиях рынка. М., 2005. С. 190.
- ⁶² Там же. С. 192.
- ⁶³ *Паршиков А.М., Бакуменко В.В.* Инвестиционные связи между Россией и Украиной в области энергетики. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2001. № 4. С. 59.
- ⁶⁴ *Солодов С., Шаренко С.* Осенний парадокс // Бизнес. 2000. № 51. С. 109.
- ⁶⁵ *Паршиков А.М., Бакуменко В.В.* Указ. соч. С. 59.

- ⁶⁶ Там же. С. 110.
- ⁶⁷ *Белоблоцкий Н.* Динамичные украинско-российские экономические связи — основа эффективности СНГ // Проблемы теории и практики управления. 2002. № 4. С. 12.
- ⁶⁸ Там же. С. 101.
- ⁶⁹ Там же. С. 102.
- ⁷⁰ *Вардомский Л.Б.* Взаимные экономические связи в контексте модернизации экономики России и Украины. // Экономика і прогнозування. Київ. 2009. № 1. С. 101.
- ⁷¹ Там же. С. 82.
- ⁷² *Цветков В.* Россия и Украина: перспективы сотрудничества // Общество и экономика. 2009. № 3. С. 76.
- ⁷³ *Федулова Л.И.* Состояние и перспективы инновационно-технологического взаимодействия Украины и России: потенциал Украины // Проблемы прогнозирования. 2009. № 4. С. 139.
- ⁷⁴ Там же. С. 80.
- ⁷⁵ *Вашанов В.А., Бровчук Г.Ю.* Указ. соч. С. 127.
- ⁷⁶ Экономика и связи с Россией / Совет по внешней политике при Ком. Госдумы по междунар. делам и др. Т. 2. М., 2003. С. 37.
- ⁷⁷ *Вардомский Л.Б.* Указ. соч. С. 82.
- ⁷⁸ *Клюшкова Е.А.* Указ. соч. С. 104.
- ⁷⁹ Там же. С. 105.
- ⁸⁰ Там же. С. 106.
- ⁸¹ *Кобьянская Л.* Указ. соч. С. 64.
- ⁸² *Вашанов В.А., Бровчук Г.Ю.* Указ. соч. С. 90.
- ⁸³ Там же. С. 92.
- ⁸⁴ Ввиду исчисления ПИИ на начало года, абсолютные цифры в данной таблице несколько отличаются от приведённых выше.
- ⁸⁵ *Вардомский Л.Б.* Указ. соч. С. 127.
- ⁸⁶ Там же. С. 128.
- ⁸⁷ *Цветков В.* Указ. соч. С. 76.
- ⁸⁸ *Цветков В., Чернышев С.* Проблемы и перспективы российско-украинского сотрудничества // Вестник института экономики РАН. 2009. № 4. С. 154.
- ⁸⁹ Там же. С. 155.
- ⁹⁰ *Вардомский Л.Б.* Взаимные экономические связи в контексте модернизации экономики России и Украины. // Экономика і прогнозування. 2009. № 1. С. 83.
- ⁹¹ *Цветков В., Чернышев С.* Указ. соч. С. 154.
- ⁹² *Файзулаев Д.А.* Российско-украинский газовый «тяги-толкай» // ЭКО. 2005. № 11. С. 73.
- ⁹³ *Косикова Л.С.* Технологическая модель сотрудничества России с Украиной: возможности и ограничения. С. 223.
- ⁹⁴ *Иванова Е.* Газовая промышленность // Коммерсант-Власть. № 47 (449). 27.11.2001. Приводится по сетевой публикации (URL: <http://www.kommersant.ru/doc/295883>).
- ⁹⁵ *Юданов Ю.* Восточноевропейский регион СНГ: поиск новых концепций «благоприятности инвестиционного климата» // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 10. С. 64.
- ⁹⁶ *Вашанов В.А., Бровчук Г.Ю.* Указ. соч. С. 87.
- ⁹⁷ Там же. С. 109.
- ⁹⁸ *Файзулаев Д.А.* Указ. соч. С. 77.
- ⁹⁹ Там же. С. 80.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 81.
- ¹⁰¹ Там же. С. 73.
- ¹⁰² На тот момент российская СПРН, оставшаяся в наследство от СССР, базировалась на радиолокационные станции, расположенные ещё с советских времён на территории бывших союзных республик, что ставило РФ в определённую зависимость от соседей ещё и в плане обороноспособности.
- ¹⁰³ На тот момент — 65 долл. за тысячу кубометров.
- ¹⁰⁴ Только на 2009 г.
- ¹⁰⁵ *Блинов А.О., Сидорова А.В.* Указ. соч. С. 128.
- ¹⁰⁶ *Вардомский Л.В., Пылин А.В.* Экономический кризис в Украине: причины глубокого спада и особенности антикризисной политики // Мировой финансовый кризис в постсоветских странах: национальные особенности и экономические последствия. М., 2009. С. 298—299.
- ¹⁰⁷ Скважина стабильности: Российский нефтяной фактор на нефтяном рынке. М., 2013. С. 36.

Экономическая МЫСЛЬ

Кузнецов И.А.*

Аграрный вопрос и аграрная политика Н.Д. Кондратьева

Аннотация: В статье рассматриваются работы всемирно известного экономиста Н.Д. Кондратьева по аграрному вопросу и теории аграрно-экономической политики, написанные с 1917 г. до второй половины 1920-х гг. Выявляется важная роль аграрного вопроса в научной, политической и личной судьбе ученого, который не был специалистом-аграрником. Фиксируются изменения его экономических взглядов в разные периоды творчества: в период революции, во Временном правительстве, в оппозиции большевикам, в качестве правительственного эксперта («системного либерала») эпохи НЭПа. Эволюция его экономического мышления прослеживается в использовании основных категорий экономического анализа: «земельная рента», «капитал» и др. Обосновывается тезис о том, что эта эволюция вела от народнической социалистической аграрной утопии к рациональной экономической теории и либеральной программе экономической политики. Ставится вопрос о возможностях реализации рыночной экспорт-ориентированной аграрной политики в условиях НЭПа как альтернативы сталинской коллективизации.

Статья посвящается 125-летию со дня рождения ученого.

Ключевые слова: история экономической мысли, Н.Д. Кондратьев, аграрный вопрос, аграрная политика, народничество, новая экономическая политика.

Николай Дмитриевич Кондратьев (1892—1938) не был экономистом-аграрником, его вклад в экономическую науку гораздо более широк и значителен. Однако работы по вопросам аграрной политики и планирования сельского хозяйства составляют важную часть его научного наследия, и именно они предопределили его трагическую судьбу. Как справедливо отметил П.Н. Ключкин, «в глазах власти и лично Сталина он предстал именно как ведущий теоретик сельского хозяйства, а не больших циклов конъюнктуры»¹. В большевистских правительственных кругах периода НЭПа Кондратьев часто отстаивал наиболее либеральные варианты экономической политики из числа обсуждавшихся. Для марксистов он был «буржуазным» экономистом; сегодня такого человека, вероятно, назвали бы «системным либералом». Хотя биография ученого не раз становилась предметом исследования, и его основные труды неоднократно переизданы, представляется, что процесс формирования его экономического мышления изучен недостаточно. Взгляды Кондратьева во многих современных работах представляются статичными, между тем они развивались в течение всей его творческой жизни. Как и в первых публикациях периода «перестройки», его позицию в аграрном вопросе до сих пор нередко сводят к одноименной брошюре 1917 г. и сближают со взглядами А.В. Чаянова², что, конечно, не верно. Они были близки в период революции, поскольку стояли на одной и той же народнической идейной платформе, но в 1920-е гг. разошлись кардинально. Либерализм не был изначально присущ Кондратьеву, он явился результатом сложной эволюции его

* Кузнецов Игорь Анатольевич — кандидат исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, repytwd68@mail.ru.

экономического мировоззрения. В данной статье рассматривается эволюция его экономических воззрений в аграрном вопросе.

В биографии Кондратьева есть некоторые особенности, выделяющие его из общего ряда коллег-современников. Во-первых, крестьянское происхождение, что являлось редкостью среди известных российских экономистов и даже экономистов-аграрников, большинство которых происходили из мещанско-купеческих слоев, дворян или духовенства. Споря с большевистским наркомом «от сохи» А.П. Смирновым³, он мог с достоинством ответить: «Я профессор, но тоже от сохи, тоже пахал»⁴. Во-вторых, большинство экономистов-аграрников были выпускниками сельскохозяйственных вузов или Московского университета, где жили сильные традиции народничества. Кондратьев принадлежал к школе Петербургского университета, в котором учился в 1911—1915 гг. В-третьих, многие ученые до революции совмещали академическую карьеру с общественно-политической деятельностью, однако мало кто проделал путь в большую науку из радикальной партийно-революционной среды, как Кондратьев. На этом пути можно наметить ряд этапов.

Социалист-революционер

Кондратьев вступил в партию эсеров уже в 1905 г., 13-тилетним подростком. Будучи семинаристом и студентом, трижды арестовывался за участие в нелегальных кружках и политических акциях. В биографической справке, составленной кем-то из однопартийцев к выборам в Учредительное собрание, о нем писалось: «Можно сказать, что он не знал ни юности, ни юных увлечений — все было убито в упорный труд и общественную деятельность»⁵.

Призвание и страсть политика проявились в нем в полную силу в 1917 г. С первых часов февральских событий он, тогда «аспирант» университета, освобожденный от армии по слабому зрению, находился в Таврическом дворце, где активисты социалистических партий создавали Петроградский совет. Вскоре Кондратьев стал товарищем (заместителем) председателя Государственной продовольственной комиссии, членом Костромского губернского совета крестьянских депутатов, делегатом I Всероссийского съезда советов крестьянских депутатов и членом Исполкома съезда. С лета, когда правительство стали формировать социалисты, он входил в состав Совета Главного земельного комитета, Экономического совета, Общегосударственного продовольственного комитета, был делегатом Государственного Совещания, личным секретарем (помощником) премьер-министра А.Ф. Керенского по вопросам сельского хозяйства. После корниловского мятежа Кондратьев — делегат Демократического Совещания, на котором был избран членом Совета Республики (предпарламента), а в последнем составе Временного правительства занял пост товарища министра продовольствия⁶, став самым молодым членом правительства⁷.

Вряд ли эта головокружительная карьера и, в частности, последнее назначение можно считать признанием личных заслуг Кондратьева, скорее — симптомом слабости государственного аппарата. Л.Н. Юровский в те дни с

сарказмом писал: «Люди старше 30-ти лет все более решительно отменяются современными требованиями жизни, и у товарища министра последней формации лишь при наиболее благоприятных физиологических условиях имеется над верхней губой вполне заметный пушок. /.../ Министры занимаются политикой, для деловой работы у них времени нет. /.../ В годину величайшей разрухи Россией стали управлять мальчики и уездные земские работники...»⁸. Здесь явно читается намек на первую большую печатную работу Кондратьева — монографию об истории деятельности Кинешемского уездного земства, написанную еще студентом⁹.

Экономическую программу молодого политика периода революции характеризуют статьи в эсеровской газете «Дело народа». Их лейтмотив прост: мировая война подорвала рынок и конкуренцию — эти основы «свободно-менового строя», лишив его регулирующей силы. Необходима новая экономическая модель, центральным элементом которой виделась «регулирующая деятельность государства». Кондратьев пропагандировал государственную хлебную монополию, объявленную Временным правительством, и призывал к расширению государственного вмешательства: «...Регулирующая деятельность государства в настоящее время должна простираться не только на распределение, но и на обмен и производство продуктов, — писал он в марте 1917 г., — ... Государству необходимо установить и постепенно расширить свое регулирующее влияние также и в области обрабатывающей промышленности. Развитие этой регулировки должно совершаться по направлению к государственным монополиям... Потребление населения должно быть нормировано. Передвижение продуктов по территории государства должно совершаться по заранее выработанному плану перевозок, а распределение — по карточной системе согласно нормам»¹⁰. С этой позиции Кондратьев приветствовал создание в июне Экономического совета при Временном правительстве — нового органа, призванного воплотить в себе «сознательную руководящую волю государственной власти», который задумывался как центральный орган планирования народного хозяйства¹¹. Этатизм, проповедовавшийся Кондратьевым в 1917 г., не был мотивирован исключительными условиями военного времени, но базировался на классической социалистической критике рынка и капитализма. Наиболее отчетливо она была выражена в его статье «Право на землю и право на труд»¹².

Как и эти статьи, его брошюра «Аграрный вопрос: о земле и земельных порядках», в сущности, представляла собой популярное изложение эсеровской партийной программы. В ней выделялись следующие проблемы земельного строя России: 1) малоземелье, 2) техническая отсталость крестьянского хозяйства, 3) нерациональное землепользование, 4) неравномерное расположение крестьянского населения по территории страны, 5) эксплуатация крестьян капиталом и землевладельцами, 6) присвоение ренты землевладельцами. Характерно, что в этом перечне не было проблемы дифференциации крестьянства. Все крестьяне представлялись равно нуждающимися в защите от эксплуатации. Более того, в тексте можно увидеть имплицитное устойчивое противопоставление «крестьянина» «богатому», разбросанное в случайных фразах: «Крестьянин работает на богатых...»; «...и крестьянин идет к богачу или кулаку» (просить в долг)¹³. Обратной стороной этой оппозиции выступает неясное

отождествление «крестьянина» с бедняком. Существует ли, возможен ли богатый крестьянин? Ответ отсутствует, но достаточно очевидно, что в авторском дискурсе эти понятия — «богатый» и «крестьянин» — несовместимы.

Причины главной аграрной проблемы — малоземелья — выводились Кондратьевым из недостатков реформы 1861 г. Отсталость крестьянского хозяйства объяснялась малоземельем же и бедностью. Подчеркивалось: «не потому крестьянство не улучшает хозяйство, что *не хочет* этого, а потому, что *не может* улучшить его»¹⁴. Большая роль в объяснении крестьянской отсталости отводилась тезису о его эксплуатации капиталом: «Капитал давит на крестьянина так же, как и на рабочего, пьет его живые соки и мешает встать на ноги»¹⁵. Все эти пункты были достаточно типичными для народнической литературы конца XIX — начала XX вв. Мысль о том, что не капитал, а его отсутствие мешает крестьянину встать на ноги, в этой парадигме была неуместна.

Решение аграрного вопроса виделось в социализации земли. Кондратьев, как опытный кружковый пропагандист, давал ёмкое разъяснение этого программного для эсеров положения. Собственность на землю должна быть уничтожена, ибо — здесь использовался традиционный аргумент социалистов — «собственность мешает разумному пользованию землей»¹⁶. Вместо нее должно быть «трудовое право на землю», которое представлялось производным от «права на жизнь» и «права на труд». На практике это означало уравнильное землепользование крестьян по потребительной (но не трудовой) норме. По потребительной, так как «целью хозяйственной деятельности является именно удовлетворение потребностей» и «земледелец обрабатывает землю не ради ренты, а ради удовлетворения своих потребностей»¹⁷. Рента, трактуемая Кондратьевым как «нетрудовой доход от земли», «полученный в силу счастливой случайности»¹⁸, равно как и излишки земли, должны облагаться налогом.

Крестьянское трудовое хозяйство представлялось лишенным недостатков капиталистического хозяйства. Его дальнейшей перспективой виделась кооперация: «Со временем мелкие трудовые хозяйства сами собой объединятся в крупные, кооперативные, потому что это выгоднее и удобнее»¹⁹. Именно так, «сами собой». Проблема осуществимости намеченных преобразований у Кондратьева в этот период, по-видимому, не стояла: «Мы не знаем, почему бы нельзя осуществить эти порядки. Если можно устанавливать и уничтожать крепостное право, то почему же нельзя раскрепощать землю и учреждать на ней новые земельные порядки?»²⁰. Руководство мероприятиями по решению аграрного вопроса предполагалось возложить на местные органы государства, земства и органы крестьянского самоуправления.

Хотя проблема расслоения крестьянства в этот период не выделялась у Кондратьева как самостоятельная, вопрос об отношении к предпринимательским хозяйствам в крестьянской среде стоял на повестке дня. По нему Кондратьев сделал доклад («О крупнокрестьянских хозяйствах») в комиссии по подготовке земельной реформы. В нем констатировалось, что помимо двух основных типов хозяйства, трудового и капиталистического, существует еще третий «особый тип» «полутрудового или полукапиталистического». Маркером этого типа считался относительно крупный размер посевной площади при наличии срочного наемного труда. Кондратьев, опираясь на дореволю-

ционную земскую статистику, утверждал, что доля таких хозяйств в России чрезвычайно мала и не растет, а в производственном отношении они не имеют преимуществ перед средними крестьянскими хозяйствами. «Нужно признать, — заключал он, — что полутрудовое хозяйство не является желательным типом хозяйства»²¹. Исходя из этого, предлагалось нацелить экономическую политику на постепенную ликвидацию «крупнокрестьянских хозяйств» путем «финансового обложения».

Таким образом, в выступлениях Кондратьева 1917 г. излагалась эсеровская программа, восходящая к идеям народничества. В практических своих выводах по аграрному вопросу она во многом совпадает с большевистской политикой образца 1920-х гг.: ставка на развитие бедняцко-средняцкого хозяйства с перспективой его кооперирования при одновременном курсе на «ограничение» и постепенное экономическое удушение «кулака». Однако к тому моменту, когда осуществлялась нэповская политика, сам Кондратьев смотрел на аграрный вопрос уже с иной позиции — проблема развития сельского хозяйства стала для него частью более общей проблемы рынка. Как и почему произошел этот сдвиг?

В правительстве и в оппозиции

Став 7 октября 1917 г. заместителем министра продовольствия, Кондратьев впервые взял на себя ответственность за реализацию государственной экономической политики. Той самой политики госрегулирования, госмонополии и государственного распределения, которую он обосновывал в своих выступлениях. Если до революции «распределением» хлеба и других продовольственных продуктов в России занимались рынок и конкуренция, то в 1917 г. эту роль взяло на себя Министерство продовольствия. К осени распад рынка дошел до того, что Министерство продовольствия превратилось в орган, заведующий снабжением и распределением почти всего и вся. Лично Кондратьев возглавлял Управление по снабжению предметами первой необходимости, а последний подписанный им приказ касался снабжения населения нитками и галошами.

После большевистского переворота Министерство продовольствия оказалось уникальным учреждением, которое и не прекращало работу, и не признавало власти Совнаркома. С.Н. Прокопович избежал ареста в момент переворота и возглавил подпольное Временное правительство, Кондратьев исполнял обязанности министра. Почти месяц большевистский Наркомпрод не мог взять под контроль кондратьевское министерство. За это время в Москве прошел Всероссийский продовольственный съезд с участием представителей территорий неподконтрольных большевикам, избравший для руководства всем продовольственным делом страны Совет продовольственных съездов («десятку»). Кондратьев был одним из членов «десятки». Съезд предлагал ленинскому правительству оставить продовольственное дело вне политики и работать совместно, чтобы предотвратить голод. Ленинским ответом стал арест «десятки», после чего Министерство продовольствия все же сдало дела Наркомпроду²².

Последним актом участия Кондратьева в революции стало его избрание депутатом Учредительного собрания, его имя стояло во главе эсеровского списка по Костромской губернии. После разгона Учредительного собрания большевиками Кондратьев отошел от борьбы за власть. Он не участвовал в гражданской войне и не эмигрировал. Он жил в Москве, при поддержке Прокоповича и А.В. Чаянова вошел в руководство кооперативных объединений «Льноцентр» и «Сельскосоюз», начал преподавать в Народном университете им. Шанявского, затем в Кооперативном институте. Вращался в среде бывших активистов демократических партий, ожидавших скорого падения большевиков и группировавшихся в различные нелегальные кружки.

С этой позиции, точнее со стороны оппозиции он имел возможность наблюдать за тем, как большевистское правительство развивало и углубляло намеченный социалистическим Временным правительством курс на замену рынка госрегулированием во всех сферах экономики, как на деле осуществлялась продовольственная монополия и социализация земли.

В 1918 г. в сборниках, издававшихся под эгидой партии эсеров, вышла пара его больших аналитических статей, в которых он резко критиковал мероприятия большевистского правительства, и прогнозировал его скорый крах. При внимательном прочтении в этих статьях заметны некоторые важные подвиги и его собственного экономического мировоззрения.

Статью «Год революции с экономической точки зрения» Кондратьев построил вокруг противоречия, которое он видел между объективными потребностями России и политикой правительства²³. Задача революции ему виделась в подъеме народного хозяйства, относительно слабого до войны и еще больше ослабленного войной. Вместо этого, считал он, политика социалистов во Временном правительстве в соответствии с идеологией и требованиями масс пошла в направлении «справедливого социального распределения» (введение 8 часового рабочего дня, повышения зарплат и т.д.), «ослабляя тем самым идею развития производительных сил». Заметно как, говоря об умеренных социалистах и Временном правительстве, Кондратьев старался все же смягчать формулировки, представляя их деятельность во многом вынужденной и оправданной текущим моментом, чтобы основное острие критики повернуть против большевиков. Большевики, по его мнению, оставили в своей идеологии только идею «перераспределения экономических благ» и вывели на историческую сцену «наиболее отсталые элементы общества»²⁴. Итогом стало еще большее падение производительности труда и ускорение «разложения народного хозяйства». Теперь России, по убеждению Кондратьева, необходимо «национально-хозяйственное возрождение», в центре которого должна стоять идея развития производительных сил. Однако при сохранении у власти большевиков это невозможно, «немыслимо, пока существует... утопическая власть и прodelывает с народным хозяйством самые дикие опыты»²⁵.

Перемена общей точки зрения Кондратьева на экономические вопросы в этой статье выражается не в критике большевиков, а в изменении языка, категориального аппарата, применяемого для анализа экономической реальности. Ключевыми и наиболее часто употребляемыми понятиями в этой статье были уже не «государство» и не черты социального идеала, как в статьях 1917 г., а

«производительные силы», «производительность труда» и «производительность народного хозяйства». Теперь они задавали критерии оценки всех явлений, рассматриваемых автором. Идея-лозунг «развитие (подъем) производительных сил» звучала рефреном и повторялась в тексте 10 раз.

Критика большевистской политики продолжилась в статье с выразительным заголовком «По пути к голоду». Суть авторской позиции сводилась к тому, что «плохо было при Временном правительстве, очень плохо», но при большевиках «дело продовольствия» «совершенно катастрофически катится под гору»²⁶. Выход из ситуации виделся в следующем: «Необходим коренной пересмотр всей экономической и продовольственной политики... Все, что без нужды и цели тормозит самодеятельность народа, его творческий дух предприимчивости необходимо смело и решительно отменить»²⁷. Надо отметить, прежде всего, смелость и решительность самого этого заявления, демонстрирующего, как далеко Кондратьев уже был готов уйти от принципов народнической доктрины, исконно клеймившей «дух предприимчивости» как основу эксплуатации слабых сильными.

Подтверждением наметившейся идейной эволюции Кондратьева служит и его книга, вышедшая в 1922 г.²⁸ Большое эмпирическое исследование, написанное по свежим следам, было посвящено истории хлебного рынка и системы распределения продовольствия в России 1914—1919 гг. Основным выводом явилась в целом негативная оценка роли государственного вмешательства в рыночные процессы. Кондратьев показал, во-первых, взаимосвязанность мер государственного регулирования, когда осуществление одной вызывает необходимость другой, и в итоге рождается целая система, замещающая собой рынок. Во-вторых, он признал, что эта система работает неэффективно: «Идея замены стихийных факторов хозяйственной жизни рациональными неизмеримо труднее при ее осуществлении, чем при ее теоретическом и идеологическом конструировании. Мы видели, что мероприятия регулирования иногда не приводят ни к каким положительным результатам, иногда приводят не к тем результатам, которые ожидалось; и эти неожиданные результаты... отнюдь не могут рассматриваться как показатели успеха регулирования. Прямых показателей положительного воздействия регулирования мы имеем очень немного. /.../ Во всяком случае, существовавшая система регулирования не вывела и не выводила страну из нараставшего продовольственного кризиса»²⁹. По существу, в этих достаточно осторожных словах можно увидеть не только критику большевистского «военного коммунизма», но и отказ Кондратьева от защиты своих собственных позиций периода революции, признание прежних взглядов ошибочными.

Таким образом, работы, написанные Кондратьевым в период «военного коммунизма», демонстрируют сдвиг его экономической позиции от народнического социализма к либерализму. В этом движении он был тогда не одинок. Характерно замечание С.П. Мельгунова, описывавшего участие Кондратьева в собраниях нелегального «Союза возрождения» в 1918—1919 гг.: «Кондратьев информировал нас о точке зрения с.-ров и о настроении в кооперативных кругах (не столько политических, сколько социальных, так как в кооперации значительный отход в массе от социализма)»³⁰.

Думается, именно в этой идейной эволюции, в отходе от социализма, а вовсе не в оппортунизме лежали причины разрыва Кондратьева с партией эсеров, произошедшего в 1919 г. В 1922 г. В.В. Оболенский (Осинский) в письме Сталину давал такую характеристику мировоззрения Кондратьева: «...Из эсеров ушел и в недавней беседе со мной в высшей степени отрицательно отзывался об эсерах, равно об их программе социализации земли, которую назвал “глупостью”»³¹. Следовательно, и «Аграрный вопрос» образца 1917 г. к концу гражданской войны был сдан Кондратьевым в утиль.

Беспартийный специалист

Еще осенью 1918 г. Кондратьев писал своему университетскому учителю А.С. Лаппо-Данилевскому о «желании отдаться научным работам»³². Это желание он и осуществил. Мельгунов на допросах в ЧК позднее подтверждал: «Кондратьев занимался преимущественно наукой (весной 1919 года он сдал магистерский экзамен по политической экономии при Московском университете; летом он занят был обработкой своих лекций “Основы политической экономии” ...)»³³. Летом же 1919 г. по приглашению Чаянова Кондратьев начал работать в Высшем семинарии сельскохозяйственной экономики и политики при Петровской сельскохозяйственной академии, ставшем вскоре Научно-исследовательским институтом. При чаяновском НИИ Кондратьев создал кабинет (бюро) по изучению народнохозяйственных конъюнктур, выросшее в самостоятельный Конъюнктурный институт, который в 1923 г. вошел в структуру Наркомата финансов СССР. На базе своего института Кондратьев развернул работы по изучению текущего состояния рынков и теории экономических циклов, принесшие ему мировую известность³⁴. Параллельно он читал курс сельскохозяйственных рынков на экономическом факультете Петровской — Тимирязевской академии, оформившийся затем в соответствующую кафедру.

Уже в 1920 г. началось тесное взаимодействие Кондратьева с властью, которую он не желал признавать в 1917—1918 гг. Их взаимоотношения оставались сложными. С одной стороны, он привлекался правительственными органами к сотрудничеству в качестве ученого эксперта и охотно шел на него, занимая даже несколько месяцев в 1921—1922 гг. пост начальника Управления сельскохозяйственной экономики и плановых работ Наркомата земледелия³⁵. С другой стороны, он оставался политически неблагонадежным гражданином, над которым постоянно висела угроза репрессий. В августе 1920 г. он проходил обвиняемым по делу «Тактического центра», приговорен к расстрелу, замененному концлагерем, из которого был освобожден по амнистии³⁶. В августе 1922 г. он арестовывался ОГПУ с целью высылки из страны как антисоветский элемент, в списке на высылку его фамилия стояла под номером 33, но был снова отпущен³⁷. В обоих случаях за него ходатайствовали руководители Наркомзема³⁸.

Что толкало его к сотрудничеству с режимом, идеологические основы которого он явно не разделял и на свержение которого еще недавно надеялся? Можно лишь предполагать. Вероятно, в условиях нарастающего в стране голода вновь ожили надежды на возможность внепартийного подхода к решению об-

щегосударственных хозяйственных задач, который руководители «продовольственного дела» предлагали Ленину в 1917 г. Думается, с наступлением НЭПа экономисты должны были питать еще особые надежды на эволюцию режима в связи с восстановлением рыночных отношений. Законы рынка, «свободно-конкурентных меновых отношений» непременно должны были размыть идеологические твердыни коммунизма и диктатуры пролетариата. Вероятно, общее настроение «старых спецов» выразил современник: «Преобладающая масса беспартийных специалистов считала, что... реставрация прежних общественных отношений невозможна и нужно жить и работать в появившемся новом строе с надеждой, что, эволюционируя, он станет более демократическим»³⁹.

Свое новое видение желаемой экономической политики Кондратьев впервые развернуто изложил в докладе на III Всероссийском агрономическом съезде, проходившем в феврале-марте 1922 г.⁴⁰ В нем подводились итоги развития сельского хозяйства перед революцией и перемен, произошедших в результате революции. Теперь главной проблемой сельского хозяйства Кондратьев называл аграрное перенаселение, в основе которого виделась уже не «грабительская» реформа 1861 г., а кризис трехполья и необходимость перехода к «более интенсивному строю хозяйства». После революции «аграрное перенаселение России и ее нищета увеличивается», говорил он. На фоне экономического подъема Америки и Европы положение России «исключительно тяжелое». Поэтому целью аграрной политики должно быть развитие производительных сил. Отсюда вытекали три отправные положения сельскохозяйственной политики⁴¹:

1. «Принцип свободы сельскохозяйственной инициативы и деятельности». Он раскрывался таким образом: «Государство должно отказаться чертить полный план поведения отдельного крестьянина, как хозяина, и затем теми или иными средствами принуждения осуществлять этот план. Необходимо предоставить хозяйству свободу приспособления к условиям существования и рыночным конъюнктурам».

2. «Правовая гарантия сельскохозяйственной инициативы»: «...Пока не будет в стране твердых правовых гарантий и гарантий самих этих гарантий, в виде процессуального права, до тех пор у хозяина не будет достаточной почвы для инициативной напряженной хозяйственной деятельности».

3. Соразмерность «степени обложения сельского хозяйства различными публично-правовыми повинностями» платежеспособности хозяйства. Расчет налогов должен вестись не из потребностей государства, а из возможностей сельского хозяйства.

Сравнивая эти тезисы с выступлениями их автора по «аграрному вопросу» в 1917 г., невозможно не заметить разительного изменения не только повестки дня, но и самого духа авторской позиции. Теперь его лозунги — свобода частной хозяйственной инициативы, правовой строй и ограничение фискальных притязаний государства — совершенно либеральные.

Открытость, с которой они были выражены, может даже показаться странной. В связи с этим надо отметить, что участниками агрономического съезда были преимущественно такие же беспартийные специалисты, бывшие земские агрономы и кооператоры, и Кондратьев выступал перед дружественно

настроенной аудиторией. Текст доклада публиковался в журнале «Вестник сельского хозяйства», имевшем в большевистской среде репутацию чуть ли не контрреволюционного, но в краткий период начала НЭПа цензурные пути были несколько ослаблены. Вспомним, что уже вскоре подобная откровенность чуть не стоила Кондратьеву свободы и Родины...

Практическое участие Кондратьева в разработке курса нэповской аграрной политики проявилось, в основном, в двух аспектах: 1) определение принципов налогообложения крестьянского хозяйства и 2) составление перспективных планов развития сельского хозяйства. Эти работы он выполнял в качестве члена плановой комиссии НКЗ (Земплана) и выступал по этим вопросам в других правительственных органах как докладчик или представитель от Земплана.

Системный либерал эпохи НЭПа

К обсуждению проблемы налогообложения крестьянского хозяйства Кондратьев подключался, как минимум, трижды: в 1921 г., когда перед правительством стояла задача перейти от многочисленных натуральных налогов первого года НЭПа к единообразному продналогу; в 1924 г., когда разрабатывались предложения по единому денежному налогу, шедшему на смену натуральному налогу, и в 1925 г. Во всех случаях он отстаивал три принципиальных положения: 1) налог должен иметь стимулирующее значение: «не должен подрывать мотивов расширения хозяйства», должен «стимулировать развитие и укрепление прогрессивных типов хозяйства», «развитие и укрепление прогрессивных систем хозяйства»⁴²; 2) субъектом налогообложения должен быть «домохозяин-земледелец», а не община; 3) объектом налогообложения — рента.

Разъясняя положение о субъекте налогообложения — отдельном хозяине, Кондратьев в 1921 г. дал замечательный публицистический пассаж против круговой поруки: «Принять принцип круговой поруки — это значит уменьшить чувство индивидуально-хозяйственной ответственности среди масс, это значит выдать премию наименее старательным и энергичным хозяевам и подавить инициативу наиболее инициативных и исправных хозяев. Между тем Россия ни от чего так не страдала и не страдает, как именно от отсутствия инициативы, энергии, хозяйственной заинтересованности массового населения. Россия так долго жила под тяжестью круговой поруки, в ней так слабо развита хозяйствующая личность, что в интересах подъема народного хозяйства было бы большой ошибкой не использовать каждый случай для раскрепощения ее в этом отношении. /.../ Для всякого, кто знаком с историей экономического развития народов, очевидно огромное положительное значение чувства индивидуальной ответственности, инициативности, энергии, когда оно развивается и суммируется в массах. Только на почве значительного развития этих чувств в массах можно построить какой бы то ни было более высокий и культурный режим общественно-экономической жизни»⁴³. Перед нами слова, достойные Витте или Столыпина!

Принцип круговой поруки при НЭПе не использовался. Однако два других предложенных Кондратьевым принципа не нашли практического во-

площения. Хозяйственно-стимулирующая функция налога была подавлена фискальной. Идея рентного налогообложения осталась лишь проектом. Наркомат земледелия всякий раз отклонял рентный принцип как слишком сложный, по выражению наркома Смирнова, «фантастический»⁴⁴. Между тем, проект Кондратьева не предполагал измерять интенсивность отдельных хозяйств, в силу невозможности этой работы, но предлагал статистически учесть уровни средней интенсивности разных районов страны, чтобы назначать порайонные ставки пропорционально рентабельности сельского хозяйства района. В идеале, это должно было стимулировать земледельцев вести хозяйство не ниже определенного уровня интенсивности.

Здесь важно отметить, как изменилось понимание Кондратьевым самой категории земельной ренты. Идея изъятия ренты в пользу общества была у него еще в 1917 г. Однако в 1920-е гг. понятие ренты использовалось им уже не в том социалистическом смысле, который оно имело в его ранней пропагандистской брошюре (нетрудовой доход землевладельца), теперь речь шла о ренте в понимании классической экономической теории — рента как доход земледельческого хозяйства, очищенный от затрат всех видов. На сделанное Кондратьеву в ходе обсуждения его доклада возражение, что в крестьянском хозяйстве в принципе не существует ренты (распространенное в социалистической литературе мнение), он ответил так: «Я должен сказать, что если нет ренты, то сельское хозяйство не восстанавливалось бы, оно не могло бы накапливать, не могло бы увеличивать количество скота, если не из чего увеличивать. Что значит, нет ренты? Значит все, что хозяйство производит, оно затрачивает. Тогда значит нет ренты. /.../ Если бы не было ренты, мы не имели бы роста доходов от сельского хозяйства»⁴⁵. Таким образом, Кондратьев принял категорию ренты в строго экономическом, тюненовском ее значении и отклонял попытки нагрузить ее какими-либо социологическими обременениями.

Примечательно, что в тезисах к заседанию Земплана в 1925 г. Кондратьев писал: «Хотя доход крестьянского хозяйства получается хозяином в нерасчленном виде, тем не менее по своей природе он слагается из заработной платы, процента на капитал, земельной ренты и предпринимательской прибыли»⁴⁶. То есть крестьянское хозяйство описывалось им теперь в категориях классической политэкономии, причем фигурировала не только «рента», но и категория «предпринимательской прибыли». От эсеровско-народнических концепций особой природы крестьянского хозяйства здесь не осталось и следа. Равным образом такой подход несовместим и с чайновской теорией.

С осени 1923 г. Кондратьев в Наркомате земледелия руководил работами по составлению перспективного плана развития сельского хозяйства на 1923/24—1928/29 гг. Первые результаты он доложил на заседании сельскохозяйственной секции Госплана СССР в январе 1924 г.⁴⁷ Доклад вместе с текстом основных положений плана, написанных Н.П. Огановским, был опубликован отдельной книжкой в 1-м выпуске «Трудов Земплана»⁴⁸. Далее, доработанный вариант «основ» плана докладывался Кондратьевым снова в Госплане в июле. Проект получил принципиальное одобрение секции и был опубликован⁴⁹. Параллельно в управлениях Наркомата шла работа над конкретными планами по отраслям сельского и лесного хозяйства. Окончательный вариант, в котором

концептуальные кондратьевские «основы» были увязаны с отраслевыми планами, появился летом 1925 г. Он обсуждался на президиуме Госплана в июле—августе; доклад Кондратьева и бурные прения заняли 4 заседания⁵⁰. «Пятилетка Кондратьева», как стали называть этот проект, явилась первым опытом построения плана развития целой отрасли народного хозяйства, причем отрасли важнейшей⁵¹.

Вообще, идея планового развития народного хозяйства, руководимого не частнохозяйственной стихией рынка, а единой волей «организованного общественного разума» есть идея социалистическая. В либеральном дискурсе она не имеет под собой почвы. Коммунистическое правительство советской России и СССР было одержимо идеей планирования с первых моментов своего существования, видя в ее воплощении одну из своих исторических задач. В годы НЭПа «лихорадка» составления планов, годовых и многолетних, охватила чуть ли не все центральные ведомства, а также республиканские и региональные органы власти. Однако разработка Наркомзема стала одной из немногих полностью законченных и самой серьезной из всех, представленных до того, как вся плановая деятельность была централизована в Госплане СССР.

Не приходится сомневаться, что Кондратьев стремился к этой работе и во многом отдал ей себя. Не было ли это связано с ожившими в нем социалистическими идеалами? Думается, нет, в этой работе скорее реализовались его задатки государственного деятеля. Концепция созданного под его руководством плана, также как и вытекавшая из него программа экономической политики были вполне рыночными, либеральными настолько, насколько это позволяла идеологическая линия коммунистической партии того периода. Разумеется, положений, явно расходящихся с установками советской власти, в этих докладах и разработках искать не стоит, как и ярких авторских фраз, тем более что они являлись плодом коллективного творчества.

Методология «Основ перспективного плана» на всех этапах его разработки сохранялась единой. Это был план-прогноз, который исходил из первичности естественной эволюции народного хозяйства на основе рынка, а сознательное государственное вмешательство предполагал в меру объективных возможностей, с сохранением экономического равновесия. Такая концепция противостояла идее директивного плана, которая владела умами большинства плановиков и «аграрников-марксистов».

Логика плана, предлагавшаяся Кондратьевым, включала пять последовательных элементов: 1) анализ реальной эволюции сельского хозяйства и аграрного рынка за последние десятилетия; 2) оценка выявленных тенденций с точки зрения их прогрессивности; 3) формулирование желательных перспектив дальнейшей эволюции; 4) определение общих параметров экономической политики, необходимой для достижения этих перспектив; 5) определение в этом контексте системы мероприятий Наркомата земледелия. Все эти компоненты были проработаны. Красной нитью плана проходил знакомый тезис: «Верховной задачей развития сельского хозяйства... является задача максимального развития производительных сил этого хозяйства»⁵². Данный тезис служил критерием оценки выявленных эволюционных тенденций и раскрывался в системе мероприятий всей экономической политики государства и, в частности, работы НКЗ.

Экономическая концепция «пяtilетки Кондратьева» заключалась в следующем. Стране необходима индустриализация. Однако народное хозяйство страдает от недостатка капиталов. Устойчивый рост промышленности возможен только на основе накопления капитала, которое совершается в недрах сельского хозяйства, на уровне крестьянских хозяйств. Реализовать это накопление можно посредством развития экспорта сельскохозяйственных товаров, который позволит организовать импорт из-за рубежа средств производства, необходимых индустрии. Следовательно, необходимо стимулирование сельскохозяйственного производства, расширение емкости рынка и более активное включение советского народного хозяйства в мировой рынок. В итоговом докладе Кондратьева это резюмировалось так: «Ставя ставку на повышение удельного веса индустрии,... мы находим, что кратчайший путь к этому лежит в ускоренном темпе развития сельского хозяйства, ибо развитие его есть база для расширения экспорта, для усиления импорта предметов оборудования промышленности, для накопления материальных средств в деревне, для расширения емкости рынка промышленных товаров и для ускорения общего роста народного хозяйства в ближайшее время»⁵³.

Итак, главное звено — ускоренное развитие сельского хозяйства. Оно должно базироваться на крестьянском хозяйстве, сохранение которого предполагалось еще длительной перспективой. Основным стимулирующим средством и, соответственно, основной задачей государственной политики Кондратьеву виделось обеспечение максимально благоприятной рыночной конъюнктуры для сельского хозяйства. Общие контуры экономической политики, в частности, предполагали:

- регулирование рынка и цен таким образом, чтобы в крестьянском хозяйстве совершалось накопление;
- беспошлинный вывоз сельхозпродукции;
- создание системы железнодорожных тарифов, поощряющих экспорт;
- рационализацию «торгового аппарата», как внутри-, так и внешнеторгового, который в данный момент характеризовался как слишком слабый и дорогой;
- создание сети элеваторов, складов, холодильников, бирж и прочей торговой инфраструктуры;
- развитие промышленности по переработке продукции, преимущественно мелких и средних заводов, «приближенных к населению»;
- развитие системы сельскохозяйственного кредита;
- построение налоговой системы на принципах районирования и учета рентабельности крестьянских хозяйств⁵⁴.

В политике поощрения сельского хозяйства и экспорта отводилось важное место и развитию кооперации, как формы организации торговли, кредита, переработки и т.д. Кооперация, разумеется, мыслилась не насаждаемой сверху, а добровольной формой экономической «самодетельности». Важно отметить, что кондратьевский план рыночного экспорто-ориентированного аграрного развития принципиально отличался от чаяновских идей о кооперации, которая должна была базироваться на организационно-производственных особенностях крестьянского хозяйства.

Пятилетний план НКЗ встретил мощную волну критики. Конструктивная критика ряда оппонентов, имевших собственный взгляд на проблемы деревни и пути их решения (П.И. Попов, В.Г. Громан), вылилась в содержательные дискуссии с Кондратьевым. Однако самая ожесточенная критика имела идеологический характер. Ее рупором стала партийная печать и журнал «На аграрном фронте», руководимый Л.Н. Крицманом. «Аграрники-марксисты», во-первых, отвергали методологию генетического планирования и требовали плана-задания. Во-вторых, отвергали аграрный уклон кондратьевской концепции, требуя недвусмысленного приоритета индустрии. В-третьих, предъявляли идеологические претензии: план не ставит цели социалистического преобразования деревни, игнорирует проблему расслоение крестьян и опасность возрождения капитализма, а может быть и усугубляет ее.

В ходе дискуссии в Госплане Кондратьев стойко защищал свои позиции. На его сторону встало и руководство Наркомзема. От нападков в партийной печати план защищал заместитель наркома И.А. Теодорович, который в знак протеста против критики Кондратьева даже вышел из состава редколлегии «На аграрном фронте». Почему? Думается, помимо доверия, которым руководители НКЗ прониклись к Кондратьеву за время совместной работы, играл роль и другой момент — защита ведомственных интересов. Это отчетливо проявилось в выступлении другого заместителя наркома, А.И. Свицерского, дважды бравшего слово для поддержки Кондратьева во время прений в Госплане. «В большинстве органов, которые регулируют народное хозяйство, превалируют интересы индустрии и настолько превалируют, что постоянно приходится долбить в одну точку», — заявил он. Он решительно отверг лозунг «все для индустриализации»: «По этому пути мы не пойдем»⁵⁵. Ведомство земледелия требовало от правительства внимания (и инвестиций) прежде всего к своему объекту — сельскому хозяйству, и кондратьевская концепция первоочередного стимулирования сельского хозяйства вполне отвечала этим интересам. Следовательно «пятилетка Кондратьева» была действительно планом НКЗ, а не личным мнением ученого.

«Пятилетка Кондратьева» как целостная система на практике не осуществлялась. Экономическая политика государства была неподконтрольна наркомату, в котором служил Кондратьев, и эта политика в действительности оказалась далека от предполагавшейся. На протяжении всех 1920-х гг. почти не менялось к лучшему неудовлетворительное положение дел с торговым аппаратом, инфраструктурой, кредитом, переработкой. На иных, чем намечалось планом, началах строилась налоговая политика. Главное же, рыночная конъюнктура оставалась неблагоприятной для сельского хозяйства. Сохранялись «ножницы цен», посредством которых государственная промышленность «стригла» деревню. Поэтому сравнивать намеченные планом Кондратьева показатели с фактическими, конечно, не имеет смысла.

Тем не менее, значение этого плана было велико. Во-первых, он служил ориентиром для составления годовых планов текущей работы НКЗ до 1927/28 г. Во-вторых, он может рассматриваться как образец методологии составления планов в рыночной экономике. В-третьих, предложенная в нем концепция экономической политики важна как альтернатива сталинскому

курсу на ускоренную индустриализацию через коллективизацию. Разумеется, осуществление этой альтернативы было обусловлено многими, прежде всего, политическими факторами, которые в реальности не сложились. Можно лишь предположить, что если бы СССР повел не Сталин, а «правая оппозиция», то экономический курс, вероятнее всего, был бы близок к кондратьевскому.

С точки зрения эволюции экономического мировоззрения самого Кондратьева, его работы по сельскохозяйственной пятилетке интересны в плане того, как изменился смысл и контекст использования категории «капитал». Если в 1917 г. «капитал» для Кондратьева обозначал общественные отношения эксплуатации, то в 1925 г. стал категорией экономического анализа. О том, что «капитал давит на крестьянина, пьет его живые соки» и т.д. было забыто, и причиной отсталости сельского хозяйства России ученый однозначно называл «бедность капиталами», «нищету в отношении капитала»⁵⁶.

Противостояние перелому

До конца 1920-х гг. Кондратьев продолжал отстаивать те позиции по вопросам сельского хозяйства и планирования, которые были заложены в его пятилетнем плане⁵⁷. Если в других экономических вопросах его взгляды развивались, то здесь только наращивалась аргументация.

Из поездки за границу (1924—1925) он вынес убеждение в правильности своей ставки на развитие сельскохозяйственного экспорта. В США, он, по-видимому, был потрясен высоким уровнем сельского хозяйства и эффективностью правительственной аграрной политики, что отразилось в его докладе на коллегии НКЗ⁵⁸. Увиденное в Америке укрепило его уверенность в том, что решение проблемы аграрного перенаселения заключается вовсе не на пути «трудоинтенсификации», а в стимулировании капиталонакопления в крестьянском хозяйстве, общем развитии народного хозяйства и рынка. Его внимание привлек феномен фермерского хозяйства, и в его последующих выступлениях по теме дифференциации крестьянства ведущим мотивом стало указание на техническую отсталость, бедность и «распыленность» нэповского крестьянства. По-видимому, сравнение с Америкой скорректировало критерии, задало иной масштаб оценки экономической мощи хозяйства.

В противоположность своим оппонентам-коммунистам, много писавшим о кулацкой опасности, Кондратьев считал опасным переоценивать роль зажиточных хозяйств. Из выступления 1926 г.: «Чрезвычайно опасной ошибкой является переоценка процесса дифференциации, переоценка значения кулацких слоев деревни. Наше сельское хозяйство в общем еще настолько примитивно и бедно, настолько исчерпывается сплошной однородной необъятной массой распыленных и слабосильных хозяйств, что на основе этой ошибки легко находить кулаков там, где имеет место здоровый, энергичный слой крестьянских хозяйств с наиболее высокой производительностью труда и наиболее быстрым накоплением»⁵⁹. Не останавливался он и перед признанием «положительного значения дифференциации»⁶⁰. Такие речи во второй половине 1920-х гг. действовали на оппонентов как красная тряпка на быка.

Конечно, в позиции Кондратьева можно заметить недосказанность, и его оппоненты были по-своему правы: развитие производительных сил в условиях рынка объективно должно было вести к появлению прогрессирующих хозяйств фермерского типа, с одной стороны, и «лишних» людей, потерявших возможность прибыльно хозяйствовать, с другой. Первые, с точки зрения господствующей идеологии, однозначно считались кулаками, что означало реставрацию капитализма, и было совершенно неприемлемо. Лишние люди должны были уходить из деревни в город, в промышленность, пополняя ряды рабочего класса. Однако именно беднота являлась социальной опорой коммунистической власти в деревне, и размывания этой опоры режим не желал. Поэтому очевидно, что позиция Кондратьева могла быть жизнеспособной в СССР только при условии изменения политического режима.

Выдвигая на передний план тезис «развития производительных сил», Кондратьев, вероятно, желал парализовать контраргументы своих оппонентов-коммунистов, ведь они должны были признавать марксово положение о примате производительных сил в общественном развитии. Однако в идейной атмосфере тех лет этот прием не срабатывал. «...Мы ставим во главу угла не только развитие производительных сил, но и кое-что “другое”: уничтожение частной собственности, уничтожение эксплуатации человека человеком, поднятие благосостояния масс», — разъяснял Г.Е. Зиновьев в 1927 г., разоблачая «кондратьевщину»⁶¹. Идеолог Госплана С.Г. Струмилин в 1928 г. выразился еще яснее: «Ведь мы не мальчики, мы прекрасно понимаем, что если мы идем на социальную революцию, то мы тем самым идем в течение ряда лет на понижение, на разрушение производительных сил... Во имя чего мы это делаем? Во имя социализма»⁶². Таким образом, экономика сознательно приносилась в жертву строительству социализма, и рациональная экономическая аргументация Кондратьева не имела силы в глазах его идейных оппонентов.

Госплан СССР в 1926—1928 гг. готовил первый пятилетний план развития всего народного хозяйства. Он строился на волонтаристской в своей основе идее планирования как социальной инженерии, проповедовавшейся Струмилиным. Кондратьев же упорно продолжал отстаивать идею плана-прогноза, вскрывал необоснованность струмилинских расчетов, ломал голову над методологией экономического предвидения⁶³. Эти работы остались неоконченными. По-видимому, оппонент Кондратьева Крицман был прав, когда говорил, что план-прогноз не может учитывать возможности смены политического курса, перелома всей социальной и экономической политики⁶⁴. Между тем, о необходимости такого перелома только и говорили ортодоксальные большевики в годы НЭПа. Перелом начался с началом первой пятилетки, а в сельском хозяйстве — с началом «сплошной коллективизации».

«Системный либерализм» правительственных экспертов эпохи НЭПа погиб вместе с НЭПом. Кондратьев, как и многие «старые спецы», был арестован летом 1930 г. по обвинению в принадлежности к некоей «Трудовой крестьянской партии». «Кондратьева, Громана и пару-другую мерзавцев нужно обязательно расстрелять», — писал Сталин Молотову осенью того же года⁶⁵. В воспаленном воображении вождя ученый представлялся главарем «ТКП», готовившимся то ли встать во главе правительства в момент интервенции, то ли

совершить государственный переворот в союзе с деятелями «правой оппозиции». Впрочем, в этом отношении Сталин лишь выражал настроения значительной части ортодоксальных большевиков. Так, Крицман после ареста Кондратьева заявлял: «Уже два с половиной года тому назад я в беседе с одним из видных членов нашей партии прямо характеризовал Кондратьева как кандидата в главы контрреволюционного правительства»⁶⁶.

Последние восемь лет жизни Кондратьев провел в тюрьмах (Лубянской, Бутырской, Суздальском политизоляторе), откуда его вывозили только на заседания суда, в тюремную больницу и на расстрельный полигон «Коммунарка». Его имя значилось в одном из последних расстрельных списков «врагов народа», завизированных лично Сталиным и Молотовым в 1938 г.

Обвинение в принадлежности к «ТКП» советская власть долго не желала снимать с Кондратьева. И в новейшей историографии высказывалось мнение, что за этими обвинениями действительно стояла некая организованная оппозиция режиму, объединявшая беспартийных специалистов и правых коммунистов⁶⁷. Как говорил один из следователей, допрашивавший Кондратьева, «но что-то все же было»?⁶⁸

Если бы «что-то» действительно было, это позволяло бы историкам сегодня по-иному оценить историческую роль «системных либералов» того времени. Однако по имеющимся в нашем распоряжении источникам, можно лишь констатировать, что никаких объективных доказательств существования в Советском Союзе «ТКП», как и вообще какой-либо политически организованной оппозиции, чекисты не нашли. Все «признания», вырванные у него на допросах, Кондратьев опроверг в подробном письме, посланном из тюрьмы на имя В.Р. Менжинского и руководителей СССР. Все оппозиции и альтернативы сталинизму, по-видимому, существовали только в области идей.

Ошибся ли Кондратьев?

Опровергая политические обвинения в подготовке переворота, заключенный Кондратьев признал две свои «ошибки»: «не верил в коллективизацию» и «объективно защищал интересы верхних кулацких слоев деревни»⁶⁹. Далее следовало еще одно признание, которое иные историки стесняются воспроизводить, а другие считают его признаком некоего раскаяния Кондратьева: «Я признаю, что мои прежние взгляды до конца опрокинуты жизнью. Равным образом, мне совершенно ясно, что единственный путь строительства социализма лежит через проводимую Советской властью и ВКП(б) под руководством тов. Сталина генеральную линию»⁷⁰. Что это, отказ от своих убеждений и переход на сталинские позиции? Признак духовного надлома, произошедшего с человеком в тюрьме?

Думается, эти признания могли быть вполне искренними и при этом не свидетельствуют о каком-либо «раскаянии» Кондратьева. Что касается последней процитированной фразы, то в устах человека несоциалистических взглядов она звучит не более как констатация, что единственно возможный путь к социализму лежит через насилие. Но в этой фразе, как и во всем кон-

дратьевском письме в целом, нет признания ни правоты, ни необходимости социализма.

Кондратьев, как и почти все российские экономисты его времени, и сотрудничавшие с властью, и находившиеся в эмиграции, не верил в возможность проведения коллективизации. Такую альтернативу НЭПу в 1920-е гг. вообще никто не рассматривал всерьез. Общим для всех специалистов-аграрников, коммунистов и некоммунистов, было представление о предстоящем неопределенно долгом господстве мелкого крестьянского хозяйства и постепенном его кооперировании. Кризис хлебозаготовок, возникший в 1928—1929 гг., и начавшееся насилие над крестьянством большинство наблюдателей сочли ситуацией, чреватой стихийным социальным взрывом. Возврат к политике «военного коммунизма» казался невозможным. И власть, и ее противники ожидали скорее крестьянского восстания или дворцового переворота в Кремле. (Б.Д. Бруцкус в письме Прокоповичу в 1930 г. писал: «Я думаю, что правая оппозиция скоро победит Сталина...»⁷¹) Эмиграция связывала с грядущим провалом сталинского курса большие надежды на изменения в политике. В действительности, как известно, произошло иное. Режим провел коллективизацию и подчинил деревню.

Обещание своим оппонентам-марксистам согласиться с ними, если они докажут свою правоту, Кондратьев давал еще в 1925 г., выступая с заключительным словом после обсуждения доклада о плане: «Вот если вы докажете, что без развития емкости деревенского рынка для промышленности, без широкого сельскохозяйственного экспорта возможен широкий импорт орудий производства и запасных частей для промышленности и ее реорганизации, что без этого импорта мы можем быстро восстановить основной капитал промышленности, что массовый экспорт сельскохозяйственных товаров возможен без быстрого роста сельского хозяйства, тогда я соглашусь с вами»⁷². Сталинская политика коллективизации и принудительного выкачивания ресурсов из деревни действительно доказала казавшееся невозможным: «без развития емкости деревенского рынка для промышленности» оказалось возможным «быстро восстановить основной капитал промышленности», и «массовый экспорт сельскохозяйственных товаров» оказался «возможен без быстрого роста сельского хозяйства». Это было достигнуто ценой массового голода и гибели миллионов крестьян. Не только Кондратьев, никто не предвидел такого. В своем письме из тюрьмы он, по сути, выполнил свое обещание согласиться с оппонентами: «Я признаю, что мои прежние взгляды до конца опрокинуты жизнью». Работая в тюрьме над книгой по теоретической экономике⁷³, Кондратьев, как свидетельствуют его «суздальские письма», больше не касался вопросов сельского хозяйства.

Однако действительно ли он ошибся относительно возможностей коллективизации? Если да, то только в краткосрочной перспективе. Коллективизация не вытекала ни из закономерностей и тенденций аграрной эволюции, ни из интересов большинства крестьян. Она была производной от политического режима, и колхозный строй в итоге пал вместе с режимом. XX век показал, что в долгосрочной перспективе коллективизированное и огосударственное сельское хозяйство не способно ни эффективно организовать производство,

ни удовлетворить потребности общества в продовольствии в достаточном размере, ни тем более придать устойчивость развитию аграрного сектора. Причем не только в СССР, но во всех странах мира, пытавшихся идти тем же путем. В рамках рыночной экономики закономерностью аграрной эволюции, очевидно, является переход от крестьянского хозяйства к фермерскому, предпринимательскому. На базе такого хозяйства может расти и кооперация, и укрупнение производства по мере необходимости в соответствующих отраслях, и политика государственного регулирования и поддержки сельского хозяйства. Крестьяне, не ставшие фермерами, превращаются в горожан. Есть все основания предполагать, что последовательная реализация предложений Кондратьева, заложенных в его «пятилетнем плане», способствовала бы движению СССР именно в таком направлении.

Что касается модели индустриализации, то здесь правота Кондратьева и вовсе очевидна: фактически реализованный, сталинский ее вариант базировался на сельскохозяйственном экспорте и импорте средств производства — в полном соответствии с прогнозом ученого. Другое дело, что этот экспорт был результатом не роста производства, а фискального насилия, которого план Кондратьева позволил бы избежать.

* * *

Итак, отвергнув свои юношеские идеалы, Кондратьев-ученый за десятилетие после революции 1917 г. прошел путь от народнической социалистической аграрной утопии к рациональной экономической теории и либеральной, в своей основе, программе экономической политики. Причем перелом его мировоззрения пришелся, очевидно, на период «военного коммунизма». В этом, как представляется, заключалось основное содержание эволюции его экономического мировоззрения. Кондратьевская концепция аграрной политики, построенная в 1920-е гг. на основе рыночных экономических законов, имела силу лишь в рациональной системе координат и могла работать лишь в определенной институциональной среде. Не вина ученого, что победивший социалистический волюнтаризм уничтожил рынок и вместе с ним само пространство действия законов экономики.

Библиография

- Валентинов Н.В.* Наследники Ленина. М., 1991.
Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989.
Ефимкин А.П. Дважды реабилитированные: Н.Д. Кондратьев, Л.Н. Юровский. М., 1991.
Зиновьев Г.Е. Манифест кулацкой партии // *Большевик.* 1927. № 13. С. 33—47.
Избранные труды Кондратьевского конъюнктурного института / Науч. ред. и сост. П.Н. Клюкин. М., 2010.
Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: Избранные труды. М., 2015.
Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения / Ред. колл. Л.И. Абалкин и др. М.: Экономика, 1993.
Кондратьев Н.Д. К вопросу об особенностях условий развития сельского хозяйства СССР и их значении // *Известия ЦК КПСС.* 1989. № 7. С. 187—210.

- Кондратьев Н.Д.* Основные проблемы экономической статики и динамики: предварительный эскиз. М., 1991.
- Кондратьев Н.Д.* Особое мнение. Избранные произведения в 2-х кн. / Сост. В.В. Симонов. Кн. 1. М., 1993.
- Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики / Отв. ред. Л.И. Абалкин. М.: Экономика, 1989.
- Кондратьев Н.Д.* Развитие хозяйства Кинешемского земства Костромской губернии / Предисл. П.П. Мигулина, под ред. А.И. Буковецкого. Кинешма, 1915.
- Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991.
- Кондратьев Н.Д.* Суздальские письма / Науч. ред. и отв. сост. П. Н. Клюкин. М.: Экономика, 2004.
- Красная книга ВЧК. 2-е изд., уточн. Т. 2. М., 1990.
- Лунден И.Л.* К истории сельскохозяйственного планирования («пятилетка Кондратьева») // Научное наследие Н.Д. Кондратьева и современность. Ч. 1. М., 1991. С. 94—117.
- Николай Дмитриевич Кондратьев. Материалы к библиографии / Сост. К.П. Личко, Н.В. Дунаева, И.Д. Моисеева. М., 2012.
- О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии. М., 1928.
- Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства / Труды Земплана. Вып. 5. М., 1924.
- Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства. Стенограмма обсуждения // Пути сельского хозяйства. 1925. № 5. С. 162—192; 1926. № 1. С. 185—218; № 2. С. 213—228; № 3. С. 120—140.
- Перспективы развития сельского хозяйства СССР / Труды Земплана. Вып. 1. М., 1924.
- Письма Б.Д. Бруцкуса к Е.Н. Кусковой и С.Н. Прокоповичу // Вопросы экономики. 1997. № 11. С. 145—160.
- Савинова Т.А.* Н.Д. Кондратьев и А.В. Чаюнов: линии соприкосновения в науке и в жизни. 1918 — 1922 гг. // Наследие Н.Д. Кондратьева и современность / Под ред. П.Н. Клюкина. СПб., 2014. С. 256—271.
- Шагин Э.М.* Очерки истории России, ее историографии и источниковедения. М., 2008.
- Юровский Л.Н.* Впечатления. Статьи 1916—1918 годов / Сост. А.Ю. Мельников. М., 2010.

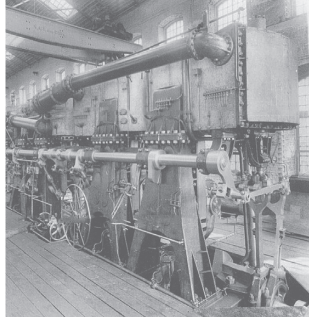
Примечания

- ¹ *Клюкин П.Н.* Конъюнктурный институт в новых исторических координатах // Избранные труды Кондратьевского конъюнктурного института. М., 2010. С. 24.
- ² Николай Дмитриевич Кондратьев. Материалы к библиографии / Сост. К.П. Личко, Н.В. Дунаева, И.Д. Моисеева. М., 2012.
- ³ Нарком земледелия А.П. Смирнов в автобиографии подчеркивал свое крестьянское происхождение и трудное детство: «Когда мне пошел одиннадцатый год,... я был в семье единственный основной работник: пахал, косил...» (Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 676.)
- ⁴ *Кондратьев Н.Д.* Особое мнение. Избранные произведения в 2-х кн. / Сост. В.В. Симонов. Кн. 1. М., 1993. С. 253.
- ⁵ *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 452.
- ⁶ Министр — С.Н. Прокопович.
- ⁷ Биографию и автобиографию Кондратьева см.: Ефимкин А.П. Дважды реабилитированные: Н.Д. Кондратьев, Л.Н. Юровский. М., 1991. С. 43; Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения / Ред. колл. Л.И. Абалкин и др. М., 1993. С. 15.
- ⁸ *Юровский Л.Н.* Впечатления. Статьи 1916—1918 годов / Сост. А.Ю. Мельников. М., 2010. С. 86—88.
- ⁹ *Кондратьев Н.Д.* Развитие хозяйства Кинешемского земства Костромской губернии / Предисл. П.П. Мигулина, под ред. А.И. Буковецкого. Кинешма, 1915.
- ¹⁰ *Кондратьев Н.Д.* Избранные сочинения. С. 311—312.
- ¹¹ Там же. С. 327.

- ¹² Там же. С. 316—318.
- ¹³ *Кондратьев Н.Д.* Особое мнение. Кн. 1. С. 24, 25.
- ¹⁴ Там же. С. 20.
- ¹⁵ Там же. С. 23.
- ¹⁶ Там же. С. 27.
- ¹⁷ Там же. С. 29, 31.
- ¹⁸ Там же. С. 30.
- ¹⁹ Там же. С. 38.
- ²⁰ Там же. С. 34.
- ²¹ Там же. С. 69.
- ²² *Ефимкин А.П.* Указ. соч. С. 49—52.
- ²³ *Кондратьев Н.Д.* Особое мнение. Кн. 1. С. 71—87.
- ²⁴ Там же. С. 83.
- ²⁵ Там же. С. 87.
- ²⁶ Там же. С. 96.
- ²⁷ Там же. С. 98.
- ²⁸ *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов...
- ²⁹ Там же. С. 311—312.
- ³⁰ Красная книга ВЧК. 2-е изд., уточн. Т. 2. М., 1990. С. 296.
- ³¹ *Кондратьев Н.Д.* Суздальские письма / Науч. ред. и отв. сост. П. Н. Клюкин. М., 2004. С. 674.
- ³² *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов... С. 474.
- ³³ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 296. Сдача магистерских экзаменов до революции была необходимым условием для начала преподавательской работы в вузах и открывала путь к защите магистерской диссертации (аналог современной кандидатской). С 1920 г. ученые степени были отменены.
- ³⁴ *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: Избранные труды. М., 2015; Он же. Проблемы экономической динамики. М., 1989; Избранные труды Кондратьевского конъюнктурного института. / Науч. ред. и сост. П.Н. Клюкин. М., 2010 и др.
- ³⁵ *Савинова Т.А.* Н.Д. Кондратьев и А.В. Чайнов: линии соприкосновения в науке и в жизни. 1918 — 1922 гг. // Наследие Н.Д. Кондратьева и современность / Под ред. П.Н. Клюкина. СПб., 2014. С. 264.
- ³⁶ *Ефимкин А.П.* Указ. соч. С. 62—64; *Савинова Т.А.* Указ. соч. С. 270—271.
- ³⁷ *Кондратьев Н.Д.* Суздальские письма. С. 665.
- ³⁸ Одним из ходатаев был И.А. Теодорович. Примечательно, что в 1917 г. в первом составе Совнаркома Теодорович был тем самым наркомом продовольствия, которому так и не удалось взять под контроль кондратьевское Министерство продовольствия.
- ³⁹ *Валентинов Н.В.* Наследники Ленина. М., 1991. С. 135.
- ⁴⁰ *Кондратьев Н.Д.* Особое мнение. Кн. 1. С. 139—173.
- ⁴¹ Там же. С. 166—168.
- ⁴² Там же. С. 106—107.
- ⁴³ Там же. С. 116—117.
- ⁴⁴ *Кондратьев Н.Д.* Избранные сочинения. С. 374.
- ⁴⁵ *Кондратьев Н.Д.* Особое мнение. Кн. 1. С. 255—256.
- ⁴⁶ Там же. Кн. 2. М., 1993. С. 35.
- ⁴⁷ Там же. Кн. 1. С. 295—341.
- ⁴⁸ Перспективы развития сельского хозяйства СССР / Труды Земплана. Вып. 1. М., 1924.
- ⁴⁹ Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства / Труды Земплана. Вып. 5. М., 1924.
- ⁵⁰ *Кондратьев Н.Д.* Особое мнение. Кн. 1. С. 342—400; Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства. Стенограмма обсуждения // Пути сельского хозяйства. 1925. № 5. С. 162—192; 1926. № 1. С. 185—218; № 2. С. 213—228; № 3. С. 120—140.
- ⁵¹ *Лунден И.Л.* К истории сельскохозяйственного планирования («пятилетка Кондратьева») // Научное наследие Н.Д. Кондратьева и современность. Ч. 1. М., 1991. С. 94—117.
- ⁵² Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства. С. 23.
- ⁵³ *Кондратьев Н.Д.* Особое мнение. Кн. 1. С. 350—351.
- ⁵⁴ Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства. С. 47—55.
- ⁵⁵ Пути сельского хозяйства. 1926. № 1. С. 216.
- ⁵⁶ *Кондратьев Н.Д.* Особое мнение. Кн. 1. С. 304.

- ⁵⁷ *Кондратьев Н.Д.* К вопросу об особенностях условий развития сельского хозяйства СССР и их значении // Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 187—210.
- ⁵⁸ *Кондратьев Н.Д.* Особое мнение. Кн. 2. С. 3—34.
- ⁵⁹ Там же. С. 100.
- ⁶⁰ Там же. С. 176.
- ⁶¹ *Зиновьев Г.Е.* Манифест кулацкой партии // Большевик. 1927. № 13. С. 47.
- ⁶² О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии. М., 1928. С. 38.
- ⁶³ *Кондратьев Н.Д.* Особое мнение. Кн. 2. С. 102—149; *Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики. / Отв. ред. Л.И. Абалкин. М., 1989. С. 91—169.
- ⁶⁴ Пути сельского хозяйства. 1925. № 5. С. 184.
- ⁶⁵ *Кондратьев Н.Д.* Суздальские письма. С. 685.
- ⁶⁶ Архив Российской академии наук. Ф. 528. Оп. 1. Д. 265. Л. 7.
- ⁶⁷ *Шагин Э.М.* Очерки истории России, ее историографии и источниковедения. М., 2008. С. 497—509.
- ⁶⁸ *Кондратьев Н.Д.* Суздальские письма. С. 117.
- ⁶⁹ Там же. С. 122.
- ⁷⁰ Там же. С. 123.
- ⁷¹ Письма Б.Д. Бруцкуса к Е.Н. Кусковой и С.Н. Прокоповичу // Вопросы экономики. 1997. № 11. С. 156.
- ⁷² *Кондратьев Н.Д.* Особое мнение. Кн. 1. С. 383.
- ⁷³ *Кондратьев Н.Д.* Основные проблемы экономической статики и динамики: предварительный эскиз. М., 1991.

Научная жизнь

Захаров В.Н.*

Российское общество исследователей экономической истории

Аннотация: Российское общество исследователей экономической истории (РОИЭИ) было создано в 2016 г. по инициативе Научного совета РАН по экономической истории, Института российской истории РАН. В его состав входят более 40 региональных отделений. Основной целью Общества является объединение усилий и координация деятельности историков и экономистов в изучении экономической истории России и всего мира.

Ключевые слова: Российское общество исследователей экономической истории (РОИЭИ), региональные отделения Общества, Международная ассоциация экономической истории, конференции по экономической истории, Международный конгресс по экономической истории в Бостоне (США), столетие Великой российской революции.

Одной из современных форм организации науки является создание различных общественных объединений, включающих всех занимающихся или интересующихся определенной отраслью знаний независимо от их научного статуса, места работы, рода деятельности. Разумеется, ведущая роль в таких организациях принадлежит профессиональным ученым, но открытый характер подобных обществ способствует не только координации специалистов в изучении тех или иных проблем, но и популяризации подлинно научного знания, привлечению к занятию наукой молодежи, укрепления связи науки и практики.

В России существуют давние традиции деятельности общественных научных организаций, первые из них стали создаваться еще во второй половине XVIII века, как Вольное экономическое общество, которое в обновленном виде действует и в настоящее время. Широко известна ныне и деятельность Российского географического общества, основанного в середине XIX в. Традиции Императорского Русского исторического общества продолжает сейчас Российское историческое общество. В разное время возникли организации, объединяющие специалистов уже в отдельных областях исторической науки: археологов, военных историков, генеалогов и др. В области смежных гуманитарных наук действуют общества философов, политологов.

Совершенно очевидно, что и те, кто занимаются в России экономической историей, также должны иметь свою национальную организацию. Тем более, подобные объединения существуют практически во всех странах, где ведутся исследования в этой области. Они входят в Международную ассоциацию экономической истории (ИЕНА), которая раз в три года организует международные конгрессы. Российские историки регулярно участвуют в этих наиболее масштабных научных форумах по экономической истории, но до сих пор не имеют представительства в лице национальной научной организации соот-

* Захаров Виктор Николаевич — доктор исторических наук, заместитель директора Института российской истории РАН.

ветствующего профиля. Необходимость создания такой организации была в полной мере осознана Научным советом РАН по экономической истории, по инициативе которого были предприняты необходимые действия.

Эти усилия завершились в 2016 г., когда Министерством юстиции РФ было официально зарегистрировано Российское общество исследователей экономической истории (РОИЭИ). Основу его организационной структуры составляют региональные отделения в субъектах Российской Федерации. Всего к моменту регистрации РОИЭИ было образовано 44 таких отделения, которые действуют и в настоящее время. Общество с полным основанием именуется Российским, поскольку в нем представлено более половины субъектов Российской Федерации.

Заметную активность в период создания Общества проявили историки и экономисты из республик в составе Российской Федерации. Имеются отделения в Башкортостане, Дагестане, Калмыкии, Карелии, Республике Коми, Марий Эл, Мордовии, Татарстане, Удмуртии, Чечне, Чувашии, Якутии-Саха, а также в Ханты-Мансийском автономном округе (Югре) и Чукотском автономном округе. Кроме того, действуют отделения в Москве и Санкт-Петербурге, Алтайском и Краснодарском краях, в ряде областей РФ, а именно в Архангельской, Владимирской, Волгоградской, Иркутской, Калужской, Кировской, Костромской, Курской, Липецкой, Московской, Нижегородской, Новосибирской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Ростовской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Свердловской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Тюменской, Челябинской.

Сформированы и центральные руководящие органы Общества. Председателем Российского общества исследователей экономической истории избран доктор исторических наук, профессор, директор Института российской истории РАН Ю.А. Петров. Большая роль в организации текущей работы Общества, ее планированию принадлежит Правлению. В его состав входят Л.И. Бородкин, член-корреспондент РАН, руководитель Центра экономической истории исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Е.Т. Артемов, доктор исторических наук, директор Института истории и археологии Уральского отделения РАН, Н.М. Арсентьев, член-корреспондент РАН, директор историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, Д.Е. Сорокин, член-корреспондент РАН, проректор Финансового университета при правительстве РФ, Ю.В. Якутин, генеральный директор издательского дома «Экономическая газета».

Основными целями общества, как это зафиксировано в его Уставе, является объединение усилий историков и экономистов в изучении экономической истории, распространение знаний в этой области, накопление и обработка информации, обеспечение доступа к ней всех желающих, организация конференций, научно-популярных лекций, издание книг и журналов, содействие изучению экономической истории в средней и высшей школе путем участия в разработке и экспертизе соответствующих программ и стандартов. Важной задачей Общества является развитие интернациональных связей, участие в работе международных организаций. Общество видит также свою задачу в изучении исторического опыта реализации экономических программ и реформ, вы-

работке необходимых рекомендаций для органов государственной и местной власти, других заинтересованных организаций.

В 2017 г. состоялось несколько заседаний Правления Общества. На одном из них в феврале 2017 г. было принято решение об участии отделений и членов РОИЭИ в мероприятиях, посвященных 100-летию Великой российской революции. В июне того же года обсуждалась международная деятельность РОИЭИ, в результате было направлено официальное письмо в Исполнительный комитет ИЕНА с информацией о создании РОИЭИ как общенациональной организации историков-экономистов России и об участии в Международном конгрессе по экономической истории в Бостоне (США) в 2018 г.

В сотрудничестве с Ассоциацией истории купечества, торговли и таможенного дела РОИЭИ приняло участие в подготовке и проведении IV Международной научной конференции, состоявшейся 28—30 сентября 2017 г. в Нижнем Новгороде. Председатель Ассоциации А.И. Раздорский является также членом бюро Санкт-Петербургского отделения РОИЭИ. Активное участие в организации конференции принимало Нижегородское отделение РОИЭИ и его председатель В.Н. Беляева. Из докладов, представленных на конференции в Нижнем Новгороде, следует отметить выступления Е.С. Кравцовой (Курское отделение), Е.В. Комлевой (Новосибирское отделение), А.С. Соколова (Рязанское отделение). При подведении итогов конференции в Нижнем Новгороде было принято решение о подготовке и проведении в 2020 г. в Новосибирске очередной V конференции при активном участии РОИЭИ и его Новосибирского отделения.

Удалось установить контакты некоторых отделений и членов РОИЭИ с Институтом Петра Великого (г. Санкт-Петербург), которые имели международный характер. В.Н. Захаров (Московское областное отделение) выступил на Международной конференции в Париже (апрель 2017 г.) с докладом о русско-французских экономических связях в начале XVIII века. А.М. Пашков, председатель Карельского республиканского отделения, представил доклад на Международной конференции в Вене, организованной Институтом Петра Великого (октябрь 2017 г.).

Большое значение в деятельности Общества имело участие в мероприятиях, посвященных 100-летию Великой российской революции. В Финансовом университете при Правительстве РФ 4—6 октября 2017 г. состоялась Международная научная конференция «Капитал революций». С докладом на пленарном заседании выступил председатель правления РОИЭИ, директор Института российской истории РАН Ю.А. Петров. Под руководством члена правления РОИЭИ, проректора Финансового университета члена-корреспондента РАН Д.Е. Сорокина работало направление конференции «Экономическое измерение революции», в рамках которого выступили с докладами И.Н. Шапкин (Московское городское отделение), Р.А. Хазиев (председатель отделения в Республике Башкортостан), В.И. Борисов (Смоленское областное отделение).

Одним из наиболее значимых научных мероприятий, посвященных 100-летию российской революции, стала Международная научная конференция «Великая российская революция: 100 лет изучения». Состояние российской экономики накануне и в ходе революционных событий, роль экономическо-

го фактора в развитии революционного кризиса стало одной из основных тем конференции. Этому была посвящена секция «Революция и экономическое положение России», которую возглавили Ю.А. Петров и член правления РОИЭИ, член-корреспондент РАН Л.И. Бородин. Проблемы аграрной истории в период революции в своих докладах на секции осветили В.В. Кондрашин (председатель Пензенского отделения РОИЭИ), председатель Архангельского отделения П.В. Лизунов рассмотрел ситуацию на российских биржах в 1917 г.

Наконец, стоит отметить и участие членов РОИЭИ в Международной научной конференции «Великая российская революция: экономические предпосылки и последствия», которая состоялась в г. Саранске в конце ноября 2017 г., в стенах Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева. Активное участие в ее организации и проведении принял директор Института истории и социологии Н.М. Арсентьев, член правления РОИЭИ и председатель Мордовского республиканского отделения.

Итоги первого года деятельности РОИЭИ и задачи на ближайшие перспективы рассматривались на I конференции Общества, состоявшейся в Москве 4 октября 2017 г. На основании доклада о задачах деятельности организации, с которым выступил председатель РОИЭИ Ю.А. Петров, а также выступлений в прениях представителей Свердловского отделения (Е.Т. Артемов), Челябинского отделения (С.А. Баканов), Новосибирского (А.А. Николаев), Московского городского (С.А. Саломатина, И.Н. Шапкин), Самарского (Н.Ф. Тагирова), отделения в Республике Башкортостан (Р.А. Хазиев) были приняты решения о дальнейшей координации деятельности РОИЭИ с научными учреждениями и университетами, специализирующимися в области экономической истории, о проведении регулярных конференций (не реже одного раза в два года) под эгидой Российского общества исследователей экономической истории, порядке приема новых членов и членских взносах, об участии в работе международных организаций и развитии международных связей.

Summary

Andrey V. Kuzmin

Social and economic history of the Middle Dnieper region (1240—1299)

Summary: The study is devoted to the socio-economic history of the Middle Dnieper Basin (mainly its Left Bank) in 1240—1299. In the middle - the second half of the XIII century during the period of establishment of the Horde yoke, the financial position of its inhabitants in comparison with other regions of Southern Russia turned out to be the least profitable. The vacuum of political power, which arose because of the lack of permanent representatives of the prince's power in Kiev and the metropolitan who rarely lived here, adversely affected the economy of the city and its suburbs, the market for goods and services. All of that took place against a background of the general crisis of management in agriculture, which gripped many European countries in the 13th century. Undoubtedly, that crisis hit Rus too, and the Mongol invasion of 1237—1242 only exacerbated the situation. For the above-mentioned reasons, the internal market of that area of Rus was adversely affected by the loss of importance of transit trade in the economy of the Middle Dnieper region, the population reduction (especially in cities), the decline of crafts and the enhancing role of natural exchange.

Keywords: Middle Dnieper region, Southern Russia, Kiev principality, Horde, Horde yoke, change of trade routes, slave trade, natural exchange, decline of crafts, husbandry, grain trade, metallurgy, blacksmithing.

Yury P. Golitsyn

Confrontation between Russian nobility and merchantry over «bred wine» production in the 18th century

Summary: For several centuries the bread wine production or distillation was one of the most favored agro-processing sectors in Russia and had an obvious effect on the development of agriculture and manufacturing industry. It was not by chance that the competition for the right of distillation intensified during the period of entrepreneurship boost among the nobility.

By the decrees of 1754—1755 the Empress Elizabeth ordered to destroy distilleries owned by merchants and grant the privileges of bread wine production and supply to the nobility. Such first-rate noblemen as senators P.I. Shuvalov, A.L. Naryshkin, I.Yu. Trubetskoy, A.D. Golitsyn, and I.V. Odoevsky and other «eminent persons» were among those who gained the most from the monopoly of distillation.

The nobility's resentment over certain articles of the Charter on Distillation of 1765 resulted in multiple requests for their amendment or abolishment, which were included in nakazy (instructions) to the Commission on a new Code of Laws (Ulozhenie) of 1767. Merchantry in turn was giving instructions (nakazy) to its own deputies in order to regain the right to wine production. However, those and other demands were ignored. The monopoly of nobility on distillation existed until the reforms of Alexander II to be abolished only in 1863.

Keywords: «bread wine», distillation, entrepreneurship, government policy, dvoryanstvo (nobility), kupchestvo (merchantry), Catherine the Great, Senate, monopoly of nobility.

Mikhail I. Rodnov

Ufa branch of the Volga-Kama Commercial Bank: the beginning of a story (1873—1875)

Summary: The article studies the establishment and the initial phase of activity of the Ufa branch of the Volga-Kama Commercial Bank (1873—1875), which was the first branch of a metropolitan bank in the Southern Urals and served as the main channel for financing the economy of the region by the central government. Already in 1874, the first full year of operation, the branch turnover exceeded 25 million rubles. The article analyzes the branch deposit policy, time, call and current account deposits. The research has shown the prevalence of commercial deposits and identified the largest depositors whose current accounts were replenished for no less than 50 thousand rubles every year.

Keywords: banks of the Russian Empire, the Volga-Kama Bank, deposits, trade, Ufa, Southern Urals.

Yuriy A. Petrov

The international re-insurance market and the economic policy of S.Y. Witte

Summary: The article is dedicated to the history of interaction of the Russian insurance industry with the international insurance market in the context of economic policy carried out by Russia's Minister of Finance S.Y. Witte. In 1895, Witte initiated the establishment of the Joint stock company Russian re-insurance in order to create a counterweight to foreign re-insurance companies and reduce the outflow of capital abroad. However, the economic crisis of the early twentieth century, along with the patriarchal Russian model of insurance business, in which Russian companies preferred small, but reliable profit to a high-yield risk, — while maintaining direct ties with the largest agents of the international insurance market, did not favor a significant reduction in the share of foreign companies in the Russian re-insurance market.

Keywords: reinsurance, Witte, Ministry of Finance, gold standard, balance of payments.

Olga B. Melnichenko

French textile manufacturers: emergence and development of manufacture in Russia and reasons for departure from France (the second half of the 19th century — beginning of the 20th century)

Summary: The article is dedicated to the history of emergence of silk factories in Moscow and Moscow region in the second half of the 19th century and their functioning until 1914. The article shows the reasons why French manufacturers came to Russia; provides a brief overview of the silk industry in Russia and France; analyzes the functioning of three factories, namely «Giraud and sons», «Partnership of silk manufacture in Moscow», «Simonod and Co.» as well as pays attention to the activities of the founders of the aforesaid factories as managers and public figures. The research is based on the documents from the Central State Archive of Moscow, the State Archive of Russian Federation, the Diplomatic Archive of The Ministry of Foreign Affairs of France, the National Archive of France, the Archive of «Credit Agricole» Bank, private archives as well as on Russian and French bibliographic sources.

Keywords: French manufacturers in Russia, silk industry of the 19th century, industrialization of the textile industry.

Galina N. Ulianova

Female entrepreneurs in the Russian Empire in the 1890s: the economic activity, socio-biographical and ethnic parameters

Summary: This article presents a detailed picture of the economic activities of female entrepreneurs, as well as the range of skills implicit in their managerial strategies in the 1890s. It also focuses on the issue of role and influence of female entrepreneurs in the trade and industry in the two capital cities, Moscow and St. Petersburg. In the 1890s, women accounted for 11% of the guild merchantry in Moscow and to 8.7% in St. Petersburg; however, the range of their commercial interests was now much broader than during the previous decades. An analysis of statistics made it possible to reveal a trend towards a decrease of the share of widows in the overall number of female entrepreneurs, coupled with a simultaneous growth in the number and importance of married women and spinsters. This is the evidence of a gradual deterioration of the patriarchal gender roles model. The pursuit of business activity was conducive to financial and legal independence, and so it became one of the channels whereby women were entering the economic and social arena.

Keywords: entrepreneurship, merchants, 19th-Century Russian History, Imperial Russia, Women's History.

Alexander A. Bessolitsyn

The impact of sectoral congresses of entrepreneurs on the human capital quality improvement in Russia at the turn of 19th and 20th centuries

Summary: This article attempts to consider the issue of the human capital quality improvement in the context of economic modernization of the turn of the 19th - 20th centuries using the example of the activity of sectoral congresses of entrepreneurs.

It was the sectoral congresses, which functioned in almost every leading sector of industry and transport, that experienced an extreme lack of highly qualified employees in the environment of the industrial growth. That was the reason why the congresses were not only objectively interested in the formation of the professional education system, mostly of its lower and middle levels, including various commercial courses, trade schools and classes, as well as commercial and technical schools, but they did favor the improvement of quality of specialists training in technical high schools. The article shows various types of support provided to the students of industrial schools by entrepreneurs the main development trends and problems specific to that type of education. The willingness of certain sectoral organizations to shift the burden of financing special schools onto the government hindered development of that sector of education.

Keywords: human capital, economic modernization, industrial education, program of S.Y. Witte, sectoral congresses of entrepreneurs, funding of commercial and technical schools.

Alexei S. Gruzinov

Economic collapse in 1917: the consequence of a long war or a revolution?

Summary: The article provides the analysis of annual dynamics of the key gross indicators of the Russian economy in 1913–1917: gross domestic product / national income, industry (a key sector for the successful mobilization of the economy), and the sources of financing the budget deficit. The article presents different calculations methods in comparative and international perspective.

The research of that issue is instrumental in finding out whether the economic collapse of 1917 was typical for the overall dynamics of the Russian economy during the First world war or rather was it an anomaly caused by revolutionary events and ineffective management of the economic processes by the new «elites» who came to power in February 1917.

Keywords: Revolution, the First world war, economic crisis, gross domestic product, national income, industry, mobilization of the economy, military spending, funding the budget deficit.

Mikhail G. Nikolaev

The nationalization of private banks in the iconography of the revolutionary era (the drawings of the painter I.A. Vladimirov)

Summary: The article focuses on the two unique pencil sketches by artist I.A. Vladimirov made in the Petrograd Trade Bank building (the «Wawelberg Bank») in the period following issuance of the revolution decrees on nationalization of private banks and revision of steel boxes (safes) in December 1917. Besides, it describes a watercolor made after a sketch from life. The author attempts to determine the period of making sketches analyzing the sketches themselves, the artist's background, chronology of the events of the Soviet government in the field of banking.

Keywords: the Petrograd Trade Bank building (the «Wawelberg Bank»), Decree «On revision of steel boxes (safes) at the banks» dated December 14, 1917, by the All-Russian Central Executive Committee, artist I.A. Vladimirov.

Mikhail U. Mukhin

The technical revolution of the mid-1940-ies. A view from the plant level

Summary: Almost immediately after the end of the Second World War, the Soviet Union was forced to enter a new stage of confrontation with the leading countries of the West. This stage is traditionally called the «cold war». In the second half of the 1940s, one of the aspects of the «cold war» was an urgent need for the USSR to provide itself with the latest military equipment and, in particular, jet aircraft. This, in turn, required an overhaul modernization of the whole aviation industry. In fact, it was a large-scale technical revolution of the entire aviation industry. As a rule, these events are considered at the level of the entire industry. By contrast, this article aims at reviewing the process of modernization of the aircraft industry during the first post-war years at a single aircraft factory level. The research focuses on the history of development and serial production of the first Soviet jet fighter I-250. The analysis allows to realize the state of affairs in the Soviet «defense industry» (or at least in the Soviet aircraft construction) of that time, the characteristic difficulties it experienced in 1945–1946, and the conditions that accompanied the development of fundamentally new military equipment by serial defense enterprises.

Keywords: defense industry, conversion, cold war, jet aviation, aircraft construction, aircraft industry, post-war USSR, planned economy.

Stephan Merl

The Soviet economy: a modern assessment

Summary: the article presents the author's interpretation of the outcome of the development of the Soviet economy in the long term. It identifies the reasons for its comparative success for decades and the resulting crash that is due to political rather than economic factors. The author does not share the view that the Stalinist model of the Soviet economy was based on ideology, as in times of crisis the government turned to pragmatism approaches. The arguments are given about the negative consequences for economic growth as a result of the departure from the NEP. The author analyzes the mechanism of functioning of the administrative-command economic system at different levels of management, characterized by «symbiosis» policy and the «shadow» economy. The point of view is supported that the contribution of the forced labor in the industrialization process was insignificant, while it being instrumental in teaching work ethic. In the 1960s, an attempt of reorientation towards the model with higher standard of life and stimulation of labor and simultaneous easing of sanctions demonstrated its weakness, as it did not punish for economic failure, and partly even encouraged him with subsidies. The adaptation of the economic system to new conditions, which occurred in the early 1930s and repeated immediately after Stalin's death, never happened again after the 1960s.

Keywords: NEP, Stalin, the administrative-command economic system, dictator, forced labour, industrialization, agriculture, the «shadow» economy, the collapse of the Soviet economy.

Olga N. Soldatova

Scientific and technical documentation as a source on the economic history of the USSR (based on the materials of the Russian State Archive in Samara)

Summary: The article draws attention to scientific and technical documentation as a historical source, rarely used in scientific research on the history of the Fatherland, including economic history of the USSR, due to the barrier of ignorance of the professional community that exists for a number of objective and subjective reasons.

Before the adoption of the Resolution of the Council of Ministers of the USSR «On the centralization of the storage of scientific and technical documentation and on the organization of its widespread use» in 1964, the main body of documents was stored in departmental stores in various organizations. The resolution significantly intensified the study of scientific and technical documentation, and researchers began tackling the issues of its scientific, technical and historical value, and discussing the necessity of concentrating the documents in state archives.

The article presents a brief overview of the documents of the Russian State Archive in the city of Samar giving an idea of composition and content of its funds and collections, shows possible ways of using the documents as historical sources depending on their type.

Keywords: scientific and technical documentation, project documentation, research documentation, application materials for inventions, the USSR.

Mikhail U. Mukhin

Economic interaction between Russia and Ukraine in the post-Soviet period. Not by trade alone

Summary: The article is devoted to the non-trade aspects of economic cooperation between Russia and Ukraine in 1991–2008. The paper examines the problems of tariff policy elaboration by the two largest European countries of the post-Soviet space as well as their cooperation in the form of production co-operation. In addition, the article highlights the issues of investment of Russian business in Ukraine and Ukrainian business in Russia. The focus of the research is also put on the «gas dispute», given the particular importance of the «gas issue» for Russian-Ukrainian economic ties.

Keywords: tariffs, production cooperation, foreign investment, «gas conflict», economic ties, post-Soviet space.

Igor A. Kuznetsov

The agrarian question and agrarian policy of N.D. Kondratiev

Summary: The article discusses the works of famous economist N.D. Kondratiev on the agrarian question and the theory of agrarian-economic policy written from 1917 until the second half of the 1920s. The author reveals an important role of the agrarian question in the scientific, political and personal life of the scholar, who was not a specialist-agrarian. The article shows the change in his economic views at different activity periods: during the revolution, under the Provisional government, at times of his being in opposition to the Bolsheviks and a government expert («systemny liberal») in an era of the NEP. The evolution of his economic thinking can be traced in the way he used the main categories of economic analysis: «land income», «capital», etc. The paper justifies the thesis that Kondratiev's views evolved from a populist socialist agrarian utopia to a rational economic theory and a liberal program of economic policy. The article tackles the issue of possible implementation of the market-based export-oriented agricultural policies under the NEP as an alternative to Stalin's collectivization.

The article is devoted to the 125th anniversary since the birth of N.D. Kondratiev.

Keywords: the history of economic theory, N.D. Kondratiev, the agrarian question, agricultural policy, populism, the new economic policy.

Victor N. Zakharov

Russian Association for Economic History Research

Summary: Russian Association for Economic History Research (RAEHR) was established in 2016 on the initiative of the Scientific Council of the Russian Academy of Sciences on Economic History, the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. It consists of more than 40 regional branches. The main goal of the Society is to unite efforts and coordinate the activities of historians and economists in researching the economic history of Russia and the world.

Keywords: Russian Association for Economic History Research (RAEHR), Regional Branches of the Association, International Economic History Association, Conferences on Economic History, World Economic History Congress in Boston (USA), Centenary of the Great Russian Revolution.

Содержание

Предисловие	3
Экономика Средневековой Руси	
<i>Кузьмин А.В.</i> Социально-экономическая история Среднего Поднепровья (1240—1299)	7
Экономическая история Российской империи	
<i>Голицын Ю.П.</i> Противостояние дворянства и купечества в вопросе о производстве «хлебного» вина в XVIII в.	67
<i>Роднов М.И.</i> Уфимское отделение Волжско-Камского коммерческого банка: начало истории (1873—1875 гг.)	87
<i>Петров Ю.А.</i> Международный рынок перестрахования и экономическая политика С.Ю. Витте	112
<i>Мельниченко О.Б.</i> Французские текстильные предприниматели: становление и развитие производства в России и причины отъезда из Франции (вторая половина XIX — начало XX вв.)	124
<i>Ульянова Г.Н.</i> Женщины-предприниматели Российской империи в 1890-е гг.: экономическая деятельность, социобиографические и этнические параметры	140
<i>Бессолицын А.А.</i> Влияние отраслевых съездов предпринимателей на повышение качества человеческого капитала в России на рубеже XIX—XX вв.	170
Экономика и Великая российская революция	
<i>Грузинов А.С.</i> Экономический коллапс в 1917 г.: последствие длительной войны или результат революции?	201
<i>Николаев М.Г.</i> Национализация частных банков в иконографии революционной эпохи (рисунки художника И.А. Владимирова)	241
История советской экономики	
<i>Мухин М.Ю.</i> Технический переворот середины 1940-х годов. Взгляд с уровня завода	267
<i>Мерль Ш.</i> Советская экономика: современные оценки	303
<i>Солдатова О.Н.</i> Научно-техническая документация как источник по экономической истории СССР (по материалам Российского государственного архива в г. Самаре) ..	350
Экономика постсоветской России	
<i>Мухин М.Ю.</i> Экономическое взаимодействие России и Украины в постсоветский период. Не торговлей единой	371
Экономическая мысль	
<i>Кузнецов И.А.</i> Аграрный вопрос и аграрная политика Н.Д. Кондратьева	413
Научная жизнь	
<i>Захаров В.Н.</i> Российское общество исследователей экономической истории	437
Summary	441
Содержание	446
Contents	447

Contents

Editorial notes	3
THE ECONOMY OF MEDIEVAL RUSSIA	
<i>Andrey V. Kuzmin</i> . Social and economic history of the Middle Dnieper region (1240–1299) ...	7
ECONOMIC HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE	
<i>Yury P. Golitsyn</i> . Confrontation between Russian nobility and merchantry over «bred wine» production in the 18th century	67
<i>Mikhail I. Rodnov</i> . Ufa branch of the Volga-Kama Commercial Bank: the beginning of a story (1873–1875)	87
<i>Yuriy A. Petrov</i> . The international re-insurance market and the economic policy of S.Y. Witte	112
<i>Olga B. Melnichenko</i> . French textile manufacturers: emergence and development of manufacture in Russia and reasons for departure from France (the second half of the 19th century – beginning of the 20th century)	124
<i>Galina N. Ulianova</i> . Female entrepreneurs in the Russian Empire in the 1890s: the economic activity, socio-biographical and ethnic parameters	140
<i>Alexander A. Bessolitsyn</i> . The impact of sectoral congresses of entrepreneurs on the human capital quality improvement in Russia at the turn of 19th and 20th centuries	170
ECONOMY AND THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION	
<i>Alexei S. Gruzinov</i> . Economic collapse in 1917: the consequence of a long war or a revolution?	201
<i>Mikhail G. Nikolaev</i> . The nationalization of private banks in the iconography of the revolutionary era (the drawings of the painter I.A. Vladimirov)	241
THE HISTORY OF THE SOVIET ECONOMY	
<i>Mikhail U. Mukhin</i> . The technical revolution of the mid-1940-ies. A view from the plant level	267
<i>Stephan Merl</i> . The Soviet economy: a modern assessment	303
<i>Olga N. Soldatova</i> . Scientific and technical documentation as a source on the economic history of the USSR (based on the materials of the Russian State Archive in Samara)	350
THE ECONOMY OF POST-SOVIET RUSSIA	
<i>Mikhail U. Mukhin</i> . Economic interaction between Russia and Ukraine in the post-Soviet period. Not by trade alone	371
ECONOMIC THOUGHT	
<i>Igor A. Kuznetsov</i> . The agrarian question and agrarian policy of N.D. Kondratiev	413
THE SCIENTIFIC LIFE	
<i>Victor N. Zakharov</i> . Russian Association for Economic History Research	437
Summary	441

Научное издание

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ**

Ежегодник. 2016/17

*Утверждено к печати Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук*

Редактор: Л.С. Новоселова-Чурсина
Макет и оформление: Ю.В. Балабанов

Подписано к печати 26.12.2017
Формат 70×100/16. Гарнитура NewtonТТ.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 28. Уч.-изд. л. 35,8.
Тираж 500 экз.
Заказ

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в ООО «КОНСТАНТА»
308519, Белгородская область, Белгородский район, поселок Северный,
ул. Березовая, д. 1/12. Тел.: 8 (4722) 300720. e-mail: mail@konstanta-hrint.ru

